

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1870.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

РЯЗАНСКИЙ
ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТ
им. С. А. ЕСЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
№ 091424

ЧАСТЬ СЛП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Фонд Доча
редких книг

В. Головинъ

Владимирскъ, домъ № 15.

1870.

ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ
СЕРИИ

Поверено

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Замѣчаніе о нашихъ былинахъ М. П. Погодина.

Комическая опера Екатерины II: „Горе-Богатырь“ А. Г. Бриенера.

Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 годъ. (Окончаніе) А. Н. Попова.

Реликвиі Иосафата Кунцевича. Льваря И. Снегорскаго.

Извѣстія о дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Западнорусскія археографическія изданія послѣдняго времени. (Окончаніе). М. О. Кояловича.

Prooemium, quo scholas suas, de Historia Litterarum Romanarum in Caesarea Litterarum Universitate Charcoviensi habendas, aperuit *A. L. Döllen*. Charcoviae. Typis Universitatis Caesareae Charcoviensis. MDCCCLXIX И. Цветаева.

Гимназіи и приготовительная школа въ Германіи. (Окончаніе). Г. Гулевича.

О такъ-называемыхъ историческихъ семинаріяхъ при университетахъ Германіи . . . А. Г. Бриенера.

Лицей Цесаревича Николая. Z.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

} (См. на 3-й стр. обѣртки).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛІІ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЛАДИМИРСКАЯ, ДОМЪ № 15.

1870

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

7. (9-го ноября 1870 года). *Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 1-й гимназій.*

Отставной инженеръ-генераль-лейтенантъ Гернгросъ, по смерти сына своего, воспитанника V класса С.-Петербургской 1-й гимназій, желая сохранить память о покойномъ въ заведеніи, вошелъ съ ходатайствомъ о дозволеніи ему представить капиталъ въ 3.200 руб. на учрежденіе съ процентовъ онаго, въ количествѣ 160 руб., стипендіи въ гимназій и съ наименованіемъ воспитанниковъ, которымъ будетъ производиться эта стипендія, стипендіатами Александра Гернгроса.

При этомъ генераль-лейтенантъ Гернгросъ заявилъ, что онъ желалъ бы, чтобъ изъ означенной суммы 160 руб. прежде всего уплачивались гимназій 40 рублей за право ученія, остальные же 120 рублей выдавались бы стипендіату на обмундировку, покупку учебныхъ книгъ и проч. Въмѣстѣ съ тѣмъ жертвователю просилъ выборъ стипендіата удержать за собою или женой его, съ тѣмъ, чтобы послѣ ихъ обоихъ смерти, право это перешло къ педагогическому совѣту гимназій.

Вслѣдствіе представленія объ этомъ начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ, какъ на принятіе отъ отставнаго инженеръ-генераль-

лейтенанта Геригроса вышеозначеннаго пожертвованія въ 3.200 рублей, такъ и на учрежденіе при С.-Петербургской 1-й гимназіи, на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала, стипендіи имени Александра Геригроса, а равно и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

8. (9-го ноября 1870 года). *Объ учрежденіи стипендій при С.-Петербургской Введенской прогимназіи.*

Въ память чудеснаго спасенія жизни Его Императорскаго Величества отъ бывшаго 4-го апрѣля 1866 года злодѣйскаго покушенія, служащіе въ С.-Петербургскихъ и Кронштадтской гимназіяхъ пожертвовали капиталъ, составляющій нынѣ съ выросшими процентами 869 руб. 46 коп. Капиталъ этотъ заключается въ 5¹/₂% рентѣ въ 1.000 руб., и кромѣ того, имѣется наличными деньгами 24 руб. 55 коп.

По полученіи объ этомъ донесенія отъ начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа и согласно ходатайству онаго, министр народнаго просвѣщенія входилъ къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ помянутаго капитала двухъ стипендій при С.-Петербургской Введенской прогимназіи, съ наименованіемъ ихъ, согласно цѣли пожертвованія, стипендіями въ память 4-го апрѣля 1866 года.

Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше соизволить на удовлетвореніе изъясненнаго ходатайства и вмѣстѣ съ тѣмъ Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвователей.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

9-го ноября 1870 года (№ 17). *Производятся за отличіе: въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники:*

окружный инспекторъ Харьковскаго учебнаго округа Андрей *Дзюба* и ординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета Вильгельмъ *Грубе* и Николай *Лавровский*. Утверждается исправляющій должность окружнаго инспектора Московскаго учебнаго округа, коллежскій ассессоръ *Соковнинъ* — въ сей должности. Назначается инспекторъ Московской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Вейнбергъ* — окружнымъ инспекторомъ Московскаго учебнаго округа. Командируется за границу съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Ценковский*, съ 15-го декабря 1870 года по 1-е марта 1871 года.

III. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

21-го ноября 1870 года (№ 17). Утверждаются: исправляющій должность директора училищъ Смоленской губерніи, статскій совѣтникъ *Лебедевъ* — въ сей должности; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Иштра 2-й* — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета на три года, съ 7-го ноября 1870 года; экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: по кафедрѣ терапевтической госпитальной клиники — докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Андреевъ* и по кафедрѣ астрономіи и геодезіи — докторъ астрономіи *Востокъ* — ординарными профессорами сего университета по занимаемымъ ими кафедрамъ, съ 31-го октября 1870 года; доцентъ Боннскаго университета *Миллеръ* — ординарнымъ профессоромъ римской словесности Императорскаго историко-филологическаго института, съ 7-го ноября 1870 года; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Траутфенгеръ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ спеціальной патологіи и терапіи, съ 31-го октября

1870 года; доцентъ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ русской исторіи *Иконниковъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ русской исторіи, съ 9-го октября 1870 года; доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины *Шереметевскій* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ физиологіи, съ 31-го октября 1870 года. *Назначаются*: преподаватель Московской четвертой гимназій, коллежскій совѣтникъ *Малининъ* — исправляющимъ должность директора училищъ Тульской губерніи, съ 14-го ноября 1870 года; учитель Московской второй женской гимназій, кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Ворошиловъ* — исправляющимъ должность доцента Демидовскаго юридическаго лицея, съ 16-го августа 1870 года. *Перемѣщается*: инспекторъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи, статскій совѣтникъ *Смирновъ* — инспекторомъ народныхъ училищъ Рязанской губерніи. *Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія* членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Симашко*, съ 7-го ноября 1870 года, съ оставленіемъ въ означенной должности. *Оставляется на службѣ на пять лѣтъ*: Минскій директоръ училищъ, статскій совѣтникъ *Богушевскій*, съ 16-го ноября 1870 года. *Продолжается двадцати девяти дневный отпускъ за границу* лектору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскому ассессору *Пинто* — на мѣсяць, по болѣзни. *Увольняются въ отпускъ, за границу*: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Наунинъ*, съ 20-го декабря 1870 года по 12-е января 1871 года; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Мечниковъ* — на двадцать восемь дней. *Увольняются отъ службы*: а) *по прошенію*: исправляющій должность профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Ковальскій*, съ 7-го ноября 1870 года; директоръ училищъ Тульской губерніи, статскій со-

вѣтникъ *Лекторскій*, съ 14-го ноября 1870 года; б) *за выслугою срока*: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бекетовъ*, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный. *Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія*: предсѣдателю Шацкаго уѣзднаго училищнаго совѣта, титулярному совѣтнику *Макалинскому* — за пожертвованія его въ пользу народнаго образованія. *Исключаются изъ списковъ умершіе*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, титулярный совѣтникъ *Хойновскій* и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Уянскій*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіемъ ученаго комитета, утвержденнымъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

1) Журналъ «Дѣтское чтеніе», издаваемый штабсъ-капитаномъ *Острогорскимъ*, одобрить для библиотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ прогимназій и гимназій, а также рекомендовать для чтенія въ семействахъ, съ предложеніемъ однако же г. Острогорскому воспользоваться, при дальнѣйшемъ изданіи своего журнала, сдѣланными ученымъ комитетомъ замѣчаніями.

2) Книгу подъ заглавіемъ: «Отечественная исторія», *С. Рождественскаго*, преподавателя исторіи въ 6-й С.-Петербургской гимназій, училищѣ ордена св. Екатерины и въ морскомъ училищѣ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ второй. (С.-Пб., 1870 года) — рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго руководства.

3) Признать полезнымъ для употребленія въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ сочиненіе «Исторія Еврейскаго народа въ библейскій періодъ, съ приложеніемъ географіи и карты Палестины». Второе, исправленное и дополненное издание. Составилъ Бернардъ *Сегаль*. (Варшава, 1870 года).

Официальныя извѣщенія.

Копія съ циркулярнаго предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 29-го ноября 1870 года за № 285, и. начальникамъ губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія.

Въ послѣднее время до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія дошло, что педагогическіе съѣзды учителей начальныхъ народныхъ училищъ, созываемые по приглашенію земства, бываютъ нерѣдко безъ всякаго разрѣшенія не только со стороны министерства народнаго просвѣщенія, но и вообще мѣстной администраціи. Подобнаго рода съѣзды, безъ строго обдуманной программы и безъ участія и руководства специально подготовленныхъ для этого лицъ, извѣстныхъ министерству народнаго просвѣщенія, не могутъ, по мнѣнію гофмейстера графа Толстаго, достигать научно-педагогическихъ цѣлей, для которыхъ они устроиваются.

Вслѣдствіе этого и въ виду возникшихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ недоразумѣній относительно порядка разрѣшенія этихъ съѣздовъ, министр народнаго просвѣщенія проситъ меня разъяснить, что съѣзды учителей народныхъ училищъ, созываемые земствомъ, могутъ быть допускаемы не иначе, какъ съ вѣдома ближайшаго училищнаго начальства и съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, посредствомъ сношенія губернатора съ попечителемъ учебнаго округа. Засѣданія же съѣздовъ должны происходить подъ непосредственнымъ и ближайшимъ наблюдениемъ инспектора начальныхъ народныхъ училищъ.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для руководства на будущее время и для поставленія объ этомъ въ извѣстность земства ввѣренной вамъ губерніи.

Первый классъ Сумской прогимназіи раздѣленъ на два отдѣленія и въ настоящее время состоитъ въ означенной прогимназіи слѣдующее число учениковъ: въ первомъ отдѣленіи перваго класса 40 человѣкъ, во второмъ отдѣленіи того же класса 40 человѣкъ и во второмъ классѣ 18 человѣкъ, а всего 98 учениковъ.

ЗАМѢЧАНІЕ О НАШИХЪ БЫЛИНАХЪ.

Былины, или пѣсни былевныя, дошли до насъ въ самомъ поврежденномъ видѣ, почти изуродованныя; но основаніе ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ глубокой древности, ко времени главнаго лица, около котораго всѣ онѣ, такъ или иначе, обращаются, — стольнаго князя Кіевскаго Володимера.

Кіевъ, Черниговъ, Волынь, Галичь, Дунай, Днѣпръ — вотъ имена, которыя безпрестанно слышатся въ этихъ пѣсняхъ и показываютъ мѣсто ихъ сочиненія или происхожденія — на югѣ, въ Кіевѣ, въ Кіевской сторонѣ.

Подлинность ихъ доказывается убѣдительно „отъ противнаго“, какъ говорится въ логикѣ.

Объяснимся сперва по вопросу о времени.

Ни къ какому времени, кромѣ Володимерова (всего менѣе послѣ Татаръ), нельзя приурочить наши былины. Послѣ Татаръ другіе предметы возбуждали общее вниманіе: Каменная Москва, Грозный царь, Казань и Астрахань, нашествіе Поляковъ. Замѣтимъ, что даже эти предметы, живо трепетавшіе занимательностію, находили пѣвцевъ относительно меньше, и другаго лада, какъ будто бы источникъ непосредственнаго народнаго вдохновенія оскудѣлъ, хотя и не совсѣмъ изсякнулъ. Какимъ образомъ можно было бы объяснить, въ это новое время, такое обращеніе отъ настоящаго къ давно-прошедшему, которое между тѣмъ почти совсѣмъ уходило изъ памяти? Итакъ, пѣсни не могли быть сочинены послѣ Татаръ, а при Татарахъ еще менѣе: югъ Руси былъ опустошенъ и обезлюдѣлъ; сѣверу было не до пѣсень, когда татарское иго только-что отяготѣло надъ народомъ, и безпрестанные набѣги и наѣзжавшіе баскаки держали населенія въ постоянномъ страхѣ. Обычая, расположенія пѣть надолго не стало. Князья все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ народа; устроивалось особое правительство. Другіе нравы возникали вслѣдствіе государствен-

наго рабства, и если есть пѣсни изъ этого періода, то большею частію подражанія древнимъ или переложенія древнихъ на новый ладъ, прилаживаніе ихъ къ своему времени. Этимъ объясняются всѣ такъ-называемые анахронизмы о Татарахъ, Литвѣ и Полякахъ при Володимирѣ, какими обезобразились дошедшія до насъ былины. Ими всего болѣе подтверждается достоверность и подлинность древнихъ былинъ. Заплаты ясно указываютъ собою, что подъ ними нѣкогда была другая ткань, обветшавшая и утраченная; онѣ указываютъ на древнюю основу, не подходившую подъ обстоятельства современныя, которая и была замѣнена ими.

Какъ ни одно время не подходитъ къ сочиненію нашихъ былинъ, такъ нельзя предположить и ни одной мѣстности, гдѣ онѣ могли бы быть сочинены. Сѣверъ и востокъ Руси при Татарахъ и послѣ Татаръ не имѣли почти никакого отношенія къ югу. Гдѣ тамъ, кому, по какому поводу и съ какою цѣлю пришло бы въ голову поминать тогда Володимера съ Ильею Муромцемъ, Добрынею Никитичемъ, Чурилою Пленковичемъ, Алешею Поповичемъ и прочими Володимировыми богатырями? Откуда взять даже такія имена на Финскомъ востокѣ и сѣверѣ мнимымъ сельскимъ Макферсонамъ? Всѣ собственныя имена былинъ были тамъ, какъ и теперь, почти неизвѣстны, развѣ въ темныхъ преданіяхъ и между богомольцами. Но не были ли былины сочинены на югѣ? На югѣ водворилось, если не образовалось новое общество, съ новымъ нарѣчіемъ, котораго и духа нѣтъ въ древнихъ былинахъ. Тамъ возникли совершенно другія отношенія, и послѣ многихъ лѣтъ безмолвія раздалась новыя пѣсни, не имѣющія ничего общаго съ древними.

Кромѣ времени и мѣста, остается еще вопросъ о самомъ сочиненіи: кому можно приписать сочиненіе этихъ пѣсенъ, одному лицу или многимъ? Одному лицу приписать ихъ нельзя, потому что въ былинахъ встрѣчаются различныя и противорѣчивыя между собою показанія: былины должны быть сочинены многими лицами; эти многіе должны жить въ одно время, ибо всѣ ихъ сочиненія обращаются около однихъ и тѣхъ же лицъ и имѣютъ средоточіемъ одно и то же мѣсто.

Сочинителей, подходящихъ подъ эти условія, знакомыхъ съ данными лицами и мѣстами, и вообразить нѣтъ возможности ¹⁾. Если

¹⁾ Надобно имѣть въ виду и тѣ обстоятельства, при которыхъ древнія былины сдѣлались извѣстными: о нихъ нѣтъ у насъ и не думая до нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири, на Демидовскихъ заводахъ, записалъ ихъ кто-то, и сли-

же нельзя приискать сочинителей, если нельзя съ какою-нибудь вѣроятностію указать ни на время, ни на мѣсто сочиненія, то остается во всей силѣ первое мнѣніе, что былины сочинены въ Кіевской странѣ, народомъ, или его представителями въ этомъ случаѣ, особыми цѣвцами, скоморохами, въ то время, какъ именуемыя въ нихъ лица дѣйствительно существовали, преимущественно до введенія христіанской вѣры.

Въ устахъ народа былины произошли, въ устахъ народа послѣ онѣ сохранялись, измѣнялись и пришли въ настоящее положеніе ¹⁾.

Все это разсужденія *a priori* и отъ противнаго, но есть много убѣдительныхъ доказательствъ о древности былинь и *a posteriori*.

Откуда и гдѣ, послѣ Татаръ или при Татарахъ, явились бы: шляпа земли Греческой, мѣдъ козарка, гость Сорожанинъ, кровать рыбій зубъ, клюка кости рыбей, жеребцы латинскіе, корабли червленые, Садко купецъ Новгородскій съ своими богатыми кораблями, Васька Буслаевъ съ вольницею, Леонгій полъ Ростовскій, Путятична, Хотѣнъ Блудовичъ, земля Волынская, Почай рѣка?

Когда, гдѣ и кому, послѣ Татаръ, могли быть извѣстны древніе слова лѣтописей: *наволоки*, *аксамиты*, *грудницы*, которыя встрѣчаются въ былинахъ?

Какъ и гдѣ могла бы сочиниться подобная тирада:

Завелся у Солнышка почестень пиръ
 На вѣхъ на князей, на бояръ,
 На сильныхъ могучихъ богатырей.
 Всѣ на пирѣ наѣдалися,
 И всѣ на пирѣ порасхвастались.
 Какъ Солнышко Владиміръ князь

сокъ этотъ попалъ случайно въ Москву, гдѣ и былъ напечатанъ въ восьмисотыхъ годахъ. Петру Васильевичу Кирѣевскому удалось собрать нѣсколько былинь, пѣтыхъ въ разныхъ великороссійскихъ губерніяхъ. Наконецъ, недавно г. Рыбниковъ нашелъ множество былинь въ Олонецкой губерніи и обнаружилъ въ четырехъ частяхъ своего драгоценнаго сборника.

¹⁾ Нѣкоторые изъ новыхъ нашихъ критиковъ стараются доказать, что былины заимствованы нами у Финновъ, Татаръ и Турокъ. Ни съ которымъ изъ этихъ племенъ въ древности мы не были въ слишкомъ близкихъ сношеніяхъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ нынѣшними связями, а нынѣ заимствованія никакого у насъ не примѣчается: съ чего же предполагать его въ древности, и притомъ въ такихъ разнѣрахъ? Странное дѣло: мы допускаемъ народное творчество у кого угодно—у Финновъ, Татаръ и Турокъ, и только отказываемъ въ немъ своему народу, не смотря на его древность, многочисленность, талантливость и пѣвучесть!

По хорому по гриднѣ похаживаль,
 Правой ручкой помаживаль,
 На богатирей службы наметываль:
 На перваго богатыря стараго Илью Муромца,
 На другаго богатыря моходаго Добрыню Микитича,
 На третьяго на душечку Михаилу Потыка Ивановича.
 Наливаль по чарѣ зелена вина,
 По ковшу даваль-то меду сладкаго.
 На стараго казака Илью Муромца
 Наметываль службу великую —
 Съѣздить за горы Сарочинскія,
 Убить силу поганую, отъ мала до велика,
 Не оставить силы на сѣмена;
 А на другаго богатыря Добрыню Микитича
 Наметываль службу великую —
 Ему ѣхати, богатырю, за славное сине море,
 Ему бить, земли прибавлявати,
 Коренить языки человѣческія,
 Прибавлявати земельки Святорусскія.
 А на третьяго богатыря душечку Михаила Потыка Ивановича
 Наметываль службу великую —
 Ему ѣхати, богатырю, во ты-ли во гридни во черныя,
 Во тые-ли Подолье Лиходѣево,
 Справить-то дани-выходы
 За старыя годы и за кнѣжныи,
 За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.

Не ясно ли видимъ мы въ этихъ стихахъ положеніе великаго князя Кіевскаго, который самъ идетъ или посылаетъ своихъ воеводъ на сосѣднія племена, какъ то было при Игорѣ, какъ думаль дѣйствовать Василько (первая служба); князя, который ходитъ или посылаетъ въ походъ безпрестанно для распространенія предѣловъ земли Русской, какъ Олегъ, Святославъ, Володимерь (вторая служба); князя, который посылаетъ своихъ бояръ (Свѣнелда, Яна) собирать дань съ подвластныхъ племенъ (третья служба)?

Кому, при Татарахъ, могла прійти въ голову мысль о дальнихъ походахъ, о покореніи земель, о собираніи дани, которую сами мы должны были нести съ покорностію Татарамъ?

Володимерь совѣтуется съ боярами въ былинахъ, точно какъ въ лѣтописи, угощаетъ ихъ также и исполняетъ ихъ желанія, не щадя казны своей. Замѣтимъ, наконецъ, что въ былинахъ Володимерь является болѣе язычникомъ, чѣмъ послѣдователемъ христіанства, которое, очевидно, подмалевано въ послѣдствіи.

Кому при Татарахъ, или послѣ Татаръ, могло прійти въ голову

воспоминаніе о богатыряхъ Киевскихъ, о богатствѣ Черниговскомъ, о роскоши Новгородской, что читаемъ мы въ слѣдующихъ стихахъ:

Что ни лучшіе богатыри въ Киевѣ,
Золота казна въ Черниговѣ,
А цвѣтно платье въ Повѣгородѣ,
А хлѣбны запасы въ Смоленскѣ-городѣ,
А мхи да болота въ заморской сторонѣ,
А разструбисты сарафаны по Мошѣ рѣкѣ,
А худые сарафаны въ Каргопольской сторонѣ.

Послѣдніе три стиха, безъ сомнѣнія, — прибавленіе позднѣйшаго, мѣстнаго пѣвца.

Добрыня выѣзжаетъ въ чистое поле на промыселъ, какъ Гаральдъ, какъ Мстиславъ, племянникъ Давыдовъ, ходившій за море и проч.

Пріѣзжалъ Добрыня къ своимъ поселямъ дворянскимъ.

Этотъ стихъ испорченный, встрѣчающійся и въ простыхъ пѣсняхъ, указываетъ на древнія боярскія поселенія, слободы или земли, воздѣлывавшіяся закупами Русской правды. Также и Илья Муромецъ подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.

Съ какого образчика могло быть списано слѣдующее описаніе житья-бытья матери Дюка Степановича въ Волынской землѣ, которое свидѣтельствоваль Добрыня Никитичъ по порученію князя Владиміра, вслѣдствіе похвалыбы Дюковой:

Добрыня пріѣзжаетъ въ домъ Дюковой матери. Въ первой комнатѣ сидитъ старая женщина; не много на ней шелку, вся въ серебрѣ. Добрыня Никитичъ принимаетъ ее за Дюкову матушку и говоритъ ей: „Здравствуешь, Дюкова матушка, честная вдова Мамелѣа Тимоѣевна!“ Старуха отвѣчаетъ ему: „Я не Дюкова матушка, а Дюкова портомойница“. Идетъ Добрыня по комнатамъ: въ каждой видитъ по старой женщинѣ; первая вся въ красномъ золотѣ — то Дюкова постельница; другая въ скатномъ жемчугѣ — то Дюкова столыница; третья вся въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ — то Дюкова чашница. Послѣдняя говоритъ Добрынѣ: „Ты напрасно спины не ломай и шеи не сгибай, а ступай въ церковь соборную: тамъ есть Дюкова матушка“.

Пошелъ онъ во церковь соборную.
Идетъ она изъ церкви соборныя:
Впередѣ идутъ лопатники,
За лопатниками идутъ метельщики;
За метельщиками идутъ сукомщики,
Разстилаютъ сукна одинцовыя.
Честную вдову Мамелѣу Тимоѣевну

Ведутъ тридцать дѣвницъ со дѣвицею.
 Вся она обвѣшана бархатомъ,
 Чтобы не запекло ее солнце красное,
 Не капала роса утренняя.
 — Здравствуешь, Дюкова матушка!
 — „Здравствуешь, удаленькій добрый молодецъ!
 „Ты откулешній, добрый молодецъ?“
 — Есть я изъ города изъ Кіева
 Отъ твоего отъ сына отъ любимаго:
 Захвасталъ онъ своимъ поселницею.
 — „Ступай за мною, добрый молодецъ“.
 Пришла во гридню столовую.
 Полагали скатерти бранныя,
 Посадили за столпкн дубовые,
 Поставляли напитокчи стоялые:
 Нашлися, нашлся добрый молодецъ;
 Отводили его въ ложню на кроваточку — рыбій зубъ.
 Спалъ молодецъ три сутки безъ просыпа,
 На четверты встаетъ на рѣзвы ноги,
 Пойдетъ смотреть Дюково поселнице.
 Привели его въ конюшенки стоялыя:
 Не знаетъ конямъ и цѣны-то дать, —
 Въ челяхъ и хвостахъ влетено по камню драгоцѣнному, и проч.

Откуда бы взятыя въ былинахъ слѣдамъ мифологическимъ, на-
 примѣръ: лебединымъ и прочимъ превращеніямъ, чарамъ на слѣдъ,
 и т. п., указывающимъ на близость ко времени язычества?

Въ самомъ языкѣ, не смотря на всѣ поврежденія, сохранились
 еще признаки древности — въ словахъ и оборотахъ, на примѣръ, ряды
 рядить, крутиться, занимать мѣста не по отчинѣ; употребленіе вни-
 тельнаго падежа въ формѣ именительнаго, окончаніе неопредѣлен-
 наго склоненія на и, особенное употребленіе дѣепричастія согласно
 съ языкомъ лѣтописей указываютъ также на древность, на примѣръ:

Какъ видѣли Илюшнѣку садучись,
 А не видѣли уѣдучись.

День они бьются не ѣдаючись,
 И другой они бьются не пиваючись
 И себѣ отдыха не даваючись.

И тутъ Дунаюшка ко стыду
 Началъ плакать уливаючись.

Ты, глупой Король Бутеянь Бутеяновичъ,
 Не учествовалъ молодецъ пріѣдучись,
 А не ужаловать ти молодецъ поѣдучись.

Замѣтимъ еще нѣкоторые, особенно своеобразные обороты:

Долиною море долипешенько,
Шириною море широкопешенько.

А у тя просто за просто, пусто за пусто.

Кормите коня скоро на скоро, сыто на смто.

Чуднымъ чудо, дивнымъ дивно.

Стоя стоять, сидя сидѣть, лежа лежать.

Красно золото не мѣдѣть (не становится мѣдью),
Чисто серебро не желѣзится (не становится желѣзомъ).

Ввела его въ силушку богатырскую,
Въ прежнюю храбрость великую.

Ъшь до смти, пей до любви.

Труднички-работнички.

Дьячекъ-выдумщикъ.

Безпрестанно встрѣчаются любимые обороты, прилагательныя, какъ въ древней греческой поэзіи: красная дѣвица, бѣлая руки, рѣзвыя ноги, русая коса, буйная головушка, ключевая вода, пшеница бѣло-ярая, столы бѣлодубовые, скатерти браныя, медь ярый, пиво пьяное, пески рудожелтые, бѣлъ горючъ камень, мечь-кладенецъ, калена стрѣла, тугой лукъ и проч.

Къ числу доказательствъ о древности былинъ присоединимъ важное замѣчаніе г. Л. Майкова въ его дѣльномъ разсужденіи „О былинахъ Владимірова цикла“: „Въ германскій эпосъ еще въ XII вѣкѣ, а можетъ-быть, и раньше того, введены были русскія дѣйствующія лица, извѣстныя намъ по былинамъ Владимірова цикла: въ исландской Thidrekssaga, въ половинѣ XIII вѣка составленной изъ древнихъ саксонскихъ пѣсенъ и преданій, упоминается король Русскій Вольдемаръ — Владиміръ, и его братъ ярль Илья Греческій или Русскій — нашъ Илья Муромецъ. Thidrekssaga называетъ его греческимъ по его греческой вѣрѣ. О Владимірѣ еще можно сомнѣваться — перешелъ ли онъ въ нѣмецкій эпосъ изъ русскаго преданія, то-есть, былины, или изъ исторической дѣйствительности, но относительно Илья сомнѣнія быть не можетъ: Илья существуетъ не въ исторіи, а въ одномъ эпосѣ, и именно подлѣ Владиміра, какъ и въ Thidreks-

saga; кромѣ того, имя его передано по исландски не Elias, какъ слѣдовало бы по обще-германскому употребленію этого ветхозавѣтнаго имени, но Ilias von Riuzen, очевидно, со славянскаго Илья. Должно однако замѣтить, что происшествія, въ которыхъ участвуетъ ярль Илья, не имѣютъ ничего общаго съ извѣстными изъ былинъ подвигамъ Ильи Муромца. Путь, по которому могли перейти эти русскія имена въ эпосъ германскій, — безъ сомнѣнія, разказы ниже-нѣмецкихъ торговыхъ людей, посѣщавшихъ Русь“.

Приведемъ здѣсь сполна одну былинку — объ Иванѣ, гостинюмъ сынѣ, въ которой, кажется намъ, осталось наиболѣе слѣдовъ древности:

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго князя Владиміра
Было пированье, почестной пирь,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи, бояра,
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые:
Будеть день въ половицу дня,
Будеть пирь во полу-пирѣ;
Владиміръ князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Гой еси, князи и бояра,
„И всѣ русскіе могучіе богатыри!
„Есть ли въ Кіевѣ таковъ человекъ,
„Кто бъ похвалился на триста жеребцовъ,
„На триста жеребцовъ и на три жеребца похваленные:
„Сивъ жеребецъ, да колотривъ жеребецъ,
„И которой полонень воронко во Большой Ордѣ, —
„Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ
„Какъ у молода Тугарина Змѣевича.
„Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
„Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
„Промежь обѣдней и заутренею?“

Иванъ гостинный сынъ берется

Скакать изъ Кіева до Чернигова,
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежу обѣдни и заутрени,
Ускоки давать конные,
Что выметывать раздолья широкія:
„А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
„Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣхъ,
„О своей буйной головушкѣ“.

За князя Владиміра держать поруки крѣпкія
 Всѣ тутъ князи и бояра, туто-де гости-корабельщныи,
 Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей.
 А никто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ.
 Пригодился тутъ владыка Черниговской,
 А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
 Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей.
 Подписалися. Молодой Иванъ гостиной сынъ,
 Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра,
 Походилъ онъ на конюшню бѣлодубову,
 Ко своему доброму коню въ бурочкѣ,
 Косматочкѣ, троелѣточкѣ,
 Падалъ ему въ правое конытечко,
 Плачетъ Иванъ, что рѣка течеть:
 „Гой еси ты, мой доброй конь,
 „Бурочко, косматочко, троелѣточко!
 „Про то ты вѣдь не знаешь, не вѣдаешь,
 „А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
 „Со тобою добрымъ конемъ“.

Въ разказѣ повторяется предложеніе и обѣщаніе.

Провѣщится ему доброй конь бурочко,
 Косматочко, троелѣточко,
 Человѣческимъ русскимъ языкомъ:
 „Гой еси, хозяинъ ласковой мой!
 „Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:
 „Сива жеребца того не боюсь,
 „Кологрива жеребца того не боюсь,
 „Въ задоръ войду — у воронка уйду;
 „Только меня води по три зари,
 „Медвяною ситою пои
 „И сорочинскимъ пшеномъ корми.
 „И пройдутъ тѣ дни срочные,
 „И тѣ часы урочные,
 „Придетъ отъ князя грозень посоль
 „По тебя-то, Ивана гостинаго,
 „Чтобы бѣгати, скакати на добрыхъ на коняхъ.
 „Не сѣдай ты меня, Иванъ, добра коня,
 „Только берись за шелковъ поводовъ,
 „Поведешь по двору княжецекому;
 „Вздѣнь на себя шубу сободиную,
 „Да котора шуба въ три тысячи,
 „Пуговки въ пять тысячей,
 „Поведешь по двору княжецекому,
 „А стану-де я, бурка, передомъ ходить,
 „Конытами за шубу посащывати,
 „И по черному соболу выхватывати,

„На всё стороны побрасывать, —
 „Князи, бояра подивуются,
 „И ты будешь живъ — шубу наживешь,
 „А не будешь живъ, будто нашивалъ“.
 По сказанному и по писанному,
 Отъ великаго князя посоль пришель...

Иванъ гостивый сынъ исполняетъ наставленіе князя:

Клязи и бояра дивуются,
 Купецкіе люди засмотрѣлися.
 Зрявкаетъ бурко по туриному,
 Онъ шицъ пустилъ по змѣвному,
 Триста жеребцовъ испугалися,
 Съ княженецкаго двора разбѣжались;
 Сивъ жеребець двѣ ноги изломилъ,
 Кологривъ жеребець тотъ и голову сломилъ,
 Полоневъ воронко въ Золоту Орду бѣжитъ,
 Онъ, хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ.
 А князи-то и бояра испужалися,
 Всѣ тутъ люди купецкіе,
 Оварачъ они по двору напоззалися;
 А Владиміръ князь со княгиню печалень сталъ;
 Крячптъ самъ въ окопечко косяшутое:
 „Гой еси ты, Иванъ, гостивой сынъ!
 „Уведи ты уродья со двора долой;
 „Просты поруки крѣпкія, записи всё изодрамы“.
 Втапоры владыка Черниговской
 У великаго князя на почестномъ пиру
 Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Дибирѣ,
 Велѣлъ похватить корабли
 Съ тѣми товары заморскими.
 А князи-де и бояра пикуда отъ насъ не уйдуть.

Мы сказали, что обычай пѣть на пирахъ пѣсни этого рода — при Татарахъ, вѣроятно, уничтожился; до Татаръ же, а еще болѣе до христіанства, мы видимъ его въ полномъ ходу по историческимъ свидѣтельствамъ; вспомнимъ о Володимеровыхъ пирахъ и объ отношеніяхъ его къ дружинѣ по лѣтописи Нестора, о Святославовыхъ (Ярославича) пирахъ по житію св. Феодосія, о пирѣ богатаго въ отдѣльномъ сочиненіи ¹⁾. Вся наша древняя лѣтопись о времени до-христіанскомъ основана, очевидно, на такихъ пѣсняхъ.

Мы имѣли, безъ сомнѣнія, цѣлую пѣтническую литературу; мы имѣли слова или саги о всѣхъ важныхъ и ненажныхъ подвигахъ

¹⁾ Слово о богатомъ и Лазарѣ, известное по рукописямъ XII—XIII вѣковъ.

древнихъ князей нашихъ, начиная отъ Рюрика до нашествія Монголовъ, и далѣе, имѣли словесность, о коей можемъ мы судить по Слову о Полку Игоревѣ, къ счастью, до насъ дошедшему, и по другимъ слѣдамъ, отрываемымъ въ древнихъ памятникахъ при тщательномъ ихъ разсматриваніи.

Олеги, приплывающій со множествомъ судовъ изъ Новагорода къ Кіеву, выдающій себя за греческаго купца, приглашающій къ себѣ на лодки Кіевскихъ владѣльцевъ Аскольда и Дира, чтобы посмотришь его товары, и приказывающій убить ихъ, вынося на рукахъ Игоря, — развѣ это не извлечено изъ саги, изъ слова? А походъ его подъ Константинополь съ 2.000 судовъ и двадцатью племенами; а суда его на колесахъ, на коняхъ подилилы онъ по суху, при попутномъ вѣтрѣ, подъ стѣны города; а ядъ, подосланный императоромъ въ брашнахъ и угаданный Кіевскимъ княземъ; а щитъ, какъ знакъ его побѣды, на вратахъ Цареградскихъ; а парчевые паруса, устроенные имъ на своихъ судахъ, для возвратнаго пути, — неужели это историческія, лѣтописныя показанія? Переводъ ихъ изъ саги, изъ слова въ лѣтопись мечется въ глаза. Такова и смерть Олега отъ любимаго коня, которую предсказали ему кудесники. Онъ велѣлъ держать этого коня въ удаленіи, и чрезъ четыре года по возвращеніи своемъ изъ похода, пошелъ посмотреть на его кости, смѣясь надъ предреченіемъ, какъ изъ-подъ черепа выползла змѣя и ужалила витязя въ ногу. Не нужно доказывать долго, что о мести Ольгиной мы имѣли также обширное слово, обширную сагу, — какъ она научила пословъ Древлянскихъ требовать, чтобы ихъ понесли Кіевляне въ теремъ въ ладѣхъ, и на дорогѣ велѣла бросить въ яму и засыпать землею; какъ она сожгла другихъ пословъ въ банѣ; какъ покорила Корестѣнь посредствомъ голубей и воробьевъ, пустивъ ихъ ночью въ городъ съ огнемъ. Точно то же должно сказать объ избавленіи Кіева отъ печенѣговъ посредствомъ юноши, который, пробѣжавъ чрезъ Печенѣжскій станъ, бросился въ Днѣпръ и извѣстилъ Черниговскаго воеводу Прѣтича объ опасности, угрожавшей городу; о Волгарской войнѣ Святослава; о походѣ Владимира на Роголода; объ избавленіи Вѣлогорода отъ Печенѣговъ хитростію старца, присовѣтовавшаго наполнить колодезь сытою, и проч. и проч.

Не говоримъ объ именахъ трехъ славныхъ морскихъ разбойниковъ въ одной скандинавской сагѣ, сходныхъ съ нашими Рюрикомъ, Синусомъ и Труворомъ, на которыя указываетъ Шлецеръ, и которыя, можетъ-быть, попали на сѣверъ ужь отъ насъ, представляя древнѣй-

шую нашу сагу. (А можетъ-быть, братья прославились на сѣверѣ до прибытія къ намъ).

Однимъ словомъ саги, слова, были однимъ изъ важныхъ источниковъ Нестора, и имъ обязаны мы извѣстіями о древнѣйшихъ происшествіяхъ нашей исторіи, точно такъ, какъ исторія соплеменныхъ Руси Норвежцевъ, Датчанъ, Шведовъ сохранилась въ многочисленныхъ сагахъ Исландіи.

Окончательно же убѣждаетъ насъ въ существованіи старыхъ былинъ самъ сочинитель Слова о Полку Игоревѣ, у котораго безпрестанно встрѣчаются мѣста, доказывающія множество прежнихъ сочиненій этого рода, множество *Словъ*. Съ самаго начала онъ говоритъ о *старыхъ словесахъ*, потомъ о пѣсняхъ старому Ярославу, храброму Мстиславу, „иже зарѣза Редедю предъ полки Косожьскими, красному Роману Святославичю“; о пѣсняхъ Бояна, котораго называетъ соловьемъ древняго времени, внукомъ Велесовымъ, который „аще кому хотяше пѣснь творити.... своя вѣщія персты на живыи струны воскладаше, они же сами княземъ славу рокоташу“. Упомянутія Слова о Полку Игоревѣ объ Олегѣ Святославичѣ, Борисѣ Вячеславичѣ, Всеславѣ Брячиславичѣ кажутся отрывками изъ словъ объ этихъ князьяхъ. Говоря о Всеславѣ, пѣвецъ приводитъ слова Бояновы: „тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленный рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути“. Въ заключеніи Слова о Полку Игоревѣ говорится что-то о „пѣснотворцѣ Святославѣ стараго времени Ярослава, Ольгова, Коганя“.... и опять упоминается о *тѣмъ пѣснѣ* старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ.

Нѣкоторыя мѣста очень неясны, не смотря на усилія нашихъ прелагателей. Но по крайней мѣрѣ мы получаемъ изъ нихъ понятіе о существованіи древней исторической поэзіи, перенятой со скандинавскаго сѣвера, между тѣмъ какъ лирическая развивалась изъ собственныхъ, то-есть, славянскихъ элементовъ. Впрочемъ, и историческая поэзія по свойству нашего языка и народнаго характера, приняла у насъ другой, свой характеръ, и наприимѣръ, наше Слово о полку Игоревѣ представляетъ несравненно болѣе живости, теплоты, нежели саги, которыхъ главная прелесть состояла въ пѣническомъ языкѣ.

Саги исландскія двѣсти, триста лѣтъ сохранились въ изустномъ преданіи и послѣ уже были записаны на островѣ Исландіи, гдѣ много особыхъ обстоятельствъ содѣйствовало этому явленію, а у насъ чрезъ двѣсти, триста лѣтъ, послѣ Олеговъ, Володимировъ, Ярославовъ, на-

грянули Татары, и намъ было не до записыванія пѣсенъ, особенно на югѣ, гдѣ съ явленіемъ казачества являются другія саги, какъ замѣчено выше, — казацкія, историческія пѣсни и думы, смѣнившія, приведшія въ забвеніе прежнюю поэзію.

Вторая причина, почему не сохранились древнія наши былины въ рукописяхъ, это — отвращеніе духовенства отъ всѣхъ мірскихъ, свѣтскихъ сочиненій, а кромѣ духовенства, писцовъ было мало.

Дошедшія до насъ въ устахъ народа былины составляютъ какъ бы средину между древними исландскими сагами и сохраненными у Нестора основами первыхъ нашихъ сагъ, съ одной стороны, а съ другой, Словомъ о Полку Игоревѣ, однимъ изъ послѣднихъ проявленій этой словесности.

Наши слова, наши саги имѣли одинъ и тотъ же источникъ съ исландскими. Замѣтимъ, въ подтвержденіе нашей мысли, что даже многія обстоятельства, встрѣчающіяся въ Несторѣ, мы находимъ въ сѣверныхъ сагахъ, напримѣръ, о смерти Олеговой отъ коня, о взятіи города Ольгою посредствомъ птицъ. Въ образѣ выраженій примѣчается много сходства: оружіе поетъ, напримѣръ, по замѣчанію профессора Буслаева, въ скандинавской поэзіи (мечъ, топоръ); и у насъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ, копія поютъ на Дунай. Стязи (знамена) глаголятъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ такъ же, какъ въ скандинавскихъ памятникахъ. „Вообще“, продолжаетъ г. Буслаевъ, „взгляды Нѣмца и Славянина на оружіе и воинскіе доспѣхи во многомъ сходятся; такъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ щиты червленые“ (прибавимъ, и въ былинахъ, и въ рисункахъ къ житію св. Бориса и Глѣба, и на древнемъ, бывшемъ моемъ, образѣ св. Георгія), „и въ нѣмецкихъ памятникахъ эпитетъ щиту: красный. Выраженіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ „конецъ копія вскормленъ“ согласуется съ представленіемъ въ Эддѣ: копыями кормилъ гадовъ змѣиныхъ, то-есть, трупами падшихъ отъ копій“.

Эти саги, пѣсни, разказы были первою принадлежностію пировъ княжескихъ какъ на скандинавскомъ сѣверѣ, такъ, безъ всякаго сомнѣнія, и на Руси; о русскихъ цирахъ можно составить себѣ ясное понятіе изъ Несторова описанія ивры Святослава Ярославича, помѣщеннаго въ житіи св. Θεодосія: „яко видѣ (Θεодосій) во храмъ, идѣ же бѣ князь сѣдя, и се видѣ многія играющи передъ нимъ, овы *чусельные* гласы испущающе, другые же *органные* гласы поюще, и ивъмъ *заморьскыя писки* гласящимъ, и такъ всимъ играющемъ и веселящимся, яко же обычай есть предъ княземъ“....

Познакомимся теперь съ самими пѣвцами, которые извѣстны были у насъ подъ именемъ скомороховъ, что видно изъ слѣдующихъ стиховъ нашихъ былинь:

Во славномъ во Новѣградѣ
 Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость.
 А прежде у Садка имущества не было:
 Одни были гусельки яровчаты,
 По пирамъ ходилъ — игралъ Садко.
 Садка дець не зовуть на почестень пирь,
 Другой не зовуть на почестень пирь,
 И третій не зовуть на почестень пирь.
 Потому Садко соскучился....

Онъ мастеръ Ставеръ въ гусли играть,
 Игръ играть и напѣвокъ напѣвать
 Про старія времена и про нынѣшніи,
 И про всѣ времена досюлешны.

....Пошелъ Добрынюшка Микитинець
 Къ князю Владимиру на почестень пирь.
 Сокручивается въ платы скоморошныя,
 Идетъ въ теремъ златоверхватый,
 По ступенчивамъ идетъ по наличнымъ,
 Ступенчики гбоаются, весь теремъ шатается.
 Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
 Скоморошье мѣсто на запечѣ.
 А Добрыня скочилъ на печку на муравленую.
 Онъ натягивалъ въ гуселькахъ, налаживалъ
 Двѣнадцать струночекъ золоченныхъ.

И заигралъ онъ въ гуслицы яровчаты,
 Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
 А изъ Царяграда до Іерусалима,
 Изъ Еросалима къ той землѣ Сорочинскія.
 Третій разъ сталъ поигрывать
 Все свое похоженъице разказывать.

На пирю игроки всѣ приумолянули,
 Всѣ скоморохи приослушались:
 Этакой игры на свѣтѣ не слыхано,
 И на бѣлоемъ игры не вѣдано.
 Всѣ народы приближались
 И Добрынюшкѣ поклонялися.
 Тая-то игра прилюбилася
 Всему кругу молодецкому
 Всему поѣзду княженецкому.

Князю игра-та по уму пришла,
 Самъ говорилъ таково слово:
 „Ай жа ты дѣтина (молода) скоморошина!
 „Опускайся со печки муравлены,
 „Выбирай себѣ мѣсто, гдѣ тебѣ любое“.

Ставилъ Владиміръ князь на рѣзвы ножки,
 Наливаль-то онъ чару зелена вина,
 Подносилъ къ молодой скоморошинѣ.

Въ самыхъ лѣтописяхъ находимъ мы извѣстія, хотя неясныя и неопредѣленныя, о древнихъ пѣвцахъ, въ дополненіе къ извѣстіямъ о скоморохахъ въ былинахъ; на примѣръ, подъ 1243 годомъ, въ Волынской лѣтописи читается: „Андрей же не удоси его, но удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; *словутънего твѣца Митусу*, древле за гордость не восхотѣша служити князю Даниду раздраного акы связаного приведоша....“

О Владиміръ Васильковичѣ, подъ 1288 годомъ, въ Волынской же лѣтописи сказано: „Володимеръ... бѣ разумѣи притчи много тыхъ словъ“.

Въ заключеніе этихъ разсужденій приведемъ отрывокъ изъ классическаго сочиненія Стрингольма о Норманнахъ,—очеркъ сѣвернаго скальда, соответствующаго нашимъ скоморохамъ, какъ они изображены въ оставшихся былинахъ:

„Сѣверный скальдъ долженъ быть богатъ въ изобрѣтеніи, остроуміи и мышленіи; онъ долженъ быть знакомъ не только съ современными примѣчательными происшествіями, ибо ихъ надо ему воспѣвать,—онъ долженъ обладать свѣдѣніями о прошествіяхъ прежняго времени, и преимущественно, знать обстоятельно сѣверное ученіе о богахъ, какъ основаніе пѣвческаго языка и мнѣологическихъ образовъ. Быстрый и смѣлый ходъ, богатство и смѣлость въ образахъ, глубокое и сильное чувство господствуютъ въ пѣсняхъ древнихъ. Рѣдкія, устарѣлыя, въ ежедневной рѣчи неупотребительныя слова и названія, были приняты въ языкѣ скальдовъ или удержаны въ немъ, чтобы возвысить его надъ ежедневнымъ и сообщить ему больше торжественности. Она выражается особенно въ искусственномъ, обработанномъ своемъ видѣ, описаніями лицъ и вещей, заимствованными изъ мнѣологии и природы, смѣлыми, исполненными образовъ. На счастливомъ выборѣ описаній изысканныхъ, меткихъ мыслей, изображеній, основывалась преимущественно красота и искусство языка скальдовъ. Простое названіе вещи

считалось принадлежностію ежедневнаго языка. Скальды любили описательныя названія и старались роскошнымъ разнообразіемъ многознаменательныхъ образовъ, въ коихъ заключались слова и цѣлыя положенія, напрягать мысли слушателей и воспламенять ихъ воображеніе. Они употребляли въ то же время ужасную перестановку словъ и умѣли, если хотѣли, такъ скрыть свои мысли посредствомъ запутанныхъ оборотовъ, темныхъ, изысканныхъ описаній и особенно мудреныхъ словъ, что нуженъ былъ великій даръ соображенія, дабы выразумѣть ихъ смыслъ.

„Пѣсни, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, питали любовь къ пѣнію и производили новыхъ скальдовъ. Многіе такіе слѣдовали за Гаральдомъ Гильдетаномъ на Бравальское сраженіе, и воспоминаніе объ этомъ великомъ происшествіи было прославлено въ пѣсняхъ. У всѣхъ сѣверныхъ князей были скальды.

„Пѣсни были различны: Dgара (множ. dgarov), героическія, торжественныя, величественныя стихотворенія, пѣсни во многихъ отдѣленіяхъ, съ возвратными стихами (kehrreimer), въ коихъ воспѣвались дѣянія и жизнь королей и великихъ героев. О мужахъ менѣе славныхъ и высокихъ, о происшествіяхъ менѣе значительныхъ и важныхъ сочинялись Flökr, пѣсни меньшаго объема безъ отдѣленій и возвратныхъ стиховъ. Въ древнихъ пѣсняхъ, особенно въ Dгара'хъ, бываетъ обыкновенно родъ gefrain, изъ двухъ или четырехъ стиховъ, которые принадлежатъ къ правильной строфѣ, и только въ концѣ каждаго новаго отдѣленія пѣсни повторяются и проч.

„Скальды путешествовали по всѣмъ странамъ, гдѣ употреблялся сѣверный языкъ, чтобы собирать предметы для своихъ пѣсенъ и приобрѣтать честь и награду. Скальдъ входилъ въ княжескую палату, гдѣ король съ своими мужаи сидѣлъ и пилъ, просилъ о позволеніи представить пѣснь въ честь короля, произносилъ ее мужественнымъ голосомъ и получалъ золотыя гривны (Ringe), знатныя оружія, драгоценныя одежды и содержаніе при дворѣ княжескомъ. Стихотвореніе выучивалось наизусть придворными людьми и должно было оставаться, передаваться въ воспоминаніи, чтобы довести до потомства княжескую славу. Отъ скальдовъ требовалось, чтобы они не только обладали искусствомъ сочинять и произносить стихи съ достоинствомъ и живостію, но они должны были имѣть въ памяти пѣсни древнихъ скальдовъ, и память ихъ посредствомъ упражненія была такъ изощрена, что одинъ скальдъ могъ процѣть королю Гаральду Гардраде (мужу нашей Елизаветы Ярославны) шестьдесятъ пѣсенъ, и когда ко-

роль, слушавшій ихъ до глубокой ночи, спросилъ скальда, знаетъ ли онъ еще, то сей отвѣчалъ, что можетъ еще пропѣть полстолька. Путешествуя отъ двора ко двору, изъ страны въ страну, скальды въ древности были свѣдомые люди своего времени, потому что многое видѣли и опытомъ извѣдали.

„Къ пѣнію присоединялись повѣсти, разказы изъ древнихъ сѣверныхъ геронческихъ сагъ,—самое любимое времяпровожденіе при княжескихъ дворахъ, въ частныхъ обществахъ, въ домашнемъ кругу крестьянина“.

М. Погодинъ.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА ЕКАТЕРИНЫ II: «ГОРЕ-БОГАТЫРЬ».

Война 1788—1790 гг. между Россіей и Швеціей была не только борьбою между двумя государствами, но еще болѣе столкновениемъ между двумя государями. Какъ настоящіе представители періода просвѣщеннаго абсолютизма, Екатерина II и Густавъ III при этомъ случаѣ берутъ на себя всю отвѣтственность за свои предпріятія. Они одни владѣютъ инициативою, распоряжаются даже и въ отношеніи къ подробностямъ и мелочамъ дипломатіи и тактики. Ненавидя лично другъ друга въ это время, они сами неутомимо трудятся и подвергаются разнаго рода опасностямъ для достиженія своихъ цѣлей. Они не только сражаются вооруженною рукою, но и въ области литературы преслѣдуютъ другъ друга.

При значительномъ талантѣ, при большомъ мужествѣ, при довольно здоровомъ пониманіи своихъ задачъ, Густавъ, взявъ на себя роль монарха-диктатора, былъ такимъ же актеромъ, какимъ онъ бывалъ на сценѣ своего придворнаго театра, гдѣ любилъ самъ участвовать въ драматическихъ представленіяхъ. И въ области политики, и на полѣ битвы онъ былъ не болѣе какъ дилетантомъ. Современники не видѣли въ его образѣ дѣйствій настоящаго героизма и достаточной серіозности; онъ производилъ скорѣе впечатлѣніе способнаго и смѣлаго экспериментатора, чѣмъ дѣйствительно дальновиднаго государственнаго человѣка. Въ его политическихъ предпріятіяхъ обнаруживается любовь къ опасностямъ, напоминающая гораздо болѣе страсть и отчаяніе азартнаго игрока, чѣмъ искусство дипломата или самоотверженіе воина-патріота. Настоящее величіе замѣняется у него иногда театральнымъ пафосомъ и громкою фразой. Вслѣдствіе такихъ свойствъ своего характера Густавъ III, въ продолженіе войны съ Екатериной, подавалъ поводъ къ остроумнымъ и колкимъ выходкамъ со стороны императрицы, смѣявшейся надъ королемъ Шведскимъ и въ тѣсномъ кругу эрмитажа, и въ письмахъ

своихъ къ литературнымъ знаменитостямъ того времени, и наконецъ, въ политическихъ брошюрахъ, въ стихахъ и прозѣ, въ комедіяхъ и операхъ.

Дѣятельность Екатерины во время войны съ Густавомъ III была изумительна. Она заботится обо всемъ, знаетъ все, рѣшаетъ всѣ дѣла. Остерманъ и Безбородко, Пассау-Зигентъ и Мусивъ-Пушкинъ, Разумовскій и другіе ждутъ ея повелѣній, исполняютъ ея желанія. Она дѣйствуетъ здѣсь неутомимѣе, самостоятельнѣе, чѣмъ когда-либо, тѣмъ болѣе что Потемкинъ въ то время былъ занятъ восточнымъ вопросомъ. Не побывая своихъ любимыхъ литературныхъ занятій, императрица тщательно изучаетъ карту Финляндіи, чтобы составить себѣ подробное понятіе о положеніи тамошнихъ дѣлъ. Въ то же самое время она занята сочиненіемъ стиховъ и комедій и дипломатическою корреспонденціей; ~~переписывается~~ съ Гриммомъ и Циммерманномъ по поводу разныхъ новыхъ книгъ и ~~между~~ тѣмъ дѣлаетъ распоряженія о самыхъ частныхъ дѣлахъ касательно войска и флота.

О серіозности положенія дѣлъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1788 года, когда ежедневно ждали извѣстія о взятіи Густавомъ Фридрихсгамскою крѣпости и о приближеніи Шведскаго короля къ столицѣ, французскій посланникъ Сегюръ разказываетъ слѣдующее: „Разнесся слухъ, что во дворцѣ тревога, что тамъ укладываютъ все, серебро, драгоценности, брилліанты, бумаги изъ кабинета, что вездѣ подготовлены лошади, и что государыня, испуганная и безъ средствъ защиты, уѣдетъ ночью въ Москву. Въ эту критическую минуту затруднительно было положеніе иностранныхъ министровъ. Каждый изъ нихъ держалъ наготовѣ курьера, боясь еще послать ложное извѣстіе, если не исполнятся ожиданія; съ другой стороны, смѣшно же было не извѣщать свое правительство о такомъ происшествіи и ждать для этого, чтобы оно совершилось. Находясь въ подобной неизвѣстности, я отправился въ эрмитажъ, въ надеждѣ, что неосторожное слово или случайный случай разсѣять мои сомнѣнія. Такъ и случилось. Только что императрица увидѣла меня, какъ подозвала къ себѣ. Поговоривъ сперва о вещахъ ничтожныхъ, она сказала мнѣ потомъ: „Дипломаты, вѣроятно, теряются теперь въ предположеніяхъ; много слышно толковъ въ городѣ.“ На этотъ вопросъ я рѣшился отвѣтить нѣсколько рѣзкимъ оборотомъ мысли, стараясь притомъ замѣтить впечатлѣніе, какое произведутъ мои слова: „Разнесся слухъ, ваше величество“, сказала я, „слухъ очень важный, очень странный, но передаваемый за вѣрное, что вы въ эту или слѣдующую ночь уѣдете въ Москву“.

„Что жь, вы повѣрили, графъ?“ сказала императрица съ невозмутимымъ равнодушіемъ.

„Государыня, источникъ этого слуха даетъ ему нѣкоторую вѣроятность; но зная васъ, я сомнѣваюсь“.

„И хорошо дѣлаете“, возразила государыня: „слушайте: я приказала выставить на всѣхъ станціяхъ по дорогѣ въ Москву по 500 лошадей, чтобы перевести сюда войска, которыя я вытребовала: вотъ изъ чего вышли эти толки. Я не ѣду, будьте увѣрены. Я знаю, что ваши товарищи - дипломаты теперь въ немаломъ затрудненіи и не знаютъ, на что рѣшиться, писать имъ или молчать? Я выведу васъ изъ затрудненія: вамъ дѣло виднѣе, чѣмъ другимъ. Пишите же вашему двору, что я остаюсь въ столицѣ, и что если я выѣду отсюда, такъ только на встрѣчу королю“.

„Какъ бы то ни было: она осталась“ ¹⁾.

Мы знаемъ однако, что Екатерина только казалась спокойною, и что она сама, равно какъ и многіе современники этихъ событій, считали положеніе Петербурга опаснымъ. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ ея о Густавѣ III, котораго она называла „l'eshule du héros de la Manche“, „полуумнымъ“, „смѣшнымъ“, даже „бестіей“ ²⁾, высказывается сильное волненіе и негодованіе, которое усиливалось по мѣрѣ того, какъ Густавъ III успѣвалъ въ своемъ предпріятіи.

Зато извѣстіе о состоявшейся въ Финляндіи конфедераціи противъ войны и короля измѣнило все къ лучшему. Заботы прекратились, и Екатерина могла возвратиться къ своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ; предметомъ ихъ теперь сдѣлался тотъ же Густавъ III.

Въ числѣ главныхъ обязанностей, лежавшихъ на А. В. Храповицкомъ, который во время шведской войны занималъ при Екатеринѣ должность статсъ-секретаря, было переписываніе стиховъ и вообще литературныхъ произведеній императрицы. По временамъ онъ дѣлалъ ночи долженъ былъ посвящать этому труду и никогда не забывалъ записывать въ свой дневникъ всѣ замѣчанія и выраженія благодарности Екатерины при передачѣ ей обмѣновенно утромъ „при волосочесаніи“, такихъ переписанныхъ бумагъ. И въ эпоху шведской войны онъ сообщаетъ много подробностей о литературной дѣятельности Екатерины.

Въ тотъ самый день, когда въ Петербургъ получили извѣстіе объ отступленіи Шведовъ вслѣдствіе образованія конфедераціи, 27-го іюля.

¹⁾ *Ségur*, Mémoires et souvenirs, III, 299—301.

²⁾ Записки Храповицкаго, *passim*.

Храповицкій „переписывалъ французскіе стихи на короля Шведскаго“. 29-го іюля Екатерина читала ему начало комической оперы „Кославъ“. „Тутъ представляется приготовленіе на войну короля Шведскаго“. Екатерина сказала: „Не знаю, какъ кончу, вчера только написала, чтобы разбить мысли“. 16-го августа у Храповицкаго сказано: „Послѣ обѣда прислали ко мнѣ, чтобы списать двѣ копіи со стиховъ на короля Шведскаго, кои переписывалъ 27-го іюля; я списалъ три копіи и послалъ въ пакетъ“. 17-го августа: „О перепискѣ вчерашней французскихъ стиховъ ничего не сказано“. 20-го августа: „Видѣлъ на столѣ, что пишутъ по французски „Marton et Crispin“: должна быть комедія“. 21-го августа: „Прочли мнѣ не конченную еще proverbe, гдѣ „Marton et Crispin“. Тутъ много соли и относится къ войнѣ Шведской“. 27-го августа: „Въ 7-мъ часу прислали переписать proverbe: „Les voyages de M-e Bontemps“; кончится: „a beau mentir, qui vient de loin“. Тутъ Криспинъ разказываетъ о походахъ и *морскомъ сраженіи* ¹⁾). Приказано отдать актерамъ, чтобы въ Александровъ день сдѣлать сюриризмъ и сыграть у графа Мамонова въ комнатѣ. — Улады дѣло съ барономъ Ванжуромъ ²⁾), кончилъ переписку во 2-мъ часу за полночь“. 28-го августа: „Возвратилъ пьесу съ запиской объ исполненіи; похваленъ за исправность... При отдачѣ сказалъ: „Crispin dans le récit du combat naval ment plus agréablement que le prince Charles“ ³⁾). Усмѣхнулись“.

По болѣзни графа Мамонова отложили представленіе proverbe, а между тѣмъ Екатерина уже занялась новымъ трудомъ. 11-го сентября Храповицкій пишетъ: „Приказали отыскать сказку о Фуфлыгъ-богатырѣ, чтобы, прибавя къ ней l'histoire du temps, сдѣлать оперу. Сказки сей не нашли“. Между тѣмъ, 19-го сентября сыграли вышеупомянутую proverbe у Мамонова. Актерамъ дано по 200 руб. каждому. Далѣ въ это время императрица сочинила еще комедію „L'insouciant“ и „La rage aux proverbes“. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій были отправлены къ Гримму, а затѣмъ продолжались занятія комедіей о Фуфлыгѣ. 21-го октября Храповицкій пишетъ: „Для составленія оперы о Фуфлыгѣ поднесъ „Взду въ островъ любви“, „Дейдамію“ и трагедію Ломоносова, изъ коихъ надобенъ „Мамай“. Сказано: „Будетъ хорошо“.

¹⁾ Въ насмѣшку по поводу Гогландской битвы, 6-го іюля, которую Шведы считали побѣдою надъ Русскими.

²⁾ Тогдашній придворный композиторъ.

³⁾ Братъ Густава III, Карлъ Сюдерманландскій, былъ главнокомандующимъ шведскаго флота.

22-го ноября: „Прочли начало извѣстной оперы; *Фуфлыга* не годится, надобно другое имя; графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ придумаетъ. Миѣ дадутъ дѣлать стихи, и я сказалъ, что буде угодно назначить только содержаніе въ прозѣ, то сдѣлать можно арію“. 23-го ноября: „По вчерашнимъ словамъ для имени герою подаль нѣсколько анаграммъ изъ Густава“ и арію, начинающуюся „Геройствомъ надуваясь“; она похвалена, и я поцѣловалъ ручку. Сказали, что отдадутъ миѣ дѣлать стихи“. 24-го ноября: „Герою извѣстному имя еще не найдено“. 26-го ноября: „Предъ извѣстною оперою рѣшились напечатать сказку о „Горе-Богатырѣ Косометовичѣ“, которую и началъ я тогда же переписывать“. 27-го ноября: „Читано продолженіе сказки“. 28-го ноября: „Переписывалъ продолженіе сказки“. 29-го: „Отдано продолженіе сказки и дополненіе къ тому, что было уже мною переписано съ тѣмъ, дабы заставить кого у себя все переписать сначала.—Тутъ при чтеніи замѣченъ безрукій старикъ (комендантъ Нейшлота)“. 30-го ноября: „Поднесъ сказку, моимъ секретаремъ переписанную. „Много ли онъ смѣялся?“ спросила императрица“. 1-го декабря: „Два раза призыванъ былъ для слушанія продолженія сказки; много смѣялись и спрашивали: „Смѣшно ли?“ 3-го декабря: „Во вчерашнюю сказку вписалъ двѣ прибавки“. 4-го декабря: „Получилъ для переписки 1-й актъ оперы „Горе-Богатыря Косометовича“. составилъ арію и весь день упражнялся въ перепискѣ“. 5-го декабря: „Поднесъ 1-й актъ, получилъ благодарность, но приказано выставить арію при валяніи на травѣ, тасканіи изюму и играми въ свайку; правда, что они были съ натяжкою“. 6-го декабря: „Прочитывали поднесенный мною 2-й актъ; тутъ сказано: „Не надобно такъ говорить о храбрости“, и выкинули слѣдующую арію:

Единой храбростью своею
Сломить себѣ всякъ можетъ шею;
Не будь на храбрость тароватъ,
Во вѣкъ не будешь виноватъ.

„Вмѣсто ея апробована написанная теперь въ пьесѣ и тогда же мною сочиненная арія:

Мы смѣлости не доказали, и пр.

„Получилъ для переписки 3-й и 4-й актъ. Сидя за сею работою цѣлый день, не могъ кончить, однако уладилъ весь 3-й актъ“. 7-го декабря: „Ничего не поднесъ, получилъ 5-й актъ, и извинился, что не успѣлъ додѣлать 4-го (на что императрица замѣтила): „Вчера

былъ праздникъ: не всегда работать хочется; я сама ничего почти сдѣлать не могла“. „Такимъ образомъ подстрекнутый, во дворцѣ еще поутру сочинилъ аріи для 4-го акта, и нѣкоторые для 5-го, а приѣхавъ домой, кончилъ всю оперу и до семи часовъ вечера переписалъ, однако не ходилъ за столъ обѣдать“. 8-го декабря: „Поднесъ всю оперу въ пяти актахъ; оставили у себя. Позванъ послѣ прочтенія, и сказано, что хороши прибавки мои и стихи. Поцѣловалъ ручку. (Императрица сказала): „Она — бюрлескъ; надобно играть живѣе и развязнѣе, и въ томъ костюмѣ, какъ играютъ „Мельника“. 9-го декабря: „Отдана мнѣ на руки опера „Горе-Богатырь“, съ тѣмъ, чтобы поставить на театръ, и съ апробаціи графа А. М. Дмитріева-Мамонова сочинить музыку Мартинію и Ванжурѣ“. 11-го декабря: „Позванъ для объясненія объ оперѣ „Горѣ-Богатырѣ“, и казался довольны расположеніемъ, мною сдѣланнымъ“. 20-го декабря: „Разные вопросы объ оперѣ „Горе-Богатырь“, какъ она идетъ и будетъ ли смѣшна?“ 27-го декабря: „Былъ разговоръ объ оперѣ „Горе-Богатырь“, и сами прочли корректуру всей сказки; кажется, были довольны, ибо я подалъ листки при разговорѣ о томъ, единственно въ доказательство попеченія моего“. 28-го декабря: „При волосочесаніи спросили: „Въ которомъ часу проба 1-го акта „Горе-Богатыря?“ — Въ 3-мъ въ половинѣ, сегодня. Проба была при графѣ А. М. Дмитріевѣ-Мамоновѣ одномъ и онъ похвалилъ музыку Мартинія“. 2-го января 1789 года; „Прадъ волосочесаніемъ спрашивать изволили, какъ идетъ опера „Горе-Богатырь“, сказавъ, что графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ похвалилъ музыку. — Я видѣлъ пробу двухъ актовъ“. 3-го января: „При волосочесаніи еще были вопросы объ оперѣ „Горе-Богатырь“. 10-го января: „Былъ разговоръ объ оперѣ „Горе-Богатырь“, и на донесеніе мое о болѣзни Мартини, мадамъ Росси и Барановой, сказали, что подлинно „Горе-Богатырь“. 19-го января: „Самъ сказывалъ, съ какимъ успѣхомъ идетъ „Горе-Богатырь“, хотить видѣть, и я сказалъ, что надѣюсь чрезъ недѣлю показать“. 20-го января: „Просился и отпущенъ на пробу „Горе-Богатыря“, на которую сама прийдти изволила, заставъ половину третьяго акта. Послѣ обѣда привезъ книги, дабы подѣ тѣмъ видомъ свѣдѣть, какъ думаютъ объ оперѣ. Принужденъ былъ самъ начать. Сказали, что хоры хороши, но въ аріяхъ есть много италіанскаго“. 23-го января: „Былъ на пробѣ, и прицѣлили повелѣвіе, ятобы дать „Горе-Богатыря“ великимъ князьямъ, и я послѣ обѣда доставилъ манускриптъ ихъ высочествамъ“. 24-го января: „Спросили о доставленіи великимъ князьямъ повелѣннаго. Они были въ мыльнѣ, и послѣ

сказано, что начали уже читать. — Просилъ на генеральную пробу, и быть общали... Въ 6½ часовъ вечера была генеральная проба въ платѣ; продолжалась пьеса полтора часа и были довольны“¹⁾.

Итакъ, приготовленія къ постановкѣ на сцену этой оперы занимали императрицу въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, въ то самое время, когда запутанные вопросы внѣшней политики становились опять болѣе затруднительными, когда участіе Даніи въ войнѣ Россіи съ Швеціей было прервано перемиріемъ, когда Англія и Пруссія рѣшительно заступились за Густава III, и когда послѣдній уже готовился торжествовать надъ оппозиціонными элементами въ Швеціи. Слѣдя съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми этими событіями и за военными дѣйствіями въ Бессарабіи, стараясь по возможности воспользоваться выгодами конфедераціи въ Финляндіи и распоряжаясь въ отношеніи къ продолженію войны, Екатерина тщательно занималась въ то же время своею оперой и не щадила ни трудовъ, ни денежныхъ средствъ для хорошей постановки ея на сцену. Музыку для оперы „Горе-Богатырь“ поручено было сочинить Испанцу Мартини, извѣстному по сочиненію музыки для оперы „Cosa rara“. Тѣ лица, которымъ было поручено устройство балета, декорацій и костюмовъ, пѣвцы и пѣвицы, танцовщики и танцовщицы получили 20.000 руб. Предполагали даже пригласить изъ Парижа гравера для печатанія партитуры этой оперы въ особенно изящномъ видѣ; это должно было стоить 4.000 руб.; но Потемкинъ не желалъ изданія оперы²⁾. Обновленіе литературнаго произведенія, заключавшаго въ себѣ множество оскорбительныхъ намековъ на личность Шведскаго короля, казалось ему опаснымъ. И безъ того многіе современники имѣли случай познакомиться съ этимъ драматическимъ памфлетомъ.

Театръ въ эрмитажѣ посѣщался иногда посланниками иностранныхъ дворовъ. Когда, послѣ заключенія мирнаго договора съ Швеціей въ Верелѣ, графъ Стединкъ, въ качествѣ шведскаго дипломата, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, то и онъ былъ удостоенъ чести приглашенія къ драматическимъ представленіямъ въ эрмитажѣ. Не болѣе, какъ полтора года до этого происшествія, на той же самой сценѣ явилась карриатура на Шведскаго короля. Когда въ первый разъ давали оперу „Горе-Богатырь“, присутствовали также иностранные дипломаты.

Храповицкій пишетъ 29-го января 1789 года: „Играли „Горе-Богатыря“ и по окончаніи пьесы повторяли его дуэтъ съ Гремилой“.

¹⁾ См. Зап. Храповицкаго, стр. 106 — 166.

²⁾ *Archenholtz, Minerva*, I, 74 и 75.

30-го января: „Съ удовольствіемъ отзываться изволила (императрица) о представленіи „Горе-Богатыря“; я заявилъ трусость свою, когда увидѣлъ на театрѣ Кобенцеля (императорскаго посла) и Сегюра. (Императрица на это замѣтила): „Нѣтъ, имъ графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ сказалъ, что спектакли въ эрмитажѣ одинаковы, и они пріѣхать могутъ; Кобенцель заводилъ къ разнымъ уподобленіямъ, но и будто не примѣчала, и когда спрошенъ былъ Сегюръ, то отвѣчалъ искренно: „Qui se sent morveux, se mouche, et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinentes“.

Разказъ самого Сегюра не совсѣмъ согласенъ съ этою замѣткой. У него сказано: „Если Шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ и торжествами, обѣщанными прежде побѣды, нарушалъ приличіе, то и государыня немного этому уступала и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно обязаны коронованныя лица. Она приказала сочинить и представить на своемъ театрѣ шуточную оперу, въ которой Густавъ III былъ выведенъ въ смѣшномъ видѣ: онъ явился тутъ какимъ-то удалцомъ, заносчивымъ владыкой. Этотъ искатель приключеній, по совѣту злой волшебницы, взялъ въ какой-то старой кладовой вооруженіе древняго, знаменитаго великана: огромный шлемъ его спускался у него до живота, а сапоги хватили до пояса; изъ этого выходила голова съ двумя ногами безъ туловища. Въ такой бронѣ онъ приступаетъ къ какой-то ничтожной крѣпости, изъ которой выходитъ комендантъ-инвалидъ съ тремя солдатами и своею деревянкою прогоняетъ героя-шута. Этотъ спектакль не позабавилъ меня, а напротивъ того опечалилъ, и императрица, послушавшись разныхъ неловкихъ и пошлыхъ комплиментовъ по этому случаю, могла замѣтить по моему молчанію и виду, что я страдаю за великую, благородную государыню“¹⁾.

Оперу „Горе-Богатырь“ нѣсколько разъ играли въ 1789 году. На третій день послѣ перваго представленія ее давали при цесаревичѣ, какъ говорить Храповицкій, „очень удачно; всѣ были веселы, смѣялись, били форо хору плачущихъ и дуэту Горе-Богатыря съ Гремиллой, а по окончанія пьесы, повторенъ еще хоръ плачущихъ и первая арія Гремиллы“. 1-го февраля: „Довольны оперой: сказывали, какъ цесаревичъ смѣялся и просилъ, чтобъ еще посмотрѣть; приказано дать 5-го числа“.

¹⁾ Mémoires et souvenirs., III, 302 — 303.

4-го февраля вечеромъ пріѣхалъ князь Потемкинъ. На другой день играли при немъ „Горе-Богатыря“. Когда спросили его мнѣніи о піесѣ, онъ сказалъ, что въ отношеніи къ литературному ея достоинству онъ не считаетъ себя компетентнымъ судьей, но что онъ не можетъ одобрить намѣренія императрицы оскорбить короля ¹⁾. Вѣроятно, этотъ отзывъ Потемкина подалъ поводъ къ тому, что на другой день, 6-го февраля, Екатерина сказала Храповицкому: „Горе-Богатыря“ не дадутъ нигдѣ на публичномъ театрѣ“; 25-го же апрѣля онъ записалъ: „Сказано, что можно „Горе-Богатыря“ играть въ Москвѣ, а здѣсь для министровъ иностранныхъ не ловко“ ²⁾.

Сочиненная Екатериной опера пользовалась при дворѣ нѣкоторою популярностью. Екатерина съ удовольствіемъ замѣтила, „что великіе князья поютъ всю оперу“. 17-го апрѣля ее давали въ эрмитажѣ, 12-го іюля въ Царскомъ Селѣ, 12-го сентября опять въ эрмитажѣ для принца Нассау-Зигена, возвратившагося въ Петербургъ послѣ славной побѣды, одержанной имъ надъ Шведами при Свенсхундѣ ³⁾ 13/25-го августа.

Содержаніе оперы слѣдующее:

Горе-Богатырь, занимающійся ребяческою игрою въ свайку и вѣтаскиваніемъ изюму изъ погреба своей матери Локтметы, „много слышался отъ сказальщиковъ о рыцарскихъ и богатырскихъ дѣлахъ“ и желаетъ самъ предпріять такіа дѣла:

Геройствомъ надуваюсь
И славою прельщаюсь,
Лобъ спрячу подъ шишаемъ,
Надѣну рыцарски доспѣхи,
И сильный мой кулакъ
Въ бою доставитъ мнѣ успѣхи.
Для богатырскихъ дѣлъ
Я много думалъ и потѣлъ,
Хотя же сталъ я храбръ недавно,
Но будетъ имя славно;
Пойду я бодръ теперь и гордъ,
На вѣсть, на зюйдъ, на остъ и нордъ.

Мать не хочетъ отпустить его. Онъ же говоритъ: „Развѣ я не то могу дѣлать и учинить, что другіе дѣлывали? Вѣдь богатыри и рыцари были люди, и я человекъ же; отпустите меня, я надѣлаю

¹⁾ *Archenholtz, Minerva* 1799, I, 75.

²⁾ Записки Храповицкаго, 170, 187.

³⁾ Тамъ же, 185, 199, 206.

великія и славныя рыцарскія и богатырскія скосырства, какихъ еще очи не видали, и слухомъ люди не слышали. Я океанъ-море отъ края до края завуюю со всѣми на ономъ находящимися островами, пустыми и населенными“. Послѣ этого Локмета рѣшается отпустить сына, въ особенности потому, что ее упрощиваютъ барскія барыни, къ которымъ герой и обращается съ слѣдующими словами: „Спасибо вамъ, что вы матушку уговорили меня отпустить; за то я къ вамъ пришлю въ гостиницы куницъ и соболей, и черныхъ, и красныхъ лисицъ, и бархаты, и атласы, и камки, и фаты; и какъ океаномъ-моремъ завладѣю и помрачу славу всѣхъ богатырей, до сего бывшихъ, тогда сдѣлаю для васъ великолѣпный пиръ на берегу океана-моря, на который васъ прошу, и буду васъ подчивать изъ своихъ ружь богатырскихъ яствами сахарными на столахъ дубовыхъ, покрытыхъ скатертями бранными“.

Екатеринѣ было извѣстно, что Густавъ III пригласилъ шведскихъ придворныхъ дамъ на балъ въ Петергофѣ. Густавъ надѣялся поднять Швецію на такую степень могущества и славы, какой достигла Пруссія при Фридрихѣ Великомъ, его дядѣ. Онъ хотѣлъ завладѣть всѣми островами, то-есть, возвратитъ Швеціи земли, принадлежавшія ей при Густавѣ-Адольфѣ. Бывъ въ Финляндіи и открывъ военныя дѣйствія, Густавъ, по свидѣтельству одного изъ своихъ современниковъ, въ депешѣ къ своимъ министрамъ въ Стокгольмѣ выразилъ надежду, что въ продолженіе шести недѣль займетъ всю Финляндію ¹⁾. Хвастовство его могло справедливо вызвать колкости. Родомонтады Горе-Богатыря были особенно смѣшными, потому что средства, которыми располагалъ король, были незначительны.

Горе-Богатырь выбираетъ себѣ боеваго коня; объ этомъ рассказываетъ его щитоносецъ Торопъ слѣдующее: „Приказалъ лошадей осѣдлать, и вывели ему аргамака черногриваго, но сей началъ вертѣться, зубами кусать, передними ногами топтать, а задними лягать на всѣ стороны, такъ что Горе-Богатырь къ нему и приступить не смѣлъ“. Потомъ „привели коня черкесскаго; Горе-Богатырь ногу въ стремя поставилъ, какъ-то неосторожно тронулъ коня ногою въ бокъ; конь былъ щекотливъ, кинулся на правую сторону, а Горе-Богатырь упалъ на другую.... Не полюбился ему черкесскій конь, вывели ему третью; та показала ему крѣпкоузда и пужлива; наконецъ, выбралъ себѣ какую-то мезенскую клячку съ ходой и пожаловалъ ее въ бо-

¹⁾ *Archenholtz, Minerva*, 1798 г., IV, 476.

гатырскіе кони". Затѣмъ Громкобай показываеъ ему въ кладовой шишакъ Яруслана Лазаревича, а Торопъ спрашиваетъ: „Не великъ ли тебѣ будетъ?“ Дѣйствительно, шишакъ герою по колѣни, и Кривоюзъ смѣется: „Эхъ, сударь, едва не весь ты ушелъ въ шишакъ, такъ онъ для тебя великъ“.

„Горе-Богатырь. Не та бѣда, что великъ, да сквозъ не видать, глаза закрываетъ; велю дыры провертѣть, чтобы видно было, когда его вздѣну.“

„Громкобай. Тутъ на стѣнѣ виситъ мечъ-кладенецъ Ивана Ахри-дѣвча.“

„Торопъ. Вотъ, сударь, штука, поднимитка, буде сможешь.“

„Горе-Богатырь. Какъ не поднять? (*Объими руками на силу поднимаетъ*). Мечъ-кладенецъ очень широкъ и длиненъ; призовите ко мнѣ шпажника, я велю его кругомъ уже и короче опилить.“

„Торопъ. Жаль такую старинну портить.“

„Громкобай. Не изволишь ли посмотрѣть палицу двѣнадцати-пудовую Петра золотыхъ ключей.“

„Горе-Богатырь. Прикажи ее перековать, чтобы мнѣ по рукѣ была.“

„Громкобай. Да какой же дать ей вѣсъ?“

„Горе-Богатырь. Полегче какъ-нибудь.“

„Торопъ. Принеси ее къ намъ, болѣе похожую на свайку, нежели на палицу боевую.“

„Кривоюзъ (*про себя*). Переломаеъ онъ всю сбрую богатырскую, и со всѣмъ тѣмъ она ему еще не по силѣ и не по праву будетъ. (*Отводитъ Горе-Богатыря на сторону*). О чемъ, сударь, ты такъ много заботишься? Вѣдь дѣло твое въ томъ, чтобы досиѣхи казисты были? Послушай мой совѣтъ, дай намъ волю; мы сдѣлаемъ тебѣ для легкости латы изъ картузной бумаги и выкрасимъ желѣзнымъ цвѣтомъ; а вмѣсто шишака со ржавчинами, сошьемъ тебѣ косую пушистую шапочку на хлопчатой бумагѣ съ журавлиными перьями разныхъ цвѣтовъ, и ты будешь и казистъ, и зѣло лѣнень.“

„Горе-Богатырь. Хорошо“, и т. д.

Тщеславіе Густава III, дѣйствительно, заставляло его обращать особенное вниманіе на наряды и внѣшніе знаки отличія. Онъ любилъ заниматься составленіемъ проектовъ объ учрежденіи новыхъ рыцарскихъ орденовъ; самъ рисовалъ изображенія такихъ украшеній, костюмовъ для театра и т. п. ¹⁾ Во время похода онъ одѣвался въ

¹⁾ Gustaf's III hinterlassene Papiere, I, 124.

шелковое платье на подобіе рыцарей среднихъ вѣковъ, и носилъ башмаки съ разноцвѣтными лентами и т. д. По случаю взятія одного русскаго знамени онъ велѣлъ устроить пышный церемоніаль; рыцарскіе турниры и другія увеселенія этого рода забавляли его во время самыхъ серіозныхъ моментовъ похода ¹⁾. Лживые и восхвалявшіе безпредѣльно славу шведскаго оружія бюллетени о битвахъ съ Русскими были дѣйствительно смѣшны. Несоразимѣрность между слишкомъ смѣлыми надеждами и предположеніями Густава, съ одной стороны, и результатами похода 1788 года, съ другой, подавала самый удобный поводъ къ насмѣшкамъ.

Въ третьемъ дѣйствіи оперы начинается рядъ мнимо-геройскихъ подвиговъ Горе-Богатыря. На открытомъ полѣ лежатъ герой и поэтъ:

Пусть лошадка отдыхаетъ,
Рыцарь руки расправляетъ,
Крѣпко топаетъ ногой,
Шалочку на глазъ надвинетъ,
Глазомъ восо лишь окинетъ,
Всѣхъ враговъ согнетъ дугой.

„Кривоногозъ. Будетъ ли такъ или нѣтъ, еще неизвѣстно; но не нравится мнѣ то, что ты лишь только со двора успѣлъ съѣхать, какъ изъ ближняго переулка подулъ вѣтръ и косую пушистую голубую шапочку, со множествомъ журавлиныхъ перьевъ разныхъ цвѣтовъ, вихри подхватили и кинулъ чрезъ кровлю на дворъ немощенный въ грязь“, и пр.

Продолжая свой путь, храбрые рыцари замѣчаютъ избушку, у которой сидитъ безрукій старикъ, храбро нападаютъ на послѣдняго и требуютъ пшци:

„Горе-Богатырь. Ну, братцы, помогайте.
Избушку осаждайте,
Мы дружески теперь
Пробьемъ плечами дверь;
Тогда прійдемъ къ обѣду
И воспоемъ побѣду.

„Кривоногозъ и Торопъ. Тебѣ мы рады помогать,
Пока не будутъ насъ толкать,
И бить по шеѣ кулаками,
Вѣдь не здоровы мы спинами.

(Горе-Богатырь съ Кривоногозомъ и Торопомъ, обнажа мечи свои, хотятъ насильно вломиться въ избушку, но старикъ, стонъ въ дверяхъ и имѣя только

¹⁾ См. между прочимъ Арнта, Schwed. Gesch., Поселъта и др.

въ рукахъ ухватъ, колотитъ своихъ непріятелей и обращаетъ ихъ въ бѣство).

Старикъ. Безсмертія не покупаютъ,
Героевъ въ Стиксѣ не купаютъ,
За деньги славы не даютъ
И рыцарей шальливыхъ бьютъ.
Побилъ и далъ имъ раны многу;
Но гнать за ними плохи ноги;
Однако способъ я сыщу,
За ними съ цѣпи пса пущу“.

Подобно этому Шведы не могли взять Нейшлотъ и Фридрихсгамъ въ должи были отступить. Незначительныя средства Русскихъ при оборонѣ довольно справедливо изображаются въ лицѣ безрукаго старика; впрочемъ, неудача Шведовъ при осадѣ этихъ крѣпостей должна быть приписываема не трусости Шведовъ, а внутреннему раздору въ ихъ лагерѣ. Большинство не хотѣло войны. То же самое мы видимъ и въ оперѣ: товарищи Горе-Богатыря нехота отправились въ походъ и уже въ самомъ началѣ похода стараются напугать героя и заставить его вернуться. Такъ, шведскія войска уже въ Свеборгѣ нарушали правила дисциплины, оказывали неудовольствіе и готовили мятежъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи оперы Громкобай, Кривонозгъ и Торонъ составляютъ планъ, какимъ образомъ склонить Горе-Богатыря къ возвращенію къ матери:

„Кривонозгъ. Пойдемъ по разнымъ дорогамъ по лѣсу и начнемъ улюлюкать, какъ будто медвѣдь натечетъ на царей, а потомъ затрубимъ въ рогъ. (Всѣ трое улюлюкаютъ, отходя за кулисы, и трубятъ въ рогъ, будто на травляя медвѣдя).

„Горе-Богатырь (прибываетъ запыхавшись). Это медвѣдя травятъ... Я опасаясь, чтобы медвѣдь, выбѣжавъ отъ царей на меня, не сталъ бы меня ломать: взлѣзу я на дерево, и сидѣть мнѣ тамъ неподвижно“. (Взлѣзаетъ на дерево, за кулисами слышна травля).

„Кривонозгъ. Что ты, Горе-Богатырь, сидишь, какъ птица на деревѣ? Теперь ли время гнѣзда свивать? Съ права идутъ костоглоты, съ лѣва лѣшніе, а по среднѣ колдуны во множествѣ; они же всѣ верхами ѣдутъ на осинахъ, и если ты не сойдешь съ дерева и не пойдешь скорѣе по той дорогѣ, которую мы тебѣ укажемъ, то ты продашь человѣкъ“.

Такимъ образомъ Горе-Богатырь рѣшается возвратиться домой.

„Горе-Богатырь. Братцы! Какъ же намъ показаться въ городѣ, и что про насъ скажутъ?

„Кривонозгъ. Мы скажемъ, что старика и костоглотовъ, и лѣшнихъ, и колдуновъ мы побѣдили; кому между нами разбирать?

„Горе-Богатырь. Теперь только одна у меня на сердцѣ забота, чтобы латышскіе богатырскія повѣшены были въ видномъ мѣстѣ; что съ нами было, то и умретъ съ нами, а дѣшніе не болтуны, настоящаго дѣла не скажутъ.

„Громкобай. А больше бѣды не будетъ, какъ развѣ со временемъ мыши съѣдятъ твои латы, но то случается и съ описаніемъ славнѣйшихъ дѣлъ“.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ: войско Густава само принудило его возвратиться въ Швецію изъ финляндскаго похода; намѣренно распространяли ложные слухи о приближеніи со всѣхъ сторонъ значительныхъ отрядовъ русскихъ войскъ. То говорили, что 20.000 человекъ приближаются изъ Петербурга, то разказывали о двѣнадцати-тысячномъ отрядѣ, приближающемся, будто бы, со стороны Вильманстранда. Графъ Армфельдъ писалъ своей жемѣ, что офицеры разказываютъ солдатамъ о большомъ войсѣ, сформированномъ императрицей изъ 30.000 старшихъ бабъ, одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры ¹⁾. Значительная разница, впрочемъ, между содержаніемъ оперы и дѣйствительными событіями войны заключалась въ томъ, что хоти конфедераты и старались дѣйствовать на шведское войско и напугать солдатъ, самъ Густавъ очень хорошо зналъ, что бояться было нечего. Обвиненіе Густава въ малодушіи и трусости есть *licentia poetica*, допущенная авторомъ оперы. Густавъ довольно часто имѣлъ случай выказать необыкновенную храбрость, отчаянное мужество и силу духа. Такіе случаи, впрочемъ, встрѣчаются особенно въ 1789 и 1790 годахъ, тогда какъ въ походѣ 1788 года военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ самъ король, были незначительны и скоро кончились вслѣдствіе образованія конфедерации въ Аньялѣ. И въ минуты самыхъ отважныхъ государственныхъ переворотовъ, и на полѣ битвы, Густавъ всегда отличался хладнокровіемъ и презрѣніемъ къ опасности. Въ этомъ отношеніи онъ не заслуживалъ ни малѣйшаго упрека. Зато онъ довольно часто являлся хвастливымъ и тщеславнымъ; любилъ громкія фразы и пышныя выраженія, въ особенности говоря о своихъ подвигахъ и о своемъ образѣ мыслей.

По возвращеніи домой Горе-Богатырь поетъ:

Могу безъ хвастовства сказать,
Дѣлъ кучу храбрыхъ доказать;
Низринулъ множество ошотовъ,
Вездѣ и всѣхъ я побѣдилъ,
Прогналъ, разсыналъ и побилъ
Медвѣдей, костоголовъ

¹⁾ *Gabriel Rein*, *Kriget i Finland åren 1788*, se. 71; *Malmanen*, *Anjala förbundet*, 90.

И лѣшихъ съ колдунами;
 Они вѣдь защищали
 И море съ островами,
 Но всѣхъ повергъ—и пали!
 О томъ спросите насъ,
 Вотъ три свидѣтеля для насъ.

А въ заключеніе хоръ:

Пословица сбылась:
 Сивница поднялась,
 Вспорхнула, полетѣла
 И море зажигать хотѣла,
 Но море не зажгла,
 А шуму сдѣлала довольно ¹⁾.

Такъ забавлялась Екатерина II во время войны съ Густавомъ III. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ перваго представленія этой оперы на эрмитажномъ театрѣ, какъ уже былъ заключенъ миръ съ Швеціей. Императрица писала Шведскому королю, что теперь уже ничто не будетъ препятствовать сохраненію дружбы и согласія между нею и Густавомъ.

Однако шведскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Стедингъ, узналъ, что Екатерина сочинила оперу, въ которой Густавъ былъ осмѣянъ. Стедингъ написалъ объ этомъ королю и выразилъ надежду доставить ему одинъ экземпляръ этого литературнаго произведенія ²⁾. Намъ неизвѣстно, удалось ли Стединку пріобрѣсти это сочиненіе, или нѣтъ. Теперь и шведскаго посланника, какъ и другихъ дипломатовъ, стали приглашать на драматическія представленія эрмитажнаго театра, но разумѣется, „Горе-Богатырь“ совершенно исчезъ изъ репертуара.

А. Брикнеръ.

¹⁾ Сочиненія Екатерины II, изд. Смирдина, I, 429—459.

²⁾ *Stedingk, Mémoires*, I, 294: «On m'a assuré que dans ce temps-là elle (императрица) avait écrit une comédie contre votre majesté, qui a été jouée dans l'intérieur. Je voudrais pouvoir procurer cette pièce à votre majesté, mais cela sera difficile».

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ РИМОМЪ СЪ 1845 ПО 1850 ГОДЪ ¹⁾.

VIII.

Хотя главная цѣль русскаго чрезвычайнаго посольства въ Римъ заключалась въ томъ, чтобы достигнуть соглашенія съ папскимъ правительствомъ по нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ, однако же, посольство вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло и другое порученіе, а именно — на основаніи словеснаго соглашенія между императоромъ и папою Григоріемъ XVI, представить кандидатовъ на вакантныя епископскія кафедръ Имперіи и царства Польскаго для каноническаго утвержденія ихъ папскимъ престоломъ.

Вопросъ о назначеніи епископовъ представлялся обоимъ правительствамъ весьма важнымъ, хотя совершенно съ различныхъ точекъ зрѣнія. Послѣ польскаго возстанія 1831 года, въ которомъ латинское духовенство принимало такое дѣятельное участіе, наше правительство поставило себѣ цѣлю привлечь это духовенство на свою сторону и чрезъ него дѣйствовать на другія сословія. Обезпечивая его матеріальное существованіе и стремясь поднять уровень его образованія, правительство думало изъ политической партіи, и притомъ мятежной, превратить его членовъ въ истинныхъ служителей алтаря. Задача неисполнимая, какъ и доказали послѣдовавшія событія; но тѣмъ не менѣе русское правительство добросовѣстно стремилось къ ея разрѣшенію.

При такихъ условіяхъ естественно вопросъ о замѣщеніи епископскихъ кафедръ лицами благонадежными, съ одной стороны, казался дѣломъ первостепенной важности, а съ другой по необходимости требовалъ содѣйствія Рима и заставлялъ наше правительство искать его. Чтобы дать новое направленіе латинскому духовенству въ Имперіи и царствѣ Польскомъ, болѣе сообразное съ значеніемъ служителей церкви,

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* за январь, февраль, мартъ, май, іюнь и іюль текущаго года.

правительство, конечно, нуждалось въ содѣйствіи Рима; въ вопросѣ же о замѣщеніи епископскихъ кафедръ оно находилось въ непосредственной отъ него зависимости. Латинскій епископъ получалъ права, соединенныя съ его саномъ, только со времени каноническаго его утвержденія папою. Такимъ образомъ, если бы Римскій престолъ сталъ отказывать въ каноническомъ утвержденіи избраннымъ правительствомъ кандидатамъ на епископскія кафедры, то безъ сомнѣнія, всѣ намѣренія правительства, клонившіяся къ преобразованію духовенства, были бы разрушены, и цѣль, къ которой оно стремилось, никогда не была бы достигнута. Поэтому, не смотря на аллокуцію папы 22-го іюля 1842 года, русское правительство не прервало сношеній съ Римомъ, а напротивъ того, чрезъ нѣсколько времени, въ 1844 году, назначило новаго посланника въ Римъ, г. Бутенева, съ цѣлю достигнуть примиренія и соглашенія съ папскимъ престоломъ. Вопросъ о замѣщеніи епископскихъ кафедръ былъ порученъ особенному его вниманію, а порядокъ избранія и утвержденія епископовъ опредѣленъ въ послѣдствіи личными переговорами императора съ папою при свиданіи въ Римѣ, въ 1845 году.

Не меньшую важность придавалъ этому вопросу и Римскій дворъ. „Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію“, писалъ нашъ посланникъ въ первое время послѣ пріѣзда въ Римъ, „что какъ бы ни оказался папа уступчивъ по вопросамъ, которымъ мы придаемъ особенную важность, мы непремѣнно встрѣтимъ систематическое упорство съ его стороны, лишь только будетъ предложено ему положиться вполнѣ на добросовѣстность свѣтскихъ властей въ отношеніи къ выбору епископовъ и ограничиться только ихъ посвященіемъ и каноническимъ утвержденіемъ. Если такъ будетъ поставленъ вопросъ, то папа непремѣнно увидитъ въ этомъ покушеніе, направленное противъ самой сущности его церковной власти. Онъ никогда не согласится на такое предложеніе, потому что по его воззрѣніямъ это значило бы отказаться отъ права, которое онъ считаетъ унаслѣдованнымъ непосредственно отъ св. апостола Петра и необходимымъ для поддержанія единства церкви. Когда Пій VII находился въ плѣну у Наполеона, онъ принужденъ былъ признать многое, какъ совершившіяся уже факты, но никогда не соглашался отказаться отъ правъ своихъ въ отношеніи къ епископамъ, которыя папы считаютъ за переданныя имъ отъ апостоловъ“¹⁾. Нашъ посланникъ совершенно правильно смотрѣлъ на

¹⁾ Делепа Бутенева изъ Рима отъ ^{31-го января} 12-го февраля 1845 года.

вопросъ съ точки зрѣнія Римскаго престола: но эта точка зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ апостольскимъ преданіемъ и съ канонами вселенской церкви. Епископъ посвящается двумя или тремя другими епископами и утверждается, для отпращиванія своихъ обязанностей въ епархіи, высшею церковно-административною властію государства или области (архіепископомъ, митрополитомъ, патриархомъ, экзархомъ, примасомъ и проч.). Таково правило вселенской церкви, которое соблюдалось и церковію западною въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ ея существованія. Но въ настоящее время папы проповѣдуютъ совершенно другое воззрѣніе, положительно противоположное канонамъ церкви. Епископская власть во всей ея полнотѣ, говорятъ они, сосредоточивается только въ лицѣ *вселенскаго* епископа, то-есть, папы. Всѣ другіе епископы получаютъ власть исключительно отъ папы непосредственно или чрезъ его уполномоченныхъ, легатовъ. Поэтому папа избираетъ, посвящаетъ и утверждаетъ епископовъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія церкви, въ латинскомъ исповѣданіи есть только одинъ епископъ—папа; а всѣ остальные суть его уполномоченные чиновники и слуги. Этотъ взглядъ развился въ эпоху папскаго всемогущества, въ средніе вѣка, именно въ XIII столѣтіи, и во всей полнотѣ выраженъ Иннокентіемъ III (1198—1216 гг.) ¹⁾. Чтобъ окончательно утвердить этотъ взглядъ, въ это же время была введена въ употребленіе *присма*, которую при посвященіи произносили каждый епископъ на *вѣрность* папѣ. Такимъ образомъ, будучи равны между собою по ученію церкви, епископы въ латинскомъ исповѣданіи превратились въ служителей и вѣрноодданныхъ папы. Конечно, не безъ долгой борьбы удалось папамъ доставить побѣду такому взгляду; боролись и мѣстныя церкви за свои права, и особенно свѣтскіе государи постоянно защищали свое право участія въ выборѣ и назначеніи епископовъ. До настоящаго времени сохранились остатки древнихъ правъ высшихъ представителей іерархіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ церквей; такъ, патриархи уніатовъ восточныхъ церквей сохраняютъ право утверждать епископовъ; на западѣ такое же право осталось за архіепископомъ Зальцбургскимъ. Свѣтскія же правительства никогда не отказывались отъ своего права участія въ избраніи епископовъ. Папы уступали необходимости, но ревностно защищали притязаніе посвящать и утверждать въ санѣ каждого латинскаго епископа.

Это притязаніе служило сильнымъ орудіемъ для папъ въ ихъ

¹⁾ Decr. inter corporalia, c. 2 de translatione episcopi.

борьбѣ со свѣтскими государями. Пока отношенія между Римомъ и другимъ государствомъ были дружелюбны, папы безъ особыхъ придирокъ утверждали представляемыхъ свѣтскою властію кандидатовъ на епископскія кафедръ. Но лишь только, вслѣдствіе какихъ бы то ни было обстоятельствъ, эти отношенія измѣнились, папы переставали утверждать кандидатовъ, и такимъ образомъ, лишая папствы ихъ законныхъ пастырей, вносили смуту въ умы подданныхъ государя, и возбуждая ихъ противъ правительства, принуждали послѣднія дѣлать уступки разнымъ своимъ требованіямъ и притязаніямъ ¹⁾).

Точно то же испытала и Россія въ своихъ отношеніяхъ къ Римскому двору. До 1839 года папы почти безпрекословно утверждали представляемыхъ нашимъ правительствомъ кандидатовъ. Но уже послѣ усмиренія польскаго мятежа довѣріе Рима къ русскому правительству было поколеблено безчисленными жалобами и ложными извѣстіями о его дѣйствіяхъ въ отношеніи къ латинской церкви, которыя усердно доставлялись папѣ польскими мятежниками и преимущественно эмигрантами. Для уснѣха своихъ замысловъ эти люди считали необходимымъ участие въ нихъ духовенства, и посланіе Григорія XVI къ польскому духовенству, отъ 15-го августа 1832 года, порицавшее его участие въ мятежѣ и повелѣвавшее повиноваться законной власти Русскаго императора, было сильнымъ для нихъ ударомъ. Они поставили себѣ цѣлію отклонить подобный ударъ на будущее время и привлечь Римскій дворъ на свою сторону, убѣдивъ его, что русское правительство стремится къ постепенному уничтоженію латинской церкви въ предѣлахъ Имперіи и царства Польскаго, и что къ этой цѣли направлены всѣ предпринимаемыя имъ мѣры. Григорій XVI едва-ли давалъ полную вѣру такимъ сообщеніямъ, но конечно, принималъ ихъ къ свѣдѣнію, а ультрамонтанская партія, во главѣ которой стоялъ кардиналъ статсъ-секретарь Ламбрускини, пользовалась ими, чтобы смущать совѣсть папы. Вслѣдъ за тѣмъ воссоединеніе униатовъ съ православною церковью положило конецъ колебаніямъ политики Римскаго двора въ отношеніи къ Россіи.

Дѣйствительно, это великое событіе, неожиданное для Рима, по свойственной ему самоувѣренности, разразилось надъ нимъ какъ роковой ударъ судьбы и заставило его если не понять, то почувствовать,

¹⁾ Ср. *Le comte d'Haussonville: L'Église romaine et le premier Empire; vol. II, chap. XXVIII; vol. III, chap. XLI.*

что всѣмъ обращеніямъ въ латинство, совершеннымъ насиліемъ или обманомъ, предстоитъ въ будущемъ та же участь. Съ этого времени Римскій дворъ сталъ въ явно враждебныя отношенія къ Россіи и всѣ свои жалобы на наше правительство и притязанія выразилъ потомъ въ аллокуціи папы 22-го іюля 1842 года. Но онъ очень хорошо понималъ, что это средство, способное на время взволновать общественное мнѣніе Европы, не могло заставить Россію измѣнить свою политику. Поэтому Римскій дворъ прибѣгъ къ средству болѣе дѣйствительному: началъ замедлять дѣла объ утвержденіи кандидатовъ на епископскія каѳедры и вовсе отказывать въ утвержденіи большей части изъ нихъ.

Въ это время на разсмотрѣніи Римской куріи находились дѣла объ утвержденіи епископа Павловскаго Могилевскимъ архіепископомъ, Раввы — епископомъ Минскимъ, Гентиллы — суффраганомъ Самогитскимъ, Гольдмана — Сандомірскимъ, Лубенскаго — суффраганомъ въ Калишѣ, Котовскаго — первоначально Подляскимъ епископомъ, а потомъ суффраганомъ въ Ловичѣ, и Тарашкевича епископомъ Холмскимъ. Тщетно нашъ посланникъ Потемкинъ хлопоталъ объ утвержденіи епископовъ, Римскій дворъ постоянно откладывая эти дѣла, не объясняя причинъ, и въ то же время защищалъ Подляскаго епископа Гутковскаго, смѣны котораго требовало наше правительство, какъ чловѣка, явно ему враждебнаго. Наконецъ, нашему посольству удалось узнать, что папа не утверждаетъ Павловскаго Могилевскимъ архіепископомъ, потому что онъ благословилъ бракъ великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, не взявъ съ нихъ обязательства воспитывать дѣтей въ латинскомъ исповѣданіи. Дѣйствительно, въ то же самое время Римскій дворъ отправилъ Павловскому папское бреве, упрекавшее его за благословеніе этого брака и требовавшее съ его стороны покаянія. Такой поступокъ папскаго правительства, прямо касавшійся императорскаго дома и поднимавшій одинъ изъ неразрѣшимыхъ вопросовъ — о смѣшанныхъ бракахъ, о которомъ и не бывало до сихъ поръ переговоровъ, не могъ не показаться нашему правительству дерзкимъ вызовомъ. Пользуясь правомъ — *exequatur*, наше правительство не утвердило папскаго бреве и не передало его Павловскому; посланнику же нашему поручило отвѣчать Римскому двору слѣдующимъ образомъ:

„Въ продолженіе семидесяти лѣтъ римско-католическое духовенство въ Россіи благословляетъ смѣшанные браки, не прибѣгая за разрѣшеніями къ Римскому двору, который никогда не помыслилъ возражать противъ обычая, освященнаго временемъ. Поэтому насъ

не могло не удивить сдѣланное по этому поводу обращеніе папы къ архіепископу Павловскому. По нашему мнѣнію, право латинскаго духовенства въ Россіи благословлять смѣшанные браки основывается на § 10 трактата, заключеннаго Россіей въ 1768 году съ Польскою республикою. Не возможно предположить, чтобы Римскій дворъ не зналъ объ этомъ договорѣ, заключенномъ между двумя государствами, изъ которыхъ одно (Польша) находилось въ то время подъ сильнымъ его вліяніемъ. Послѣ того постоянное молчаніе Римскаго престола по этому вопросу не могло не убѣдить насъ въ его безмолвномъ согласіи, на основаніи извѣстнаго юридическаго правила: *qui tacet, consentire videtur*. Если Римскій дворъ приводитъ въ свое оправданіе правила Тридентскаго собора, то мы отвѣтимъ ему на это, что постановленія Тридентскаго собора не были у насъ приняты и никогда не имѣли силы закона не только въ Россіи, но и въ прежней Польской республикѣ, точно такъ же, какъ и нѣкоторые новѣйшія заявленія Римскаго двора въ отношеніи къ смѣшаннымъ бракамъ, а именно бреше и наставленія епископамъ Баваріи 1832 и 1834 годовъ. Эти заявленія не только не могутъ служить руководствомъ для нашего латинскаго духовенства, которое и не имѣетъ о нихъ свѣдѣній, но едва-ли приняты и латинскимъ по исповѣданію баварскимъ правительствомъ, Римъ знаетъ, что императоръ можетъ оказывать покровительство латинскому духовенству въ своихъ государствахъ единственно при томъ условіи, чтобы это духовенство съ своей стороны уважало законы государства, которое оказываетъ ему покровительство. Такое условіе не представляетъ ничего новаго; оно соблюдается и въ другихъ странахъ; напримѣръ, во Франціи, которой государи, въ знакъ повинновенія предписаніямъ Ватикана, именуется старшими силами церкви, соблюдается однакоже правило, что никакое папское бреше, никакая булла не могутъ быть обнародованы безъ предварительнаго разсмотрѣнія со стороны свѣтской власти, которая обязана удостовѣриться, что въ нихъ не заключается ничего противнаго законамъ государства и правамъ галликанской церкви. Между тѣмъ очевидно, что съ законами нашего государства совершенно несогласно, чтобы дѣти, происшедшія отъ брака, въ которомъ одинъ изъ супруговъ принадлежитъ къ латинскому исповѣданію, были воспитываемы въ этомъ исповѣданіи, и чтобы супругъ латинянинъ по исповѣданію старался всѣми способами совратить въ это исповѣданіе другаго. Какое правительство можетъ потерпѣть подобное насиліе?

„Кажется, мы доказали полное несогласіе притязаній Римскаго

двора съ русскими законами. Итакъ, мы спрашиваемъ этотъ дворъ: справедливо ли, разумно ли и даже возможно ли требовать, чтобы самъ императоръ разрушилъ коренные законы Имперіи и замѣнилъ ихъ постановленіями Римской церкви? Каково бы ни было мнѣніе кардинала Ламбускини о силѣ постановленій Римскаго престола по отношенію къ государствамъ латинскимъ по исповѣданію, мы сомнѣваемся, чтобы по совѣсти онъ могъ придавать имъ такое же значеніе по отношенію къ Россіи. Чтò же остается дѣлать, и какимъ образомъ согласовать непримиримыя, повидимому, между собою начала? По нашему мнѣнію, ничего нѣтъ проще, и мы только удивляемся, какъ Римскій дворъ, столь изобрѣтательный на полумѣри (*si fertile en termes mouens*), не руководствовался въ этомъ случаѣ началами мудрой и умѣренной политики. Средняя мѣра, о которой мы говоримъ, заключается впрочемъ въ томъ, что надобно бы дѣйствовать такъ, какъ прежде дѣйствовали, то-есть, терпѣть то, чего измѣнить не возможно, и не возбуждать бесполезно вопросовъ, которые по самой ихъ сущности разрѣшены быть не могутъ. Не надобно забывать, что права папы и императора одинаковы. Потому, чтò сказали бы въ Римѣ, если бы императоръ относился къ своимъ подданнымъ латинскаго исповѣданія такъ же, какъ въ Римѣ относятся къ тѣмъ, которые принадлежать къ этому исповѣданію, или если бы онъ потребовалъ для своихъ еднновѣрцевъ тѣхъ же правъ въ Папской области, какими пользуются римскіе католики въ Россіи, правъ строить храмы въ средоточіи столицы, публично отправлять богослуженіе, воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ и т. под.? Мы сильно сомнѣваемся, чтобы его святѣйшество было расположено сдѣлать намъ подобныя уступки, такъ какъ онъ заявилъ, будто бы и не знаетъ о существованіи протестантской капеллы въ домѣ одного изъ иностранныхъ посольствъ (прусскаго) въ Римѣ, и еще недавно настаивалъ на томъ, чтобы похоронная служба о упокоеніи души одного знаменитаго путешественника, попечителя наслѣдника русскаго престола, генерала Мердера, совершалась тайно, какъ во времена гоненій христіанской церкви, и это только потому, что усопшій не принадлежалъ къ римско-католическому исповѣданію. Кого же можно обвинять въ нетерпимости, за которую упрекають русское правительство? Мы отдаемъ этотъ вопросъ на рѣшеніе самого Римскаго двора. Мы не любимъ входить во взаимныя обвиненія, еще менѣе любимъ начинать религіозные споры, въ которыхъ такъ трудно достигнуть соглашенія; но мы не можемъ молчать въ виду невозможныхъ притязаній и обвиненій, которыхъ мы не заслужили. Необходи-

димо, чтобы Римскій дворъ убѣдился въ той истинѣ, что нашъ августѣйшій монархъ не потерпитъ беззаконнаго вторженія чужеземной власти въ свои государства, власти, которая возстаетъ противъ коренныхъ законовъ Имперіи, и что если бы было позволено ей дѣйствовать такимъ образомъ, то это было бы оскоробленіемъ господствующей церкви и явнымъ нарушеніемъ ея каноновъ. Прибѣгнуть къ такимъ неприятнымъ соображеніемъ вынудила насъ та причина, на которую указалъ папа, отказывая въ каноническомъ утвержденіи архіепископу Павловскому. Мы не можемъ не высказать еще одного замѣчанія и не припомнить, что исторія церкви представляетъ многіе примѣры уступокъ, которыя гораздо труднѣе согласить со строгимъ исполненіемъ догматовъ римской церкви. Чтобы не выходить изъ предѣловъ занимающаго насъ вопроса, мы укажемъ на ту легкость, съ которою постоянно относилось латинское духовенство къ *разводамъ* въ Польшѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Бракъ составляетъ церковное таинство, нерасторжимое по своему существу; какимъ же образомъ Римскій дворъ терпѣлъ подобный соблазнъ, противъ котораго вынуждена была, наконецъ, принять мѣры свѣтская власть? Мы еще не теряемъ надежды, что Римскій дворъ откажется отъ того направленія, которое онъ принялъ, вслѣдствіе несправедливыхъ предубѣждений, и что онъ выступитъ на путь, способный привести къ соглашенію. Но если, вопреки нашимъ ожиданіямъ, его святѣйшество будетъ упорствовать въ отказѣ утвердить архіепископомъ Павловскаго, то намъ, останется только признать необходимія послѣдствія такого недоброжелательнаго поступка Римскаго двора и обойтись безъ этой *формальности*, которая въ глазахъ императора нисколько не будетъ препятствовать епископу Павловскому пользоваться титуломъ архіепископа Могилевскаго¹⁾.

Такимъ образомъ наше правительство въ 1839 году намѣревалось поступить точно такъ же какъ прежде поступила императрица Екатерина II, когда папа отказывался утвердить архіепископа Сестренцевича - Богуша въ санѣ митрополита, и относительно утвержденія папой епископовъ въ санѣ архіепископа или митрополита выразило правильный взглядъ, что это лишь простая формальность, удовлетворяющая только притязаніямъ папы и не имѣющая никакого значенія для мѣстной церкви, и тѣмъ болѣе для свѣтскаго правительства. Но правительство наше въ послѣднемъ случаѣ поступило снисходительнѣе,

¹⁾ Нота отъ 13-го января 1839 года.

не желая, въ виду предположенныхъ имъ цѣлей въ отношеніи къ латинскому духовенству, окончательнаго разрыва съ Римомъ.

Приведенная нами нота канцлера, конечно, не могла не произвести впечатлѣнія на кардинала Ламбускини, но не побѣдила однакожь ультрамонтанскаго упорства. Болѣе умѣренные изъ римскихъ прелатовъ говорили нашему посланнику, что единственный способъ побѣдить упорство этой партіи ¹⁾ можетъ заключаться лишь въ непосредственномъ дѣйствіи на самого папу, и поэтому совѣтовали, чтобъ императоръ лично написалъ письмо папѣ. Наше правительство согласилось и на эту мѣру.

Статскій совѣтникъ Фурманъ, нарочно посланный съ этимъ письмомъ, передалъ его папѣ на аудіенціи ¹⁶/₂₈-го сентября 1840 года. Безъ сомнѣнія, подобная уступка польстила Риму, и нашъ посланный былъ принятъ такъ ласково, что вовсе не замѣтилъ въ папскомъ правительствѣ той раздражительности, какую ожидалъ встрѣтить, и подумалъ даже, что оно будетъ гораздо стоворчивѣе прежняго въ переговорахъ съ представителемъ Россіи ²⁾. Прочитавъ письмо императора, Григорій XVI сказалъ: „Итакъ, императоръ желаетъ каноническаго утвержденія Могилевскаго архіепископа и добровольной отставки епископа Подляскаго. Но у насъ есть установленныя правила, которыхъ мы не можемъ нарушать. Но желая угодить императору, я готовъ дойти до крайнихъ предѣловъ моихъ обязанностей, далѣе чего я уже идти не могу. Поэтому, если вы услышите отъ меня: „это невозможно“, то я скорѣе погибну, чѣмъ измѣню свое рѣшеніе. Оттого я долго размышляю, прежде чѣмъ рѣшаюсь на что-нибудь, такъ какъ разъ принятое рѣшеніе уже не можетъ быть отмѣнено. Итакъ, дайте мнѣ время для размышленія. Но что касается до епископа Павловскаго, то скажите мнѣ: для чего ваше правительство не передало ему моего бреве?“

Когда нашъ уполномоченный объяснилъ, что это бреве могло бы имѣть весьма дурное вліяніе вообще на латинское духовенство въ Имперіи и совершенно напрасно смутить совѣсть епископа, который не сдѣлалъ никакого нарушенія правилъ, а напротивъ того дѣйствовалъ согласно обычаю, издавна принятому въ Имперіи и существующему и въ настоящее время, то папа отвѣчалъ: „Вотъ въ этомъ-то вы и ошиблись: я удовлетворился бы *всякимъ* отвѣтомъ отъ него. Я не

¹⁾ Делепша Потемкина отъ ⁹/₂₁-го апрѣля 1839 года.

²⁾ Делепша Фурмана отъ ²⁷/₈-го октября 1840 года.

требовать ни отреченія отъ совершившагося уже дѣйствія, ни даже оправданія епископа въ образѣ его дѣйствій, хотя онъ и поступилъ несогласно съ своими обязанностями; но я не могъ умолчать о происшествіи, которое совершилось такъ торжественно и получило такую гласность, что не знать о немъ я не могу, и притомъ совершилось въ то время, когда вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ былъ въ полномъ ходу. Что сказала бы Пруссія? Не могла ли она опереться на это, какъ на примѣръ? Могъ ли я сдѣлать менѣе того, что сдѣлалъ, и поступить съ большею осторожностію? Вамъ извѣстно впрочемъ, что я былъ весьма расположенъ утвердить Павловскаго, и не будь этого обстоятельства, о которомъ я говорю, онъ давно былъ бы утвержденъ“.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что смѣшанный бракъ въ императорскомъ семействѣ, какъ явленіе совершенно исключительное, не могъ служить примѣромъ и имѣть вліяніе на общій вопросъ объ этихъ бракахъ. Но Римскій дворъ воспользовался этимъ происшествіемъ для того, чтобъ или замедлить, или отклонить утвержденіе Павловскаго, какъ онъ замедлялъ движеніе всѣхъ каноническихъ процессовъ о представленныхъ русскимъ правительствомъ кандидатахъ на епископскія кафедры, или же онъ желалъ поднять общій вопросъ объ этихъ бракахъ въ отношеніи къ Россіи. Поэтому нашъ уполномоченный, не упоминая о частномъ случаѣ, отвѣчалъ, что вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, по его мнѣнію, принадлежитъ къ числу неразрѣшимыхъ, и что гораздо лучше вовсе не касаться его, тѣмъ болѣе, что онъ уже затихъ въ настоящее время. Поэтому папа безъ особеннаго неудобства можетъ утвердить архіепископа Павловскаго, тѣмъ болѣе, что послѣдній не имѣетъ свѣдѣній о папскомъ бреве, и слѣдовательно, самый вопросъ можно считать какъ-бы не существующимъ.

„Но здѣсь знаютъ о причинѣ, по которой Павловскій не утверждается архіепископомъ“, отвѣчалъ папа; „поэтому мнѣ нуженъ какой-нибудь предлогъ, чтобы рѣшиться утвердить его. Дайте мнѣ объ этомъ подумать“. И затѣмъ онъ продолжалъ: „Императоръ желаетъ также, чтобъ я убѣдилъ Гутковскаго отказаться отъ епископскихъ обязанностей. Низложеніе епископа есть дѣло весьма важное; я не могу пропнести *разводъ* епископа съ его папвой иначе, какъ на основаніи каноническихъ причинъ и по формальному суду. Но я признаюсь вамъ, что виновность его мнѣ кажется недостаточно доказанною и обвиненія противъ него слишкомъ неопредѣленными. Конечно, онъ

виновать въ несоблюденіи приличныхъ формъ, это и признаю; но какъ священникъ, онъ исполнялъ свою обязанность, и въ этомъ отношеніи онъ не можетъ быть порицаемъ“.

„Въ такомъ случаѣ“, отвѣчалъ нашъ уполномоченный, „ваше свѣтѣйшество порицаете образъ дѣйствій всего остального польскаго духовенства, потому что всѣ другіе епископы посидѣвши исполнить требованія правительства, и только одинъ Гутковскій находится въ постоянной систематической оппозиціи съ администраціей. Такое поведеніе не можетъ быть терпимо, и дурной примѣръ Подляскаго епископа увлекъ бы, наконецъ, за собою и остальное духовенство и произвелъ бы смуты въ странѣ“.

„Вы говорите“, сказалъ папа, „о его сочувствіи къ революціонерамъ; но онъ возражаетъ противъ этого и утверждаетъ, что готовъ пролить кровь за своего государя“.

„Столь многого отъ него не требуется“, возразилъ Фурманъ; „желаютъ только, чтобъ онъ своимъ примѣромъ не возбуждалъ вражды между духовенствомъ и правительствомъ“.

„Приѣдете же наконецъ, къ заключенію“,—сказалъ папа, прерывая вдругъ разговоръ,—„императоръ обращается ко мнѣ съ двумя весьма щекотливыми требованіями. По во всякаго рода переговорахъ нужна извѣстная взаимность. Уступка съ одной стороны и никакихъ выгодъ съ другой, это несправедливо. У меня есть также много требованій въ отношеніи къ императору“.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этой аудіенціи, нашъ посланникъ, всѣми способами стараясь ускорить ходъ дѣла о Гутковскомъ и объ утвержденіи Павловскаго архіепископомъ и другихъ кандидатовъ на епископскихъ кафедрахъ, въ разговорѣ съ монсиньоромъ Каппаччини, спросилъ его наконецъ: какого же надобно ожидать рѣшенія со стороны Римскаго двора? „Рѣшеніе Римскаго двора“, отвѣчалъ монсиньоръ, „будетъ зависѣть отъ рѣшеній императора по всѣмъ другимъ вопросамъ, касающимся вообще положенія римско-католической церкви въ его владѣніяхъ“¹⁾. Справедливость этого мнѣнія вполне подтвердили приведенныя выше слова папы г. Фурману, простоудушно объяснившія лукавую политику Римской куріи. Никакихъ существенныхъ препятствій, которыя могли бы смущать совѣсть папы, какъ выражалась Римская курія, не существовало ни въ отношеніи къ утвержденію архіепископа и епископовъ, ни въ отношеніи удаленія Гутковскаго

¹⁾ Дешеша Потемкина отъ 25-го мая 1840 года.
6-го іюня

отъ управленія Подляскою епархіей. Римъ пользовался этими вопросами какъ орудіемъ для того, чтобы вынудить у русскаго правительства уступки по другимъ своимъ притязаніямъ.

Когда папа далъ нашему уполномоченному замѣтить, что онъ былъ бы не прочь исполнить желанія Русскаго императора, но въ томъ лишь случаѣ, если и ему будутъ сдѣланы уступки со стороны нашего правительства, г. Фурманъ отвѣчалъ, что онъ предвидѣлъ это замѣчаніе папы, и что императорскій кабинетъ уполномочилъ его дать удовлетворительные отвѣты на нѣкоторые изъ требованій Римскаго двора.

Удовлетворенный этимъ отвѣтомъ, папа, не упоминая даже о Павловскомъ, заключилъ аудіенцію словами: „Дайте мнѣ время придумать способъ (*mezzo-termine*), чтобы заставить епископа Подляскаго добровольно отказаться отъ епископскаго сана, потому что низложить его я, по совѣсти, не могу. Между тѣмъ продолжайте переговоры съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ. Этотъ старикъ немного брюзгливъ, но хорошая голова“.

Но съ этимъ *старикомъ* не такъ было легко вести переговоры, какъ съ самимъ Григоріемъ XVI. Уступки, на которыя соглашалось наше правительство, казались ему недостаточными, и онъ, не желая унестить изъ своихъ рукъ важное орудіе, затягивалъ дѣло объ епископахъ и предлагалъ съ своей стороны такія требованія, на которыя наше правительство не могло согласиться.

Между тѣмъ какъ Римъ затягивалъ дѣло о Гутковскомъ, наше правительство было вынуждено удалить его изъ епархіи и поручило капитулу выбрать администратора. Въ отвѣтъ на это капитулъ представилъ просьбу къ Римскому двору, испрашивая его разрѣшенія, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Онъ находилъ, что предложеніе правительства не можетъ быть исполнено, потому что епископъ Гутковскій подалъ прошеніе о своемъ увольненіи свѣтскому правительству, и что право посвящать за него священниковъ уже было представлено особымъ папскимъ бреве суффрагану его Левницкому. Это отношеніе было составлено въ такихъ дерзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ въ отношенія къ нашему правительству, что, конечно, не могло быть отправлено въ Римъ; но правительство рѣшилось представить кандидата на Подляскую кафедру, и дѣйствительно, представило въ послѣдствіи аббата Котовскаго. Между тѣмъ капитулъ тайными путями переслалъ копию съ своего прошенія въ Римъ. 7-го августа 1840 года, въ то время, когда нашъ посланникъ уѣхалъ изъ

Рима во Флоренцію, кардиналь Ламбускини прислалъ въ наше посольство запечатанное письмо папы къ Подлясскому капитулу. Управлявшій дѣлами посольства графъ Штакельбергъ немедленно отправился къ кардиналу и выразилъ ему удивленіе, что вопреки принятымъ обычаямъ прислано запечатанное письмо, которое онъ не можетъ сообщить своему правительству, не зная его содержанія.

„Вы ошибаетесь“, съ горячію отвѣчалъ кардиналь; — „папа постоянно посылаетъ такъ свои отвѣты. Впрочемъ, вы можете поступать, какъ вамъ угодно“.

„Предоставилъ ли, по крайней мѣрѣ, папа право капитулу выбрать администратора?“

„Конечно, нѣтъ“, еще съ большею заносчивостію отвѣчалъ кардиналь.

„Въ такомъ случаѣ папа, вѣроятно, назначаетъ викарія?“

„Въ этомъ письмѣ“, возразилъ кардиналь, „папа дѣлаетъ распоряженія о временномъ управленіи епархіей, потому что каедрa не вакантна, и епископъ возвратится туда“.

Графъ Штакельбергъ отвѣчалъ на это, что онъ можетъ увѣрить кардинала, что императоръ не измѣнитъ своего рѣшенія, и что русское правительство показало себя достаточно терпѣливымъ и великодушнымъ, употребляя, въ продолженіе пяти лѣтъ, всѣ возможные способы примиренія, чтобъ убѣдить епископа возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей.

„Въ этомъ письмѣ ничего нѣтъ противъ вашего правительства“, замѣтилъ, волнуясь все болѣе и болѣе, кардиналь.

„По по крайней мѣрѣ, назначаетъ ли святой отецъ старшаго изъ членовъ капитула для управленія епархіей?“ спросилъ Штакельбергъ.

Этотъ вопросъ, отвѣтъ на который долженъ былъ объяснить содержаніе письма, раздражилъ кардинала еще болѣе.

„Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ; „святой отецъ поручилъ управленіе лицу, на которое указалъ ему епископъ, и онъ будетъ управлять до возвращенія этого епископа“.

И вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ кардиналь началъ упрекать наше правительство за его будто бы гоненія на латинскую церковь. Штакельбергъ выслушалъ его заносчивую рѣчь и заключилъ свиданіе съ кардиналомъ, объявивъ ему, что не отираетъ присланнаго письма, а о случившемся сообщитъ своему правительству¹⁾.

¹⁾ Деша графа Штакельберга отъ 2/11-го августа 1840 года; отношеніе графа Нессельрода отъ 1-го мая 1843 года.

Какъ къ вопросу объ утвержденіи Павловскаго Могилевскимъ архіепископомъ Римскій дворъ придрался только для того, чтобы возбудить общій вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, такъ и по вопросу объ епископѣ Гутковскомъ ему хотѣлось на самомъ дѣлѣ завоевать себѣ право непосредственнаго сношенія съ латинскимъ духовенствомъ въ Имперіи и Царствѣ. Но не видя успѣховъ своихъ домогательствъ, ультрамонтанская партія, въ лицѣ Ламбускини управлявшая политикою Римскаго двора, рѣшилась обнародовать аллокуцію 1842 года противъ Россіи. Эта аллокуція была составлена тайно и обнародована во время отсутствія нашего посланника. Потемкинъ отправился на встрѣчу великой княгини Маріи Николаевны въ Флоренцію. Готовясь обнародовать аллокуцію, кардиналъ статсъ-секретарь, наканунѣ его отъѣзда, сообщилъ ему также, что представленные русскимъ правительствомъ кандидаты на епископскія кафедры — Гольдманъ, Лубенскій и Котовскій, не могутъ быть утверждены папою. Причины отказа были объяснены въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, именно, что папа получилъ о нихъ самыя грустныя извѣстія; относительно Лубенскаго было прибавлено, что онъ, состоя при Краковскомъ канитулѣ, никогда тамъ не живетъ и занимается банкирскими оборотами, а о Гольдманѣ, что сверхъ другихъ прискорбныхъ свѣдѣній, папа извѣстился, что онъ не затрудняется благословлять браки между лицами разныхъ исповѣданій, безъ соблюденія условій, требуемыхъ латинскою церковью.

Получивъ это извѣстіе, канцлеръ нашъ отнесся съ слѣдующею депешою къ управлявшему нашимъ посольствомъ въ Римѣ г. Курнцову, уполномочивъ его сообщить ее и кардиналу статсъ-секретарю: „Въ числѣ упрековъ нашему правительству Римскій дворъ постоянно указываетъ на незамѣщеніе епископскихъ кафедръ и между тѣмъ отказываетъ въ утвержденіи вдругъ тремъ представленнымъ нами кандидатамъ. Мы не хотимъ входить въ пререканія, доказывать неприличіе и несправедливость подобнаго образа дѣйствій и выставлять, до какой степени оскорбителенъ отказъ, основанный на пошлыхъ, случайно приведенныхъ обвиненіяхъ; но святой престолъ позволить намъ выразить соображенія, относящіяся къ самой сущности дѣла, о которомъ идетъ рѣчь. Свѣдѣнія, на основаніи которыхъ онъ рѣшился безпощадно, безъ изслѣдованія и противно всѣмъ началамъ справедливости, безчестить трехъ прелатовъ, достойныхъ какъ по ихъ личнымъ свойствамъ, такъ и по довѣренности къ нимъ государя, могли быть почеркнуты только изъ двухъ источниковъ: они или доставлены прямо

изъ Польши тайными путями, въ чемъ, конечно, не можетъ признаться папское правительство, или собраны отъ польскихъ эмигрантовъ, находящихся за границей. Что касается до перваго источника, то намъ непріятно думать, что Римскій дворъ можетъ прибѣгать къ такимъ средствамъ. Впрочемъ, это вопросъ до такой степени щекотливый, что не можетъ быть и предметомъ совѣщаній, и конечно, папскій кабинетъ, чтобы сохранить свое достоинство, по необходимости долженъ будетъ отвѣчать намъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Итакъ, стало-бытъ, только отъ польскихъ выходцевъ, открытыхъ враговъ русскаго правительства и монархическихъ началъ, его святѣйшество получаетъ свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ Польшѣ; на ихъ ложныхъ извѣстіяхъ и клеветахъ основывается Римская курія въ своемъ судѣ о людяхъ, заслужившихъ довѣріе и уваженіе императорскаго правительства. Если Римскій дворъ, къ несчастію, имѣетъ слабость слишкомъ благосклонно поддаваться коварнымъ внушеніямъ агентовъ революціонной пропаганды, которые злоупотребляютъ его довѣрчивостію, то мы полагаемъ, что онъ пойметъ, по крайней мѣрѣ, что обвиненія, проистекающія изъ такого нечистаго источника, не могутъ имѣть никакого значенія въ глазахъ императорскаго правительства, и что мы съ презрѣніемъ отвергаемъ ихъ. Поэтому, не позволяя себѣ унизиться до того, чтобъ опровергать неопредѣленные и пошлыя обвиненія, относительно которыхъ Римскій дворъ даже не извѣстилъ насъ, къ которымъ именно они доведены до его свѣдѣнія, мы хотимъ сообщить ему нѣкоторыя достовѣрныя извѣстія, которыя доставятъ ему возможность исправить свой взглядъ на дѣло и докажутъ ложность и недобросовѣстность извѣстій, полученныхъ имъ относительно трехъ вышеупомянутыхъ прелатовъ“.

Относительно Лубенскаго нашему правительству было весьма легко разрушить предубѣжденія папы; ибо послѣдній, легкомысленно довѣряя всякому слуху, смѣшалъ того Лубенскаго, котораго представляли кандидатомъ на епископскую кафедру, съ его братьями, дѣйствительно рѣдко находившимися въ Краковѣ и занимавшимися банкирскими оборотами. Но пренятствіемъ къ утвержденію Гольдмана Римскій дворъ снова выставлялъ неразрѣшимый вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ. „Неумѣстно при этомъ случаѣ“, — писалъ канцлеръ къ нашему посланнику въ вышеприведенной нотѣ, — „входить въ разсмотрѣніе щекотливаго вопроса о смѣшанныхъ бракахъ, составлявшаго въ разныя времена предметъ пререканій Римскаго двора со многими иностранными правительствами; но мы не можемъ не выразить желанія, чтобъ этотъ

вопросъ однажды и навсегда былъ устраненъ. Весьма желательно, чтобы теперешній папа, по примѣру своихъ предшественниковъ, ограничился представленіемъ, со стороны латинскихъ священниковъ, брачующимся словеснаго *желанія*, чтобы дѣти отъ такихъ браковъ воспитывались въ латинскомъ исповѣданіи. Римскій дворъ долженъ знать, что латинское духовенство, въ отношеніи къ вопросу о смѣшанныхъ бракахъ, не можетъ дѣйствовать противъ законовъ того государства, къ которому оно принадлежитъ по подданству; онъ долженъ также знать, что мы, съ своей стороны, не можемъ сдѣлать уступки по этому вопросу безъ ущерба постановленіямъ господствующей церкви, которыя никакъ не могутъ быть согласованы съ притязаніями папы. Всякій споръ по этому вопросу будетъ совершенно бесполезенъ, и не приведетъ ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ, будетъ волновать только миръ церкви и спокойствіе совѣсти“.

Наше правительство въ это время было поставлено вообще въ затруднительное положеніе при выборѣ кандидатовъ на римско-католическія епископскія кафедры. Почти все латинское духовенство въ Имперіи и Царствѣ принимало участіе въ польскомъ мятежѣ. Естественно, что правительство не могло избирать кандидатовъ изъ лицъ, явно ему враждебныхъ; между тѣмъ новое, такъ-сказать, поколѣніе прелатовъ, которое оно надѣялось приготовить въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ для латинскаго духовенства, и особенно въ С.-Петербургской академіи, было еще немногочисленно. Съ другой стороны, дѣйствія папскаго двора, явно покровительствовавшего враждебнымъ правительству епископамъ, какимъ, на примѣръ, былъ Гутковский, и отказывавшаго въ утвержденіи въ епископскомъ званіи именно тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя или раскаялись въ послѣдствіи въ своемъ сочувствіи мятежу, или вовсе не принимали въ немъ участія, естественно наводили наше правительство на мысль, что папскій дворъ находится подъ вліяніемъ польскихъ мятежниковъ, и особенно эмигрантовъ. Къ числу прелатовъ, не утвержденныхъ Римомъ, принадлежалъ и прелатъ Гольдманъ, который, какъ Нѣмецъ по происхожденію, не только самъ не принималъ участія въ мятежѣ, но своимъ вліяніемъ сохранилъ вѣрными русскому правительству все нѣмецкія колоніи въ царствѣ Польскомъ. Далѣе, высказанную выше мысль о тѣхъ вліяніяхъ, которымъ подчинялся Римскій дворъ, еще болѣе подтверждалъ отказъ папы утвердить епископомъ аббата Котовскаго. Въ лицѣ Котовскаго русское правительство представляло на папское утвержденіе кандидата, извѣстнаго безукоризненнымъ поведеніемъ, человѣка образованнаго,

обладавшаго даромъ проповѣдничества и за свою дѣятельность по учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ царства Польскаго неоднократно заслуживавшаго письменные одобрительные отзывы со стороны самого Римскаго престола. Римскій дворъ, объявляя нашему посланнику объ отказѣ папы утвердить Котовскаго въ епископскомъ санѣ, не объяснилъ причинъ этого отказа. Но какія же дѣйствительно причины могли побудить папу къ такому поступку? Остановливаясь передъ этимъ вопросомъ, наше правительство сочло нужнымъ собрать новыя свѣдѣнія о Котовскомъ, которыя и сообщило нашему посланнику въ Римѣ. „Справедливо“, писалъ нашъ канцлеръ, „что онъ увлекался заблужденіями возстанія 1830 года.; говорятъ даже, что своими проповѣдями онъ поддерживалъ это настроеніе. Это обстоятельство мы не скрывали однакожь отъ Рима; но въ это злополучное время весьма немногія изъ духовныхъ лицъ не поддались общему стремленію. Зато въ настоящее время онъ имѣлъ мужество публично разрывать связи съ революціонерами. При обстоятельствахъ важныхъ, когда Государь Императоръ по политическимъ соображеніямъ желалъ воздвигнуть памятникъ въ воспоминаніе польскихъ офицеровъ, которые пали жертвою своей преданности престолу, необходимо было, чтобы церковь не только освятила этотъ надгробный памятникъ, но чтобы въ рѣчи, произнесенной лицемъ, достойнымъ уваженія, было объяснено его значеніе. Аббать Котовскій, возвратясь къ чувствамъ, болѣе достойнымъ того церковнаго сана, которымъ онъ былъ облеченъ, вызвался произнести проповѣдь. Князь Варшавскій увѣдомилъ насъ, что въ числѣ его слушателей находилось весьма много лицъ, занимавшихъ важныя должности во время революціи, и множество народа, увлеченнаго ими къ участию въ ней. И не смотря на то, Котовскій имѣлъ мужество порицать преступленія возмутителей и представлять, какъ примѣръ для подражанія будущимъ поколѣніямъ, тѣхъ воиновъ, которые смертію запечатлѣли вѣрность знамени своего государя. Именемъ Всевышняго онъ порицалъ заблужденіе, обуявшее страну, и доказывалъ, что за всѣ благодѣянія, оказанныя ей Русскими монархами, она осмѣлилась поднять святотатственную руку на права, дарованныя Государю отъ Бога. Онъ говорилъ, что самъ Христосъ предписалъ повиноваться земнымъ царямъ, и напоминалъ, что папа въ своей буллѣ осудилъ революцію, и что Поляки должны раскаяніемъ начать обращеніе къ своимъ обязанностямъ. Эта проповѣдь произвела сильное впечатлѣніе, потому что проповѣдникъ говорилъ съ искреннимъ убѣж-

деніемъ, а этого-то именно и не могутъ простить ему революціонеры всѣхъ отѣнковъ. Князь Варшавскій сильно настаиваетъ на томъ, чтобы Котовскій былъ утвержденъ, какъ человѣкъ истинно преданный правительству, притомъ въ такой епархіи, въ которой былъ епископомъ Гутковскій. Онъ увѣренъ, что Римскій дворъ не можетъ ни въ чемъ укорить аббата: ему не случилось даже благословлять смѣшанные браки. Сверхъ того нельзя упускать изъ виду, что по какому бы поводу Римскій дворъ ни отказалъ утвердить епископомъ Котовскаго, всѣ, и духовные, и свѣтскіе, припишутъ это именно той проповѣди, которую Котовскій произнесъ на Саксонской площади. Такое мнѣніе, разъ пущенное въ ходъ, а это неизбѣжно случится, расторгнетъ всѣ связи между духовенствомъ и правительствомъ, возбудитъ ненависть, лишитъ правительство всякой возможности сохранить вліяніе на духовенство, и такъ-сказать, узаконитъ его политическую оппозицію правительству“.

Получивъ наставленія правительства, нашъ уполномоченный приступилъ къ переговорамъ съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ и выразилъ мысль, что дѣйствія папскаго двора вынуждаютъ наше правительство предположить, что Римъ ведетъ съ нами переговоры съ предвзятымъ намѣреніемъ не соглашаться ни на какія предложенія и отказывать по всѣмъ требованіямъ. Понявъ, къ чему клонится эта рѣчь, кардиналъ Ламбускини посидѣвши прервать ее заявленіемъ, что вовсе не таковы намѣренія папы, что онъ ничего не желаетъ болѣе, какъ устранить всѣ возникшія затрудненія, и лично всегда готовъ оказать содѣйствіе къ миролюбивому разрѣшенію всякаго вопроса. „Что же касается до отказа папы дать каноническое утвержденіе представленнымъ отъ русскаго правительства кандидатамъ на епископскія кафедры“, говорилъ кардиналъ „то это зависѣло отъ тѣхъ сомнѣній совѣсти (scrupules de conscience), которыя помѣшали святому отцу устроить это дѣло согласно съ видами вашего двора, не убѣдившись положительно и несомнѣнно, что предложенныя лица дѣйствительно достойны получить высокій санъ епископа и способны исполнять сопряженныя съ нимъ обязанности. Если русское правительство можетъ сообщить намъ такія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ, которыя могли бы успокоить совѣсть папы, то оно не можетъ и сомнѣваться въ благопріятномъ для него рѣшеніи этихъ вопросовъ“. Воспользовавшись этимъ заявленіемъ кардинала Ламбускини, нашъ уполномоченный прочелъ ему приведенную нами ноту графа Нессельрода объ епископахъ. „Кардиналъ Ламбускини“, — доносилъ потомъ нашему правительству Кривцовъ

(который все еще продолжалъ управлять дѣлами русскаго посольства въ Римѣ за отсутствіемъ посланника г. Потемкина), — „выслушавъ это чтеніе, отвѣчалъ на тѣ слова поты, въ которыхъ выражался взглядъ на вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, что это дѣйствительно вопросъ чрезвычайно щекотливый, и что папа Пій VIII въ разрѣшеніи его дошелъ до крайняго предѣла, который доступенъ Римскому первосвященнику. На все, что ни дѣлается въ тахомолку въ разныхъ государствахъ, папское правительство закрываетъ глаза, не будучи непосредственно вызвано къ участію въ дѣлѣ; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно не можетъ отказаться отъ своихъ началъ, отъ старыхъ правилъ“.

„Если вы уже говорите о правилахъ“, возразилъ Кривцовъ, „то я долженъ замѣтить вамъ, что силу тѣхъ же самыхъ правилъ соблюдаемъ и мы. Законъ гражданскій въ этомъ случаѣ только оберегаетъ и защищаетъ законъ церковный, и греческая церковь, такъ же какъ римская, не можетъ дѣлать уступокъ въ этомъ случаѣ, потому что соблюдаемыя ими правила проистекаютъ изъ одного и того же источника, изъ религіозныхъ вѣрованій, а потому нѣтъ никакой возможности установить какое-нибудь опредѣленное правило въ ущербъ тому или другому исповѣданію, но слѣдуетъ согласиться на какое-нибудь практическое средство, которое давало бы обѣимъ церквамъ возможность жить мирно другъ возлѣ друга“.

Въ отвѣтъ на это кардиналъ указалъ на то, какъ легко удалось ему разрѣшить этотъ вопросъ съ австрійскимъ правительствомъ.

„Но это потому“, замѣтилъ Кривцовъ, „что это правительство римско-католическаго исповѣданія, и вмѣсто того, чтобы вести переговоры, обѣ стороны въ этомъ случаѣ стремились къ одной цѣли — изыскать способъ разрѣшить возникшій вопросъ“.

„Но я надѣюсь“, продолжалъ кардиналъ, „что рѣшеніе удовлетворило обѣ стороны“.

„Потому развѣ“, замѣтилъ Кривцовъ, „что одна сторона находится въ ущербъ относительно другой“.

„Вы упрекаете насъ, и не безъ основанія, что получаемыя нами свѣдѣнія часто невѣрны и преувеличены. Конечно, русское правительство имѣетъ причины говорить, что оно имѣетъ болѣе средствъ знать истину; но и его святѣйшество строго разбираетъ и оцѣниваетъ получаемыя имъ свѣдѣнія. Но это неудобство, мнѣ кажется, очень легко можетъ быть устранено, если вашъ кабинетъ согласится принять папскаго посланника“.

Вѣрный той политикѣ, которой въ это время держался Римскій дворъ въ отношеніи къ Россіи, кардиналь статсъ-секретарь къ вопросу объ епископахъ не преминулъ присоединить общій вопросъ о постоянномъ папскомъ легатѣ при нашемъ дворѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознаться, хотя отчасти, въ несостоятельности тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ папскій дворъ получаетъ свои свѣдѣнія. Въ Римѣ невозможно было утаивать всѣмъ извѣстный фактъ, что какъ лично къ папѣ, такъ и въ его канцеляріи стекалось множество извѣстій, препровождаемыхъ различными способами изъ Польши и отъ польской эмиграціи. Папскій дворъ, постоянно предъявлявшій притязаніе на право сношенія непосредственно съ римскими католиками, и особенно съ духовенствомъ, русскими подданными, охотно принималъ всѣ эти извѣстія, и будучи враждебно настроенъ противъ нашего правительства, охотно вѣрилъ имъ. Въ доказательство тому мы приведемъ разказъ одного изъ польскихъ агентовъ, графа Замойскаго, обнаруженный однимъ ревностнымъ защитникомъ папской политики и относящійся къ событіямъ 1837 года:

„На другой день послѣ моего пріѣзда“, пишетъ Замойскій, „меня привялъ кардиналь Ламбускини и сказалъ мнѣ, что святой отецъ приметъ меня на слѣдующій день. Меня снабдили свѣдѣніями и нѣкоторыми документами о явномъ преслѣдованіи католичества въ Польшѣ. Мнѣ даже было передано однимъ изъ моихъ соотечественниковъ, пріѣхавшимъ изъ Польши, для доставленія папѣ, письмо одного изъ замѣчательныхъ нашихъ епископовъ, Гутковскаго, который вскорѣ былъ прогнанъ изъ своей епархіи Подлясской. Григорій XVI прочелъ это письмо съ сильнымъ волненіемъ и сейчасъ же разказалъ мнѣ его содержаніе. Епископъ жаловался святому отцу, что русскія власти непрерывно обращаются къ нему съ словесными и даже письменными требованіями, препятствующими ему исполнять папскія его обязанности, угрожая притомъ, что его сопротивленіе свѣтскимъ властямъ заслужитъ и порицаніе святаго отца. Папа не скрылъ своей горести. „Что же я могу сдѣлать“, сказалъ онъ, „противъ правительства, которое угрожаетъ отомстить на моихъ польскихъ духовныхъ дѣтяхъ, если я не посоветую имъ покорность? Кто не знаетъ, что покорность установленной власти есть одно изъ предписаній церкви? Я, кажется, въ правѣ напомнить Полякамъ объ этой покорности, чтобы по крайней мѣрѣ отсрочить насильственные дѣйствія врага, но конечно, я не смѣю намѣренія ни порицать, ни упрекать тѣхъ изъ моихъ дѣтей или моихъ дорогихъ епископовъ, которые исполняютъ свой долгъ, противо-

дѣйствуя мѣрамъ, клонящимся къ ущербу для правъ и выгодъ религіи. Но какъ я могу это объяснить имъ, когда всякіи непосредственныя сношенія возбранены?..“

„Я предложилъ папѣ, если онъ только довѣряетъ мнѣ, надежнымъ способомъ доставить по крайней мѣрѣ отвѣтъ его на это письмо епископу Подлясскому. Святой отецъ обѣщалъ мнѣ этотъ отвѣтъ. Его чрезвычайно заняло мое описаніе того состоянія, въ какомъ находятся католики въ Польшѣ; онъ поручилъ мнѣ передать эти свѣдѣнія, съ присовокупленіемъ доказательствъ, кардиналу статсъ-секретарю и велѣлъ мнѣ явиться къ нему самому чрезъ нѣсколько дней.

„Чрезъ нѣсколько дней я получилъ изъ рукъ папы уже приготовленное письмо къ епископу Подлясскому, которое онъ по своей благосклонности прочелъ мнѣ при этомъ случаѣ. Цѣль этого письма заключалась въ томъ, чтобъ утѣшить и подкрѣпить епископа увѣреніемъ, что святой отецъ полагается на его вѣрность и преданность въ защитѣ интересовъ церкви.

„Послѣ этого я осмѣлился сказать ему, что точно такую же горечь, какую выразилъ ему епископъ, почувствовала вся Польша по случаю его апостольскаго посланія къ польскимъ епископамъ въ іюнѣ 1832 года. Я узналъ въ Римѣ, что даже нѣкоторые изъ важныхъ членовъ священной коллегіи позволили себѣ упрекать папу за его посланіе къ польскимъ епископамъ. Одинъ изъ нихъ, патриархъ Іерусалимскій, престарѣлый прелатъ, открыто порицалъ въ консисторіи это посланіе и сказалъ папѣ: „Распространились слухи, что на милліоны католиковъ, особенно униатскаго обряда, дѣйствуютъ угрозами и обольщеніями. Надобно опасаться, чтобъ они, оскорбленные въ самыхъ дорогихъ своихъ привязанностяхъ, не ослабили въ борьбѣ. Потеря этихъ душъ и многочисленныхъ поколѣній, которыя, быть можетъ, за ними послѣдуютъ, ляжетъ на вашу отвѣтственность, святой отецъ, потому что вы имѣли несчастіе подписать это апостольское посланіе“. Все это дало мнѣ смѣлость выразить папѣ все, что я чувствовалъ, но въ то же время моя сыновняя преданность его священной особѣ побудила меня заявить ему съ полною довѣренностію, что всѣ Поляки, такъ же какъ и я, были глубоко огорчены, когда, защищая свои права и исполняя свой долгъ, заслужили его порицаніе. Григорій XVI былъ видимо смущенъ; на его глазахъ показались слезы; онъ сдѣлалъ шагъ ко мнѣ, съ нѣжностію взялъ меня за плечи, и смотря на меня взглядомъ, выражавшимъ упрекъ, живо произнесъ: „Но я никогда васъ не порицалъ. Я васъ не понималъ тогда, это правда,

но вы сами, во время вашей борьбы, не позаботились сообщить мнѣ всѣ свѣдѣнія. Да, я былъ обмануть въ отношеніи къ вамъ; мои ближайшіе совѣтники, къ которымъ я не могъ не питать довѣрія, были сами обмануты и меня ввели въ заблужденіе. Я оплакивалъ ваши несчастія, но наконецъ вы были побѣждены, для васъ казалось все конченнымъ, оставалось лишь спасать вѣру отъ раздраженнаго побѣдителя. Меня поколебали угрозы, я страшился преслѣдованій, которыя могли бы постигнуть васъ и еще болѣе отяготили бы ваше положеніе. Я уступилъ настоятельному требованію (à une véritable sommation); мнѣ объявили, что сейчасъ же всѣ польскіе епископы будутъ сосланы въ Сибирь, если я не обращусь къ нимъ съ внушеніемъ о повинненіи. Я спрашивалъ самого себя: чтѣ станется съ вашей несчастною націей, безъ пастырей и столь удаленною отъ меня, что ея голосъ давно уже не доходилъ до меня? По совѣсти, я полагалъ, что могу и долженъ, въ виду такой опасности, согласиться провознести, въ видѣ уступки, нѣсколько словъ къ вашимъ епископамъ и напомнить имъ то, чтѣ заповѣдали апостолы христіанамъ, и чтѣ церковь считаетъ правиломъ, то-есть, что христіанинъ не по страху только, но по совѣсти, обязанъ повиноваться установленнымъ властямъ; но я однако же не упустилъ прибавить, что *эти власти ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права предписывать ничего противнаго законамъ божественнымъ и церковнымъ*“.

„Въ это время папа отперъ свой письменный столъ и вынулъ изъ ящика печатный экземпляръ апостольскаго посланія, на которомъ были подчеркнуты его рукою тѣ слова, которыя онъ сказалъ. Потомъ онъ продолжалъ: „Что же еще нужно было для вашей совѣсти? Права церкви и вѣры не были ли достаточно попораны въ то время, когда пришло къ вамъ мое посланіе? Но если, съ одной стороны, я могу сожалѣть о томъ, что иногда забывалъ о васъ, потому что вы сами не доставляли мнѣ необходимыхъ свѣдѣній, то съ другой стороны я имѣю право, быть можетъ, и васъ упрекнуть, что вы не съ должнымъ вниманіемъ читали мое посланіе и не замѣтили даже той медленности, съ которою я рѣшился писать, уступая настояніямъ“. „Я чувствовалъ себя счастливымъ, слушая эти отеческія увѣренія; я былъ тронутъ грустью и вниманіемъ, съ которыми говорилъ папа, и спросилъ его: уполномочиваетъ ли онъ меня повторить то, чтѣ я слышалъ, моимъ соотечественникамъ, и прибавилъ, что такіа объясненія были бы для нихъ великимъ утѣшеніемъ и придали бы имъ силу, необходимую, можетъ-быть, при предстоящихъ еще имъ

испытаніяхъ. Григорій XVI уполномочилъ меня, прибавивъ: „Но въ этомъ отношеніи вы будете поступать осторожно“.

„Шесть мѣсяцевъ спустя, письмо, которое мнѣ далъ папа, принесло свои плоды. Епископъ Подляскій имѣлъ смѣлость спросить папу: какъ долженъ онъ понимать его приказаніе подчиняться правительству, управлявшему Польшею, приказаніе, на которое это правительство постоянно ссылалось, предполагая, что его противодѣйствіе разрушительнымъ противъ церкви мѣрамъ въ его епархіи составляетъ явное неповиновеніе прямо и письменно выраженному предписанію папы. Тайное поощреніе и благословеніе святаго отца придали епископу новыя силы. Выведенный изъ терпѣнія, онъ рѣшился даже обнародовать самое письмо папы. Князь Паскевичъ, намѣстникъ, пересталъ съ тѣхъ поръ обращаться къ епископу съ требованіями, осыпалъ упреками Римъ за тайную переписку папы съ польскими епископами, и немного спустя, уговорилъ императора Николая выслать Подляскаго епископа, дозволивъ ему окончить свою жизнь въ австрійской Польшѣ“.

Приведа этотъ разказъ Замойскаго, аббатъ Лескёръ говоритъ: „Справедливость этого разказа молча, но знаменательно подтвердилъ потомъ самъ Римъ. Энциклика Григорія XVI не включена въ булларій этого папы. Безъ сомнѣнія, Римскій дворъ этимъ поступкомъ не отказывался отъ правилъ, проповѣдуемыхъ церковью о повповненіи установленнымъ властямъ въ той мѣрѣ, въ какой это повповненіе не нарушаетъ правъ совѣсти. Но въ то же время этимъ исключеніемъ онъ явно показалъ, что признаетъ ничтожнымъ актъ, вырванный насиліемъ на основаніи ложныхъ свѣдѣній, которыя совершенно въ превратномъ видѣ представили передъ глазами первосвященника польское возстаніе“ 2).

Нѣтъ нужды доискиваться, дѣйствительно ли въ подобныхъ выраженіяхъ Григорій XVI бесѣдовалъ съ Замоискимъ, или послѣдній, можетъ-быть, нѣсколько разукрасилъ рѣчь папы. Дѣло не въ выраженіяхъ, а въ фактахъ, на которые совершенно вѣрно указалъ папа. Онъ, дѣйствительно, долго упорствовалъ написать посланіе къ польскимъ епископамъ и рѣшился на то, лишь уступая настояніямъ нашего правительства, и уже тогда, когда польское возстаніе было совершенно подавлено. Варшава была взята 8-го сентября 1831 года, а папская энциклика помѣчена лишь 9-мъ іюня 1832 года.

1) *L. Lescoeur, L'église catholique en Pologne sous le gouvernement russe. Paris, 1860; стр. 35 — 60.*

Находясь подъ такимъ вліяніемъ, Римскій дворъ, конечно, не могъ сознаться въ этомъ; желая доказать, что получаемыми имъ извѣстіями онъ пользуется съ разборомъ и въ то же время безпристрастно оцѣниваетъ и свѣдѣнія, сообщаемыя ему нашимъ правительствомъ, кардиналъ статсъ-секретарь, черезъ мѣсяць послѣ описанныхъ нами переговоровъ съ Кривцовымъ, сообщилъ нашему посольству, что папа рѣшился утвердить епископами Гольдмана и Лубенскаго, но снова отказалъ въ утвержденіи Котовскому, о которомъ наиболѣе хлопотало наше правительство, и котораго ненавидѣли польскіе мятежники, какъ человѣка вообще преданнаго правительству, и особенно за проповѣдь на Саксонской площади.

На другой же день Кривцовъ отправился къ кардиналу Ламбускини. „Я спросилъ его“,—доносилъ онъ нашему правительству,—не вкралось ли какой ошибки въ то сообщеніе, которое я получилъ? Исслѣдовавъ всѣ обстоятельства дѣла въ отношеніи къ Котовскому, я нашелъ такіе документы въ его пользу, что онъ представляется гораздо болѣе достойнымъ получить высокій санъ епископа, нежели два другіе его товарища. Я показалъ кардиналу папскія бреве къ аббату Котовскому, изъ которыхъ одно было подписано имъ самимъ, и также аттестатъ, данный ему покойнымъ архіепископомъ Хроманскимъ; притомъ я замѣтилъ, что невѣроятно, чтобы человѣкъ, который вѣлъ себя примѣрно въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, вдругъ сталъ поступать предосудительно, и наконецъ, я объяснилъ причины, по которымъ наше правительство особенно желаетъ утвержденія Котовскаго въ епископскомъ санѣ.

„Кардиналъ, казалось, былъ очень смущенъ, и не зная, что отвѣчать, просилъ меня изложить въ особой запискѣ все, что я говорилъ: „Я ничего тутъ не понимаю и ничего не могу сказать противъ тѣхъ документовъ, которые вы мнѣ показали. Я знаю только, что новыя свѣдѣнія, полученныя святымъ отцемъ, не позволяютъ ему дѣйствовать въ пользу Котовскаго. Мнѣ показалось, что кардиналъ былъ даже оскорбленъ тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ“.

Это, конечно, могло такъ показаться нашему дипломатическому агенту, но едва-ли не было такъ же ошибочно, какъ и увѣренность Кривцова, что кардиналъ Ламбускини одушевленъ самыми миролюбивыми желаніями въ отношеніи къ намъ. Онъ совѣтовалъ даже оставить дѣло Котовскаго, чтобы не поколебать этихъ миролюбивыхъ желаній, и даже принять папскаго нунція. Быть можетъ, — хотя и то крайне сомнительно, — кардиналъ статсъ-секретарь просто забылъ о

существованіи тѣхъ документовъ, которыя представилъ ему Кривцовъ, и съ разу не нашелся объяснить ихъ значеніе. Но чтобы всемогущій министръ папы Григоріа XVI, полновластно заправлявшій всѣми дѣлами, не зналъ настоящихъ причинъ, побудившихъ Римскій дворъ не утвердить аббата Котовскаго въ санѣ епископа, это уже совершенно невѣроятно. Однако весьма понятно, что кардиналъ Ламбускини считалъ неудобнымъ объяснить эти темныя причины, а тѣмъ болѣе второстепенному дипломатическому агенту. Гораздо легче было сослаться на свое невѣдѣніе и на совѣсть папы, особенно въ виду такого собесѣдника, который охотно этому повѣрилъ. Между тѣмъ, когда Кривцовъ, по порученію кардинала, изложилъ въ особой запискѣ всѣ выраженныя имъ при личныхъ переговорахъ соображенія, самъ Ламбускини отвѣчалъ ему немедленно, кратко и съ нѣкоторою провнѣй, а именно: Архіепископъ Варшавскій далъ хорошій аттестатъ Котовскому для полученія ученой степени доктора, по поводу этого аттестата и состоялось папское бреве. Но документы, достаточныя для того, чтобы получить степень доктора, еще недостаточны для того, чтобы получить санъ епископа. Поэтому папа долженъ былъ собрать новыя свѣдѣнія, изъ которыхъ оказалось, что Котовскій имѣетъ лишь одно достоинство—даръ краснорѣчія. Но на одномъ этомъ основаніи нельзя сдѣлать его епископомъ.

Затѣмъ, при свиданіи съ нашимъ дипломатомъ, кардиналъ увѣрилъ его, что папа долго колебался между желаніемъ сдѣлать угодное императору и долгомъ совѣсти. „Я надѣюсь“, прибавилъ онъ, „что вашъ дворъ не припишетъ этотъ поступокъ недоброжелательству папы. Ему весьма прискорбно, что въ этомъ случаѣ онъ не можетъ исполнить желаній императора, и онъ надѣется, что его величество по своему правосудію и справедливости пойметъ трудное положеніе главы церкви и не будетъ насиловать совѣсть папы“.

На замѣчаніе Кривцова, что лица, доставившія свѣдѣнія папѣ о Котовскомъ, сами могли быть введены въ заблужденіе, онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, отвѣчалъ: „Я самъ именно это замѣчаніе сдѣлалъ святому отцу, и вотъ какой получилъ отъ него отвѣтъ: „Императоръ самъ удивился бы, если бы узналъ то лице, которое сообщило мнѣ свѣдѣнія, и никакъ не отказалъ бы ему въ довѣрїи“. Повѣрьте, что святой отецъ рѣшился на такой поступокъ по глубокому убѣжденію, тщательно сообразивъ всѣ возможныя отъ него послѣдствія. Лишь только представилась малѣйшая возможность сдѣлать угодное императору, вы видѣли, что онъ поспѣшилъ сдѣлать“. Карди-

наль намекалъ на утверженіе папою Гольдмана и Лубенскаго, и около того же времени была принята Римомъ отставка Гутковскаго.

Въ послѣдствіи Кривоцовъ увѣдомлялъ даже, что ему будто бы удалось узнать настоящую причину, побудившую папу отказать въ утверженіи епископомъ аббата Котовскаго: это была „слабохарактерность этого прелата. вслѣдствіе которой онъ сталъ бы слѣпо исполнять всѣ предписанія правительства, которыя могли быть въ явномъ противорѣчій съ предписаніями латинской церкви и съ ея коренными законами. Подъ вліяніемъ этой мысли,—продолжаетъ нашъ дипломатъ,—святой отецъ боится облечь обширными правами лице, пользующееся извѣстностію по своимъ способностямъ, но въ которомъ онъ не увѣренъ, и которое могло бы въ послѣдствіи поставить Римскій дворъ въ затруднительное положеніе. Это свѣдѣніе, полученное мною изъ источниковъ, заслуживающихъ довѣріе, я считаю основательнымъ, потому что оно объясняетъ какъ перасположеніе Рима къ посвященію Котовскаго, такъ равно и невозможность объявить причину отказа“. Не можетъ подлежать и сомнѣнію, что именно такова была причина, по которой Римъ не хотѣлъ утвердить этого прелата; но несомнѣнно и то, что мнѣніе о его безхарактерности составилось подъ вліяніемъ польскихъ революціонеровъ, которые особенно не могли простить Котовскому проповѣдь его на Саксонской площади.

Въ продолженіе того же времени, когда шли переписка и переговоры о Котовскомъ, наше посольство извѣстилось, что Римскій дворъ приостановилъ каноническій процессъ о епископѣ въ Минскую епархію. Рава былъ представленъ нашимъ правительствомъ на утвержденіе въ епископскомъ санѣ по предварительномъ соглашеніи съ Римомъ. Его каноническій процессъ былъ начатъ давно, всѣ требуемыя Римомъ свѣдѣнія были доставлены. Когда нашъ посланникъ спросилъ о причинѣ остановки процесса, кардиналъ статсъ-секретарь отвѣчалъ обычнымъ выраженіемъ: „До папы дошли прискорбныя извѣстія о Равѣ“. Въ то же время изъ пропаганды было прислано запечатанное письмо на имя Рава. Въ этомъ письмѣ, какъ оказалось въ послѣдствіи, осыпали прелата упреками за его будто бы дружелюбныя отношенія къ православному епископу. Конечно, и подобныя извѣстія могли, въ глазахъ Римскаго двора, бросить тѣнь на латинскаго прелата, обязаннаго быть нетерпимымъ до фанатизма, чтобы заслужить особенную благосклонность Римской курии; но едва-ли это не было простою придиркою. Римъ не хотѣлъ утвердить епископомъ Раву по той же причинѣ, по которой отвергалъ Гентиллу, то-есть, потому что импера-

торскіе указы о ихъ назначеніи на управленіе епархіями состоялись прежде каноническаго ихъ утвержденія папою.

Получивъ извѣстія о такихъ дѣйствіяхъ папскаго двора въ отношеніи къ вопросу объ епископахъ, наше правительство оказалось въ крайне затруднительномъ положеніи. Ему предстояло выбрать одно изъ двухъ рѣшеній. Первымъ изъ нихъ было бы вовсе не представлять кандидатовъ на епископскія каѳедры и такимъ образомъ придать вѣроятность той клеветѣ, которую распускали Поляки, что русское правительство умышленно не замѣщаетъ епископскихъ каѳедръ, чтобъ удобнѣе достигнуть своей цѣли, то-есть, совершеннаго уничтоженія латинской церкви въ предѣлахъ Имперіи. На клевету Поляковъ русское правительство, безъ сомнѣнія, не обратило бы и вниманія; но то же самое обвиненіе повторялъ и Римскій дворъ, смущая совѣсть и волнуя русскихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія. Другимъ исходомъ для русскаго правительства было безусловно принимать на епископскія каѳедры въ предѣлахъ Имперіи и царства Польскаго всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ папскому престолу заблагоразсудится назначить, то-есть, пожертвовать въ угоду Рима своею самостоятельностью и поставить себя въ зависима отношенія къ папскому двору.

Таково дѣйствительно и было тайное стремленіе папской политики. Не только въ отношеніи къ Россіи, но и повсюду, во всѣхъ государствахъ, даже латинскихъ по исповѣданію, она стремилась къ тому, чтобъ если не совершенно исключить, то какъ можно болѣе ограничить участіе свѣтской власти въ дѣлѣ избранія и назначенія епископовъ. Конечно, ни одно правительство не подчинилось въ этомъ случаѣ притязаніямъ Рима; а наше правительство менѣе всѣхъ могло подчиниться, зная, какаго рода внушеніями руководствуется Римъ при утвержденіи епископовъ въ Имперіи и Царствѣ. „Мы внимательно разсматривали это дѣло“, писалъ графъ Нессельродъ къ нашему посланнику въ Римѣ; „мы спрашивали себя, какія могли быть причины такой внезапной перемѣны въ мнѣніяхъ папы, и какія обвиненія вдругъ возникли въ отношеніи къ епископу Равѣ? Конечно, кардиналъ Ламбускини, желая отклонить упреки, которые мы по справедливости могли предъявить въ этомъ случаѣ Римскому двору, объявляя, что непосредственно до папы дошли такіе неблагоприятные слухи, изъ достовѣрнаго источника, о епископѣ Равѣ, что онъ по совѣсти долженъ былъ приостановить дѣло о его утвержденіи, пока не получитъ новыхъ объясненій. Но въ чемъ же состоятъ эти неблагоприятныя извѣстія? Его святѣйшество, вмѣсто того, чтобы высказать

ихъ откровенно, оставилъ ихъ подъ сомнѣніемъ и тѣмъ поставилъ себя въ такое положеніе къ намъ, котораго неприличіе едва-ли не понимаетъ и онъ самъ. Неужели мы можемъ оставаться равнодушными въ виду тайныхъ доносовъ, неосновательность которыхъ долженъ бы понять самъ Римскій дворъ, потому что, по его же признанію, всѣ прежде полученныя имъ свѣдѣнія были въ пользу епископа Равы. Случайное обстоятельство, которому мы не можемъ придавать никакого значенія уже потому, что кардиналъ Ламбускини не рѣшился заявить его, подало папѣ поводъ остановить ходъ каноническаго процесса, тогда какъ всѣ формальности уже были исполнены. Такой поступокъ кажется намъ столь же противнымъ дѣйствительнымъ выгодамъ самой римской церкви, сколько и несообразнымъ съ тѣмъ довѣріемъ при взаимныхъ отношеніяхъ двухъ дворовъ, котораго такъ искренно желало достигнуть русское правительство⁴.

Дѣйствительно, русское правительство стремилось къ этой цѣли; но она была недостижима вообще въ отношеніяхъ къ Риму, и особенно въ вопросѣ объ епископахъ, какъ по особому взгляду Рима на значеніе епископской власти, такъ и по тѣмъ вліяніямъ, подъ которыми онъ находился въ это время. Не смотря на всѣ усилія нашего посольства, ни Рава, ни Котовскій и Гентилла не были утверждены въ епископскомъ званіи.

„Насъ удивляетъ“, писалъ графъ Нессельродъ къ нашему посланнику, „образъ дѣйствій Римскаго двора: онъ отвергаетъ представляемыхъ нами кандидатовъ на епископскія кафедры, не объясняя причинъ своего отказа. Папа долженъ быть убѣжденъ, что Государь Императоръ единственно желаетъ духовныхъ благъ всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія ихъ исповѣданій, и его святѣйшество не долженъ забывать, что къ латинской церкви въ Имперіи и Царствѣ принадлежатъ миллионы исповѣдниковъ, пользующихся отеческимъ попеченіемъ Государя Императора. Входя въ разногласія и борьбу съ нами по вопросу, въ которомъ папское правительство должно было бы идти рука объ руку съ нами, оно впадаетъ въ двойную, по нашему мнѣнію, ошибку, тѣмъ еще, что отказывается сообщить намъ причины, по которымъ оно устраняетъ нашихъ кандидатовъ, тогда какъ знать ихъ и обсудить ихъ значеніе для насъ столь же необходимо, какъ и для него“¹).

Безъ сомнѣнія, папское правительство очень хорошо понимало, до

¹) Отношеніе графа Нессельрода отъ 8-го ноября 1843 года.

какой степени важно для свѣтской власти каждаго государства имѣть полныя свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя назначаются для занятія высшихъ степеней іерархіи латинской церкви въ его предѣлахъ, въ виду того огромнаго вліянія, которое они могутъ имѣть на его подданныхъ этого исповѣданія; но это-то обстоятельство и было несогласно съ намѣреніями Римскаго двора, клонившимися къ тому, чтобы какъ можно болѣе удалить свѣтскія правительства отъ всякаго участія въ вопросѣ о назначеніи епископовъ. Поэтому соображенія, выраженные нашимъ правительствомъ, не производили никакого дѣйствія на Римскій дворъ. При назначеніи посланникомъ въ Римъ Бутенева, канцлеръ поручалъ ему обратить особенное вниманіе на вопросъ объ епископахъ. „Это жизненный вопросъ“, писалъ онъ, „для существованія латинскаго духовенства въ Имперіи и въ царствѣ Польскомъ. Однакоже выгодно какъ для папы, такъ и для насъ разрѣшить его на основаніи постоянныхъ и твердыхъ началъ. Но возможно ли найти средство, чтобы разрѣшить задачу, которая обязанности Государя Императора ставитъ въ противоположность съ преданіями святаго престола? Въ прежнее время Римскій дворъ никогда не оспаривалъ дѣйствительности назначенія епископовъ Русскими государями и всегда съ готовностію утверждалъ ихъ (давалъ имъ каноническую инвеституру). Правда, въ 1817 году въ первый разъ случайно возникло пререканіе по этому поводу; но оно не касалось права свѣтской власти назначать епископовъ на вакантныя кафедры, и мы должны замѣтить, что только въ недавнее время, а именно послѣ аллокуціи 22-го іюля 1842 года, папа началъ затруднять обычный ходъ этихъ дѣлъ, или замедляя безконечно утвержденіе епископовъ, или вовсе отказывая имъ въ каноническомъ постановленіи. Поэтому Государь Императоръ поручаетъ вамъ ясно изложить папскому кабинету тѣ начала, которыми онъ руководствовался и будетъ впредь неизмѣнно руководствоваться въ выборѣ новыхъ епископовъ... Постарайтесь убѣдить кардинала Ламбрусини, и чрезъ него папу, что если Государь Императоръ избираетъ епископовъ для каноническаго посвященія, то онъ убѣжденъ по совѣсти, что представляемые имъ лица *наиболѣе* достойны исполнять соединенныя съ этимъ саномъ обязанности. Поэтому какъ же можно требовать, чтобы онъ представлялъ другихъ кандидатовъ, когда по совѣсти онъ убѣжденъ, что они будутъ *менѣе* достойны занимать епископскія кафедры. Если бы ему сообщали о причинахъ отказа въ утвержденіи, то онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, рассмотреть ихъ, повѣрить и объяснить обстоятельства дѣла; въ противномъ случаѣ папскій дворъ ста-

вить его въ такое положеніе, что онъ долженъ дѣйствовать противъ совѣсти. Это положеніе должно быть ясно выражено Римскому двору и составить предметъ настоятельныхъ переговоровъ, потому что оно можетъ *часто повторяться*. Объясните кардиналу Лакруссини, что мы не требуемъ отчета отъ папы въ убѣжденіяхъ его совѣсти и еще менѣе понуждаемъ его къ тому, но что для достиженія *соглашеній* необходимо объясниться, иначе каждый будетъ удерживать то положеніе, въ которомъ находится. Доставка объясненій необходимо для успокоенія совѣсти Государя Императора, чтобы наконецъ онъ зналъ, почему отвергаются его выборы, и чего онъ долженъ избѣгать въ этихъ случаяхъ для того, чтобы не идти на перекоръ видамъ папы. Дѣло идетъ о томъ, чтобы установить добросовѣстные переговоры. Государь Императоръ оскорбленъ тѣмъ, что его добросовѣстность подвергаютъ сомнѣнію и въ то же время не объясняютъ ему его ошибку, если только онъ существуютъ дѣйствительно. Начавъ переговоры по этому вопросу и продолжая ихъ до крайнихъ послѣдствій, кажется, нѣтъ возможности не прійти къ соглашенію“.

Римскій дворъ скрывалъ причины, по которымъ отказывалъ въ утвержденіи кандидатамъ на епископскія кафедръ, представляемымъ нашимъ правительствомъ, и не могъ не скрывать ихъ, потому что онѣ основывались на тѣхъ свѣдѣніяхъ, или лучше, доносахъ, которые папское правительство получало изъ источниковъ *нечистыхъ*, по выраженію русскаго Императора. Подобный образъ дѣйствій, очевидно, невозможный ни для какаго свѣтскаго правительства, былъ совершенно согласенъ съ общимъ характеромъ папскаго правительства, свѣтскаго и духовнаго въ одно и то же время. Римская курія во все свое историческое существованіе постоянно играла этими двумя свойствами папской власти. Лишь только дипломатія европейскихъ дворовъ по какому-либо вопросу выводила ее, такъ-сказать, на свѣжую воду и вынуждала высказать послѣднее слово, она ускользала изъ рукъ и прибѣгала подъ защиту духовнаго значенія папы, вмѣсто всѣхъ объясненій и доказательствъ ссылаясь на его *совѣсть*, какъ первосвященника, *духовника* всей вселенной, который будто бы не можетъ объявить никакого сообщеннаго ему доноса, не нарушивъ *тайны исповѣди*.

Такому-то понятію о папской *совѣсти* наша дипломатія, умышленно или неумышленно, противопоставила *совѣсть* представителя свѣтской власти русскаго народа, самостоятельнаго и независимаго, принадлежащаго къ вселенской церкви, которая считаетъ римскую

не только расколѣмъ, но и ересью. Это замѣчаніе точно также не могло оказать дѣйствія на папское правительство; оно хотѣло не равенства во взаимныхъ отношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, а господства надъ нимъ. Поэтому, когда нашъ посланникъ передалъ содержаніе полученныхъ имъ нотъ, кардиналь Ламбрускини вовсе уклонился отъ отвѣта на послѣднее соображеніе и замѣтилъ только, что „продолжительныя вакансіи епископскихъ кафедръ еще не могутъ служить побудительнымъ поводомъ къ тому, чтобъ его святѣйшество назначать на эти кафедры лицъ, которыхъ онъ считаетъ недостойными и не могущими надлежащимъ образомъ исполнить возлагаемыя на нихъ обязанности, если только съ его стороны сдѣлано все возможное для блага церкви, ввѣренной ему Богомъ, и если вышнія обстоятельства препятствуютъ ему сдѣлать болѣе“.

Такое отношеніе Рима къ вопросу объ епископахъ ставило Россію въ безвыходное положеніе при желаніи съ ея стороны не только поддерживать сношенія, но и достигнуть взаимной довѣренности и благорасположенія.

Такое отношеніе возможно было бы только при полномъ разрывѣ, котораго, конечно, не желалъ Римъ, а также не желало и наше правительство. „Если отказы со стороны папскаго правительства утверждать епископовъ“,—писалъ графъ Нессельродъ къ нашему посланнику,—„будутъ продолжаться и умножаться, то Государь Императоръ долженъ будетъ избрать одно изъ двухъ: или оставить вакантными епископскія кафедры, или дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій, назначая, чтобъ угодить папскому двору, кандидатовъ менѣе достойныхъ и менѣе способныхъ, нежели тѣ, которыхъ онъ назначалъ прежде. Возможность соглашенія съ каждымъ разомъ будетъ становиться все труднѣе, если папа всякій разъ будетъ намъ отказывать въ сообщеніи тѣхъ причинъ, на которыхъ основаны его рѣшенія. Такимъ образомъ, ко вреду церкви и латинскихъ подданныхъ Государя Императора, возникаетъ опасная и постоянная борьба свѣтской власти съ духовною, борьба между совѣстью Государя Императора и совѣстью папы, которая удалитъ возможность соглашеній между двумя правительствами“¹⁾.

Дѣйствительно, со времени присоединенія униатовъ къ православной церкви до посольства въ Римъ графа Блудова не послѣдовало ни по одному вопросу соглашенія съ Римомъ, а епископскія кафедры, какъ въ Имперіи, такъ и въ царствѣ Польскомъ, почти все оставались

¹⁾ Делеша и письмо графа Нессельрода къ Бутеневу отъ 9-го марта 1844 года.

вакантными. Изъ всѣхъ представленныхъ русскимъ правительствомъ кандидатовъ только одинъ Тарашкевичъ былъ утвержденъ безъ проволочекъ и препятствій, да и то лишь суффраганомъ въ Холмскую, то-есть, *уміатскую* епархію, разумѣется, по причинамъ весьма понятнымъ ¹⁾.

Личными переговорами императора Николая Павловича съ папою Григоріемъ XVI въ 1845 году въ Римѣ, былъ опредѣленъ порядокъ избранія и утвержденія епископовъ для Имперіи и царства Польскаго: русское правительство представляетъ одобренныхъ имъ кандидатовъ на епископскія кафедръ, на каноническое утвержденіе папы, и только послѣ этого утвержденія императорскій указъ назначаетъ ихъ для отправленія ихъ обязанностей въ епархію; изданіе указа никакъ не должно предшествовать папскому утвержденію, какъ то постоянно дѣлалось со временъ императрицы Екатерины II. Эта важная уступка со стороны русской свѣтской власти въ пользу духовнаго значенія папы для одной части нашего правительства представлялась вполне справедливою и законною, устранявшею лишь неумѣстное вмѣшательство свѣтской власти въ духовныя дѣла, которое служило существеннымъ препятствіемъ къ водворенію дружелюбныхъ отношеній къ папскому престолу. Если бы избраніе, посвященіе и утвержденіе епископовъ въ римско-католической церкви совершалось дѣйствительно на основаніи древнихъ каноновъ вселенской церкви, основанныхъ на апостольскихъ правилахъ, подтвержденныхъ всѣми соборами, то дѣйствительно, взглядъ этотъ былъ бы совершенно правиленъ. Но папы испровергли всѣ эти каноны и произвольно присвоили себѣ не только право утверждать, но даже посвящать епископовъ и постоянно заявляли притязаніе на самое ихъ избраніе. Этотъ произвольный порядокъ не имѣлъ никакого преимущества передъ тѣмъ, которому слѣдовали въ Россіи. Поэтому, въ данномъ случаѣ, не могло быть и рѣчи ни о справедливости, ни о законности. Но и вновь установленный порядокъ не устранялъ однако же возможности пререканій между нашимъ и папскимъ правительствами. Папы по прежнему могли отказывать въ каноническомъ утвержденіи кандидатамъ, представляемымъ нашимъ правительствомъ. То зло, устраненія котораго желало русское правительство, для того чтобы епископскія кафедръ не оставались вакантными и чтобы недоброжелатели Россіи не приписывали этого враждебному расположенію русскаго правительства въ отношеніи къ римской церкви, нисколько не устранялось;

¹⁾ Дажеша Кривцова 1/2-го августа 1842 года.

но дѣйствительно, въ нѣкоторой степени ограждалось внѣшнее приличіе. Конечно, русскому правительству было удобнѣе перенести отказъ папы въ утвержденіи представленнаго имъ кандидата, пока еще не послѣдовалъ императорскій указъ о его назначеніи для управленія епархіей.

Вслѣдствіе этого соглашенія императора съ папой о порядкѣ назначенія епископовъ, русское правительство, ожидавшее встрѣтить довѣренность со стороны Римскаго двора, препроводило къ графу Блудову списокъ кандидатовъ на всѣ епископскія каѳедры, вакантныя въ Имперіи, полагая такимъ образомъ исполнить желанія папскаго правительства, которое постоянно жаловалось на то, что многія римско-католическія епископскія каѳедры въ Россіи остаются не замѣщенными. Оно желало въ то же время замѣстить и всѣ каѳедры въ царствѣ Польскомъ, но составленіе списка кандидатовъ было нѣсколько замедленно мѣстнымъ управленіемъ Царства.

Графъ Блудовъ, съ своей стороны, постоянно напоминалъ объ этомъ канцлеру. Получивъ списокъ кандидатовъ для епархій Имперіи, онъ писалъ графу Нессельроду: „Я считаю долгомъ обратить вниманіе вашего сіятельства на то обстоятельство, о которомъ уже писалъ къ вамъ, а именно: для царства Польскаго также необходимо назначить нѣсколько епископовъ — и что, можетъ-быть, еще важнѣе — архіепископовъ. Фельдмаршалъ (князь Паскевичъ), какъ вы, графъ, конечно, помните, былъ противъ этого назначенія. Онъ находилъ, что архіепископъ Варшавскій съ того времени, какъ Римъ облечетъ его своимъ хотя и не полнымъ пурпуромъ, будетъ считать себя слишкомъ важною особою (*trop grand senior*), чтобы оставаться покорнымъ подданнымъ и подчиненнымъ сановникомъ. Однако же, въ послѣднее время моего свиданія съ нимъ въ Черновицахъ ¹⁾, онъ, кажется, перемѣнилъ мнѣніе и съ удовольствіемъ согласился на высказанное мною предположеніе. Я предлагалъ возвести въ санъ представителя латинской церкви въ царствѣ Польскомъ Калишскаго епископа Томашевскаго, назначивъ ему коадьюторомъ аббата Буткевича, ректора Варшавской академіи. Съ своей стороны, по всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ, я считаю долгомъ особенно ходатайствовать за этихъ двухъ прелатовъ. Буткевичъ — человекъ воли и достойный, образованный, благороднаго и твердаго характера, преданный правительству именно потому, что онъ благора-

¹⁾ Князь Паскевичъ жилъ временно въ этомъ мѣстечкѣ царства Польскаго, и здѣсь посвятилъ его графъ Блудовъ провозомъ въ Римъ.

зумеиъ и жааетъ порядка своему отечеству. Епископъ Томашевскій— достойный и добрый старикъ, точно также искренно и безъ великихъ затасанныхъ мыслей преданный императору, преданный столько же по убѣжденію, сколько изъ признательности за милости, которыя Его Величество оказывалъ ему, а равно и за благодѣянія, оказываемыя имъ церкви. Онъ предлагалъ мнѣ даже, чтобъ я взялъ его съ собою въ Римъ, желая помочь мнѣ разсѣять тѣ предубѣжденія, которыя тамъ могутъ имѣть противъ насъ, и притомъ неоднократно говорилъ (онъ даже писалъ это намъ два или три года тому назадъ), что никогда, ни при какомъ правительствѣ, римско-католическая церковь въ той части Польшы, которая составляетъ Царство, не пользовалась такимъ благоденствіемъ и не была предметомъ столькихъ заботъ и дѣйствительнаго покровительства, какъ въ настоящее царствованіе. Кажется, надо бы радоваться, если архіепископомъ въ Польшѣ будетъ человекъ, исполненный такихъ чувствъ, особенно если позаботятся назначить ему хорошаго помощника, добраго совѣтника, который помогалъ бы ему въ его духовномъ управленіи и въ его отношеніяхъ къ мѣстнымъ и другимъ властямъ. Этимъ мы выиграемъ и въ томъ еще отношеніи, что насъ уже нельзя будетъ укорить въ желаніи умысленно продолжать то положеніе, которое здѣсь называютъ *адвистомъ* церкви, и особенно митрополичей. Если ваше сіятельство одобрите мои мысли, и если съ ними согласится фельдмаршалъ, то не воспользуетесь ли вы, графъ, его пріѣздомъ, — вѣроятно, въ непродолжительномъ времени, — въ Петербургъ, чтобы дать этому предположенію надлежащій ходъ и представить его на усмотрѣніе Государя Императора“¹⁾.

Предложеніе графа Блудова и было осуществлено въ послѣдствіи. Наше правительство желало и спѣшило, по возможности, представить кандидатовъ на *все* вакантныя кафедры Имперіи и Царства; но разумѣется, выборъ многихъ лицъ, для замѣщенія столь важныхъ мѣстъ, изъ среды римско-католическаго и польскаго духовенства, вообще враждебно расположеннаго къ Россіи, былъ не легокъ. Поэтому наше правительство и раздѣлило это дѣло, такъ-сказать, на два пріема и напередъ представило списокъ кандидатовъ на вакантныя кафедры въ Имперіи.

Когда графъ Блудовъ передалъ его, со всеми свѣдѣніями о представляемыхъ лицахъ, кардиналу статсъ-секретарю, онъ принялъ этотъ списокъ съ особенною благосклонностію, какъ знакъ искренняго желанія

¹⁾ Частное письмо графа Блудова къ канцлеру изъ Рима отъ 19/22-го февраля 1847 года.

русскаго правительства вступитъ въ миролюбивыя отношенія къ папскому престолу. Черезъ нѣсколько дней, послѣ доклада папѣ, кардиналь Гицци, уже отъ его лица, выразилъ точно такое же удовольствіе и благодарность нашему уполномоченному, но вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупилъ: „О нѣкоторыхъ изъ представленныхъ кандидатовъ папа имѣетъ уже достаточныя свѣдѣнія, и дополнить ихъ можно въ короткое время; что же касается до другихъ, мало извѣстныхъ его святѣйшству, то конечно, потребуется довольно времени, чтобы собрать о нихъ надлежащія свѣдѣнія“.

Придавая даже самый благопріятный смыслъ этимъ словамъ, нашъ уполномоченный не могъ не заключить изъ сихъ, что утвержденіе представленныхъ нашимъ правительствомъ кандидатовъ Римскій дворъ отлагаетъ на неопредѣленное время. Въ виду переговоровъ, еще далеко не приведенныхъ къ тому результату, который былъ желателенъ Римскому двору, папа не хотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ вопросъ объ епископахъ, и конечно, желалъ затянуть дѣло утвержденія нашихъ кандидатовъ. Наоборотъ, графъ Блудовъ, желая подвинуть это дѣло впередъ, предложилъ первоначально утвердить тѣхъ изъ кандидатовъ, о которыхъ папа имѣетъ уже достаточныя свѣдѣнія, а остальныхъ утвердить въ послѣдствіи, когда Римскій дворъ соберетъ о нихъ нужныя ему справки.

Кардиналь Гицци отвѣчалъ, что это предложеніе не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій и безъ сомнѣнія, будетъ исполнено; но всѣ переговоры Рима съ нашимъ правительствомъ производились помимо его, и онъ не имѣлъ на нихъ никакого вліянія. Поэтому его мнѣніе въ этомъ случаѣ вовсе не могло служить выраженіемъ видовъ Римской курии ¹⁾.

Въ продолженіе четырехъ еще мѣсяцевъ пребыванія графа Блудова въ Римѣ не состоялось утвержденія палією ни одного изъ представленныхъ нами кандидатовъ, и по его отъѣздѣ, это дѣло осталось на попеченіи нашего посланника Бутенева, который въ скоромъ времени получилъ отъ нашего правительства и списокъ кандидатовъ для епархій царства Польскаго.

Но долго оставались тщетными всѣ усилія нашего посланника. Папскіе статсъ-секретаря, быстро смѣнявшіе одинъ другаго, однаково отвѣчали на усиленныя его настоянія: дѣла объ утвержденіи кандидатовъ затягиваются потому, что папа не получилъ еще необходимыхъ

¹⁾ Делеши Бутенева отъ ¹⁶/28-го мая и ⁶/18-го іюня 1847 года.

для него свѣдѣній о нихъ, и одинаково изъявляли искреннюю готовность содѣйствовать ихъ окончанію. Но если даже и дѣйствительно искренни были намѣренія кардиналовъ Феретти и Солья, то они такъ же мало могли оказать содѣйствія, какъ и ихъ предшественникъ, кардиналъ Гицци. Дѣло въ томъ, что производство этихъ дѣлъ вовсе не зависѣло отъ нихъ и было поручено папою Корболи, а въ его отсутствіе по болѣзни изъ Рима, Антоцелли, которые непосредственно докладывали о нихъ папѣ. Нашъ посланникъ былъ очень доволенъ любезностью въ сношеніяхъ съ нимъ Антоцелли и весьма недоволенъ рѣзкостью и упрямствомъ Корболи. Но какъ любезность одного, такъ и рѣзкость другаго имѣли одни и тѣ же послѣдствія: въ продолженіе цѣлаго года не былъ утвержденъ ни одинъ изъ представленныхъ кандидатовъ.

Только въ то время, когда вся Европа была взволнована происшествіями 1848 года, когда положеніе Италіи и особенно Рима грозило важными опасностями папскому престолу, папа рѣшился, наконецъ, удовлетворить усиленнымъ настояніямъ нашего правительства. Въ тайной консисторіи 3-го іюня были утверждены четыре изъ представленныхъ Русскимъ дворомъ кандидатовъ: Боровскій, Жилинскій, Головинскій и Дмоховскій. Увѣдомля объ этомъ нашего посланника, кардиналъ статсъ-секретарь Солья, въ отношеніи отъ 28-го іюня, выставялъ это дѣйствіе папскаго правительства за знакъ особеннаго вниманія къ нашему двору. Преимущественно онъ указывалъ на Головинскаго, утвержденного епископомъ-суффраганомъ и коадьюторомъ архіепископа Дмоховскаго — *cum futura successione*, то-есть, съ правомъ по его смерти занять его мѣсто. „Его святѣйшество“, писалъ кардиналъ, „рѣшился на такое дѣйствіе въ знакъ совершенно особеннаго и несогласнаго съ принятыми Римскою куріей обычаями вниманія къ желанію, изъявленному Императоромъ“. Къ этому онъ прибавлялъ далѣе: „Въ тѣхъ же видахъ его святѣйшество, въ знакъ своего расположенія къ Головинскому и своего довѣрія къ его ревности и отличнымъ качествамъ, удостоилъ его званіемъ особаго депутата для приведенія въ исполненіе папской буллы о новомъ разграниченіи римско-католическихъ епархій въ Россіи и объ учрежденіи новой Херсонской епархіи“.

Нашъ посланникъ, сообщая правительству эту ноту кардинала Солья, говоритъ, что дѣйствительно, „не безъ усилій и трудности Римскій дворъ утвердилъ Головинскаго коадьюторомъ архіепископа — *cum futura successione*. Папа окончательно согласился на это не иначе

какъ въ видѣ исключенія, почти не вмѣщающаго примѣра въ преданіяхъ и несогласнаго съ обычаями его святѣйшества, и потому только, чтобъ исполнить прямо выраженное желаніе императора. Первоначальное его намѣреніе заключалось въ томъ, чтобъ епископу-суффрагану, какъ своему делегату, дать право подъ надзоромъ архіепископа привести въ исполненіе буллу о новомъ разграниченіи епархій и потомъ въ награду за исполненіе назначить его коадьюторомъ *cum futura successione*, какъ прелата, имѣвшаго счастье заслужить особенное довѣріе государя⁴⁾.

Въ это время, когда прелатъ Головинскій дѣйствительно еще пользовался полнымъ довѣріемъ русскаго правительства, Римъ, вслѣдствіе тайныхъ съ нимъ сношеній, ужь очень хорошо понималъ его значеніе и желалъ сосредоточить именно въ его рукахъ главное управленіе латинскою церковью въ Имперіи, утверждая его коадьюторомъ престарѣлаго архіепископа. Римъ собственно и желалъ утвердить его одного, но чтобы прикрыть свое желаніе, утвердилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Дмоховскаго въ санѣ архіепископа и двухъ другихъ лицъ въ санѣ епископа и старался даже увѣрить наше правительство, что сдѣлалъ это какъ исключеніе изъ принятаго имъ порядка, единственно въ угоду императору Николаю Павловичу¹⁾.

Утвержденіе только четырехъ епископовъ, конечно, не удовлетворило требованіямъ нашего правительства. Нашъ посланникъ, постоянно требуя утвержденія другихъ и постоянно выслушивая увѣренія въ содѣйствіи со стороны кардинала статсъ-секретаря Солья, представилъ, наконецъ, канцлеру слѣдующій полный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ: „Въ числѣ упрековъ, которые покойный папа Григорій XVI и его министры предъявляли противъ Россіи, одинъ изъ самыхъ существенныхъ состоялъ въ томъ, что русское правительство будто бы умышленно оставляетъ на продолжительное время вакантными многія епископскія кафедръ съ тою цѣлію, чтобы постепенно уничтожить римское католичество. Когда этотъ упрекъ, столь же пустой, какъ и всѣ другіе, былъ блистательно уничтоженъ въ самомъ его основаніи собственною рѣшимостію Государя Императора вдругъ представить кандидатовъ на всѣ вакантныя кафедръ, то казалось бы, что это будетъ принято съ удовольствіемъ и благодарностію со стороны преемника Григорія XVI. Дѣйствительно, графу Блудову были сдѣланы самыя положительныя увѣренія въ этомъ смыслѣ, когда онъ въ первый разъ

¹⁾ Делеши Бутенева отъ 2/11-го іюля и 16/27-го іюля 1848 года.

началъ переговоры по этому вопросу и представилъ первый списокъ кандидатовъ. Поэтому, нельзя не удивляться обнаруженному затѣмъ, со стороны Римскаго двора, равнодушію по этому вопросу и даже желанію изыскивать всевозможныя средства для того, чтобъ отдалить утверженіе всѣхъ остальныхъ кандидатовъ. Казалось бы, напротивъ того, мы имѣли полное право ожидать, что папское правительство съ радостію приметъ это новое свидѣтельство очевиднаго благорасположенія со стороны Государа Императора и будетъ ревностно содѣйствовать намъ въ назначеніи епископовъ на всѣ вакантныя кафедры Имперіи и царства Польскаго. Если ожиданіе наше не исполнилось, то кажется, я не ошибаюсь, полагая, что причина того заключается вовсе не въ сомнѣніяхъ, испытываемыхъ совѣстью папы, или въ недостаткѣ свѣдѣній о каноническихъ и духовныхъ качествахъ кандидатовъ, какъ представляетъ Римская курія, а въ соперничествѣ и вліяніяхъ лицъ, окружавшихъ папу. Эти вліянія весьма ясно выразились особенно съ того времени, какъ монсиньоръ Корболи вновь вступилъ въ должность, и какъ удалился Антонелли, занимавшійся этими дѣлами временно, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Честное и миролюбивое направленіе этого кардинала весьма много содѣйствовало успѣху нашихъ послѣднихъ переговоровъ и обнаруженію знаменитой алловуціи 3-го іюля. Но монсиньоръ Корболи далеко не держится того же направленія. По личной ли зависти къ кардиналу Антонелли, его сопернику по довѣренности папы, или по лукавому упрямству, протекающему изъ его ультрамонтанскихъ воззрѣній и изъ нѣкоторой доли хвастовства своими способностями и ученостію, впрочемъ, не подлежащею сомнѣнію, этотъ молодой прелатъ—съ перваго же раза, какъ я долженъ былъ войти въ переговоры съ нимъ, какъ съ докладчикомъ по церковнымъ дѣламъ, испытавъ ничтожество въ этомъ отношеніи кардинала статсъ-секретаря Соля, — оказалъ столь же мало охоты прійти къ соглашенію и столь много недоброжелательства, сколько, наоборотъ, оказывалъ готовности и благорасположенія кардиналъ Антонелли. Когда же, вслѣдствіе усиленныхъ и постоянныхъ настояній съ моей стороны ускорить отвѣтомъ о кандидатахъ на епископскія кафедры, Корболи объявилъ мнѣ, наконецъ, согласіе папы утвердить немногихъ изъ нихъ, отлагая на неопредѣленное время рѣшеніе о другихъ, и въ томъ числѣ объ епископѣ Томашевскомъ, представленномъ въ архіепископы въ Варшаву, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ мнѣ понять, что Буткевичъ почти навѣрное не будетъ утвержденъ. На это я весьма откровенно выразилъ ему мое удивленіе и сожалѣніе, что папское

правительство можетъ остановиться на такомъ рѣшеніи, столь мало согласномъ съ добрымъ намѣреніемъ нашего правительства. При этомъ случаѣ я вновь перечислилъ всѣ доказательства, подкрѣпляющія справедливыя требованія, указавъ особенно на его неподобающую въ отношеніи къ папскому правительству, состоявшую въ томъ, что оно, вмѣсто епископовъ Равы и Гентиллы, рѣшилось представить новыхъ кандидатовъ на Минскую и Самогитскую каѳедры, равно на живые и не достойныя довѣрія источники, изъ которыхъ Римскій дворъ почерпаетъ свои свѣдѣнія и основываетъ на нихъ свои заключенія о латинскихъ прелатахъ Имперіи и царства Польскаго, вмѣсто того, чтобы довѣрять справедливымъ сообщеніямъ императорскаго правительства. Всѣ мои усилія и разсужденія хотя и были выслушаны монсеньоромъ Корболи съ вѣжливостію, но ни къ чему не повели, и онъ постоянно прикрывался волею папы. Онъ дошелъ даже до того, что намекалъ, будто бы папа не можетъ произнести своего рѣшенія въ отношеніи къ Томашевскому, не получивъ до сихъ поръ надлежащихъ разъясненій по нѣкоторымъ дошедшимъ до него о немъ свѣдѣніямъ, и потому полагалъ бы болѣе удобнымъ оставить его въ Калишѣ, а въ архіепископы Варшавскіе возвести тамошняго администратора Фіалковскаго. Разумѣется, я съ должною рѣшительностію отклонилъ подобное заявленіе. Я даже объявилъ, что приписываю его изобрѣтеніе исключительно самому Корболи, и онъ постарался немедленно отъ него отказаться и просилъ считать какъ-бы не существовавшимъ, когда я положительно объявилъ, что если бы подобное притязаніе, нарушающее право инициативы Государя Императора въ выборѣ епископовъ и въ распредѣленіи ихъ по каѳедрамъ, совершенно противное соглашеніямъ, только-что заключеннымъ между двумя правительствами, было мнѣ заявлено нотою папскаго кабинета, то я не принялъ бы такой ноты и не рѣшился бы передать ее моему правительству. Такое заявленіе, которое я, въ болѣе приличныхъ выраженіяхъ, повторилъ потомъ кардиналу Соля, произвело впечатлѣніе, отстранивъ окончательно такое оскорбительное притязаніе, но все-таки мнѣ не удалось убѣдить, чтобы были утверждены и другіе кандидаты, и въ полученной мною нѣсколько дней послѣ того официальной нотѣ упоминались только тѣ четыре, имена которыхъ уже сообщилъ мнѣ Корболи. Вмѣстѣ съ этою нотой я получилъ другую—объ епископѣ-суффраганѣ Лентовскомъ. Обѣ эти ноты были составлены въ духѣ недоброжелательства, противъ котораго безуспѣшно я возставалъ, и потому я рѣшился откровенно объясниться съ кардиналомъ Соля, который лично исполненъ бла-

горасположенія, хотя и не имѣетъ никакого вліянія на эти дѣла. Я предложилъ ему взять назадъ обѣ эти ноты, потому что онѣ могутъ произвестъ очень дурное впечатлѣніе въ Петербургѣ, и замѣнить ихъ другими, составленными въ духѣ добрыхъ отношеній между двумя кабинетами, которыя, вѣроятно, ему, такъ же какъ и мнѣ, желательно укрѣпить, а не разрушить. Кардиналь Соля охотно согласился на мое предложеніе, и вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, монсеньоромъ Бедни, человекомъ способнымъ и хорошаго направленія, обѣщалъ переписать эти ноты, и даже если будетъ нужно, довести обѣ этомъ случаѣ до свѣдѣнія папы. Эти настоятельныя съ моей стороны требованія достигли только въ нѣкоторой степени цѣли, и если мнѣ удалось заставить измѣнить какъ по содержанію, такъ и въ выраженіяхъ ноту о Лентовскомъ, то вторая нота — обѣ утверждаемыхъ епископахъ возвратилась ко мнѣ въ прежнемъ видѣ. При такомъ положеніи дѣлъ я счелъ себя обязаннымъ требовать личнаго свиданія съ папой, если не съ тѣмъ, чтобы вынудить его къ измѣненію уже постановленнаго имъ рѣшенія, то по крайней мѣрѣ для того, чтобы убѣдиться, не происходитъ ли это затрудненіе въ частномъ вопросѣ вообще отъ измѣненія благорасположенія папы. Это свиданіе было мнѣ немедленно назначено ^{30-го августа,} и я былъ очень доволенъ, что испросилъ его. ^{11-го сентября,} Его святѣйшество принялъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ и долго бесѣдовалъ со мною съ полною довѣренностью и откровенностію. Этотъ приемъ ободрилъ меня, и я не поколебался представить ему съ почтительною откровенностію тѣ же самыя соображенія, которыя представлялъ его министрамъ, къ чему побуждали меня какъ лежащая на мнѣ отвѣтственность, такъ и мое искреннее желаніе устранить всякое облачко, которое могло бы бросить тѣнь на отношенія, такъ счастливо установившіяся между императорскимъ кабинетомъ и его святѣйшествомъ ко взаимной ихъ выгодѣ и удовольствію. Подробно изложивъ всѣ соображенія по вопросу о выборѣ епископовъ, я замѣтилъ, что искренность и горячность моей рѣчи не только не смутили папу и не произвели на него непріятнаго впечатлѣнія, но наоборотъ, кажется, весьма понравился ему. Онъ сказалъ, что очень благодаренъ мнѣ за откровенныя соображенія, которыя я сообщилъ его министрамъ, и которыя отчасти онъ принялъ въ соображеніе, и что онъ очень сожалѣетъ, что въ настоящее время не можетъ исполнить и другихъ моихъ предложеній, а именно утвердить всѣхъ представленныхъ кандидатовъ на епископскія кафедры въ Имперіи и царствѣ Польскомъ. Долгъ совѣсти, гово-

рилъ онъ, побуждаетъ его быть очень осторожнымъ и допускать къ исправленію важныхъ епископскихъ обязанностей только людей, удовлетворяющихъ всѣмъ каноническимъ требованіямъ, лишь по собраніи и провѣркѣ всевозможныхъ о нихъ свѣдѣній. Онъ не скрываетъ отъ себя тѣхъ неудобствъ для духовнаго управленія, которыя пронестаютъ отъ долгаго оставленія епископскихъ кафедръ вакантными, и старается по возможности сократить это время; но будучи обремененъ многочисленными дѣлами внутренней и внѣшней политики, которыхъ важное значеніе я и самъ знаю, онъ не можетъ всего дѣлать самъ и въ отношеніи къ подробностямъ долженъ полагаться на своихъ докладчиковъ. Въ заключеніе этого оправданія, выраженнаго съ полнымъ добродушіемъ, его святѣйшество поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать, что его чувства уваженія и довѣрія къ Государю Императору не только не поколебались, но напротивъ того, усилились въ виду какъ расположенія Государя къ его святѣйшеству, такъ и заботъ о благѣ его подданныхъ латинскаго исповѣданія и благосостоянія римско-католической церкви въ его обширной монархіи. Папа прибавилъ, что онъ очень былъ радъ выразить публично эти чувства въ аллокуціи 3-го іюля и снова повторить ихъ въ буллѣ о новомъ распредѣленіи епархій, которыя онъ только-что утвердилъ для передачи мнѣ и для отправленія по назначенію. Когда папа прощался со мною съ тою же привѣтливостію, то выслушавъ столь удовлетворительныя съ его стороны заявленія, я, благодаря его, позволилъ себѣ выразить желаніе, чтобъ его министры своею ревностію и дѣятельностію помогали намѣреніямъ и желаніямъ его святѣйшества. Папа вовсе не былъ удивленъ или смущенъ этимъ заявленіемъ, но принялъ его очень милостиво и даже съ улыбкою, чтобы показать мнѣ, что онъ понималъ значеніе моихъ словъ, и прибавилъ, что онъ всегда заботится о томъ, чтобъ его уполномоченные были проникнуты собственными его чувствами.

„Стороной я узналъ“, заключаетъ свой отчетъ нашъ посланникъ, „что послѣ этой аудіенціи, монсиньоръ Корболи, котораго имя я не только не упоминалъ, но и не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на него, получилъ нѣчто въ родѣ выговора отъ папы, съ порученіемъ приложить особенное вниманіе къ дѣламъ, порученнымъ его вѣдѣнію и касающимся отношеній съ Россіей. Я вѣрю справедливости дошедшаго до меня слуха, особенно потому, что съ нѣкотораго времени монсиньоръ Корболи сдѣлался особенно внимателенъ ко мнѣ. Хотя я и стараюсь поддерживать добрыя съ нимъ сношенія, но тѣмъ не менѣе

я не могъ бы имѣть довѣрія къ этому прелату, если бы мнѣ пришлось вести съ нимъ переговоры по какому-либо важному дѣлу“¹⁾).

Неудивительно, конечно, выраженіе чувствъ папы къ лицу императора Николая. И прежде, въ полный разгаръ враждебныхъ отношеній къ Россіи, не только папа Григорій XVI, но даже и его курія тщательно выгораживали лицо императора отъ тѣхъ упрековъ, которыми осмысли русское правительство. Пій IX иначе и не могъ говорить о немъ и по личнымъ отношеніямъ къ нему, и по требованіямъ приличія въ отзывахъ государей другъ о другѣ. Но подобныя заявленія чувствъ ни сколько не ручаются за удовлетворительность отношеній между двумя дворами и не доказываютъ ихъ. Притомъ, нельзя было не обратить вниманія, что такъ бесѣдовалъ съ нашимъ посланникомъ Пій IX въ сентябрѣ 1848 года, когда волненіе охватывало всю западную Европу, и когда надъ Римскимъ престоломъ уже висѣла такая гроза, что черезъ мѣсяць (23-го октября) папа долженъ былъ бѣжать изъ Рима. Но если и неудивительны подобныя рѣчи папы, то никакъ нельзя не удивляться увѣренности нашего посланника, что между папскимъ престоломъ и Россіей воцарились самыя дружескія отношенія, которыя онъ всѣми силами старается поддержать, удаляя, по его выраженію, всякое облачко, которое могло бы бросить на нихъ тѣнь. Нельзя не остановиться передъ этою увѣренностію, которую раздѣляли нѣкоторыя лица и въ Петербургѣ, и не спросить, на чемъ же она основывалась?

Она основывалась на томъ, что чрезвычайное наше посольство окончило свое порученіе, и что конкордаты былъ не только заключенъ, но и утвержденъ обоими правительствами и обнародованъ папою при особой аллокуціи. Но къ конкордату, заключавшему въ себѣ постановленія по вопросамъ, въ отношеніи къ которымъ послѣдовало соглашеніе обоихъ правительствъ, былъ приложенъ особый протоколъ, также подписанный уполномоченными обѣихъ сторонъ. Въ немъ были перечислены требованія Рима по вопросамъ, которые русское правительство считало неразрѣшимыми, и по которымъ не могло сдѣлать никакихъ уступокъ; а между тѣмъ папское правительство считало ихъ наиболее важными и отъ ихъ разрѣшенія, удовлетворительнаго въ видахъ Рима, ставило въ зависимость значеніе самого конкордата. Это и было прямо заявлено въ обнародованной аллокуціи Пія IX, который вслѣдъ за тѣмъ началъ, не дожидаясь согласія

¹⁾ Дешеш графа Блудова къ канцлеру отъ 5/17-го сентября 1848 года.

русскаго правительства, приводить въ исполненіе выраженныя въ протоколѣ притязанія, подчиняя униатовъ власти латинскихъ епископовъ и сносясь съ духовенствомъ и вообще съ римскими католиками, помимо нашего посольства. Ходъ дѣлъ объ утвержденіи епископовъ показывалъ полное недовѣріе папскаго двора къ русскому правительству; онъ постоянно замедлялъ утвержденіе и даже вовсе отказывалъ утверждать именно тѣхъ лицъ, о которыхъ наиболѣе ходатайствовало наше правительство, какъ о лицахъ хотя въ иѣкоторой степени ему преданныхъ. Дѣло объ епископѣ Лентовскомъ, о которомъ упоминаетъ нашъ посланникъ въ приведенномъ выше отчетѣ, не свидѣтельствуемъ также о благорасположеніи къ намъ Римскаго двора.

Округъ, изъ котораго была образована Кѣлецкая епархія, дотолѣ находился по духовному управленію въ вѣдомствѣ Краковской епископій. Когда Краковъ былъ присоединенъ къ Австріи, то по Теплицкому договору было установлено отдѣлить управленіе этого округа и составить изъ него отдѣльную епархію. Вѣнскій дворъ взялъ на себя устроить это дѣло съ папскимъ престоломъ, но или по холоднымъ къ нему отношеніямъ со времени восшествія на престолъ Шия IX, или желая угодить Риму, которому такимъ образомъ доставлялъ возможность, чрезъ своего нунція въ Вѣнѣ, вмѣшиваться въ управленіе латинскою церковью въ царствѣ Польскомъ, не приступалъ къ рѣшенію этого дѣла. Между тѣмъ, въ 1841 году умеръ генеральный администраторъ Краковской епархіи, епископъ-суффраганъ Зелинскій. Краковскій капитулъ избралъ на его мѣсто аббата Лентовскаго и довелъ о томъ до свѣдѣнія нашего правительства. Въ ожиданіи разрѣшенія вопроса объ отдѣленіи Кѣлецкой епархіи отъ Краковской, наше правительство не сочло нужнымъ входить въ пререканія и утвердило указомъ ¹⁰/₂₂ марта 1842 года этотъ выборъ.

Вслѣдъ за тѣмъ папскій нунцій въ Вѣнѣ кардиналъ Альтіери вмѣшался въ это дѣло и потребовалъ къ себѣ Лентовскаго. Хотя онъ и утвердилъ его въ послѣдствіи, но тѣмъ не менѣе папа въ allocuціи, въ числѣ другихъ жалобъ на Россію, заявилъ о назначеніи въ Краковскую епархію суффрагана безъ его согласія.

При такомъ положеніи дѣла русское правительство предписало своимъ уполномоченнымъ въ Римѣ начать дѣло объ отдѣленіи Кѣлецкой епархіи отъ Краковской. Первые заявленія объ этомъ были приняты благосклонно, и въ 1848 году кардиналъ статсъ-секретарь Солья даже прямо сообщилъ нашему посланнику, что папа непременно изъяснитъ на то свое согласіе, потому что „вообще весьма полезно умно-

жать центры духовной администраціи“. Дѣйствительно, такова была постоянная политика Римской курии, которая, въ виду будущихъ со-вращеній, учреждала епархіи и приходы даже тамъ, гдѣ и повсе не было римскихъ католиковъ, или гдѣ они были въ самомъ незначи-тельномъ числѣ. Но въ отношеніи Кѣлецкой епархіи для Римской курии представлялась не эта цѣль, а наоборотъ совершенно иная, именно — дать своему нунцію въ Вѣнѣ возможность какъ-бы законно сноситься съ духовенствомъ не только царства Польскаго, но даже Русской имперіи, помимо русскаго правительства, и сообщать этому духовенству папскія предписанія ¹⁾).

Римскій дворъ и попробовалъ немедленно прибѣгнуть къ этому способу. Такъ какъ Римъ затягивалъ утвержденіе Дмоховскаго Могилевскимъ архіепископомъ, то послѣдній обратился съ просьбою къ папѣ о сообщеніи ему нѣкоторыхъ полномочій, необходимыхъ для исправленія этой должности. Папа немедленно исполнилъ его просьбу; но вмѣсто того, чтобы, по установленному порядку, препроводить свое брече въ наше посольство въ Римъ, папа отправилъ его къ Вѣнскому нунцію, который и переслалъ его въ австрійское посольство въ С.-Петербургъ для доставленія епископу. Узнавъ объ этомъ, наше правительство поручило г. Бутеневу потребовать отъ папскаго двора объясненій о причинахъ такого явнаго нарушенія установленнаго порядка сношеній главы латинской церкви съ римско-католическимъ духовенствомъ Имперіи. „Въ виду только-что оконченныхъ перегово-ровъ съ Римомъ“, нашъ посланникъ нашелъ болѣе удобнымъ лично и конфиденціально объясниться съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ, не возбуждая письменныхъ сношеній, и стало быть, не желая придавать этому вопросу особенную важность. При свиданіи съ Бутеневымъ кардиналъ Феретти объявилъ ему, что это случилось при кардиналѣ Гицци, и что онъ, Феретти, ничего о томъ не знаетъ; но общалъ однако доложить папѣ и немедленно сообщить Бутеневу его отвѣтъ. Черезъ два дня, онъ дѣйствительно сообщилъ нашему посланнику, что это случилось безъ всякаго особенно предумышленнаго намѣренія. Папа поступилъ такъ для того только, чтобы ускорить доставленіе своего брече епископу Дмоховскому. Но къ этому кардиналъ статсъ-секретарь прибавилъ: „Въ заключеніе этихъ объясненій святой отецъ однако же, съ свойственною ему откровенностію,

¹⁾ Дешеша графа Нессельрода къ Бутеневу отъ 9-го марта 1844 года и 28-го марта 1847 года; также дешеша Бутенева отъ 5/17 сентября 1848 года.

замѣтили: хотя этотъ поступокъ и былъ дѣйствительно случайнымъ и вовсе не преднамѣреннымъ, и хотя я съ одинаковымъ удобствомъ могъ бы переслать мой отвѣтъ Дмоховскому черезъ русское посольство, если бы мнѣ пришло это въ голову, но могутъ однако же представиться случаи, касающіеся душевныхъ сомнѣній (des cas de recours de for intérieur), отвѣты на которые я не могъ бы, по совѣсти, ввѣрять официальному вмѣшательству русскаго посольства“. На эти-то случаи, касающіеся внутреннихъ дѣлъ совѣсти, прибавилъ кардиналь статсъ-секретарь. много разъ указывалъ его святѣйшество и требовалъ отъ императорскаго правительства большей свободы въ его сношеніяхъ какъ съ духовенствомъ, такъ и съ римско-католическими подданными императора. На этомъ постоянно настаивали его уполномоченные въ послѣднихъ переговорахъ, и сверхъ того, его святѣйшество особенно и лично поручалъ графу Блудову представить этотъ вопросъ вниманію императора и надѣется, что это представленіе не останется безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ папа не признавалъ удовлетворительнымъ установленный порядокъ его сношеній съ духовенствомъ и съ римско-католиками Имперіи и Царства, желалъ измѣнить его, или по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, считалъ его невозможнымъ, а стало быть, не отказывался прибѣгать къ окольнымъ путямъ.

Но русское правительство сочло нужнымъ отклонить этотъ общій вопросъ, выразивъ однакоже полное удовольствіе въ отношеніи къ объясненію, которое далъ папа частному случаю о доставленіи его бреве епископу Дмоховскому чрезъ Вѣнскаго нунція и австрійское посольство. „Благородная откровенность“, — писалъ графъ Нессельродъ нашему посланнику въ Римѣ, — „съ которою папа объяснилъ, что вмѣшательство австрійскаго посольства при доставленіи бреве епископу было дѣломъ совершенно случайнымъ, должна была вполнѣ удовлетворить императорскій кабинетъ. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ для насъ было важно только то, что вдругъ устанавлился новый способъ сношеній папскаго двора съ римско-католическимъ духовенствомъ, котораго мы никакимъ образомъ допустить не могли. Но лишь только папа объяснилъ это обстоятельство, какъ неумышленную случайность, то мы считаемъ, что достигли своей цѣли“¹⁾.

Между тѣмъ, епископъ Лентовскій уѣхалъ въ Краковъ и письменно увѣдомилъ намѣстника царства Польскаго, что онъ слагаетъ съ себя

¹⁾ Денеша канцлера отъ 19-го іюля и 6-го сентября 1847 года; денеша Бутенева отъ 21-го августа 1847 года.

обязанности по управленію Кѣлецкою епархіей. Намѣстникъ поручилъ управлять епархіей аббату Маерчаку. Но Лентовскій съ такою же просьбой обратился и къ Вѣнскому нунцію, который не согласился признать данное ему намѣстникомъ увольненіе и представилъ это дѣло на усмотрѣніе папы. Въ то же время и наше правительство поручило посланнику усилить старанія объ отдѣленіи Кѣлецкой епархіи и о назначеніи въ нее особаго епископа, а до того времени, какъ оно состоится, предложило слѣдующій порядокъ для назначенія временнаго администратора. По каноническимъ правиламъ избрать администратора долженъ былъ капитулъ. Но Кѣлецкая епархія, принадлежа къ Краковской, своего капитула не имѣла; поэтому Краковскій капитулъ, находящійся въ Австрійской имперіи, долженъ былъ бы выпирать администратора для одной изъ польскихъ областей русскаго государства, и притомъ, собственно говоря, въ часть своей же епархіи, имѣвшей епископа въ лицѣ Лентовскаго. Очевидно, что ни русское правительство не могло прибѣгнуть къ этому способу, ни самъ Краковскій капитулъ не могъ приступить къ такому избранію. Между тѣмъ правилами Тридентскаго собора постановлено, что если капитулъ поставленъ по какимъ-либо обстоятельствамъ въ невозможность избрать администратора епархіи, то право такого избранія предоставляется митрополиту, а за его отсутствіемъ, ближайшему и старшему епископу той же области. Примѣняясь къ этому правилу, русское правительство ходатайствовало предъ папой о порученіи избрать администратора въ Кѣлецкую епархію епископу Сандомірскому Гольдману. Эти предложенія, какъ о порядкѣ назначенія администратора, такъ и объ отдѣленіи Кѣлецкой епархіи, были весьма благосклонно приняты кардиналомъ Антонелли, управлявшимъ дѣлами во время отсутствія монсиньора Корболи; но по возвращеніи послѣдняго, нашъ посланникъ получилъ ту дерзкую ноту, о которой онъ упоминаетъ въ приведенномъ нами отчетѣ его канцлеру. Хотя, по его настоянію, эта нота и была взята назадъ и переписана въ выраженіяхъ болѣе приличныхъ, тѣмъ не менѣе она заключала въ себѣ рѣшительный отказъ на предложенія русскаго правительства, и дѣло о Кѣлецкой епархіи осталось въ неопредѣленномъ положеніи и до сего дня ¹⁾.

Въ такомъ состояніи находились наши сношенія съ Римомъ до конца октября (23-го) 1848 года, когда пана бѣжалъ въ Гаету. Вслѣдъ за папою, вмѣстѣ съ другими посольствами иностранныхъ государствъ и наше посольство оставило Римъ и переѣхало въ Неаполь.

¹⁾ Деша графа Нессельрода къ Бутеневу отъ 10-го іюля 1848 года.

Съ переѣздомъ въ Гаету папскій дворъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ сдѣлаться уступчивѣе въ отношеніи къ нашимъ требованіямъ. Напоминая, что Римскій престолъ былъ главнѣйшимъ образомъ обязанъ своимъ возстановленіемъ въ 1815 году императору Александру I, Пій IX просилъ и императора Николая содѣйствовать возстановленію его свѣтской власти ¹⁾. Нуждаясь въ помощи, хотя и нравственной, Римскій дворъ долженъ былъ и съ своей стороны показать нѣкоторое расположеніе исполнить требованія Русскаго императора. Къ этому обстоятельству присоединялось и другое, которому, по крайней мѣрѣ, нашъ посланникъ придавалъ важное значеніе. Кардиналъ Антонелли занялъ первое мѣсто въ Римскомъ кабинетѣ, сталъ статсъ-секретаремъ папы. Знакомый съ церковными дѣлами и завѣдывавшій иногда ими, въ отсутствіе Корболи, онъ, конечно, могъ оказать большее на нихъ вліяніе, нежели его предшественники, проходившіе большею частію службу по дипломатическому поприщу и мало знакомые съ каноническимъ правомъ, и такимъ образомъ устранить исключительное значеніе въ этихъ дѣлахъ монсеньора Корболи. Г. Бутеневъ былъ столь же увѣренъ въ примирительномъ направленіи кардинала Антонелли и въ его благорасположеніи къ русскому правительству, сколько считалъ монсеньора Корболи, какъ крайняго ультромантана, враждебно расположеннымъ къ Россіи. Притомъ, нашему посланнику приходилось предлагать свои настоянія объ утвержденіи епископовъ при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ, а именно, доставляя каждый разъ Римскому двору весьма пріятныя для него извѣстія. Прежде всего Бутеневъ передалъ — уже въ Гаетѣ — только-что полученные имъ императорскіе подарки для лицъ папскаго правительства, участвовавшихъ въ заключеніи конкордата, и „не смотря на неудобства этой временной резиденціи“, — увѣдомлялъ Бутеневъ графа Нессельрода, — „я воспользовался случаемъ возобновить вопросъ объ епископахъ и передать новыя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Моя попытка въ этомъ отношеніи была принята такъ хорошо, что подастъ мнѣ надежду на успѣхъ“ ²⁾. Затѣмъ Бутеневъ долженъ былъ передать кабинетное письмо императора Николая въ отвѣтъ на письмо папы изъ Гаеты, въ которомъ одобрялось намѣреніе папы требовать возстановленія его свѣтской власти при содѣйствіи всѣхъ европейскихъ державъ ³⁾. Нако-

¹⁾ Письмо Пія IX къ императору Николаю изъ Гаеты отъ 4/16-го декабря 1848 года.

²⁾ Дешеш Бутенева изъ Неаполя отъ 2/14-го декабря 1848 года.

³⁾ Дешеш канцлера къ Бутеневу отъ 3-го января 1849 года.

нецъ, Бутеневу пришлось заявить папскому правительству наиболѣе важное для него рѣшеніе императорскаго кабинета. Въ виду совершавшихся въ западной Европѣ событій, въ сущности впрочемъ не угрожавшихъ никакими опасностями Россіи, наше правительство, по понятіямъ того времени, сочло необходимымъ для общаго блага войти въ окончательныя соглашенія съ папскимъ престоломъ. Графъ Нессельродъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1849 года писалъ нашему посланнику: „Вы извѣстили насъ, что папа изъявилъ удовольствіе, узнавъ отъ васъ объ утвержденіи конкордата Государемъ Императоромъ, но выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобъ и по другимъ вопросамъ, изложеннымъ въ особомъ, присоединенномъ къ этому конкордату, протоколѣ, послѣдовали также соглашенія. Мы уполномочиваемъ васъ объявить папскому правительству, что мы, съ искреннимъ желаніемъ достигнуть соглашеній, готовы открыть о нихъ переговоры, когда будетъ угодно папѣ“. Когда нашъ посланникъ пріѣхалъ въ Гаету и передалъ это заявленіе кардиналу Антонелли, то, по его словамъ, онъ былъ чрезвычайно имъ обрадованъ. Точно также былъ обрадованъ и папа. Но при всемъ ихъ желаніи немедленно начать переговоры, къ счастью для насъ, это оказалось невозможнымъ, потому что всѣ бумаги, относившіяся до переговоровъ по этимъ вопросамъ, остались въ Римѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, настоянія нашего посланника объ утвержденіи епископовъ должны были увѣнчаться успѣхомъ. Дѣйствительно, почти всѣ представленные нашимъ правительствомъ кандидаты были утверждены. Не былъ утвержденъ только аббатъ Буткевичъ, и каноническій процессъ объ епископѣ Канѣ для новой, седьмой, епархіи въ Русской имперіи представилъ нѣкоторыя затрудненія.

Объ утвержденіи аббата Буткевича суффраганомъ при Варшавскомъ архіепископѣ настоятельно ходатайствовалъ намѣстникъ царства Польскаго. Князь Паскевичъ уважалъ аббата за его поведеніе, образованность, образъ мыслей, не имѣвшій ничего общаго ни съ крайнимъ ультрамонтанскимъ направленіемъ, ни съ революціоннымъ. Онъ считалъ его искренно преданнымъ правительству, что подтверждалось уже тѣми ожесточенными нападками и клеветами, которыми осыпали его всѣ враждебные русскому правительству Поляки и особенно эмигранты.

Бутеневъ, получивъ предписаніе нашего правительства настоятельно требовать утвержденія Буткевича, немедленно, въ началѣ іюля 1849 года, отправился изъ Неаполя въ Гаету и объявилъ кардиналу

Антонелли, что просить свиданія съ папой исключительно по этому дѣлу. Папа, по обыкновенію, припалъ его благосклонно, но желалъ отклонить всякій разговоръ объ утвержденіи Буткевича, ссылаясь на то, что всѣ бумаги, относящіяся до каноническаго о немъ процесса, остались въ Римѣ, и что потому это дѣло должно быть приостановлено. Бутеневъ, не возражая прямо палѣ, выразилъ однако рѣшительно, что всѣ неблагопріятныя свѣдѣнія о Буткевичѣ, полученныя Римскою куріей, суть клеветы на достойнаго прелата, возводимыя на него польскими мятежниками и эмигрантами за его умѣренный образъ мыслей и за преданность правительству. Онъ сопоставилъ эти свѣдѣнія съ тѣми, которыя получалъ и которыми вѣрилъ Римъ, со свѣдѣніями о мнимои аббатиссѣ Мечиславской, о миссіонерѣ Виллимѣ и проч., и сдѣлалъ намекъ, что, къ его сожалѣнію, онъ могъ часто замѣчать, что именно такимъ свѣдѣніямъ придаетъ вѣру докладчикъ папы по этимъ дѣламъ (то-есть, монсиньоръ Корболи). „Папа“, — писалъ Бутеневъ канцлеру, — „несколько не изъявивъ неудовольствія на этотъ намекъ и ни мало не смутясь, съ улыбкою прервалъ меня и замѣтилъ: „Я очень помню объ этомъ по вашимъ конфиденціальнымъ разговорамъ со мною въ Римѣ“. Затѣмъ онъ выразилъ искреннее сожалѣніе о печальномъ составѣ польскаго духовенства и говорилъ, что громко порицаетъ тѣхъ изъ его членовъ, которые, забывъ свои обязанности въ отношеніи къ церкви и къ своему государю, вмѣшиваются не только въ разныя политическія интриги, но даже и въ преступныя замыслы и попытки, и что онъ всегда готовъ самымъ торжественнымъ образомъ преслѣдовать такихъ лицъ своимъ порицаемъ. Продолжая рѣчь, папа говорилъ, что питаетъ глубокое довѣріе къ доказаннымъ заботамъ императора Николая о благѣ духовенства и римско-католическихъ подданныхъ, точно также, какъ и къ гражданскимъ доблестямъ и нравственнымъ качествамъ тѣхъ кандидатовъ на епископскія кафедры, которыя удостоились чести быть избранными Государемъ; но какъ глава церкви, обремененный личною отвѣтственностію передъ совѣстью и передъ Богомъ, онъ обязанъ изслѣдовать способность и религіозный образъ мыслей пастырей, избираемыхъ для цѣлыхъ епархій, и потому не долженъ избѣгать никакихъ изысканій, чтобы совершенно успокоить свою совѣсть въ этомъ отношеніи. Онъ вполне убѣжденъ, что не смотря на самый тщательный разборъ получаемыхъ свитымъ престоломъ свѣдѣній, всегда могутъ встрѣтиться извѣстія ложныя и даже неблагонамѣренныя; но именно забота о томъ, чтобы отдѣлить

истину отъ лжи и даже клеветы, затягиваетъ иногда на долгое время окончаніе этихъ дѣлъ. Поэтому-то Римскій престолъ и выражалъ постоянно желаніе имѣть при Русскомъ дворѣ своего уполномоченнаго, „который подъ глазами, такъ-сказать, самого правительства могъ бы для насъ (то-есть, для Рима) служить источникомъ вѣрныхъ свѣдѣній“.

Не входя въ разсужденіе о нунціѣ, нашъ посланникъ выразилъ увѣренность, что свѣдѣнія о Буткевичѣ, доставляемая нашимъ правительствомъ, безъ сомнѣнія, вѣрныя тѣхъ, которыя были сообщены папскому престолу врагами аббата.

Чтобы сколько-нибудь оправдать свое нежеланіе утвердить Буткевича, папа поручилъ кардиналу Антонелли сообщить нашему посланнику побуждающія его къ тому причины. Онѣ состояли въ томъ, что Буткевичъ будто бы по случаю похоронъ генерала Катовскаго пропознесъ предосудительную въ религіозномъ отношеніи проповѣдь, и управляя Варшавскою духовною академіей, изгналъ изъ нея всѣхъ профессоровъ, преданныхъ папскому престолу. Въ отвѣтъ на эти обвиненія наше правительство отправило Бутеневу какъ подлинную проповѣдь Буткевича, не находя въ ней ничего предосудительнаго для латинской церкви и полагая, что папѣ была сообщена подложная, такъ и подробныя свѣдѣнія объ уволенныхъ изъ Варшавской академіи профессорахъ съ 15-го октября 1842 года, когда Буткевичъ былъ опредѣленъ туда ректоромъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказалось, что одинъ изъ профессоровъ оставилъ академію, получивъ высшее назначеніе, а трое остальныхъ—по собственному желанію, вслѣдствіе своей старости. Когда нашъ посланникъ передалъ эти бумаги кардиналу Антонелли, то онъ, познакомившись съ ними, отвѣчалъ, что онѣ рѣшительно отстраняютъ тѣ обвиненія, которыя были возведены на Буткевича, и что поэтому онъ, съ своей стороны, полагаетъ, что теперь папа его утвердитъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ кардиналъ прибавилъ, что это дѣло все-таки должно замедлиться, потому что, вѣроятно, потребуются новыя изысканія въ Римскихъ архивахъ.

Дѣйствительно, прошелъ слишкомъ мѣсяць, прежде чѣмъ получены были изъ Рима требуемыя свѣдѣнія. Узнавъ о томъ, нашъ посланникъ отправился въ Гаету и снова принялся за хлопоты. Вся курія противодействовала ему, какъ увѣдомлялъ онъ въ послѣдствіи канцлера; только кардиналъ Антонелли держалъ его сторону, и наконецъ чтобы побѣдить упорство папскихъ совѣтниковъ, посоветовалъ ему просить личнаго свиданія съ папой. „Эта аудиенція“, писалъ Бутеневъ, „состоялась въ послѣднихъ числахъ ноября и продолжалась болѣе часа. Пріемъ былъ любезнѣе, нежели когда-либо. Послѣ разговора о нѣсколь-

кихъ общихъ предметахъ, папа самъ началъ говорить о Буткевичѣ. Я немогъ сомнѣваться, что онъ былъ уже приготовленъ къ этому сообщенію, потому что замѣтилъ на его письменномъ столѣ, подлѣ котораго его святѣйшество предложилъ мнѣ сѣсть, портфель, наполненный бумагами, которыя онъ просматривалъ по мѣрѣ того, какъ бесѣдовалъ со мною. Папа сказалъ мнѣ, что съ особеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ читалъ сообщенныя мною бумаги, заключающія въ себѣ новыя свѣдѣнія о Буткевичѣ, которыя представлялъ ему кардиналъ Антонелли, вмѣстѣ со всѣми моими объясненіями, словесно ему выраженными. Сообщение императорскимъ дворомъ этихъ свѣдѣній и объясненій, равно какъ и важныхъ соображеній, которыми руководилось русское правительство, настаивая на утвержденіи Буткевича, и которыя я высказалъ при личныхъ свиданіяхъ съ папою въ Гаэтѣ, онъ считаетъ новымъ доказательствомъ благосклонныхъ и честныхъ намѣреній Государя Императора. При такихъ условіяхъ, онъ желалъ дать понять, до какой степени ему прискорбно находится въ такомъ положеніи, что самое горячее его желаніе исполнить постоянныя настоянія останавливается требованіями его совѣсти и великою отвѣтственностію, которая тяготѣетъ надъ нимъ, какъ надъ главою католичества, въ сей и будущей жизни, всякій разъ, когда дѣло идетъ объ утвержденіи епископа. Если чувства и образъ мыслей представляемаго кандидата съ точки зрѣнія римско-католическаго исповѣданія возбуждаютъ сомнѣнія, то какъ же можетъ онъ, какъ папа, вдругъ постановить рѣшеніе, за которое отвѣтственность исключительно и непосредственно падаетъ на него? „Если сказать правду“, продолжалъ папа, „то открыто заявленныя противъ Буткевича обвиненія за произнесенную имъ рѣчь и за увольненіе нѣкоторыхъ профессоровъ Варшавской академіи, по недостаточности свѣдѣній единственно бывшія у меня тогда подъ рукою, въ настоящее время совершенно устраняются тѣми объясненіями и документами, которые вы сообщили. Но нѣкоторыя воспоминанія и нравственныя предубѣжденія, въ отношеніи къ его религиознымъ чувствамъ и мнѣніямъ, которыя у меня и тогда были, и о которыхъ я могъ упомянуть только мимоходомъ, съ тѣхъ поръ увеличались и подтвердились документами, давно уже хранившимися въ Римскихъ архивахъ“.

„Перелистывая потомъ бумаги, которыя лежали на столѣ, папа громко прочитывалъ нѣкоторыя мѣста, даже относившіяся до проповѣди и смѣщенія нѣкоторыхъ профессоровъ академіи, прибавляя, что эти обвиненія не могутъ уже имѣть никакого значенія, точно такъ же,

какъ и еще нѣкоторыя, въ копѣхъ порицалось поведеніе аббата Буткевича, введенное имъ измѣненіе въ присягѣ профессоровъ изъ духовныхъ въ Варшавской академіи, и нѣкоторыя другія. Его святѣйшество не останавливался на этихъ обвиненіяхъ, какъ неопредѣленныхъ и недостаточно доказанныхъ, такъ что на нихъ нельзя основать заключеніе. Наконецъ, онъ остановился на одной бумагѣ, которая, кажется, и служила главнымъ основаніемъ для сомнѣній его совѣсти. Взявъ эту бумагу въ руки и пробѣгая ее глазами, папа съ печальнымъ и озабоченнымъ видомъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ объявить мнѣ источникъ, изъ котораго истекають эти свѣдѣнія, и кто подписалъ эту бумагу, потому что эти извѣстія сообщены римскимъ католикомъ ему, какъ главѣ церкви, какъ-бы подъ тайной исповѣди; но что онъ можетъ дать мнѣ торжественное увѣреніе, что они идутъ не отъ польской эмиграціи, а отъ человѣка, достойнаго довѣрія во всѣхъ отношеніяхъ — и по своему характеру, и по своему положенію. Потому его святѣйшество прочелъ мнѣ нѣсколько мѣстъ на италіанскомъ языкѣ, въ которыхъ шла рѣчь именно о чувствахъ и взглядахъ аббата Буткевича, которые прямо считались несогласными съ канонами и догматами римской церкви. Аббать будто бы даже не скрывалъ своихъ мнѣній и заявлялъ необходимость измѣнить нѣкоторыя ученія церкви; однимъ словомъ, его репутація-де въ этомъ отношеніи такъ двусмысленна, что многіе римскіе католики, истинно преданные своей церкви и близко его знающіе, увѣрены, что если когда-нибудь аббать Буткевичъ сдѣлается епископомъ, то можно опасаться, что онъ заставитъ Римскую церковь испытать такое же несчастіе, какое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, заставилъ ее оплакивать епископъ Сѣмашко. Въ концѣ этой бумаги было приписано нѣсколько строкъ по латыни, которыя, по плохому знанію этого языка, я не могу изложить подробно, но кажется, я понялъ слѣдующій общій ихъ смыслъ: что опасность для римской церкви отъ возведенія Буткевича въ санъ епископа усиливается еще болѣе тѣмъ, что онъ будетъ стараться достигнуть постоянной цѣли своихъ стремленій — сдѣлаться Варшавскимъ архіепископомъ, и въ этомъ случаѣ онъ будетъ пользоваться всякими средствами.

„Прочитавъ эту бумагу, папа, послѣ непродолжительнаго молчанія, сказалъ: „Я очень хорошо понимаю, что вы посмотрите на эти извѣстія съ совершенно иной точки зрѣнія, нежели я смотрю на нихъ; я сообщилъ ихъ вамъ въ доказательство моего особаго къ вамъ довѣрія и не съ тѣмъ, чтобы возбуждать вопросы о совершившихся уже

дѣлахъ (то-есть, о присоединеніи униатовъ). а единственно съ тою цѣлю, чтобъ убѣдить васъ, какъ глубоко должны волновать мою совѣсть такія подозрѣнія о чувствахъ и образѣ мыслей кандидата, предложеннаго занять епископскую кафедру, и какъ могутъ они побуждать меня къ отклонію этого выбора. Миѣ было неспріятно, хотя бы косвеннымъ путемъ затронуть такой щекотливый вопросъ, въ настоящее время уже совершенно оконченный; но я желалъ, чтобъ были поняты дѣйствительныя причины, которыя заставляютъ меня отклонить выборъ аббата Буткевича“. Затѣмъ, поручая миѣ довести объ этихъ причинахъ до свѣдѣнія императорскаго правительства, папа продолжалъ: „Въ настоящее время, когда съ одной стороны, собственное мое положеніе и положеніе святаго престола, а съ другой—положеніе императора Николая, какъ единственнаго защитника, понуждаютъ меня къ тому, я скорѣе всего долженъ былъ бы обойти всѣ препятствія и исполнить съ искреннею готовностію всѣ желанія Государя, который одинъ показалъ себя постояннымъ и славнымъ защитникомъ общественнаго порядка въ Европѣ, опорю законной власти и религіи, повсюду преслѣдуемыхъ бичемъ революціи. Ни въ какое другое время я не желалъ бы съ большею горячію исполнить желанія Императора, какъ именно теперь въ видахъ моихъ собственныхъ выгодъ, когда надежда на возстановленіе и поддержаніе законнаго порядка въ Папской области, какъ и повсюду, опирается исключительно на его могущественное и благотѣльное вліяніе, доказанное уже на дѣлѣ. Только долгъ совѣсти, превышающій всѣ временныя требованія, могъ поставить меня въ прискорбную необходимость поступить несогласно съ желаніемъ Императора. Вотъ чувства и начала, которыми, вмѣстѣ съ безусловнымъ довѣріемъ къ волѣ Провидѣнія, я руководствовался въ этомъ случаѣ. Я прошу васъ объяснить ихъ Императору; пусть Его Величество судить о нихъ по собственнымъ ему справедливости и великодушію“.

Эта аудіенція произвела сильное впечатлѣніе на нашего посланника. „Если миѣ позволено будетъ выразить мое мнѣніе“,—писалъ онъ къ графу Нессельроду, — „мнѣніе, основанное на достаточномъ знакомствѣ съ правилами, которыми постоянно руководствуется Римское правительство, и съ неизмѣннымъ образомъ его дѣйствій, то я полагаю, что такой довѣренности, доведенной до такихъ крайнихъ предѣловъ, не оказывали папы никому, даже въ своихъ отношеніяхъ къ государямъ латинскаго исповѣданія. Такая довѣренность, какую обнаружилъ въ отношеніи къ намъ Пій IX, добровольно заявивъ содержаніе самыхъ сокровенныхъ сообщеній, которыя святой престолъ

всегда хранить въ непроницаемой тайнѣ, превосходятъ всякія ожидания". Г. Бутеневъ полагалъ, что выраженные папою причины отказа утвердить аббата Буткевича въ епископскомъ санѣ суть именно тѣ самыя, которыя вынудили Пій IX къ такому поступку въ отношеніи къ русскому правительству. Конечно, нѣтъ никакого повода не довѣрять, „особенно откровеннымъ“, какъ выражался нашъ посланникъ, заявленіямъ папы. Папа могъ съ недоумѣніемъ остановиться предъ угрожающею возможностью такого явленія, что вѣрная ему церковь польская отторгнется отъ его престола по желанію одного изъ епископовъ, или можетъ-быть, даже будущаго архіепископа Варшавскаго. Но это показывало бы однако же, какъ мало вѣрилъ папа во внутреннюю силу самого латинскаго исповѣданія, если опасался, что цѣлый народъ можетъ быть отторгнутъ отъ своей церкви интригой одного человѣка, хотя бы онъ и былъ облеченъ важнымъ церковнымъ саномъ. Указаніе на Иосифа Сѣмашко, очевидно, не шло къ дѣлу и было выставлено только для того, чтобы придать ему важность. Римъ очень хорошо зналъ исторію и значеніе уніи и понималъ, что даже уніатовъ возвратитъ въ лоно православія не могъ бы одинъ епископъ, еслбъ онъ не былъ двигателемъ и исполнителемъ общаго желанія, если бы его не поддерживали большая часть высшей іерархіи, все почти безъ исключенія бѣлое уніатское духовенство и весь народъ, то-есть, вся уніатская паства.

Если же Пій IX опасался подобнаго явленія въ Польшѣ и считалъ его возможнымъ, предполагая, что въ этомъ случаѣ русское правительство предоставитъ въ помощь латинскому епископу всѣ свои нравственныя и внѣшнія силы, то это, лестное впрочемъ, понятіе о всемогуществѣ нашего правительства доказывало бы однако же, что папа питаетъ глубокое къ нему недовѣріе. Послѣ того какое же значеніе имѣли бы какъ увѣренія нашего посланника, что между обоими дворами водворилось взаимное довѣріе, такъ и слова самого папы, сказанныя въ послѣдней аудіенціи? Пій IX совершенно вѣрно замѣтилъ, что нашъ посланникъ, какъ представитель русскаго правительства, долженъ былъ совершенно съ иной точки зрѣнія посмотрѣть на тѣ пзвѣстія, которыя такъ смутили совѣсть Пія IX, что заставили его отказать въ епископскомъ санѣ достойному прелату. Но это ожиданіе папы было напрасно. Нѣкоторые изъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ новаго времени часто отличались особеннымъ свойствомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они получали назначеніе при какомъ-нибудь европейскомъ государѣ, они становились не столько представителями Россіи въ этомъ

государствѣ. сколько подчинялись интересамъ того государя, при которомъ были аккредитованы. Они чувствовали его чувствами, смотрѣли на вещи глазами его кабинета и дѣлались ходатаями по его дѣламъ передъ своимъ правительствомъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. „Главный поводъ къ отказу въ утвержденіи Буткевича въ епископскомъ санѣ“, — писалъ нашъ посланникъ, — „указанный въ этой аудіенціи папою, и который я нахожу вѣроятнымъ, таковъ по своей сущности, что я не позволилъ себѣ сдѣлать изъ него предметъ спора въ непосредственномъ разговорѣ съ самимъ верховнымъ первосвященникомъ. Впрочемъ, онъ самъ показалъ особенную заботливость и осторожность, чтобы отклонить всякую мысль о спорѣ по главному вопросу (то-есть, объ обращеніи униатовъ), причисливъ его къ числу уже совершившихся событій. Соображенія, въ которыхъ папа выразилъ свой политическій взглядъ на значеніе нашего Августѣйшаго Государя, были такъ опредѣленны и основательны, что нельзя было не замѣтить въ нихъ искренности и довѣрія“.

Быть можетъ дѣйствительно, въ этой аудіенціи, и вообще въ разговорѣ съ самимъ папою, можно было и не выражать взгляда на полученныя имъ извѣстія о Буткевичѣ съ точки зрѣнія русскаго правительства; но едва-ли не слѣдовало заявить это папскому кабинету. Наше правительство постоянно указывало Римскому, что о всѣхъ его дѣйствіяхъ въ отношеніи къ латинской церкви оно почерпаетъ свѣдѣнія изъ источниковъ подозрительныхъ и не стоящихъ довѣрія. Сій IX, ожидая этого замѣчанія, старался увѣрить нашего посланника, что заявленныя имъ свѣдѣнія о Буткевичѣ получены не отъ польскихъ эмигрантовъ, а отъ лица, заслуживающаго довѣрія. Нашъ посланникъ также указалъ, каковы были свѣдѣнія, которыми руководствовался Римъ по дѣламъ о Мечиславской, о миссіонерѣ Вллимѣ и т. п. При такихъ обстоятельствахъ, кажется, естественно было возбудить вопросъ: вѣрны ли тѣ свѣдѣнія, которыми папа придавалъ такое важное значеніе? Нѣтъ причины подозрѣвать увѣреніе папы, что эти свѣдѣнія были получены имъ не отъ польскихъ эмигрантовъ. По самому своему свойству эти свѣдѣнія могли быть доставлены лицомъ, которое, по понятіямъ Рима, было достойно довѣрія, но тѣмъ не менѣе сообщало извѣстія преувелченныя и ложныя. Они могли быть доставлены робкимъ фанатикомъ-ультрамонтаномъ, пропитаннымъ крайними іезуитскими воззрѣніями, которыхъ, очень можетъ-быть, и не раздѣлялъ аббатъ Буткевичъ вмѣстѣ со многими достойными латинскими прелатами римско-католической Европы, но которыми, дѣйствительно, покровительствовали папы.

Съ этой точки зрѣнія наше верховное правительство и посмотрѣло на эти свѣдѣнія. По предложенію фельдмаршала князя Паскевича, императоръ Николай разрѣшилъ самому аббату Буткевичу отправиться въ Римъ, чтобы личнымъ свиданіемъ съ папой и Римскими прелатами разсѣять тѣ странныя подозрѣнія, которыя были внушены ложными доносами его недоброжелателей. Очевидно, что наше правительство не придавало имъ значенія и въ то же время было увѣрено въ добросовѣстности римскаго правительства, если рѣшилось на поступокъ, который, въ случаѣ неуспѣха, могъ имѣть весьма вредныя послѣдствія. Если бы и послѣ этой попытки папа не утвердилъ епископомъ Буткевича, то всѣ его враги, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и врагами нашего правительства, торжествовали бы побѣду надъ нимъ. Вліяніе правительства на дѣла латинской церкви было бы значительно поколеблено, и опасеніе, что папскій дворъ питаетъ довѣріе къ русскому правительству, исчезло бы совершенно.

Въ февралѣ 1850 года наше правительство увѣдомило нашего посланника о пріѣздѣ Буткевича; но вѣсть о томъ, посредствомъ тайныхъ сношеній, была уже сообщена папскому двору, и кардиналъ Антонелли, узнавъ о томъ отъ папы, допытывался о пріѣздѣ Буткевича у нашего уполномоченнаго Скарятинна, управлявшаго посольствомъ во время отсутствія Бутенева, который ѣздилъ на нѣкоторое время во Флоренцію. Скарятинъ отвѣчалъ, что ничего о томъ не знаетъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ аббатъ Буткевичъ пріѣхалъ въ Римъ. Когда нашъ посланникъ объявилъ о томъ кардиналу Антонелли, послѣдній нѣсколько смутился и выразилъ опасеніе, чтобы пріѣздъ аббата не послужилъ поводомъ къ собранію новыхъ свѣдѣній и не затруднилъ еще болѣе дѣла объ утвержденіи его въ епископскомъ санѣ. „Но когда“, писалъ нашъ посланникъ, „я объяснилъ ему причину и цѣль его пріѣзда, то казалось, онъ успокоился. При этомъ я счелъ нужнымъ выразить ему вполне мой взглядъ на дѣло и сказалъ ему: Если Государь Императоръ благоволилъ дать Буткевичу позволеніе пріѣхать для того, чтобы лично разсѣять всѣ взведенныя на него предъ святымъ престоломъ клеветы, я позволяю себѣ думать, что папа, успокоившись на его счетъ, безъ всякихъ настояній, самъ утвердитъ наконецъ въ епископскомъ санѣ кандидата, относительно котораго наше правительство поручило посольству употребить всѣ старанія“.

Кардиналъ отвѣчалъ, что ему чрезвычайно хотѣлось бы устранить всѣ препятствія и исполнить желаніе Русскаго императора, но что онъ не можетъ прямо обѣщать этого. По его мнѣнію, пока Буткевичъ

находится въ Римѣ, не слѣдуетъ дѣлать никакихъ настояній передъ папою, но предоставить дѣло его естественному ходу, чтобы сомнѣнія папы мало по малу разсѣялись сами собою.

Бутеневъ выразилъ согласіе на такой способъ дѣйствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что императору Николаю было бы непріятно, если бы пребываніе Буткевича въ Римѣ продолжалось слишкомъ долго.

Обѣщаясь употребить все свое вліяніе, чтобы дѣло Буткевича окончилось согласно желаніямъ русскаго правительства, кардиналъ, въ заключеніе разговора съ Бутеневымъ, высказалъ тайную мысль папскаго двора: „Но если бы даже“, замѣтилъ онъ, „сомнѣнія папы и разсѣялись въ этомъ случаѣ, то все-таки онъ будетъ постоянно находиться въ сомнѣніи относительно каждаго вновь представляемаго кандидата, по неизбѣжно точныхъ о немъ свѣдѣній. Такія свѣдѣнія могла бы сообщать папѣ лишь постоянная его нунціатура въ Петербургѣ, когда Русское правительство изъявитъ согласіе на ея учрежденіе“.

Продержавъ Буткевича около года въ Римѣ, подвергнувъ его всевозможнымъ испытаніямъ въ личныхъ свиданіяхъ и съ самимъ папой и съ нарочно назначенными для того римскими прелатами, Пій IX все-таки не утвердилъ его епископомъ. Онъ объявилъ ему, что находитъ его безукоризненнымъ священникомъ, хорошимъ римскимъ католикомъ, но не утверждаетъ потому, что это произвело бы дурное впечатлѣніе на многихъ ревностныхъ латинянъ царства Польскаго ¹⁾.

Съ тою же непреклонностію, съ какою Пій IX отстранилъ утвержденіе аббата Буткевича, не смотря на усиленныя настоянія русскаго правительства и даже на ходатайство нѣкоторыхъ изъ членовъ Римской курии, онъ настоялъ на утвержденіи аббата Кана, вопреки противодѣйствію конгрегаціи церковныхъ дѣлъ и священной коллегіи кардиналовъ.

Учрежденіе въ Русской имперіи новой седьмой латинской епархіи, безъ сомнѣнія, составляло для папскаго престола желанное дѣло. Но епархія до тѣхъ поръ не могла быть открыта, пока не будетъ назначенъ епископъ. Поэтому Римскій дворъ съ радостію принималъ предложеннаго нашимъ правительствомъ кандидата на эту кафедру. Но при производствѣ каноническаго процесса объ утвержденіи аббата Кана Херсонскимъ епископомъ, въ числѣ документовъ, необходимыхъ по каноническимъ правиламъ въ этомъ случаѣ, у него не оказалось

¹⁾ Дешети графа Нессельрода отъ 7-го февраля 1848 года, 31-го мая и 29-го августа 1849 года, дешета Бутенева отъ 12/24-го іюля, ^{30-го ноября} 12-го декабря, ^{18/30-го октя-}бря 1849 года, и отъ 18/30-го августа и 2/14-го сентября 1850 года.

самаго важнаго, именно метрическаго свидѣтельства о крещеніи; онъ былъ пропущенъ въ метрикахъ. Хотя это свидѣтельство и было замѣнено другимъ документомъ, удостовѣрившимъ, что онъ дѣйствительно былъ крещенъ, но въ канонахъ латинской церкви не находилось правила о томъ, что метрическое свидѣтельство можетъ быть замѣняемо какимъ-либо другимъ документомъ. Поэтому конгрегация церковныхъ дѣлъ, послѣ долгихъ совѣщаній съ извѣстными канонистами, пришла къ тому заключенію, что аббата Кана слѣдуетъ считать некрещенымъ. Какъ некрещенный, самъ онъ не можетъ поставять священниковъ и давать имъ право крестить; слѣдовательно, не можетъ и быть утверждень епископомъ.

Кардиналъ Антонелли съ большимъ смущеніемъ объявилъ нашему посланнику объ этомъ обстоятельстве, присовокупивъ къ тому однако же, что папа приказалъ собрать коллегію кардиналовъ и поручилъ ей найти способъ для устраненія этого препятствія. Коллегія пришла къ такому же заключенію, какъ и конгрегация. Пій IX предписалъ ей собраться вновь, обсудить предложенный вопросъ вторично и отыскать въ Римскихъ архивахъ, не бывало ли и прежде подобныхъ примѣровъ. Въ архивахъ не было отыскано подобныхъ примѣровъ; коллегія собиралась много разъ и приходила все къ одному и тому же заключенію. Единственный способъ выйдти изъ этого затрудненія, по ея мнѣнію, могъ заключаться въ полномъ власти папы, въ отношеніи какъ догмы, такъ и церковной дисциплины. Святой отецъ могъ повелѣть аббату Кану вновь подвергнуть себя крещенію, поручивъ притомъ какому-либо изъ епископовъ совершить надъ нимъ крещеніе, но конечно, подъ величайшею тайною. Перекрестившій вновь аббата Кана епископъ составилъ бы метрическое свидѣтельство, по доставленіи котораго папскому правительству можно было бы уже безпрепятственно утвердить аббата въ санѣ епископа. Пій IX одобрилъ предложеніе коллегіи кардиналовъ. Суффрагану Головинскому тайно было поручено перекрестить аббата Кана. Головинскій исполнилъ порученіе папы; Канъ согласился подвергнуться новому крещенію; и лишь только Римскій дворъ получилъ метрическое свидѣтельство о крещеніи аббата Кана, онъ былъ немедленно утверждень епископомъ¹⁾.

А. Поповъ.

¹⁾ Делеша Вутенева изъ Неаполя отъ ^{30-го ноября} 1849 года; депеша графа Нессельрода къ Вутеневу отъ 8-го марта 1850 года.

РЕЛИКВИИ ЮСАФАТА КУНЦЕВИЧА.

Городъ Бѣлая, Сѣдлецкой губерніи, издавна былъ городомъ русскимъ. Жители его, какъ и большая часть жителей Подлясья, принадлежатъ къ племени малорусскому, говорятъ малорусскимъ нарѣчіемъ и сохранили нравы, обычаи и образъ жизни, свойственный Малороссамъ. Въ старину, конечно, было то же самое. Еще въ 1582 году въ Бѣлой была построена православная церковь во имя Рождества Приснодѣвы Маріи, а церковно-приходскія книги и лѣтописи писались на русскомъ (книжномъ церковно-славянскомъ) языкѣ. Эти книги и лѣтопись сохранились до нашихъ дней и поучительно говорятъ о томъ, что настоящій городъ есть не Бяла, какъ его называли въ послѣднее время, а Бѣлая. Подлясье представляетъ этнографическую окраину русскаго народа и рано сдѣлалось ареной, а Бѣлая — центромъ пропаганды католичества и полонизма. Въ 1596 году, когда въ Брестѣ состоялся извѣстный соборъ, Подлясье первое начало испытывать на себѣ всю тяжесть національнаго и преимущественно, религіознаго давленія со стороны сосѣдняго польскаго населенія. Церковная унія въ первый разъ была введена въ Бѣлой въ 1640 году, то-есть, не позже какъ пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Брестскаго собора. Какими средствами вообще вводилась унія, это достаточно извѣстно образованному міру, а что касается Подлясья и въ частности Бѣлой, то это прекрасно изображено г. Е. Крижановскимъ въ „Холмскомъ календарѣ“ на 1870 годъ. Въ первой половинѣ XVIII вѣка унія была окончательно введена на Подлясьѣ и вытѣснила оттуда православіе. Съ цѣлью поддержать унію, усердныя пропагандисты ея и открыли въ центрѣ Подлясья — Бѣлой реликвию Юсафата Кунцевича.

Религіозная пропаганда въ Подлясьѣ достигла успѣха. Несчастливая гореть Русскихъ, отрѣзанная отъ остальной русской семьи политическими обстоятельствами, почти забыла свое національное и религіозное сродство съ великимъ русскимъ народомъ и утратила память о

своемъ прошедшемъ: всѣ жители Подлясья теперь униаты и преклоняются предъ останками того самого Кунцевича, который убитъ ихъ отцами за измѣну своей религіи, за принятіе униі. Но если простой народъ не понимаетъ еще опутывающей его мистификаціи, то долгъ всякаго гражданина нашей страны — вносить свѣтъ въ прошлое забытаго нами, хотя и роднаго края.

Посѣтивъ городъ Бѣлую въ качествѣ туриста, я не преминулъ зайти въ церковь, гдѣ находятся реликвіи Юсафата Кунцевича. Онѣ лежатъ на видномъ мѣстѣ, въ гробѣ, который снабженъ тремя окошками. Благочестивые посѣтители церкви поднимаются по ступенькамъ, засматриваютъ въ окошечки гроба и прикладываются къ стеклу окошекъ. Я послѣдовалъ примѣру другихъ, и опишу здѣсь картину, которую видѣлъ. Если смотрѣть въ окошко, расположенное въ передней части гроба, то виднѣя цѣлый трупъ, одѣтый въ священное облаченіе. Прежде всего представляются ноги, обутые въ сапоги съ кожаными подошвами; одинъ изъ сапоговъ представляетъ на тыльной поверхности глубокую впадину, какъ будто въ немъ нѣтъ ноги. На груди лежитъ рука; кисть руки обнажена, кожа на ней черная съ весьма крупными складками, чтѣ свидѣтельствуешь объ исчезаніи жидкихъ частей и о высыханіи. На рукѣ недостаетъ большаго пальца и мизинца. На голову надѣта митра. Лице чистое, глаза запавшіе; волосъ нѣтъ ни на бородѣ, ни на губахъ, ни на боковыхъ частяхъ лица. Животъ впавшій ¹⁾. Окошечки въ гробѣ расположены такъ, что одно изъ нихъ находится въ передней части гроба, и въ него хорошо видны ноги, руки, грудь и даже лице реликвіи. Другое окошечко расположено сбоку, такъ что въ него видна кисть правой руки. Третье окошечко находится у изголовья, но оно закрыто митрой, и чрезъ него нельзя ничего видѣть. Каждое изъ окошечекъ величиною около $\frac{1}{4}$ квадратнаго фута.

Видѣнная мною картина возбудила мою любознательность, особенно потому, что лицо реликвіи было безъ волосъ, тогда какъ униатскіе епископы и священники времени Юсафата Кунцевича, сколько мнѣ извѣстно изъ исторіи, носили бороды, да и самъ Кунцевичъ нарисованъ съ бородою на иконѣ, стоящей надъ его гробомъ въ Бѣльской церкви. Подобнымъ образомъ, къ недоумѣнію привелъ меня и запавшій сапогъ на правой ногѣ.

¹⁾ Ближе и точнѣе осмотрѣть реликвіи невозможно, потому что гробъ запертъ и запечатанъ; а ключи и печати хранятся въ Холмской униатской консисторіи.

Случай помогъ мнѣ познакомиться съ нѣкоторыми древними документами, касающимися судьбы реликвій Иосафата Кунцевича. Я излагаю эти документы въ хронологическомъ порядкѣ:

Въ 1650 году, августа 13-го дня, слѣдовательно, чрезъ восемь лѣтъ послѣ причисленія Кунцевича къ лику блаженныхъ, папскій нунцій Иоаннъ де Торресъ (Johannes de Torres) дѣлаетъ строгое внушеніе Полоцкому духовенству о сохраненіи останковъ Кунцевича, въ виду того обстоятельства, „что тѣло блаженнаго, положенное съ великою почестью въ Полоцкой церкви, со дня на день все болѣе и болѣе уменьшается, такъ что можетъ, наконецъ, превратиться въ ничто“ ¹⁾. Изъ этого документа видно, что тѣло Кунцевича подвергалось посмертнымъ измѣненіямъ съ исходомъ въ *постепенное, медленное исчезаніе* (*decescere*). Это было еще въ Полоцкѣ.

Въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка реликвіи Кунцевича появляются въ Бѣлой, въ домово́й каплицѣ Радзивилловъ, и остаются тутъ слѣшкомъ 60 лѣтъ, именно до 1769 года, когда онѣ были перенесены въ уніатскую церковь и поставлены открыто для общаго поклоненія. Этотъ шестидесятилѣтній періодъ представляетъ самую темную главу въ исторіи реликвій. Документы, относящіеся къ этому времени, крайне неточны и несогласны между собою относительно самыхъ важныхъ пунктовъ, именно состава реликвій, времени ихъ перенесенія и мѣста, откуда онѣ перенесены, такъ что подлинность реликвій слѣшкомъ шатка.

Надъ престоломъ, на которомъ стоитъ гробъ съ реликвіями Кунцевича, находится давняя таблица, въ которой перечислены въ хронологическомъ порядкѣ главныя событія изъ исторіи Кунцевича. Въ этой таблицѣ написано, что реликвіи перенесены въ Бѣлую изъ Полоцка въ 1704 году; по другому найденному нами документу видно, что часть реликвій и вещей, къ нимъ относящихся, получена изъ Витебска и взята потомъ обратно въ Витебскъ въ 1715 году варочно присланнымъ для этой цѣли протоархимандритомъ Процевичемъ ²⁾.

¹⁾ «*Ad notitiam nostram devenit*», пишетъ онъ, «*corpus Beati Iosaphat Archiepiscopi Polocensis Ritus Graeci repositum in ecclesia cathedrali Archiepiscopali Polociae cum magna fidelium veneratione in dies decrescere et minui... Desiderantes ne tractu temporis tam insignis reliquia sive tam celebre Beati corpus in nihilum redigatur*» и пр. (Арх. Вѣльск. церкв. рукоп. Fasciculus 4-й).

²⁾ Процевичъ далъ слѣдующую росписку въ полученіи взятыхъ вещей: «Симъ удостоверяю, что прибывъ къ ясносвѣцному князю канцлеру великаго княжества Литовскаго въ Вѣлой, я получилъ обратно (odebrađem) изъ мощей бла-

По третьему документу, реликвиі получены изъ Полоцка съ окончаніемъ войны (Польши съ Шведами), слѣдовательно, не раньше конца 1706 года. Документъ этотъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ, и мы приводимъ его цѣликомъ. Онъ носитъ названіе: „Извѣстіе о св. Іосафатѣ, архіепископѣ Полоцкомъ, нашего ордена, какъ онъ доставленъ въ Бѣлую и по какимъ причинамъ перенесенъ изъ замковой каплицы“¹⁾. Этотъ легендарный документъ писанъ заднимъ числомъ (1778 г.) и предназначался для князей Радзивиловъ. „Еще въ Полоцкѣ“—такъ говоритъ этотъ документъ—„по убіеніи св. Іосафата, онъ творилъ много чудесъ: воскрешалъ мертвыхъ, давалъ зрѣніе слѣпорожденнымъ и даже избавилъ отъ смерти самого папу Урбана VIII, за что и причисленъ къ лику блаженныхъ. Но когда Петръ Алек-

женнаго мученика Іосафата часть руки, именно отъ сустава до моты, принадлежащую Витебской церкви (partem manus to jest od zstawy do łokcia należącej do Cerkwi Witebskiej). Вотъ вторыхъ, я взялъ образъ Пресвятой Дѣвы Ушацкой въ серебряной ризѣ безъ рамъ, а также два старые платка для покрыванія этой иконы; я вынулъ изъ гробницы все это (wziąłem z trny). Третьихъ, я взялъ икону Пресвятой Дѣвы Черейской, завернутую въ покрывало; я вынулъ ее изъ гробницы, равно какъ и связку съ облаченіями, относящимися къ этому образу. Четвертыхъ, я взялъ большой крестъ съ частицей древа Креста Господня; это также вынута мною изъ гробницы св. Іосафата (także wzięto z trny S-go Jozafata). Въ удостовѣреніе чего и подписываюсь, въ Бѣлой, октября 21 го дня 1715 года. Базиль Процевичъ протоархидьяконъ (mabu protria). (Рукопись архива Бѣльской церкви, fascic. 4, № 10). Любопытно сличить эту росписку съ реестромъ вещей, находившихся при реликвіяхъ, писанномъ 21-го января 1707 года. (Rejestr rzeczy znajdujących się przy Świętym Jozafacie Męczenniku spisany roku 1707 dnia 21 Januarii, oddanych w depozyt Jj. Oo. Książcom Radziwiłłom). Вещи эти записаны подъ девятнадцатью номерами. Подъ № 1-мъ записанъ образъ Пресвятой Дѣвы Ушацкой съ серебряною оправой безъ рамъ, при ней двѣ заставки; подъ № 2-мъ образъ Пресвятой Дѣвы Черейской, при немъ связка съ ризами (wężel), принадлежащими къ тому жъ образу; подъ № 3-мъ большой серебряный крестъ съ частицею древа креста Господня; подъ № 4-мъ митра св. Іосафата изъ краснаго бархата съ камнями въ ней, изъ которыхъ каждый точно описанъ; подъ № 5-мъ омофоръ епископскій и два бархатныхъ нарукавника. Затѣмъ подъ №№ отъ 6-го до 18-го включительно записаны тридцать священническихъ ризъ, изъ нихъ двѣ латинскія; подъ № 19-мъ записано нѣсколько платковъ, полотенецъ, три пары подвѣшниковъ большихъ и пара меньшихъ, сосудъ для вина, и ваконецъ, предпрестольный коврижъ. (Рукоп. арх. Бѣльск. церкв. Litera H. fascicul. 3).

¹⁾ «Wiadomość o St. Jozafacie Arcy-Biskupie Połockim Zakonu naszego jakim sposobem dostał się do Białej i dla czego z zamku przeniesiony.» Рукоп. арх. Бѣльск. церк. fascicul. 6-й.

сѣвичъ взялъ Полоцкъ (gdy Petr Alexiewicz opanował Połock) ¹⁾, то хотѣлъ съечь Иосафата на кострѣ, вмѣстѣ съ замученными имъ монахамп. Нашп, видя такую ярость схизматиковъ, тайно вывезли изъ Полоцка реликвию и отдали ихъ нашему протектору, князю Карлу Радзивиллу, канцлеру великаго княжества Литовскаго, прося его сохранить *святаго* на время войны. Этотъ благочестивый князь возилъ реликвию при себѣ въ теченіе всей войны, имѣя для храненія реликвій одного монаха нашего ордена, у котораго постоянно находились ключи отъ гробницы (*przy którym klucze od truny zawsze byli*). Съ окончаніемъ войны, князь канцлеръ положилъ *святаго* въ Бѣлой въ замковой каплицѣ, при чемъ одинъ ключъ отъ гробницы былъ постоянно у князя, а другой у суперіора нашего монастыря, такъ что одинъ безъ другаго не могъ открывать гробницы⁴.

Читая это описаніе, нельзя не обратить вниманія на то усердіе, съ какимъ разказчикъ хочетъ доказать, что гробъ съ реликвіями былъ тщательно сберегаемъ, такъ что даже лица, имѣвшія къ нему доступъ, контролировали другъ друга. Очевидно, что вѣра въ подлинность реликвій не была тверда, даже у современниковъ. Были ли реликвию открыто положены въ Бѣльской замковой каплицѣ, или же лежали онѣ подъ спудомъ, неизвѣстно. Знаемъ только, что въ 1769 г. онѣ находились подъ спудомъ, въ пространствѣ, наглухо задѣланномъ (*między dwoma murami nagłucho zamurowany*), какъ говоритъ та же „Wiadomość o St. Jozafacie“. Изъ этого наглухо задѣланнаго пространства реликвию были вынуты Ладзѣвскимъ въ 1769 году. „Wiadomość“ разказываетъ объ этомъ такъ: „Во время послѣдней революціи (то-есть. волинщины 1768 г.), когда янеосвѣщенный князь канцлеръ (Карлъ Радзивиллъ) оставилъ насъ сиротами, многіе сильно хотѣли взять св. Иосафата изъ Бѣлой. Прежде всѣхъ архіепископъ Полоцкій хотѣлъ взять въ Полоцкъ, потомъ князь Чарторыйскій къ себѣ, князь Сапѣга къ себѣ въ Рожанку, для чего соорудилъ каменный костель и сдѣлалъ гробницу изъ чистаго серебра цѣною въ 60.000 талеровъ. Москва хотѣла взять *святаго* къ себѣ въ Кіевъ. И навѣрное его реликвию были бы вывезены изъ Бѣлой, если бы ксендзъ Андрей Ладзѣвскій, суперіоръ Бѣльскій, не успѣшилъ взять ихъ; потому что святой не могъ быть долѣе скриваемъ: въ замкѣ видимы были необыкновенные огни, слышалось дивное пѣніе, колокольчикъ звонилъ самъ

¹⁾ Известное занятіе Полоцка Петромъ I 30-го іюня 1705 года, въ качествѣ союзника короля Польскаго противъ Карла XII.

собою. Вслѣдствіе этого, ксендзь Ладзѣвскій досталъ святаго *чудеснымъ образомъ*; но святой былъ такъ мокръ, какъ будто вынуть изъ воды, даже одежда на немъ вся сгнила, такъ что *онъ едва въ теченіе четырехъ недѣль могъ быть высушенъ*. Во все это время благочестивый ксендзь (Ладзѣвскій) перенесъ много хлопотъ, скрываясь по разнымъ мѣстамъ со святыми реликвіями¹⁾.

Если предписаніе папскаго нунція де Торреса дѣлаетъ несомнѣннымъ, какъ мы видѣли выше, существованіе посмертныхъ измѣненій въ останкахъ Кунцевича, то приведенный сейчасъ документъ указываетъ на самую сущность этихъ измѣненій, на такъ-называемое влажное разложеніе, и на ту обработку, какая нужна была для останковъ этого процесса, и какая дѣйствительно была выполнена посторонними руками.

Приготовленные такимъ образомъ реликвіи были открыто поставлены для общаго поклоненія. Но спрашивается, какъ ведено было все дѣло открытія реликвій? „Secretissime“, говоритъ М. Рыло, епископъ Холмскій²⁾. „Bez żadnej introdukcji“, замѣчаетъ въ свою очередь „Wiadomość“. То-есть, все было сдѣлано тайно, безъ всякихъ религіозныхъ церемоній. Чтò же побудило тогдашнихъ представителей церкви совершить такой важный актъ, какъ признаніе трупа довольно измѣненнаго за реликвію, за предметъ священный, безъ всякихъ церковно-юридическихъ формальностей, предписываемыхъ какъ гражданскими законами, такъ и церковными канонами? Такой способъ дѣйствія не можетъ не подрывать вѣру въ подлинность реликвій, не можетъ не набрасывать мрачную тѣнь на лица, взявшіяся за это дѣло. Не забудемъ при этомъ, что это дѣло совершено въ то время, когда русское населеніе края находилось въ паническомъ страхѣ, наведенномъ кровавою расправою въ Кодицѣ (вблизи Бѣлой), и менѣе всего было способно на какой бы то ни было протестъ противъ внесенія въ униатскую церковь останковъ, хранившихся прежде въ католической каплицѣ.

Не смотря на это однакожь, открытіе реликвій произвело броженіе умовъ въ современномъ обществѣ. Мысль о томъ, что показываемыя реликвіи подложны, была такъ сильна, что М. Рыло былъ вы-

¹⁾ «Cudownie świętego wydobyl, ale tak mokrego, jak by z wody byl wyjety, szaty nawet pogniły, którego ledwo w 4 niedzieli dosuszono się. Ten xiądz pobożny dość zażył trudów kryjąc się z ss. relikwijami po różnych miejscach». «Wiadomość o St. Jozafacie», изъ арх. Бѣльск. церкв. fasciculus VI.

²⁾ Научовый сборникъ *Петрушевича*. Львовъ, 1867 года, выпускъ 1-й, стр. 1.

нужденъ издать въ Бѣлой, по настоянію суперіора Бѣльскаго монастыря, завѣрительную грамоту о томъ, „что тѣло, лежащее въ церкви отцевъ базилианъ (нынѣшняя униатская церковь), есть то самое, которое находилось прежде въ каплицѣ Радзивилловъ (quod corpus antehac in praeaudata depositum colebatur, id ipsum nunc in ecclesia patrum ordinis Basilii publico, fidelium cultu expositum conspicitur) ¹⁾).

Съ открытіемъ реликвій Кунцевича для всеобщаго поклоненія, оканчивается полный таинственности періодъ ихъ исторіи и начинается другой, болѣе богатый письменными документами.

Въ 1780 году папскій секретарь Стефанъ Борджіа пишетъ предписание изъ Рима (Rescriptum Sanctae sedis) ²⁾ протоархимандриту базилианъ въ Бѣлой. Предписание это требуетъ, чтобы реликвіи блаженнаго мученика Иосафата были тщательно сохраняемы (accurate custodiantur), подъ двумя ключами, и чтобы были дѣлаемы ревизіи чрезъ протоархимандрита и суперіора монастыря, съ цѣлію осмотра и перемѣны одежды (visitare, operire, vestes mutare). Согласно этому предписанію, въ 1780 году была сдѣлана первая ревизія реликвій Кунцевича суперіоромъ Бѣльскаго монастыря Теофиломъ Серафиновичемъ, который предварительно далъ присягу въ томъ, что „онъ не употребитъ во зло предоставленнаго ему Римомъ права осмотра“ (facultate mihi data a Roma non abutar). Осмотръ былъ совершенъ при участіи медика Иосифа Антонія де-Карреса, при чемъ присутствовали также базилианскіе іеромонахи, князь Іеронимъ Радзивиллъ и другіе. Медикъ долженъ былъ произвести свой осмотръ не по правиламъ медицинской науки, а по данной ему узкой программѣ. Онъ говоритъ: „Мнѣ было предложено осмотрѣть съ анатомической точки зрѣнія (ut osculo anatomico inspicerem) священныя реликвіи мученика Иосафата и описать по совѣсти медика-христіанина (sub fide christiano-medica) то, что недостаетъ изъ органовъ и частей, составляющихъ священный трупъ (sanctum cadaver)... Я выполнилъ“, продолжаетъ онъ, „свою обязанность, и что недостаетъ, почтительнѣйше при семъ отмѣчаю: 1) на правой рукѣ нѣтъ кожи, мягкихъ частей или мускуловъ; на кисти этой же руки недостаетъ перстневого пальца; 2) на лѣвой рукѣ нѣтъ локтевой и лучевой костей, а также всей ручной кисти; 3) позвонковъ грудныхъ и поясничныхъ, а также всѣхъ реберъ нѣтъ; 4) явряныхъ мышцъ вмѣстѣ съ общими покровами нѣтъ; 5) надпя-

¹⁾ Научный сборникъ *Петрушевича*. Львовъ, 1867 г., выпускъ 1, стр. 1.

²⁾ Рукоп. Арх. Бѣльск. церкв. fascic. 4.

точной кости вмѣстѣ съ костями пятен и плюсны и фалангами пальцевъ на обѣихъ ногахъ нѣтъ. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ нѣтъ костей, недостаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ кожи, мягкихъ частей или мускуловъ, нервовъ, сухожилій и связокъ“.

Осмотръ этотъ носить названіе: „Revisio anatomica corporis Beati Josaphat ¹⁾“.

Актъ осмотра крайне недостаточенъ и съ медико-юридической точки зрѣнія не имѣетъ значенія: въ немъ не указаны ни польза, ни ростъ изслѣдуемаго, не описаны общіе покровы тѣла, а главное, ни однимъ словомъ не упомянуты такъ-называемыя въ судебной медицинѣ поврежденія, между тѣмъ какъ извѣстно, что Иосафатъ Кунцевичъ умеръ насильственною смертію, и поврежденія, сдѣланныя ему, записаны перомъ и кистью и могли бы служить важнымъ документомъ для опредѣленія подлинности реликвій. Наконецъ, въ актѣ ничего не сказано о тѣхъ измѣненіяхъ, какія были произведены въ реликвійхъ силами природы и посторонними руками, на что ясно указываютъ выше приведенные документы. Всѣ эти подробности должны были бы войти въ актъ медицинскаго осмотра, какъ непременная составная часть, и если не вошли, то единственно потому, что медикъ былъ ограниченъ программой: „описать то, чего недостаетъ“. Что медицинскій осмотръ имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ реликвій, это не подлежитъ сомнѣнію, и это было хорошо сознаваемо лицами, принимавшими участіе въ дѣлѣ реликвій Кунцевича. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ послѣдующіе ревизоры, дѣлавшіе осмотръ реликвій Кунцевича въ 1785, 1797 и 1800 годахъ, постоянно ссылались на приведенный выше медицинскій актъ, выражая каждый разъ ту мысль, что все найденное ими продолжаетъ быть неизмѣнно въ такомъ же видѣ, какъ описано въ медицинскомъ осмотрѣ 1780 года.

Но если мы станемъ вникать въ этотъ крайне изворотливый документъ 1780 года, то насъ немедленно же поразитъ несходство реликвій, описанныхъ въ немъ, съ показываемыми теперь въ Бѣлой. Мы упомянули выше, что у показываемыхъ теперь реликвій надѣты сапоги; слѣдовательно, предполагается существованіе ногъ; по описанію же медика де-Карреса, у реликвій не было ногъ. Далѣе, по этому описанію, нѣтъ реберъ и позвонковъ; слѣдовательно, нѣтъ и грудной кѣтки; между тѣмъ у показываемыхъ теперь реликвій грудь есть, судя по тому, что между головой и брюшною частью находится возвышеніе,

¹⁾ Рукоп. Арх. Бѣльск. церкв. fascic. 4.

соотвѣтствующее груди, а не углубленіе, не впадина, чего слѣдовало бы ожидать при отсутствіи грудной клѣтки. Наконецъ, страннымъ и необъяснимымъ остается полное отсутствіе волосъ на лицѣ теперешнихъ реликвій, особенно потому, что волосы не упомянуты въ числѣ недостающихъ частей де-Каррессомъ.

Принявъ во вниманіе тѣ данныя, которыя мы извлекли изъ превиденныхъ выше документовъ, мы не можемъ не спросить себя: можно ли считать доказанною подлинность реликвій Кунцевича, и можно ли устранить мысль объ участіи человѣческихъ рукъ въ приготовленіи неглѣнія?

Сто лѣтъ уже прошло со времени открытія реликвій Кунцевича въ Бѣлой; но и до сихъ поръ еще живо сохранилась въ народѣ память о томъ зломъ насиліи, какое было совершено надъ его религіозною совѣстію: еще и теперъ живеть въ народѣ преданіе, что показываемыя реликвіи не иное чтò, какъ высушенный трупъ базилианскаго монаха.

Не народъ желалъ реликвій! Желали и желаютъ ихъ тѣ лица, которыя въ 1863 году благословляли народъ поднятою рукою реликвій и проповѣдывали тайно и публично, что Москаль — убійца святаго Юсафата.

Лѣкаръ И. Сикорскій.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ.

Извлеченіе изъ отчета Императорской публичной библіотеки за 1869 годъ ¹⁾. Въ теченіе 1869 года библіотека обогатилась слѣдующими новыми *приобрѣтеніями*:

I. По Высочайшему повелѣнію передано въ библіотеку собраніе брошюръ и летучихъ листковъ, вышедшихъ въ Польшѣ и за границею во время двухъ послѣднихъ польскихъ возстаній (1830 и 1863 гг.) и къ нимъ относящихся, купленное въ Познани у г. Сіевича.

II. Принесенное въ даръ кавалерственной дамою, княгиней О. С. Одоевскою, собраніе писемъ къ князю Одоевскому разныхъ лицъ, а также разныхъ писанныхъ его рукою проектовъ, набросковъ сочиненій и проч. Довольно значительная масса этихъ бумагъ еще окочанательно не разобрана; но сколько можно судить по приведенному уже въ порядокъ, въ нихъ заключается не мало данныхъ и матеріаловъ для исторіи русской литературы за первую половину текущаго столѣтія, особенно за то время, когда князь самъ принималъ въ ней дѣятельное участіе.

III. Коллекція мистическихъ и франкъ-масонскихъ рукописей, принадлежавшихъ покойному почетному члену библіотеки, дѣйствительному тайному совѣтнику Ѳ. И. Пряишникову, подаренная книгохранилицею его вдовою, В. А. Пряишниковою. Въ составъ этой коллекціи находятся сочиненія извѣстныхъ западно-европейскихъ мистиковъ Іакова Бема, Сень-Мартена, доктора I. Пордеча, Парацельса и другихъ, всѣ въ русскихъ переводахъ конца прошлаго или начала нынѣшняго столѣтія, также уставы разныхъ масонскихъ ложъ, и нако-

¹⁾ Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1869 годъ, изъ коего извлечено предлагаемое обзорное состояніе библіотеки, былъ представленъ г. министру народнаго просвѣщенія директоромъ библіотеки, статсъ-секретаремъ Д. Д. Деляновымъ, и нынѣ изданъ въ свѣтъ отдѣльною книгою.

нецъ, подлинныя протоколы пяти степеней (въ томъ числѣ одной учительской) „ложи Умирающаго Сфинкса на востокѣ С.-Петербурга“ за періодъ отъ 1815 до 1820 года. Въ протоколахъ первой степени логи есть любопытное описаніе засѣданія въ память Н. И. Новикова, которое и приводимъ съ сохраненіемъ правописанія:

„10-го сентября 1818 года, въ 7 часовъ пополудни, держана была съ предписанными обрядами траурная 1) въ честь скончавшагося высокопочтеннѣйшаго брата Николая Ивановича Новикова, основателя масонства въ Россіи, и потому въ сей день, яко сороковый по смерти его, братья собрались вспомнить сего достойнѣйшаго и просвѣщеннѣйшаго брата. По открытіи

„1) Вп. В. М. 2) говорилъ объ отличнѣйшихъ достоинствахъ сего высокаго брата, о мужественныхъ подвигахъ его, о твердости духа, съ какою переносилъ онъ гоненія за исповѣданіе и введеніе въ Россію 3) ученія, наконецъ, изъявлялъ торжественно благодарность сердца своего усопшему за приобщеніе его къ снѣтому -ну и наставленію въ ономъ.

„2) Совершенно былъ печальный обрядъ воспоминанія, по окончаніи коего почт. бр. Чилевъ произнесъ слово въ честь усопшаго брата, изобразивъ въ ономъ дѣянія и добродѣтели его.

„3) Вп. В. М. сообщилъ братьямъ, полученное имъ письмо, въ которомъ увѣдомляютъ его, что имѣніе покойнаго Николая Ивановича, бывшее въ залогѣ за 30.000 рублей, выкуплено неизвѣстною благотворительною особою. Такъ справедливы слова, — сказалъ В. М., — не видѣлъ сѣмени праведника, просяща хлѣба“.

Протоколы той же степени заключаютъ въ себѣ слѣдующее описаніе торжественнаго освященія новаго храма Умирающаго Сфинкса:

„Во имя и славу всевышняго Архитектора, въ лѣто истиннаго 1818-е мѣсяца VIII-го въ 13 день, на востокѣ С. П. Бурга, въ 12 часовъ полдня, открыта была въ ученической степени торжественная освященія новаго храма Умирающаго Сфинкса.

„1) Братья, облеченные въ орденскую одежду, собрались предъ храмомъ въ малой комнатѣ, гдѣ приуготовлены были на особомъ столѣ всѣ вещи, принадлежащія къ . По ударѣ молоткомъ, Вп. В. М. спросилъ братьевъ: желаютъ ли они соединиться какъ священными узамъ братства для созиданія живаго храма Божеству, и какими средствами мнѣютъ они достигнуть великой цѣли своей? Брр. 4) отвѣтствовали единогласно, что они горятъ желаніемъ къ продолженію священнаго и сладостнаго для сердца ихъ союза въ истинномъ духѣ орденскомъ и ожидаютъ помощи въ томъ отъ благодати Господа Иисуса Христа. По сему отвѣтѣ В. М. повелѣлъ братьямъ составить изъ себя цѣпь и, обведя оную три раза шнуромъ въ знакъ единства, связалъ, наконецъ, и себя съ братьями. Нѣсколько минутъ всѣ братья пребыли въ благо-

1) То-есть, ложа.

2) То-есть, высокопочтенный великій мастеръ.

3) То-есть, орденскаго.

4) Бр., брр. вмѣсто: братъ, братья.

говѣйномъ молчаніи. В. М. произнесъ потомъ краткую молитву ко Господу, а брр. подтверждали другъ другу торжественные обѣты: быть вѣрными ☉-ну и стараться отъ часу дѣлаться лучшими. За симъ, собравъ шнуръ, В. М. съ возженною, а брр. надзиратели съ невозженными свѣщами, бр. секретарь съ актами, риторъ съ библіей, казначей съ орденскими знаками, обрядоначальникъ съ мечемъ, а за ними и всѣ братья воляхъ въ □. В. М., ставъ на свое мѣсто, обмылъ жертвенникъ теплою водою и начертилъ на ономъ мѣломъ фигуру пламенѣющей звѣзды; брр. надзиратели учинили тоже на столахъ брр. секретаря и казначея. В. М. возложивъ на жертвенникъ нижнюю одежду, обвязалъ оную шнуромъ, которымъ связаны были брр., вознося чрезъ то на жертвенникъ обѣтъ братскаго союза и вѣрности. Воздѣвъ, наконецъ, на жертвенникъ верхній покровъ, приступилъ къ открытію.

„2) По совершенномъ открытіи □, В. М. произнесъ, съ колѣнопреклоненіемъ, молитву, говоренную Соломономъ при освященіи храма въ Иерусалимѣ. Послѣ сего

„3) Вп. В. М. читалъ разсужденіе о томъ, что ☉ Св. Кам. былъ, что онъ нынѣ есть, и что быть можетъ. За симъ

„4) Произнесены были приличные сему торжеству рѣчи в. бр. Н — мѣ М — мѣ ¹⁾, почт. брр. Чилевымъ, Капецкимъ и Прянишниковымъ.

„5) Вп. В. М., поблагодаривъ брр., ораторствовавшихъ, объявлялъ благодарность тѣмъ брр., которые въ особенности трудились надъ устроеніемъ храма“.

Въ протоколѣ засѣданія, происходившаго 18-го апрѣля 1820 года, встрѣчаются любопытныя извѣстія о томъ внутреннемъ разладѣ, который съ теченіемъ времени сталъ мало по малу появляться въ средѣ ложи:

„В. М. объявилъ, что онъ къ чувствительнѣйшему огорченію своему усматриваетъ, что допущенная снисходительностію братскою терпимость въ нарушеніи нѣкоторыми братьями своихъ должностей, принятыхъ самопріазвольнымъ согласіемъ и подтвержденныхъ торжественнѣйшими обѣтами, начинаетъ распространять вредныя свои дѣйствія и на другихъ чрезъ примѣры ихъ, такъ что своеуміе и своенравіе простерлось до того, что не только многіе по отлученіи изъ Петербурга тотчасъ оставляли всѣ отношенія къ □, ихъ усюновившей, которой обязались они вѣрностію, покорностію и любовію на всю жизнь, и не состоятъ съ нею ни въ какой уже связи; но нѣкоторые, даже и здѣсь живучи, поступаютъ такимъ же образомъ, какъ-то: брр. Русановскій, Руничъ, Бѣлокловъ и Дольсты. Въ разсужденіи чего онъ, по долгу званія своего обязанъ будучи нецисъ о достоинствѣ ордена и вѣншемъ и внутреннемъ благосостояніи братства, дабы прекратить сія безпорядки и возвратить то достоинство, коимъ □ Умирающаго Сфинкса прежде отличалась, какъ со стороны поведенія ея членовъ, такъ и со стороны ихъ братскаго другъ ко другу расположенія, предлагаетъ привести въ исполненіе существующіе на таковыя случаи въ орденѣ законы. И какъ, во первыхъ, каждый вступающій въ Св. К. по 4 пункту общихъ учрежденій Св. К. общается гор-

¹⁾ То-есть, высокопочтеннымъ братомъ наместнымъ мастеромъ.

жественно предъ Вездѣсущимъ и предъ присутствующими брр., присягая на святомъ словѣ Его, что онъ подвергаетъ себя всѣмъ уставамъ, обязательствамъ, узаконеніямъ и всѣмъ обыкновеніямъ и употребленіямъ Св. К., кои ему или тогда, или впредъ въ надлежащемъ мѣстѣ и въ пристойное время открыты и истолкованы будутъ, съ преданіемъ себя, въ случаѣ малѣйшаго клятвъ своихъ нарушенія, по древнимъ уставамъ ордена, жесточайшей смертной казни: то таковыя клятвенарушители по справедливости и должны почетны быть за морально умершихъ и слѣдовательно съ нами въ союзѣ уже не состоящихъ: во вторыхъ, тѣ, кои самовольно прервали всякое сношеніе съ □, сами собою изъ братства себя уже исключили, почему и намъ сохранять имена ихъ на бумагахъ токмо, и какъ бы невольныо удерживать ихъ у себя, неприлично; ибо ежели они въ братствѣ нужды не имѣютъ, тѣмъ лаче цѣлое братство въ нихъ нужды не имѣло и не имѣеть. А потому опредѣлено: во первыхъ, согласно съ законами ордена и показываемымъ самими ими нежеланіемъ принадлежать къ намъ, всѣхъ таковыхъ изъ списка членовъ сел □ исключить и, предавъ будущую судьбу ихъ въ волю Всеобщаго міровъ Правителя, никакихъ братскихъ связей съ ними болѣе не имѣть и обращаться съ ними уже какъ съ профанами. По сему положенію исключаются: Петръ Русановскій, болѣе года не посѣщающій □ и не состоящій ни въ какихъ связяхъ по братству; Петръ Албычевъ, коего и самое мѣстопробываніе неизвѣстно; Дмитрій Руничъ и Иванъ Бѣлохлоковъ, конхъ многіе поступки показали болѣе ихъ отвращеніе, нежели любовь къ братству; Козьма Куюолкинъ, который съ самаго принятія его въ ученики въ 1808 году, по упорному его своеравію, удаленъ былъ отъ □ и донныѣ къ оной не возвратился; Карлъ Витбергъ, который, забывъ, что онъ и къ временному своему счастью открылъ путь чрезъ братство, явно свидѣтельствуетъ поступками своими, что одно исканіе земныхъ выгодъ ему только цѣнно: Семень Пошманъ, Иванъ Адену, братья Павелъ, Петръ и Александръ Дольсты, не исполняющіе никакихъ обязанностей по ложѣ, къ которой присоединенія просили; Дмитрій Артемьевъ и Іосифъ Турчило, удалившіеся отсюда въ противномъ уже братскому союзу духѣ и съ тѣхъ поръ не показавшіе въ себѣ никакой въ томъ перемѣны.

„Вторыхъ, къ бр. Теофілу, не изъявляющему также никакого соучастія въ союзѣ братскомъ со дня отъѣзда его отсюда, хотя В. М. въ партисулярныхъ письмахъ и напоминалъ ему о томъ, отписать въ послѣдній разъ чрезъ бр. Вахрушева, и если сіе новое побужденіе не произведетъ въ немъ усилъха, то по таковому его нехотѣнію быть съ нами, и его изъ круга нашего исключать; наконецъ,

„Встрѣихъ, братьямъ руководителямъ при семъ замѣчается, что сія несчастная перемѣна отпадающихъ брр. относится отчасти на ихъ счетъ, потому что они въ сношеніяхъ своихъ съ порученными имъ брр. либо не удовлетворяютъ ихъ исканіямъ свѣта, занимая ихъ больше мірскими разговорами, нежели бесѣдами о предметахъ, относящихся къ цѣли ордена, либо не возбуждаютъ ихъ отъ усыпленія и допускаютъ укореняться въ нихъ худымъ привычкамъ и заблужденіямъ, не читаютъ съ ними бумагъ орденскихъ и оставляютъ ихъ такими же профанами, какими они пришли, не находящими нужды въ откровенности и довѣренности къ своимъ мастерамъ, чрезъ что сами мастера дѣлаются повинны въ небреженіи о душахъ вѣрннхъ пмъ братьевъ,

и какъ сей недостатокъ прикрывается по большей части личною братскою любовью, то при семъ напоминаетъ, что истинная любовь состоитъ не въ потачкѣ слабостямъ и заблужденіямъ человѣческимъ, а въ изытаніи брата изъ оныхъ; что дабы ласкать другъ друга, для сего довольно обращаться въ свѣтскихъ обществахъ, въ братскихъ же бесѣдахъ должны царствовать искренность, откровенность, правда и назиданіе“.

IV. Пожертвованное почетнымъ членомъ библіотеки И. Е. Бецкимъ собраніе книгъ (800 сочиненій), въ числѣ которыхъ особенно важны сочиненія по части археологіи, изящныхъ искусствъ и исторіи италіанскихъ городовъ.

V. Купленная библіотекою коллекція собственноручныхъ записокъ и писемъ императрицы Екатерины II, числомъ 18, къ великому князю Константину Павловичу, съ 1783 по 1789 годъ. Письма эти, въ которыхъ великая монархія старается стать въ уровень съ понятіями ребенка, представляются довольно интересными въ этомъ отношеніи; поэтому онѣ и напечатаны въ подлинномъ „Отчетѣ“ библіотеки; здѣсь же предлагаются четыре изъ нихъ — второе, пятое, десятое и восьмнадцатое, съ соблюденіемъ ихъ орфографіи:

Изъ Осиновой роши, іюня 16-го числа 1783.

Сударка Константинъ Павловичъ. Я здорова доѣхала до сего мѣсто, только пыльно было ѣхать; камаровъ здѣсь немало же; скажи маминкѣ, что въ ермитажѣ списываютъ вашъ портретъ и онъ къ осени паслѣтъ. Працай галубчикъ; бытѣ здоровы. Прошу кланяться всеѣмъ, васъ обѣихъ окружающихъ. Я теперъ ѣду въ Выборгъ.

Константинъ Павловичъ. Скоро мы съ вами увидимся, я четыре дни ѣзды убавила; радуюсь, что туфли вамъ поправились; писмами вашими я весьма была обрадована. Москва противъ прежняго многимъ лучше стала. Я васъ обѣихъ очень люблю. Працайте, будтѣ здоровы и весели; Богъ съ вами.

Екатерина.

Изъ Вышняго Волочка, 10-го іюня 1785 года.

Любезной внузъ Константинъ Павловичъ.

Я удивилась вашему терпѣнію, что вы цѣлую страницу и на оборотѣ еще ко мнѣ написали, и то почти мелкими литерами. Мнѣ весьма пріятно слышать, что вы съ сынью растались и стараетесь выиграть потерянное время для ученія. Благодарствую за ваши добрыя желанія и прошу Бога, чтобъ вамъ далъ здоровье и всякова добра, а люблю васъ отъ всево сердца.

Екатерина.

Изъ Кіева, 4-го марта 1787.

Любезной внукъ Константинъ Павловичъ. Спасибо вамъ, что стараетесь лучше писать, чтобы на меня угодить; что же вы рѣзвитесь въ Коломенскомъ, какъ дорогою въ каретѣ, сіе примѣчаю изъ вашего письма, въ которомъ нѣкоторыя слова не дописаны, а въ другихъ лишнхъ нѣсколько литеръ, чего произвести безъ великой рѣзвости нѣтъ возможности. Но какъ бы то не было, я вижу, что вы радуетесь моему приѣзду и меня любите. Прошу быть увѣренъ, что и я васъ люблю равномѣрно.

Екатерина.

Село Олховато, іюня 15-е число 1787.

VI. Приобрѣтенное бібліотекою собраніе рескриптовъ императрицы Маріи Федоровны, числомъ 22, къ почетному опекуну Московскаго опекунскаго совѣта, графу Н. П. Толстому; нѣкоторые изъ нихъ съ собственноручными поправками и приписками государыни, свидѣтельствующими о ея теплой любви къ страждущему человѣчеству. Здѣсь помѣщается одинъ изъ этихъ рескриптовъ, данный въ С.-Петербургѣ 10-го марта 1802 года (все напечатанное курсивомъ написано собственною рукою императрицы):

„Графъ Николай Петровичъ! Я охотно отдаю всякую справедливость вашему старанію и попеченію о вѣренной вамъ экспедиціи, видя явные успѣхи оныхъ въ уменьшающемся числѣ больныхъ и умирающихъ питомцовъ по деревнямъ, и усмотрѣла съ особливимъ удовольствіемъ изъ послѣдней вѣдомости по вашей экспедиціи великую разность въ числѣ больныхъ и умершихъ въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго и въ томъ же мѣсяцѣ текущаго года. Но не могу пропустить безъ замѣчанія, что въ томъ числѣ были еще нѣкоторые страждущіе и умершіе отъ натуральной оспы. Въ разсужденіи чего не могу довольно часто повторять о всевозможномъ стараніи и наблюденіи, дабы *прививали сколько возможно въ деревняхъ коровью оспу* ¹⁾, тѣмъ *способомъ* навсегда уже предупредить всякую опасность и *потерю* отъ натуральной оспы. Полагаясь въ томъ на вашу усердіе и ревность, пребываю впрочемъ вамъ благо-склонною

МАРІЯ.

„Я не могу вамъ довольно сказать, графъ Николай Петровичъ, удовольствіе мое, видя великое излеченіе кормилицъ, и васъ благодарю за то искренно“.

VII. Купленная бібліотекою коллекція изъ 30-и писанныхъ на пергаментѣ латинскихъ рукописей, большею частію богословскаго содержанія, важныхъ какъ образцы каллиграфическаго и миниатюрно-живописнаго искусства въ западной Европѣ въ продолженіе пяти вѣковъ, отъ XII до XVII включительно.

VIII. Собраніе, состоящее изъ 455-и рукописей и 1.403 печатныхъ

¹⁾ Слова эти написаны императрицею вмѣсто зачеркнутыхъ ею: «отнюдь не отправлялись въ деревни никакіе младенцы, коимъ коровья оспа не привита, и».

географическихъ картъ, плановъ городовъ, зданій и проч., переданное изъ военно-ученаго архива главнаго штаба.

IX. Завѣщанная бывшимъ нашимъ консуломъ въ Готебургѣ А. Ѳ. Сидонскимъ библіотека, состоящая изъ 1.078 томовъ сочиненій, преимущественно на шведскомъ и датскомъ языкахъ, которыя касаются Россіи, а также законодательства, торговли и исторіи Скандинавскихъ государствъ.

X. Коллекція замѣчательныхъ и рѣдкихъ сочиненій по части медицины и естественныхъ наукъ, купленная по выбору изъ библіотеки, оставшейся послѣ умершаго нашего ученаго Ястребцова.

XI. Довольно полная и тщательно составленная коллекція книгъ, брошюръ, указовъ и эстамповъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго и Екатерины I, принесенная въ даръ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Ѳ. Е. Сокуровымъ.

XII. По Высочайшему повелѣнію переданы изъ общаго архива военнаго министерства два историческіе документа, съ собственноручными поправками императора Петра Великаго, доставленные въ военное министерство въ 1812 году, по повелѣнію императора Александра I, изъ Московской синодальной типографской библіотеки: а) реляція о походѣ генерала Ласси съ галерною эскадрою на шведскую сторону къ Ревелю и далѣе, въ маѣ 1719 года, и б) манифестъ 13-го января 1720 года о составленіи морскаго устава.

XIII. По волѣ Его Императорскаго Высочества великаго князя Намѣстника Кавказскаго, препровождены въ библіотеку 31 фирманъ на персидскомъ языкѣ, изъ коихъ одинъ—Шахъ-Сафи (1627—1641 гг.), одинъ—Шахъ-Султанъ-Хуссейна (1694—1722 гг.), 24 Фетх-Али-шаха (1797—1834 гг.) и пять наслѣднаго принца Аббасъ-мирзы. Эти фирманы, любопытные въ каллиграфическомъ отношеніи, дополнили собою коллекцію таковыхъ же фирмановъ, переданную въ отечественное книгохранилище въ 1866 году, по приказанію Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Николаевича. Всѣ они, за исключеніемъ трехъ, напечатаны во 2-мъ и 3-мъ томахъ Агтовъ, собранныхъ Кавказскою археографическою комиссіей.

XIV. Семь рукописей на языкахъ санскритскомъ и гинди, пожертвованныя дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ П. И. Саввантовымъ.

XV. Дневники работъ по сооруженію Исаакіевскаго собора и памятника императору Александру I въ С.-Петербургѣ, веденные подъ наблюденіемъ профессора Монферрана на французскомъ языкѣ.

XVI. Автографы К. Н. Батюшкова, графа Мих. Ю. Віельгорскаго, В. А. Жуковскаго, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, С. І. Баха и др.

XVII. Значительное количество русских и иноязычных рукописей, разнаго времени и содержанія, между которыми нныя имѣють болѣе или менѣе крупный историческій или литературный интересъ.

XVIII. Сочиненіе, напечатанное въ свое время въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и нынѣ составляющее библиографическую рѣдкость: Общественное устройство города Риги. Исслѣдованія ревизіонной комиссіи, назначенной министромъ внутреннихъ дѣлъ. 1845—1848. Томъ первый. С.-Петербургъ. Въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ. 1852. Въ 8-ю д. л. (Отъ доцента С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскаго).

XIX. Двѣ другія русскія библиографическія рѣдкости: 1) Краткое понятіе о физикѣ, для употребленія Его Императорскаго Высочества благовѣрнаго государя великаго князя Павла Петровича. Въ С.-Петербургѣ 1760 года. Въ 12-ю д. л. — 2) Аптека домашняя и дорожная, лѣкарями пересмотрѣнная, вмѣстѣ съ полнымъ спискомъ бѣлю для хозяйствъ и путешествующихъ, также и съ таблицею доходовъ и расходовъ и съ всегдашнимъ календаремъ. Изданіе оригинальное, для воровскаго перепечатанія съ печатью моего имени замѣченное. Лейпцигъ, у К. Т. Э. Арндта. Въ 8-ю д. л. Безъ года печати, но судя по шрифту, издано въ началѣ двадцатыхъ годовъ. (Отъ коллежскаго ассессора Э. П. Конге).

XX. Совѣщанія палатъ въ послѣднія сессіи въ Соединенныхъ Штатахъ, Австріи, Баваріи, Виртембергѣ, Саксоніи и Пруссіи. (Отъ правительствъ этихъ государствъ).

XXI. Нѣсколько новыхъ сочиненій о Россіи на языкахъ испанскомъ, португальскомъ, нѣмецкомъ.

XXII. Рядъ дорогихъ и роскошныхъ ученыхъ сочиненій, съ рисунками, по археологій, исторіи искусства и естествовѣдѣнію.

XXIII. Значительное собраніе иностранныхъ ученыхъ періодическихъ изданій, за многіе годы;

и наконецъ, XXV, бібліотека, согласно существующему закону, получала, при посредствѣ цензурныхъ установленій, всѣ выходящія въ Россіи книги, брошюры, повреженныя изданія, ноты, географическія карты, гравюры и проч., а также пріобрѣтала на свои средства важнѣйшія произведенія текущей иностранной литературы.

Общій расходъ бібліотеки на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей и на доставку ихъ изъ-за границы простирался до 13.227 р. 49 к. Изъ

безмездныхъ приношеній по числу томовъ значительнѣйшія были: отъ англійской комиссіи о привилегіяхъ — 3.805 томовъ, по завѣщанію А. Θ. Сидонскаго — 1.045 т., отъ почетнаго члена И. Е. Бецаго — 969 т., отъ Берлинскаго университета — 142 т., отъ Ростокаго университета — 136 т., отъ правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ — 110 т., отъ Боннскаго университета — 69 т., отъ Геттингенскаго университета 53 т., отъ почетнаго корреспондента І. Н. Малышевича — 49 т., отъ прусскаго правительства — 42 т., отъ Вѣнскаго академіи наукъ — 42 т., отъ доцента С.-Петербургскаго университета В. А. Лебедева — 37 т., отъ Кенигсбергскаго университета — 37 т. и отъ директора королевско-датскихъ музеевъ Ворсо, въ Копенгагенѣ — 33 тома.

Въ общемъ выводѣ приобрѣтенія библіотеки за 1869 годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

а) Печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльных листовъ 16.331 въ 19.234 томахъ; въ томъ числѣ: по Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ правительства — 328 сочиненій въ 420 томахъ, по закону изъ комитетовъ внутренней цензуры, въ двухъ экземплярахъ — 5.286 сочиненій въ 5.650 томахъ, частныхъ приношеній — 6.599 сочиненій въ 7.393 тома, куплено самою библіотекою — 4.118 сочиненій въ 5.771 томъ;

б) рукописей и автографовъ — 750 (въ томъ числѣ: по Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ правительства — 468, частныхъ приношеній — 205, куплено самою библіотекою — 77;

в) эстамповъ и фотографій (изъ всѣхъ источниковъ въ совокупности) — 983;

г) картъ и плановъ — 1.575;

д) нотъ — 353;

е) каллиграфическихъ руководствъ — 17.

По предмету внутреннего устройства и библиографическихъ работъ въ 1869 году въ библіотекѣ сдѣлано слѣдующее:

Выставки библіотеки увеличились еще одною. Въ хранилищѣ рукописей отдѣлена витрина, въ которой помѣщено нѣсколько китайскихъ рукописей съ рисунками, дѣланными китайскими живописцами или совершенно самостоятельно, или подъ руководствомъ европейскихъ художниковъ, а также живописцами, состоявшими въ разное время при нашей миссіи въ Пекинѣ. Въ этой выставкѣ, между прочимъ, находятся: рукопись, содержащая въ себѣ 12 ландшафтовъ, нарисованныхъ Китайцами; двѣ рукописи ихъ же работы, изобра-

жающія сцены изъ домашней жизни, нѣсколько рукописей съ рисунками нашихъ художниковъ, которыя дають понятіе объ одеждѣ, домашней утвари и занятіяхъ Китайцевъ, и наконецъ, три рукописи съ изображеніями цвѣтовъ, рыбъ и насѣкомыхъ, исполненныя китайскими учениками. Особенное вниманіе въ этихъ рукописяхъ обращаютъ на себя рисунки цвѣтовъ, отличающіеся живостью красокъ и тончайшею отдѣлкою.

Работы по составленію каталоговъ бібліотеки продолжались безостановочно и довольно успѣшно.

Въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ всѣ поступившія въ него въ 1869 году книги и брошюры описаны въ трехъ видахъ. Составленіе въ этомъ отдѣленіи систематическаго каталога, пли точнѣе, распределеніе карточекъ по главнымъ группамъ систематическаго каталога, продолжалось безпрерывно.

Въ отдѣленіяхъ исторіи, технологіи и изящныхъ искусствъ также описаны въ трехъ видахъ всѣ книги, вошедшія въ составъ этихъ отдѣленій въ 1869 году.

Въ отдѣленіи географическихъ атласовъ и картъ равномерно всѣ вновь поступившія сюда въ довольно значительномъ числѣ карты описаны и размѣщены по соответствующимъ отдѣламъ. Къ 1-му января 1870 года въ этомъ отдѣленіи находилось на лицо описанныхъ 906 атласовъ и 8.458 картъ, плановъ и таблицъ.

Въ отдѣленіи философіи и педагогикѣ описаны всѣ сочиненія, вышедшія въ текущемъ столѣтіи, и наиболѣе важныя изъ изданныхъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Всего описано въ этомъ отдѣленіи 3.900 сочиненій, въ томъ числѣ въ 1869 году 640 сочиненій.

Въ отдѣленіяхъ классиковъ и языкознанія, правовѣдѣнія, богословія и медицины и естественныхъ наукъ сочиненія описаны въ трехъ видахъ; въ первомъ — 755 сочиненій, во второмъ — около 1.000, въ третьемъ — 2.385 и въ четвертомъ — до 3.000. Въ отдѣленіи медицины и естественныхъ наукъ, сверхъ того, начата повѣрка его съ инвентаремъ, при чемъ вторые и третьи ряды книгъ, находившіеся на полкахъ, переносятся въ новое помѣщеніе.

Напечатаны: № 10 каталога иностранныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ бібліотекою въ 1868 году, и списокъ иностранныхъ, періодическимъ изданіямъ, получаемымъ бібліотекою.

Пользованіе бібліотекою въ 1869 году представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Выдано билетовъ для занятій въ общей читальной залѣ 6.954 (въ

1868 г. 7.140); въ томъ числѣ: лицамъ военно-сухопутнаго вѣдомства 841, морскаго вѣдомства 57, гражданскаго вѣдомства 1.830, духовнаго вѣдомства 260, учебнаго и ученаго вѣдомствъ 1.475, медицинскаго вѣдомства 583, художникамъ 189, техникамъ разнаго рода 112, лицамъ городскихъ сословій 1.217, иностранцамъ 59, лицамъ женскаго пола 331. Число читателей было: въ общей читальной залѣ 54.795 (въ 1868 г. 61.692) и въ кабинетѣ для художниковъ 1.012 (въ 1868 г. 1.574), а всего 55.807 (въ 1868 г. 63.266). Вытребовано книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ на церковно-славянскомъ языкѣ 41 томъ (въ 1868 г. 69 томовъ), на русскомъ языкѣ 12.260 томовъ (въ 1868 г. 18.645 том.) и на иностранныхъ языкахъ 8.268 томовъ (въ 1868 г. 8.389 том.); изъ библіотеки при читальной залѣ 89.655 томовъ (въ 1868 г. 99.000 том.), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 72.254 тома (въ 1868 году 75.696 том.) и на иностранныхъ языкахъ 17.401 томъ (въ 1868 г. 23.304 тома). Общее число взятыхъ посѣтителемъ для чтенія книгъ было: въ общей читальной залѣ 176.539 томовъ (въ 1868 г. 204.587 томовъ) и въ кабинетѣ для художниковъ 2.690 томовъ (въ 1868 г. 4.841 томъ).

Въ теченіе 1869 года было отказано: въ отдѣленіяхъ по 4.593 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 3.144 требованіямъ, и изъ библіотеки при читальной залѣ, за выдачею въ чтеніе, по 14.108 требованіямъ, всего по 18.701 требованію. Въ отдѣленіяхъ было отказано: за неизвѣстемъ въ библіотекѣ сочиненій и за неполученіемъ книгъ изъ цензурныхъ установленій по 540 требованіямъ (въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 103 требованіямъ); за выдачею уже въ чтеніе по 2.054; за отдачею книгъ въ переплетъ по 374; по случаю требованія сочиненій запрещенныхъ по 31; по разнымъ причинамъ (какъ, напримѣръ, требовались сочиненія не выходившія въ свѣтъ; романы, не выдаваемые въ чтеніе по уставу библіотеки; требованія неопредѣленныя, неточныя, неразборчиво написанныя и т. п.) по 1.594 требованіямъ (въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 1.305).

Для занятій повременными изданіями выдано въ 1869 году билетовъ 895 лицамъ (въ 1868 г. 757 лицамъ), которыми вытребовано 36.799 номеровъ журналовъ и газетъ (въ 1868 г. 31.383). Число читателей въ журнальной комнатѣ было въ 1869 году 11.624 человекъ (въ 1868 г. 9.936).

Рукописей потребовано въ чтеніе 719 (въ 1868 г. 894).

Посѣтителей, обозрѣвавшихъ библіотеку, было 2.320.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Западно-русскія археографическія изданія ¹⁾).

II.

Нынѣшній предсѣдатель Виленской археографической комиссіи, достоуважаемый Я. О. Головацкій, унаслѣдовалъ отъ прежнихъ предсѣдателей и планъ изданій, и даже особенныя, крайне стѣснительныя условія занятій при чтеніи и списываніи актовъ, огражденные закономъ ²⁾. Измѣнить, что оказывалось нужнымъ для успѣха дѣйствій комиссіи, было на первыхъ порахъ крайне трудно ³⁾; поэтому неудивительно, что въ настоящемъ новомъ изданіи Виленской археографической комиссіи, именно, въ 3-мъ томѣ актовъ ея, мы видимъ продолженіе небогатыхъ по содержаниюъ прежнихъ томовъ этого сборника.

Третій томъ актовъ Виленской археографической комиссіи содержитъ въ себѣ акты Брестскаго градскаго суда съ 1401 по 1699 годъ. Главные мѣстные вопросы, волновавшіе населеніе Брестской области, это — поземельные раздоры съ сосѣдями-Поляками, внутренняя борьба земства съ государственными чиновниками, борьба съ иноземцами, наплывавшими въ нее главнымъ образомъ изъ Германіи, съ Нѣмцами и Жидами, и наконецъ, религіозная борьба. Актовъ первыхъ трехъ родовъ въ настоящемъ томѣ находится небольшая группа. Немного въ немъ также актовъ общегосударственнаго зна-

¹⁾ *Окончаніе*. Первая статья была помѣщена въ ноябрской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ По закону членамъ комиссіи нельзя ни входить въ архивъ, ни брать рукописи на свою отвѣтственность изъ канцеляріи архива.

³⁾ Въ предисловіи къ третьему тому актовъ Виленской комиссіи разсказана весьма прискорбная исторія этой комиссіи, подвергавшейся слишкомъ частымъ переизмѣнамъ предсѣдателей и другимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ.

ченія; такъ какъ они составляютъ только небольшую часть цѣлаго разряда гражданскихъ актовъ, который найдетъ себѣ мѣсто въ слѣдующемъ томѣ изданій Виленской комиссіи, гдѣ будетъ помѣщено и обзорѣніе ихъ, то и мы отлагаемъ сужденіе о нихъ. Главное содержаніе настоящаго тома — это акты религіозные. Они большею частію позднѣйшаго времени, такъ какъ акты Брестскаго градскаго суда за самый важный — по справедливому замѣчанію председателя Виленской комиссіи — періодъ съ 1585 до 1624 года утрачены. Оставшіеся акты этого суда, часть которыхъ теперь издана, очерчиваютъ однако довольно ясно нѣкоторые любопытныя явленія религіозной жизни того времени. Изъ нихъ, между прочимъ, видно, съ какою заботливостію польскіе паны строили униатскія церкви, чтобы привлечь въ унию православный народъ, и какъ спокойно они заставляли этотъ народъ ходить въ униатскія церкви, подвергая нарушителей ихъ воли денежному штрафу и предавая православныя церкви въ руки Жидовъ. Но какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Брестской области, забота объ униі была у пановъ лишь въ первое время; въ послѣдствіи сама униа становилась орудіемъ панскихъ прихотей, даже грубаго своекорыстія. Панское патронатство ложилось тяжкимъ бременемъ на униатскія церкви. Паны не затруднялись вводить въ эти церкви латинскіе порядки и отнимать отъ нихъ земли.

Виленская археографическая комиссія видѣла, что исторія Брестской области даже по религіозному вопросу гораздо богаче, чѣмъ тѣ данныя, которыя находятся въ Брестскихъ градскихъ книгахъ, — не говоримъ ужъ о фактахъ изъ гражданской жизни. Чтобы вознаградить скудость изданныхъ актовъ, почтенный председатель Виленской археографической комиссіи Я. О. Головацкій предпослалъ этимъ актамъ историческій очеркъ Брестской области съ древнѣйшихъ временъ. Этотъ очеркъ сразу даетъ замѣтить, какъ богаты русскія извѣстія о Брестской области за время до татарскаго ига, и какъ они скудны за позднѣйшія времена, хотя извѣстно, что Брестъ, или правильнѣе Берестье, не терялъ своего значенія и въ эти времена. Это привело автора къ выводу, что русскіе памятники и русскія свидѣтельства за эти позднѣйшія времена истреблены Поляками. Доказательства на лицо: въ актахъ Брестскаго градскаго суда подозрительный недочетъ самыхъ важныхъ актовъ почти за полстолѣтіе. Кромѣ того извѣстно, что въ Брестѣ собирались многіе литовскіе сеймы по вопросу о гражданской униі Литвы съ Польшей и многіе соборы по дѣламъ церковной униі. Немногіе акты этого рода сохра-

вились въ православныхъ сочиненіяхъ того времени, какъ, напримѣръ, въ Эктезисѣ и Апокрисисѣ, или въ архивѣ униатскихъ митрополитовъ, или наковецѣ, въ юридическихъ сборникахъ литовскихъ; но многимъ изъ этихъ актовъ подобало быть въ книгахъ Брестскаго градскаго суда. Очень понятно поэтому глубокое сожалѣніе почтеннаго предсѣдателя Виленской археографической комиссіи объ этихъ потеряхъ, а также о томъ, что Виленская археографическая комиссія принуждена въ своихъ трудахъ ограничиваться однимъ Виленскимъ центральнымъ архивомъ и изъ другихъ мѣстъ ни откуда не получаетъ актовъ. Не можемъ однако не высказать нашего разногласія съ почтеннымъ предсѣдателемъ Виленской археографической комиссіи по нѣкоторымъ мыслямъ его.

1) Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ г. Головацкаго, которое, впрочемъ, не высказано ясно, будто содержаніе Виленскаго центрального архива не достаточно для Виленской комиссіи. Мы думаемъ, что Виленская комиссія, не имѣющая права входить въ этотъ архивъ, не можетъ пока судить основательно о его богатствѣ или скудости, и совершенно увѣрены, что она найдетъ его богатѣйшимъ, если получитъ вышесказанное право, и кромѣ того, если завѣдываніе архивомъ перейдетъ къ предсѣдателю Виленской комиссіи, о чемъ, какъ намъ извѣстно, уже возбужденъ вопросъ, и чего нельзя не пожелать не только для Виленской, но и для Киевской комиссій такъ какъ административное значеніе западно-русскихъ центральныхъ архивовъ совершенно падаетъ, а научное ихъ значеніе годъ отъ году возрастаетъ, какъ это очевидно, между прочимъ, изъ трудовъ Киевской комиссіи. Можно сейчасъ же указать нѣсколько вопросовъ, которые настойчиво ждутъ рѣшенія, и которые въ значительной степени, если не вполнѣ, получаютъ его въ Виленскомъ центральномъ архивѣ, а также въ Витебскомъ, не тронутымъ до сихъ поръ и ожидающемъ или присоединенія его къ Виленскому, или особой Витебской комиссіи. Кромѣ указаннаго уже нами въ предыдущей статьѣ вопроса о городахъ, ждутъ правильнаго разрѣшенія вопросы дворянскій, крестьянскій, еврейскій, вопросы о братствахъ, о вліяніи войны Алексѣя Михайловича и т. п. Мы питаемъ надежду, что сама Виленская комиссія въ ближайшее время представитъ намъ блистательное доказательство ученаго богатства Виленскаго центрального архива. Изъ предисловія къ третьему тому видно, что вслѣдъ за этимъ томомъ должно начаться печатаніе четвертаго тома, въ которомъ будутъ помѣщены гражданскіе акты,

часть слш, отд. 2.

и пятого, въ который войдетъ ординація королевскихъ лѣсничествъ. Ученые приемы, замѣтные при изданіи третьяго тома, не смотря на неудобства прежней системы изданія актовъ, ручаются намъ, что слѣдующіе томы будутъ еще болѣе достойны ученой извѣстности почтеннаго предсѣдателя Виленской комиссіи.

2) Если даже согласиться, что многіе памятники безвозвратно погибли, и если даже окажется, что Виленскій и Витебскій архивы дѣйствительно бѣдны содержаніемъ (что мы считаемъ невѣроятнымъ), то и въ такомъ случаѣ нельзя считать дѣло не поправимымъ. Западно-русская жизнь такъ сложна, запутана, что самыя хитрыя и настойчивыя усилія фанатиковъ изгладить слѣды русскаго прошедшаго не могли быть успѣшны. Въ западной Россіи все еще осталось слишкомъ много памятниковъ, и вся сила лишь въ умѣнны отыскивать ихъ. Въ настоящее время съ разныхъ сторонъ, и русской, и польской, раздаются голоса о примиреніи Русскихъ съ Поляками, и при этомъ высказывается даже съ польской стороны тотъ основной пунктъ примиренія, что вопросъ о возстановленіи Польши въ историческихъ границахъ долженъ быть разъ навсегда брошенъ Поляками; что западная Россія должна навсегда оставаться, какъ и остается теперь, русскою страной. Мы не имѣемъ намѣренія обсуждать здѣсь вопросъ о примиреніи Русскихъ и Поляковъ; но такъ какъ при разъясненіи его выставляется принципъ, который мы всегда защищали, то на него мы обращаемъ здѣсь вниманіе, и то лишь съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него нѣкоторые выводы, полезные, по нашему мнѣнію, для успѣха археографическихъ трудовъ въ западной Россіи. Извѣстно, что у многихъ польскихъ пановъ есть собранія рукописей. Нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно богаты и извѣстны въ литературѣ, но до сихъ поръ они закрыты для русскихъ людей. Исключеніе составляетъ Несвижское собраніе рукописей князей Радзивилловъ, которое, благодаря просвѣщенному вниманію настоящаго владѣльца Несвижа, было въ недавнее время открыто нѣсколькимъ русскимъ ученымъ; и еще одно, два. Если вопросъ о примиреніи Русскихъ и Поляковъ имѣетъ сколько-нибудь серьезное основаніе, а не есть просто ловушка для нашего русскаго благодушія, то было бы естественно ожидать, чтобъ эти запретныя до сихъ поръ собранія рукописей открылись сами собою, и чтобъ члены западно-русскихъ археографическихъ комиссій первые вошли въ нихъ и въ ближайшее время вынесли убѣдительнѣйшія доказательства, что рознь между Русскими и Поляками кончилась, и кончилась прочно, потому что тѣ и другіе соединились во имя науки,

самаго вѣрнаго средства къ объединенію. Отъ всей души желаемъ, чтобы почтеннымъ членамъ западно-русскихъ комиссій удалось убѣдиться самимъ и убѣдить другихъ, что говоръ о примиреніи Русскихъ и Поляковъ не есть соединеніе пустыхъ словъ, а дѣйствительное и хорошее дѣло.

Въ то недавнее время, когда еще не было, да и не могло быть рѣчи о примиреніи Русскихъ и Поляковъ, Виленскій учебный округъ, вѣрно угадывая нужды науки и жизни, предпринялъ поиски этого именно рода памятниконъ, сокрытыхъ подъ снудомъ и даже считавшихся погибшими, и сумѣлъ даже открыть ученымъ двери въ нѣкоторыя частныя бібліотеки, какъ на примѣръ въ вышеупомянутую бібліотеку Радзивилловъ, а также Трембицкаго и другихъ; мало того, округъ нашелъ возможнымъ приобрести нѣсколько весьма важныхъ рукописей и отъ частныхъ лицъ не только русскихъ, но и польскихъ. Такъ, приобрѣтены, между прочимъ, лѣтопись Авраамки и лѣтопись Супрасльскаго монастыря. Собранный такимъ образомъ матеріалъ послужилъ содержаніемъ для четырехъ прежде изданныхъ томовъ Археографическаго сборника, о которыхъ мы говорили въ свое время въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Изъ этого же матеріала выбраны большею частію и памятники, напечатанные въ послѣднее время въ четырехъ новыхъ томахъ этого сборника — VI, VII, VIII и IX ¹⁾).

Мы замѣчали въ свое время, что издатели Археографическаго сборника послѣ первыхъ томовъ, заключавшихъ въ себѣ случайно собранные памятники, пришли къ мысли издавать ихъ по особымъ отдѣламъ, относящимся къ опредѣленному научному вопросу или къ опредѣленной мѣстности. Настоящіе томы сборника изданы по этому именно плану, который, какъ очевидно, приближается къ плану Кіевской археографической комиссіи, такъ что можно надѣяться, планъ этотъ вскорѣ будетъ вполне усвоенъ, по всей вѣроятности, не только издателями Археографическаго сборника, но и Виленскою комиссіей.

Шестой томъ Археографическаго сборника заключаетъ въ себѣ памятники религіознаго содержанія, и главнѣйшая ихъ часть относится къ исторіи православія въ Вильнѣ. Всѣ они вмѣстѣ обнимаютъ время отъ 1486 до 1764 г. Какъ въ другихъ томахъ сборника, такъ

¹⁾ V-й томъ будетъ служить дополненіемъ и справочною книгою къ первымъ четыремъ томамъ и еще не вышелъ въ свѣтъ.

и въ этомъ, находится не мало жалованныхъ грамотъ въ пользу приходскихъ церквей и монастырей. Особеннаго вниманія заслуживаютъ жалованныя грамоты въ пользу Виленскихъ церквей, числомъ 17. Онѣ даютъ возможность пополнить исторію церквей Вильны, въ особенности, Пречистенскаго собора, недавно воздвигнутаго изъ опозоренныхъ развалинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ помощью этихъ актовъ, дается возможность яснѣе представить могущество русской народности въ Вильнѣ, о которомъ теперь въ народѣ совершенно затерялось воспоминаніе. Въ шестомъ томѣ сборника есть и другія данныя, еще болѣе доказывающія это могущество. Въ немъ находится цѣлый отдѣлъ памятниковъ, раскрывающихъ внутреннюю жизнь православныхъ Русскихъ въ Вильнѣ. Это — памятники, показывающіе стремленіе Виленскаго бѣлаго духовенства къ нѣкоторой самостоятельности по отношенію къ высшей церковной власти и стремленіе мірянъ принимать участіе въ дѣлахъ церковныхъ и ограничивать этимъ самовластіе приходскаго духовенства. Съ одной стороны, бѣлое духовенство, то-есть, собственно говоря соборяне, или какъ ихъ тогда называли, крылошане (кливошане), домогается независимости отъ митрополичьяго намѣстника-монаха и отстаиваетъ свое право распоряжаться церковнымъ имуществомъ, а съ другой стороны, міряне отстаиваютъ свое право избирать священниковъ къ своимъ приходскимъ церквамъ и охранять цѣлость церковнаго имущества. То и другое стремленіе даетъ ясно замѣтить себя въ началѣ XVI столѣтія, когда и въ другихъ дѣлахъ западной Россіи обнаруживалось сильное возбужденіе. Западнорусскіе митрополиты сначала показывали значительную неуступчивость этимъ домогательствамъ. Они сами назначали священниковъ и отвергали право мірянъ вѣдать церковное имущество. Но ужь около половины XVI столѣтія они совсѣмъ иначе стали относиться къ этому дѣлу. Къ этому времени въ Вильнѣ были уже довольно сильныя цеховыя братства, участіе которыхъ въ дѣлахъ церковныхъ представляло несомнѣнную пользу въ виду усиливавшагося польскаго и латинскаго вліянія, которое тогда давало себя чувствовать очень непріятно. Такъ, Виленскій латинскій епископъ Янъ въ 1531 г. считалъ себя въ правѣ призывать къ своему суду и заключать въ темницу даже священниковъ православныхъ. Въ 1545 году латинскіе ксендзы производятъ безчестіе въ церкви Пречистенской, именно, ночью ударяютъ въ колокола этой церкви, приводятъ этимъ православныхъ въ смятеніе и затѣмъ ихъ же запутываютъ въ судное дѣло. Но то были отрывочныя явленія, не могшія имѣть важныхъ послѣдствій. Силы православныхъ жи-

телей Вильны повадобилсь позднѣе, когда появились іезуиты и затѣмъ церковная унія. Шестой томъ Археографическаго сборника даетъ значительное количество новыхъ памятниковъ для исторіи борьбы православныхъ жителей Вильны съ этими враждебными силами. Въ особенности замѣчательны памятники, раскрывающіе исторію религіознаго волненія въ Вильнѣ изъ-за уніи въ 1608 и 1609 годахъ. До сихъ поръ объ этомъ волненіи можно было знать только изъ двухъ-трехъ русскихъ памятниковъ, и затѣмъ, изъ уніатскихъ сочиненій. Въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ, хранящемся при св. синодѣ и заключающемъ въ себѣ, между прочимъ, не мало памятниковъ для исторіи православія въ Вильнѣ, замѣтенъ явный пробѣлъ актовъ 1608 и 1609 годовъ. Въ старой описи, составленной задолго до перенесенія этого архива въ С.-Петербургъ, помѣщены и эти памятники, но противъ нихъ сдѣланы особыя знаки, которые, вѣроятно, дѣлалъ выбравшій эти памятники и потомъ не возвратившій ихъ. Когда мы писали второй томъ изслѣдованій о литовской церковной унії, мы не могли найти этихъ памятниковъ и должны были возстановлять смыслъ событій по не многимъ русскимъ клочкамъ ихъ и по явно пристрастнымъ уніатскимъ свидѣтельствамъ¹⁾. Видя, что здѣсь раскрывается одинъ изъ величественнѣйшихъ моментовъ православной жизни въ Вильнѣ, и чувствуя на каждомъ шагѣ крайній недостатокъ надежныхъ свѣдѣній, мы неоднократно возобновляли наши поиски упомянутыхъ документовъ, но они не отыскивались. Только послѣ изданія нашей книги мы узнали, что эти документы находятся въ Вильнѣ. Они теперь и изданы въ разсматриваемомъ нами томѣ Археографическаго сборника. Волненіе православныхъ жителей Вильны въ 1608 г. началось изъ-за того, что извѣстный Рутскій, при которомъ былъ и Иосафатъ Кунцевичъ, назначенъ былъ настоятелемъ Виленскаго Троицкаго монастыря и затѣмъ намѣстникомъ Виленскаго духовенства и въ связи съ іезуитами задумалъ усилить унію сближеніемъ ея съ латинствомъ. Связи Рутскаго съ іезуитами теперь изъ сборника видны гораздо яснѣе, чѣмъ это было извѣстно прежде. Православные жители Вильны, которые до тѣхъ поръ знали у себя унію почти только по имени, пришли въ страшное волненіе; волненіе это быстро разлилось по всему городу, сопровождалось шумными собраніями, крестными ходами и готово было завершиться торжественнымъ изгнаніемъ Рутскаго. Въ-

¹⁾ Издатели VI-го тома сборника несправедливо замѣчаютъ, что мы описывали это волненіе на основаніи уніатскихъ сочиненій. У насъ указаны и не уніатскія свидѣтельства.

шательство власти не допустило до этого, но оно вызвало на дѣло крайнихъ, ожесточенныхъ людей изъ среды православныхъ, и эти люди чуть было не убили Пощя, пріѣхавшаго усмирять это волненіе при содѣйствіи власти. Замѣчательно это волненіе собственно тѣмъ, что по нему мы ясно можемъ видѣть, какъ велики были тогда православныя силы въ Вильнѣ; замѣчательно оно еще тѣмъ, что было примѣромъ для обнаруженія въ скоромъ времени подобной же силы въ другихъ мѣстахъ, на примѣръ, въ Полоцкѣ, Могилевѣ и Витебскѣ по поводу фанатическихъ дѣйствій ученика Рутскаго и знаконца Вильнянъ, Юсафата Кунцевича. Кто не изучалъ этихъ волненій, тотъ ни изъ какихъ другихъ источниковъ не можетъ увидѣть столь ясно громадную тогда русскую силу въ сѣверо-западной Россіи, силу, которая какъ-бы желала соответствовать казачкой силѣ юго-западной Россіи, но дѣйствовала обыкновенно мирными и интеллигентными средствами и только въ отчаяніи обращалась къ казачьимъ средствамъ и даже вступала для этого въ сношенія съ казаками.

Седьмой томъ Археографическаго сборника весь составленъ изъ памятниковъ, выписанныхъ изъ Несвижскаго собранія рукописей, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ документовъ, взятыхъ изъ рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки, и надобно сказать— это одинъ изъ лучшихъ томовъ сборника какъ по содержанію, такъ особенно по обработкѣ. Приготовленъ этотъ томъ къ изданію гг. Гильтебрандтомъ и Миротворцевымъ. Главная и самая большая часть работы принадлежитъ г. Гильтебрандту. Оба эти лица въ 1867 и 1869 гг. ѣздили въ Несвижъ, сдѣлали богатые выписки въ его рукописномъ архивѣ и представляютъ намъ теперь часть своихъ работъ. Самымъ памятникамъ, какъ принято и въ другихъ томахъ сборника, они предпосылаютъ предисловіе, которое замѣтно выступаетъ изъ ряда другихъ своими крупными достоинствами, и безъ сомнѣнія, привлечетъ къ себѣ вниманіе ученыхъ, занимающихся русскою исторіей. Въ этомъ предисловіи основательно, хотя и кратко, разказана исторія Несвижа и его библіотеки, сообщены любопытнѣйшія свѣдѣнія о необыкновенно трудолюбивой работѣ по описанію рукописей завѣдывающаго ими г. Симоновича, а также г. Шипки¹⁾, и дано понятіе о богатствѣ этихъ рукописей, на сколько можно было судить о томъ при кратковременномъ обзорѣ ихъ. Мы думаемъ, что это одинъ изъ счастливейшихъ случаевъ обзорѣнія русскими учеными частнаго собранія

¹⁾ Эти два лица описали тщательнѣйшимъ образомъ 589.806 документовъ.

рукописей въ западной Россіи, и надѣмся, что онъ произведетъ благотворную переѣмъ въ умахъ другихъ тамошнихъ владѣльцевъ рукописей. Всякій теперь можетъ убѣдиться, что русскіе ученые никакого зла не дѣлаютъ, когда ихъ впускаютъ въ частныя хранилища рукописей; напротивъ того, они вполне оцѣниваютъ и вниманіе къ нимъ, и сдѣланныя другими работы и оповѣщаютъ о нихъ съ самою сѣрдечною любовію къ истинѣ и добросовѣстному труду. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что никто больше этихъ ученыхъ не оцѣнилъ вниманія князя Радивилла, открывшаго русской наукѣ сокровища своихъ рукописей, и никто больше ихъ не принесъ справедливой дани уваженія къ многолѣтнимъ трудамъ гг. Симоновича и Шишки. И это не случайное признаніе. Извѣстно, что и С.-Петербургская археографическая коммиссія послала одного изъ своихъ членовъ для обзорѣнія Несвижскихъ рукописей, и что онъ также призналъ важную передъ наукою заслугу трудовъ гг. Симоновича и Шишки. Въ непродолжительномъ времени будетъ напечатано и это признаніе; такимъ образомъ, всѣ русскіе ученые узнаютъ, что въ Несвижѣ находится богатое, прекрасно описанное собраніе рукописей, и съ благодарностію будутъ помнить имена вышеупомянутыхъ лицъ, которыя при всѣхъ тревоженіяхъ, колебавшихъ даже основы западнорусской жизни, спокойно и безостановочно изучали и описывали памятники этой жизни.

Не менѣе благотворное дѣйствіе должно произвести на всѣхъ и самое содержаніе Несвижскаго, такъ сказать, тома Археографическаго сборника. Здѣсь раскрывается исторія рода князей Радивилловъ и большею частію съ такихъ сторонъ, на которыхъ, безъ сомнѣнія, съ любовію останутся нынѣшніе представители этого рода.

Родъ князей Радивилловъ, благодаря необычайному своему богатству и родству съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, занялъ въ XVI столѣтіи одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ знатныхъ западнорусскихъ родовъ. Но кромѣ этихъ внѣшнихъ и случайныхъ опоръ величія, онъ сумѣлъ закрѣпить его тѣмъ, что связывалъ себя съ главнѣйшими направленіями западнорусской жизни. Онъ откликнулся въ XVI столѣтіи на всеобщее въ то время патріотическое направленіе и сталъ во главѣ защитниковъ западнорусской свободы и независимости отъ Польши. Николай Радивилль Черный былъ такъ могуществененъ въ этомъ отношеніи, что при немъ немисливо было соединеніе Литвы съ Польшей, и всѣ сеймы, созываемые для этой цѣли, кончались ничѣмъ. Слабѣ защищалъ Литву отъ Польши преемникъ его значенія Николай-Христофоръ Радивилль, но и около него

группировались еще почти всѣ лучшіе поборники западнорусской независимости. Седьмой томъ Археографическаго сборника даетъ намъ нѣсколько писемъ Литовцевъ къ Радивиллу съ Люблинскаго сейма, писемъ, которыя представляютъ новое подтвержденіе, что Люблинская унія 1569 г. была приведена къ концу только благодаря всякимъ неправдамъ и давленіямъ со стороны короля и Поляковъ, и благодаря раздору между сѣверозападною и югозападною Россіей, или какъ тогда называли, между Литвой и Волынью.

Съ паденіемъ западнорусской независимости не пало однако значеніе Радивилловъ, потому что оно основывалось на ихъ сочувствіи къ другимъ направленіямъ западнорусской жизни, выражавшимъ также любовь къ родному. Принятіе болѣе видными Радивиллами протестантства собрало около нихъ большинство проповѣдниковъ религіозной свободы и умѣренныхъ, и крайнихъ. Седьмой томъ Археографическаго сборника не представляетъ богатыхъ данныхъ объ этой сторонѣ дѣятельности Радивилловъ. Помѣщенныя въ немъ нѣсколько писемъ протестантскихъ пасторовъ относятся къ позднѣйшему времени, когда протестантство уже падало, и писаны изъ такихъ мѣстностей, въ которыхъ русская жизнь не могла дать ему развиваться. Несравненно болѣе важное значеніе имѣютъ помѣщенные въ предисловіи сборника значительные отрывки изъ Несвижскаго кальвинскаго катихизиса 1562 года. Не останавливаясь на разборѣ этого памятника, обратимъ вниманіе лишь на то, что онъ писанъ по русски, и что по этому поводу въ посвященіи катихизиса князьямъ Радивилламъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Къ тому тѣжъ и для того (составленъ катихизисъ по русски), обыся ваши княжацкне милости не только въ чужоземскихъ языкѣхъ кохали, але бы ся тежъ ваши княжацкне милости и того здавна славного языка словенскаго розмиловати и онимъ ся бавати (бавити — заниматься?) рачили. Слушная бо речь есть, абы ваши княжацкне милости того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давные предѣи и ихъ княжацкне милости пановѣ отци вашихъ княжецкнихъ милости славне преднейшие предложеньства несутъ“¹⁾. Ужь изъ этого свидѣтельства можно видѣть, что русская народность въ родѣ Радивилловъ не была чуждою. Изъ другихъ свидѣтельствъ это можно видѣть еще яснѣе. Родъ князей Радивилловъ былъ до соединенія Литвы съ Польшей и не малое время послѣ такимъ же русскимъ, какъ и другіе литовскіе роды. Кромѣ того, онъ

¹⁾ Предисловіе, стр. XX.

былъ связанъ многочисленными родственными узами съ русскими родами, долѣе его сохранившими русскую народность. Три княжны Острожскія, выходявшія замужъ за Радивилловъ, роднили ихъ съ домою князей Острожскихъ; кромѣ того, Радивиллы были въ такомъ же родствѣ съ домою князей Слуцкихъ, извѣстныхъ своею любовью къ православію и русской народности. Эти-то связи и закрѣпляли за князьями Радивиллами особенное значеніе въ глазахъ русскаго народа. Какъ велико было это значеніе, можно судить по тому, что князей Радивилловъ называли покровителями православія даже такіе люди, какъ митрополиты Іовъ Борецкій, Петръ Могила, и даже казаки, которые во времена Хмѣльницкаго не разъ ограждали отъ разореній ихъ имѣнія и вообще имѣли съ Радивиллами многочисленныя сношенія ¹⁾. Это же было причиною, что во времена гоненій на православныхъ, эти послѣдніе постоянно обращались къ Радивилламъ за помощію. Особенно часто обращались къ нимъ члены Виленскаго братства, и еще чаще—представители православія въ Слуцкѣ. Слуцкіе архимандриты, жившіе во владѣніяхъ Радивилловъ. Эти же связи повели, наконецъ, къ дружескимъ сношеніямъ съ Радивиллами русскаго правительства при Алексѣѣ Михайловичѣ, Петрѣ I, и далѣе, до времени Екатерины. Седьмой томъ Археографическаго сборника заключаетъ въ себѣ больше всего документовъ, объясняющихъ эти русскія связи Радивилловъ. Понятно поэтому и безъ подробнаго перечисленія этихъ памятниковъ, какъ богато содержаніе этого тома. Въ особенности богаты въ немъ памятники, объясняющіе исторію православія въ Слуцкѣ. Теперь уже можно по нимъ составить исторію Слуцкой архимандріи.

Само собою разумѣется, что на такой сильной и вліятельной родъ не могли не обратить вниманія представители латинопольской силы. Въ то же XVI столѣтіе, когда Радивиллы достигли высшаго могущества, іезуиты овладѣли нѣкоторыми изъ Радивилловъ и воспитали изъ нихъ отчаянныхъ фанатиковъ. Таковы были: Юрій Радивиллъ епископъ Виленскій, неистовый губитель памятниковъ просвѣщенія, и Янушъ Радивиллъ, польскій гетманъ, во времена казацкихъ смутъ сажавшій на колъ цѣлыя сотни людей. Въ седьмомъ томѣ сборника нѣтъ памятниковъ этого рода; есть только памятники, показывающіе какъ бы переходъ Радивилловъ отъ живыхъ силъ западнорусскихъ на сторону

¹⁾ Этою любовью Русскихъ особенно пользовался Христофоръ Радивиллъ, гетманъ Литовскій.

мрачныхъ,— это именно письма къ Радивилламъ разныхъ духовныхъ униатскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, если сопоставить ихъ съ письмами отъ православныхъ, тутъ же напечатанными, представляютъ любопытное явленіе. Обѣ стороны одинаково разчитывали на вниманіе и покровительство Радивилловъ, и эти послѣдніе то и дѣло должны были разрѣшать не разрѣшимое въ ихъ время противорѣчіе — совмѣщать интересы православія и униі. Нензбѣжно являлось у Радивилловъ раздвоеніе симпатій, и подъ ихъ ногами колебалась историческая почва. Это особенно ясно въ ихъ отношеніяхъ къ Евреямъ. Къ такимъ великимъ господамъ, каковы были Радивиллы, не могли не подойти вслѣдъ за іезуитами Евреи. Они подошли къ нимъ и забрали въ свои руки торговлю въ ихъ городахъ. Гуманность Радивилловъ обнаружила обычное въ Евреяхъ свойство — злоупотреблять всякимъ добромъ. Какъ великіе политики, Евреи поняли, что русская народность и православіе падаютъ въ западной Россіи, и потому позволяли себѣ слишкомъ безцеремонныя отношенія къ православнымъ. Въ седьмомъ томѣ сборника есть нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видно, что Евреи врываются въ дома священниковъ, били ихъ, врываются даже и производили безчиіе въ православныхъ церквяхъ. Въ этомъ же томѣ сборника есть еще одинъ рядъ памятниконъ, не имѣющихъ связи съ вышеочерченными, но очень важныхъ въ исторіи XVIII столѣтія. Это письма представителей русской власти къ Радивилламъ, по поводу крестьянъ, бѣжавшихъ въ Литву изъ Русскаго государства. Они могутъ пригодиться для характеристики послѣдствій Петровскихъ реформъ и Бироновскихъ взысканій недоимокъ.

Въ заключеніе обзора памятниконъ седьмага тома сборника считаемъ нужнымъ прибавить еще, что памятники эти изданы съ рѣдкою тщательностію и ученою обработкою. При каждомъ памятникѣ помѣщено краткое его содержаніе съ большимъ знаніемъ дѣла и часто съ указаніемъ источниковъ для объясненія его.

Осьмой томъ сборника составляетъ какъ-бы дополненіе седьмага. Въ немъ также памятники большею частью изъ фамильнаго архива Радивилловъ, но другой вѣтви — Радивилловъ на Биржахъ и Дубинкахъ, доставшіеся Виленскому учебному округу не по вниманію владѣльца ихъ къ русской наукѣ, а по конфискаціи его имуществъ, какъ повстанца, именно графа Маріана Чапскаго¹⁾, владѣльца Кейданъ, принадлежавшихъ прежде Радивилламъ. Настоящій томъ главнымъ

¹⁾ Предисловіе, стр. 111.

образомъ и составленъ изъ рукописей Кейданскаго архива. Памятники этого тома расположены по слѣдующимъ разрядамъ: 1) Описаніе Жмудской земли — копія 1624 г. съ подлинника, составленнаго въ 1555 г. (напечатана по рукописи Виленской публичной бібліотеки); 2) Владѣнныя записи; 3) Процессы жмудскихъ кальвинистовъ съ католиками; 4) Права и привилегіи, данныя Кейданамъ, и 5) Переписка Януша и Богуслава Радивилловъ съ управляющими.

Составленіемъ этого тома занимались гг. Кашпринъ, Лукашевичъ и Чеховичъ, а изданіемъ завѣдывалъ г. Щербацкій, которому принадлежитъ большая часть переводовъ памятниковъ на русскій языкъ, а также примѣчанія и предисловіе ¹⁾.

По заглавіямъ отдѣловъ памятниковъ можно видѣть, что они касаются исторіи Жмудской земли, и главнымъ образомъ, мѣстечка Кейданъ, въ 47 верстахъ отъ Ковны. Описаніе Жмудской земли — это то же, что наши писцовыя книги. Къ сожалѣнію, издатели опустили перечисленіе крестьянъ, а между тѣмъ оставили вездѣ перечисленіе однѣхъ и тѣхъ же повинностей. По нашему мнѣнію, было бы гораздо лучше избѣгать многократныхъ перечисленій однѣхъ и тѣхъ же повинностей, если уже нужно было сокращать изданіе, и помѣщать всѣ названія крестьянъ. Для филологовъ и для историковъ это перечисленіе очень важно. По нему можно было бы прослѣдить смѣшеніе Бѣлоруссовъ съ Литвинами, а можетъ-быть, и развитіе батрачества.

За этимъ описаніемъ всѣ памятники болѣе или менѣе близко характеризуютъ дѣйствія Радивилловъ. Въ этихъ памятникахъ, какъ и въ Песвижскихъ, высказывается та же гуманность Радивилловъ въ отношеніи къ населенію ихъ владѣній и ихъ отечества. Протестантство, къ которому многіе изъ нихъ принадлежали, пользуется ихъ заботливостію и защитою въ утомительной борьбѣ съ латинянами, особенно съ іезуитами, но въ то же время владѣльцы Кейданъ заботятся о привлеченіи русскаго населенія и о его потребностяхъ — строятъ для него церкви и украшаютъ ихъ. Въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, принимала серіозное участіе жена Януша Радивилла, Марія, дочь волошкаго господаря Могилы.

Особенно ясное доказательство гуманныхъ взглядовъ Радивилловъ представляетъ дарованное ими г. Кейданамъ Магдебургское право. Городъ имѣлъ право выбирать должностныхъ лицъ изъ всѣхъ націй, безъ различія вѣроисповѣданія. Евреи также получили право се-

¹⁾ Предисловіе, стр. XIV.

литься и благоустроиться въ Кейданахъ; но замѣчательно, что здѣсь были приняты нѣкоторыя мѣры противъ злоупотребленій съ ихъ стороны. Евреи должны были селиться только въ назначенныхъ имъ мѣстахъ и не могли приобретать недвижимую собственность отъ христіанъ. Подобное отдѣленіе Евреевъ отъ христіанъ было и въ другихъ мѣстахъ; но въ Кейданахъ вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры и къ сліянію Евреевъ съ христіанами. Такъ, ремесленники изъ нихъ были причислены къ цехамъ христіанъ и должны были нести цеховыя обязанности, кромѣ религіозныхъ, и что особенно замѣчательно, Евреи вмѣстѣ съ христіанами должны были упражняться въ военномъ искусствѣ, которое было поощряемо и у другихъ Радивилловъ, напримѣръ, въ Несвижѣ, гдѣ лучшій стрѣлокъ получалъ званіе короля съ особенными правами и обязанностями¹⁾. Какъ-бы въ благодарность за эти заботы, Янушъ Радивилль находилъ между Евреями самыхъ опытныхъ шпионовъ. Вотъ какъ описывается одинъ изъ нихъ: „Прибыль сюда“, писалъ въ 1660 г. къ Богуславу Радивиллу его Кейданскій староста Оборскій, „Еврей изъ Слуцка съ большою отвагою и опасностію. Онъ имѣетъ письма къ вашей княжеской милости отъ гг. комиссаровъ, хотя подмоченныя и помятыя, но онъ самъ будетъ живымъ письмомъ и сообщитъ вамъ весьма многое. Онъ былъ у самого князя Хованскаго въ кандалахъ, былъ и въ Новогродкѣ, попробовалъ и русской плети, видѣлъ все непріятельское войско и сдѣлаетъ вамъ подробную реляцію обо всемъ. Можете ваша княжеская милость ввѣрить ему свои письма или даже и устно сообщить ему все, что нужно; потому что ему очень легко пробраться чрезъ непріятельскій станъ: говорить онъ какъ природный Русскій, да и осанка его чисто русская; притомъ же не въ первый разъ исполнять ему подобныя порученія“²⁾.

Нужно однако замѣтить, что гуманность Радивилловъ иногда уживалась со странною жестокостію и мало по малу приводила ихъ къ забвенію родины. Такъ Янушъ Радивилль страшно неистовствовалъ надъ русскими народомъ во время казацкихъ смуть и затѣмъ предался было Шведамъ. Главною двигающею силою при этихъ крутыхъ поворотахъ, кромѣ личныхъ особенностей, было протестантство Радивилловъ и болѣе и болѣе частое родство ихъ съ западно-европейскими владѣтельными домами. Идя этимъ путемъ, Радивиллы почти совсѣмъ потерялись для западной Россіи, потянули за собою часть сво-

¹⁾ Уставъ объ этомъ напечатанъ въ т. VII сборника.

²⁾ Стр. 383, русскій переводъ.

ихъ западнорусскихъ имѣній, и что гораздо важнѣе, за ними потянули къ западной Европѣ, то-есть, собственно къ Пруссіи, ихъ многочисленныя послѣдователи, западнорусскіе протестанты. Исторія значительной колонизаціи Жмуди нѣмцами, оживившей не мало и Балтійское нѣмецкое населеніе, находитъ себѣ объясненіе въ исторіи Радивилловъ.

Девятый томъ Археографическаго сборника содержитъ въ себѣ двѣ хроники двухъ замѣчательнѣйшихъ монастырей Гродненской губерніи — Супрасльскаго близъ Бѣлостока и Коложанскаго, развалины котораго находятся въ Гроднѣ, на берегу Нѣмана. Обѣ эти хроники долгое время были въ безвѣстности, и одна изъ нихъ, Супрасльская, нѣкоторое время считалась даже погибшею. О Коложанской хроникѣ первый даль извѣстіе передъ послѣднею смутю покойный астрономъ Гусевъ въ бывшемъ Виленскомъ археологическомъ обществѣ, котораго онъ былъ членомъ, и которому предложилъ издать ее съ русскимъ предисловіемъ, а затѣмъ она перешла въ Виленскую публичную библіотеку. Супрасльскую лѣтопись отыскалъ А. В. Рачинскій и представилъ въ Виленскій учебный округъ. Эти свѣдѣнія мы заносимъ потому, что они, вѣроятно, не были извѣстны почтенному издателю IX-го тома сборника, и потому еще, что они связаны съ именами лицъ, сердечно трудившихся въ западной Россіи въ интересахъ русской науки. Томъ IX-й приготовленъ къ изданію учителемъ Литовской семинаріи г. Демьяновичемъ, принадлежащимъ, вмѣстѣ съ г. Щербацкимъ, также учителемъ Литовской семинаріи, къ немногочисленной еще группѣ мѣстныхъ западнорусскихъ силъ, вооруженныхъ и русскою наукою, и проникнутыхъ любовью къ русскому развитію ихъ родины. Оба эти свойства со всею очевидностію сказываются въ девятомъ томѣ сборника. Изданію предпослано обстоятельное изслѣдованіе Супрасльской и Коложанской хроникъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о Супрасльскомъ и Коложанскомъ монастыряхъ. Обѣ хроники и многіе изъ приложенныхъ къ нимъ документовъ писаны на польскомъ языкѣ. Издатель все это перевелъ на русскій языкъ и обставилъ многочисленными примѣчаніями, заключающими въ себѣ нерѣдко критическія изслѣдованія по тому или другому вопросу. Супрасльская лѣтопись требовала отъ него особеннаго труда. Онъ собралъ относящіяся къ ней документы, разобралъ черновыя записки хроникъ, все это сличилъ и распредѣлил документы въ хронику на соответствующихъ мѣстахъ. Далѣе, онъ приложилъ къ Супрасльской хроникѣ помянникъ этого монастыря и списокъ книгъ, въ немъ изданныхъ.

Обработка IX-го тома живо напоминаетъ седьмой томъ Архео-

графическаго сборника. И о Супрасльскомъ, и о Коложанскомъ монастырѣ въ нашей литературѣ есть уже свѣдѣнія. Въ 1869 году былъ составленъ историческій очеркъ Супрасльскаго монастыря архимандритомъ Модестомъ, бывшимъ тогда инспекторомъ Литовской семинаріи; о Коложанскомъ монастырѣ, то-есть, собственно о его знаменитыхъ развалинахъ, свѣдѣнія помѣщены, между прочимъ, въ *Извѣстіяхъ Археологическаго Общества* за 1861 годъ, а самые рисунки ихъ изданы въ послѣднее время Виленскимъ учебнымъ округомъ въ Памятникахъ Сѣверозападнаго края. Тотъ и другой монастыри вынесли много бурь историческихъ. Одинъ изъ нихъ—Супрасльскій, подражатель въ началѣ Афонской иноческой жизни, служилъ во времена уніи сильнымъ орудіемъ латинской пропаганды, другой—Коложанскій, памятникъ усердія русскихъ князей XII вѣка, послѣ всѣхъ ударовъ челоѣческаго зложелательства, сокрушенъ бурною стихіей—волнами Нѣмана. Въ исторіи того и другаго не мало важное значеніе имѣлъ родъ Ходкевичей, сперва благотворителей ихъ, а потомъ большею частію своекорыстныхъ патროновъ. Весьма желательно, чтобъ было продолжено подобнымъ же образомъ изученіе хроникъ другихъ монастырей. Такъ, намъ извѣстно, что существуетъ хроника Виленскаго Троицкаго монастыря; есть также возможность собрать и издать памятники исторической жизни Виленскаго Духовскаго монастыря и монастыря Жировицкаго.

III.

Нельзя не порадоваться, что въ Вильнѣ, рядомъ съ изданіемъ древнихъ памятниковъ за время литовскаго и польскаго владычества, предпринимается описаніе и печатаніе дѣлъ за время русскаго управленія странюю. Составитель этого описанія г. Энгель совершенно справедливо замѣчаетъ, что архивъ Виленскаго генераль-губернаторства представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для изслѣдователя исторіи Литвы послѣдняго времени. Мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ въ 1862 году, дѣлая нѣкоторыя справки въ этомъ архивѣ по исторіи воссоединенія уніатовъ. Г. Энгель, приступившій къ описанію этого богатаго архива, обѣщаетъ удовлетворить двумъ требованіямъ: административнымъ—при справкахъ въ архивѣ, и ученымъ. Для удовлетворенія послѣднимъ требованіемъ г. Энгель предполагаетъ печатать болѣе важныя бумаги цѣликомъ, но кромѣ того, намѣренъ печатать цѣликомъ и вообще бумаги государственныхъ людей. Первый выпускъ описанія по преимуществу наполненъ бумагами послѣдняго рода. Въ немъ помѣщены главнымъ образомъ случайно попавшія въ

архивъ Виленскаго генераль-губернаторства бумаги князя Н. В. Рѣнина о Турецкой войнѣ, болѣе всего за 1788 — 1789 годы, почти все спеціальнаго, военнаго характера. Безъ сомнѣнія, обнародованіе и этихъ бумагъ принесетъ пользу, но можно опасаться, что печатаніе подобныхъ документовъ замедлитъ обнародованіе другихъ, гораздо болѣе важныхъ и настоятельнѣе нужныхъ. Впрочемъ, и въ этихъ военныхъ бумагахъ, о которыхъ мы не беремъ судить вообще, попадаютъ по мѣстамъ важныя извѣстія о дѣлахъ польскихъ. Такъ, изъ нихъ мы видимъ, что во время второй Турецкой войны Польша постоянно обнаруживала къ намъ враждебныя чувства. Она затрудняла продовольствіе нашихъ войскъ, переходы плѣнныхъ, переѣзды курьеровъ, выдумывала для этого моровое повѣтріе и распространяла между своими украинскими жителями тревожныя слухи о вступленіи въ ея предѣлы русскихъ войскъ. Въ этихъ же бумагахъ попадаютъ отрывочныя извѣстія о волненіи Волынскихъ крестьянъ въ концѣ осьмидесятыхъ годовъ и о вызовѣ оттуда нашихъ маркитантовъ, которыхъ Поляки подозрѣвали въ возмущеніи крестьянъ, и у которыхъ отнимали всякіе ножи ¹⁾. Несравненно больше интереса представляютъ бумаги съ 1793 года, когда къ князю Рѣнину стали доходить извѣстія о майской конституціи (до ея обнародованія), которая, какъ видно, была въ этихъ извѣстіяхъ преувеличена; именно, извѣстія говорили, что Польскій король получилъ почти самодержавную власть, и что вольность крестьянъ и собственность ихъ утверждена (Описаніе, т. II, стр. 480 — 481, 483 — 484). Интересъ документовъ возрастаетъ къ 1793 году, когда русскія власти стали получать извѣстія о готовящемся возстаніи Поляковъ въ Польшѣ и Литвѣ. Наконецъ, во второй части описанія бѣльшая половина занята письмами и бумагами, относящимися до польскаго возстанія 1794 года и до кампаніи противъ Костюшки, то-есть, съ 1-го апрѣля 1794 года до назначенія Н. В. Рѣнина Литовскимъ генераль-губернаторомъ (30-го октября 1794 года).

Памятники эти въ высшей степени замѣчательны. Не вдаваясь въ подробности, напомнимъ только важнѣйшіе эпизоды этой борьбы Русскихъ съ Поляками, окончившейся послѣднимъ раздѣломъ Польши. Наши дѣла въ Польшѣ пришли тогда въ страшный безпорядокъ.

¹⁾ Изъ современныхъ мѣстныхъ извѣстій, въ особенности изъ сочиненія униатскаго протоіерея Бродовича, извѣстно, сколько шуму и бѣдствій народу причинили Поляки въ то время, подозрѣвая Волынскихъ крестьянъ въ намѣреніи поднять бунтъ.

Русскіе люди гибли и не знали, что предпринять. Нашъ главнокомандующій въ Варшавѣ Игельстромъ потерялъ голову. „Нашъ общій другъ Осипъ Андреевичъ“, пишетъ къ Рѣпинну графъ Н. И. Салтыковъ, „послѣ случившагося съ нимъ несчастія (извѣстной катастрофы въ Варшавѣ, когда Поляки напали измѣннически на Русскихъ), сказываютъ, совсѣмъ себя потерялъ и никакъ себя найти не можетъ, бывъ совершенно въ отчаяніи, и сколь дѣла ни дурны, онъ ихъ еще дурнѣе ведетъ“... (II, стр. 707). Дѣла наши въ Литвѣ были не многимъ лучше. Въ Вильнѣ также наше войско подверглось нападенію, и наши отряды были разбросаны по всей странѣ и разобщены. Шляхта поднималась въ повстаніе и стала привлекать крестьянъ то силою, то даже обѣщаніемъ воли. Иноземная интрига собиралась еще ухудшить наши дѣла. Пруссія и Австрія, какъ-бы по взаимному соглашенію, задумали устроить такъ, чтобы наши военныя силы охраняли отъ волненій области ихъ, сосѣднія съ тогдашнею Польшей. Изъ Австрій и особенно изъ Пруссіи слѣдовали настойчивыя представленія, чтобы Россія усмирляла волненіе въ своихъ областяхъ, пограничныхъ съ ихъ государствами. Во второй части Описанія есть любопытныя признанія прусскихъ властей по этому поводу. Кенигсбергскій губернаторъ, генералъ Бринкенъ, писалъ въ 1794 г. 10-го апрѣля къ прусскому министру въ Варшавѣ слѣдующее: „Изъ дошедшихъ ко мнѣ отъ границъ рапортовъ усмотрѣлъ я, что Поляки въ Литвѣ конфедерацію открываютъ; зная притомъ, что наши границы, съ оною провинціей смежныя, недостаточно прикрыты войсками, пріемлю смѣлость, увѣдомляя о томъ ваше высочордіе, просить снести по сему предмету съ его превосходительствомъ г. генералъ-аншефомъ Игельстромомъ и спросить его, сколько въ Литвѣ находится русскаго войска, и гдѣ сколько ихъ расположено, а притомъ, какую я могу отъ нихъ ожидать помощь въ случаѣ нужды. Мнѣ крайне желательно получить скорѣйшій отвѣтъ, чтобы знать, какія принять мѣры, не причиняя его королевскому величеству излишнихъ расходовъ“ (стр. 647—648). Замѣчательно, что нѣкоторые наши военачальники нѣмецкаго происхожденія не видѣли въ этомъ никакой уловки и старались направить наши войска по желанію Пруссіи и Австрій.

Къ счастью, Екатерина II и ея русскіе государственные люди ясно понимали это дѣло и не дали ввести себя въ обманъ: „Вы изъ предыдущихъ и при отправленіи вашему даннаго вамъ наставленія видѣли“, писала Екатерина II къ Игельstromу, „да и самымъ положеніемъ земель, гдѣ расположены войска, вамъ ввѣренныя, конечно

убѣждены, что для пользы дѣль нашихъ важнѣе сохранить спокойствіе по сей сторонѣ Вислы, какъ въ мѣстахъ прилеглыхъ къ предѣламъ имперіи нашей, и воспретить переходъ бунтовщикамъ на правый берегъ сей рѣки, чѣмъ удерживать Варшаву на томъ берегу Вислы, да и совѣмъ въ углу, къ границамъ прусскимъ... Конечно, желательно было бы, чтобы Варшава не соединилась съ бунтовщиками, но сіе еще важнѣе было бы по близости для областей Прусскаго короля, чѣмъ для нашихъ, и могло бы побудить его скорѣе дѣйствовать сильною рукою“ (стр. 662—663). Графъ Салтыковъ даже насмѣхался по этому поводу надъ Игельстромомъ. „Потеря наша въ Польшѣ не столь велика выходитъ“, писалъ Салтыковъ къ Рѣппину, „какъ съ начала быть казалась, а только безурядица великая; вы вслѣдъ сего получите предполагаемыя теперь отъ Игельштрома распоряженія; онъ начинаетъ опять собираться съ духомъ, но по несчастію онъ все стремится къ Кракову и прусской границѣ, а намъ нужнѣе прикрыть свои собственности и не такъ далеко забиваться... а лучше туда оставить дѣйствовать королю Прусскому“ (стр. 727—728). Съ этимъ народнымъ тактомъ правительства находились въ соотвѣтствіи и дѣйствія русскихъ отрядовъ, разбросанныхъ по взволнованной странѣ. За исключеніемъ Варшавской и Виленской катастрофъ, бросающихъ тѣнь на нѣкоторыхъ распорядителей въ нашихъ войскахъ, но бросающихъ также и яркій свѣтъ на войска вообще, ни одинъ нашъ отрядъ въ Литвѣ, о которой собственно и говорятъ памятники Описанія, не взмѣнилъ своему долгу. Какъ ни велики были ихъ затрудненія и безпомощность, ни одному Русскому не приходило въ голову преклониться передъ силою враговъ. Нельзя не замѣтить также, что начальники войскъ, бывшихъ въ Литвѣ, хорошо относились къ народу, понимали его невольное участіе въ бунтѣ и обыкновенно распускали крестьянъ по домамъ, когда тѣ попадались въ шайкахъ. Понятно, что при такомъ правильномъ пониманіи положенія народа западной Россіи, власти эти не могли не встрѣтить сочувствія и поддержки со стороны народа. Въ Описаніи есть нѣсколько случаевъ такого сочувствія и поддержки.

Весьма желательно, чтобы начатое „Описаніе дѣль, хранящихся при Виленскомъ генераль-губернагорствѣ“, продолжалось безостановочно. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый новый томъ его будетъ представлять болѣе и болѣе интереса, особенно если составители его будутъ свободны отъ предубѣжденій противъ гласности, столь частыхъ при подобныхъ дѣлахъ. Нельзя не пожалѣть, что въ Виленскомъ ге-

нераль-губернаторствѣ недостаетъ многихъ подлинныхъ бумагъ польскихъ, какъ это не рѣдко замѣчаетъ составитель Описанія. Мы полагаемъ, что въ случаѣ подобныхъ недочетовъ при будущихъ томахъ, слѣдовало бы держаться правила — давать полнѣе все, что осталось, если дѣло сколько-нибудь важно.

IV.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ нашей литературѣ горячо разъяснялся еврейскій вопросъ, и когда большею частью изслѣдователи его приходили къ заключенію, что это умное племя потому бѣдствуетъ и потому дѣлаетъ такъ много зла христіанскому населенію, что лишено правъ, то люди, близко знакомые съ нашимъ еврействомъ, обращали вниманіе либеральныхъ изслѣдователей его на то, что корень бѣдствій Евреевъ и зла отъ нихъ не въ этомъ, а въ замкнутости ихъ, образовавшейся помимо и гораздо раньше всякихъ преслѣдованій Евреевъ со стороны христіанъ. Заявленіе это не могло, однако, имѣть полной убѣдительности, потому что большинство писавшихъ у насъ въ защиту Евреевъ было совершенно не знакомо съ еврейскимъ бытомъ, да и заявители противоположнаго мнѣнія не имѣли достаточно не опровержимыхъ данныхъ. Они могли описывать послѣдствія еврейской замкнутости, могли говорить о частныхъ проявленіяхъ ея, но знать во всей подробности эту замкнутость и обличать ея систему съ доказательствами въ рукахъ не могли. До этого не допускала таинственность еврейскихъ корпорацій, закрытая еще и внѣшнюю, рѣдко для насъ проникаемую оболочкой — еврейскимъ языкомъ.

Проникнуть въ эту таинственную корпорацію могли только люди, вышедшіе сами изъ еврейской корпораціи и проникнутые любовью къ правдѣ и общему благу. Эту важную и трудную задачу взялся въ 1866 г. выполнить г. Гурвичъ, который, подъ именемъ Правдина, сообщалъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* въ высшей степени важныя свѣдѣнія объ искаженіи здраваго смысла еврейскихъ мальчишковъ въ еврейской школѣ посредствомъ преподаванія талмудическихъ понятій, идущихъ въ разрѣзъ съ общечеловѣческими правилами нравственности и общежитія. Еще съ большею силою выступилъ въ то же время г. Брафманъ, котораго многочисленныя статьи по еврейскому вопросу составляютъ важное приобрѣтеніе для нашей литературы. Почти всѣ статьи г. Брафмана открывали читателямъ путь къ изученію сущности еврейскаго вопроса, то-есть, внутренняго замкнутого быта Евреевъ.

Счастливая случайность доставила въ руки г. Брафмана цѣлое собраніе актовъ изъ этого внутренняго быта, и вотъ часть этихъ-то актовъ и издана теперь г. Брафманомъ подъ заглавіемъ „Книга Кагала“.

Но это заглавіе не совсѣмъ точно. Г. Брафманъ издалъ въ своей книгѣ не одни акты. Онъ разбилъ ихъ на разряды и о каждомъ разрядѣ актовъ дѣлаетъ изслѣдованіе, основанное и на другихъ источникахъ. Въ настоящемъ томѣ помѣщено семнадцать такихъ изслѣдованій. Въ изслѣдованіяхъ, какъ и въ актахъ, объясняются разнообразныя дѣла еврейской жизни — религіозныя, общественныя, семейныя ¹⁾, и всѣ они объединяются тяготѣющаю надъ Евреями высшею ихъ корпораціею—кагаломъ, безъ вѣдома и вліянія котораго ничто въ еврействѣ не дѣлается. Эта страшная корпорація, съ которою можетъ сравниться развѣ только корпорація іезуитская, поражаетъ наблюдателя безсердечною отчужденностію отъ интересовъ страны, отъ общечеловѣческихъ правилъ нравственности и даже отъ блага своихъ же Евреевъ, въ чемъ-либо разошедшихся съ цѣлями кагала, а цѣли эти—эксплуатировать всѣхъ и все въ свою пользу, не стѣсняясь никакими затрудненіями. „Открывая внутреннія пружины еврейскаго общественнаго строя“, говоритъ г. Брафманъ, „эти документы, какъ нельзя лучше уясняютъ, какимъ путемъ и какими средствами Евреи, при самыхъ ограниченныхъ правахъ, успѣвали вытѣснять чужой элементъ изъ городовъ и мѣстечекъ своей осѣдлости, завладѣть капиталами и недвижимымъ имуществомъ этихъ мѣстностей и освобождать ихъ отъ всякой не еврейской конкуренціи при дѣлахъ торговли и ремесленничества, какъ это случилось уже въ западныхъ губерніяхъ Россіи, Польшѣ, Галичинѣ и проч.; какими чудесами цѣлые департаменты—какъ разказываетъ Наполеонъ I въ письмѣ своемъ къ Champragny отъ 29-го ноября 1806 года—очутились въ залогѣ у Евреевъ, въ то время, когда они (Евреи) составляли самое незначительное меньшинство всего населенія имперіи (до 60.000); почему, напримѣръ, въ протестѣ противъ Евреевъ со стороны не еврейскихъ жителей Румуніи мы нишѣ слышимъ тотъ самый голосъ, который раздался между не еврейскими жителями города Вильны въ жалобѣ, поданной ими царю Алексѣю Михайловичу въ 1658 г. ²⁾; почему всѣ государства, то давали Евреямъ, то опять

¹⁾ Дѣла эти до подробностей разобраны были въ газетахъ настоящаго года, и потому мы не останавливаемся на пространномъ изложеніи ихъ.

²⁾ Жители Вильны жаловались тогда Алексѣю Михайловичу, что Евреи завладѣли торговлей и домами внутри города, дѣлаютъ много беззаконій, заглянули городъ; поэтому жители Вильны просили Алексѣя Михайловича вывести Евреевъ

отнимали у нихъ гражданскія права. И наконецъ, что важнѣе всего, въ этихъ документахъ лежитъ ясный отвѣтъ на вопросъ: почему труды и капиталы, посвященные нашимъ правительствомъ дѣлу образованія Евреевъ въ продолженіи текущаго столѣтія, не увѣнчались успѣхомъ“¹⁾).

Всѣ эти мысли почтеннаго издателя дѣйствительно подтверждаются изданными имъ актами, но намъ кажется, что актами и изслѣдованіями г. Брафмана все еще далеко не исчерпывается вопросъ объ еврействѣ, а ждетъ онъ еще новыхъ разъясненій новыхъ документовъ. Такъ, въ изданіи г. Брафмана, при всемъ его богатствѣ, мы не находимъ убѣдительнаго отвѣта на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ касательно еврейства, именно: почему наше правительство и другія никогда не находили при своихъ мѣропріятіяхъ, хотя бы то самыхъ благотворныхъ, поддержки въ самихъ Евреяхъ, а это все равно, какъ если бы спросить: почему въ самомъ еврействѣ не выработалось сильнаго противодѣйствія кагалной корпораціи, противодѣйствія, на которое можно было бы надежно опереться при преобразованіи еврейскихъ порядковъ и надѣяться на успѣхъ? Намъ думается, что г. Брафману не совсѣмъ легко выработать надлежащій отвѣтъ на эти вопросы, при его взглядѣ на еврейство. Г. Брафманъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ ужъ отрываетъ кагалные порядки отъ талмуда, и кромѣ того, слишкомъ отдѣляетъ еврейскую аристократію, управляющую этими порядками, отъ массы еврейскаго племени. Статьи г. Гурвича, о которыхъ мы упоминали, да и нѣкоторыя изслѣдованія самого г. Брафмана въ этомъ же изданіи, какъ то: о богослуженіи въ синагогахъ, о брагѣ, обрѣзаніи, кошерѣ и миквѣ, убѣждаютъ, что кагалъ и талмудъ — одно цѣлое. Такимъ образомъ, кто изъ Евреевъ вздумаетъ ратовать противъ кагала, тому естественно представляется, что онъ ратуетъ противъ талмуда, противъ вѣры; поэтому онъ или бросаетъ свое намѣреніе ратовать противъ кагала, или бросаетъ самое еврейство. Это одна причина, почему между Евреями нѣтъ сильной партіи, противодѣйствующей кагалу. Съ другой стороны, какъ ни тяжелы кагалные порядки для массы Евреевъ, но эта масса хорошо понимаетъ, что они же приносятъ ей и огромную пользу, если она вѣрна кагалу. Подъ защитою кагала все можно сдѣлать: это знаетъ каждый Еврей; то-есть, та страшная

за городъ, за зеленый мостъ, къ тому мѣсту, куда вывозятся городскія нечистоты.

Примѣчаніе М. Колясича.

¹⁾ Предисловіе, стр. V — VI.

нравственная порча, которая выражается во всемъ устройствѣ кагада, глубоко проникла и въ массу еврейскаго народа. Оторвавшись отъ земли на всемъ свѣтѣ, народъ этотъ неизбежно долженъ былъ сомнѣться въ тѣсную, замкнутую корпорацію и устроить свое, особое міросозерцаніе по всемъ вопросамъ и сторонамъ жизни. Вотъ опять почему легче выйти изъ еврейства, нежели, оставаясь въ немъ, бороться съ многовѣковой, всеобъемлющею системою. Однимъ словомъ, зло въ еврействѣ, по нашему мнѣнію, и глубже, и шире, чѣмъ думаетъ г. Брафманъ, и мы очень желали бы, чтобы г. Брафманъ въ слѣдующемъ томѣ или томахъ своего изданія, продолженіе котораго, какъ мы слышали, уже обезпечено, обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла.

V.

Одинъ изъ русскихъ старожилонъ западной Россіи, г. Горбачевскій, давно уже занимается хронологіей западно-русскихъ актовъ и въ 1867 г. издалъ краткія таблицы, необходимыя для разбора и изслѣдованій западно-русскихъ и польскихъ актовъ. Сложность приѣмовъ при пользованіи этими таблицами, при чемъ необходимо было каждому доискиваться требуемаго результата посредствомъ многихъ таблицъ, побудила г. Горбачевского упростить это дѣло, и онъ издалъ теперь Археологическій календарь, не требующій отъ пользующагося имъ никакого труда. Въ этомъ календарѣ два рода таблицъ: въ однѣхъ показаны годы и соотвѣтствующіе имъ индикты, въ другихъ по индиктамъ — всѣ подвижные и нѣкоторые неподвижные праздники и воскресные дни. Особый простой приѣмъ даетъ возможность исправлять неточность въ високосныхъ годахъ. Съ 1583 г. въ таблицахъ показанія чиселъ и дней удвояются для опредѣленія Юліанскаго и Григоріанскаго счета, и показаны способы переложенія одного счета на другой. Кромѣ таблицъ, къ календарю приложены: алфавитная роспись православныхъ святыхъ, роспись святыхъ римско-католическихъ, синхронистическая таблица русскихъ государей, польскихъ королей и литовскихъ великихъ князей, и наконецъ, литовско-польская метрологія.

Нельзя не быть благодарнымъ г. Горбачевскому за этотъ его многолѣтній и полезный трудъ, который много сэкономитъ времени у изслѣдователей западно-русскихъ древностей. Но въ этой спокойной работѣ есть нѣкоторыя увлеченія системою. Такъ, между прочимъ, зававшись мыслию, что наши лѣтописцы не всегда держались Кассіодоровскаго счисленія 5508 лѣтъ отъ сотворенія міра, а считали

по болѣе древнему счету 5500 лѣтъ, почтенный авторъ прилагаетъ это начало къ нѣкоторымъ событіямъ нашей исторіи, и такимъ образомъ выходитъ, напримѣръ, что Олегъ умеръ не въ 912, а въ 920 г., или что Ольга крещена въ Константинополь въ 963 году, когда уже не было въ живыхъ Константина Багрянороднаго, описавшаго придворные приемы Ольги при немъ; эти странности тѣмъ настойчивѣе приводятся авторомъ, что по его вычисленію недѣльные дни лѣтописей какъ разъ приходятся по его счету. Объ этихъ странностяхъ нельзя не жалѣть, потому что въ другихъ отношеніяхъ календарь г. Горбачевского долженъ быть признанъ весьма практическимъ.

Въ заключеніе нашихъ краткихъ замѣтокъ о Виленскихъ изданіяхъ считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ для разъясненія вопроса, поставленнаго въ концѣ первой главы нашей статьи, то-есть, для оцѣнки вообще направленія археографическихъ работъ въ Вильнѣ. Мы видимъ, что въ Вильнѣ въ самое короткое время появилось большое количество археографическихъ изданій, что большая часть ихъ исполнены лицами, какъ-бы случайно взявшимися за дѣло, и что всѣ эти изданія сдѣланы на счетъ правительства. Очевидное дѣло, что со стороны правительства здѣсь самое внимательное участіе къ этимъ случайнымъ трудамъ и даже какъ-бы особенное, усиленное покровительство имъ. Это дѣйствительно такъ, и покажется иначе и быть не можетъ, при нынѣшнихъ ученыхъ средствахъ Вильны. Ученія работы тамъ, дѣйствительно, — счастливая лишь случайность, за которую всегда приходится опасаться, что вотъ она исчезнетъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ Виленская археографическая коммиссія, которая при всемъ видимомъ богатствѣ въ Вильнѣ ученыхъ силъ для археографическихъ работъ, какое сказывается въ рассмотрѣнныхъ нами изданіяхъ, до сихъ поръ не можетъ устроиться надлежащимъ образомъ, и почтенному предсѣдателю которой приходится преодолевать чрезвычайныя затрудненія. Причина всѣхъ этихъ случайностей и затрудненій одна и та же — отсутствіе въ Вильнѣ постоянныхъ ученыхъ силъ, отсутствіе, которое постоянно будетъ продолжаться и сказываться до тѣхъ поръ, пока тамъ не будетъ учреждено высшее заведеніе историко-филологическаго характера, свѣтское или духовное.

М. Кояловичъ.

Prooemium, quo scholas suas, de Historia Litterarum Romanarum in Caesarea Litterarum Universitate Charcoviensi habendas, aperuit *A. L. Döllen*. Charcoviae. Typis Universitatis Caesareae Charcoviensis. MDCCCLXIX.

Не такъ давно г. Делленъ подарилъ русскую учебную литературу двумя весьма видными трудами — изданіемъ Юбилейнаго Гимна Горація (*Carmin Saeculare Horatii*. Съ введеніемъ и подробнымъ комментариемъ профессора *A. Деллена*. Кіевъ, 1865) и Тацитовой Германіи (*Cornelii Taciti Germania*. Съ подробнымъ комментариемъ и введеніемъ издалъ *A. Делленъ*. Кіевъ, 1867)¹⁾, гдѣ мы впервые встрѣчаемъ на русскомъ языкѣ достаточно полное и многостороннее объясненіе этихъ двухъ замѣчательныхъ памятниковъ римской лирики и исторической прозы. Утверждать такъ не препятствуютъ намъ ни слишкомъ краткій комментарий къ упомянутому гимну старова Московскаго изданія сочиненій Горація (*Q. Horatii Flacci Opera. E recensione Pr. Cel. Buhle, cum commentario, ex Sano desumpto. Mosquae. Typis Caesareae Universitatis, 1823*)²⁾, ни два существующіе русскіе перевода Тацитовой Германіи — старый Василія Свѣтова (О положеніи, обычаяхъ и народахъ (древней) Германіи. Изъ сочиненій Кая Корнелія Тацита. Переведено съ латинскаго Академіи наукъ переводчикомъ *Васильемъ Свѣтовымъ*. Спб., 1772) и недавній — г. Нейкирка (Книга К. Корнелія Тацита — о положеніи, нравахъ и народахъ Германіи. Перевелъ *Г. Нейкиркъ*. Одесса, 1867), въ которыхъ комментарий отведено лишь самое незначительное мѣсто³⁾.

И вотъ, предъ нами новый печатный трудъ почтеннаго профессора — „Введеніе въ исторію римской литературы“. Это первая лекція, читанная имъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, по оставленіи каѳедры въ Кіевѣ. Содержаніе чтеній, по дѣленію самого

¹⁾ Критическій разборъ того и другаго труда сдѣланъ И. В. Помяловскимъ въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1868 года, № 12, стр. 926 и слѣд.

²⁾ Кстати замѣтимъ здѣсь, что напрасно г. К. Олевинскій, авторъ недавно появившейся брошюры о Гораціи (Нѣкоторыя стихотворенія Квинта Горація Флакка. Біографическій очеркъ жизни поэта и примѣчанія. Составилъ преподаватель Орловской гимназій *К. Олевинскій*. Москва, 1870 года), утверждаетъ (стр. 2), будто до 1869 года не было ни одного изданія одъ Горація съ комментаріями на русскомъ языкѣ. Названное нами Московское изданіе 1823 года заключаетъ въ себѣ русскій комментарий ко всѣмъ одамъ, эподамъ и *Carmin saecularo* (стр. 301 и слѣд.) во сто шестьдесятъ шесть страницъ; см. стр. 137 и слѣд. Для полноты укажемъ и на комментарий къ одамъ Горціи русскаго переводчика ихъ г. Феть, хотя и не строго научный.

³⁾ В. Свѣтовъ объяснялъ только два слова — *есрраты* и *битаты*. См. стр. 8.

автора, распадается на слѣдующіе отдѣлы: § 1. De notione historiae litterarum (стр. 2 и слѣд.); § 2. De optima ratione docendae historiae litterarum (стр. 3 и слѣд.); § 3. De nomine, argumento, ambitu et utilitate historiae litterarum Romanarum (стр. 5 и слѣд.); § 4. De fontibus historiae litterarum Romanarum (стр. 9 и слѣд.); § 5. De optimis, quae in discenda litterarum Romanarum historia suppetunt, praesidiis (стр. 11 и слѣд.); § 6. De origine et proprietate linguae latinae (стр. 31 и слѣд.); § 7. De indole et ingenio populi Romani (стр. 70 и слѣд.). Изъ всего этого мы остановимся, по степени важности предмета, на четвертомъ и пятомъ параграфахъ — объ источникахъ и пособияхъ для изученія исторіи римской литературы.

Изученіе источниковъ для исторіи древне-римской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ становится особенно нужнымъ въ настоящее время, въ виду все болѣе и болѣе накапливающейся массы работъ въ западно-европейской литературѣ, поражающихъ, при одинаковости содержанія, діаметрально противоположностью конечнымъ выводомъ. Чтобы не потеряться въ этомъ разнообразіи ученыхъ направленій, для этого намъ кажется необходимымъ начать изученіе исторіи римской литературы съ самыхъ источниковъ, необходимо познакомиться съ предметомъ въ немъ самомъ, и потомъ уже приступить къ богатой его разработкѣ въ ново-европейскомъ мірѣ. Придавая столь важное значеніе изученію источниковъ нашего предмета, мы надѣялись въ отдѣлѣ чтеній г. Деллена—De fontibus historiae litterarum Romanarum встрѣтить не только перечень ихъ, но и возможно полную характеристику, вмѣстѣ съ указаніемъ, какъ ими пользоваться. Къ сожалѣнію, почтенный авторъ былъ слишкомъ кратокъ въ этомъ отдѣлѣ своего труда, кратокъ болѣе, чѣмъ это было нужно въ интересахъ слушателя и читателя.

Справедливо полагая источниками своего предмета всѣхъ римскихъ писателей на томъ естественномъ основаніи, что нигдѣ лучше не видны свойства писателя, какъ изъ его собственныхъ произведеній, и что самыя важныя свидѣтельства о писателяхъ находятся въ самой римской литературѣ, тѣмъ болѣе, что весьма многіе (plurimi) изъ Римлянъ съ особеннымъ стараніемъ и любовію излагали или какую-нибудь опредѣленную и всегда одну и ту же отрасль исторіи литературы, или по крайней мѣрѣ, въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій дали много важныхъ и мѣткихъ отзывовъ о различныхъ писателяхъ своего народа, г. Делленъ, къ сожалѣнію, какъ-будто мимоходомъ перечисляетъ нѣкоторыхъ изъ этихъ plurimi. Называя Цицерона и Квинти-

ліана главнѣйшими источниками для исторіи римскаго краснорѣчія и Марка Теренція Варрона — источникомъ (хотя и скуднымъ) и для исторіи римской поэзіи, почтенный авторъ, не говоря ужъ о болѣе или менѣе удовлетворительной специальной характеристикѣ цитуемыхъ источниковъ, что въ интересахъ читателя было бы также необходимо, обходить глухимъ молчаніемъ даже заглавія сочиненій, главнымъ образомъ посвященныхъ названными писателями этимъ двумъ отраслямъ исторіи своей національной литературы. Много времени и труда напрасно положилъ бы человекъ, въ первый разъ знакомящійся по сочиненію г. Деллена съ характеристикой источниковъ исторіи римскаго краснорѣчія, если бы самъ, безъ предварительнаго указанія, взялся за Квинтилиана съ первой книги его *Institutionis Oratoriae*, когда для этой цѣли ему всего болѣе необходима десятая книга (*Institutionis Oratoriae, Liber X-us*). Равнымъ образомъ было бы болѣе цѣлесообразнымъ, говоря о Цицеронѣ, какъ историкѣ римскаго краснорѣчія, указать прямо на специальное его сочиненіе *Brutus*.

Трудно согласиться съ почтеннымъ профессоромъ въ превосходствѣ метода и дальнѣйшаго изложенія источниковъ исторіи римской литературы, гдѣ онъ также кратко и безъ достаточной критики ограничивается голословнымъ перечнемъ именъ писателей, нужныхъ для историка. Для наглядности приведемъ слѣдующее сообщеніе г. Деллена въ подлинникѣ: „*Sub imperatoribus simul cum commentariis in scriptores classicos, quos vocant, compositis increbuerunt miscellanea ad litteras spectantia, quo in genere excelluerunt Hyginus, Suetonius, Gellius et Macrobius. Ceterum de rebus nonnullis, praecipue quae suis cujusque temporibus in litteris actae sunt, testes haud contemnendi laudantur Cicero, uterque Seneca, Plinius uterque, Fronto, Nonius, Aelius Donatus, Hieronymus, Ausonius, Symmachus, Festus, Servius Maurus Honoratus*¹⁾, *Charisius, Diomedes, Apollinaris Sidonius, Priscianus*.... *Ex graecis scriptoribus praeter Dionysium Halicarnassensem et Plutarchum, qui inprimis hoc loco nominandi sunt, historiam litterarum Romanarum passim in operibus suis attingerunt Polybius, Appianus, Athenaeus, Dio Cassius, Joannes Laurentius Lydus, Georgius Syncellus et Suidas*“. Не говоря о настоятельной необходимости точно

¹⁾ Не знаемъ, почему обойдены полнымъ молчаніемъ схоласти Горация — Аско, Порфирио и Scholiasta Cruquianus, болѣе важные для историка римской литературы, чѣмъ Servius Maurus Honoratus, славный комментаторъ Вергилія, и Q. Asconius Pedianus, не менѣе знаменитый комментаторъ Цицерона? Ср. R. Klotz, *Handbuch der lateinischen Litteraturgeschichte*, ч. I, стр. 105.

обозначать заглавіе сочиненій каждаго изъ поименованныхъ здѣсь писателей, по нашему крайнему разумѣнію, авторъ оказалъ бы существенную услугу и своимъ слушателямъ, и читателямъ, давъ болѣе полную характеристику этихъ источниковъ и сдѣлавъ критическую оцѣнку имъ. А то, судя по порядку, въ которомъ размѣщены поименованные писатели, можно прійти къ заключенію, что К. Юлій Гигинъ въ своихъ *Poeticon astronomicon libri IV* и *Liber fabularum* (С. Julius Hyginus) даетъ болѣе извѣстій историко-литературнаго свойства, чѣмъ К. Светоній Транквиллъ (С. Suetonius Tranquillus) своими *Liber de illustribus Grammaticis*; *Liber de claris Rhetoribus*; *Vitae Terentii Horatii, Persii, Lucani, Juvenalis*, или чѣмъ Авлъ Геллій (Aulus Gellius) въ *Noctum Atticarum libri XX*. Съ другой стороны, отсутствіе критической оцѣнки указанныхъ писателей можетъ привести не знакомаго съ дѣломъ читателя къ слишкомъ большому довѣрію къ источникамъ мутнымъ, въ родѣ *De compendiosa doctrina per litteras ad filium*, Нонія Марцелла (Nonius Marcellus и т. п.). Впрочемъ, въ этой части разсматриваемаго нами отдѣла чтеній г. Делленъ говоритъ еще значительно полнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ онъ опускаетъ изъ виду самія имена писателей, какъ напримѣръ, въ слѣдующемъ сообщеніи объ источникахъ исторіи римской поэзіи: „*Pauca tantum de iis (с. с. de vitis et operibus poetarum) nobis offerunt M. Terentius Varro et scriptores proxime eum secuti*“¹⁾). Не знаемъ, почему бы, напримѣръ, не только не указать, но и по возможности не уяснить подробно важнаго историко-литературнаго значенія I-го посланія II книги или 4-й и 10-й сатиръ I книги Горація?

Мы не рѣшились бы заявлять своей жалобы автору на его излишнюю краткость, могущую имѣть мѣсто развѣ въ общемъ заключительномъ обзорѣ всего курса, когда одного имени бываетъ достаточно для того, чтобы возбудить въ воспоминаніи факты, прежде вошедшіе въ наше сознаніе, если бы изъ другихъ сочиненій г. Деллена мы не были близко знакомы съ его обычаемъ давать въ обильномъ количествѣ подробныя цитаты, и если бы не видѣли соблюденія того же приѣма (хотя до нѣкоторой только степени) въ слѣдующемъ за нимъ отдѣлѣ его чтеній—*De optimis, quae in discenda litterarum Romanarum historia suppetunt, praesidiis*, къ разсмотрѣнію котораго и переходимъ.

Здѣсь прежде всего поражаетъ насъ обиліе пособій, предлагаемыхъ и рекомендуемыхъ авторомъ для изученія своего предмета. По-

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ рецензенту.

собія эти — и прямыя, и косвенныя: энциклопедіи классической древности Греціи и Рима (стр. 11 и слѣд.), энциклопедіи исключительно римской древности (стр. 12), энциклопедіи, въ которыхъ греко-римская древность излагается въ алфавитномъ порядкѣ (стр. 12 и слѣд.); пособия по всеобщей исторіи литературы (стр. 13 и слѣд.); труды по исторіи греко-римской (стр. 16 и слѣд.); пособия по исторіи римской литературы въ частности (стр. 19 и слѣд.); произведенія, лишь только между прочимъ, только нѣкоторыми частностями относящіяся къ римской словесности (стр. 23 и слѣд.); сборники біографій греко-римскихъ писателей и исключительно римскихъ (стр. 25); сборники бібліографическаго характера по римской литературѣ (стр. 26); каталоги сочиненій по литературѣ и искусству всѣхъ народовъ (стр. 26 и слѣд.) и по греко-римской литературѣ и въ особенности по искусству (стр. 28); указатели старинныхъ переводовъ греческихъ и римскихъ писателей на языки англійскій, италіанскій, нѣмецкій, французскій (стр. 30); собранія сочиненій римскихъ писателей (стр. 30 и слѣд.).

Широта плана въ изложеніи пособій по исторіи римской литературы напоминаетъ намъ подобное же изложеніе этого предмета у Рейнгольда Клоца, въ его *Handbuch der lateinischen Litteraturgeschichte. Nach den Quellen bearbeitet von Dr. Reinhold Klotz. Leipzig, 1846* (ч. I, стр. 140 и слѣд.). Разница въ порядкѣ и опущеніи нѣкоторыхъ рубрикъ и въ большемъ обиліи заглавій по нѣкоторымъ изъ указанныхъ отдѣловъ нашего автора. Но сообщеніе матеріала въ такой массѣ отозвалось у г. Деллена 1) бѣдностью критики рекомендуемыхъ пособій, 2) почти глухимъ умолчаніемъ о русскихъ работахъ по классической литературѣ вообще и по римской въ частности, 3) нѣкоторыми неточностями въ цитатахъ и 4) опущеніемъ вещей существенно важныхъ и необходимыхъ для каждаго филолога, изучающаго древне-римскій міръ.

1) Изъ перечисленныхъ авторомъ приблизительно 148 пособій (не считая переводовъ ихъ на другіе языки и повторенія изданій), всего лишь на пять сочиненій пало по нѣскольку одобрительныхъ словъ (стр. 12 — объ *Encyclopädie der klassischen Alterthumskunde, ein Lehrbuch für die oberen Klassen gelehrter Schulen von L. Schaaff. V-te Ausg. umgearb. v. Ed. Horrmann. Magdeburg, 1849; стр. 22 — о Geschichte der römischen Litteratur, von J. Chr. Fel Bähr. Dritte durchaus verbesserte und vermehrte Ausgabe. Carlsruhe, 1844—1845; на той же и слѣдующей страницахъ — о Grundriss der römischen Litteratur v. Gottfr. Bernhardt. Vierte Bearbeitung. Halle, 1865; стр. 23 — о*

Geschichte der römischen Litteratur. Für Gymnasien und höhere Bildungsanstalten von Dr. *Eduard Munk*. III. Berlin, 1858—1861; стр. 30 — замѣчаніе въ 1½ строки о Repertorium der classischen Philologie von *G. Mühlmann* und *Ed. Jenicke*. Leipzig, 1844—1847). Все остальное поименовано безъ специальныхъ примѣчаній, исключая, впрочемъ, еще *Jo. Alb. Fabricii Bibliotheca Latina*, о которой сказано, что сочиненіе это много ниже *Bibliotheca Graeca* того же автора (*Ceterum hic liber Fabricii multo est inferior, quam ejusdem Bibliotheca Graeca*, стр. 19).

При такой незначительности критическаго аппарата, человѣку неориентированному въ предметѣ, простой перечень сочиненій едва ли можетъ принести столько пользы, сколько было бы желательно. При пересмотрѣ этого каталога г. Деллена невольно спрашиваешь себя, съ чего начать чтеніе пособія, на какое изъ нихъ преимущественно обратить вниманіе, — и какъ во всякомъ каталогѣ, не находишь отвѣта на эти запросы.

2) Въ массѣ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ пособій по изученію римской литературы, изъ русскихъ работъ по классической филологіи г. Делленомъ упомянута лишь слѣдующая книга: *Эшенбургъ*. Ручная книга древней классической словесности, содержащая: I) Археологію, II) Обзоръ классическихъ авторовъ, III) Мѣтологію, IV—V) Древности греческія и римскія; умноженная *Крамеромъ* и дополненная *Н. Кошанскимъ*. С.-Пб., 1816. Странно видѣть это одинокое заглавіе устарѣвшей книги и опущеніе другихъ русскихъ трудовъ, особенно когда отведено столько мѣста для перечня многихъ иностранныхъ пособій, за которыми почтенный профессоръ, конечно, не признаетъ первостепеннаго научнаго значенія.

Не говоря ужъ о томъ, что для всякаго Русскаго, занимающагося изученіемъ античнаго міра, естественно внимательно слѣдить, изъ интересовъ чисто національныхъ, за разработкою классической филологіи въ нашемъ отечествѣ, чтеніе и изученіе русскихъ трудовъ по классическому міру для многихъ, особенно на первыхъ порахъ, при недостаточности свѣдѣній въ иностранныхъ языкахъ, остается едва-ли не единственнымъ средствомъ къ филологическому образованію. Встрѣтить указаніе на существующія русскія сочиненія и на критическую оцѣнку ихъ было бы всего естественнѣе въ руководствѣ, предназначенномъ главнымъ образомъ для русскихъ читателей, хотя, къ сожалѣнію, написанномъ и не по русски. По нашему крайнему разумѣнію, едва-ли справедливо игнорировать въ университетскомъ

курсѣ произведенія отечественной литературы по классическому и въ частности по римскому міру, даже въ томъ случаѣ, если бы они совсѣмъ не выдерживали научной критики. Изученіе ошибокъ предшественниковъ въ наукѣ неминуемо должно привести позднѣйшаго дѣятеля къ избѣжанію ихъ въ своихъ работахъ, если только изученіе ведено путемъ вполне научнымъ. Наконецъ, точное обозначеніе немногочисленныхъ русскихъ работъ въ курсахъ классической древности препятствовало бы появленію нерѣдкихъ ошибокъ въ библиографіи¹⁾. Въ виду всего этого, мы позволяемъ себѣ пополнить разсматриваемый нами отдѣлъ чтеній г. Деллена слѣдующими данными, хотя къ сожалѣнію, также не исчерпывающими всего предмета.

Стр. 12. Второе отдѣленіе перваго тома сочиненія Шаффа (L. Schaaff): „Encyclopädie der classischen Altherthumskunde“ въ переводѣ Гормана (Ed. Hottmann) переведена на русскій языкъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Очеркъ исторіи римской литературы. Сочиненіе *Шаффа* и *Гормана*. Перевелъ съ нѣмецкаго кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Н. Соколовъ*. Москва, въ университетской типографіи, 1856.—Книга эта существенно важна для начинающаго изучать исторію римской литературы по библиографическимъ сообщеніямъ о русскихъ изданіяхъ и переводахъ римскихъ авторовъ и о русскихъ изслѣдованіяхъ по римской словесности. Въ своихъ прибавленіяхъ переводчикъ воспользовался всѣмъ, что могли доставить ему словарь русскихъ книгъ Сопикова (Опытъ російской библиографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на славянскомъ и російскомъ языкахъ отъ начала заведенія типографій до 1813 года, съ предисловіемъ, служащимъ введеніемъ въ сію науку, совершенно новую въ Россіи, съ исторіей о началѣ и успѣхахъ книгопечатанія какъ въ Европѣ вообще, такъ и особенно въ Россіи, съ примѣчаніями о рѣдкихъ древнихъ книгахъ и ихъ изданіяхъ и съ краткими изъ оныхъ выписками. Собралъ изъ достовѣрныхъ источ-

¹⁾ Скажемъ кстати: напрасно почтенный профессоръ П. В. Тихоновичъ приписываетъ г. Я. Кремеру первую мысль объ изданіи Ксенофонта Анавазиса съ русскимъ словаремъ (см. августовскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1870 года, стр. 222 и 239), когда за двадцать девять лѣтъ до него въ Москвѣ докторъ К. Зедергольмъ издалъ то же, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Xenophonos Anabasis Korois*. Походъ Кира младшаго. По тексту, разсмотрѣнному Кригеромъ, съ объясненіями и словаремъ издано докторомъ *К. Зедергольмомъ*. Москва, 1840 года.—Здѣсь словарь занимаетъ 119 страницъ. Не время и не мѣсто разсматривать въ нашей замѣткѣ, на сколько словарь г. Кремера независимъ отъ словаря К. Зедергольма.

никовъ *Василій Сопиковъ*. 5 частей. С.-Пб., 1813 — 1821), каталогъ Смирдинской бібліотеки (Роспись російскимъ книгамъ для чтенія изъ бібліотеки А. Смирдина, систематическимъ порядкомъ расположенная. Спб., 1828 — 1832. — Третье прибавленіе къ Росписи російскихъ книгъ для чтенія изъ бібліотеки Петра Крашенинникова. Продолженіе къ прежде изданнымъ Росписямъ Смирдина. С.-Пб., 1852) и письменный каталогъ извѣстнаго нашего бібліографа Н. С. Тихонравова, профессора Московскаго университета.

Тамъ же, изъ сочиненія Коппа (Kopp): *Römische Litteraturgeschichte und Alterthümer für höhere Lehranstalten bearbeitet* — сдѣланъ русскій переводъ — Римскія древности. Описаніе государственнаго устройства, частной жизни и военнаго дѣла Римлянъ, д-ра *Коппа*. Съ примѣчаніями, дополненіями и политипажами важнѣйшихъ предметовъ. Москва, 1868.

Стр. 13. О Reallexicon des classischen Alterthums für Gymnasien. Im Vereine mit mehreren Schulmännern herausgegeben von *Fr. Lübker*, см. *Журн. Мин. Народн. Просв.* т. XCVII, стр. 57 и слѣд., ст. профессора Н. М. Благовѣщенскаго. Ему же принадлежитъ разборъ *Geschichte der römischen Litteratur. Für Gymnasien und höhere Bildungsanstalten* von Dr. *Eduard Munk*. III Bde. Berlin, 1858 — 1861, въ CXIII томѣ того же *Журнала* (III отд. стр. 95 и слѣд.), равно какъ и очень полный разборъ IV тома *Прописей въ Отечественныхъ Запискахъ* 1855 года, № 11 и 12 и 1856 года, № 3.

Стр. 23. Странно, какъ г. Делленъ не помѣстилъ подъ рубрикой „*Multa ad historiam litterarum Romanarum pertinentia continent libri hi*“ нашего превосходнаго сборника по классической древности, которымъ гордится русская ученая литература; мы разумѣемъ — *Прописей*. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый *П. Леонтьевымъ*. — Чтеніе и изученіе трудовъ, представляемыхъ въ обильномъ количествѣ этимъ сборникомъ, значительно облегчило бы русскому любителю античнаго міра знакомство съ нѣмецкими сочиненіями по однороднымъ вопросамъ. Лучшіе разборы *Прописей*, хотя и не столь подробные, какъ выше названный, принадлежитъ Б. И. Ординскому (разборъ I тома въ XXVII томѣ *Современника*, отд. III, стр. 33 и слѣд.), А. И. Георгіевскому (разборъ II тома въ XXXVI томѣ *Современника*, отд. III, стр. 1 — 18; III тома въ XCI томѣ *Отечественныхъ Записокъ* отд. IV, стр. 1 — 32) и С. Д. Шестакову (см. *Отечественныя Записки*, т. LXXXII, V отд., стр. 49 и слѣд.).

Тамъ же, подъ тою же рубрикою слѣдовало указать и на Энци-

Энциклопедическій Словарь, составленный русскими учеными и литераторами (С.-Пб., 1861—1863), къ сожалѣнію скоро остановившійся.

Стр. 31. Къ собранію римскихъ классиковъ умѣстно было бы причислить и Библиотеку греческихъ и латинскихъ писателей съ примѣчаніями и словарями для среднихъ учебныхъ заведеній, издавасмую *И. Леонтьевымъ*, Москва, 1867, — хотя подвигающуюся очень медленно.

3) Неточности въ цитатахъ (конечно, легко объясняемая и опечатками), на сколько мы могли провѣрить ¹⁾, оказываются въ слѣдующихъ строкахъ:

Стр. 11. Седьмое изданіе книги Эшенбурга (J. J. Eschenburg) *Handbuch der klassischen Litteratur* вышло въ 1825 году (*Johann Joachim Eschenburg's Handbuch der klassischen Literatur. Siebente verbesserte und vermehrte Auflage. Berlin und Stettin, 1825*), а не въ 1827 году, какъ читаемъ у г. Деллена.

Стр. 12, *Fr. Aug. Wolf's Vorlesungen über die Alterthumswissenschaft* (или по другому заглавію, *Vorlesungen über die Encyclopädie der Alterthumswissenschaft*), herausgegeben von *J. D. Gürtler*, начали выходить съ 1831, а не 1832 года, какъ говоритъ г. Делленъ: къ этому послѣднему времени относится уже третій томъ Энциклопедіи Вольфа, явившійся подъ специальнымъ заглавіемъ: *Vorlesungen über die Geschichte der Römischen Literatur*.

Стр. 13. Первый томъ (А—К) труда Ф. К. Крафта (F. K. Kraft) и К. Мюллера (C. Müller): *Real-Schullexicon für die studierende Jugend. Eine ganzliche Umarbeitung von C. Ph. Funke's kleinem Real-Schullexicon* напечатанъ въ Альтонѣ въ 1846—1848 годахъ. Не могли мы найти, гдѣ и когда напечатанъ второй томъ отъ L до Z, о которомъ говорится у г. Деллена.

Стр. 27. *Allgemeines Bücherlexicon.... von Wilhelm Heinsius. Neunter Band, welcher die von 1835 bis Ende 1841 erschienenen Bücher und die Berichtigungen früher Erscheinungen enthält. Bearbeitet und herausgegeben von Otto August Schultz. Erste Abtheilung (A—L). Leipzig, 1846. Zweite Abtheilung (M—Z). Leipzig, 1849.* Вотъ годы выхода этого тома; не знаемъ, почему г. Делленъ показываетъ его подъ 1843 годомъ. Правда, подъ тѣмъ же 1843 годомъ обозначенъ онъ и у Рейнгольда Клоца (*Handb. d. Lat. Literaturgesch.*, стр. 144); но его показаніе въ этомъ случаѣ не точно.

¹⁾ Большой части цитатъ г. Деллена мы не провѣряли по личному вѣдѣнію книгъ подъ руками.

Тамъ же. Allgemeines Bibliographisches Lexicon von *F. A. Ebert* появился въ теченіе 1821—1830, а не 1821—1831 годовъ, какъ читаемъ у г. Деллена. То же самое должны мы сказать и объ явно ошибочной цитатѣ Клоца (тамъ же, стр. 143).

Стр. 28. На первомъ листѣ труда Керара (*J. M. Quérard*): *La France Littéraire ou Dictionnaire Bibliographique des savants, historiens et gens de lettres de la France, ainsi que des littérateurs étrangers qui ont écrit en français, plus particulièrement pendant les XVIII-e et XIX-e* (но не просто XVIII et XIX, какъ читаемъ у г. Деллена) siècles. Par *J. M. Quérard*. Paris, MDCCCXVII, — а не 1828, какъ показано у г. Деллена.

4) Позволимъ теперь отмѣтить тѣ опущенія въ трудѣ г. Деллена, которыя становятся замѣтными съ перваго взгляда.

Стр. 13 Къ двумъ упоминаемымъ г. Делленомъ изданіямъ сборника *Reallexicon des classischen Alterthums für Gymnasien*. Im Vereine mit mehreren Schulmännern herausgegeben v. *Friedrich Lübker*, необходимо прибавить третье послѣднее изданіе—*Dritte verbesserte Auflage*. Mit zahlreichen Abbildungen. Leipzig, 1867.

Стр. 22. На ряду съ очень полнымъ и обстоятельнымъ заглавіемъ трехъ изданій извѣстнаго сочиненія Бэра: *Geschichte der Römischen Literatur* должно стоять указаніе и на первый томъ четвертаго новѣйшаго изданія — *Vierte verbesserte und vermehrte Auflage*. Erster Band, enthaltend den allgemeinen Theil und die Poesie. Carlsruhe, 1868 (Zweiter Band enthaltend die erste Abtheilung der Prosa вышелъ уже въ 1869 году).

Стр. 27. Не знаемъ, почему почтенный авторъ въ цитатѣ одного изъ лучшихъ французскихъ книжныхъ каталоговъ, *Manuel du libraire et de l'amateur de livres contenant 1) un nouveau dictionnaire bibliographique et 2) une table en forme de catalogue raisonné*, par *Jacques-Charles Brunet*, остановился на устарѣвшемъ четвертомъ изданіи (1842—1844 годовъ), а не указалъ новѣйшаго изданія того же труда: *Cinquième édition originale entièrement refondue et augmentée d'un tiers par l'auteur*. Первые пять томовъ этого изданія вышли въ теченіе 1860—1864 годовъ, а шестой—въ 1866 году. Этимъ послѣднимъ и обязательно, по нашему мнѣнію, пользоваться.

Тамъ же. Напрасно г. Делленъ въ своемъ сообщеніи объ *Allgemeines Bücher-Lexicon oder alphabetisches Verzeichniss der in Deutschland und den angrenzenden Ländern gedruckten Bücher, nebst beigesetzten Verlegern und Preisen* von *Wilhelm Heinsius*, остановился на IX томѣ,

вышедшемъ, какъ мы сказали выше, въ 1846—1849 годахъ, такъ какъ этотъ трудъ имѣлъ свое продолженіе. Не указываемые г. Делленомъ томы выходили въ слѣдующемъ порядкѣ: X-й (содержащій въ себѣ указанія книгъ, явившихся въ промежуткѣ 1841—1846 годовъ) вышелъ подъ редакціей Л. Ф. А. Шиллера (Ludwig-Franz-Albert Schiller) въ Лейпцигѣ въ 1848—1849 годахъ; XI-й (обнимающій собою книги 1846—1851 гг.) подъ тою же редакціей вышелъ въ 1854—1855 гг.; XII-й (за 1852—1856) подъ тою же редакціей—въ 1858 году; XIII-й (1857—1861 гг.) подъ редакціей Неймана (Karl Robert Neumann) въ 1863—1864 гг. Далѣе мы можемъ указать только на 90 листовъ еще не оконченнаго XIV тома, обнимающаго собою литературу 1862—1867 годовъ и выходившаго въ 1869 году. Дальнѣйшаго продолженія, если оно только есть, мы не видали. Кстати замѣтить здѣсь, что самому Гейнзию во второмъ изданіи принадлежатъ лишь 5 томовъ, появившихся въ теченіе 1812—1821 годовъ. Послѣ (съ 1822 по 1828 годъ включительно) редактировалъ Кейзеръ (Christian-Gottlob Kayser) и Шульцъ, (Otto-August Schultz), въ 1829 году прибавившій къ прежнему новое заглавіе: *Allgemeines Deutsches Bücher-Lexicon oder Vollständiges Alphabetisches Verzeichniß derjenigen Schriften, welche in Deutschland und in den angrenzenden, mit deutscher Sprache und Literatur verwandten Ländern gedruckt worden sind* и т. д.

Тамъ же. Напрасно опущено изъ виду новѣйшее изданіе одного изъ лучшихъ англійскихъ каталоговъ: *The Bibliographer's Manual of English Literature.... by William Thomas Lowndes. New edition, revised, corrected and enlarged; with appendix relating to the books of literature and scientific societies by Henry G. Bohn. In four volumes. London 1864*; показанное г. Делленомъ: *W. Th. Lowndes: The bibliographers manual. London, 1828* и слѣд. годовъ имѣетъ лишь историческое значеніе.

Стр. 28. Трудъ I. М. Керара: *La France littéraire ou dictionnaire.... etc.* (см. заглавіе выше), цитруемый г. Делленомъ, противъ обыкновенія очень неполно и съ неточнымъ, какъ указано прежде, обозначеніемъ года, состоитъ, на сколько намъ извѣстно, изъ XII томовъ; появленіе послѣдняго тома относится къ MDCCCLIX — MDCCCLXIV годамъ.

Говоря о библіографическихъ трудахъ Керара, ради большей строгости проведенія принципа — точно и подробно цитовать рекомендуема пособія, нужно было указать и на другое предпріятіе того же автора, перешедшее, впрочемъ, вскорѣ подъ другую редакцію. Мы го-

воримъ о *La littérature Française contemporaine. XIX siècle....* Par *J. M. Quérard*, Auteur de la *France Littéraire*, Paris, 1842. II-й томъ вышелъ подъ редакціей — *Charles Louandre* и *Felix Bourquelot*, тамъ же въ 1846 году, III-й — въ 1848 году, IV-й — въ 1852 году подъ редакціей — *Felix Bourquelot* и *Alfred Maury*, V-й — въ 1854 году подъ тою же редакціей; VI-й — въ 1857 году подъ редакціей — *Felix Bourquelot*. Въ связи съ этими трудами I. М. Керара стоятъ не безинтересное для справокъ филолога другое его произведение — *Les supercheries littéraires dévoilées. Galerie des auteurs apocryphes, supposés, déguisés, plagiaires et des éditeurs infidèles de la littérature Française.* Par *M. J. M. Quérard*. 5 voll., 1847 — 1853.

Здѣсь мы оставляемъ пересмотръ реферата г. Деллена объ общихъ каталогахъ и библиографическихъ сборникахъ, часть наиболѣе не полную и не точную, въ которой къ тому же цитуются въ большинствѣ случаевъ труды старыя и нужные развѣ для библиографа, и не упоминается о новѣйшихъ трудахъ въ области библиографіи. По указываемымъ г. Делленомъ общимъ библиографическимъ лексиконамъ читатель напрасно будетъ искать работъ по классической и въ частности римской филологіи за послѣдніе 30 лѣтъ, если принять во вниманіе, что самымъ послѣднимъ по времени изъ точно обозначенныхъ является *Novus index locupletissimus librorum, qui inde ab anno 1833 usque ad annum 1840 in Germania et in terris confinibus prodierunt...* Leipzig, 1841 и слѣд., II.

Здѣсь мы напрасно будемъ искать указаній на весьма важныя библиографическія труды Юлія Петцольда ¹⁾ (*Julius Petzold*), Павла Троммеля (*Paul Trommel*) ²⁾, Лейпцигской книжной торговли Гинриха ³⁾ (*Hinrichs'sche Buchhandlung in Leipzig*), Англичанина Сампсона

¹⁾ *Neuer Anzeiger für Bibliographie und Bibliothekwissenschaft.* Herausgegeben von *Julius Petzold*. Dresden, 1856—1870 года.

²⁾ *Allgemeine Bibliographie. Monatliches Verzeichniss der wichtigeren neuen Erscheinungen der deutschen und ausländischen Litteratur.* Leipzig, 1856 и сл. годы.

³⁾ *Verzeichniss der Bücher, Landkarten etc.* Herausgegeben und verlegt von der *J. C. Hinrichs'schen Buchhandlung in Leipzig*. Этотъ, издавна издающійся и притомъ не дорогой (1½ талера въ годъ) библиографическій указатель (мы могли прослѣдить изданіе, хотя и подъ другою редакціей, съ 1839 года), по нашему мнѣнію, долженъ служить настоящею книгой для всякаго, желающаго слѣдить за движеніемъ науки.

Лу (Low)¹⁾ и др.; нѣтъ также никакихъ извѣстій и о русскихъ сборникахъ въ подобномъ родѣ²⁾.

Стр. 29. Къ указываемому г. Делленомъ шестому изданію весьма полезной для филолога *Bibliotheca scriptorum classicorum et Graecorum et Latinorum* необходимо прибавить и послѣднее седьмое изданіе того же труда Энгельмана, вышедшее подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Alphabetisches Verzeichniss der Ausgaben, Uebersetzungen und Erläuterungsschriften der griechischen und lateinischen Schriftsteller des Al-*

¹⁾ The English Catalogue of Books published from January 1835 to January 1863. Comprising the contents of the «London» and the «British» catalogues, and the principal works published in the United states of America and continental Europe. With the dates of publications in addition to the size, price, edition, and publisher's name compiled by *Sampson Low*. London, 1864 и слѣд.

²⁾ Кроме вышеуказанныхъ нами Опыта Россійской библиографіи Сопикова и каталоговъ Смирдинской бібліотеки, для настоящаго времени имѣютъ весьма важное значеніе слѣдующіе два библиографическіе сборники: Русская историческая библиографія. Годы 1855—1856. Спб., 1861 (2 выпуска); годъ третій 1857: Спб., 1865. Годъ четвертый 1858. Спб., 1867. Годъ пятый, 1859. Спб.; Годъ шестой 1860. Спб., 1869. Годъ седьмой 1861. Спб., 1870. Въ этомъ весьма тщательномъ трудѣ гг. Дамбининыхъ особенно полезны для русскаго филолога, изучающаго классическій міръ, XX-й отдѣлъ—«Исторія древней Греціи и Рима». Отыскиваніе цитатъ облегчается здѣсь прекраснымъ указателемъ личныхъ именъ, приложеннымъ въ концѣ каждой книжки.—Другой, также интересный сборникъ: «Систематическій каталогъ русскихъ книгъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Вазунова, комиссіонера Императорской Академіи Наукъ, морскаго ученаго комитета, министерствъ юстиціи и финансовъ, съ указаніемъ 20.000 критическихъ статей, рецензій и библиографическихъ замѣтокъ, касающихся книгъ, помѣщенныхъ въ каталогъ, извлеченныхъ изъ всѣхъ періодическихъ изданій и сборниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1825 вплоть до 1869 года; а также болѣе 400 указаній (!?) переводовъ русскихъ сочиненій на иностранныя языки, вышедшихъ отдѣльными изданіями. Составилъ *В. И. Межовъ*. Спб., 1869». Этотъ послѣдній каталогъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ неточныхъ сообщеній по части разработки римской филологіи въ нашемъ отечествѣ; такъ, оказываются ошибочными указанія на рецензіи П. Лерха и А. Котляревскаго о книгѣ г. Малова: «Жизнь Тиверія. Переводъ изъ Светонія, *Н. Малова*. Тамбовъ, 1866 года». Ни П. И. Лерхъ, ни А. А. Котляревскій объ этой книгѣ никогда ничего не писали. Указываемыя же г. Межовымъ (стр. 308) статьи перваго въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества*, т. 6, отд. 2, №№ 11—12, стр. 233—240, и втораго въ *С.-Петербург. Видомостяхъ* 1866 года, № 272 разбираютъ «Древности Геродотовой Скиаіа: Сборникъ описаній археологическихъ раскопокъ и находокъ въ Черноморскихъ степяхъ. Съ атласомъ (23 таблицы). Изданіе Императорской археологической комиссіи. Выпускъ I. 1866». Для большей точности замѣтимъ, что подъ статьей перваго ученаго стоитъ не полная фамилія, какъ значится въ каталогѣ г. Межова, а только двѣ начальныя буквы: П. Л.

terthums, welche vom Jahre 1700 bis gegen Ende des Jahres 1858 besonders in Deutschland gedruckt worden sind. Herausgegeben von *Wilhelm Engelmann*. Mit einer litterar-historischen Uebersicht. Siebente umgearbeitete und ergänzte Auflage. Leipzig, 1858. Это послѣднее изданіе полиће предшествовавшего ему шестаго (1847 года), такъ какъ оно дополнено литературой изданій, переводовъ и комментариевъ греческихъ и римскихъ авторовъ за цѣлыя 12 лѣтъ (1846—1858). Стр. 30. Bibliotheca Philologica etc., начатая Рупрехтомъ (C. J. F. W. Ruprecht) и продолженная Шмидтомъ (G. Schmidt), съ 1868 перешла въ редакцію Мюльденера (Dr. W. Müldener). Отдѣльные оттиски этого прекраснаго сборника по части библиографіи помѣщаются при *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*.

Разсматриваемый нами отдѣлъ лекцій г. Делленъ заключаетъ перечнемъ (главнѣйшихъ?) собраній сочиненій римскихъ авторовъ. Позволимъ себѣ это небольшое сообщеніе привести въ подлинникѣ.

«Multorum scriptorum latinorum opera collecta continent libri hi:

«Bibliotheca nova scriptorum latinorum ad optimas editiones recensita accurantibus Parisiensis Academiae professoribus et colligente J. P. Charpentier. Ed. C. L. F. Panckouche (очевидно опечатка вмѣсто Panckoucke). Lipsiae. 1836 sqq. 8.

«Bibliotheca scriptorum latinorum curis virorum doctorum emendata et commentariis instructa, consilio G. Bernhardy instituta. Halis 1838 sqq. 8.

«W. Freund: Schüler-Bibliothek. Abth. I. Praeparationen zu den griechischen und römischen Schulklassikern. Leipzig. 1859. sqq. 16. Bibliotheca latina minor. Ed. R. Klotz. Lipsiae. 1865. sqq. 8. (p. 30 sq.)».

Не знаемъ, почему почтенный авторъ обошелъ молчаніемъ дорогое по своимъ достоинствамъ и весьма популярное собраніе греческихъ и римскихъ писателей М. Гаупта и Г. Зауппе (*Sammlung Griechischer und Lateinischer Schriftsteller mit Deutschen Anmerkungen herausgegeben von M. Haupt und H. Sauppe*)¹⁾, куда до сентября 1868 года (указываемъ на это, чтобы не быть заподозренными въ анахронизмъ) вошли слѣдующія изданія:

1) Прозаиковъ: *Юлія Цезаря De Bello Gallico* съ комментаріями Кранера и Диттенбергера, *De Bello Civili* — Гоффмана; *Цицерона: Brutus, Orator* (комментарій Отто Яна), *Cato Major* (комментарій Соммербротта), *Laelius* (комментарій Наука), *Disputationes Tusculanae*

¹⁾ Характеристику этого почтеннаго собранія читатель можетъ найти въ статьѣ г. К. Люгебиля: *Собраніе греческихъ и римскихъ писателей съ нѣзлыми примѣчаніями, издаваемое гг. Гауптомъ и Зауппе, въ Русскомъ Словѣ 1860 года, № 1, отд. II, стр. 141—152.*

(комментарій Тишера и Сороера), De natura deorum (комментарій Шеманна), De officiis (комментарій Отто Гейне); Ausgewählte Briefe съ комментариемъ Гоффмана; Ausgewählte Reden въ 7-ми выпускахъ (комментарій Гальма), заключающія въ себѣ рѣчи: Pro Sexto Roscio Amerino, De imperio Cn. Pompei, In Q. Caecilium oratio quae divinatio dicitur, — Accusationis in C. Verrem liber quartus (de signis), liber quintus (de suppliciis), Invectivarum in L. Catilinam libri quatuor, Pro Publico Cornelio Sulla, Pro A. Licinio Archia poeta, Pro P. Sestio (Q. Asconius Pedianus in M. Tullii Ciceronis orationem Pro Milone), Pro T. Annio Milone, Pro Quinto Ligario, Pro rege Deiotaro, in M. Antonium Philippicorum liber primus et secundus; Pro Murena; *Корнелия Непота* съ комментариемъ Ниппердея; *Тита Ливія* (вышло 10 частей, заключающихъ въ себѣ 45 книгъ — комментарий Вейссенборна); *Саллюстия* съ комментариемъ Якобса; *Тацитъ* — Ab excessu Divi Augusti — комментарий Ниппердея; *Квинтилиана* — Institutionis Oratoriae liber X-us съ комментариемъ Боннеля, наконецъ Chrestomatia Pliniana — съ комментариемъ.

2) Поэтовъ: сочиненія *Вергилия* съ комментариемъ Ладвига, Метаморфозы *Овидія* съ комментариемъ М. Гаупта, Басни *Федра* — съ комментариемъ Рашига.

На ряду съ этимъ изданіемъ должно быть поставлено другое, также въ своемъ родѣ почтенное и очень недорогое по цѣнѣ изданіе Вейдманна: Text-Ausgabe der griechischer und lateinischer Schriftsteller.

Не знаемъ, почему у г. Деллена не упомянуто о многолѣтней дѣятельности по части изданій римскихъ и греческихъ авторовъ В. Г. Теубнера, тѣмъ болѣе почтенной, что безъ его поощрительнаго содѣйствія намъ не увидѣть многихъ, даже большинства филологическихъ трудовъ вообще и изданій классическихъ писателей съ комментаріями и безъ оныхъ въ частности. Не имѣя возможности въ своей замѣткѣ перечислять всего, даннаго этимъ почтеннымъ и просвѣщеннымъ книгопродавцемъ по нашему предмету, укажемъ для краткости на его Bibliotheca philologica Teubneriana. Verzeichniss des Verlags von W. G. Teubner in Leipzig auf dem Gebiete der Philologie und Alterthumswissenschaft. Bis Ende des Jahres 1868.

Это особенно замѣтное опущеніе, по нашему крайнему разумѣнію, равносильно другому, весьма видному пробѣлу въ чтеніяхъ г. Деллена, именно отсутствію указанія на знаменитую Галльскую энциклопедію Эрша и Грубера (Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste in alphabetischer Folge von genannten Schriftstellern bearbeitet

und herausgegeben von *J. S. Ersch* und *J. G. Gruber*, Professoren zu Halle. 1818 и слѣд.), въ ряду пособій, дающихъ много матеріала для изученія классической и римской древности въ частности.

Но разсматривая рефератъ почтеннаго автора и независимо отъ упомянутыхъ пробѣловъ, приходишь въ сомнѣніе относительно достоверности его сообщенія о *Bibliotheca scriptorum latinorum curis virorum doctorum emendata et commentariis instructa, consilio G. Bernhardy instituta* и *Bibliotheca latina minor*. Ed. *R. Klotz*, какъ о такихъ libri, qui, выражаясь собственными словами г. Деллена, *multorum scriptorum latinorum opera collecta continent*, — когда первая *Bibliotheca* состоитъ всего лишь изъ 3-хъ книгъ: 1) *M. Tullii Ciceronis Brutus. Emendavit et commentariis instruxit Henr. Meyerus*. Halis, 1838; 2—3) *C. Cornelii Taciti Opera. Emendavit et commentariis instruxit Ludovicus Döderlein*. Halis, 1841 — 1847, и содержитъ опера collecta только одного римскаго писателя, а второй изъ этихъ цитруемыхъ трудовъ вмѣщаетъ до сихъ поръ одну комедію П. Теренція, вышедшую подъ такимъ заглавіемъ: *Andria P. Terenti. Mit kritischen und exegetischen Anmerkungen. Beigegeben ist ein Excursus über die unlatein Wortform Sublimen*. Leipzig, 1865. Продолженія этого начинанія Р. Клоца, кажется, не было, такъ что едва-ли не напрасно г. Делленъ указываетъ на слѣдующіе за 1865 годы, какъ на время появленія другихъ частей этой *Bibliotheca latina minor*. (ср. у г. Деллена стр. 31. *Bibliotheca latina minor*. Ed. *R. Klotz* Lipsiae, 1865. sqq.). Съ другой стороны, слѣдя далѣе за перечнемъ собраній римскихъ авторовъ, не можемъ дать себѣ отчета, почему г. Делленъ внесъ подъ эту рубрику Фрейндову (*W. Freund*) *Praeparationen zu den griechischen und römischen Schulklassikern*; для подобныхъ специальныхъ пособій къ чтенію римскихъ писателей, равно какъ и для переводовъ ихъ на другіе языки, должно быть отведено особое мѣсто въ разсматриваемомъ перечнѣ пособій по исторіи римской литературы¹⁾. Вообще подъ конецъ этого отдѣла чтеній видится какъ-бы

¹⁾ Къ слову позволимъ себѣ выразить недоумѣніе, почему г. Делленъ предпочелъ Фрейндову: *Schüler-Bibliothek. Abth. I. Praeparationen zu den griechischen und römischen Schulklassikern*. Leipzig, 1859, sqq. другимъ лучшимъ собраніемъ переводовъ римскихъ авторовъ на нѣмецкій языкъ, такъ напримѣръ: *Classiker des Alterthums. Eine Auswahl der bedeutendsten Schriftsteller der Griechen und Römer in neu bearbeiteten Uebersetzungen*. Stuttgart, 1853 sqq., или *Neueste Sammlung ausgewählter Griechischer und Römischer Classiker, verdeutsch von den berufensten Uebersetzern*. Stuttgart, 1854. sqq?...

утомленіе автора продолжительнымъ цитированіемъ пособій, представляемыхъ богатою западно-европейскою филологическою литературой. Этимъ, кажется, и можно объяснить, что онъ не держался въ заключительномъ своемъ рефератѣ того историческаго метода изложенія, какой употребленъ имъ въ другихъ частяхъ отдѣла *De optimis, quae in discenda litterarum Romanarum historia suppetunt, praesidiis*; тогда какъ въ этихъ послѣднихъ указываются сочиненія XVI, XVII, XVIII столѣтій, здѣсь г. Делленъ начинаеть свое обзорѣніе съ Библиотеки римскихъ писателей Панкука, открывшейся въ 1836 году. Неужели не достойны были упоминанія колоссальные труды въ этой области римской филологіи, какіе явили въ эпоху возрожденія Италия, а въ послѣдующія столѣтія Голландія и Франція? Сожалѣть о краткости сообщенія о собраніяхъ римскихъ авторовъ мы въ правѣ тѣмъ болѣе, что почтенный профессоръ приложилъ сравнительно больше старанія въ сборѣ матеріала, не прямо и не всецѣло относящагося къ римскому или даже классическому міру: мы разумѣемъ его перечни пособій по всеобщей исторіи литературы и общихъ библиографическихъ указателей. Говорить подробно о первыхъ — прямая обязанность преподавателя всеобщей литературы, а вторые — предметъ столь же пригодный для преподавателя классической филологіи, сколько и для специалиста по другой какой-либо отрасли науки. Давать всему этому мѣсто въ курсѣ можно, по нашему крайнему разумѣнію, лишь при избыткѣ времени, и главное, послѣ тщательнаго обзора важнѣйшихъ и существенныхъ сторонъ своего предмета.

И. Цвѣтаевъ.

ГИМНАЗИИ И ПРИГОТОВИТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ВЪ ГЕРМАНИИ ¹⁾.

Приготовительныя школы при нѣмецкихъ гимназіяхъ учреждены сравнительно не очень давно. Только въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія признана была въ Германіи необходимость завести при гимназіяхъ подготовительныя училища, которыя могли бы доставлять способныхъ и хорошо подготовленныхъ учениковъ для гимназій. Первоначальное учрежденіе этихъ училищъ принадлежало частной инициативѣ. Нѣкоторые изъ директоровъ гимназій, убѣдившись, что безъ разумной подготовки учениковъ преподаваніе въ гимназіяхъ не будетъ имѣть успѣха, устроили при подвѣдомственныхъ имъ заведеніяхъ училища, куда могли поступать 6—7-лѣтніи дѣти, рѣшительно безъ всякихъ знаній. Вскорѣ не замедлили обнаружиться благіе результаты учрежденія подготовительныхъ училищъ. Уровень знаній и умственного развитія учениковъ тѣхъ гимназій, которыя имѣли подготовительныя школы, значительно возвысился. Вслѣдствіе этого правительство, принявъ подготовительныя школы въ свое вѣдѣніе, соединило ихъ въ одно цѣлое съ гимназіями.

Впрочемъ и нынѣ не при всѣхъ даже Берлинскихъ гимназіяхъ существуютъ подготовительныя училища; такъ, напримѣръ, его нѣтъ при Іоахимстальской гимназій. Но отсутствіе подготовительнаго училища очень замѣтно на самой гимназій, особенно же на ученикахъ низшихъ классовъ. Такъ, ученики низшихъ классовъ Іоахимстальской гимназій сравнительно мало развиты; свѣдѣнія ихъ при поступленіи въ гимназію весьма незначительны, а потому и самое преподаваніе въ этихъ классахъ не отличается блестящими результатами. Если сравнить эту гимназію относительно общаго уровня развитія учениковъ низшихъ классовъ съ Фридрихъ-Вильгельмовою гимназіей, то въ послѣдней онъ окажется очень высокъ, что, по словамъ директора этой

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за ноябрь 1870 года.

гимназіи, должно быть приписано главнѣйшимъ образомъ вліянію приготовительной школы.

Старѣйшею по времени открытія и лучшею по устройству считается приготовительная школа, находящаяся при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи.

Она состоитъ изъ десяти классовъ: 5 нормальныхъ и 5 параллельныхъ. Каждымъ изъ этихъ классовъ завѣдываетъ одинъ изъ учителей, который не только преподаетъ въ немъ *всю* предметы, но обязанъ слѣдить и за нравственною стороною своего класса; такой учитель называется ординаріусомъ. Ординаріатъ, какъ замѣчено было въ первой статьѣ, существуетъ и въ гимназіяхъ; но онъ отличается отъ ординаріата приготовительной школы тѣмъ, что ординаріусомъ въ томъ или другомъ классѣ гимназіи бываетъ обыкновенно учитель, который преподаетъ въ немъ бѣльшую часть предметовъ; ординаріусъ же приготовительной школы есть *единственный* учитель класса. Кромѣ десяти учителей-ординаріусовъ, въ приготовительной школѣ есть еще одинъ, такъ - называемый старшій учитель (Oberlehrer), на обязанности котораго главнѣйшимъ образомъ лежатъ заботы по управленію *всѣмъ* заведеніемъ; онъ считается непосредственнымъ начальникомъ школы и помощникомъ директора гимназіи. Впрочемъ помощникъ директора не освобожденъ отъ обязанностей преподавателя: онъ обязанъ ежедневно давать 14 уроковъ въ старшемъ классѣ школы. Обыкновенное число уроковъ у другихъ учителей школы колеблется между 22 и 24; при этомъ на каждомъ изъ ординаріусовъ лежатъ еще заботы о воспитательномъ надзорѣ за своимъ классомъ. А такъ какъ во всей школѣ число учащихся доходитъ до 550 чел., то слѣдовательно, каждый изъ ординаріусовъ обязанъ заботиться о воспитаніи болѣе 50 мальчиковъ, — трудъ немалый, въ особенности для добросовѣстнаго учителя. Но, посвящая всѣ свои силы избранному имъ дѣлу, почтенные педагоги приготовительной школы при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи умѣренны въ своихъ требованіяхъ, и ученики не обременяются чрезмѣрно занятіями. Такъ, ученики трехъ низшихъ классовъ имѣютъ ежедневно только 4 урока ¹⁾, изъ коихъ каждый про-
должается 50 минутъ; ученики же двухъ старшихъ классовъ имѣютъ отъ 26-и до 28-и уроковъ въ недѣлю. При этомъ должно еще замѣтить, что для учениковъ вступительнаго класса домашнихъ работъ почти не существуетъ, по двумъ причинамъ: 1) дитя, просидѣвшее со

¹⁾ Ученіе продолжается отъ 8-и до 12-и часовъ.

вниманіемъ на школьной скамьѣ въ теченіе 3-хъ — 4-хъ часовъ, достаточно уже поработало; 2) отъ дитяти, только-что вступившаго въ школу, невозможно требовать самодѣтельности, которая болѣе или менѣе необходима при каждой домашней работѣ. Для остальныхъ классовъ хотя и существуютъ домашнія работы, но въ самомъ ограниченномъ объемѣ, на томъ простомъ основаніи, что мѣстомъ для умственной гимнастики ребенка должна быть школа. Здѣсь опытный учитель возбуждаетъ самодѣтельность учениковъ; здѣсь онъ вмѣстѣ съ ними разработываетъ учебный матеріалъ, — и только тогда, когда ученики вполне усвоятъ его, онъ требуетъ отъ нихъ повторенія и домашней обработки изученнаго въ школѣ. Такъ, напримѣръ, въ III-мъ классѣ при мнѣ учитель задалъ ученикамъ написать дома спряженіе глагола *schlagen* въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ времени, когда ученики предварительно уже вполне усвоили себѣ различіе между лицами, числами и этими временами.

Таково въ общихъ чертахъ устройство приготовительнаго училища при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій.

Количество предметовъ и объемъ, въ которомъ они преподаются въ приготовительной школѣ, опредѣляются тѣми требованіями, которыя предъявляются гимназій на приемномъ экзаменѣ, при поступленіи мальчика въ самый низшій ея классъ. Эти требованія формулированы въ одномъ изъ предписаній прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, изданномъ въ 1837 году, и до сихъ поръ сохраняющемъ свою силу; они состоятъ въ слѣдующемъ:

„Отъ поступающаго въ шестой (нашъ первый) классъ гимназій требуются слѣдующія познанія: 1) умѣнье бѣгло читать книги, напечатанныя нѣмецкимъ и латинскимъ шрифтомъ; 2) знаніе частей рѣчи; 3) умѣнье писать четко и безъ помарокъ; 4) умѣнье писать подъ диктантъ безъ грубыхъ орфографическихъ ошибокъ; 5) знаніе четырехъ арифметическихъ дѣйствій надъ цѣлыми числами; 6) знакомство съ ветхозавѣтною и новозавѣтною исторіей“.

Это предписаніе не отнимаетъ, впрочемъ, права у гимназій требовать и болѣе обширныхъ свѣдѣній отъ поступающихъ въ сексты. Такъ, Фридрихъ-Вильгельмова гимназія, сверхъ требованій, упомянутыхъ въ министерскомъ распоряженіи, вводитъ въ программу экзамена для поступающихъ слѣдующія познанія: 1) по нѣмецкой грамматикѣ: склоненія, спряженія (сильное и слабое), степени сравненія; 2) по географіи: знаніе географическихъ терминовъ и умѣнье ихъ объяснить; обзоръ 5-и частей свѣта (границы, моря, заливы, острова, полуострова, цѣпи горъ, рѣки, важнѣйшія государства и главныя въ нихъ города); 3) умѣнье чертить геометрическія фигуры. Согласно съ этими требова-

ніямъ, въ приготовительномъ училищѣ при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи преподаются слѣдующіе предметы: 1) законъ Божій, 2) нѣмецкій языкъ, 3) ариметика, 4) географія, 5) рисованіе; географіей и рисованіемъ ученики занимаются впрочемъ въ высшихъ трехъ классахъ, въ низшихъ же двухъ проходитъ только законъ Божій, нѣмецкій языкъ и ариметика.

Наибольшее количество учебнаго времени въ приготовительномъ училищѣ, особенно въ двухъ низшихъ классахъ, посвящается преподаванію отечественнаго языка; именно изъ 24-хъ уроковъ 3 отдѣляются на преподаваніе закона Божія, 6 для ариметики, остальные же 15 приходятся на отечественный языкъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться чрезмѣрнымъ такое значительное число часовъ, посвященныхъ преподаванію отечественнаго языка; но если принять въ соображеніе, что дѣти поступаютъ въ приготовительную школу, не зная ни одной буквы; что они въ теченіе перваго полугодія должны выучиться различать всѣ знаки и буквы (какъ печатныя, такъ и письменныя), должны пріучиться списывать съ книги прочитанныя ими легкія предложенія, а также писать легкія слова подъ диктантъ; что въ пятомъ классѣ (то-есть, въ первомъ же полугодіи послѣ поступленія въ школу) начинается такъ-называемое наглядное обученіе (Anschauungsunterricht) съ помощью картинъ (Bildertafel) и предметовъ, окружающихъ дѣтей, при чемъ они пріучаются къ правильному устному выраженію своихъ мыслей; что наконецъ, здѣсь уже объясняются, заучиваются и декламируются легкія стихотворенія — если принять все это въ соображеніе, то нельзя не удивляться съ одной стороны тому, что учитель успѣваетъ при 15-и еженедѣльныхъ урокахъ добросовѣстно исполнить требованія программы V-го класса, съ другой, — что 6—7-лѣтнія дѣти въ состояніи въ теченіе полугодія овладѣть столь значительною массою учебнаго матеріала.

Что же, спрашивается, помогаетъ учителю при исполненіи его трудной задачи и что способствуетъ ученикамъ быстро и основательно усвоивать то, чему ихъ учать? Германскіе педагоги выработали и примѣнили къ дѣлу такой методъ первоначальнаго обученія отечественному языку, съ помощью котораго ученики достигаютъ цѣли гораздо скорѣе, легче и основательнѣе, чѣмъ прежде. Это — методъ соединеннаго обученія чтенію и письму (Schreiblesemethode), открытый Жакоба и усовершенствованный Зельтзамомъ, Фогелемъ и другими педагогами. Методъ этотъ употребляется во многихъ школахъ Пруссіи и между прочимъ въ приготовительномъ училищѣ при Фридрихъ-

Вильгельмовой гимназии, гдѣ опытный и любящій свое дѣло учитель г. Лютеръ съ помощью его достигаетъ блестящихъ результатовъ.

Переходя къ разъясненію значенія означеннаго метода при обученіи дѣтей чтенію, необходимо сказать нѣсколько словъ объ учебныхъ пособіяхъ, которыя употребляются при обученіи по этому методу.

Въ пятомъ классѣ приготовительнаго училища при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназии употребляются слѣдующія пособія:

1) Большая, черная, лакированная стѣнная доска, на которой иногда рисуются объясняемые картины, иногда же пишутся разбираемые учениками слова. На этой доскѣ проведены 3 красныя параллельныя линіи.

2) Аппаратъ для обученія чтенію (Lesemaschine). Слова, написанныя на доскѣ, воспроизводятся *печатными* буквами на этомъ аппаратѣ. Чтобы удобнѣе было сравнивать печатныя слова съ написанными, аппаратъ вѣшается подлѣ самой доски на одинаковой съ нею высотѣ. Устройство этого аппарата, изобрѣтеніе котораго принадлежитъ учителю Борну, очень простое: въ передней части деревянной доски сдѣланы 3 квадратныя отверстія (каждое верхка въ $1\frac{1}{2}$), черезъ которыя можно видѣть буквы. Буквы наклеены на деревянныхъ дощечкахъ (длиною отъ 10-и до 14-и, а шириною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ вершковъ), которыя вставляются (одна горизонтально, 2 другія вертикально) въ особыя отверстія, проходящія черезъ весь аппаратъ. Расположеніе буквъ на дощечкахъ таково, что онѣ легко и скоро могутъ соединяться въ слова¹⁾.

3) Рисунки Вильке, Циммермана и др., наклеенныя на картонѣ и разрисованныя красками, изображающіе разные предметы и животныхъ (домъ, лѣстницу, попугай, спящаго на лѣстницѣ, торговкъ и пр.). Впрочемъ, эти рисунки не совсѣмъ удобны для начинающихъ учиться: на нихъ изображено всегда такое множество предметовъ, что вниманіе ученика слишкомъ ими отвлекается. Рисунки часто при обученіи замѣняются самими предметами, находящимися подъ рукою учителя (палка, зонтикъ, шляпа и т. под.).

Приступая къ обученію, учитель беретъ какой-нибудь предметъ изъ находящихся у него подъ руками и показываетъ его ученикамъ. Затѣмъ учитель ведетъ бесѣду объ этомъ предметѣ съ учениками,

¹⁾ Самый аппаратъ видѣть съ подробнымъ его описаніемъ продается въ Берлинѣ за 7 руб. на наши деньги.

которые разсматриваютъ предметъ по частямъ со всѣхъ его сторонъ, отыскиваютъ и указываютъ признаки его, дѣлаютъ сравненія съ другими предметами и т. д. Предметныя бесѣды имѣютъ цѣлью пріучить дѣтей внимательно вглядываться во все окружающее, наблюдать и разсматривать предметы, и болѣе или менѣе правильно и точно выражать свои мысли. Вслѣдъ за предметною бесѣдой, учитель рисуетъ предметъ на доскѣ. Рисованіе предметовъ на доскѣ впрочемъ считается дѣломъ второстепенной важности и употребляется иногда только какъ средство усилить въ дѣтяхъ интересъ къ предмету, о которомъ шла бесѣда и возбудить вниманіе къ слову, которымъ въ языкѣ выражается этотъ предметъ и которое вслѣдъ за тѣмъ разлагается учениками на звуки, входящіе въ составъ его. Вообще, если предметъ, о которомъ ведется бесѣда, находится подъ руками учителя, то онъ только показываетъ его ученикамъ, не рисуя его на доскѣ. Такъ, учитель приготовительной школы при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій въ первое мое посѣщеніе, когда шла бесѣда о шляпѣ, ограничивался только тѣмъ, что выставилъ свою шляпу передъ учениками. При второмъ моемъ посѣщеніи его класса, онъ бесѣдовалъ съ учениками о кровати. Такъ какъ этотъ предметъ, разумѣется, не могъ находиться въ классѣ, то учитель нарисовалъ изображеніе кровати на доскѣ, безъ всякихъ, конечно, претензій на художественность. Я привожу здѣсь образчики учебной бесѣды объ этомъ предметѣ, такъ какъ она характеризуетъ пріемы нагляднаго обученія, столь распространеннаго въ германскихъ элементарныхъ школахъ вообще, и особенно играющаго важную роль въ приготовительныхъ училищахъ при нѣмецкихъ гимназійхъ.

Учитель (указывая на изображенный на доскѣ предметъ): „Что это такое?“
Ученики: „Это кровать“. — „Изъ сколькихъ частей состоитъ кровать?“ „Кровать состоитъ изъ 4-хъ частей“. — „Какъ называются обѣ эти части?“ „Обѣ части кровати называются боковыми частями (Seitentheile)“. — „Говорите боковыми стѣнками (Seitenwände). (Ученики повторяютъ его слова въ полномъ предложеніи). — „Какъ называются двѣ другія части кровати?“ — „Двѣ другія части кровати называются изголовьемъ и изножьемъ (Fussende)“. — „Что вы можете замѣтить, сравнивъ между собою боковыя стѣнки кровати?“ „Боковыя стѣнки кровати совершенно равны другъ съ другомъ“. — „Сравните также изголовье и изножье“. „Изголовье похоже на изножье“. — „Каковы эти части кровати въ сравненіи съ боковыми ея стѣнками?“ „Эти части кровати короче боковыхъ ея стѣнокъ“. — „Что находится у изголовья и изножья?“ „У изголовья и у изножья находится попки кровати“. — „Сколько ножекъ у каждаго конца кровати?“ „У каждаго конца кровати двѣ ножки“. — „Сколько всѣхъ ножекъ вмѣстѣ?“ „Всѣхъ ножекъ вмѣстѣ у кровати 4“. — „Посредствомъ чего боковыя стѣнки прикрѣпляются къ изголовью и къ изножью?“

„Боковыя стѣнки прикрѣпляются къ изножью и изголовью посредствомъ шпировъ“. — „Почему не склеиваютъ или не сбиваютъ гвоздями части кровати?“
 „Не склеиваютъ четырехъ частей кровати для того, чтобы можно было ихъ разобрать“. — „Какая кровать устраивается на полозкахъ?“ „На полозкахъ устраивается колыбель“. — „Къ чему служатъ въ колыбели полозки?“ „Эти полозки служатъ для качанья“. — „Кто спитъ въ колыбели?“ „Младенецъ спитъ въ колыбели“. — „Что еще есть въ кровати, на что кладутъ тюфякъ?“ „Въ кровати есть еще перелетъ“. — „Пересчитайте же, изъ какихъ частей состоитъ кровать“. „Кровать состоитъ изъ двухъ боковыхъ стѣночекъ, изголовья, изножья и переплета“. — „Изъ чего дѣлаются кровати?“ „Кровати дѣлаются изъ дерева или изъ желѣза“. — „Кто дѣлаетъ деревянныя кровати?“ „Деревянныя кровати дѣлаетъ столяръ“. — „Кто дѣлаетъ желѣзныя кровати?“ „Желѣзныя кровати дѣлаетъ кузнецъ“. — „Что кладутъ на переплетъ кровати?“ „На переплетъ кровати кладутъ мѣшокъ съ соломой“. — „Что кладутъ на мѣшокъ съ соломой?“ „На мѣшокъ съ соломой кладутъ пуховикъ“. — „Что въ некоторые употребляютъ вмѣсто пуховика?“ „Нѣкоторые употребляютъ вмѣсто пуховика тюфякъ“. „Что разстилаютъ поверхъ пуховика или тюфяка?“ „Поверхъ пуховика или тюфяка разстилаютъ простыню“. — „Изъ чего дѣлается простыня?“ „Простыня дѣлается изъ полотна“. — „Что послѣ простыни кладутъ на кровати?“ „Послѣ простыни кладутъ на кровать еще подушки и одѣяло“. — „Изъ чего дѣлаются подушки?“ „Подушки дѣлаются изъ полотна и перьевъ“. — „Кто намъ доставляетъ перья?“ „Перья намъ доставляютъ гуси“. — „Что дѣлаютъ съ перьями прежде, чѣмъ набить ими подушки?“ „Ихъ ощипываютъ“. — „Какая часть пера не употребляется для набивки подушекъ?“ „Для набивки подушекъ не употребляется стволъ пера“. — „Почему набиваютъ подушки только перьями, а ничѣмъ другимъ?“ „Потому что перья мягки“. — „Какія подушки самыя мягкія?“ „Самыя мягкія подушки — это тѣ, которыя набиты пухомъ“. — „Чѣмъ покрываются подушки?“ „Подушки покрываются наволочкой“. — „Изъ чего дѣлается наволочка?“ „Наволочка дѣлается изъ полотна“. — „Какого цвѣта обыкновенно бываетъ наволочка?“ „Наволочка бываетъ обыкновенно бѣлаго цвѣта“. — „Какъ называются наволочки разноцвѣтныя?“ „Разноцвѣтныя наволочки называются пестрыми“. — „Какого цвѣта наволочки всего больше вамъ нравятся?“ „Бѣлыя, пестрыя“. — „Чѣмъ, наконецъ, закрываются подушки и одѣяло?“ „Подушки и одѣяло закрываются чехломъ“. — „Отъ чего чехолъ защищаетъ постель?“ „Чехолъ защищаетъ постель отъ пыли“. — „Гдѣ стоятъ кровати?“ „Кровати стоятъ въ спальнѣ“. — „Какіе люди иногда вовсе не имѣютъ кровати?“ „Бѣдные люди иногда вовсе не имѣютъ кровати“. — „На чемъ они тогда спятъ?“ „Тогда они спятъ на солодѣ“. — „Въ какое время имъ особенно холодно?“ „Имъ особенно холодно зимою“. — „Значитъ, каково имъ тогда, — дурно или хорошо?“ „Имъ тогда дурно“. — (Обращаясь къ одному изъ мальчиковъ). — „А тебѣ зимою также холодно?“ „Нѣтъ, мнѣ зимою тепло“. — „Кого же за это ты долженъ благодарить?“ „За это я долженъ благодарить своихъ родителей“.

„Когда мы пользуемся кроватью?“ „Когда мы спимъ, мы пользуемся кроватью“. — „Когда спишь ты?“ „Я сплю ночью“. — „Въ какое время спитъ большая часть людей?“ „Большинство людей спитъ ночью“. — „Въ какое время люди больше работаютъ?“ „Люди работаютъ больше днемъ“. — Какой чело-

нѣтъ долженъ бодрствовать ночью? — „Ночной сторожъ долженъ бодрствовать ночью“. — „А кто уже много сдѣлалъ, когда вы только-что встаете?“ (Молчаніе). „Ну, съ тѣмъ ты пилъ сегодня кофе?“ „Я пилъ сегодня кофе съ булкой“. — Кто же испекъ эту булку?“ „Эту булку испекъ булочникъ“. — „Когда онъ испекъ ее?“ „Онъ испекъ ее ночью“. — „Когда же спать ночной сторожъ и булочникъ?“ „Ночной сторожъ и булочникъ спать днемъ“. — „Когда ты ложишься спать?“ „Я ложусь спать въ 8 часовъ“. — „Кто изъ твоихъ домашнихъ позже тебя ложится спать?“ „Мои родители позже меня ложатся спать“. — „Что ты говоришь родителямъ, когда отправляешься спать?“ „Когда я отправляюсь спать, я говорю родителямъ: спокойной ночи!“ — „Когда ты встаешь?“ „Я встаю въ 6 часовъ“. — „А кто изъ твоихъ домашнихъ встаетъ раньше тебя?“ „Раньше меня встаютъ мои родители“. — „Что ты говоришь имъ, когда встаешь съ постели?“ „Я говорю имъ: доброе утро!“ — Кто же, слѣдовательно, спитъ меньше тебя?“ „Менше меня спать мои родители“. — „Какъ порядочное дитя поступаетъ со своимъ платьемъ, когда ложится спать?“ „Порядочное дитя кладетъ свое платье на опредѣленное мѣсто“. — „А въ какомъ порядкѣ?“ „Въ томъ порядкѣ, въ какомъ дитя раздѣвалось“. — „Чѣмъ же полезна эта привычка?“ „Эта привычка тѣмъ полезна, что позволяетъ скоро одѣться“. — „На что утромъ тратишь много времени беспорядочное дитя?“ „Беспорядочное дитя тратитъ много времени на одѣванье“. — „Почему?“ „Потому что оно долго ищетъ своихъ вещей“. — А какое дитя можетъ въ потьмахъ сыскать свои вещи?“ „Порядочное дитя можетъ отыскать свои вещи въ потьмахъ“. — „А въ какомъ случаѣ иногда бываетъ нужно скоро и хорошо одѣться въ потьмахъ?“ „Когда произойдетъ пожаръ въ домѣ, нужно быстро одѣться“. — „И кто тогда скорѣе будетъ одѣтъ?“ „Кто свои вещи положилъ въ порядкѣ, тотъ скорѣе другихъ будетъ готовъ“. — „А кто же въ этомъ случаѣ подвергается опасности?“ „Кто своихъ вещей не можетъ скоро найти, тотъ подвергается опасности“¹⁾.

Въ такомъ порядкѣ велъ при мнѣ бесѣду въ теченіе двухъ классовъ учитель приготовительной школы при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи. Многіе вопросы его, конечно, не вдругъ разрѣшались; нѣкоторые изъ слабѣйшихъ учениковъ становились отъ нихъ въ тупикъ; по это послѣднее только удвоивало искусство учителя спускаться до уровня пониманія самыхъ неразвитыхъ мальчнковъ и возвышало даже самый интересъ бесѣды. При разрѣшеніи каждаго вопроса учитель требо-

¹⁾ Приведенный образчикъ предметной бесѣды весьма типиченъ; но эта мелочность и дробность вопросовъ, систематизація и скрупулезность катехеза, очевидно, не приемлимы къ нашимъ русскимъ дѣтямъ; это вполнѣ національная нѣмецкая метода, выражающая собою свойства германскаго ума, наклоннаго къ отвлеченію, систематизаціи, дробленіямъ, дѣленіямъ, подраздѣленіямъ и т. д. Впрочемъ и сами Нѣмцы осуждаютъ чрезмѣрную скрупулезность школьнаго катехеза, и Шварцъ, напримеръ, называетъ его Wortmacherei, пустою болтовней, ведущею къ реонерству. Идея этого приема прекрасная, но примѣненіе ея и формы у насъ должны выработаться свои. *Ред.*

валъ (какъ это можно замѣтить изъ представленнаго изложенія класной бесѣды), чтобъ ученики отвѣчали непремѣнно *полными* предложеніями,—обычай прекрасный, приучающій дѣтей къ точному, определенному выраженію мыслей.

Въ слѣдующій за тѣмъ часъ происходило разложеніе на составныя звуки слова Bett. Вотъ какъ приблизительно велось это дѣло.

„Скажите громко и ясно Bett (ученики по звуку, данному учителемъ, громко произносятъ Bett). — „Произнесите ясно это слово еще разъ, но потише“. „Bett!“ — (Указывая на ученика) „Произнеси ты его одинъ“. — „Что у тебя слышится сначала, когда ты произнесишь Bett?“ „У меня слышится *b-b-b*“. — „Произнесите всѣ *b*“. — *b!*“ „Языкъ у васъ работаетъ или носъ, когда вы произносите *b*?“ „Нѣтъ, ни языкъ, ни носъ, а губы.“ — „Что же вы дѣлаете съ ними, когда вы произносите *b*?“ „Мы ихъ сначала закрываемъ, а потомъ открываемъ“. — „Хорошо! Произнесите же еще разъ погромче Bett“. (Всѣ) „Bett!“ (Затѣмъ учитель произноситъ Bett такъ, что звукъ *e* особенно выдается). — „Что слышишь ты послѣ *b*?“ „Я слышу *e*“. — „Произнесите всѣ *e*“. (Ученики произносятъ этотъ звукъ сначала длинно, а потомъ коротко: *e-e-e!*) — „Какъ же называется, слѣдовательно, второй звукъ въ Bett?“ „Второй звукъ въ Bett называется *e*“. (Затѣмъ учитель съ помощью вопросовъ доходитъ до того, что ученики называютъ звукъ *e* гласнымъ. Этого достигъ учитель довольно скоро, такъ какъ ученики разлагали уже прежде слова Hut и Rad, слѣдовательно, познакомились съ гласными *u* и *a*). — „Произнесите всѣ Bett, но полегче“. (Затѣмъ учитель самъ произноситъ Bett, дѣлая особенно слышимымъ звукъ *t*). — „Что же вы еще слышите въ словѣ Bett?“ „Мы слышимъ въ словѣ Bett еще *t*“. — „Произнесите всѣ *t*“. (Обращаясь къ одному). „Можешь ли ты мнѣ назвать еще какое-нибудь слово, гдѣ бы слышался такой же звукъ, при произношеніи котораго у тебя такъ же бы дѣйствовалъ языкъ, какъ теперь?“ „Опъ у меня дѣйствуетъ такъ же, когда я произношу слово Rad“. — „Да, но не совсемъ такъ, какъ въ словѣ Bett. Не знаешь ли ты еще какого-нибудь другаго слова?“ (Ученикъ произноситъ слово Hut). „Итакъ, сколько же звуковъ ты слышишь въ словѣ Bett?“ Въ словѣ Bett я слышу три звука“. — „Произнесите первый, второй, третій. — Что слѣдуетъ за звукомъ *b*?“ „За звукомъ *b* слѣдуетъ *e*“. — Что слѣдуетъ за *e*?“ „За *e* слѣдуетъ *t*“.

Разложивъ слово Bett на составныя звуки, учитель приступилъ къ писанію его на доскѣ, при чемъ онъ не упускалъ изъ виду самостоятельности учениковъ, возбуждая ее при каждомъ удобномъ случаѣ, что можно видѣть изъ послѣдующей бесѣды.

„Теперь мы будемъ писать слово Bett“ (должно при этомъ замѣтить, что ученики уже прежде писали слова Hut и Rad). „Какую букву я долженъ сначала написать?“ „Вы должны сначала написать *B*. (Учитель подлѣ нарисованной имъ въ предыдущіе классы кровати пишетъ чрезвычайно медленно и въ большихъ размѣрахъ букву *b*). „Какъ произносится эта буква?“ „Эта буква произносится *b*“. „Что я теперь дальше долженъ писать?“ „Теперь вы должны писать *e*“. (Учитель пишетъ *e* подлѣ *b*) „Какъ произносится послѣдняя буква?“ „Она произносится *e*“. „Чего еще недостаетъ для того, чтобъ

было написано слово *Bett*?“ „Еще не достааетъ буквы *t*“. „Обратите вниманіе, какъ я пишу *t*: вверхъ, внизъ, поперечная черта внизу ¹⁾. Къ этому *t* я еще прибавлю *t*: вверхъ, внизъ, поперечная черта внизу. Какую букву я написалъ дважды?“ „Вы написали дважды букву *t*“. „Теперь я скажу вамъ, почему я написалъ ее дважды. Какъ произносится въ словѣ *Bett* буква *e*, какъ *e-e* или какъ *e*?“ „Буква *e* въ словѣ *Bett* произносится какъ *e*, то-есть, коротко“. „Смотрите! Второе *t* и есть признакъ того, что букву *e* должно произнести коротко. Если бы написать здѣсь одно *t*, то букву *e* должно бы было произнести долго“. (Учитель сравниваетъ произношеніе слова *bett* съ произношеніемъ *Hut*, чтобъ уяснить различіе между краткою и долгою гласной). „Что я написалъ на доскѣ?“ „Вы написали на доскѣ слово *Bett*“. „Теперь я еще разъ внизу напишу слово *Bett*, но только не отдѣляя одной буквы отъ другой. Вниманіе! (Учитель пишетъ слово *Bett* очень большими буквами и однимъ почеркомъ подъ прежде написаннымъ словомъ; впрочемъ, его буквы не стоятъ такъ близко другъ къ другу, какъ это обыкновенно дѣлается). „Что же это написано?“ „Это написано слово *Bett*“. „Ступай ты (говоритъ учитель, обращаясь къ одному изъ слабѣйшихъ учениковъ, которому особенно трудно дается письмо) ко мнѣ и покажи въ воздухѣ этой пальочкой, какъ я писалъ слово *Bett*; всѣ остальные пишете въ воздухѣ влѣдъ за нимъ“. Послѣ продолжительнаго упражненія въ письмѣ по воздуху, учитель продолжаетъ: „Теперь я самъ вамъ напишу слово *Bett* въ воздухѣ, а вы повторяйте движенія моей руки (при этомъ учитель старается вызвать вниманіе учениковъ къ начертанію буквъ, для чего сопровождаетъ каждое движеніе своей руки разнаго рода замѣчаніями и объясненіями). „Кто теперь можетъ написать слово *Bett* на доскѣ?“ (Поднимается вверхъ много рукъ. Учитель вызываетъ къ доскѣ одного и заставляетъ его написать вѣломъ *Bett* подъ написаннымъ имъ словомъ, приказывая другимъ замѣчать его промахи). „Какое ты написалъ слово?“ „Я написалъ слово *Bett*. (Обращаясь къ прочимъ). „Что писавшій въ этомъ словѣ сдѣлалъ не совсѣмъ отетливо (буква *b* не была имъ соединена съ другими буквами)?“ „Писавшій отъ первой буквы не провелъ штриха“. „Хорошо! Напишите же теперь все слово *Bett* на своихъ аспидныхъ доскахъ и старайтесь при этомъ не пропустить ни одной черточки. Достаньте изъ столовъ свои доски! Разъ!—Два!—Три!—Веритесь за грифели! Начинайте!“ (Черезъ 10 минутъ дѣти написали слово *Bett* весьма удовлетворительно).

Такъ ученики приготовительной школы при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій приучаются мыслить объ окружающихъ ихъ предметахъ, замѣчать ихъ свойства, выражать свои мысли въ формѣ правильныхъ предложеній, разлагать слова на составные звуки и наконецъ, писать отдѣльныя буквы и цѣлыя слова. Должно при этомъ замѣтить, что при обученіи письму въ Пруссіи не доускается сначала латинскій шрифтъ, хотя всѣ убѣждены въ его превосходствѣ передъ такъ-называемымъ готическимъ и хотя защитникомъ его въ

¹⁾ По готическому шрифту.

наукѣ является такой авторитетъ, какъ Яковъ Гриммъ; готическій шрифтъ, по убѣжденію Нѣмцевъ-педагоговъ, есть національный шрифтъ, — вотъ поводъ, по которому латинскій шрифтъ не допускается въ низшемъ классѣ никакихъ вообще элементарныхъ училищъ Пруссіи; и только когда ученики уже достаточно привыкли писать готическими буквами, ихъ обучаютъ латинскому шрифту. Такой же порядокъ, разумѣется, наблюдается и при обученіи чтенію: дѣти начинаютъ читать по готическому шрифту, на которомъ составлены и всѣ такъ-называемые аппараты для обученія чтенію (*Lesemaschine*). Примѣненіе аппарата къ дѣлу преподаванія я видѣлъ два раза въ V-мъ классѣ приготовительной школы при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій, — въ первый разъ составлялось на немъ слово *Hut*, во второй *Bett*. Опишу составленіе послѣдняго слова. Учитель прежде всего заставилъ многихъ учениковъ повторить, изъ какихъ звуковъ состоитъ слово *Bett*, а потомъ одному велѣлъ написать это слово на классной доскѣ; затѣмъ сказалъ, что онъ будетъ составлять печатное *Bett*.

„Какую букву я долженъ вамъ сначала показать?“ „Вы покажете намъ букву *B*“. (Учитель отыскалъ дощечку соотвѣтствующей категоріи¹⁾, съ наклеенными на ней согласными буквами, и вставилъ ее въ отверстіе, прорѣзанное въ доскѣ въ вертикальномъ направленіи такъ, что буква *b* (величиною, по крайней мѣрѣ, въ вершокъ) остановилась противъ отверстія аппарата. „Что я теперь долженъ показать вамъ?“ — Вы должны показать намъ букву *e*“ и т. д.

Учитель отыскиваетъ линейку съ гласными буквами, вставляетъ ее въ отверстіе, прорѣзанное въ доскѣ въ горизонтальномъ направленіи такъ, что буква *e* является въ отверстіи подлѣ буквы *b*; затѣмъ слѣдуютъ новыя замѣчанія учителя относительно вышшняго вида буквы *e*, имѣющія цѣлью запечатлѣть ея начертаніе въ памяти учениковъ. Точно также учитель поступаетъ съ буквами *tt*. Такимъ образомъ на аппаратѣ появляется цѣлое печатное слово *Bett* въ ясныхъ и большихъ очертаніяхъ, что чрезвычайно важно для начинающихъ. Но кромѣ этого достоинства аппаратъ Борна имѣетъ много другихъ; такъ, на примѣръ, съ помощью его можно быстро и легко образовать множество словъ, передвигая только горизонтальныя или вертикаль-

¹⁾ Всѣ дощечки раздѣлены въ ящикѣ по категоріямъ: 1) 6 дощечекъ назначены для начальныхъ упражненій, 2) 6 для упражненій въ слогахъ съ двумя гласными, 3) 6 для упражненій въ словахъ, состоящихъ изъ 3-хъ гласныхъ, 4) 10 для упражненій въ трехсложныхъ словахъ, а также въ словахъ съ прописною буквой.

ныя дощечки. Такимъ образомъ изъ знакомаго уже ученику слова образуется новое слово, чѣмъ, конечно, возбуждается интересъ въ ученикахъ. Такъ какъ эти комбинаціи могутъ быть чрезвычайно разнообразны, то этимъ устраняется опасность заучиванія словъ наизусть, что часто встрѣчается при обученіи чтенію по обыкновеннымъ азбукамъ. Такъ какъ устройство аппарата необыкновенно просто, то, при многочисленности класса, онъ можетъ быть отданъ лучшимъ, болѣе успѣвшимъ дѣтямъ, которые могутъ служить помощниками учителя и заниматься на аппаратѣ упражненіями со слабѣйшими своими товарищами; вообще онъ представляетъ много удобствъ для примѣненія системы взаимнаго обученія. При этомъ слова, составляемая на аппаратѣ, берутся не вымышленныя, не небывалыя, а дѣйствительно встрѣчающіяся въ нѣмецкомъ языкѣ. Таковы достоинства изобрѣтенія Борна, примѣннаго во многихъ школахъ Пруссіи и одобреннаго множествомъ педагоговъ не только германскихъ, но французскихъ и швейцарскихъ.

Этимъ впрочемъ еще не ограничивается первоначальное обученіе чтенію и письму. Для того, чтобы возбудить къ нему большій интересъ въ дѣтяхъ, учитель разказываетъ имъ маленькія исторійки о тѣхъ предметахъ, о которыхъ велась бесѣда въ классѣ и названія которыхъ писались на доскѣ или же разлагались на составныя звуки. Такъ, разложивъ, на примѣръ, слово Hut на составныя звуки, учитель разказываетъ ученикамъ исторію о воробьяхъ подъ шляпой. На другой день ученики разказываютъ эту исторію учителю. По мнѣнію послѣдняго, подобные разказы имѣютъ вліяніе на развитіе въ ученикахъ памяти и способности говорить связно и правильнымъ языкомъ. Съ цѣлью же развитіе въ ученикахъ память, заучиваются послѣдними (сначала со словъ учителя, а потомъ изъ книгъ) маленькія стихотворенія, которыя произносятся потомъ въ классѣ *внятно* и съ правильною постановкой удареній. Вотъ гдѣ, слѣдовательно, начинаются Declamirübungen, продолжающіяся въ теченіе всего курса приготовительной школы и гимназій, отъ сексты до оберъ-примы включительно. Въ V-мъ же классѣ приготовительной школы начинается и обученіе пѣнію; стихотворенія, заученныя наизусть, сначала весьма небольшія по объему (не болѣе двухъ-трехъ строчекъ), поются учениками подъ руководствомъ учителя; ноты для пѣнія находятся въ азбукѣ.

Покончивъ упражненія съ такъ-называемыми Normalwörter, удивившись, что ученики умѣютъ разлагать ихъ на составныя части,

умѣютъ писать ихъ и читать въ печатной азбукѣ, учитель приступаетъ затѣмъ къ чтенію небольшихъ предложеній, составляемыхъ изъ этихъ „нормальныхъ“ словъ. И не буду говорить здѣсь о порядкѣ, въ которомъ ведется это дѣло, ибо мнѣ не удалось его видѣть; сдѣлаю только нѣсколько замѣчаній, сообщенныхъ мнѣ учителемъ V-го класса приготовительной школы г. Лютеромъ. По его словамъ, чтеніе отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній по азбукѣ Бёма нисколько не исключаетъ упражненій на аппаратѣ Борна, къ которому онъ всегда прибѣгаетъ въ томъ случаѣ, если встрѣтится въ книгѣ слово, затрудняющее дѣтей. Такимъ образомъ съ помощію этого аппарата ученики постепенно одолеваятъ всѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при чтеніи и которыя, разумѣется, возрастаютъ въ строгой постепенности, съ какою расположено и самый учебникъ Бёма.

Относительно употребляемыхъ при этомъ внѣшнихъ приѣмовъ должно замѣтить, что и здѣсь учитель держится постепенности: сначала, когда ученики съ трудомъ разбираютъ слова и когда поэтому они слѣдятъ пальцемъ за каждымъ словомъ, учитель заставляетъ ихъ отвѣчать сидя; когда же (обыкновенно послѣ перваго мѣсяца) они приобретутъ нѣкоторую бѣглость чтенія, онъ заставляетъ ихъ читать стоя и притомъ такъ громко, чтобы весь классъ могъ слышать каждое читаемое предложеніе. Хоровое и одиночное чтеніе смѣняютъ другъ друга, однакожь послѣднее употребительнѣе перваго, на томъ основаніи, что хоровое чтеніе дѣйствуетъ усыпительно на духъ дѣтей и мало вызываетъ самостоятельность слабѣйшихъ въ чтеніи учениковъ. Но такъ какъ хоровое чтеніе есть одно изъ лучшихъ средствъ заставить всѣхъ учениковъ читать внятно, то оно и употребляется по временамъ. Учитель по возможности остерегается при этомъ, чтобы не дойти до крайности и не заставить дѣтей кричать при чтеніи, потому что подобное выкрикиванье не только въ высшей степени неблагообразно, но и чрезвычайно мѣшаетъ чистому произношенію звуковъ и правильной постановкѣ удареній; въ крикливомъ чтеніи скрадываются согласные звуки и не замѣчаются измѣненія голоса. Кроме того, крикливое чтеніе портитъ молодые голоса; поэтому учитель при хоровомъ чтеніи и наблюдаетъ, чтобы оно было внятно, но не переходило въ крикъ.

Таковъ методъ обученія чтенію и письму. Педагогическая годность его не можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Съ помощію его ребенокъ постепенно и безъ затрудненій узнаетъ всѣ звуки изучаемаго языка, и притомъ они являются ему не особнякомъ, а въ связи,

въ цѣломъ, въ словѣ, которое онъ разлагаетъ на составныя части. При этомъ методѣ ребенокъ одновременно учится говорить, читать, писать и отчасти рисовать, при чемъ сосредоточиваются силы ребенка и въ немъ возбуждается интересъ къ предмету. Разнообразіе упражненій, требуемое этимъ методомъ, сообщаетъ ему живость, устраняетъ усталость какъ въ учителѣ, такъ и въ ученикахъ, которымъ предоставляется при этомъ обширное поле для самодѣятельности. Наконецъ манкировки учениковъ при этомъ методѣ менѣе чувствительны, такъ какъ ученику всегда есть возможность восполнить пропущенное имъ посредствомъ повторенія изученнаго при составленіи новыхъ разнообразныхъ словъ.

Педагогическія достоинства этого метода объясняютъ тѣ результаты, которые достигаются съ помощью его въ V-мъ классѣ приготовительной школы Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій. Дѣти этого класса всѣ вообще очень развиты, что доказывается ихъ всегда обдуманннми отвѣтами, и обладаютъ весьма основательными свѣдѣніями. Успѣху дѣла въ этомъ случаѣ много способствуетъ личность учителя, отъ души преданнаго своему дѣлу и съ любовью къ нему относящагося. Нельзя не удивляться, какъ точно и ясно онъ умѣетъ ставить свои вопросы, какъ терпѣливо онъ борется съ непониманіемъ слабѣйшихъ своихъ учениковъ. Любовь учителя къ дѣлу отражается и на его ученикахъ: я никогда не замѣчалъ, чтобы дѣти были невнимательны въ классѣ, чтобы они равнодушно, безъ интереса, относились къ преподаванію.

Уроки отечественнаго языка въ другихъ классахъ приготовительной школы при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій не столь интересны, какъ въ V-мъ классѣ, а потому я ограничусь только *указаніемъ* того, что дѣлается въ нихъ по нѣмецкому языку.

Въ IV-мъ классѣ дѣти уже читаютъ и пишутъ. Руководствомъ для чтенія служитъ имъ *Lesefibel von Böhm*. Изъ этой книжки они прочитываютъ около 70-и страницъ. Сначала читаются только краткія фразы, а потомъ и связные разказы. Если встрѣчается вопросительное предложеніе, то учитель непременно требуетъ отъ учениковъ отвѣта на вопросъ учебника. Этотъ отвѣтъ (всегда полное предложеніе) разлагается другими учениками по отдѣльнымъ словамъ, послѣднія же по буквамъ. Разложеніе словъ считается здѣсь лучшимъ средствомъ для навыка въ орфографіи, на которую въ IV-мъ классѣ учитель обращаетъ уже вниманіе ¹⁾; такъ, ученики этого класса приу-

¹⁾ Имѣя однакожь въ виду правило: *Schreibe, wie du richtig sprichst.*

чаются къ употребленію прописной буквы въ существительныхъ и послѣ точки. Слово, разложенное на составныя части, немедленно пишется учителемъ на доскѣ, а учениками въ тетрадяхъ. Такого рода письменныя упражненія хотя очень полезны, но мнѣнію преподавателя, но отнимаютъ много времени; послѣднее доказывается уже тѣмъ, что въ теченіе цѣлаго полугодія ученики успѣваютъ написать не болѣе 50-и предложений. Кромѣ подобнаго диктанта, орфографическія занятія этого класса состоятъ еще въ списываніи съ книги.

Занятія III-го класса по отечественному языку состоятъ въ чтеніи, въ заучиваніи стихотвореній и въ орфографическихъ упражненіяхъ. Во второй половинѣ курса III-го класса къ этому присоединяется еще знакомство съ грамматикою. Послѣдняя начинается съ этимологій, а не съ синтаксиса, какъ теперь это принято у насъ. Такой порядокъ прохожденія грамматики объясняется орфографическими цѣлями: приготовительная школа при Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій стремится прежде всего научить дѣтей правописанію, а потому преподаватели ея знакомятъ учениковъ III-го класса только съ этимологіей, изъ которой они проходятъ здѣсь о членѣ, объ имени существительномъ, прилагательномъ, числительномъ, о глаголѣ и личномъ мѣстоименіи (по учебнику Гермеса Muttersprache). Умѣнье различать эти части рѣчи помогаетъ усвоенію многихъ орфографическихъ правилъ, которыя безъ этого вовсе не могли бы быть понятны ученикамъ. Такъ какъ въ III-мъ классѣ начинается грамматика, то здѣсь уже становится возможнымъ обратить вниманіе учениковъ на правописаніе флексій¹⁾. Изученію правописанія содѣйствуетъ также и чтеніе, при которомъ учитель очень часто указываетъ случаи уклоненія орфографіи отъ произношенія. Упражненія въ чтеніи въ III-мъ классѣ (по руководству Отто Шульца) кромѣ того имѣютъ еще ту особенность, сравнительно съ предыдущими классами, что при нихъ требуется уже надлежащая интонація и выразительность. Только добившись ея, учитель рѣшается переходить къ объясненію содержанія прочитаннаго, при чемъ онъ идетъ эвристическимъ путемъ. Стихотвореніе, нѣсколько разъ прочтенное въ классѣ и рассмотрѣнное со стороны содержанія, заучивается учениками наизусть.

Упражненія въ чтеніи продолжаются во II-мъ классѣ по руководству Гуде и Гиттерманна (Vaterländisches Lesebuch von Gude und Git-

¹⁾ Вотъ почему и самый девизъ орфографическихъ упражненій III-го класса выражается такимъ образомъ: Siehe auf die Abstammung und Ableitung der Wörter, um ähnliche Laute zu unterscheiden.

termann, untere Stufe). Изъ грамматики изучаются склоненія, степени сравненія, спряженія и словообразованіе, при чемъ учитель руководствуется тѣмъ же принципомъ, какъ и въ предыдущемъ классѣ, то-есть, онъ пока пользуется грамматикой только для орфографическихъ цѣлей. Вотъ почему нѣкоторые свѣдѣнія изъ синтаксиса (о членахъ предложенія и о важнѣйшихъ видахъ предложеній) преподаватель рѣшается сообщать только ученикамъ перваго класса, которые прошли уже важнѣйшую часть этимологій; говорю — важнѣйшую, потому что съ нарѣчіемъ, предлогомъ и союзомъ ученики знакомятся, такъ-сказать, наканунѣ перехода ихъ изъ приготовительной школы въ гимназію, послѣ того какъ уже были сообщены имъ необходимѣйшія свѣдѣнія изъ синтаксиса. Изучая нѣкоторые новые отдѣлы изъ грамматики, ученики I-го класса вмѣстѣ съ тѣмъ повторяютъ все ими пройденное изъ нея въ предыдущихъ классахъ. Изученіе грамматики въ этомъ послѣднемъ классѣ приготовительной школы постоянно сопровождается упражненіями въ чтеніи (по руководству Гуде и Гиттерманна, mittlere Stufe) и диктантами ¹⁾.

¹⁾ Сожалѣю, что недостатокъ времени не позволилъ мнѣ изучить методы преподаванія прочихъ предметовъ приготовительной школы Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи, такъ что я долженъ ограничиться здѣсь приведеніемъ только программъ этихъ предметовъ. *Законъ Божій*. V-й классъ: по библейской исторіи Фюрбрингера (стр. 1—14) о сотвореніи міра, о раѣ, о грѣхопаденіи, о Каинѣ и Авелѣ, объ Авраамѣ; изъ исторіи Новаго Завѣта разказывается только то, что относится къ тому или другому празднику; нѣкоторые важнѣйшія молитвы. IV-й классъ: повтореніе пройденнаго; изъ библейской исторіи Фюрбрингера (стр. 14—27); разказы изъ исторіи Новаго Завѣта, относящіяся къ тому или другому празднику; 10 заповѣдей (безъ объясненія); церковныя пѣсни и молитвы. III-й классъ: повтореніе и дополненіе пройденнаго; по библейской исторіи Фюрбрингера, ч. I и II: Моисей, исходе Израильтянъ изъ Египта, странствованіе въ пустынь, Синай, золотой телець, смерть Моисея; Новый Завѣтъ: разказы, относящіяся къ праздникамъ, Христосъ до 12-и лѣтъ: объясненіе заповѣдей Моисеевыхъ и «Отче нашъ»; церковныя пѣсни. II-й классъ: повтореніе пройденнаго по Фюрбрингеру, ч. II: Исусъ Навинъ, Самуиль, Саулъ, Давидъ и Соломонъ; Новый Завѣтъ: разказы, относящіяся къ праздникамъ, Наинскій юноша; церковныя пѣсни и молитвы; первый членъ символа вѣры съ объясненіями Лютера. I-й классъ: повтореніе пройденнаго, по Фюрбрингеру: паденіе царствъ Іудейскаго и Израильскаго, Давидъ; Новый Завѣтъ: разказы, относящіяся къ праздникамъ; нѣкоторые воскресныя евангелія; церковныя пѣсноцѣнія, молитвы, псалмы, тексты изъ библии; первый и второй членъ символа вѣры съ объясненіями. *Ариметика*. V-й классъ: 4 дѣйствія съ цѣлыми числами отъ 1—20. IV-й классъ: 4 дѣйствія съ цѣлыми числами отъ 1—100; таблица умноженія единицъ. III-й классъ: 4 дѣйствія съ

Окончивъ курсъ приготовительной школы, дѣти по 10-му году поступаютъ въ сексты гимназій, гдѣ занятія по нѣмецкому языку состоятъ обыкновенно: 1) въ повтореніи грамматикъ, пройденной уже учениками, съ дополненіемъ тѣхъ пробѣловъ въ нихъ знанійхъ, которые при этомъ были замѣчены учителемъ; при этомъ преподаватели во всѣхъ видѣнныхъ мною гимназіяхъ останавливаются особенно на ученіи о простомъ предложеніи и частяхъ его, и на правилахъ орфографіи, не упуская изъ виду упражненій въ склоненіи и спряженіи; 2) въ постоянныхъ диктантахъ; 3) въ упражненіи въ чтеніи; 4) въ заучиваніи и въ декламированіи стихотвореній. Каждое изъ этихъ занятій не составляетъ особаго урока; учитель по возможности заставляеть учениковъ каждый урокъ читать что-нибудь изъ хрестоматій, писать подъ диктантъ, декламировать стихотвореніе, спрягать какой-нибудь глаголь или разбирать предложеніе. Преподаватель нѣмецкаго языка въ секстѣ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій Шнейдеръ началъ съ декламации тотъ урокъ, который я посѣтилъ. Онъ сначала самъ прочиталъ стихотвореніе Уланда „Des Knaben Berglied“, а потомъ заставилъ двухъ-трехъ учениковъ повторить его; убѣдившись, что ученики его читаютъ съ толкомъ, учитель предложилъ имъ для чтенія прозаическую статью „Das Leben der Geiszbuben auf den Alpen“, такъ какъ прочтенное стихотвореніе Уланда и эта статья находятся въ близкой связи, говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ и только изображаютъ съ разныхъ сторонъ жизнь мальчика-горца: Уландъ рисуетъ привлекательную ея сторону, авторъ же прозаической статьи говоритъ только о мрачной ея сторонѣ. Затѣмъ ученики

цѣлыми числами болѣе 100; таблица умноженія единицъ и десятковъ. II-й классъ: повтореніе пройденнаго, устныхъ и письменныхъ упражненія. I-й классъ: 4 дѣйствія съ цѣлыми именованными числами; устныхъ и письменныхъ упражненій. *Географія*. III классъ: отчизновѣдніе: объясненіе важнѣйшихъ географическихъ терминовъ. II-й классъ: объясненіе глобуса; обзоръ Европы (ея границы, моря, заливы, острова, полуострова, цѣпи горъ, вѣднѣйшія государства и ихъ главные города). I-й классъ: повтореніе географіи Европы и обзоръ остальныхъ частей свѣта. *Черченіе*. III-й классъ: прямыя линіи. II-й классъ: прямолинейныя фигуры. I-й классъ: прямолинейныя фигуры. *Чистописаніе*. V-й классъ: строчныя и прописныя буквы нѣмецкаго алфавита (отдѣльно и въ словахъ). IV-й классъ: строчныя и прописныя буквы нѣмецкаго алфавита и строчныя латинскія (отдѣльно, въ слогахъ, словахъ и предложеніяхъ). III-й классъ: строчныя и прописныя буквы нѣмецкаго и латинскаго алфавита; слова и предложенія на обоихъ шрифтахъ. II-й классъ: то же. I-й классъ: упражненія въ скорписаніи и въ курсивѣ. *Пѣніе*. I-й классъ: изученіе нотныхъ знаковъ; гамма, хорвое пѣніе.

разбирали прочитанное ими стихотвореніе съ этимологической стороны; встрѣчаясь съ тою или съ другою частью рѣчи, учитель останавливалъ ихъ на ней, и предлагалъ имъ рядъ относящихся сюда вопросовъ; такъ, при членѣ *der* онъ спросилъ ихъ: какіе существуютъ виды члена, чѣмъ отличается членъ *der* отъ мѣстоименія *der*? При словахъ „am ersten“ учитель спросилъ о видахъ числительныхъ, заставивъ ихъ при этомъ взять для сравненія числительныя латинскаго языка; спросилъ о томъ, какія числительныя склоняются и какія нѣтъ, по какому склоненію склоняется *der erste*; затѣмъ учитель перешелъ къ видамъ склоненія прилагательныхъ, предложивъ при этомъ ученикамъ просклонить нѣсколько образцовъ сильнаго и слабого склоненія прилагательныхъ. Классъ закончился спряженіемъ глагола *tragen* и указаніемъ различія между *Ablaut* и *Umlaut*. Въ другой разъ у того же учителя весь урокъ состоялъ въ чтеніи отрывка изъ сочиненія Нибурга — *Griechische Heroengeschichte*, помѣщеннаго въ хрестоматіи подъ заглавіемъ *Die Fahrt der Argonauten*. Учитель требовалъ громкаго, выразительнаго чтенія, останавливая читающаго на знакахъ препинанія. Объясненій при чтеніи этой статьи было очень немного, и всѣ они были чрезвычайно разнохарактерны; такъ, по поводу того, что мачиха хотѣла принести Фрикса въ жертву, учитель спросилъ, существуютъ ли теперь человѣческія жертвоприношенія и когда они были въ употребленіи? Онъ потребовалъ при этомъ, чтобъ ученики припомнили всѣ извѣстные имъ случаи приношенія въ жертву людей. По поводу паденія Геллы въ море учитель спросилъ о географическомъ положеніи Геллеспонта; по поводу того, что Язонъ потерялъ башмакъ, учитель говорилъ о томъ, какого вида были башмаки древнихъ и какъ они носились. Наконецъ, третій посѣщенный мною урокъ этого учителя состоялъ главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что вызываемые на средину класса ученики, оборотясь лицомъ къ товарищамъ, разказывали содержаніе статьи, прочитанной ими въ прошедшій разъ; не мало времени тратится на это преподавателемъ нѣмецкаго языка, но тратится очень производительно, такъ какъ только съ помощью подобныхъ устныхъ изложеній прочитаннаго можно развить въ ученикѣ способность выражать свои мысли логично и правдивымъ языкомъ. Конецъ урока былъ посвященъ чтенію и этимологическому разбору стихотворенія Копиша „*Die Heinzelmännchen*“. Этимологическій разборъ шелъ такимъ же путемъ, какъ и прежде, съ тою только разницей, что теперь учитель посвятилъ особенное вниманіе залогамъ глагола, заставляя учениковъ нѣсколько разъ обра-

щать дѣйствительный залогъ въ страдательный и показывая переходныя, какія происходятъ въ предложеніи вслѣдствіе этихъ превращеній. Этимологическій разборъ хотя и сопровождается синтаксическимъ, но послѣдній отнимаетъ не много времени у преподавателя, который въ этомъ классѣ сообщаетъ только важнѣйшія синтаксическія правила. Впрочемъ не одинъ нѣмецкій синтаксисъ изучается на латинскихъ классахъ: уроки латинскаго языка служатъ также прекраснымъ средствомъ и для повторенія этимологіи нѣмецкаго языка, ибо въ прусскихъ гимназіяхъ принято за правило изучать формы латинскаго языка, сравнивая ихъ постоянно съ формами языка отечественнаго.

Говоря о занятіяхъ учениковъ сексты по нѣмецкому языку, я не могу не упомянуть о результатахъ этихъ занятій: въ большей части видѣнныхъ мною гимназій результаты эти замѣчательны. Слушая отвѣты учениковъ, невольно удивляешься ихъ умѣнию логично и правильно разказывать содержаніе прочитанныхъ ими статей; удивляешься ихъ развязному, громкому и подчасъ изящному декламированію стихотвореній, у нѣкоторыхъ даже съ умѣренною жестикულიцею; по удивленіе это еще болѣе увеличивается, когда взглянешь въ ученическія тетради для диктантовъ: изъ 18-и просмотрѣнныхъ мною такихъ тетрадей, я только въ одной нашелъ 12 орфографическихъ ошибокъ на двухъ страницахъ, среднее же число ошибокъ у секстанеровъ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи не превышаетъ 6-и. Почеркъ у всѣхъ четкій и даже красивый.

Достиженію такихъ, можно сказать, блестящихъ результатовъ, безъ сомнѣнія, способствуетъ не только та подготовка, съ какою дѣти поступаютъ въ гимназію, не только методъ и приемы преподавателей, но и самые учебники, приспособленные къ курсу каждаго класса. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи христоматія Гопфа и Паульзика (*Deutsches Lesebuch für Gymnasien, Real-und höhere Bürgerschulen*), употребляющаяся во Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи. Эта христоматія состоитъ изъ 4-хъ частей, соответствующихъ 4-мъ низшимъ классамъ; каждая часть заключаетъ въ себѣ сборникъ статей и приложение ¹⁾.

¹⁾ Расположеніе той части, которая употребляется въ секстѣ, слѣдующее:

I. *Проза*: А) повѣствовательная: а) разказы (преимущественно Гейбеля и Якобса), б) сказки и басни (Гримма и Лессинга), с) саги (преимущественно изъ сборника Гримма), д) исторія: α) характеристики (преимущественно Вебера, Клоппа и Гибеля), β) біографіи (большую частью составленныя Пей-

Преподаваніе нѣмецкаго языка въ квинтѣ находится въ тѣсной связи съ преподаваніемъ его въ секстѣ. Связь эта проявляется въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи къ курсу грамматики и въ отношеніи къ занятіямъ ореографіей. Уже выше было замѣчено, что въ секстѣ преимущественно изучается этимологія, синтаксическія свѣдѣнія сообщаются въ самомъ ограниченномъ количествѣ; напротивъ въ квинтѣ главнѣйшее вниманіе учителя обращено на ученіе о предложеніяхъ, которое вполне заканчивается въ слѣдующемъ классѣ. Изученіе синтаксиса въ квинтѣ, подобно изученію этимологіи въ секстѣ, неразрывно соединяется съ занятіями ореографіей, которыя здѣсь преимущественно направлены къ усвоенію учениками употребленія знаковъ препинанія и бываютъ каждую недѣлю; письменныя упражненія, какъ и въ секстѣ, состоятъ здѣсь почти исключительно въ диктажахъ; во всѣхъ видѣнныхъ мною гимназіяхъ диктуются прозаическія статьи, только въ Кнейпгефской Кенигсбергской гимназіи ученики нерѣдко пишутъ подъ диктантъ и стихотворенія. Если ко всему этому прибавить еще упражненія въ выразительномъ чтеніи и въ декламированіи стихотвореній, то получится весь объемъ занятій учениковъ квинты по отечественному языку. Какъ ведутся эти занятія, какого метода держатся при этомъ преподаватели, можно видѣть изъ прилагаемаго здѣсь описанія двухъ уроковъ нѣмецкаго языка, которые дали при мнѣ учителя Бенке и Таубертъ въ двухъ отдѣленіяхъ квинты Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи. Первый урокъ начался декламированіемъ стихотвореній. Такъ какъ ученики въ теченіе двухъ лѣтъ нѣсколько уже привыкли къ выразительному произношенію стиховъ, то поэтому не самъ учитель, какъ обыкновенно,

церомъ); В) описательная проза: а) картины изъ жизни животныхъ и растений (по большей части Гумбольдта и Чуди), б) картины мѣстностей (Шуберта), в) картины изъ жизни человѣка (преимущественно Кернера, Шуберта и Чуди).

II. *Поэзія*. А) эпическая: а) басни (Рюккерта, Гёте, Глейма, Гагедорна и др.), б) разказы, баллады и романы: а) касающіеся жизни человѣка вообще (Геллерта, Бюргера, Уланда, Гёте и др.), б) имѣющіе въ основѣ своей народныя преданія (Копиша, Шамиссо, Уланда и Зимрока); γ) историческаго содержанія (Зимрока и Коэегартена); В) лирическая поэзія: а) свѣтскія пѣсни (Рейнике, Уланда, Гебеля, Клаудіуса, Шиллера, Уланда и др.), б) духовныя пѣсни (Клаудіуса, Гебеля, Арида, Брентано и др.).

Приложеніе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой заключаются важнѣйшія правила ореографіи, во второй—объясненія нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ хрестоматіи; въ третьей—важнѣйшія правила этимологіи (о частяхъ рѣчи, о склоненіяхъ и спряженіяхъ, о предлогахъ).

начинаетъ это чтеніе, а одинъ изъ учениковъ. На этотъ разъ выбрано было стихотвореніе Штебера „Der Läufer von Glarus“, патристическаго характера; сюжетъ его заимствованъ изъ одного историческаго народнаго преданія, помѣщеннаго въ сборникъ Гримма „Deutsche Sagen“. Ученикъ читалъ выразительно, съ приличною интонаціей, и только изрѣдка учителю приходилось указывать ему тѣ слова, которыя онъ долженъ былъ произнести громче обыкновеннаго, разъясняя ему ихъ логическое значеніе въ предложеніи, а слѣдовательно, и причину, почему на нихъ должно стоять удареніе. Когда такимъ образомъ два раза было прочитано стихотвореніе, ученикъ сталъ разказывать его содержаніе. Роль учителя при этомъ не была пассивною; напротивъ онъ постоянно останавливалъ ученика, то разъясняя ему непонятныя слова, встрѣчающіяся въ этомъ стихотвореніи, то исправляя грамматическія ошибки его разказа; ни одинъ неправильный нѣмецкій оборотъ рѣчи, ни одинъ промахъ въ склоненіи или въ спряженіи не ускользалъ отъ вниманія учителя, который, не довольствуясь однимъ голословнымъ исправленіемъ ошибки, требовалъ отъ другихъ учениковъ объясненія того правила грамматики, противъ котораго сдѣлана была погрѣшность. Такая требовательность преподавателя относительно чистоты, правильности и точности устной рѣчи учениковъ приноситъ прекрасныя плоды: они постепенно привыкаютъ къ соблюденію этихъ качествъ хорошаго языка. При этомъ я не могу не замѣтить, что въ прусскихъ гимназіяхъ неряшливость устныхъ отвѣтовъ преслѣдуется не въ одномъ только классѣ нѣмецкаго языка; за этимъ наблюдаетъ рѣшительно каждый учитель какаго бы то ни было предмета, такъ что мнѣ случалось слышать, какъ учитель исторіи дѣлалъ ученику выговоръ за чисто стилистическія ошибки въ его отвѣтѣ. Возвращаясь къ описанію урока г. Бенке. Не удовольствовавшись тѣмъ, что одинъ ученикъ разказалъ содержаніе прочитаннаго, онъ вызвалъ еще двухъ-трехъ учениковъ и заставилъ ихъ повторить разказъ. Правильный, и можно сказать, даже изящный разказъ послѣдняго изъ нихъ далъ ему поводъ, наконецъ, нѣсколько видоизмѣнить свои занятія. Онъ велѣлъ одному изъ учениковъ разказать стихотвореніе отъ имени автора, обративъ вниманіе ученика на то, какія перемѣны влѣдствіе этого произойдутъ въ его разказѣ сравнительно съ изложешіемъ, сдѣланнымъ его товарищами; особенное затрудненіе въ этомъ случаѣ для разказывающаго представляла необходимость избѣгать діалогической формы. Когда ученики совокупными силами преодолѣли это затрудненіе, учи-

тель перешелъ, наконецъ, къ синтаксическому разбору этого стихотворенія, съ которымъ соединилъ объясненіе нѣкоторыхъ правилъ разстановки знаковъ препинанія, именно точки, двоеточія, запятыхъ и знака восклицательнаго.

Урокъ нѣмецкаго языка, данный при мнѣ г. Таубертомъ во 2-мъ отдѣленіи квинты Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи, состоялъ исключительно въ грамматическомъ разборѣ одной прозаической статьи, помѣщенной во 2-й части хрестоматіи Гопфа и Паульзика. Когда эта статья была прочитана ученикомъ, безъ всякихъ объясненій со стороны учителя, послѣдній перешелъ къ грамматическому разбору первыхъ ея строкъ, стараясь, чтобы весь классъ принималъ живое участіе въ этомъ занятіи. Вотъ приемы этого разбора.

„Прочитай до точки съ запятой! Какъ назвать то, что ты сейчасъ прочиталъ?“ „Это предложіе“. (Указывая на другаго ученика) — „Поправь отвѣтъ своего товарища“. „Здѣсь нѣсколько предложій“. — „Какъ же называются они всѣ вмѣстѣ?“ „Сложнымъ предложіемъ“. — „Изъ сколькихъ же предложій состоитъ это сложное предложіе?“ „Изъ трехъ“. — „Какъ назвать слова *die einzige Antilopenart Europas?*“ „Приложіемъ“. — „Къ какому слову относится оно?“ „Къ подлежащему главнаго предложія *die Gemsen*“. — „Почему стоятъ запятая послѣ слова *die Gemsen* и передъ *Europas?*“ „Потому что приложіе, находящееся среди другаго предложія, имѣетъ всегда запятая впереди и позади себя“. — „Чѣмъ начинается находящееся здѣсь придаточное предложіе?“ „Мѣстоиміемъ *die*“. — „Какъ оно называется?“ „Мѣстоиміемъ относительнымъ“. — „Почему оно имѣетъ такое названіе?“ „Потому что имъ показывается отношеніе придаточнаго предложія къ одному изъ членовъ главнаго“. — „Назови еще другое относительное мѣстоименіе!“ „*Welcher, welche, welches*“. — „Какою частью рѣчи еще можетъ быть *der?*“ „Членомъ“. — „Просклоняй мѣстоименіе *der*. (Ученикъ склоняетъ его безошибочно). — „Разбери придаточное предложіе. (Ученикъ разбираетъ его правильно). — „Какъ называется мѣстоименіе *unser?*“ „Притяжательнымъ“. — „Какъ перевести его по латини *Noster?*“ (разбирается дальше до точки). — „Почему между словами *schönen* и *flüchtigen* стоитъ запятая?“ „Потому что это слитное предложіе, а въ слитномъ предложіи два или болѣе подлежащихъ, сказуемыхъ, опредѣлений и дополненій, не связанныхъ союзомъ, всегда отдѣляются другъ отъ друга запятыми“. — „Какъ называется мѣстоименіе *jene?*“ „Указательнымъ“. — „А какъ сказать по латини: указательное мѣстоименіе?“ „*Proponen demonstrativum*“. — „Какъ перевести по латини *jener?*“ „*Ille*“. — „Сколько предложій до слѣдующей точки?“ „Пять предложій“. — „Сколько изъ нихъ главныхъ и сколько придаточныхъ? (Ученики путаются на опредѣлительномъ придаточномъ предложіи, причисляя его къ опредѣлительнымъ словамъ; вскорѣ однакожь они поняли ошибку, когда учитель обратилъ ихъ вниманіе на запятую, отдѣляющую собою придаточное предложіе отъ главнаго). — „Какъ должно назвать порядокъ словъ въ предложіи: *würden sie sich den Herden des Alpenviehes zugesellen?*“ „*Inversio*“. — „Чѣмъ начинается послѣднее при-

точное предложеніе?" „Словомъ wenn“.— „Какая часть рѣчи wenn?" „Союзъ“.— „Что онъ здѣсь означаетъ?" „Условіе“.— „Какъ назвать по латыни соединительный союзъ?" „Conjunctio conditionalis“.— „Если союзъ wenn называется условнымъ, то какъ должно назвать предложеніе, начинающееся этимъ союзомъ?" „Оно также называется условнымъ“.— „Какъ называются придаточныя предложенія, начинающіяся съ dass и damit?" „Обстоятельными члѣнми“.

Вслѣдъ за этимъ учитель предложилъ ученикамъ привести по 2—3 приѣмра на разные виды придаточныхъ предложеній. Урокъ законченъ былъ короткимъ этимологическимъ разборомъ послѣдняго предложенія, разобраннаго съ синтаксической стороны.

— „Какая часть рѣчи das Auftreten?" „Существительное“.— „Откуда оно образовалось?" „Изъ глагола auftreten съ приставкою члена das“.— „Какая часть рѣчи stets?" „Нарѣчіе“.— „Какое мѣстоименіе Ihnen и въ какомъ надежѣ оно поставлено? Какія формы eingeflöszt hatte, würden zugesellen, könnten gezähmt werden и пр.?"

Изъ приведенныхъ здѣсь уроковъ видно, что учителя прусскихъ гимназій держатся практическаго метода при преподаваніи грамматики отечественнаго языка. Практическія занятія не исключаютъ однако теоріи; мнѣ нѣсколько разъ случалось быть свидѣтелемъ того, какъ учитель ¹⁾ въ концѣ урока диктовалъ ученикамъ различныя грамматическія правила, разъясненные имъ на разборѣ. Учителя Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій очень рѣдко прибѣгаютъ къ такому диктованію грамматики, такъ какъ важнѣйшія ея правила помѣщены въ приложеніи къ христоматіи Гонфа, вторая часть которой служитъ руководствомъ для учениковъ квинты. Планъ этой части совершенно такой же, какъ и первой; объемъ же ея значительно больше сравнительно съ тою, которая принята въ секстѣ.

Изученіе законовъ отечественнаго языка на разборѣ одной только родной рѣчи, по мнѣнію нѣмецкихъ педагоговъ, не можетъ быть основательнымъ, если не будетъ подкрѣпляться сравнительнымъ изученіемъ грамматики иностраннаго языка и всего лучше, разумѣется, классическаго. Вслѣдствіе такого разумнаго взгляда, каждый латинскій урокъ въ прусской гимназій служитъ для повторенія, всесторонняго усвоенія и даже расширенія свѣдѣній по грамматикѣ отечественнаго языка, приобретенныхъ въ нѣмецкомъ классѣ. Въ свою очередь, конечно, и грамматика роднаго языка помогаетъ ясному пониманію особенностей латинскаго языка. Приѣмромъ подобнаго рода взаимной помощи обоимъ этимъ языкамъ могутъ служить два посѣщенные мною урока латинскаго языка въ квинтѣ Фридрихъ-Вильгельмо-

¹⁾ Въ Иоахимсталской гимназій и Zum grauen Kloster.

вой гимназіи. Первый изъ этихъ уроковъ начался спрашиваніемъ двухъ латинскихъ басенъ Leo и Asinus, помѣщенныхъ въ учебникъ Штрака „Militiae“; эти басни въ предшествующемъ урокѣ были разобраны съ грамматической стороны, переведены на нѣмецкій языкъ и заданы ученикамъ для заучиванья наизусть. На урокѣ одинъ изъ спрошенныхъ учениковъ прочиталъ наизусть заученный имъ латинскій текстъ басни, другой же перевелъ ее безъ книги на нѣмецкій языкъ. Этотъ отчасти ошибочный переводъ подалъ поводъ учителю сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно нѣкоторыхъ особенностей латинскаго синтаксиса сравнительно съ нѣмецкимъ. Такого рода замѣчаній было сдѣлано еще больше при перефразировкѣ басни, состоявшей въ слѣдующемъ: учитель бралъ 2 или болѣе предложеній изъ басни и составлялъ изъ нихъ разныя сочетанія на нѣмецкомъ языкѣ; ученики должны были переводить эти фразы на латинскій языкъ, при чемъ каждый разъ сравнивалось латинское сложное предложеніе съ нѣмецкимъ и всего чаще по отношенію къ союзамъ и къ предлогамъ. Сравнительное изученіе синтаксиса идетъ рука объ руку съ сравнительнымъ повтореніемъ этимологій. Послѣ перевода фразъ басни, ученики просклоняли и спрягали по латыни и по нѣмецки нѣсколько словъ изъ нея; такъ, спрягая по требованію учителя то ту, то другую форму глагола facio, ученики одновременно спрягали и соответствующую ей форму глагола machen; глаголь ferre спрягался вмѣстѣ съ глаголомъ tragen. Урокъ закончился составленіемъ фразъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыя входили формы глагола tragen; каждая такая фраза немедленно переводилась пзустно учениками на нѣмецкій языкъ. Такой же характеръ носилъ на себѣ урокъ латинскаго языка во второмъ отдѣленіи квинты, хотя давалъ его другой учитель. Ученики переводили статьи изъ учебника О. Шульца „Tirocinium“; прочитавъ какое-нибудь латинское предложеніе, ученикъ подробно разбиралъ его сначала съ синтаксической стороны, указывая при этомъ особенности въ построеніи соответствующаго ему нѣмецкаго предложенія, а потомъ съ этимологической, спрягая то тотъ, то другой латинскій глаголь вмѣстѣ съ нѣмецкимъ. Половина урока была посвящена спряженію латинскихъ неправильныхъ глаголовъ, при чемъ учитель держался такого порядка: онъ писалъ на доскѣ спрягаемый глаголь по нѣмецки и по латыни и затѣмъ называлъ только ту или другую форму его; затѣмъ весь классъ хоромъ, громко, отчетливо на двухъ языкахъ спрягалъ написанный на доскѣ глаголь въ указанной учителемъ формѣ; едва только успѣвали кончить спряженіе одной

формы, какъ называлась уже другая, третья и т. д. Отчетливое знаніе учениками формъ обоихъ языковъ, безпрестанная смѣна вопросовъ учителя и быстрота отвѣтовъ учениковъ, все это, скажу безъ преувеличенія, сильно меня поразило.

Программа преподаванія нѣмецкаго языка въ квартѣ существенно немногимъ отличается отъ программы преподаванія его въ квинтѣ: повторяется и дополняется (преимущественно синтаксисъ сложнаго предложенія) грамматика, пройденная въ предыдущемъ классѣ, продолжается заучиваніе и декламированіе стихотвореній, упражненія въ чтеніи и устный разказъ прочитаннаго. Единственное новое занятіе въ этомъ классѣ—сочиненія. Задаваніе ихъ сопровождается расположеніемъ (Dispositiübungen), которое дѣлаютъ ученики подъ руководствомъ учителя. Эта логическая работа, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ важныхъ въ дѣлѣ преподаванія отечественнаго языка въ Германіи; но къ сожалѣнію, мнѣ ни разу не удалось видѣть ее: тотъ мѣсяць, въ теченіе котораго я посѣщалъ прусскія гимназіи, былъ предпоследній въ лѣтнемъ семестрѣ, а въ это время сочиненія задаются уже безъ составленія ихъ плана въ классѣ; ученики обязаны составлять его дома, такъ какъ они въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ приобрѣли уже въ этомъ значительный навыкъ и могутъ, слѣдовательно, расположить мысли въ своемъ сочиненіи безъ помощи учителя. Хотя такимъ образомъ я и не въ состояніи сообщить подробныя свѣдѣнія о ходѣ этихъ упражненій въ видѣнныхъ мною прусскихъ гимназіяхъ, однако не могу не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній относительно того, что обыкновенно наблюдается тамъ учителями при задаваніи ученикамъ сочиненій. Эти замѣчанія, сообщенныя мнѣ однимъ изъ учителей гимназіи Zum grauen Kloster, имѣютъ значеніе не только по отношенію къ квартѣ, но еще болѣе относительно старшихъ классовъ.

1) Было время, и еще очень недавно, когда учителя заваливали учениковъ кучей письменныхъ упражненій. Теперь однако же, вслѣдствіе настоятельныхъ предписаній министерства народнаго просвѣщенія, прошло это увлеченіе сочиненіями, и почти во всѣхъ прусскихъ гимназіяхъ принято теперь за правило—въ теченіе года задавать не болѣе 10-и большихъ сочиненій или 15-и меньшихъ по объему. Такъ, въ Кенигсбергской гимназіи ученики кварты пишутъ сочиненія каждыя 3 недѣли, ученики терціи еженедѣльно приготавливаютъ одно сочиненіе въ классѣ и ежемѣсячно—одно на дому, ученики же секунды и примы ежемѣсячно—одно на дому; въ Іоахимсталъской

гимназіи въ теченіе истекшаго учебнаго года ученики оберъ-примы написали 10 сочиненій, изъ нихъ 8 — на дому и 2—въ классѣ; ученики унтеръ-примы написали 15 сочиненій, въ числѣ которыхъ было 2 классныхъ; ученики же оберъ-и унтеръ-секунды написали по 8 сочиненій на дому ¹⁾; въ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи ученикамъ каждаго класса задается въ теченіе года отъ 10-и до 12-и сочиненій.

2) Задавая какое-нибудь сочиненіе, учитель назначаетъ для него срокъ не менѣе трехъ недѣль; при чемъ нѣкоторые учителя, получивъ сочиненія учениковъ, тотчасъ же предлагаютъ тему на слѣдующій разъ.

3) Учитель читаетъ ученическія сочиненія дома, но указанія и разъясненія ихъ недостатковъ дѣлаются имъ всегда въ классѣ, иначе замѣтки его въ тетрадяхъ учениковъ въ большинствѣ случаевъ остались бы непонятными для нихъ іероглифами или не обратили бы на себя должнаго вниманія учениковъ. Хотя классная цензура ученическихъ сочиненій и отнимаетъ очень много времени у преподавателей отечественнаго языка въ прусскихъ гимназіяхъ ²⁾, однако они, вполне убѣжденные въ ея важномъ значеніи для учениковъ, считаютъ эту трату производительною. При существованіи классной цензуры сочиненій, большинство учителей не дѣлаютъ никакихъ письменныхъ замѣчаній въ тетрадяхъ учениковъ, ограничиваясь только подчеркиваніемъ ихъ ошибокъ или вопросительными и восклицательными знаками. Послѣдніе ставятся въ томъ случаѣ, когда встрѣтится ошибочный фактъ или странная мысль, или нелогичное развитіе мыслей. Ошибочное распредѣленіе частей сочиненія встрѣчается очень рѣдко, такъ какъ планъ его почти всегда составляется въ классѣ подъ руководствомъ учителя.

4) Большая часть сочиненій пишется учениками на темы, назначаемыя самимъ учителемъ и рѣдко на такъ-называемыя *вольныя*; принято также задавать каждый разъ не болѣе одной темы; по мнѣнію многихъ преподавателей отечественнаго языка, свобода въ выборѣ темъ 1) можетъ поставить ученика въ затрудненіе: онъ будетъ

¹⁾ Кромѣ нѣмецкихъ сочиненій, ученики прусской гимназіи (въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ съ оберъ-секунды, въ другихъ съ унтеръ-примы) пишутъ еще и латинскія упражненія; въ Іоакимсталской гимназіи въ оберъ-секундъ 4 раза въ годъ, въ унтеръ-примъ—6 разъ и въ оберъ-примъ—8 разъ; въ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи въ унтеръ-примъ—11 разъ и въ оберъ-примъ—14 разъ.

²⁾ Въ теченіе цѣлаго мѣсяца, посвященнаго мною осмотру прусскихъ гимназій, я могу припомнить не болѣе 2—3-хъ уроковъ, въ которые не было этихъ цензуръ.

бросаться отъ одной темы къ другой и потерять много дорогаго времени, прежде чѣмъ рѣшится на что-нибудь; 2) затрудняетъ и учителя, которому, безъ сомнѣнія, гораздо легче читать сочиненія, написанныя на одну тему, чѣмъ на разныя ¹⁾).

¹⁾ О характерѣ сочиненій учениковъ примы и секунды можно судить по слѣдующимъ темамъ, которыя назначались въ теченіе прошлаго года отчасти во Фридрихъ-Вильгельмовой, отчасти въ Иоахимсталъской гимназій. *Ober-Prima.* 1) Entwicklung des Inhalts von Lessing's Minna von Barnhelm; 2) Ueber die Gastfreundschaft im Alterthum und jetzt; 3) Charakteristik von Schackspear's Coriolan; 4) Richard II, nach Schackspear; 5) Klopstock und Horaz als Sänger des Weines; 6) Welche Bedeutung hat in Schiller's Jungfrau von Orleans das Auftreten Montgomery's und des schwarzen Ritter für die folgenden Entscheidungen; 7) Die Abstufung der militairischen Charaktere in Lessing's Minna von Barnhelm; 8) Chlodwig der Grosse nach Gregor von Tours; 9) Der Chor: Πόλλὰ τὰ δευρὰ κ. τ. λ. aus der Antigone; 10) Der oberste Grundsatz des deutschen Stils nach Lessing; 11) Wer fremde Sprachen nicht kennt, weiss nichts von seiner eignen; 12) Warum lieben wir die Oden des Horaz; 13) Ringe, Deutscher, nach römischer Kraft, nach griechischer Schönheit: Beides gelang dir doch nicht glückte der gallische Sprung (Schiller, Deutscher Genius); 14) Vor jedem steht ein Bild des, was er werden soll: so lang'er das nicht hat, ist nie sein Friede voll. Rückert (Два послѣднія темы заданы были для классныхъ сочиненій).

Unter-Prima. 1) Hagen's Charakter im Nibelungenliede; 2) Hektors Abschied bei Schiller, verglichen mit dem bei Homer; 3) Die Sitten der alten Gallier, verglichen mit denen der alten Deutschen (nach Cäsar und Tacitus); 4) Die Einwirkung der Götter in der Odyssee; 5) Wie zeigen sich im Walter Fürst, Stauffacher und Melchthal die Unterschiede der Alterstufen; 6) Hildebrand und Hadubrand ein Gegenstück zu Glaukos und Diomedes; 7) Thue nur das Rechte in deinen Sachen! Das Andere wird sich von selber machen (Göthe); 8) Imperare sibi maximum imperium est; 9) Fehler, Laster, Verbrechen, Sünde; 10) Vorzüge des Geistes ohne sittliche Gesinnung haben keinen Werth; 11) Was verbindet Freundschaften: fester, täglicher Verkehr oder längere Trennung? 12) Wiederkommen macht, dasz ich Scheiden nicht acht (Сочиненія на два послѣднія темы были написаны въ классѣ).

Ober-Secunda. 1) Welches ist der Zweck des lyrischen Anfangs in Schiller's «Wilhelm Tell»; 2) Die Zustände in Ithaka kurz vor Odysseus Ankunſt; 3) Der Charakter des Domingo in Schiller's «Don Carlos»; 4) Krieg und Frieden nach Schiller's Jungfrau und Wallenstein; 5) Was wird in Schiller's Wallenstein erreicht durch die Einführung der beiden Hauptleute Macdonald und Deverrux? 6) Die Mittelmeer-Nationen des Alterthums; 7) Der Einfluss, welchen die Beschaffenheit eines Landes auf die Entwicklung seiner Bewohner ausübt, nachgewiesen an die Hellenen; 8) Solamen miseris socios habere malorum; 9) De mortuis nil nisi bene; 10) Die Gegenwart die Mutter der Zukunft.

Unter-Secunda. 1) In wie fern man behaupten kann, dasz dem römischen Volke ein Jugendalter, wie es die Griechen durchlebten, nicht zu Theil geworden sei; 2) Europa und America streiten über ihre beiderseitigen Vorzüge (ein

Предметомъ сочиненій для учениковъ терція избираются преимущественно характеристики историческихъ дѣятелей или разказы о какихъ-нибудь историческихъ событіяхъ на основаніи того или другаго изъ древнихъ писателей, а также переводы отрывковъ изъ произведеній древней классической литературы; въ послѣднемъ случаѣ учитель особенно строго наблюдаетъ, чтобы подъ руками учениковъ не было какого-нибудь печатнаго перевода и чтобы такимъ образомъ трудъ ихъ не ограничился простою копировкой. Разказы изъ собственной жизни учениковъ, что также часто бываетъ предметомъ ихъ сочиненій, излагаются обыкновенно въ формѣ писемъ, при чемъ учитель остерегается требовать отъ учениковъ выраженія чувствъ, потому что послѣднее вредно вліяетъ на нравственную сторону учащихся.

Въ квартѣ задаются сочиненія преимущественно описательнаго характера. Можно сказать, что сочиненія въ этомъ классѣ вполне пишутся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ учителя, такъ какъ послѣдній указываетъ тѣ стороны описываемаго предмета, на которые ученики должны обратить вниманіе, и вмѣстѣ съ ними составляетъ подробную диспозицію сочиненія; ученику остается только выразить правильнымъ языкомъ мысли, выработанныя въ классѣ. Впрочемъ въ концѣ учебнаго года, какъ сказано уже было выше, диспозиціи не составляются въ классѣ; въ это время сочиненія учениковъ шести старшихъ классовъ вполне самостоятельны даже по отношенію къ плану, который уже вырабатывается ими дома и представляется на разсмотрѣніе учителя. Для образца привожу здѣсь одинъ изъ этихъ такъ-называемыхъ самостоятельныхъ плановъ, составленный въ мое пребываніе въ Берлинѣ Бюксбаумомъ, ученикомъ оберъ-секунды гимназіи Zum grauen Kloster на тему: „Не тотъ сирота, у кого нѣтъ отца и матери, а тотъ, чье сердце не питаетъ любви къ ближнему и умъ не стремится къ приобрѣтенію знаній“

«I. *Вступленіе.* Участь сиротъ достойна состраданія; потому и устраняются для нихъ дома призрѣнія, чтобы по возможности облегчить ихъ горькую долю. Объясненіе значенія слова сирота.

(Gespräch); 3) Die wichtige Rolle, die das Papier in der Welt spielt; 4) Wer sein selbst Meister ist und sich beherrschen kann, dem ist die weite Welt und Alles unterthan; 5) Die Vortheile der Beredtsamkeit; 6) Schlacht bei Pharsalus nach Caes. bell. civ. lib. III; 7) Ist Manlius mit Recht verurtheilt? nach Livius; 8) Uebertragung einiger Strophen des Nibelungenliedes in die moderne Nibelungenstrophe oder in Hexameter; 9) Rückkehr der Griechen von Troja (ein Gemälde nach Schiller's Gedichten); 10) Prozesz des Theramenes nach Xen. Hell.

II. *Доказательства.* А) Чего навсегда сирота лишена? 1) Любви родителей: а) они принимаютъ живое участіе во всемъ, что касается ихъ ребенка; б) они постоянно думаютъ о его благѣ и для этого жертвуютъ всею. 2) Родительскаго крова: а) мѣста своего рожденія; б) мѣста своего перваго воспитанія; в) мѣста, гдѣ онъ испыталъ на себѣ нѣжную любовь родителей; д) слѣдовательно, пріятныхъ воспомнаній о радостяхъ своего дѣтства. Б) Каковъ долженъ быть человекъ, въ которомъ нѣтъ любви къ ближнему и знаій? 1) Что есть общаго между нимъ и сиротой? а) Онъ ни въ комъ не принимаетъ участія; б) вслѣдствіе этого и другіе относятся къ нему равнодушно, и онъ беспомощенъ, какъ сирота. 2) По положеніе его еще ужаснѣе сиротской доли: а) къ нему не питаютъ уваженія его ближніе, ибо онъ презрѣлъ первый и важнѣйшій долгъ человека; б) онъ томится одиночествомъ въ теченіе всей своей жизни, между тѣмъ какъ для сироты сознаніе одиночества ужасно только въ дѣтствѣ; въ послѣдствіи оно можетъ исчезнуть въ немъ подъ вліяніемъ любви къ ближнему и стремленія къ наукѣ.

III. *Выводъ.* Мы должны стремиться пріобрѣсти любовь къ ближнему; мы должны стремиться къ пріобрѣтенію и расширенію нашихъ знаій; мы должны въ этомъ помогать и другимъ».

Ученики кварты по крайней мѣрѣ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій не составляютъ сами диспозицій въ концѣ учебнаго года: она пишется для нихъ учителемъ. Привожу въ примѣръ одну изъ такихъ диспозицій, данныхъ при мнѣ ученикамъ кварты Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій, для сочиненія на тему „Видъ съ Потсдамской башни“.

«I. Мѣсто наблюдателя: самая верхняя галерея этой башни. Время наблюденія: лѣтній вечеръ. 2) Городъ. Сначала вы смотрите въ ту сторону, гдѣ находится городъ. Значительнѣйшія его зданія. Улица, оживленная экипажами, разнаго рода пѣшеходами; одни изъ послѣднихъ идутъ торопливо, какъ видно, по дѣлу; другіе же медленно, для удовольствія, ходятъ по улицѣ. 3) Окрестности города. Дороги, ведущія въ него. Вокзалъ желѣзной дороги. Приближается поѣздъ; рядъ экипажей тянется отъ вокзала къ городу. Дачи, сады, фабрики, замѣтны издали по дыму, выходящему изъ ихъ трубъ. Кладбище; тишина, царствующая на немъ, въ противоположность городской суетѣ. Пахотныя поля и луга. Рѣка; суда, плывущія по ней. Подгородныя деревни. 4) Закатъ солнца; впечатлѣнія наблюдателя. Какія части города и его окрестностей особенно хорошо освѣщены заходящимъ солнцемъ? 5) Что видно на краю горизонта? Пока наблюдатель разсматриваетъ неясныя очертанія отдаленныхъ предметовъ, солнце прячется за горизонтъ, вслѣдствіе чего и наблюдатель оставляетъ башню».

Такой характеръ носятъ на себѣ сочиненія учениковъ кварты только въ концѣ учебнаго года; въ началѣ же его они гораздо проще по содержанію и меньше по объему; они очень похожи на тѣ письменныя упражненія, которыя задаются ученикамъ на домъ съ цѣлью пріучить ихъ къ составленію періодовъ. Служа переходною ступенью

въ сочиненіяхъ, эти упражненія представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное средство для практическаго примѣненія тѣхъ правилъ грамматики отечественнаго языка, которыя были сообщены ученикамъ какъ въ секстѣ и квинтѣ, такъ и въ квартѣ; ибо занятія грамматикой продолжаются до кварты включительно. Такъ, изъ 3-хъ уроковъ нѣмецкаго языка, которые мнѣ удалось прослѣдовать въ квартѣ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи, два были посвящены практическимъ упражненіямъ на управленіе предлоговъ, при чемъ учитель въ началѣ каждаго урока требовалъ самаго подробнаго перечисленія послѣднихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ учебникѣ. Ходъ занятій на третьемъ урокѣ былъ слѣдующій: сначала ученикъ читалъ статью подъ заглавіемъ: Deutschlands vorzüglichste Laubhölzer, Eiche, Buche und Linde (изъ 3-й части хрестоматіи Гоппа и Паульзика), при чемъ учитель обращалъ вниманіе его на логическія ударенія, на необходимость остановокъ при знакахъ препинанія; затѣмъ другой ученикъ разказывалъ содержаніе прочитанной статьи; разказъ ученика сопровождался со стороны учителя объясненіями нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ, встрѣтившихся въ ней, напримѣръ, Pelasger, Olympier, Mark, Welfund, Weiblingen, Quaderwand, Erpich и др. Урокъ законченъ былъ грамматическимъ разборомъ нѣсколькихъ предложеній; при этомъ учитель спрашивалъ о тѣхъ частяхъ рѣчи, которыя могутъ быть подлежащимъ, связуемымъ и дополненіемъ; на каждый изъ этихъ членовъ предложенія ученики приводили по нѣсколько собственныхъ примѣровъ. Занятія по нѣмецкому языку въ обоихъ отдѣленіяхъ терціи вообще состоятъ въ заучиваніи и декламированіи стихотвореній, въ упражненіяхъ въ чтеніи и въ изученіи важнѣйшаго изъ теоріи прозы и поэзіи; къ этому присоединяются еще сочиненія, о чемъ было уже выше сказано. Для заучиванія и декламированія выбираются по преимуществу лучшія баллады Бюргера, Шиллера, Гёте и Уланда, помѣщенные въ хрестоматіяхъ. Баллада, избранная учителемъ для декламированія, сначала нѣсколько разъ прочитывается имъ самимъ, а затѣмъ она читается въ классѣ учениками до тѣхъ поръ, пока они не усвоятъ интонаціи, иногда даже и жестикюляціи учителя; рука объ руку съ этимъ чтеніемъ идетъ объясненіе непонятныхъ для учениковъ словъ и выраженій; тутъ же указывается и логическое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ для того, чтобъ ученикъ понималъ причину того или другаго измѣненія въ голосѣ, необходимаго при произнесеніи ихъ; далѣе учитель сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ читаемаго стихотворенія.

опредѣляетъ тотъ родъ поэтическихъ произведеній, къ которому оно относится, наконецъ указываетъ основную его идею и развитіе ея.—словомъ, сообщается все, что необходимо для полнаго пониманія автора: при чтеніи, напримѣръ, стихотворенія Шиллера „Поликратовъ перстень“, учитель сдѣлалъ характеристику Амазиса и Поликрата, прочиталъ въ подлинникѣ разказъ о нихъ Геродота и опредѣлилъ размѣръ стихотворенія; читая съ учениками „Рыцаря Тогенбурга“, учитель разказалъ о жизни крестоносцевъ и средневѣковыхъ монаховъ. На чтеніе стихотвореній и объясненія ихъ тратится очень много времени въ прусскихъ гимназіяхъ; изъ 10-и уроковъ нѣмецкаго языка въ высшемъ и низшемъ отдѣленіи терціи, которые я прослушалъ въ Берлинскихъ гимназіяхъ, 6 были посвящены занятіямъ этого рода и корректурѣ сочиненій, остальные же 4 — теоріи прозы и поэзи и курсорному чтенію нѣмецкихъ классиковъ. Мнѣ не удалось присутствовать при объясненіяхъ учителя по теоріи словесности. Таубертъ и Цекели, преподаватели нѣмецкаго языка въ терціи Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи, занимались съ учениками при мнѣ только повтореніемъ пройденнаго; у перваго изъ нихъ ученики повторяли статью о стихосложеніи, у втораго—о родахъ и видахъ поэтическихъ произведеній. Такъ какъ эти два урока не представляютъ ничего замѣчательнаго, то я и не привожу ихъ содержанія.

Въ терціи же читаются курсорно нѣмецкіе классики, именно драматическія ихъ произведенія. Чтеніе это по справедливости называется курсорнымъ, потому что оно не сопровождается никакими объясненіями со стороны учителя; вся задача послѣдняго въ этомъ случаѣ состоитъ въ незначительныхъ поправкахъ интонаціи читающаго. Къ чтенію такого рода ученики готовятся дома, при чемъ каждый изъ нихъ избираетъ себѣ въ драмѣ ту или другую роль. Такое же классное курсорное чтеніе можно встрѣтить и въ унтеръ-секундѣ, хотя и не во всѣхъ гимназіяхъ; нѣкоторые учителя находятъ, что такое чтеніе отнимаетъ чрезвычайно много времени и потому отводятъ ему мѣсто только въ терціи; ученики же унтеръ-секунды (напримѣръ, въ гимназіи Zum grauen Kloster) обязаны читать дома нѣмецкихъ классическихъ писателей; только лучшія мѣста изъ нихъ читаются въ классѣ, при чемъ учитель бесѣдуетъ съ учениками о художественномъ значеніи прочитаннаго. Въ такой системѣ шло при мнѣ въ гимназіи Zwi grauen Kloster чтеніе „Смерти Валленштейна“; только 4 сцены изъ этой драмы прочитаны были въ классѣ, при чемъ учитель объяснялъ ихъ значеніе въ цѣломъ произведеніи по отноше-

нію къ развитію дѣйствія и къ характеристикѣ личности Валленштейна.

Кромѣ курсорнаго чтенія продолжается въ этомъ классѣ заучиваніе и декламированіе стихотвореній. Наконецъ, здѣсь же начинается чтеніе средне-верхне-нѣмецкихъ эпическихъ произведеній; руководствомъ при этомъ во всѣхъ видѣнныхъ мною гимназіяхъ служитъ хрестоматія Ваккернагеля: *Edelsteine deutscher Dichtung und Weisheit im XIII Jahrhundert*. Изъ массы поэтическихъ произведеній этого вѣка составитель выбралъ только немногія важнѣйшія (такъ онъ не внесъ въ свою хрестоматію ни одного отрывка изъ сочиненій даже такого поэта, какъ *Wolfram von Eschenbach*), и каждый избранный имъ отрывокъ онъ перепечатывалъ не цѣликомъ, а только въ извлеченіи существенныхъ его частей, для связи пополняя ихъ краткимъ изложеніемъ пропущеннаго. Впрочемъ такой системы составитель держался только въ томъ случаѣ, когда имѣлъ дѣло съ большими эпическими произведеніями; образцы же исторической поэзіи, незначительные по объему, внесены имъ цѣликомъ. Къ хрестоматіи прибавлено нѣсколько замѣчаній объ орфографіи произведеній, входящихъ въ ея составъ, и довольно подробный словарь, занимающій собою 43 страницы мелкой печати. Такъ какъ значеніе почти каждаго слова бываетъ различно, смотря по мѣсту, въ которомъ оно встрѣчается, то въ словарь объясненіе каждаго слова сопровождается ссылками на образцы, помѣщенные въ хрестоматію¹⁾.

Хотя въ хрестоматіи Ваккернагеля и приведено множество отрывковъ изъ 9-и памятниковъ нѣмецкой литературы XIII вѣка, тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ учителей не заставляетъ своихъ учениковъ читать ихъ всѣ. Для этого выбирается одно какое-нибудь произведеніе и прочитывается въ классѣ безъ пропусковъ въ томъ объемѣ, въ какомъ оно помѣщено въ хрестоматію; такъ, въ унтеръ-секундѣ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи въ томъ году была прочитана вся пѣсня о Нибелунгахъ.

Въ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи чтеніе памятниковъ XIII вѣка не ограничивается однимъ годомъ: оно часто продолжается и въ оберъ-секундѣ, гдѣ, напримѣръ, въ истекшемъ году были прочитаны лучшія пѣсни Вальтера von der Vogelweide. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ,

¹⁾ Вотъ для образца одно изъ объясненій этого словаря: *alsam aus alsam* adv. *ebenso* N. (то-есть, пѣсь о Нибелунгахъ): 920, 4. 1865, 2. 2171, 3. H. (то-есть, Бвдный Генрихъ) 524 conj. *wie, gleich wie, als* N. 1883, 3. 1700, 1. 2210, 3. 388, 3. 777, 3. *sô-alsam* I. (то-есть, лирическія пѣсни).

напротивъ, это чтеніе памятниковъ средневѣковой нѣмецкой литературы отнимаетъ очень немного времени и переносится въ унтеръ-приму, гдѣ оно служитъ пособіемъ при изученіи средневѣковой отечественной литературы.

Но сколько бы ни были различны взгляды нѣмецкихъ педагоговъ относительно объема чтенія средневѣковыхъ памятниковъ въ гимназіяхъ, однакожь всѣ они согласны въ пользу этого рода занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ въ безполезности прохожденія систематической подробной грамматики средне - верхне - нѣмецкаго языка. Только существенныя положенія грамматики этого языка предпосылаются чтенію памятниковъ; въ какіе-нибудь 4 или 5 уроковъ ученики легко усваиваютъ отличительныя особенности склоненій и спряженій этого языка; затѣмъ нѣкоторыя подробности его этимологии и синтаксиса, необходимыя для пониманія памятника, сообщаются уже при самомъ чтеніи его. Такъ, при мнѣ учитель Фридрихъ - Вильгельмовой гимназіи Вальтеръ, переводя тѣ стихи пѣсни о Нибелунгахъ, гдѣ разказывается о поѣздѣ Маркграфа Рюдигера съ порученіемъ отъ Этцеля къ Кримгильдѣ, и встрѣтивъ въ нихъ глаголъ *verdagen*, здѣсь же объяснилъ ученикамъ управленіе его, неправильное образованіе въ немъ причастія *verdeit* и значеніе его (*verschweigen*); форму *buten* (отъ глагола *bieten*, plur. *praet*) онъ сравнилъ съ соотвѣтствующею ей нынѣшнюю формой этого глагола. Разъясненія учителя касаются иногда и орѳографіи читаемаго памятника, которая, какъ извѣстно, ближе къ произношенію, чѣмъ современная нѣмецкая. Выработкѣ такого здраваго взгляда на способъ преподаванія средне-верхне-нѣмецкой грамматики, безъ сомнѣнія, способствовалъ исполнѣ уже установившійся въ Германіи методъ чтенія съ учениками Гомера: подобно тому, какъ ни одинъ нѣмецкій педагогъ не думаетъ предпосылать этому чтенію подробный курсъ грамматики Гомера, но при самомъ чтеніи разъясняетъ особенности языка этого писателя, точно также, по мнѣнію нѣкоторыхъ съѣздовъ германскихъ филологовъ, было бы неразумно тратить дорогое время на предварительный систематическій курсъ средне-верхне-нѣмецкой грамматики.

Курсъ оберъ - секунды почти такой же, какъ и унтеръ - секунды. Въ оберъ - секундѣ продолжается чтеніе памятниковъ средневѣковой литературы и декламированіе стихотвореній. Но въ этомъ уже классѣ начинается и новый родъ занятій по нѣмецкому языку. Это такъ-называемыя свободныя лекціи (*freie Vorträge*); впрочемъ, не во всѣхъ прусскихъ гимназіяхъ ихъ начинаютъ именно съ этого класса: въ

однѣхъ они читаются раньше (уже въ унтеръ-секундѣ), въ другихъ позже (въ унтеръ-примѣ). Сущность этихъ свободныхъ лекцій состоитъ въ слѣдующемъ: на заданныя учителемъ или чаще на избранныя ими самими темы ученики пишутъ дома сочиненіе, которое вслѣдъ за тѣмъ твердо заучивается авторомъ и въ назначенный для того день произносится имъ наизусть въ классѣ съ кафедры въ присутствіи товарищей и преподавателя. Послѣдній, по окончаніи такой лекціи, дѣлаетъ свои замѣчанія, какъ относительно мыслей, въ ней высказанныхъ, ихъ расположенія, развитія и выраженія, такъ и относительно недостатковъ самого чтенія. Темы для свободныхъ чтеній избираются изъ области литературы и исторіи, и притомъ такъ, что лекціи на историческія темы можно слышать по преимуществу въ обоихъ отдѣленіяхъ секунды; лекціи же литературнаго содержанія въ обоихъ отдѣленіяхъ примы. Въ оберъ-секундѣ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи я присутствовалъ при трехъ хорошо составленныхъ, но еще лучше прочитанныхъ лекціяхъ историческаго содержанія; темы ихъ были слѣдующія: „характеристика Юлія Цезаря“; „заговоръ Катилины“; „Олимпійскія игры древнихъ Грековъ“. Гораздо удачнѣе, впрочемъ, бываютъ лекціи на литературныя темы; такихъ лекцій при мнѣ въ обоихъ отдѣленіяхъ примы разныхъ Берлинскихъ гимназій было прочитано до 8-и на темы: „Разборъ Шиллерова „Колокола“, „характеристика Эгмонта, по драмѣ Гете“, „Мейстерзенгеры“, „Гансъ Саксъ“, „Грифиусъ“ и проч. Такое распредѣленіе темъ между секундой и примой основывается на томъ, что эти лекціи имѣютъ двоякую цѣль: 1) служить вспомогательнымъ средствомъ при прохожденіи исторіи литературы въ гимназіяхъ и 2) выработать въ ученикахъ способность связно излагать свои мысли передъ слушателями. А такъ какъ курсъ исторіи литературы въ прусскихъ гимназіяхъ обыкновенно начинается съ унтеръ-примы, то и литературныя темы для свободныхъ лекцій по преимуществу задаются только въ обоихъ отдѣленіяхъ примы. Здѣсь возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ эти лекціи помогаютъ прохожденію исторіи литературы? Каждому извѣстно, что курсъ исторіи литературы безъ чтенія памятниковъ не имѣетъ никакого педагогическаго значенія, что онъ въ такомъ случаѣ строится на шаткомъ основаніи, не даетъ ничего для развитія ученика и безполезно обременяетъ его память множествомъ именъ и названій сочиненій. Чтобы сдѣлать его дѣйствительно полезнымъ въ педагогическомъ отношеніи, учитель долженъ основать его на чтеніи и разборѣ, если не всѣхъ (что положительно невозможно), то, по крайней мѣрѣ,

важнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ. Но здѣсь предстоитъ большое затрудненіе преподавателю исторіи нѣмецкой литературы. Образцовыхъ произведеній, о которыхъ необходимо говорить въ исторіи словесности и которыя, слѣдовательно, должны быть прочитаны учениками, въ этой литературѣ чрезвычайно много; прочесть ихъ всѣмъ ученикамъ, при другихъ серьезныхъ ихъ занятіяхъ, нѣтъ возможности. Устраненію этого затрудненія помогаютъ въ этомъ случаѣ свободныя лекціи. Ученики по очереди выбираютъ тотъ или другой литературный памятникъ, изучаютъ его и затѣмъ готовятъ разборъ его для лекціи, при чемъ почти всегда излагаютъ и содержаніе его ¹⁾. Конечно, каждому изъ учениковъ придется такъ изучить не болѣе двухъ-трехъ произведеній; но за то съ содержаніемъ другихъ онъ познакомится изъ трудовъ своихъ товарищей, — трудовъ, которые читаются въ присутствіи его, въ классѣ, и затѣмъ подвергаются обсужденію со стороны учителя. Чтобы сдѣлать свободную лекцію еще болѣе полезною, въ нѣкоторыхъ прусскихъ гимназіяхъ принято предоставлять оцѣнку ея самимъ ученикамъ, которые въ такомъ случаѣ вступаютъ въ диспутъ съ своимъ товарищемъ, которому она принадлежитъ; диспутомъ руководитъ учитель, который обязанъ въ заключеніе резюмировать всѣ возраженія, сдѣланныя со стороны учениковъ, и всѣ опроверженія этихъ возраженій, приведенныя авторомъ, и затѣмъ высказать свое мнѣніе о тѣхъ и другихъ.

Служа прекраснымъ пособіемъ при изученіи исторіи литературы, свободныя лекціи, какъ сказано было выше, имѣютъ еще и другую цѣль: выработать въ ученикахъ способность связнаго изложенія своихъ мыслей передъ слушателями. Эта способность, какъ извѣстно, далеко не маловажная: сколько есть на свѣтѣ людей очень умныхъ, которые въ состояніи писать весьма дѣльныя, учепныя сочиненія, и которые тѣмъ не менѣе приходятъ въ большое затрудненіе, если имъ случится связно высказать передъ слушателями свое мнѣніе о самомъ пустомъ предметѣ. Гдѣ же кроется причина этого страннаго явленія? Конечно, въ недостатокъ привычки говорить долго и связно передъ слушателями, — привычки, которая почти всегда побѣждаетъ мало по малу нѣкоторую робость, свойственную многимъ, когда они находятся передъ слушателями. На эту-то сторону въ образованіи молодаго человѣка, весьма важную для предстоящей ему жизни, и обратили се-

¹⁾ Иногда лекція ограничивается только изложеніемъ содержанія памятника; при этомъ учитель требуетъ, чтобы читающій ученикъ заучилъ болѣе характеристичныя мѣста изъ него.

ріозное вниманіе нѣмецкіе педагоги; въ низшихъ и среднихъ классахъ гимназій они посвящаютъ очень много времени на то, чтобы приучить своихъ учениковъ къ выразительному произношенію стихотвореній, при чемъ они всегда вызываютъ декламирующаго ученика на средину класса и заставляютъ его во время произношенія стихотворенія непремѣнно смотрѣть на своихъ товарищей. Но приучиться къ свободной декламации стихотвореній еще не значитъ привыкнуть къ свободному устному выраженію своихъ собственныхъ мыслей. Для достиженія этой послѣдней цѣли и устроены въ Германіи свободныя лекціи, при чтеніи которыхъ безъ тетрадей, съ кафедръ, въ присутствіи 40—50-и слушателей, ученики отвлекаютъ постепенно отъ пемѣстной работы и застѣнчивости. Выработка дара слова часто ведетъ за собою другую крайность—выработку пустозвонства: ученики могутъ привыкнуть къ фразерству. Для устраненія этой серьезной опасности, въ прусскихъ гимназіяхъ повсемѣстно принято за правило не позволять ученику всходить на кафедру, если онъ не приготовился дома къ тому, о чемъ онъ намѣренъ говорить. Этимъ также объясняется, почему предметомъ свободной лекціи можетъ быть только тема историческаго или литературнаго характера, для развитія которой, само собою разумѣется, необходима подготовка со стороны ученика.

Одновременно съ свободными лекціями въ секундѣ продолжается чтеніе образцовыхъ драмъ по вышеуказанной системѣ; въ теченіе года обыкновенно успѣваютъ прочитать одну или двѣ драмы, смотря по ихъ объему. Лирическія произведенія не читаются, а заучиваются наизусть не только въ секундѣ, но даже въ примѣ; и такъ какъ заучиваніе этихъ произведеній тянется въ продолженіе 9-и лѣтъ, то всудивительно, что къ концу гимназическаго курса накапливается весьма значительное количество небольшихъ по объему, но важныхъ по содержанию лирическихъ піесъ, продеklamированныхъ въ классѣ учениками. Можно приблизительно опредѣлить количество стихотвореній, которыя обязанъ помнить каждый ученикъ примы: полагая, что въ каждомъ классѣ заучиваютъ ихъ по меньшей мѣрѣ до 20-и, находимъ, что къ концу гимназическаго курса ученику будетъ извѣстно до 180-и піесъ. Кромѣ лирическихъ стихотвореній, заучиваются также и эпическія, незначительныя по объему. Большія же эпическія произведенія читаются учениками обыкновенно дома. Напротивъ образцовыя прозаическія сочиненія отвлеченнаго содержанія прочитываются въ гимназіи, именно въ примѣ, подъ руководствомъ учителя. Послѣдній не считаетъ нужнымъ присоединять къ этому какія-либо объясненія; вся

роль его въ этомъ случаѣ ограничивается тѣмъ, что отъ времени до времени онъ предлагаетъ то тому, то другому ученику разказать содержание прочитанной главы, съ цѣлю убѣдиться, на сколько онъ ясно представляетъ себѣ расположеніе и развитіе въ ней мыслей и какъ послѣднія поняты имъ. Такимъ образомъ въ прошломъ году въ унтеръ-примѣ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназіи были прочитаны 2 разсужденія Шиллера: Ueber Anmuth und Würde и Ueber die tragische Kunst; въ оберъ-примѣ Ueber das Erhabene и Ueber naive und sentimentalische Dichtung. Но этимъ еще не заканчивается чтеніе образцовыхъ литературныхъ произведеній. При прохожденіи исторіи литературы учитель по временамъ читаетъ лучшія мѣста изъ сочиненій того писателя, о которомъ онъ говоритъ. Все это доказываетъ, что курсъ исторіи литературы въ прусскихъ гимназіяхъ прочно обоснованъ: онъ подкрѣпляется множествомъ образцовыхъ словесныхъ произведеній, прочитанныхъ учениками въ продолженіе ихъ пребыванія въ гимназіи.

Если всѣ нѣмецкіе педагоги признаютъ, что чтеніе лучшихъ литературныхъ твореній есть краеугольный камень въ преподаваніи нѣмецкаго языка, то далеко не такъ они согласны въ вопросѣ о пользѣ и значеніи исторіи отечественной литературы въ гимназіяхъ. Этимъ-то ихъ разногласіемъ, безъ сомнѣнія, объясняется тотъ весьма различный объемъ, въ какомъ преподается этотъ предметъ въ прусскихъ гимназіяхъ, что уже можно видѣть изъ самаго количества времени, назначаемого на него: такъ, въ однѣхъ гимназіяхъ (напримѣръ, въ Іоакимсталъской и въ Фридрихъ-Вильгельмовой) онъ проходитъ въ теченіе двухъ лѣтъ при одномъ часовомъ урокѣ въ недѣлю, въ другихъ же (напримѣръ, въ Берлинской Фридриховой и въ Кеннигсбергской Кнейпгефской) въ теченіе трехъ лѣтъ, при томъ же числѣ уроковъ въ недѣлю.

Такъ какъ количество времени, назначаемого для преподаванія исторіи литературы, различно, то, разумѣется, и распределеніе учебнаго матеріала по этому предмету не одно и то же въ прусскихъ гимназіяхъ. Привожу для примѣра программу его преподаванія въ трехъ гимназіяхъ. Въ Кеннигсбергской Кнейпгефской гимназіи исторія литературы начинается съ оберъ-секунды, гдѣ проходитъ древній ея періодъ до Реформаціи; въ унтеръ-примѣ — отъ Реформаціи до такъ называемого періода второй Силезской школы, то-есть, до половины XVII вѣка; въ оберъ-примѣ: съ половины XVII вѣка до начала XIX. Въ Берлинской Фридриховой гимназіи въ оберъ-секундѣ: важнѣйшіе

фазисы въ развитіи нѣмецкой литературы до 1500 г.; въ унтеръ-примѣ: исторія литературы отъ Реформаціи до Клопштока (1500—1740 г.); въ оберъ-примѣ: исторія литературы XVIII вѣка отъ Клопштока до смерти Шиллера. Въ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій исторія литературы начинается съ унтеръ-примы, гдѣ она проходитъ до Опица, то-есть, до періода первой Силезской школы; въ оберъ-примѣ она доводится до смерти Гёте.

Какъ различно количество времени, отдѣляемаго въ гимназіяхъ на исторію литературы, и распредѣленіе учебнаго матеріала этого предмета по классамъ, такъ же различны и методы его преподаванія. Укажу лучший изъ нихъ, которому слѣдуетъ г. Иммельманъ, преподаватель Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій. Курсъ его не имѣетъ притязаній на полноту; онъ останавливается только на важнѣйшихъ явленіяхъ нѣмецкой литературы, стараясь возможно нагляднѣе представить ихъ значеніе въ отечественной словесности и вліяніе на ея развитіе. Все остальное или вовсе пропускается имъ, или же разказывается въ краткомъ очеркѣ, гдѣ, впрочемъ, нѣтъ утомительнаго ряда именъ и чиселъ, только обременяющихъ бесполезно голову ученика; ибо какая можетъ быть польза для послѣдняго отъ знанія заглавій множества средневѣковыхъ произведеній, съ которыми онъ не соединяетъ ровно никакого представленія? Такъ, изъ памятниковъ средневѣковыхъ онъ останавливается на тѣхъ, которые были уже прочтаны учениками въ секундѣ; въ новой литературѣ Лютеръ и Опицъ обращаютъ на себя его особенное вниманіе по своему вліянію на развитіе нѣмецкаго языка и литературы; далѣе весьма тщательно онъ проходитъ Готшеда, такъ какъ пониманіе значенія этого писателя необходимо для оцѣнки литературной дѣятельности Клопштока и Лессинга; послѣ изученія послѣднихъ авторовъ, онъ много посвящаетъ времени на чтеніе статей о Гердерѣ, Шиллерѣ и Гёте, чѣмъ и заканчивается его курсъ исторіи литературы. При разъясненіи метода преподаванія г. Иммельмана должно еще упомянуть о томъ, что онъ не считаетъ возможнымъ дать въ руки своимъ ученикамъ какой бы то ни было учебникъ исторіи литературы, и потому руководствомъ по этому предмету въ примѣ Фридрихъ-Вильгельмовой гимназій служатъ составленныя имъ записки ¹⁾. Точно также, то-есть, по запискамъ преподава-

¹⁾ Писаніе записокъ вообще представляетъ большія неудобства и вполне справедливо отвергается современною педагогіей. Кромя значительной и непроизводительной затраты времени, неизбѣжной неуровновѣжности, промаховъ, часто даже извращеній въ перепискѣ уроковъ, писанье записокъ мѣшаетъ вниматель-

телей проходится исторія литературы и въ другихъ гимназіяхъ, посвященныхъ мною, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ признано полезнымъ ввести въ употребленіе и самыя краткіе учебники исторій нѣмецкой словесности, которые бы могли служить конспектами по этому предмету для учениковъ; такимъ конспектомъ для приманеровъ Іоакимстальской гимназіи служитъ Uebersicht der Geschichte der deutschen Litteratur für höhere Lehranstalten, von Wilhelm Pütz.

Съ преподаваніемъ нѣмецкаго языка въ примѣ соединяется и преподаваніе философской пропедевтики или, лучше сказать, одной изъ ея частей—логики, такъ какъ психологія принята еще далеко не во всѣхъ гимназіяхъ; изъ четырехъ посвященныхъ мною гимназій я нашелъ ее только въ одной,—въ гимназіи Zum grauen Kloster, гдѣ она проходится по коротенькимъ запискамъ самого преподавателя. Цѣль преподаванія логики и психологіи въ гимназіяхъ и отношеніе ихъ къ прочимъ предметамъ гимназическаго курса весьма опредѣленно обозначены въ распоряженіи прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, отъ 18-го декабря 1862 г. Говоря о преподаваніи отечественнаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, распоряженіе это замѣчаетъ слѣдующее объ изученіи въ нихъ логики и психологіи:

„Систематическое преподаваніе философіи выходитъ изъ предѣловъ гимназическаго курса; но элементарная психологія, направленная къ изученію душевныхъ способностей человѣка и ихъ дѣятельностей, и преподаваемая эвристическимъ методомъ; пропедевтическія упражненія, имѣющія цѣлью развитіе способности мышленія и, всего больше, возбужденіе въ юношахъ любви къ философскимъ занятіямъ, принадлежать къ числу важнѣйшихъ задачъ старшихъ классовъ гимназій. Хотя преподаваніе всѣхъ наукъ въ этихъ классахъ, въ особенности разумное обученіе древнимъ языкамъ и математикѣ, представляетъ собою также философскую пропедевтику, хотя сочиненія учениковъ каждый разъ подають поводъ обращать ихъ вниманіе на необходимость логической послѣдовательности мыслей и являющагося вслѣдствіе ея порядка въ изложеніи; однако же необходимо уяснить ученикамъ эти логическіе законы отдѣльно, независимо отъ проявленія ихъ въ каждой изъ наукъ, преподающихся въ гимназіи“.

Итакъ, по мнѣнію прусскаго министерства, а также и большинства германскихъ педагоговъ, преподаваніе логики необходимо въ гим-

ному слушанію и отчетливому усвоенію классныхъ разъясненій учителя. При этомъ записки всецѣло ставятъ судьбу и успѣхи преподаванія въ зависимость отъ личныхъ взглядовъ учителей, что также неудобно. Можно сказать положительно, что употребленіе записокъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ составляетъ одну изъ слабыхъ сторонъ гимназическаго преподаванія, вредъ отъ которой не замѣчается только благодаря подготовкѣ и усердію наличнаго состава преподавателей. Ред.

нази, такъ какъ этотъ предметъ связываетъ собою всѣ науки, въ ней преподающіяся, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ прочнымъ основаніемъ для предстоящихъ ученику примы университетскихъ занятій. Но при этомъ однако чрезвычайно должно остерегаться, чтобы не внести въ школу несвойственнаго ей, чтобы не углубиться въ спеціальную область изслѣдованій множества самыхъ разнородныхъ философскихъ системъ, потому что это противорѣчило бы основному положенію педагогіи, которое воспрещаетъ преподавать въ школь то, что еще не установилось въ наукѣ, что отличается шаткостью. Какъ же избѣжать этой опасности при преподаваніи логики? Для этого есть одно только средство, примѣненное во всѣхъ прусскихъ гимназіяхъ,—преподаваніе логики Аристотеля. Въ Пруссіи она изучается въ гимназіяхъ по изданію Тренделенбурга *Elementa logices Aristotelicae*, при чемъ преподаватели ея обыкновенно держатся слѣдующаго метода: сначала эвристическимъ путемъ учитель доводитъ учениковъ до какого-нибудь положенія логики, заключающагося въ одномъ изъ параграфовъ руководства, и затѣмъ уже читается относящійся къ нему афоризмъ Аристотеля. Такое преподаваніе логики, оказывая сильное вліяніе на развитіе учащихся (что между прочимъ обнаруживается особенно явственно въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ учениковъ примы), не обременяетъ, однако же, послѣднихъ, ибо на этотъ предметъ посвящается всего только 1 часъ въ недѣлю въ теченіе двухъ лѣтъ, то-есть, въ унтеръ-и оберъ-примѣ. Этотъ часъ въ примѣ обыкновенно предоставляется въ распоряженіе учителя отечественнаго языка, который въ такомъ случаѣ принимаетъ на себя обязанность преподавать логику, хотя *de jure* преподавателемъ этого предмета можетъ быть и учитель математики, и учитель древнихъ языковъ, ибо логика, по выраженію одного изъ нѣмецкихъ педагоговъ, одинаково принадлежитъ всѣмъ предметамъ: она вѣнецъ гимназическаго курса.

С. Гулевичъ.

О ТАКЪ-НАЗЫВАЕМЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СЕМИНАРІЯХЪ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ГЕРМАНИИ ¹⁾.

Методы — это рычаги въ области науки; отдѣльныя же знанія — это масса, которую они приводятъ въ движеніе.

Дройзень.

Вопросъ о значеніи практическихъ занятій студентовъ не разъ уже служилъ предметомъ обсужденія въ нашей литературѣ. По приглашенію г. министра народнаго просвѣщенія, профессоръ Берлинскаго университета Э. Г. Дройзень изложилъ свои воззрѣнія на этотъ предметъ въ статьѣ, переводъ которой былъ напечатанъ въ октябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1869 года. Вскорѣ послѣ этого и по поводу записки Дройзена, И. И. Срезневскій въ декабрьской книжкѣ этого журнала помѣстилъ также нѣкоторыя замѣтки объ этомъ предметѣ. Наконецъ, въ іюльской книжкѣ того же журнала текущаго года г. Варадіиновъ предлагаетъ совершенно замѣнить слушаніе лекцій домашними занятіями студентовъ.

Важность вопроса требуетъ болѣе обстоятельнаго и всесторонняго его изученія. Рѣшеніе его измѣнило бы значительно къ лучшему характеръ университетскихъ занятій въ отношеніи къ нѣкоторымъ наукамъ, въ особенности же въ отношеніи къ исторіи. Всесторонняя обработка этого вопроса обуславливается собираніемъ матеріаловъ сюда относящихся. И у насъ въ Россіи въ нѣкоторыхъ университетахъ уже устраиваются преподавателями практическія зані-

¹⁾ Авторъ этой статьи въ продолженіе лѣта текущаго года, находился въ Германіи съ цѣлью изученія этого предмета. Побывавъ въ нѣкоторыхъ университетахъ средней и южной Германіи, онъ хотѣлъ отправиться въ западную Германію для посѣщенія еще университетовъ: Гейдельбергскаго, Тюбингенскаго, Боннскаго и др.; къ сожалѣнію, однако, послѣднія политическія событія воспрепятствовали осуществленію такого предположенія.

тія студентовъ. Справедливо И. И. Срезневскій въ своей статьѣ „О научныхъ упражненіяхъ студентовъ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* декабрь 1869 года стр. 265) выражаетъ желаніе, чтобы наши преподаватели сообщали печатно свѣдѣнія о приѣмахъ научныхъ работъ, которыя они считаютъ нужными для передачи молодымъ труженникамъ науки, а равно и тѣ приемы, которые они или сами употребляютъ, или которые употреблялись и употребляются другими. Справедливо замѣчаетъ г. Срезневскій о статьѣ проф. Дройзена, что „едва-ли она можетъ удовлетворить ожиданіямъ, ограничиваясь изложеніемъ коренныхъ взглядовъ профессора и объясненіемъ того, что ясно и безъ объясненій. Услуга его была бы, кажется, гораздо цѣннѣе, если бы онъ изложилъ подробности приѣмовъ при задаваніи и веденіи студентскихъ упражненій. Эти подробности, отчетливо обрисовывающія словами самого почтеннаго руководителя научныхъ работъ его способъ вести эти работы, были бы несравненно поучительнѣе“.

Цѣль настоящей статьи заключается въ описаніи историческихъ семинарій въ Германіи.

Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ сознаніе необходимости практическихъ занятій въ Германіи развилось значительно. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что семинаріи дѣлаются болѣе и болѣе общимъ явленіемъ, тогда какъ прежде онѣ имѣли болѣе характеръ исключенія, нежели правила. Съ давнихъ поръ нѣкоторые историки, какъ, напримѣръ, Гееренъ, Вилькенъ, Рапке и др., руководили специальными занятіями нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей, образовали кружки молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя изученію исторіи, имѣли учениковъ, образовали школу. За то весьма многіе профессора прежде довольствовались чтеніемъ лекцій. Ихъ личныя сношенія съ студентами, желавшими болѣе подробно заняться изученіемъ предмета, оставались случайными и сохраняли совершенно частный характеръ. Теперь же не только почти всѣ профессора, но и приватъ-доценты, не ограничиваясь чтеніемъ лекцій, занимаются специально съ нѣкоторыми изъ студентовъ¹⁾. Объ этихъ „Practica“

¹⁾ Въ какой мѣрѣ вообще практическія занятія профессоровъ съ студентами сверхъ лекцій развились въ послѣднее время въ Германіи, можно видѣть изъ того, что на философскомъ факультетѣ Лейпцигскаго университета, напримѣръ, въ лѣтнемъ семестрѣ текущаго года происходили практическія занятія слѣдующаго рода: у профессора Аренса «Philosophische Gesellschaft»; у профессора Брандеса «Germanistische Gesellschaft»; у профессора Курциуса «Grammatische

historische Gesellschaften, Uebungen, Conversatorien, Disputatorien“ и т. д. прежде лишь весьма рѣдко объявлялось въ росписаніяхъ лекцій, тогда какъ теперь профессора и доценты большею частью въ началѣ семестра объявляютъ о своемъ намѣреніи заниматься спеціально съ желающими изъ студентовъ. Пока еще о предметѣ такихъ спеціальныхъ занятій публикуется рѣдко, но есть основаніе думать, что указаніе на предметъ предполагаемыхъ занятій войдетъ въ обычай. Прежде студенты въ Германіи отправлялись въ тотъ или другой университетъ преимущественно съ цѣлю прослушать курсъ того или другаго профессора исторіи. Въ настоящее же время особеннымъ поводомъ къ посѣщенію того или другаго университета бываетъ желаніе участвовать въ спеціальныхъ занятіяхъ подъ руководствомъ того или другаго знаменитаго историка. Такъ, напримѣръ, лекціи профессора Вайца въ Геттингенѣ не пользуются особеннымъ вниманіемъ и его аудиторія не очень многочисленна. За то спеціалиты-историки изъ студентовъ, особенно тѣ, которые желаютъ посвятить себя изученію средневѣковой исторіи Германіи, весьма часто исключительно изъ-за „Historische Uebungen“ Вайца отправляются на два, на три или четыре семестра въ Геттингенъ и затѣмъ съ гордостью называютъ себя учениками Вайца или представителями школы Ранке (Вайцъ — ученикъ Ранке). Есть примѣры, что профессоръ во-

Gesellschaft» и «Uebungen im philologischen Seminar im Interpretiren von Homers Ilias und im Disputiren über schriftliche Arbeiten»; у профессора Экштейна «Pädagogisches Seminar»; у профессора Флейшера «Uebungen der arabischen Gesellschaft»; у профессора Фрише «Griechische Gesellschaft» и «Uebungen der philologischen Section der Lausitzer Prediger-Gesellschaft»; у профессора Гальдебранда «Deutsche Gesellschaft»; у профессора Клоца «Uebungen im Erklären von Ciceros Reden gegen Verres und im Disputiren über schriftliche Arbeiten»; у профессора Кнаппа «Statistisches Practicum»; у профессора Линциуса «Uebungen in griechischer Geschichte und Alterthümern»; у профессора Мазуса «Uebungen des pädagogischen Seminars nebst Vorträgen über Methode»; у профессора Мянквича «Gesellschaft für praktische Uebungen in deutscher Sprache»; у профессора Ноббе «Lateinische Disputirübungen»; у профессора Овербекка «Uebungen der archäologischen Gesellschaft»; у приватъ-доцента Ритцля «Kunst-historische Uebungen»; у профессора Ричля «Im Königl-phil. Seminar: Interpretation des Plautinischen Trinummus und lateinische Disputirübungen», «in der philol. Societät: Interpretation des Prometheus von Aeschylus und lateinische Disputirübungen»; у профессора Ромера «Nationalökonomische Uebungen»; у профессора Форта «Historische Gesellschaft»; у профессора Вейске «Experimentalphysik mit praktischen Uebungen für Pädagogen»; у профессора Вурке «Historisches Seminar: Historische Hilfswissenschaften und Kritik»; у профессора Циллера «Pädagogisches Seminar», «philosophische Gesellschaft», и проч.

все не читаетъ лекцій, а довольствуется образованіемъ кружка желающихъ заниматься подъ его руководствомъ студентовъ. Такіе случаи, правда, составляютъ рѣдкое исключеніе. Вообще говоря, университетское преподаваніе въ Германіи по предмету исторіи пока все-таки имѣетъ преимущественно видъ чтенія лекцій, хотя и здѣсь и тамъ уже нѣ случалось слышать мнѣніе, что центръ тяжести преподаванія исторіи въ университетѣ непременно долженъ перейти въ аудиторіи, въ которой читаются лекціи, въ семинарію, гдѣ студенты занимаются практически подъ руководствомъ спеціалиста.

Впрочемъ, хотя и должно думать, что „историческія общества“ при университетахъ въ Германіи еще болѣе распространятся, и при образованіи спеціалистовъ-историковъ приобретутъ еще болѣшую важность, по едва-ли можно ожидать, чтобы чтеніе лекцій по исторіи въ Германіи могло потерять то значеніе, которое оно имѣетъ въ нынѣшнее время. Въ Германіи нѣтъ обязательныхъ лекцій въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ существуютъ у насъ въ Россіи; далѣе, тамъ читаются лекціи въ продолженіе цѣлаго дня (лѣтомъ иногда отъ 6-и часовъ утра до 7-и часовъ вечера, а вечеромъ иногда и послѣ 7-и бываютъ засѣданія „общества“); такимъ образомъ лекціи юристовъ, математиковъ, естествоиспытателей не такъ часто, какъ у насъ, сталкиваются съ лекціями по исторіи, философіи и литературѣ. Эти лекціи посѣщаются студентами всѣхъ факультетовъ и весьма многими посторонними слушателями ¹⁾.

Часто бываетъ, что нынѣ лекціи, въ особенности же лекціи по новой и новѣйшей исторіи, читаются какъ бы и для неспеціалистовъ. въ доступномъ для всѣхъ видѣ, иногда даже нѣсколько популярно. тогда какъ другія лекціи, болѣе спеціальныя, читаются для болѣе тѣснаго кружка слушателей, изъ которыхъ и образуется историческая семинарія. Вообще говоря, историческія лекціи сохраняютъ иногда болѣе энциклопедическій характеръ, занятія же въ семинаріяхъ имѣютъ задачей чисто спеціальныя ученія работы по исторіи.

Въ университетахъ германскихъ и швейцарскихъ можно считать около ста профессоровъ и доцентовъ исторіи. Шестьдесятъ изъ нихъ, какъ мнѣ положительно извѣстно, не довольствуются чтеніемъ лекцій,

¹⁾ Такъ, напримѣръ, число слушателей въ аудиторіи покойнаго профессора Гейссера въ Гейдельбергѣ доходило иногда до 150. Его катедру занимаетъ теперь профессоръ Трейчке, у котораго въ аудиторіи иногда бываетъ до 250 чelовѣкъ. Такова же аудиторія у профессора философіи Куно Фишера въ Іенѣ, у профессора Дройзена въ Берлинѣ и т. п.

занимаются практически со студентами. Изъ остальныхъ сорокъ въ росписаніяхъ университетскихъ чтеній не объявили о предполагаемыхъ ими практическихъ занятіяхъ, но по всей вѣроятности нѣкоторыя, а можетъ-быть, и многіе изъ нихъ, какъ это часто случается, хотя и не объявляютъ о своемъ предположеніи устраивать спеціальныя занятія, все-таки приступаютъ къ такимъ занятіямъ, какъ скоро находится достаточное число молодыхъ людей, желающихъ участвовать въ такихъ работахъ. Итакъ, по крайней мѣрѣ двѣ трети всѣхъ преподавателей исторіи въ германскихъ и швейцарскихъ университетахъ считаютъ таковыя занятія необходимымъ дополненіемъ университетскаго чтенія.

Такъ какъ эти занятія бывають различны и въ отношеніи къ вѣдѣнному устройству, и въ отношеніи къ цѣли и пріемамъ, то мы попытаемся раздѣлить всѣ разнообразныя занятія на группы.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе читателей на историческія семинаріи, учрежденныя правительствами. Такихъ семинарій немного: онѣ существуютъ въ Мюнхенѣ, Бреславлѣ, Боннѣ и Кенгсбергѣ. Руководящую мыслью при учреженіи этихъ семинарій было соображеніе о необходимости образованія въ университетахъ не только спеціалистовъ, ученыхъ историковъ, но и учителей исторіи. Что касается до образованія ученыхъ спеціалистовъ, то существующія въ изобиліи частныя историческія общества совершенно достаточно удовлетворяли этой цѣли; за то послѣднія никогда не имѣли въ виду образованія учителей исторіи. Однимъ изъ первыхъ, выразившихъ мысль о важности спеціальнаго приготовленія учителей исторіи, былъ извѣстный историкъ Зибель, занимавшій до 1861 года кафедру всеобщей исторіи въ Мюнхенскомъ университетѣ и перешедшій затѣмъ въ Боннъ. При немъ была учреждена историческая семинарія въ Мюнхенѣ, директоромъ которой въ настоящее время состоитъ профессоръ Гизебрехтъ, авторъ извѣстнаго сочиненія „Geschichte der deutschen Kaiserzeit“. Въ правилахъ этой семинаріи постановлено между прочимъ слѣдующее. Семинарія имѣетъ цѣлю: 1) преподаваніе методическаго изученія исторіи, 2) приготовленіе гимназическихъ учителей исторіи. Поэтому семинарія раздѣляется на два отдѣленія. Директоръ семинаріи назначается королемъ. Преподаваніе въ семинаріи по одному разу въ недѣлю производится бесплатно. Студенты, желающіе вступить въ семинарію, должны доказать, что они достаточно подготовлены къ такимъ занятіямъ. Въ отдѣленіи ученомъ допускается не болѣе десяти участвующихъ, въ педагогическомъ же отдѣленіи чи-

сло участвующихъ не ограничено. Въ ученомъ отдѣленіи каждый членъ семинаріи обязанъ представить не менѣе одного письменнаго труда въ полугодіе. Тема этого труда назначается директоромъ семинаріи или выбирается по усмотрѣнію члена семинаріи съ согласія директора. Во второмъ (педагогическомъ) отдѣленіи составляются письменные или устные отвѣты на темы не только по Баварской и всеобщей исторіи, но и по исторіи германской литературы и по географіи древняго міра, или среднихъ вѣковъ, или новаго и новѣйшаго времени. Сумма 200 гульденовъ въ полугодіе назначается для награды за лучшія сочиненія.

Бесѣды, которыя я имѣлъ съ директорами таковыхъ семинарій, профессоромъ Гизебрехтомъ въ Мюнхенѣ и профессорами Репеллемъ и Юнгманномъ въ Бреславлѣ, убѣдили меня, что занятія въ ученомъ или такъ-называемомъ „критическомъ“ отдѣленіи семинаріи ничѣмъ особенно не отличаются отъ частныхъ семинарій, существующихъ при университетахъ. О послѣднихъ мы будемъ говорить ниже. Зато педагогическія цѣли имѣются лишь въ однихъ вторыхъ отдѣленіяхъ правительственныхъ семинарій; о нихъ-то и слѣдуетъ сообщить нѣсколько данныхъ особо.

Въ Мюнхенѣ состоитъ одинъ директоръ семинаріи. Въ Бреславлѣ два профессора завѣдываютъ семинаріей. Они раздѣляютъ между собою трудъ такимъ образомъ, что попеременно одинъ изъ нихъ руководитъ занятіями одного отдѣленія, другой занятіями другаго. Такъ, напримѣръ, въ продолженіе лѣтняго семестра 1870 года профессоръ Репелль былъ директоромъ ученаго, а профессоръ Юнгманнъ директоромъ педагогическаго отдѣленія. Въ Боннѣ даже три профессора: Зибель, Шеферъ и Кампшulte, состоятъ директорами „королевской исторической семинаріи“.

Тогда какъ задача ученыхъ отдѣленій этихъ семинарій заключается въ монографическомъ и вполне основательномъ изученіи научныхъ вопросовъ исторіи, въ усвоеніи научныхъ методовъ и приемовъ при историческихъ изслѣдованіяхъ, въ практическомъ отдѣленіи главное вниманіе обращается на внѣшнюю форму сочиненій членовъ этого отдѣленія. Особенной учености или начитанности при составленіи статей или лекцій не требуется; зато послѣднія должны отличаться ясностью изложенія, умѣніемъ группировать факты, однимъ словомъ, педагогическимъ тактомъ. И въ Бреславлѣ и въ Мюнхенѣ сочиненія, представленныя членами педагогическаго отдѣленія, по возможности, не читаются въ собраніи по рукописи, а произно-

сятся въ видѣ лекціи съ кафедръ, при чемъ развѣ допускается имѣть въ рукахъ только программу лекціи. Иногда даже случается, что такія лекціи читаются безъ всякаго предварительнаго письменнаго изложенія, какъ видно изъ слѣдующаго случая. Однажды въ Бреславлѣ членъ семинаріи, который долженъ былъ прочесть лекцію въ назначенномъ засѣданіи, внезапно заболѣлъ, о чемъ узнали собравшіеся лишь въ аудиторіи. Профессоръ Юнгманнъ, чтобы не потерять часть, и чтобы испытать силы своихъ учениковъ, обратился къ нимъ съ вопросомъ, не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ присутствовавшихъ членовъ импровизировать лекцію по какому-либо предмету, болѣе ему знакомому? Сначала никто не хотѣлъ взяться за такое трудное и щекотливое дѣло; наконецъ, одинъ изъ молодыхъ людей изъявилъ готовность прочесть тотчасъ же лекцію по довольно частному вопросу, которымъ онъ когда-то занимался нѣсколько подробнѣе, а именно, о папессѣ Іоаннѣ, царствовавшей будто бы, согласно сохранившемуся преданію, въ IX столѣтіи на папскомъ престолѣ. Профессоръ Юнгманнъ сначала пригласилъ студента составить краткую программу лекціи, изъ которой онъ усмотрѣлъ, что студентъ дѣйствительно достаточно былъ знакомъ съ предметомъ, а послѣ этого тотчасъ же была прочитана лекція весьма удовлетворительно. Изъ этого эпизода видно, что при занятіяхъ въ этомъ отдѣленіи главною цѣлью служить не тщательная разработка ученыхъ проблемъ, а умѣніе преподавать, достигаемое упражненіями въ изложеніи предметовъ.

Что касается выбора темъ для такихъ лекцій, то директоры семинаріи обыкновенно относятся безразлично ко всѣмъ вопросамъ своего предмета и даже по преимуществу предоставляютъ выборъ членамъ семинаріи. Профессоръ Юнгманнъ въ Бреславлѣ даже и тогда, когда молодые люди обращались къ нему съ просьбой указать имъ удобную для такой задачи тему, часто въ этомъ отказывалъ, утверждая, что для молодыхъ людей гораздо полезнѣе искать и находить темы независимо отъ профессора. Профессоръ Гизебрехтъ также неохотно соглашается указывать темы. Такимъ образомъ въ этихъ семинаріяхъ читаются лекціи о весьма разнообразныхъ предметахъ, какъ видно изъ слѣдующаго списка, въ которомъ сообщаются нѣкоторые примѣры такихъ лекцій. Въ Бреславской семинаріи, между прочимъ, читали въ послѣднее время: „О золотой буллѣ“, „объ аграрныхъ законахъ Тиверія и Кая Траковъ“, „о первоначальныхъ поселенцахъ провинціи Пруссія“, „о первоначальныхъ поселенцахъ Богеміи“, „о

вопросахъ языкованія при изученіи древняго періода исторіи Греціи“; „объ Альпійскихъ горахъ“¹⁾, „о причинахъ французской революціи“; о самозванцѣ Вольдемарѣ въ Бранденбургѣ“, „о реформахъ военной организаціи при Маріѣ въ Римѣ“. Въ Мюнхенской семинаріи были читаны, между прочимъ, лекціи слѣдующаго содержанія, по собственному выбору занимающихся: „о Югуртѣ“, „о Гракхахъ“; по указанію профессора Гизебрехта были читаны статьи о нѣкоторыхъ вопросахъ исторіи Тридцатилѣтней войны, а именно: „о войнѣ въ Верхней Баваріи“, „первые періоды жизни Валленштейна“, „осада Стральзунда“, „разрушеніе Магдебурга“. Что же касается до указанія пособій при составленіи такихъ статей или лекцій, то профессоръ Юнгманнъ считаетъ болѣе полезнымъ для студентовъ предоставить имъ и выборъ матеріаловъ; профессоръ же Гизебрехтъ обыкновенно указываетъ имъ на нѣкоторыя важнѣйшія сочиненія, которыми они должны пользоваться при составленіи своего труда.

Впрочемъ, не только студенты участвуютъ въ этихъ занятіяхъ педагогическихъ отдѣленій правительственныхъ семинарій, но иногда и кончившіе университетскій курсъ, желающіе поступить въ государственную службу, и другія лица.

Засѣданія правительственныхъ семинарій обыкновенно происходятъ въ одной изъ университетскихъ аудиторій, между тѣмъ какъ члены частныхъ семинарій обыкновенно собираются въ квартирѣ профессора. Довольно часто такія засѣданія продолжаются часа два. Чтеніе лекцій продолжается часть, а затѣмъ происходитъ бесѣда объ этой лекціи. Диспутъ рѣдко бываетъ весьма оживленнымъ, что уже объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что при разнообразіи предметовъ чтенія слушатели далеко не столько знакомы съ самою темой, сколько владѣетъ ею читающій лекцію. Возраженія большею частью относятся къ внѣшней формѣ и къ способу изложенія статьи, а не къ частностямъ самихъ историческихъ фактовъ. Большинство аудиторіи остается совершенно пассивными слушателями, не будучи знакомы до чтенія лекціи съ содержаніемъ ея. Зато директоръ семинаріи, прочитавшій статью до чтенія, бываетъ, разумѣется, обыкновенно оппонентомъ и при всѣхъ критикуетъ статью въ заключеніе засѣданія. Иногда, впрочемъ, директоромъ назначается изъ прочихъ сту-

¹⁾ Изъ этого примѣра видно, что и въ Бреславлѣ иногда географія входитъ въ составъ предметовъ занятій семинаріи, какъ это усмотрѣно въ уставѣ Мюнхенской семинаріи.

дентовъ рецензентъ читаемаго разсужденія, который и возражаетъ читающему лекцію.

Всеобщая исторія въ гимназіяхъ Германіи, какъ извѣстно, происходитъ весьма подробно и въ особенности древняя и средневѣковая исторія изучаются въ гимназіяхъ самымъ тщательнымъ образомъ; поэтому и студенты для такихъ занятій въ семинариіи бывають отлично приготовлены. Иногда уже въ гимназіи ученики составляютъ обширныя разсужденія на историческія темы и знакомятся подробно съ источниками по древней исторіи. Для самостоятельнаго чтенія гимназистами греческихъ и латинскихъ авторовъ въ гимназіи Шульпфорта назначался цѣлый день въ недѣлю (четвергъ), въ продолженіе котораго не было уроковъ; въ концѣ же года ученики представляли отчеты объ этихъ занятіяхъ и подвергались нѣкотораго рода испытанію изъ этого предмета. Въ Кильской гимназіи въ продолженіе гимназическаго курса прочитано и въ классѣ и на дому частнымъ образомъ: изъ латинскихъ авторовъ:—весь Корнелій Непотъ, 4 книги Евтропія, часть Юстина, всѣ книги Юлія Цезаря *de bello gallico* и *de bello civili*, нѣсколько книгъ Ливія, часть сочиненій Цицерона, 2 книги Тацитовыхъ *Annales*, *Germania*, *Agricola*, нѣсколько книгъ Овидіевыхъ *Metamorphoses*, 3 книги Виргиліевой Энеиды, избранныя мѣста изъ *Georgica*, значительная часть одъ и посланій Горация; изъ греческихъ авторовъ: 3 книги *Anabasis* Ксенофонта, 3 жизнеописанія Плутарха, 9 рѣчей Лисія, одна рѣчь Демосфена, Фукидида кн. I, гл. 1—42, вся Одиссея, нѣсколько книгъ Илиады Гомера, Софокловы трагедіи: Аяксъ, Антигона, Эдипъ царь и Эдипъ въ Колонѣ¹⁾.

При такомъ гимназическомъ курсѣ молодые люди, поступающіе въ университетъ, владѣють не только значительнымъ запасомъ общихъ свѣдѣній, но даже довольно часто очень хорошо знакомы съ тѣмъ или другимъ вопросомъ древней исторіи. Въ большей части случаевъ они и не затрудняются выборомъ темъ для лекцій въ семинариіи и при этомъ не нуждаются въ помощи директора.

Профессоръ Юнгманъ предпочитаетъ темы по древней и средневѣковой исторіи темамъ по новой исторіи, утверждая, что политическіе и религіозные вопросы, относящіеся къ исторіи послѣднихъ вѣковъ, иногда даютъ поводъ къ тенденціознымъ взглядамъ и мнѣніямъ, высказываемымъ въ статьяхъ и диспутахъ. Такъ, напримѣръ, по разсказу профессора Югеманна однажды одинъ изъ членовъ Бреслав-

¹⁾ См. О. Струве, Наши классическія гимназіи, Одесса, 1869 г., стр. 16 и 17.

ской семинаріи, написавъ разсужденіе о причинахъ французской революціи и воспользовавшись при этомъ случаѣ въ особенности сочиненіями Токвиля и Зибеля, пришелъ къ такому заключенію, что виновниками страшнаго кризиса, постигнаго Францію въ концѣ XVIII вѣка, были высшіе классы французскаго общества, духовенство и дворянство, что казалось директору семинаріи крайне несправедливымъ.

Таковы педагогическія отдѣленія правительственныхъ семинарій. Занятія въ нихъ по настоящему ограничиваются практическими упражненіями въ чтеніи лекцій или въ пробныхъ урокахъ, и отчасти въ диспутахъ о нѣкоторыхъ вопросахъ по всеобщей исторіи. Нельзя отрицать, что такія упражненія для будущихъ преподавателей исторіи должны быть весьма полезны, и что поэтому они должны считаться весьма важнымъ дополненіемъ слушанія лекцій въ университетѣ. При всемъ томъ эти занятія едва-ли достаточны для достиженія цѣли, имѣющей въ виду уставомъ семинаріи, а именно „для приготовленія будущихъ учителей исторіи въ гимназіяхъ“.

Составленіе статей историческаго содержанія и пробныя уроки или лекціи должны бы быть только частью упражненій въ педагогической семинаріи. Тутъ кромѣ этого слѣдовало бы обращать вниманіе на методологію и энциклопедію исторіи. Молодые люди, готовящіеся занять мѣста учителей въ гимназіяхъ, должны бы тщательно ознакомиться съ теоріей своего предмета, съ вопросами о томъ, что такое исторія, какія различныя спорныя мнѣнія существуютъ на этотъ счетъ въ настоящее время, каковы отношенія исторіи къ другимъ наукамъ, что такое исторія культуры, каковы вспомогательныя науки исторіи, чѣмъ обязана исторія въ послѣднее время другимъ наукамъ и пр. Далѣе слѣдовало бы готовящимся быть преподавателями исторіи ознакомиться съ исторіей преподаванія этого предмета, съ различными учебниками и педагогическими приемами, сюда относящимися, напримѣръ, съ различными изданіями хронологическихъ таблицъ и прочихъ пособій, необходимыхъ при преподаваніи исторіи, какъ то: съ различными изданіями историческихъ атласовъ, иллюстрацій и пр. Имъ бы слѣдовало изучать, такъ-сказать, статистику преподаванія исторіи въ различныхъ государствахъ. Опытъ другихъ странъ такимъ образомъ могли бы принести плоды и той въ которой существуетъ семинарія для приготовленія учителей исторіи. Всѣ эти задачи не могутъ быть рѣшены обще-педагогическими семинаріями, въ которыхъ и безъ того проходитъ много новыхъ для молодыхъ людей предметовъ.

Такимъ образомъ педагогическія отдѣленія историческихъ семинарій въ Германіи намъ кажутся не вполне удовлетворяющими своей дѣл. Впрочемъ, директоры семинарій не считаютъ эти отдѣленія особенно важными и гораздо охотнѣе, и какъ они утверждаютъ, успѣшнѣе занимаются съ молодыми людьми въ отдѣленіяхъ ученыхъ или критическихъ. Въ Германіи держатся такого мнѣнія, что приготовленіе гимназическихъ учителей гораздо болѣе должно заключаться въ спеціальномъ изученіи предмета, нежели въ упражненіяхъ читать лекціи безъ тетрадки, такъ что упражненія въ практическихъ отдѣленіяхъ историческихъ семинарій считаются людьми компетентными чуть-ли не лишними. При всемъ томъ однако эти упражненія далеко не бесполезны, хотя они и были бы еще полезнѣе, если бы было обращено большее вниманіе на педагогическіе приемы, на теорію, исторію и статистику преподаванія, на учебники, пособия и т. п.

Понятно, что при такомъ разнообразіи и случайномъ выборѣ темъ для чтенія пробныхъ лекцій нельзя ожидать обогащенія науки чрезъ составленіе такихъ разсужденій. Главное вниманіе обращается не на новостъ выводовъ, не на спеціальность фактовъ, а на виѣшнюю форму, на слогъ, на общедоступность изложенія. Хотя, разумѣется, составители такихъ разсужденій каждый разъ имѣютъ случай познакомиться нѣсколько съ литературою по какому-нибудь историческому вопросу и такимъ образомъ получаютъ понятіе о томъ, что такое монографическій трудъ, по все-таки подобныя разсужденія обыкновенно не могутъ имѣть ученаго характера, а гораздо скорѣе остаются легкими статьями. Въ правительственныхъ семинаріяхъ, какъ уже выше сказано, назначена сумма для наградъ за лучшія сочиненія. Изъ этихъ денегъ обыкновенно ничего не употребляется на награды членамъ педагогическаго отдѣленія, а только члены ученаго отдѣленія при представленіи особенно дѣльныхъ изслѣдованій приобретаютъ право на полученіе денежной награды. Ученыя отдѣленія правительственныхъ семинарій именно лишь этими денежными пособиями отличаются отъ прочихъ, частныхъ семинарій, къ описанію которыхъ мы перейдемъ тотчасъ же, сказавъ только нѣсколько словъ о семинаріяхъ, имѣющихъ цѣлью приготовленіе архиваріусовъ.

Последнихъ учреждений въ Германіи немного, и они не имѣютъ официального характера. Я имѣлъ случай познакомиться съ однимъ изъ этихъ учреждений, а именно съ таковою семинаріей, существующею въ Мюнхенѣ подъ руководствомъ главнаго директора баварскихъ

архивовъ, профессора Франца Лэгера (Franz von Löher)¹⁾, который обязательно сообщил мнѣ объ этомъ предметѣ нѣсколько весьма любопытныхъ данныхъ.

Уже шесть лѣтъ существуетъ эта „дипломатическая“ семинарія, членами которой состоятъ большею частью чиновники баварскаго государственнаго архива, хотя къ участию въ занятіяхъ допускаются и студенты всѣхъ семестровъ, и даже объ упражненіяхъ въ этой семинаріи публикуется въ спискѣ чтеній Мюнхенскаго университета. Занятія въ этой семинаріи двоякаго рода: они состоятъ, во-первыхъ, въ чтеніи и критическомъ разборѣ и толкованіи средневѣковыхъ грамотъ, а во-вторыхъ, въ изученіи исторіи права и администраціи, въ особенности гражданскаго права въ средніе вѣка. Уже поэтому профессоръ Лэгеръ считаетъ весьма желательнымъ участие въ такихъ занятіяхъ студентовъ юридическаго факультета. Онъ самъ довольно часто читаетъ разсужденія или изслѣдованія въ этомъ кружкѣ и еще недавно прочиталъ статью „о правѣ давности въ средніе вѣка“ (Über die Verjährung nach mittelalterlichem Recht). Однимъ изъ молодыхъ архиваріусовъ была недавно прочитана статья объ исторіи административныхъ органовъ въ Баваріи съ самаго древняго періода среднихъ вѣковъ до новѣйшаго времени.

Засѣданія происходятъ въ одной изъ залъ архива. Тамъ же отчасти и пишутся статьи, назначенныя къ чтенію, потому что грамоты, служащія матеріаломъ при составленіи оныхъ, разумѣется, не могутъ быть выдаваемы на домъ занимающимся. Студенты обыкновенно рѣшаютъ задачи болѣе легкія, чѣмъ тѣ, которыя берутъ на себя служащіе въ архивѣ, болѣе опытные въ такихъ работахъ.

Главнымъ образомъ эти работы заключаются въ изученіи древнихъ памятниковъ. Производятся изслѣдованія въ области геральдики и сфрагистики. Профессоръ Лэгеръ показалъ мнѣ нѣсколько грамотъ, послужившихъ темами для изслѣдованій. Между ними были грамоты, относящіяся къ XI-му вѣку. Нѣкоторыя изъ нихъ не были изданы въ печати; при другихъ, напечатанныхъ въ сборникахъ архивнаго матеріала, трудъ заключался между прочимъ въ сличеніи подлинника съ напечатаннымъ текстомъ и въ нахожденіи неточностей и ошибокъ въ изданіи памятниковъ. При такихъ памятникахъ, которые пока со-

¹⁾ Профессоръ Лэгеръ находится въ Мюнхенѣ съ 1855 г. Изъ его сочиненій особенно замѣчательны: «Land und Leute in der Alten und Neuen Welt», «System des preussischen Landrechts», «König Konrad I und Herzog Heinrich von Sachsen», и др.

всѣмъ были неизвѣстны, задача заключалась въ хронологическомъ опредѣленіи, въ разборѣ содержанія грамоты, въ изслѣдованіи печатей, гербовъ и т. п. У одной изъ показанныхъ мнѣ грамотъ висѣло около 120-и печатей, которыя доставили учащимся богатый матеріалъ для упражненій по исторіи геральдики. Одна грамота, предварительно подвергнутая тщательному изслѣдованію директора архива, оказалась поддѣльною. По приглашенію его, члены семинарія трудились надъ этимъ памятникомъ, чтобы приобрести самостоятельно навыкъ открывать признаки поддѣлки.

Подобныя же упражненія въ области дипломатикъ и палеографіи производятся въ Бреславлѣ подъ руководствомъ директора архива, профессора Грюнгагена (Grünhagen), и еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Германіи. Разумѣется, ни одна изъ этихъ семинарій не можетъ быть, по размѣрамъ учрежденія и числу учащихся, сравниваема съ знаменитою École de chartes въ Парижѣ.

Сколько педагогическія отдѣленія правительственныхъ семинарій, столько же и упражненія, устраиваемыя для приготовленія опытныхъ и ученыхъ архиваріусовъ, имѣютъ довольно опредѣленную практическую цѣль. Всѣ же прочаго рода занятія не имѣютъ точно опредѣленной цѣли и служатъ лишь дополненіемъ къ слушанію лекцій въ университетѣ и къ болѣе спеціальному обученію студентовъ-историковъ. Ихъ можно раздѣлить на слѣдующія группы.

Въ нѣкоторыхъ университетахъ происходятъ палеографическія упражненія, имѣющія особенную важность для тѣхъ историковъ, которые посвящаютъ себя изученію средневѣковой исторіи. Искусство читать древнія рукописи иногда даже становится предметомъ особыхъ курсовъ. Такъ, напримѣръ, въ лѣтнемъ семестрѣ 1870 года читали палеографію слѣдующіе преподаватели: Гидберъ въ Бернѣ (Urkundenlehre), Конъ въ Геттингенѣ (Grundzüge der Urkundenlehre), Фогтъ въ Лейпцигѣ (Urkundenlehre und Abriss der lateinischen Paläographie), Веделе въ Вюрцбургѣ (Urkundenlehre), Шульцъ въ Бреславлѣ (Elemente der lateinischen Handschriftenkunde). Особенною извѣстностью, какъ специалистъ по этой части, пользуется профессоръ Вагтенбахъ въ Гейдельбергѣ. Знаменитъ былъ также въ области палеографіи ученый профессоръ Яфэ (Jaffé) въ Берлинѣ, покончившій жизнь самоубійствомъ въ началѣ текущаго года.

Занятія въ палеографическихъ семинаріяхъ, какъ и въ вышеупомянутыхъ обществахъ архиваріусовъ, состоятъ въ критическомъ разборѣ и чтеніи рукописей, выборъ которыхъ, разумѣется, представ-

ляется директору семинаріи. Въ Мюнхенѣ, кромѣ занятій подь руководствомъ профессора Лэгера, въ лѣтнемъ семестрѣ текущаго года еще происходили палеографическія упражненія подь руководствомъ профессора Клукугона. Занятія этого же рода происходили лѣтомъ этого года въ Фрейбургѣ подь руководствомъ профессора Керна, въ Геттингенѣ подь руководствомъ профессора Кона, въ Бернѣ подь руководствомъ профессора Гидбера.

Для специалистовъ по исторіи послѣднихъ вѣковъ такія занятія не имѣють особенной важности. За то при изученіи средневѣковой исторіи они необходимы. Также въ этомъ отношеніи весьма важны упражненія, состоящія въ чтеніи лѣтописей. Обыкновенно выборъ лѣтописи, чтеніе которой продолжается цѣлый семестръ, падаетъ на какое-нибудь произведеніе первой половины среднихъ вѣковъ. Такія занятія болѣе всѣхъ другихъ распространены въ семинаріяхъ германскихъ университетовъ. Таковы были по преимуществу уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ занятія учениковъ знаменитѣйшаго изъ нѣмецкихъ историковъ, профессора Ранке въ Берлинѣ. Ученики Ранке занимають въ настоящее время значительную часть всѣхъ кафедръ по всеобщей исторіи въ Германіи, на примѣръ, Гизебрехтъ въ Мюнхенѣ, Вайцъ въ Геттингенѣ, Зибель въ Боннѣ, Германнъ въ Марбургѣ, Винкельманнъ въ Бернѣ и проч. Въ кружкѣ учениковъ Ранке положено начало гораздо болѣе основательной чѣмъ прежде разработкѣ исторіи Германіи въ средніе вѣка. Наука обязана этой школѣ весьма важными результатами. Критическій методъ при разборѣ средневѣковыхъ историческихъ источниковъ можетъ считаться причиною такихъ необъяснимыхъ успѣховъ. Появленіе въ свѣтъ въ продолженіе послѣднихъ временъ капитальныхъ трудовъ по исторіи германскихъ императоровъ и Крестовыхъ походовъ и по исторіи права въ Германіи въ значительной мѣрѣ было слѣдствіемъ развитія строго-критическаго метода при занятіяхъ источниками средневѣковой исторіи. Кто съ большимъ трудомъ и весьма тщательно подь руководствомъ столь опытныхъ и ученыхъ знатоковъ дѣла, каковы Ранке въ Берлинѣ, или профессоръ Вайцъ въ Геттингенѣ и проч., занимался чтеніемъ одного какого-либо средневѣковаго источника, тотъ при чтеніи всѣхъ подобныхъ памятниковъ употребить такіе же приемы и въѣдствіе того будетъ работать вообще съ особенною точностью и большимъ успѣхомъ.

Школа Ранке считаетъ критическій разборъ источниковъ, при помощи котораго можно самымъ точнымъ образомъ опредѣлить внѣшній, фактический ходъ событій, главнѣйшею задачей исторической науки.

Достоверность и подлинность источниковъ изслѣдуется съ образцовою тщательностью. Эти приемы слагаются школою Ранке не только главнымъ, но даже чуть-ли не исключительнымъ содержаніемъ методологіи исторіи, въ чемъ заключается нѣкоторая односторонность.

Въ отношеніи къ этому критическому методу, какъ уже сказано, семинарія профессора Ранке въ Берлинѣ долгое время занимала первое мѣсто, тогда какъ теперь съ большимъ еще успѣхомъ происходятъ таковыя занятія въ семинаріи профессора Вайца въ Геттингенѣ.

При выборѣ историческихъ средневѣковыхъ писателей для этихъ цѣлей довольно часто дается предпочтеніе особенно слѣдующимъ сочиненіямъ: Einhard,—de vita Caroli M., Lambertus Schafnaburgensis (или изъ Герсфельда), Chronicon historicum apud Germanos; лѣтопись Оттона Фреизингенскаго. Такъ какъ существуютъ легкодоступныя и отличныя изданія этихъ лѣтописей, то чуть-ли не каждый изъ молодыхъ людей можетъ прибрѣсти изданіе, читаемое въ продолженіе семестра. Чтеніе начинается переводомъ съ латинскаго языка, затѣмъ слѣдуютъ объясненія и комментаріи со стороны руководящаго занятіями профессора; наконецъ, нѣкоторые частныя вопросы, встрѣчаемые при чтеніи, подають поводъ къ составленію монографическихъ трудовъ студентами, при помощи другихъ матеріаловъ и подъ руководствомъ профессора. Такъ преимущественно занимаются подъ руководствомъ Вайца въ Геттингенѣ, Винкельманна въ Бернѣ (прежде въ Дерптѣ), Репелля въ Бреславлѣ, Перца въ Грейфсвальдѣ, Дюмлера въ Галле, Мауренбрехера въ Кенигсбергѣ (прежде въ Дерптѣ), Гизебрехта въ Мюнхенѣ, Линднера въ Бреславлѣ и проч.

Нельзя отрицать, что такія занятія имѣютъ характеръ солидности и основательности. Такъ какъ всѣ участвующіе въ нихъ изучаютъ такимъ образомъ одинъ и тотъ же предметъ, то они имѣютъ возможность слѣдить другъ за другомъ, помогать другъ другу и такимъ образомъ строго контролировать себя и другихъ. Другая выгода заключается въ томъ, что при такихъ занятіяхъ семинарія не нуждается въ большихъ бібліотекахъ, такъ что и въ незначительныхъ университетахъ, гдѣ не имѣется большой бібліотеки, богатой и въ отношеніи къ новой исторіи, такія занятія устриваются легче другихъ. Къ тому же, благодаря трудамъ Перца и другихъ, существуютъ въ изобиліи отличныя изданія средневѣковыхъ историческихъ писателей, чего нельзя сказать о новѣйшихъ періодахъ исторіи. Далѣе, при такомъ сосредоточеніи на одномъ писателѣ, на какомъ-либо частномъ предметѣ, особенно въ подробностяхъ извѣстномъ профессору, послѣдній можетъ,

дѣйствительно, гораздо успѣшнѣе руководить занятіями и преніями, нежели при болѣе разнообразныхъ предметахъ, въ которыхъ директоръ семинаріи не можетъ быть одинаково опытнымъ специалистомъ.

Впрочемъ, вообще средневѣковая исторія, а именно средневѣковая исторія Германіи, въ нѣмецкихъ университетахъ пользуется нѣкоторымъ преимуществомъ. Въ большей части случаевъ предметы для специальныхъ занятій въ семинаріяхъ выбираются изъ средневѣковой исторіи.

Въ Германіи нѣтъ особыхъ кафедръ для отечественной исторіи. За то и безъ такого учрежденія читается очень много лекцій по исторіи Германіи. Въ лекціяхъ по исторіи среднихъ вѣковъ при важности Германской имперіи главное вниманіе обращается на исторію Германіи. Изъ списковъ лекцій всѣхъ университетовъ видно, что около половины всѣхъ историческихъ лекцій имѣютъ предметомъ исторію Германіи и притомъ весьма спеціальныя отдѣлы изъ мѣстной исторіи Германіи. Такъ, напримѣръ, въ лѣтнемъ семестрѣ 1870 года, профессоръ Кернъ въ Фрейбургѣ читалъ исторію Бадена, профессора Бравдесъ и Венкъ въ Лейпцигѣ — исторію Саксоніи, профессоръ Куглеръ въ Тюбингенѣ — исторію Виртемберга и т. п. Матеріаловъ для мѣстной исторіи всюду собрано весьма много. Вездѣ существуютъ мѣстные архивы, въ весьма многихъ даже неуниверситетскихъ городахъ существуютъ историческія общества, имѣющія цѣлью изученіе мѣстной исторіи; историческіе музеи встрѣчаются иногда въ самыхъ ничтожныхъ городахъ и возбуждаютъ въ публикѣ интересъ къ наукѣ.

При такомъ особенномъ вниманіи къ отечественной средневѣковой исторіи, является у нѣкоторыхъ историковъ въ Германіи одностороннее убѣжденіе въ пользѣ изученія средневѣковой исторіи. Большіе успѣхи въ этой области заставляютъ думать многихъ, что занятія средневѣковою исторіей составляютъ какъ-бы пробный камень для историковъ вообще, и что тотъ еще не заслуживаетъ исполнѣ названія историка, кто не изучаетъ спеціально средневѣковую исторію. И въ гимназіяхъ древняя и средневѣковая исторія проходятся столь подробно, что для занятій новою или новѣйшею исторіей часто не остается времени. Это обстоятельство, если мы не ошибаемся, объясняется отчасти и тѣмъ, что учителя гимназій, бывшіе студентами, изучали подробнѣе всего средневѣковую исторію ¹⁾.

¹⁾ Такая односторонность иногда доходитъ до того, что на экзаменахъ для полученія степени учителя молодые люди иногда оказываются недостаточно подготовленными въ отношеніи къ исторіи послѣднихъ вѣковъ. Одинъ изъ извѣст-

Какъ бы то ни было, многіе историки въ Германіи держатся такого мнѣнія, что средніе вѣка удобнѣйшій предметъ для специальныхъ занятій студентовъ; нѣкоторые даже утверждаютъ, что полезнѣе всего ограничиваться чтеніемъ памятниковъ, относящихся къ первой половинѣ средневѣковой исторіи. Часто мнѣ приходилось слышать рѣзкіе и колкіе отзывы представителей школы Ранке о такихъ историкахъ, которые занимаются съ своими учениками изученіемъ какого-либо вопроса, относящагося къ исторіи послѣднихъ вѣковъ.

Такъ, напримѣръ, профессоръ Лейпцигскаго университета Брандесъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ о ходѣ работъ въ „Germanistische Gesellschaft“, что онъ считаетъ необходимымъ ограничиваться изученіемъ въ семинаріи лишь средневѣковой исторіи, ибо такимъ только образомъ можетъ сохраниться чисто научный характеръ таковыхъ занятій, и что критическій разборъ такихъ вопросовъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о новыхъ государственныхъ и общественныхъ организаціяхъ, можетъ быть предоставленъ исключительно только вполне зрѣлому мужескому возрасту ¹⁾.

Противъ этого можно возразить, во первыхъ, что и въ исторіи средневѣковой и древней встрѣчаются весьма часто вопросы, касающіеся тѣхъ самыхъ весьма важныхъ началъ общественнаго и политическаго устройства, которыя и въ новѣйшее время еще занимаютъ физиологовъ общества и политическихъ практиковъ. Такъ, напримѣръ, нельзя заниматься исторіей Грабовъ, не затрогивая вопроса о пролетаріатѣ; такъ, въ періодѣ Крестовыхъ походовъ вопросъ объ отношеніи государства къ церкви имѣетъ такую же важность, какую онъ имѣетъ при изученіи отношеній Людовика XIV-го или Наполеона I-го къ имперскому престолу. Вопросъ о крестьянствѣ, который рѣшенъ окончательно въ XIX-мъ столѣтіи, весьма важенъ и въ продолженіе всей средневѣковой исторіи; исторія реформы англійскаго парламента

нѣхъ профессоровъ исторіи въ одномъ изъ главныхъ университетовъ Германіи разказывалъ мнѣ, что онъ, состоявъ нѣсколько лѣтъ экзаменаторомъ при такъ называемыхъ Staatsexamen, не разъ удивлялся тому, что ученики школы Ранке до того мало были знакомы съ прочими періодами исторіи, что даже отказывались отвѣчать на вопросы, относящіеся къ древней и новой исторіи, утверждая, что они только изучали средневѣковую. Relata refero. По мнѣнію этого же профессора, преобладаніе средневѣковой исторіи въ практическихъ занятіяхъ студентовъ должно объяснить отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что прочія части предмета директорамъ семинарій нерѣдко бывають очень мало знакомы.

¹⁾ См. Erster Bericht über die Germanistische Gesellschaft. Leipzig, 1863, стр. 6 и 7.

въ повѣйшее время состоитъ въ тѣсной связи съ исторіей средне-вѣковаго государственнаго права въ Англии и т. п. Повторяя, если бы изученіе такихъ историческихъ предметовъ, въ которыхъ затрогиваются вопросы о новыхъ формахъ общественнаго и политическаго устройства, было бы неудобно для молодыхъ людей, оттого что они не достигли еще вполне зрѣлаго мужескаго возраста, то слѣдовало бы запретить чтеніе лекцій по новой и новѣйшей исторіи, и главное, занятія въ университетахъ государственными науками слѣдовало бы считать весьма опаснымъ или по крайней мѣрѣ бесполезнымъ дѣломъ. Специальныя занятія профессоромъ по государственнымъ наукамъ съ ихъ учениками были бы въ такомъ случаѣ совершенно невозможными. слѣдовало бы строго порицать профессора Гошера за то, что въ его семинаріи разбирается вопросъ о томъ или другомъ налогѣ, или профессора Гильдебранда за то, что въ кружкѣ его учениковъ подъ его руководствомъ сравнивается законодательство различныхъ государствъ по вопросу о свободѣ торговли и о протекціонизмѣ. При такихъ ображеніяхъ нельзя не признать мнѣніе г. Брандеса одностороннимъ и даже лишеннымъ всякаго основанія.

Однако г. Брандесъ приводитъ еще другіе аргументы въ доказательство того, что при специальныхъ занятіяхъ студентовъ слѣдуетъ ограничиваться упражненіями средне-вѣковой исторіей. Онъ полагаетъ, что занятія этими періодами исторіи легче. Онъ указываетъ на доступность источниковъ, въ отношеніи къ древней и средне-вѣковой исторіи, на отличныя изданія авторовъ древности и средне-вѣковыхъ лѣтописей, на полноту университетскихъ библіотекъ въ этомъ отношеніи. Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться: университетскія библіотеки, какъ уже выше сказано, окажутся гораздо чаще полными въ отношеніи къ древней и средне-вѣковой исторіи, нежели къ новой и къ новѣйшей. Но едва-ли хотя нѣсколько порядочныя университетскія библіотеки не будутъ имѣть главныхъ историческихъ источниковъ, относящихся къ послѣднимъ вѣкамъ. Важнѣйшія лѣтописи, мемуары и сборники матеріаловъ по исторіи XVI и XVII столѣтій всегда будутъ въ распоряженіи семинарій не менѣе Ксенофонта, Тацита, Фукидида или Григорія Турскаго, Оттона Фрейзингенскаго, Ламберта и проч. Чтеніе же источниковъ по исторіи XVI или XVII столѣтій едва-ли менѣе полезно для историковъ, нежели чтеніе лѣтописей средне-вѣковыхъ или классическихъ авторовъ древности.

Далѣе, сторонники занятій средне-вѣковой исторіей утверждаютъ, что студенты при упражненіяхъ должны исчерпывать изучаемый ими

вопросъ, изучать всю рѣшительно литературу по данной темѣ, знакомиться съ настоящимъ состояніемъ науки относительно предмета занятій. При скудости матеріаловъ по древней и средневѣковой исторіи это условіе выполняется легче, тогда какъ при громадной массѣ матеріаловъ для изученія исторіи послѣднихъ вѣковъ нельзя и думать о такомъ исчерпываніи матеріаловъ.

Но при этомъ, какъ намъ кажется, нужно принять въ соображеніе слѣдующее. Прочтеніи упражняющимися студентами всѣхъ источниковъ, относящихся къ какому-либо факту новой исторіи, нужно было бы требовать лишь тогда, когда бы такія занятія студентовъ имѣли цѣлью обогатить науку новыми результатами. Такой цѣли однако вовсе не имѣютъ и не могутъ имѣть историческія семинаріи. Начинаящіе заниматься изученіемъ исторіи пока могутъ довольствоваться упражненіями. Объ изданіи своихъ трудовъ, о публикованіи новыхъ открытій пмѣ нечего и думать. Чтеніе историческихъ источниковъ студентами имѣетъ главнымъ образомъ цѣлью ознакомить студентовъ съ источниками, съ отношеніемъ сырыхъ матеріаловъ къ историческимъ сочиненіямъ и съ приемами чтенія и разбора источниковъ. Они должны привыкнуть къ самой техникѣ разработки историческаго матеріала и къ чтенію монографій. О новѣйшемъ состояніи науки по отношенію къ тому или другому вопросу они гораздо легче могутъ узнать чрезъ занятія новѣйшею историческою литературой или чрезъ слушаніе лекцій, нежели чрезъ специальную разработку этого вопроса по всѣмъ вообще существующимъ и гдѣ бы то ни было находящимся источникамъ. Научиться критическому чтенію и толкованію источниковъ можно, не читая цѣлыя сотни сочиненій и изданій, если столько существуетъ ихъ по данному вопросу. При занятіи какимъ-либо вопросомъ древне-греческой исторіи иногда бываетъ не болѣе трехъ или четырехъ источниковъ. Почему же не считать возможнымъ при чтеніи трехъ или четырехъ источниковъ по исторіи, напримѣръ, Варооломеевской ночи или битвы при Люценѣ достигнуть такихъ же результатовъ, какъ при чтеніи трехъ или четырехъ источниковъ, относящихся къ походу Аеннявъ въ Сицилію или къ битвѣ при Требій? Намъ даже кажется, что занятія новою исторіей имѣли бы слѣдующее преимущество. Чтеніемъ трехъ или четырехъ источниковъ по какому-либо вопросу древней или средневѣковой исторіи исчерпывается иногда весь матеріалъ по этому вопросу, такъ что нѣтъ возможности контроля, нельзя провѣрить толкованія этихъ немногихъ источниковъ при помощи другихъ, тогда какъ основательность тол-

кованія трехъ или четырехъ источниковъ по какому-либо вопросу изъ исторіи послѣднихъ вѣковъ можетъ быть провѣрена чрезъ привлеченіе еще четвертаго или пятаго главнаго источника, для приведенія въ большую ясность подлежащаго вопроса.

Одинъ изъ извѣстныхъ представителей школы Ранке въ бесѣдѣ со мною объ этомъ предметѣ замѣтилъ, что темы изъ новой исторіи неудобны для изученія въ семинаріяхъ уже потому, что для совершеннаго разъясненія такихъ вопросовъ необходимы архивные матеріалы, которые однако развѣ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ будутъ находиться въ распоряженіи семинаріи. Противъ этого можно возразить, что и для полнѣйшаго разъясненія исторіи борьбы Григорія VII съ Генрихомъ IV или для исторіи Алкивіада было бы очень желательно имѣть неизданные архивные матеріалы, между тѣмъ какъ ни одинъ директоръ семинаріи не затруднился бы задать своимъ ученикамъ послѣднія темы, хотя и безъ архивнаго матеріала.

Далѣе мнѣ случалось слышать мнѣніе въ пользу упражненій древнею и средневѣковою исторіей, будто источники, относящіеся къ этимъ эпохамъ, имѣютъ большое литературное значеніе, чтеніе же нѣкоторыхъ не столько образцовыхъ источниковъ новой исторіи молодыми людьми слѣдовало бы считать чуть-ли не потерей времени. Такъ, на примѣръ, по мнѣнію того же извѣстнаго историка, памфлеты и политическія пѣсни періода Тридцатилѣтней войны будто не достойны того, чтобы студенты, желающіе серьезно учиться, тратили время на ихъ чтеніе. Намъ однако кажется, что классичность нѣкоторыхъ фрагментовъ древненсторической литературы или литературное достоинство нѣкоторыхъ средневѣковыхъ монастырскихъ лѣтописей иногда можетъ подлежать сомнѣнію. За то весьма часто матеріалы, относящіеся къ новой исторіи, касательно литературнаго достоинства превосходятъ источники прочихъ эпохъ.

Притомъ не должно забывать и то, что занятія новою и новѣйшею исторіей имѣютъ ту громадную выгоду, что занимающіеся ознакомляются въ этомъ случаѣ съ гораздо болѣе разнообразными источниками, читаютъ межуары, архивные матеріалы всякаго рода, документы, письма современниковъ, пропзведенія публицистическія и т. д. и такимъ образомъ добываютъ гораздо болѣе многостороннее образованіе, тогда какъ источники древней и средневѣковой исторіи относятся всегда къ однимъ и тѣмъ же весьма немногимъ видамъ историческихъ матеріаловъ.

Очевидно, выборъ предметовъ для занятій студентовъ въ истори-

ческихъ семинаріяхъ будетъ всего удачнѣе тогда, когда при разработкѣ темы представляются удобные случаи ознакомиться съ важнѣйшими видами историческихъ источниковъ и съ различными приемами критики и толкованія. Это условіе выполняется скорѣе при темахъ, относящихся къ послѣднимъ вѣкамъ, нежели при темахъ изъ другихъ періодовъ исторіи. По самому свойству историческихъ событій всѣ періоды исторіи, пожалуй, одинаково удобны для выбора темъ въ исторической семинаріи; по свойству же матеріаловъ, вообще говоря, тѣ періоды представляютъ большія выгоды, въ которыхъ изобиліе матеріаловъ позволяетъ болѣе многостороннее и разнообразное изученіе источниковъ. Какъ ни полезны поэтому бываютъ упражненія, состоящія въ чтеніи какого-либо средневѣковаго писателя, и составленіе по поводу такого чтенія монографическихъ статей, но еще болѣе полезнымъ можетъ оказаться выборъ предметовъ изъ разныхъ періодовъ исторіи.

Иногда профессора, стоящіе во главѣ семинаріи, считаютъ удобнымъ выбрать темою для разработки студентами въ продолженіе цѣлаго семестра какое-либо историческое событіе, различные эпизоды и моменты котораго представляютъ цѣлый рядъ предметовъ для монографическихъ изслѣдованій. То обстоятельство, что всѣ учащіеся занимаются такимъ образомъ общею темою, читаютъ всѣ одни и тѣ же источники, даетъ имъ возможность слѣдить другъ за другомъ и принимать дѣятельное участіе въ бесѣдахъ по этому предмету. Изъ примѣровъ таковыхъ занятій мы приводимъ слѣдующіе.

Профессоръ Лейпцигскаго университета Вутке не такъ давно въ продолженіе цѣлаго семестра занимался съ своими учениками изученіемъ исторіи Вареломеевской ночи. Другой разъ предметомъ продолжительныхъ занятій въ семинаріи того же профессора была кончина генерала Фридриха Гагерна въ битвѣ при Кандернѣ (20-го апрѣля 1848). То обстоятельство, что относительно этого событія, не достаточно разъясненнаго въ печатной литературѣ, профессоръ Вутке располагалъ драгоцѣнными матеріалами, заставило его остановиться на этомъ предметѣ. Въ другой разъ подъ его руководствомъ члены его семинаріи изучали вопросъ объ изобрѣтеніи книгопечатанія, важный, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что Голландцы оснарили первенство у нѣмецкихъ изобрѣтателей. Какъ специалисту по исторіи письменнаго и книгопечатанія и автору издаваемого въ новѣйшее время объемистаго труда по этому предмету, ему было возможно съ особеннымъ успѣхомъ руководить занятіями студентовъ при этомъ случаѣ.

Профессоръ Ад. Шмидтъ въ Іенѣ, заимствовавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Парижскихъ архивовъ множество любопытныхъ данныхъ по исторіи французской революціи, однажды въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль заставлялъ изучать членовъ своей семинаріи исторію событій 5-го октября 1789 года въ Версалѣ. Авторъ прекраснаго изданія „Tableaux de la révolution française“, третій томъ котораго недавно вышелъ въ свѣтъ, разумѣется, могъ быть особенно полезнымъ руководителемъ этихъ занятій. Впрочемъ профессоръ Шмидтъ темы большею частью выбираетъ для занятій изъ древней исторіи, по слѣдующему соображенію. Историковъ - студентовъ въ Іенѣ обыкновенно бываетъ весьма мало, такъ что если рассчитывать на участіе въ занятіяхъ только студентовъ, занимающихся исторіей, то не всегда можно было бы надѣяться на надлежащее число занимающихся. За то при выборѣ какой-либо темы изъ древней исторіи въ занятіяхъ участвуютъ кромѣ историковъ и филологи, такъ что занятія всегда могутъ состояться безъ затрудненія. Такимъ образомъ онъ иногда предлагалъ темы изъ исторіи Персидскихъ войнъ или Пелопонисской войны. Лѣтомъ текущаго года въ продолженіе цѣлаго семестра изучали исторію нашествія Галловъ на Грецію (280 до Р. Хр.), при чемъ сочиненія древнихъ писателей, въ которыхъ говорится объ этомъ событіи (Діодоръ, Юстинъ, Павсаній) были распределены между занимающимися. О каждомъ писателѣ былъ составленъ рефератъ; при каждомъ докладчикѣ былъ кореферентъ, сдѣлавшій ту же самую работу. Затѣмъ былъ сдѣланъ сводъ всѣхъ рефератовъ, при чемъ сравнивали показанія различныхъ авторовъ, и пришли къ такому результату, что всѣ они по всей вѣроятности черпали изъ одного общаго источника и т. д.

Въ нынѣшнемъ зимнемъ семестрѣ (1870/71) профессоръ Мауренбрехеръ въ Кенигсбергѣ выбралъ исторію Тридентскаго собора темой для специальныхъ занятій. Профессоръ Каро въ Бреславлѣ, читавшій съ своими учениками въ зимнемъ семестрѣ 1869/70 г. хроніку Эбергарда Виндекка, лѣтомъ 1870 г. выбралъ темой исторію Констанскаго собора. Этимъ же предметомъ въ семинаріи профессора Дройзена въ Берлинѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ занимались въ продолженіе четырехъ семестровъ (и въ этихъ занятіяхъ принималъ участіе авторъ этой статьи). Въ послѣдніе годы профессоръ Дройзенъ оставался при занятіи съ своими учениками на исторіи Тридцатилѣтней войны и на исторіи царствованія Фридриха - Вильгельма великаго курфюрста. Эти занятія, какъ можно полагать, находились въ

связи съ изученіемъ самимъ профессоромъ этой эпохи для продолженія его многотомнаго труда „Geschichte der preussischen Politik“. Бывши еще въ Іенѣ (до 1859 года), профессоръ Дройзенъ предлагалъ занимающимся въ его семинаріи различныя темы изъ исторіи двадцатыхъ годовъ шестнадцатаго столѣтія въ Германіи, такъ что, напримѣръ, одинъ изъ студентовъ написалъ статью объ избраніи Карла V въ императоры, другой (авторъ настоящей статьи) о значеніи Вормскаго сейма 1521 года въ отношеніи къ государственному праву въ Германіи, третій о крестьянской войнѣ, четвертый о битвѣ при Павіи, пятый (авторъ настоящей статьи) о взятіи Рима войсками Карла V въ 1527 году и т. д. Кромѣ этихъ очередныхъ занятій, нѣкоторыми изъ членовъ семинаріи по ихъ выбору представлены были изслѣдованія о разныхъ предметахъ, напримѣръ, о военномъ устройствѣ у древнихъ Римлянъ, о бюргермейстерѣ Любекскомъ Вулленвеберѣ, объ аграрной реформѣ Солона и о такъ-называемыхъ *ἐκτιμήσεις* въ Атикѣ (авторомъ этой статьи), о Филиппѣ де Коминѣ, какъ историческомъ источникѣ, о сочиненіи Фохта (Voigt) „die Wiederbelebung des klassischen Alterthums oder das Jahrhundert des Humanismus“ и пр.

Подъ руководствомъ профессора Бюдингера въ Цюрихѣ изучали исторію царствованія нѣкоторыхъ Римскихъ императоровъ, такъ что каждый изъ участвовавшихъ въ занятіяхъ выбиралъ себѣ для подробнаго разбора одно изъ этихъ царствованій. Упражненія профессора Гёфнера въ Гисенѣ лѣтомъ текущаго года также имѣли предметомъ изученіе времени Римскихъ императоровъ. Профессоръ Випкельманнъ въ Бернѣ съ своими слушателями занимался чтеніемъ и разборомъ источниковъ исторіи царствованія императора Тиберія. Профессоръ Ничъ (Nitzsch) въ Кенигсбергѣ выбралъ темой источника исторіи второй Пунической войны, профессоръ Онкенъ въ Гисенѣ — нѣкоторые вопросы изъ исторіи французской революціи. Профессоръ Мендельсонъ - Бартольди въ Фрейбургѣ остановился въ лѣтнемъ семестрѣ текущаго года на весьма специальномъ вопросѣ: подъ его руководствомъ студенты, занимавшіеся въ его семинаріи, разбирали ученую полемику между Зибелемъ, Гюфферомъ (Hüffer), Вивенотомъ, и пр. по исторіи войнъ въ періодъ французской революціи и т. д.

Иногда предметъ занятій въ семинаріи по обширности своей подходитъ нѣсколько на общій историческій курсъ. Такъ, напримѣръ, профессоръ Брандесъ въ Лейпцигѣ, учредившій тамъ въ 1860 году семинарію подъ названіемъ „Germanistische Gesellschaft“, изучаетъ вмѣстѣ съ своими учениками всю средневѣковую исторію Германіи въ

отношеніи политическомъ, юридическомъ, литературномъ, религіозномъ и пр. Въ продолженіе трехъ лѣтъ или шести семестровъ проходитъ вся средневѣковая исторія Германіи такимъ образомъ, что по каждому изъ шести періодовъ, на которые раздѣляется исторія Германіи до 1517 года, обозначено 25 темъ, изъ которыхъ занимающіеся выбираютъ по своему усмотрѣнію нѣкоторыя для составленія монографій. Темы, между прочимъ, были слѣдующія: разборъ лѣтописей, имя авторовъ и время и мѣсто происхожденія которыхъ неизвѣстны; разногласіе источниковъ въ отношеніи къ тому или другому событію; земледѣльческое и городское населеніе Германіи въ разные періоды; палатные мэры; сеймъ 802 года; состояніе славянскихъ земель, принадлежащихъ нынѣ къ Германіи; лишеніе престола короля Венцеслава и т. д. Часто выбираются такія темы, о которыхъ въ новѣйшее время явились монографическія изслѣдованія, при чемъ эти новѣйшія сочиненія подвергаются строгой критикѣ. Довольно часто самъ директоръ общества читаетъ разсужденія объ очередныхъ вопросахъ. Такъ, напримѣръ, въ своемъ первомъ отчетѣ о дѣятельности этого „Germanistische Gesellschaft“ профессоръ Брандесъ напечаталъ свое изслѣдованіе о „Nobiles“ древнихъ Германцевъ. Въ зимнемъ семестрѣ 18⁶³/₆₄ года самъ профессоръ Брандесъ представилъ девять различныхъ изслѣдованій, тогда какъ его учениками было представлено не болѣе двухъ. Въ зимнемъ семестрѣ 18⁶⁴/₆₅ г. имъ было читано также девять изслѣдованій, учениками же не болѣе пяти. Иногда пренія по какому-нибудь изъ этихъ вопросовъ продолжались нѣсколько засѣданій.

Профессоръ Брандесъ того мнѣнія, что печатаніе лучшихъ изъ сочиненій студентовъ дѣйствуетъ поощрительно и возбуждаетъ въ нихъ еще болѣшую страсть къ занятіямъ. Поэтому при отчетахъ, нѣсколько разъ уже изданныхъ профессоромъ Брандесомъ, въ видѣ приложений напечатаны нѣкоторыя изъ студенческихъ монографій, особенно отличавшихся основательностью и новостью результатовъ. Такъ напечатаны слѣдующія монографіи: „Haben die Sachsen den Franken bei der Unterjochung Thüringens geholfen“, сочиненіе Заксе; „Ackerbau, Dörfer und Städte im deutschen Alterthum“, соч. Пассова; „Kaiser Friedrich II und seine Zeit“, соч. Гирша.

Впрочемъ, изданіе семинарскихъ трудовъ можетъ считаться рѣдкимъ исключеніемъ. Такимъ исключеніемъ былъ недавно вышедшій въ свѣтъ сборникъ изслѣдованій по исторіи Римскихъ императоровъ, изданный профессоромъ Бюддигеромъ въ Цюрихѣ. Вообще говоря, профессора весьма лишь рѣдко берутъ на себя отвѣтственность печатанія

танія работъ своихъ учениковъ. За то случается весьма часто, что ищущіе докторской степени и бывшіе членами въ исторической семинаріи печатаютъ то или другое изъ представленныхъ ими въ семинаріи разсужденій, какъ диссертацию для полученія ученой степени. Понятно, что въ такихъ случаяхъ семинарскій трудъ подвергается переработкѣ и дополняется разными новыми матеріалами.

Въ отношеніи къ диссертациямъ семинаріи представляютъ для студентовъ большія выгоды. Какъ часто случается у насъ, что желающій написать кандидатскую диссертацию, положительно не знаетъ о чемъ писать и обращается къ профессору съ просьбой указать ему тему. Въ этомъ заключается самое полное доказательство довольно печальнаго дилетантизма занимающагося. Кто вообще кромѣ слушанія лекцій занимался хотя нѣсколько серіознѣ наукой, тотъ никогда не можетъ затрудняться недостаткомъ въ темахъ для изслѣдованія, а скорѣе изобиліемъ оныхъ.

Иногда близкія отношенія студентовъ къ профессорамъ могутъ замѣнить семинарію въ тѣсномъ смыслѣ. Если бы каждый занимающійся основательнѣе студентъ могъ всегда разчитывать на внимательное руководство профессора и работать, такъ-сказать, постоянно вмѣстѣ съ профессоромъ, то, пожалуй, такія отношенія были бы еще полезнѣе семинарій.

Въ росписаніи лекцій Мюнхенскаго университета объявлено объ упражненіяхъ по предмету исторіи подъ руководствомъ профессора Корнелиуса. Настоящаго кружка студентовъ, образующихъ семинарію, директоромъ которой состоялъ бы Корнелиусъ, нѣтъ. Кто въ Мюнхенѣ желаетъ работать въ семинаріи, тотъ большею частью состоитъ членомъ правительственной семинаріи профессора Гнзехбрехта. Притомъ еще тамъ устраиваются, какъ мы видѣли, упражненія подъ руководствомъ профессоровъ Лэгера и Клуьгона. Тѣмъ не менѣе и подъ руководствомъ профессора Корнелиуса постоянно работаютъ нѣкоторые изъ студентовъ - историковъ; ихъ однако немного и регулярныхъ заведеній, очередныхъ занятій не бываетъ. Занимающіеся приходятъ къ профессору довольно часто и обращаются къ нему за совѣтами, въ которыхъ нуждаются при своихъ работахъ. Темы выбираются или по собственному усмотрѣнію молодыхъ людей, или по указанію профессора Корнелиуса. Послѣдній считаетъ исторію XVI столѣтія особенно удобною для выбора такихъ темъ, потому что вездѣ имѣются легко доступныя изданныя архивныя матеріалы, относящіяся къ этому

часть слн, отд. 3.

столѣтію, затѣмъ существуютъ еще сказанія современниковъ и позднѣйшая весьма богатая историческая литература. Труды учениковъ Корнелиуса большею частью печатаются; они преимущественно имѣютъ предметомъ вопросы изъ исторіи Баваріи въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ Германіи существуетъ множество различныхъ видовъ практическихъ занятій студентовъ по всеобщей исторіи. Общихъ правилъ для такихъ семинарій почти вовсе не имѣется, развѣ можно отнести сюда уставы казенныхъ семинарій, или выработанные школою Ранке приемы критики источниковъ. Почти всегда однако и выборъ предметовъ, и способъ занятій предоставленъ совершенно профессорами, а иногда даже и студентамъ. Въ большей части случаевъ, конечно, специальность профессора имѣетъ вліяніе и на выборъ предмета и на способъ занятій. Чѣмъ болѣе специалистъ окажется владѣющимъ извѣстною областью науки, тѣмъ полезнѣе онъ можетъ быть студентамъ при занятіяхъ, относящихся къ этой области. Чѣмъ болѣе и успѣшнѣе работаетъ самъ профессоръ, тѣмъ полезнѣе будетъ и для студентовъ всматриваться въ мастерскую профессора.

Спрашивается: исчерпываются ли вышеприведенными видами упражненій всѣ возможныя практическія занятія по предмету исторіи? Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи мы позволимъ себѣ представить слѣдующія соображенія.

Лекціи рѣзко отличаются отъ занятій. Слушаніе лекцій, если можно такъ выразиться, есть лишь пассивный трудъ студентовъ и можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнено чтеніемъ книгъ. Лекціи были бы гораздо полезнѣе, если бы онѣ могли каждую минуту превратиться въ бесѣду. Преподаваніе естественныхъ наукъ, особенно въ послѣднее время, показываетъ намъ, что есть нѣчто среднее между лекціями и нѣкоторыми изъ вышеприведенныхъ специальныхъ занятій. Сюда относятся между прочимъ лекціи съ демонстраціями и экспериментами: работы съ микроскопомъ, работы въ химической лабораторіи. Подобныя способы преподаванія и для историческихъ наукъ весьма возможны. Здѣсь и тамъ встрѣчается даже что-то похожее на вышеприведенныя приемы при изученіи естественныхъ наукъ. При обработкѣ историческихъ предметовъ бывають иногда также демонстраціи, сопровождающія чтеніе лекцій. Такъ, напримѣръ, профессоръ Бутке въ Лейпцигѣ, читая курсъ подъ названіемъ: „Geschichte der Schrift und des Schriftthums“, въ началѣ каждой лекціи раздаетъ своимъ слушателямъ литографированныя изображенія, которыя онъ объяс-

няетъ въ продолженіе часа. Нѣкоторые специалисты по археологiи и исторiи искусства читаютъ свои лекціи не въ университетской аудиторiи, а въ музеѣ, гдѣ коллекціи предметовъ древности или произведеній искусства представляютъ любопытный матеріалъ для объясненій и демонстрацій. Такъ, профессоръ Гедехенсъ (Gaedecheus) въ Вѣнѣ читаетъ въ музеѣ гипсовыхъ отливокъ; знаменитый египтологъ профессоръ Ленсіусъ въ Берлинѣ читалъ не разъ лекціи въ египетскомъ музеѣ; профессоръ Курціусъ, авторъ „Исторiи Греціи“, въ Берлинѣ же — въ скульптурной галлерей; доцентъ политической экономiи въ Лейпцигѣ Керндтъ предпринималъ съ своими слушателями довольно часто экскурсіи въ разныя промышленныя заведенія; приватъ-доцентъ археологiи въ Вѣнѣ Клопфлейшъ часто вмѣстѣ съ своими слушателями отправляется въ окрестности города для производства раскопокъ при археологическихъ открытіяхъ, для отдѣленія старыхъ картинъ въ церквахъ и т. д.

За то можно удивляться тому, что весьма лишь рѣдко спеціальныя занятія студентовъ, устраниваемые съ вышеприведенными цѣлями, состоятъ въ связи съ читаемымъ въ томъ же семестрѣ курсомъ. Нужно полагать, что именно такая связь между лекціями и работами студентовъ должна быть особенно полезною. Одинъ случай такой связи между темою лекцій и занятіями въ семинарии мнѣ впрочемъ извѣстенъ. Въ лѣтнемъ семестрѣ текущаго года профессоръ Нейманнъ, извѣстный по нѣкоторымъ сочиненіямъ изъ древней исторiи, читалъ исторію упадка римской республики и одновременно съ этимъ чтеніе рѣчей и писемъ Цицерона было предметомъ занятій въ семинарии его. Каждый изъ занимающихся подъ руководствомъ профессора Нейманна долженъ былъ подвергнутъ самому тщательному филологическому и историческому разбору одну изъ рѣчей Цицерона, а затѣмъ по поводу представленія рефератовъ объ этихъ рѣчахъ Цицерона происходили пренія.

Что касается до внѣшняго устройства лекцій, то заслуживаетъ вниманія слѣдующее.

Въ Германіи считаютъ желательнымъ, чтобъ учащихся въ семинарии было не слишкомъ много. Профессоръ Рошеръ въ Лейпцигѣ при практическихъ занятіяхъ политической экономіей допускаетъ не болѣе 24-хъ членовъ. Такое число не легко достигается въ историческихъ семинаріяхъ, такъ какъ историковъ-студентовъ обыкновенно бываетъ великого. Согласно съ уставомъ королевской семинарии въ Мюнхенѣ.

въ ученоемъ отдѣленіи этой семинаріи допускается не болѣе десяти членовъ, тогда какъ число членовъ въ педагогическомъ отдѣленіи неограниченно. Профессоръ Густавъ Фишеръ въ Вѣнѣ (скончавшійся въ 1868 году), авторъ сочиненія о семинаріяхъ по государственнымъ наукамъ, считаетъ ограниченіе числа участвующихъ въ этихъ семинаріяхъ совершенно лишнимъ потому только, что при серіозности занятій едва-ли можно разчитывать на большое число охотниковъ. Нѣкоторые профессора, особенно въ небольшихъ университетахъ, жалуются на недостатокъ въ любителяхъ специальныхъ занятій. Въ большей части случаевъ число занимающихся въ историческихъ семинаріяхъ бываетъ отъ 5-и до 15-и. Въ „Germanistische Gesellschaft“ профессора Брандеса участвуютъ обыкновенно отъ 6-и до 9-и студентовъ. Число занимающихся подъ руководствомъ профессора Дройзена бывало отъ 10-и до 14-и и т. д.

Засѣданія семинарій иногда бываютъ въ аудиторіяхъ, но еще чаще устраиваются на квартирѣ у профессора. Последнее обстоятельство представляетъ ту выгоду, что частныя библіотеки профессоровъ, между которыми есть многія чрезвычайно богатая въ этомъ отношеніи, во время засѣданія всегда находятся подъ рукой, и въ случаѣ необходимости справокъ, оказываютъ большую пользу. Обыкновенно засѣданія происходятъ въ послѣобѣденное время и вечеромъ, что представляетъ большую выгоду, потому что такимъ образомъ лекціи не сталкиваются съ занятіями. Засѣданія большею частью продолжаются два часа, иногда и больше. Участіе въ семинарскихъ занятіяхъ ни для кого необязательно. Обязательныхъ лекцій въ Германіи почти вовсе нѣтъ. Еще менѣе можно бы думать объ обязательныхъ специальныхъ занятіяхъ, которыя по своей сущности должны быть дѣломъ собственнаго выбора, согласно съ самымъ понятіемъ о „studium“, значущемъ: любимое занятіе, склонность, стремленіе.

Занятія въ семинаріяхъ происходятъ безъ исключенія безплатно. Самое свойство болѣе близкихъ, дружескихъ отношеній профессоровъ къ студентамъ въ этихъ семинаріяхъ какъ-то дѣлаетъ невозможнымъ особенное денежное вознагражденіе за руководство такими занятіями, хотя семинарія требуютъ отъ профессора гораздо болѣе значительнаго времени, нежели чтеніе лекцій.

Въ семинаріяхъ участвуютъ студенты различныхъ факультетовъ. Такъ какъ почти нѣтъ никакихъ обязательныхъ лекцій, то каждый студентъ по своему усмотрѣнію слушаетъ лекціи и участвуетъ въ разныхъ специальныхъ занятіяхъ. Такимъ образомъ раздѣленіе на фа-

культеты для многихъ студентовъ не имѣтъ значенія. ¹⁾ Участіе студентовъ юридическаго факультета въ историческихъ семинаріяхъ оказываетъ большую пользу и для нихъ самихъ и для успѣха ихъ занятій.

Въ заключеніе нашего очерка объ историческихъ семинаріяхъ въ Германіи, сообщимъ нѣсколько данныхъ объ упражненіяхъ студентовъ, занимающихся государственными науками.

Почти всѣ преподаватели политической экономіи въ германскихъ университетахъ устраиваютъ спеціальныя занятія студентовъ по этому предмету; занятія эти состоятъ въ изслѣдованіи нѣкоторыхъ вопросовъ изъ политической экономіи и статистики, въ составленіи рефератовъ о новыхъ книгахъ, въ изученіи капитальныхъ сочиненій по этимъ предметамъ, въ критическомъ разборѣ статистическихъ матеріаловъ и пр. Таковы занятія подъ руководствомъ профессоровъ: Ропера въ Лейпцигѣ, Рау (скончался весною текущаго года) въ Гейдельбергѣ, Шмоллера въ Галле и др. ²⁾

Можно удивляться тому, что во всей Германіи существуетъ лишь одна правительственная семинарія по государственнымъ наукамъ, именно при Вѣнскомъ университетѣ. Согласно съ уставомъ этой семинаріи, поддерживаемой ежегодною субсидіей въ размѣрѣ 250 талеровъ отъ правительства, содержащаго Вѣнскій университетъ, 140 талеровъ ежегодно употребляется на покупку книгъ, а 110 талеровъ назначается на награды за лучшіе труды членовъ семинаріи. Директоры семинаріи назначаются правительствомъ. Обыкновенными членами семинаріи называются тѣ, которые удостоены наградъ, остальные же экстраординарными. Директорамъ семинаріи предоставлено право подвергать

¹⁾ Для автора этой статьи было весьма полезно слушать кромѣ лекцій по предметамъ исторіи, философіи, еянологіи, еще другія, напримѣръ, курсъ астрономіи у Шлейдена въ Вѣнѣ, лекціи по римскому праву у Гольдшмидта въ Гейдельбергѣ, лекціи о международномъ правѣ у Марквардзена и пр., не говоря уже о лекціяхъ по политической экономіи у профессора Рау и др.

²⁾ Въ росписаніяхъ лекцій встрѣчаются между прочимъ слѣдующія объявленія о таковыхъ занятіяхъ: Дюрингъ (Dühring) въ Берлинѣ: «Anleitung zu wissenschaftlichen Arbeiten in der Nationalökonomie, der Finanz und Polizeiwissenschaft»; Гельвингъ (Helwing) въ Берлинѣ: «Examinatorium über die Staats- und Cameralwissenschaften»; Телькампъ (Telkkampf) въ Берлинѣ: «Disputationen über Fragen der Politik und Volkswirtschaft»; Хансенъ (Hanssen) въ Геттингенѣ: «Kameralistische Übungen»; Кнаппъ (Knapp) въ Лейпцигѣ: «Statistisches Practicum»; Умпенбахъ (Umpfenbach) въ Вюрцбургѣ: «Staatswirtschaftliches Conversatorium und Practicum» и пр.

испытанію желающихъ поступить въ семинарію. Члены, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ не представившіе ни одного труда или въ продолженіе четырехъ недѣль не посѣщавшіе безъ уважительныхъ причинъ засѣданія, считаются выбывшими изъ семинаріи. При двухъ директорахъ, изъ которыхъ одинъ специалистъ по политической экономіи и статистикѣ, другой — по государственному и международному праву, полагается по два засѣданія въ недѣлю, обыкновенно въ вечернее время; члены семинаріи участвуютъ въ работахъ подъ руководствомъ обоихъ директоровъ, такъ что юрсты занимаются и политической экономіей, статистикой и полицейскимъ правомъ, а камералисты и юридическими науками. Условіемъ участія въ такихъ занятіяхъ считается окончаніе полныхъ курсовъ государственнаго права, политической экономіи и политики. Занятія заключаются въ разборѣ отдѣльныхъ вопросовъ, къ этимъ наукамъ относящихся, при чемъ обыкновенно какъ-бы программу для занятій служитъ какое-либо капитальное сочиненіе по этой наукѣ. Члены семинаріи, знакомясь въ продолженіе практическаго курса съ нѣкоторыми изъ такихъ главныхъ сочиненій (напримѣръ, съ изданіями Блунчли, Цахаріэ, Гефтера, Рау, Рошера, Моля и др.), уже тѣмъ самымъ привыкаютъ въ серіозному чтенію солидныхъ сочиненій, что, пожалуй, доставляетъ имъ большую пользу, нежели слушаніе лекцій¹⁾. Въ библиотекѣ семинаріи такія капитальныя сочиненія должны находиться въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ какъ нельзя разчитывать на то, чтобы всѣ члены семинаріи имѣли возможность купить себѣ такія книги, изъ которыхъ, напримѣръ, Моля „*Literatur und Geschichte der Staatswissenschaften*“ стоитъ около 15 рублей. По возможности, директора семинаріи заставляютъ своихъ учениковъ читать сочиненія на иностранныхъ языкахъ, а именно на англійскомъ и французскомъ. Справедливо профессоръ Фишеръ всегда обращалъ на это обстоятельство особенное вниманіе.

Разсужденія членовъ семинаріи до обсужденія ихъ въ засѣданіи читаются всѣми прочими членами семинаріи, и разумѣется, директоромъ, при чемъ строго соблюдается извѣстная очередь. Во время засѣданія однимъ членомъ пишется протоколъ засѣданія, въ который вносится ходъ преній. Для каждаго разсужденія назначается рецен-

¹⁾ G. Fischer über die Errichtung staatswissenschaftlicher Seminarien. Jena, 1857 стр. 43: «Wenn jeder Seminarist nach und nach, etwa im Lauf von drei Semestern diese Werke gründlich studiert, so erlangt er dadurch schon eine umfassendere staatswissenschaftliche Bildung, als der noch so eifrige Besuch akademischer Vorträge gewähren kann».

зентъ изъ членовъ семинаріи. Иногда происходить диспуты о тезисахъ, представленныхъ членами и одобренныхъ директоромъ.

Таковъ характеръ семинаріи по государственнымъ наукамъ въ Іенѣ. Учрежденіе ея относится къ тому времени, когда, послѣ революціоннаго кризиса 1848 года, мыслящіе люди въ Германіи убѣдились въ томъ, что политическое образованіе недостаточно распространено въ Германіи и что университетамъ надлежитъ содѣйствовать распространенію политическаго образованія. Поэтому профессоръ исторіи и государственныхъ наукъ въ Іенѣ Адольфъ Шауманнъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій по новѣйшей исторіи, составилъ проектъ учрежденія семинаріи государственныхъ наукъ и предложилъ Густаву Фишеру, находившемуся тогда во Франкфуртѣ въ качествѣ депутата въ національномъ парламентѣ и занимавшемъ въ Іенскомъ университетѣ катедру политической экономіи и статистики, участвовать въ учрежденіи такой семинаріи и руководить работами въ ней вмѣстѣ съ Шауманномъ. Фишеръ согласился, и оба они представили правительству проектъ правилъ семинаріи, который и былъ утвержденъ 30-го апрѣля 1849 года. Сначала студенты, вступившіе въ семинарію, оказались далеко недостаточно приготовленными для такихъ занятій, такъ что профессора не могли требовать отъ нихъ разрѣшенія очень специальныхъ и трудныхъ задачъ. Библіотека Іенскаго университета въ отношеніи къ государственнымъ наукамъ оказалась совсѣмъ неполною, и поэтому было приступлено къ учрежденію семинарской бібліотеки, составляющей впрочемъ часть университетской бібліотеки. Въ 1851 году пр. Шауманнъ оставилъ университетъ; на его мѣсто поступилъ проф. Михельсенъ, извѣстный знатокъ германскаго права. Предметы занятій относились преимущественно къ теоріи финансовъ и къ администраціи. Такъ, напримѣръ, занимались вопросами: о системахъ налоговъ, о таможенномъ союзѣ въ Германіи, о мѣрахъ въ случаѣ дороговизны, о пролетаріатѣ и пауперизмѣ, о свободѣ торговли и о протекціонизмѣ. Проф. Фишеръ умеръ въ 1868 г., а проф. Михельсенъ былъ замѣненъ профессоромъ Бруно Гильдебрандомъ, переселившимся изъ Цюриха въ Іену въ 1861 году. Проф. Гильдебрандъ, извѣстный своими сочиненіями по исторіи политической экономіи (напримѣръ, „Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft“), а также издаваемъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ журнала „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“, состоитъ въ то же самое время директоромъ статистическаго бюро въ Тюрингіи и директоромъ политической семинаріи въ Іенѣ. Авторъ

настоящей статьи имѣлъ случай просматривать протоколы нѣкоторыхъ засѣданій семинаріи, происходившихъ въ послѣднее время. Въ нихъ между прочимъ предметомъ разбора были слѣдующіе вопросы: „Каковы выгоды однопалатной и двухпалатной системъ?“; „О денежной системѣ, предлагаемой Воловскимъ“; „Сравненіе законодательства Сѣверо-Германскаго Союза, Швейцарскаго, Американскаго въ отношеніи къ законамъ о давности при потерѣ права гражданства чрезъ отсутствіе изъ родины“ и т. д. Проф. Гильдебрандъ принадлежитъ къ числу тѣхъ весьма немногихъ ученыхъ въ области политической экономіи, которые съ специальнымъ знаніемъ этого предмета соединяютъ замѣчательное политическое образованіе и глубокое знакомство съ государственными науками. Поэтому - то, хотя и не назначенъ второй директоръ семинаріи, ему и возможно руководить занятіями по различнымъ отраслямъ государственныхъ наукъ.

Мы считали не лишнимъ прибавить эту краткую замѣтку о политическихъ семинаріяхъ къ нашему очерку историческихъ семинарій въ Германіи уже потому, что участіе въ такихъ занятіяхъ студентовъ-историковъ намъ кажется весьма важнымъ; преимущественно же такія занятія полезны и даже необходимы для тѣхъ молодыхъ людей, которые намѣрены посвятить себя изученію исторіи послѣднихъ вѣковъ ¹⁾).

¹⁾ Что касается до юридическихъ факультетовъ германскихъ университетовъ, то практическія занятія студентовъ ихъ подъ руководствомъ проессоровъ могутъ считаться правиломъ. О нихъ объявляется въ спискахъ университетскихъ чтеній подъ названіями: «Practicum», «Übungen», «Übungen in der Exegese», «Repetitorium», Examinatorium», «Disputatorium», «Processual. Übungen», «Referirungskunst», «Colloquien», «Civilistische Gesellschaft», «Decretirkunst», «Relatorium» и т. д. Кажется чаще всего встрѣчаются упражненія по римскому праву. Такъ, напримѣръ, происходятъ занятія подъ руководствомъ проессоровъ: Крюгера и Шмидта въ Берлинѣ, Тэля въ Геттингенѣ, Веринга въ Гейдельбергѣ, Блауе въ Боннѣ, Фогеля и Гепперта въ Бреславлѣ, Клейншрода въ Инспрукѣ, Беккера въ Грейфсвальдѣ, Бюхеля и Шмидта въ Марбургѣ, Зейфера въ Мюнхенѣ, Экспера и Рица въ Цюрихѣ, Замгабера въ Вюрцбургѣ. Въ области каноническаго права происходятъ упражненія подъ руководствомъ: Даве въ Геттингенѣ, Гросса въ Инспрукѣ, Гиншюса въ Килѣ, Верхтольда въ Мюнхенѣ, Гражданскихъ правомъ занимаются подъ руководствомъ: Больджано въ Мюнхенѣ, Кунце и Остерло въ Лейпцигѣ, Шредера и Зелля въ Боннѣ, Гехта въ Гейдельбергѣ, Шелмита и Кристианзена въ Бреславлѣ, Аншоца въ Галле. Мутера въ Ропштокѣ, Обервейса въ Инспрукѣ, Карлова въ Грейфсвальдѣ и пр. Уголовнымъ правомъ занимаются подъ руководствомъ: Мейера въ Галле, Шлегелера въ Лейпцигѣ, Фукса въ Марбургѣ, Вальтера въ Мюнхенѣ, Риша въ Вюрцбургѣ.

Въ заключеніе этого очерка о состояніи семинарій въ Германіи мы не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что весьма лишь рѣдко въ печати сообщаются данныя, сюда относящіяся. Даже въ росписаніяхъ лекцій, въ которыхъ почти всегда объявляется о предполагаемыхъ преподавателями упражненіяхъ, иногда вовсе не говорится о темахъ для занятій. Это впрочемъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что о предметѣ занятій постановляется рѣшеніе лишь послѣ совѣщаній профессора съ желающими участвовать въ занятіяхъ. Намъ извѣстенъ только одинъ примѣръ печатанія отчетовъ о дѣятельности исторической семинаріи: это именно вышеприведенные отчеты профессора Брандеса. Можно полагать, что публикованіе такихъ отчетовъ весьма значительно содѣйствовало бы всестороннему обсужденію вопроса объ этой важной статьѣ университетскаго быта. Хотя и у насъ, въ видѣ исключенія, происходятъ практическія занятія студентовъ историко-филологическихъ и юридическихъ факультетовъ подъ руководствомъ преподавателей, но весьма лишь рѣдко сообщается о ходѣ такихъ работъ. Краткія замѣтки, иногда встрѣчаемыя объ этомъ въ университетскихъ отчетахъ, далеко не удовлетворительны. Изъ нихъ развѣ только можно заключить, что такія практическія занятія студентовъ должны пока считаться рѣдкимъ исключеніемъ. Пока еще, въ сожалѣнію, работы студентовъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, ограничиваются слушаніемъ лекцій и заучиваніемъ къ экзамену записокъ. Одно изъ доказательствъ, что студенты далеко не всегда и даже довольно рѣдко привыкаютъ къ научнымъ занятіямъ, какъ намъ кажется, заключается въ томъ, что нерѣдко студенты, окончивающіе курсъ, не думаютъ заблаговременно о кандидатской диссертациі, положительно не знаютъ о чемъ писать, и не привыкнувъ вообще серьезно заниматься, не успѣваютъ представить кандидатскую диссертацию въ опредѣленный срокъ, такъ что должны довольствоваться степенью дѣйствительнаго студента.

Сами студенты хорошо сознаютъ пользу практическихъ спеціальныхъ занятій и обыкновенно съ готовностью участвуютъ въ работахъ, предлагаемыхъ имъ университетскими преподавателями. Изъ послѣднихъ же, за исключеніемъ большей части естествоиспытателей

бурга, Гютербока въ Кенигсбергѣ, Шмидтлейна въ Грейсвальдѣ, Бернера въ Берлинѣ и пр. Кроме того еще происходятъ особыя упражненія, на примѣръ, подъ руководствомъ Бегагеля (Behaghel) о «Code Napoleon», Фогта въ Бернѣ о философскомъ правѣ и пр., и пр.

и весьма немногихъ юристовъ, историковъ и филологовъ, большинство пока не бралось еще за это дѣло съ надлежащимъ усиліемъ *).

А. Брикнеръ.

Одесса, сентябрь 1870 года.

*) На этотъ разъ, ограничиваясь этими замѣтками, мы надѣемся представить въ другой разъ наши соображенія о томъ, какимъ образомъ слѣдовало бы устраивать практическія занятія студентовъ-историковъ и въ нашихъ университетахъ, при чемъ мы приведемъ нѣкоторые результаты собственнаго опыта; тогда представится случай сказать нѣсколько словъ и по поводу статей гг. Дройзена, Срезневскаго, Варадинова и др.

ЛИЦЕЙ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ.

(Календарь лицея Цесаревича Николая на 18⁶⁹70 учебный годъ.
Москва. 1869).

Non opus est necessario magnatibus; sed
sufficerent privati conatus. Leibnitz.

Въ былое время наши школы ежегодно увѣдомляли публику о своихъ *устяхахъ* на публичныхъ актахъ, гдѣ читался отчетъ о числѣ вновь принятыхъ и выпущенныхъ съ присвоенными школь правами, перечислялись переведенные въ слѣдующіе классы ученики, произносились учителями „рѣчи“, а учениками стихотворенія (что иногда даже печаталось подъ именемъ „акта“), раздавались награды преуспѣвающимъ; но вмѣстѣ съ этимъ хранилось глубочайшее молчаніе о внутренней жизни заведенія. Фактъ, что этотъ обычай вывелся и забытъ, можно считать вѣрнымъ признакомъ общественнаго равнодушія къ помянутымъ „актамъ“ и произносимымъ на нихъ рѣчамъ и стихотвореніямъ. Общество интересовалось внѣшнею праздничною обстановкой дѣла, не изъявляя ни малѣйшей претензіи познакомиться съ будничною стороною школы. Учебныя заведенія въ то время рассматривались единственно со стороны имъ присвоенныхъ и сообщаемыхъ ими служебныхъ правъ и преимуществъ.

Великія преобразованія настоящаго царствованія поставили наше общество въ неизбѣжную необходимость заботиться о *воспитаніи* и *образованіи* дѣтей. Увеличеніе числа частныхъ и правительственныхъ школъ, сравнительно частое появленіе въ литературныхъ періодическихкихъ изданіяхъ педагогическихкихъ статей, изданіе переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій педагогическаго содержанія — все это убѣждаетъ, что общество привыкаетъ по немногу слѣдить за педагогическимъ дѣломъ и за школой.

Въ видахъ поддержанія и возбужденія необходимаго для преуспѣванія школы общественнаго къ ней вниманія, правительственные пе-

дагогическіе органы открыли у себя значительные отдѣлы, посвящаемые извѣстіямъ о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; но за то частныя школы продолжаютъ увѣдомлять родителей о своемъ существованіи лишь газетными объявленіями о времени пріемныхъ испытаній. Счастлирое исключеніе въ этомъ случаѣ представляетъ лицей Цесаревича Николая.

Лицей Цесаревича Николая нельзя впрочемъ назвать частнымъ учебнымъ заведеніемъ. Не будучи ни спекуляціей, ни промышленнымъ предпріятіемъ — ибо основатели пожертвовали для первоначальнаго обузаведенія капиталъ въ 10.000 и отказались отъ всякаго вознагражденія за свои труды — лицей является заведеніемъ общественнымъ, каковъ онъ и есть на дѣлѣ по своему устройству. „Правленіе лицея организовано такъ, чтобы въ немъ преемственно хранился духъ заведенія. Личный составъ его основанъ отчасти на избраніи (кооптаціи), отчасти на продолжительной службѣ въ главныхъ должностяхъ по лицей. Членами его могутъ быть только лица, уже много потрудившіяся на пользу заведенія и дающія основанія предполагать, что они не будутъ равнодушны къ его пользамъ. Присяга, которая потребуется отъ нихъ при вступленіи въ должность, запечатлѣветъ религіознымъ характеромъ ихъ отношенія къ заведенію, а содержаніе, которое они будутъ получать (10% съ доходовъ всего заведенія), поставленное въ зависимость отъ числа учениковъ и количества капиталовъ заведенія, должно связать ихъ личные интересы съ процвѣтаніемъ онаго“. При такихъ условіяхъ лицей живетъ своею собственною жизнью и можетъ развиваться на основаніи *чисто педагогическихъ*, дознанныхъ опытомъ началъ, не подвергаясь колебаніямъ, которыя зависятъ отъ разныхъ случайностей и которыя такъ много вредили у насъ правильному развитію учебнаго дѣла. Лица, завѣдывающія лицеемъ, — полные хозяева заведенія и несутъ на себѣ всю силу отвѣтственности за его успѣхъ. Изданіе отчета о внутрешней жизни заведенія, въ формѣ календаря за каждый годъ его существованія, есть такимъ образомъ явленіе органическое для лицея. Вотъ почему „календарь“ рѣзко отличается отъ вышеупомянутыхъ „актовъ“ и возбуждаетъ къ себѣ живой интересъ какъ родителей, такъ и педагоговъ. Цѣль лицея, кромѣ удовлетворенія глубоко чувствуйемой потребности въ основательномъ образованіи русскаго юношества, какъ въ общемъ приготовительномъ (гимназическомъ), такъ и специально-ученомъ (университетскомъ), которое, не уступая, по высотѣ и силѣ своей, образованію другихъ странъ, „соотвѣтствовало бы истиннымъ потребностямъ нашего отечества“, состоитъ еще в

въ томъ, „чтобы путемъ живаго опыта способствовать развитію въ Россіи *самостоятельнаго педагогическаго дѣла и выработать на практикѣ, безъ предварительной регламентаціи, его основанія, приемы и способы*“. Неуклонное стремленіе къ этой цѣли, имѣющее быть ежегодно заявляемымъ публикѣ лицейскими календарями, упрочить, нужно думать, за послѣдними возрастающій интересъ.

Итакъ, лицей, какъ заведеніе по преимуществу общественное, даетъ публикѣ отчетъ за первый годъ своего официального существованія. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ добрый починъ нашелъ себѣ подражаніе въ правительственныхъ и частныхъ школахъ. Тѣмъ и другимъ также нельзя отказать въ названіи общественныхъ; онѣ тоже служатъ потребностямъ общества, процвѣтаніе ихъ въ значительной степени зависитъ отъ общественной поддержки и контроля. Помимо контроля правительственнаго; стало быть, и для нихъ настоять необходимость доводить до свѣдѣнія публики о своей внутренней жизни. Частныя учебныя заведенія, возникшія изъ серьезныхъ педагогическихъ потребностей, а не изъ разчета, могли бы принести ежегодными отчетами существенную выгоду и себѣ, и педагогическому дѣлу. При опредѣленіи дѣтей въ учебное заведеніе, родители соображались бы не съ смутными слухами, не съ личными мнѣніями, а съ самымъ дѣломъ, и такимъ путемъ заведеніе могло бы избавиться отъ воспитанниковъ и причязаній ихъ родителей, которые ищутъ не того, что находятъ. Педагогическое же дѣло несомнѣнно было бы въ выигрышѣ отъ сообщенія свободно развиваемыхъ приемовъ и способовъ воспитанія и обученія, на что частныя школы имѣютъ неотрицаемое право. Того же можно желать и отъ школъ правительственныхъ. Правительственный контроль, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, и правительственная инициатива, сколько бы ни была она мудра, не дадутъ настоящей органической жизни школъ, если въ собственной ея сферѣ не возникнетъ конкуренціи. А конкуренція порождается и поддерживается гласностью дѣла. Въ нашихъ педагогическихъ журналахъ хотя и являются статьи дидактическаго и дисциплинарнаго содержанія, но этимъ довольствоваться нельзя: статьи эти часто бываютъ не что иное, какъ предположенія, соображенія, проекты, тогда какъ для пользы дѣла даже не совсѣмъ удавшійся опытъ дороже самаго блестящаго проекта.

Слѣдую принятому правилу — вести дѣло безъ предварительныхъ регламентацій, правленіе лицей обнародовало въ календарѣ только то, въ непреложности и цѣлесообразности чего оно не сомнѣвается и чего намѣрено твердо держаться въ своей педагогической практикѣ.

На первый разъ лицей публикуетъ свои программы, дидактическія основоположенія, общія дисциплинарныя мѣры, объясняетъ внутреннее устройство заведенія, сообщаетъ уставъ и акты утвержденія лица. Все это изложено въ первомъ отдѣлѣ календаря. Второй отдѣлъ его посвященъ принципу и выясненію достоинствъ классическаго образованія. Тутъ помѣщены программы прусскихъ классическихъ гимназій и французскихъ лицеевъ, извлеченіе изъ книги Тринга „Воспитаніе и школа“, выдержки изъ передовыхъ статей *Московскихъ Вѣдомостей* и библиографическая замѣтка объ отчетѣ Деможо и Монтуччи. Всѣ эти приложенія имѣютъ интересъ историческій, какъ для самого лицея, такъ и для всего гимназическаго образованія въ Россіи. Возбудивъ вопросъ о классическомъ образованіи, основатели лицея выяснили его въ упорной и долгой борьбѣ съ приверженцами реализма, провели отстаиваемый ими принципъ въ школу, и дабы не нести упрека, такъ-сказать, въ голословіи, сами стали за дѣло, жертвуя для него и средствами и трудами. Вотъ почему календарь былъ бы неполонъ безъ этого втораго отдѣла.

Было бы преждевременно и опрометчиво судить о качествѣ воспитанія и образованія въ лицей по календарю, не видавъ во очію самого заведенія и не дождавшись зрѣющихъ въ немъ плодовъ; но въ равной мѣрѣ было бы непростительно для педагогическаго журнала не познакомить своихъ читателей съ *самостоятельнымъ* устройствомъ школы, возникшей при вышепоказанныхъ обстоятельствахъ, на сколько можно уяснить себѣ изъ календаря учебную и воспитательную часть оной.

Программы главныхъ предметовъ лицея, независимо отъ имѣющаго быть въ немъ числа 8 гимназическихъ классовъ, обширнѣе программъ нашихъ классическихъ гимназій. Отъ поступающаго въ первый классъ требуется по русскому языку умѣнье различать имя существительное, прилагательное, мѣстоименіе и глаголь, знаніе пяти басенъ Крылова, и навыкъ въ чтеніи и письмѣ по одной линейкѣ, по латинскому языку — чтеніе и письмо. Преподаваніе латинскаго и русскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ, ограничиваемое главнымъ образомъ этимологіей, до того параллельно, что соединено въ однихъ рукахъ латинскаго учителя и не имѣетъ для себя отдѣльнаго времени. При такомъ порядкѣ самъ собою рождается вопросъ: не приносится ли русскій языкъ въ жертву латинскому? Не ссылаясь на авторитетный опытъ англійскихъ публичныхъ школъ и нѣмецкихъ гимназій, отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ правилахъ самого

разсматриваемаго заведенія и въ неизбѣжныхъ условіяхъ дѣла. Объясненіе членовъ латинскаго предложенія, частей рѣчи, склоненій и спряженій латинскій учитель можетъ дать не иначе, какъ научивши распознавать члены русскаго предложенія, склонять русскія имена и спрягать русскіе глаголы. Въ его дѣлѣ каждый шагъ впередъ начинается съ роднаго языка, и для успѣха совершенно необходимъ параллелизмъ и въ упражненіяхъ на преподаваемое. Латинскій учитель лицея производитъ письменныя упражненія въ русскихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ, стало быть, и русское правописаніе не ускользаетъ у него изъ виду. Предположивъ, что изъ 10-и недѣльныхъ уроковъ, назначенныхъ въ I-мъ и II-мъ классахъ для совокупнаго преподаванія латинской и русской этимологии, хотя треть времени достанется на долю собственно русскаго языка и прибавивъ къ этому времени въ I-мъ классѣ четыре, а во II-мъ два часа титорскихъ занятій тѣмъ же предметомъ, найдемъ, что родному языку посвящается въ I-мъ классѣ лицея семь, а во II-мъ пять часовъ, то-есть, гораздо больше, чѣмъ въ нашихъ правительственныхъ гимназіяхъ. Съ III-го класса преподаваніе русскаго языка становится самостоятельнымъ и слѣдуетъ почти тому же порядку, какой принятъ и въ правительственныхъ гимназіяхъ, отличаясь отъ него кое-какими нововведеніями и большею опредѣлительностью. Въ III-мъ классѣ обращается вниманіе на словообразованіе и на разряды и виды глаголовъ, а также на различіе главныхъ грамматическихъ окончаній въ русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ, дѣлаются устные и письменныя изложенія, распространенія и сокращенія прочитаннаго изъ латинской христоматіи, изъ краткаго учебника исторіи, изъ Корнелія Непота, изъ прочитаннаго ученикомъ внѣ класса. Въ IV-мъ классѣ проходитъ краткая церковно-славянская этимологія по Востокову въ соединеніи съ русскою грамматикой, при чемъ повторяются и полнѣе объясняются правила русскаго правописанія, преподается ученіе о знакахъ препинанія въ связи съ ученіемъ о распространеніи предложеній и построеніи періодовъ. Практическія упражненія состоятъ въ распространеніи предложеній, составленіи періодовъ, въ письменномъ изложеніи слышаннаго и читаннаго и въ ученіи наизусть Карамзинской прозы. Въ V-мъ классѣ начинается чтеніе исторической христоматіи, распределенное такъ, чтобы курсъ каждаго класса заключалъ въ себѣ циклъ образцовъ отъ древняго времени до Пушкина включительно, и чтобы курсы отдѣльныхъ классовъ различались числомъ авторовъ, входящихъ въ циклъ класса, и трудностью отрывковъ. Сверхъ того,

въ V-мъ же классѣ проходится начальная риторика (ученіе о періодахъ, тропахъ и фигурахъ). Упражнения задаются то въ связи съ преподаваніемъ риторики, то въ связи съ чтеніемъ христоматіи. Преподаваніе древнихъ языковъ, какъ основы лицейскаго обученія, расширено до предѣловъ у насъ небывалыхъ. Начиная съ III-го класса, въ коемъ назначается для всѣхъ классныхъ занятій 20 уроковъ въ недѣлю, 12 изъ нихъ отдается на латинскій и греческій языки и т. д. Въ первыхъ двухъ классахъ проходится латинская, а въ III-мъ и въ первомъ полугодіи IV-го — греческая этимологія, и вслѣдъ за симъ начинается чтеніе авторовъ, которое въ IV-мъ классѣ уже должно быть курсорнымъ. Меньше всего лицейская программа разнится съ программой нашихъ гимназій въ курсѣ математики, который тамъ расширенъ вслѣдствіе прибавленія восьмаго класса. Преподаваніе же предметовъ, коимъ принадлежить въ гимназическомъ курсѣ меньшее образовательное значеніе, сужено. Курсъ исторіи ограниченъ десятью уроками для всѣхъ восьми классовъ, а географіи отведено всего восемь уроковъ. Того, что въ нашихъ гимназіяхъ, существуя какъ самостоятельный предметъ, называется естественною исторіей, въ низшихъ классахъ лицей кѣтъ; вмѣсто естественной исторіи тамъ существуютъ бесѣды о предметахъ природы по картинкамъ, что къ урокамъ не причисляется. Изъ искусствъ, сверхъ чистописанія и рисованія, въ лицей преподаются пѣніе и гимнастика. Для каждаго воспитанника лицей обязанъ одинъ изъ новыхъ языковъ, но занятіе имъ въ число опредѣленныхъ для класса уроковъ не входитъ.

Въ распредѣленіи учебнаго времени лицей руководствуется выгодами учащихся, разчитывая не на блестящія дарованія воспитанниковъ, а на среднія способности, и принимаетъ въ соображеніе дѣтскую натуру. Въ нашихъ гимназіяхъ отъ перваго до послѣдняго класса ученики высиживаютъ по 5 часовъ, общее преподаваніе предметовъ приурочено къ способностямъ болѣе или менѣе счастливымъ, справляться съ отстающими предоставляется частнымъ заботамъ преподавателя; въ гимназическомъ же строѣ нѣтъ ничего, что бы указывало на подаваніе помощи слабымъ, хотя низкіе баллы и даютъ знать, что таковыя предвидятся. Въ лицей же ученики первыхъ трехъ классовъ никогда не сидятъ въ классѣ болѣе двухъ часовъ сряду, а ученики IV-го и V-го классовъ сидятъ по три часа сряду только въ такіе дни, когда у нихъ занятій меньше; притомъ два урока сряду въ I-мъ и II-мъ классѣ даются только послѣ большаго промежутка, проведеннаго, если погода благоприятствуетъ, въ прогулѣ на чистомъ

воздухъ, или въ игрѣ въ рекреационныхъ залахъ, сверхъ того послѣдній урокъ во всѣхъ классахъ длится 50 минутъ. Между уроками назначается время на спрашиваніе послѣдующихъ уроковъ тѣми, при чемъ отвѣтившіе могутъ идти играть въ рекреационныхъ залахъ, на прогулку, на бесѣды о предметахъ природы по картинкамъ, на пѣніе, чистописаніе, рисованіе и гимнастику; на занятіе всѣми этими искусствами удѣляется по полчаса, но оно не именуется урокомъ, ибо не требуетъ предварительныхъ приготовленій. Сверхъ указанныхъ облегченій, въ лицей существуютъ еще *полупраздники*, то-есть, такіе дни, когда уроковъ бываетъ менѣе обыкновеннаго. Въ четырехъ первыхъ классахъ полагается два полупраздника въ недѣлю, а въ V-мъ одинъ. Въ полупраздники учебное время распределяется иначе, чѣмъ въ полные учебные дни: ученики I-го класса занимаются утромъ всего до 12¹/₂ часовъ, во II-мъ учатся до 1¹/₂ часа, въ III-мъ и IV-мъ оканчиваютъ занятія въ три часа, въ V-мъ въ часъ. тогда какъ въ полные учебные дни уроки оканчиваются въ 4 часа. Свободное время полупраздниковъ есть какъ-бы награда для успѣвающихъ за трудъ, они употребляютъ его на большую прогулку на чистомъ воздухѣ или на осматриваніе чего-либо примѣчательнаго, а неисполнительные и лѣнныя на доучиваніе уроковъ или на додѣлываніе упражненій. Дабы облегчить ученіе, лицей уменьшилъ принятое въ нашихъ гимназіяхъ число учебныхъ часовъ въ недѣлю, назначивъ для первыхъ трехъ классовъ 20 уроковъ, для IV-го 21, для V-го 22, но продлилъ срокъ учебнаго времени отъ половины августа до первыхъ чиселъ іюня.

Итакъ, неуспѣшность въ занятіяхъ и невнимательность въ классѣ не могутъ быть при указанныхъ условіяхъ слѣдствіемъ долгаго сидѣнія и обременительнаго количества приготовленій къ урокамъ. Всѣ лицейскіе порядки клонятся къ тому, чтобы сдѣлать малоуспѣшность явленіемъ исключительнымъ.

Исключивъ изъ своего курса все не содѣйствующее главной цѣли классическаго образованія, лицей сплотилъ принятые имъ предметы въ одно цѣлое и всему преподаванію сообщилъ единство. Даже математика поставлена въ тѣсную связь съ преобладающими въ лицей древними языками: въ IV-мъ и V-мъ классахъ проходятъ книги Эвклида, одинъ и тотъ же учитель преподаетъ въ V-мъ классѣ греческій языкъ и математику. Связь эта, правда, искусственная, но, нужно думать, не случайная, ибо цѣль ея сама собою бросается въ глаза. Преподаваніе исторіи еще тѣснѣе примыкаетъ къ древнимъ языкамъ. Въ III-мъ классѣ, гдѣ читается на урокахъ латинскаго языка Якобъ-

сова древняя географія, *Historia Graeca*, и около 20 главъ К. Непота, проходится древняя исторія до Александра Македонскаго и Римская исторія до Тита, пополняемая свѣдѣніями, почерпнутыми изъ латинской христоматіи и К. Непота. Въ VI-мъ классѣ, когда уже достаточно прочитано изъ Цезаря и Овидія, изъ Цицерона — легкія письма, *de senectute* и *pro Archia*, изъ Ксенофонта *Ἀναξαρξ* и *Ἀπορρημονεβίχτα* и до 600 стиховъ Гомера, гдѣ, продолжая чтеніе Гомера, Цицерона и начавъ Вергилія, воспитанники лицея усиленно читаютъ Геродота; въ VI-мъ классѣ опять проходится древняя исторія, обильно пополняемая изъ первоначальныхъ источниковъ самими учащимися. То же нужно сказать о преподаваніи закона Божія. Начиная съ IV-го класса, идетъ чтеніе Евангелистовъ на греческомъ языкѣ въ такомъ порядкѣ: Матѳей, Маркъ, Лука, Іоаннъ. Въ VIII-мъ классѣ, гдѣ предполагается пройти богословіе догматическое и нравственное, будутъ прочитаны на греческомъ языкѣ нѣкоторыя изъ Посланій и мѣста, избранныя изъ отцевъ церкви, въ подлинникѣ. Что же касается отечественнаго языка, то лицеемъ онъ въ первый разъ поставленъ у насъ въ надлежащее отношеніе къ прочимъ предметамъ гимназическаго преподаванія.

«Усвоеніе искусства правильно говорить и писать на отечественномъ языкѣ, замѣчаетъ календарь, есть первостепенная цѣль гимназическаго обученія. Она можетъ быть достигнута лишь продолжительнымъ упражненіемъ. Ея достиженіе было бы крайне трудно, если бы обязанность заботиться о томъ лежала на одномъ учителѣ русскаго языка, и если бы во время остальныхъ уроковъ ученики привыкли выражаться небрежно и неправильно. Поэтому вниманіе всѣхъ учителей должно быть обращено на правильность употребляемыхъ учениками выраженій; всѣ учителя должны требовать, чтобъ ученики какъ въ изустныхъ отвѣтахъ, такъ и въ письменныхъ упражненіяхъ избѣгали ошибокъ противъ русскаго языка и небрежности въ построеніи фразъ. Лишь совокупными усиліями всѣхъ учителей можетъ быть сообщенъ ученикамъ такой практической навыкъ въ отечественномъ языкѣ, который будетъ имъ пригоденъ въ послѣдствіи, когда имъ придется публично дѣйствовать. Извѣстно, что эта цѣль не достигается въ большей части русскихъ училищъ между прочимъ потому, что обязанность упражнять въ отечественномъ языкѣ считается лежащею исключительно на учителѣ такъ-называемой русскаго словесности. Въ лицей Цесаревича Николая каждый наставникъ обязанъ заботиться о томъ, чтобъ ученики овладѣвали отечественнымъ языкомъ, этимъ орудіемъ ихъ будущей умственной жизни. Каждый наставникъ долженъ въ особенноти требовать, чтобъ ученики выражались полными фразами, договаривая ихъ до конца и выдерживая ихъ конструкцію. Равнымъ образомъ наставники должны пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы поправлять ученика въ случаѣ ошибки противъ русскаго языка. Дабы избѣгать противорѣчій, наставникамъ рекомендуется держаться правилъ грамматикъ

Востокова. Особенное вниманіе должно быть обращено на русскій языкъ преподавателями древнихъ языковъ; начиная съ III-го класса и до V-го включительно, всѣ переводы съ древнихъ языковъ должны быть дѣлаемы письменно и исправляться преподавателями съ точки зрѣнія не только древнихъ языковъ, но и русскаго. Исключеніе изъ этого правила допускается не иначе, какъ по особому разрѣшенію“.

Въ III-мъ классѣ преподаваніе русскаго языка пособляетъ пониманію текстовъ катихизиса, такъ какъ обращается вниманіе на различіе главныхъ грамматическихъ окончаній въ русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. Въ IV, V и VI-мъ классахъ преподаваніемъ закона Божія поддерживается и вводится въ практику то, что ученики узнали въ IV-мъ классѣ изъ преподаванія языка церковно-славянскаго; въ IV и V-мъ классахъ читаются избранныя мѣста изъ историческихъ книгъ Ветхаго завета по изданію св. синода, въ VI-мъ избранныя мѣста изъ псалтыри и пророковъ. Читеніе русской исторической хрестоматіи въ V-мъ классѣ связывается съ преподаваемою тамъ русскою исторіей; изъ исторической хрестоматіи избираются для этого класса преимущественно образцы древней русской письменности, имѣющіе историческое значеніе.

Такимъ образомъ устраняются въ лицей раздробленность отдѣльныхъ предметовъ преподаванія, та ржавчина, которая точитъ наши гимназіи. Воспитанникъ лицея видитъ предъ собою тѣсно сплоченный кругъ предметовъ, и лукавому полужнанію не проскользнуть сквозь этотъ кругъ. Но дабы знаніе созидалось прочно, въ самомъ преподаваніи установлена строгая опредѣлительность и постепенность. Лицей поставилъ себѣ правиломъ — „въ каждомъ классѣ дѣлать необходимое и сподручное ученикамъ, пользуясь сполна возможностью идти далѣе и ведя учениковъ ровнымъ и мѣрнымъ шагомъ, такъ чтобы они не уставали и не забѣгали впередъ; восторныхъ, всячески наблюдать, чтобы ученики переходили отъ однихъ занятій къ другимъ труднѣйшимъ лишь послѣ того, какъ предшествовавшія занятія сдѣлались имъ дѣйствительно легки; ибо только при этомъ условіи преподаваніе можетъ идти съ бодрымъ и радостнымъ чувствомъ, возникающимъ изъ сознанія трудности вполне побѣжденной“. На этомъ основаніи три низшіе класса лицея посвящаются усиленной работѣ сперва надъ русско-латинскою, а потомъ надъ греческою этимологіей. Греческая этимологія начинается съ III-го класса, и не съ самаго его начала, какъ это дѣлается въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ, а послѣ отдѣлки латинской этимологіи начисто въ первые мѣсяцы III-го класса, и когда ученики успѣютъ столько прочитать изъ латинской

христоматіи, что чтеніе Якобсовой *Historia Romana* нисколько не будетъ для нихъ трудно. При изученіи этимологіи, учащіеся не задерживаются по напрасну на переводѣ отрывочныхъ фразъ съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій, а какъ можно скорѣе приступаютъ къ разбору латинскихъ текстовъ, дабы заблаговременно облегчить себѣ переходъ къ К. Непоту и Цезарю. По гречески также при первой возможности принимаются за чтеніе авторовъ, именно Ксенофонта *Ἀνάβασις*. При изученіи этимологіи преподаваніе главнымъ образомъ озабочивается тѣмъ, чтобы краткая греческая этимологія была усвоена учениками какъ можно тверже, къ упражненіямъ же надъ отрывочными фразами совѣтуется прибѣгать лишь какъ къ мѣрѣ крайней необходимости. Наконецъ, изученіе важнаго изъ классическихъ языковъ имѣетъ свою собственную опредѣленную задачу. „Изученіе латинскаго языка должно быть строго грамматическое и стилистическое, дабы ученики овладѣвали практическимъ употребленіемъ этого языка и его логическаго и художественно-выработаннаго слога. Въ греческомъ языкѣ должно быть напротивъ главною цѣлю знакомство съ греческою литературой во всемъ разнообразіи ея формъ и богатствѣ ея содержанія“. Значитъ, изъ древнихъ языковъ берется самое существенное и не тратится напрасно ни времени, ни труда на практическое употребленіе греческаго языка. До какой степени это облегченіе важно для поддержанія въ учащихъ довѣрія къ своимъ силамъ и любви къ занятію древними языками, можетъ оцѣнить только тотъ, кто самъ учился обоимъ языкамъ по одной и той же методѣ.

Порядокъ преподаванія русскаго языка въ первыхъ четырехъ классахъ болѣе или менѣе совпадаетъ съ установившимся въ нашихъ гимназіяхъ преподаваніемъ того же предмета, отличаясь впрочемъ отъ него болѣею опредѣлительностью. Въ первыхъ трехъ классахъ преподаваніе задается двумя скромными цѣлями — научить свободно, раздѣльно и толково читать по русски и довести учащихся до твердаго знанія правописанія *употребительныхъ словъ и формъ* (кромя ученія о знакахъ препинанія); сверхъ изученія русско-латинской этимологіи, въ I-мъ и II-мъ классахъ въ часы тьюторскихъ занятій, къ поставленной цѣли ведутъ слѣдующія упражненія: чтеніе изъ христоматіи съ объясненіемъ непонятнаго; переписываніе съ печатнаго того, что прочитано и объяснено; писаніе на память того, что выучено наизусть; пересказъ выученнаго наизусть своими словами; диктовка того, что выучено и объяснено; пересказъ своими словами того;

что прочитано и объяснено; сокращенное письменное изложение въ классѣ, безъ приготовленія, того, что выучено наизусть и уже было пересказано своими словами; сокращенное письменное изложение того, что прочитано и объяснено въ классѣ со справкою въ книгѣ и безъ справки въ ней; краткое описаніе знакомыхъ ученику предметовъ, сперва изустное, потомъ письменное; краткое изложение выслушаннаго разказа, сперва изустное, потомъ письменное. Въ III-мъ классѣ къ вышеписанному присоединяется сокращенное письменное изложение того, что прочитано ученикомъ внѣ класса; объясненіе порядка и выбора словъ въ заучиваемыхъ наизусть стихотвореніяхъ: объясненіе нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ въ книгѣ г. Кепевича вариантовъ къ заучиваемымъ на память баснямъ Крылова; сличеніе Пушкинскаго повѣствованія о смерти вѣщаго Олега съ лѣтописнымъ; сличеніе басень Крылова съ соответствующими баснями Федра и Лафонтена. Но эти упражненія не безусловно неизбѣжны для всѣхъ; если классъ равно усиливается, они ведутся со всѣмъ классомъ, въ противномъ же случаѣ назначаются лишь для тѣхъ изъ него, кому они по силамъ. Стало бытъ всѣ вышеписанныя упражненія въ родномъ языкѣ имѣютъ характеръ подготовительный къ послѣдующимъ риторическимъ упражненіямъ; предметомъ же настоятельныхъ и безусловныхъ требованій остается для трехъ низшихъ классовъ правописаніе употребительныхъ формъ словъ и толковое чтеніе, безъ чего нельзя перейти въ IV-й классъ. Преподаванію въ IV-мъ классѣ церковно-славянскаго этимологіи сравнительно съ русскою указанъ предѣлъ: „цѣль преподаванія, говорить календарь, состоитъ не въ томъ, чтобъ ученики знали грамматическія тонкости, а въ знакомствѣ съ формами церковно-славянскаго языка, какъ по Остромировой рукописи, такъ и по богослужебнымъ книгамъ“. Цикль образцовъ русской литературы послѣ Петра ограничивается въ V-мъ классѣ Ломоносовымъ, Фонъ-Визинимъ, Державинимъ, Карамзинимъ, Крыловымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Начальная риторика, проходящая здѣсь какъ разъ во время, способствуетъ пониманію читаемыхъ образцовъ.

Программа преподаванія закона Божія въ лицей, по цѣлесообразности, полнотѣ и послѣдовательности, выработана до совершенства. Въ ней, правда, мало указано учебниковъ, но въ томъ и достоинство ея, что учебникомъ служить само Св. Писаніе и выбранныя мѣста изъ него, лишь только ученики приготовятся къ пониманію его изученіемъ въ первыхъ трехъ классахъ св. исторіи и катихизиса. Въ самомъ преподаваніи св. исторіи наблюдается такой порядокъ: въ I-мъ

классѣ проходятся главныя приготовляющія къ христіанству событія ветхаго завѣта и главныя событія земной жизни Спасителя, а во II-мъ классѣ — краткая исторія ветхаго и новаго завѣтовъ. Въ первомъ же классѣ даются понятія о церковномъ богослуженіи и праздникахъ, во II-мъ объясняется молитва Господня и блаженства, въ III-мъ истолкованіе символа вѣры и истолкованіе божественной литургіи. Въ VII-мъ классѣ къ чтенію Св. Писанія прибавляется церковная исторія и исторія русской церкви. Результатомъ такого преподаванія должно быть полное знакомство съ религіей, ибо оно основывается не на изученіи учебниковъ, въ которыхъ всегда найдется поводъ и мѣсто для субъективности составителя, а на первоначальныхъ источникахъ вѣроученія, не мерцающій свѣтъ коихъ всегда обильно изливается въ воспримчивое юное сердце. И въ то время, какъ человѣческое изложеніе событій и истинъ религіи, даже самое благочестивое, мудрое и увлекательное, не исключаетъ пытливости юнаго, претыкающагося ума, глаголь божественный смягчитъ сердце и ему подчиняетъ ограниченный умъ. Преподаваніе закона Божія, при сказанныхъ условіяхъ, перестаетъ быть обыкновеннымъ предметомъ, дѣломъ, такъ-сказать, рукъ человѣческихъ, и становится *поученіемъ* въ законѣ Божіемъ. Для возбужденія и поддержанія благочестиваго отношенія къ дѣлу, каждый разъ предъ началомъ чтенія новаго Евангелія приступающій къ чтенію классъ слушаетъ отправляемое Евангелисту молитвословіе. Въ протестантскихъ заграничныхъ заведеніяхъ давно держатся такой системы преподаванія религіи, но въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ починъ лица есть новостъ, достойная всецѣлаго подражанія.

Обученіе новымъ языкамъ, хотя для каждаго поступающаго по меньшей мѣрѣ одинъ изъ нихъ обязателенъ, исключено въ лицѣ изъ числа утреннихъ занятій; новые языки преподаются вечеромъ отъ 6-и до 8-и часовъ и за особую плату, въ видѣ частныхъ занятій, которыя находятся подъ контролемъ лицейскаго начальства. Для обученія новымъ языкамъ воспитанники распредѣляются по отдѣленіямъ независимо отъ распредѣленія по классамъ. Въ низшихъ отдѣленіяхъ полагается на каждый новый языкъ по три урока, въ высшихъ по два. Двумъ новымъ языкамъ дозволяется учиться всѣмъ, кто уже учился имъ дома; начинать же учиться второму новому языку въ заведеніи разрѣшается только успѣвающимъ по обязательнымъ предметамъ ученія, и именно только тѣмъ ученикамъ, которые числятся въ своемъ классѣ по первому разряду. Учиться тремъ новымъ языкамъ дозволяется всѣмъ, которые уже учились тремъ новымъ языкамъ

дома и столько успѣли въ нихъ, что по меньшей мѣрѣ по двумъ языкамъ могутъ быть приняты во второе (за низшимъ слѣдующее) отдѣленіе. Вновь же начинать учиться третьему новому языку въ заведеніи могутъ только ученики отличныхъ способностей, и притомъ если они по одному изъ новыхъ языковъ состоятъ въ старшемъ отдѣленіи, а по другому въ среднемъ. Уроки новыхъ языковъ распределяются такъ, чтобы для воспитанниковъ четырехъ низшихъ классовъ приходились они на пять дней недѣли, кромѣ субботы, а для воспитанниковъ пятого класса — на четыре дня недѣли, кромѣ четверга и субботы.

Преподаванію физики и вообще наукъ о природѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ календарь указываетъ слѣдующую двоякую цѣль: „1) ознакомить воспитанниковъ, помощію внимательнаго изученія нѣкоторыхъ частей естествознанія, доступныхъ возрасту и соответствующихъ степени развитія и математическимъ знаніямъ учащихся, съ существенными *методами* или приемами изслѣдованія явленій природы помощію точнаго наблюденія, опыта и освѣщающихъ путь теорій; 2) доставить небольшой, къ общему образованію относящейся запасъ фактическихъ свѣдѣній о природѣ чрезъ *описаніе* ея замѣчательныхъ предметовъ и явленій“. Определенная такимъ образомъ цѣль указываетъ наукамъ о природѣ ихъ надлежащее мѣсто въ гимназическомъ курсѣ и предназначаетъ рамки, за которыя не должно выходить въ классической гимназій преподаваніе оныхъ. Ознакомленіе съ существенными методами изслѣдованія явленій природы можетъ быть своевременнымъ лишь въ такомъ возрастѣ, когда учащиеся достигли значительнаго умственнаго развитія и приобрѣли достаточный запасъ математическихъ свѣдѣній; поэтому для достиженія первой изъ указанныхъ цѣлей назначаются въ лицей высшіе классы гимназическаго курса. Но слѣдую принятой общей системѣ преподаванія — вести учащихся постепенно, лицей преслѣдуетъ вторую цѣль въ низшихъ и среднихъ классахъ, назначивъ, съ одной стороны, бесѣды объ окружающей природѣ (физическое описаніе земли и такихъ явленій, какъ приливы, теченія, вѣтры и пр., обзоръ царствъ природы, съ краткимъ изложеніемъ органографій и классификаціи растений и животныхъ); съ другой, — поощряя и руководя чтеніе воспитанниковъ въ продолженіе всего курса. Съ VI-го же класса начинается систематическое преподаваніе естествознанія въ вѣткѣ изложенія царствъ природы; затѣмъ въ VII-мъ и VIII-мъ классахъ послѣдуетъ систематическое преподаваніе начальной физики, начальной химіи и космографіи.

Итакъ, обширность лицейскихъ программъ, сравнительно съ программами нашихъ правительственныхъ гимназій, ни мало не должна мѣшать той цѣли, какую предназначаетъ лицей въ немъ учащимся. Напротивъ, концентричность преподаванія, равно искусная комбинація занятій дають право думать, что усвоеніе преподаваемаго достигается тамъ не только безъ обремененія учениковъ и безъ ущерба ихъ физическому развитію, но напротивъ при постоянномъ содѣйствіи этому развитію. Учебные часы раздѣлены столь значительными промежутками, что даже слабые здоровьемъ, какъ показалъ опытъ, могутъ учиться безъ утомленія. Календарь говоритъ, что нѣсколько учениковъ въ бытность свою въ заведеніи поправились здоровьемъ. Последнее нужно приписать правильному ходу занятій и тѣлеснымъ упражненіямъ, которыя вмѣстѣ съ преподаваніемъ искусствъ разнообразятъ учебный день и поддерживаютъ въ ученикахъ бодрость духа, убиваемую въ нашихъ гимназіяхъ случайнымъ распредѣленіемъ учебнаго времени и его утомительнымъ однообразіемъ. Тѣлесныя упражненія, при посредствѣ коихъ англійская и нѣмецкая школа воспитываетъ физически мощныя поколѣнія, едва только входятъ въ наши столичныя гимназіи; что же касается до провинціальныхъ, то они до сихъ поръ небрегутъ объ этомъ важномъ педагогическомъ средствѣ. Иногда впрочемъ можно видѣть *на гимназическомъ дворѣ* столбъ для гигантскихъ шаговъ, голландскую мачту, покатуя лѣстницу, параллели; но до какой степени все это примѣнено къ возрасту и удобству для упражненій, до какой степени самыя упражненія, совершаемыя безъ всякаго руководства, могутъ содѣйствовать физическому развитію, объ этомъ и говорить нечего. Починъ правильнаго примѣненія гимнастики къ педагогическому дѣлу нашихъ гимназій принадлежитъ лицю. Гимнастика и преподаваніе искусствъ, поставленныя между учебными часами на свое мѣсто, облегчаютъ лицю достигнуть того, чтобъ ученики приходили на уроки неустоленными. Стало быть, лицю облегчаетъ учителю поддержаніе въ классахъ вниманія и поэтому имѣть полное право требовать, чтобы вниманіе учениковъ въ продолженіе класснаго времени не ослабѣвало. Преподаватели приглашаются *всячески стараться*, чтобъ ученики постоянно слѣдили за ходомъ урока. "Думать во время класса о чемъ-либо постороннемъ крайне вредно для учениковъ во всѣхъ отношеніяхъ. Чѣмъ удачнѣе преподаватель сумѣетъ этому противодѣйствовать, тѣмъ сильнѣе будутъ ученики его въ концѣ года. Блестательные успѣхи класса всегда свидѣтельствуютъ объ искусствѣ учителя поддерживать строгую дисциплину и бодрое вниманіе".

Другое средство, коимъ лицей, такъ-сказать, гарантируетъ учителю успѣшность преподаванія, есть титорскія занятія и титорскій надзоръ за приготовленіемъ уроковъ.

Во введеніи въ нашу школу этого важнаго института и въ при-
норовленіи онаго къ первой состоитъ одна изъ величайшихъ заслугъ
лицей. Титорство, какъ извѣстно, учрежденіе англійской школы. По-
рожденное потребностью частныхъ дополнительныхъ занятій въ школы
въ то отдаленное время, когда классы переполнялись чрезмѣрнымъ
числомъ учениковъ (отъ 100 до 300) подъ руководствомъ одного пре-
подавателя, оно пережило въ Англіи вызвавшій его къ существованію
недостатокъ и служить тамъ теперь восполненіемъ учительскаго над-
зора. Титорскій институтъ ранѣе другихъ мѣстъ развился въ Итонѣ,
откуда перешелъ въ Гарроу и Рогби. Каждый титоръ имѣетъ на
своемъ попеченіи десятки учениковъ, которые остаются подъ его руко-
водствомъ все время до окончанія курса, что усвоено и лицеемъ. „Всѣ
воспитанники, какъ пансіонеры, такъ и полупансіонеры и прихо-
дящіе, распредѣляются между титорами. По вступленіи ученика въ
заведеніе, титоръ обязанъ составить его біографію, а потомъ забо-
титься о ея пополненіи всѣми свѣдѣніями, характеризующими школь-
ную жизнь ученика.... Обязанность титора простирается на препода-
ваніе и воспитаніе; онъ долженъ стараться изучить индивидуаль-
ность своихъ питомцевъ и всячески содѣйствовать тому, чтобы заве-
деніе поступало съ ними сообразно особенностямъ каждаго изъ нихъ“.
Итонскій титоръ разбиваетъ всѣхъ своихъ воспитанниковъ на два или
на три отдѣленія, сообразно ихъ силамъ, и съ каждымъ занимается
отдѣльно объяснительнымъ чтеніемъ греческихъ и латинскихъ тек-
стовъ. Все, что будетъ объясняться въ классѣ, предварительно про-
ходится съ титоромъ. Слѣдствіемъ этого бываетъ, по словамъ отчета
Деможи и Монтуچی (I, 154), невнимательность учениковъ въ классѣ къ
тому, что уже прослушано на репетиціи, а въ вторыхъ, классное ученіе
подчиняется занятіямъ въ репетиціонныхъ комнатахъ титора. Такъ
какъ въ англійскихъ пансіонахъ нельзя устроить болѣе трехъ отдѣленій,
то въ классахъ и классныхъ отдѣленіяхъ, сколько бы ихъ ни было, чи-
таются и объясняются одновременно только три автора; одна и та же
пѣснь Илиады изучается учениками различныхъ классовъ, хоть бы ихъ
раздѣляло нѣсколько лѣтъ ученія. Другая обязанность титорской по-
мощи въ Англіи — исправленіе письменныхъ работъ. Каждое пись-
менное упражненіе до подачи его учителю пересматривается и испра-
вляется титоромъ, который и ставитъ на немъ свою оцѣнку. Ученикъ

передѣлываетъ свое упражненіе заново и оба представляетъ учителю, который дѣлаетъ оцѣнку втораго упражненія, соображаясь съ первымъ. Такимъ образомъ въ Англіи титоръ и учитель взаимно контролируютъ другъ друга. Лицей, воспользовавшись принципомъ, раздѣлилъ титорское участіе въ преподаваніи на титорскій надзоръ за приготовленіемъ уроковъ и титорскія занятія.

„Наблюденіе за приготовленіемъ уроковъ. Титоры должны въ точности знать, какіе уроки какими ученикамъ заданы, паставлять учениковъ, какъ надобно готовить уроки (что, напримѣръ, учить наизусть и что прочитывать, какіе для того есть приемы), въ какомъ порядкѣ (чтобы, напримѣръ, два однообразные урока не учить сряду, а раздѣлять третьимъ иного свойства, или чтобы уроки, требующіе заучиванія, готовить дважды, сперва вечеромъ, а потомъ утромъ), объяснять ученикамъ непонятное, *не парализуя ихъ самостоятельности*, но постоянно удостовѣряясь, понимаютъ ли они то, что учатъ, и выспрашивать уроки у возможно большаго числа учениковъ до класса, не позволяя ученику во время репетицій или перемѣлъ идти въ рекреационный залъ, пока еще не приготовлены тѣ уроки, которые, по мнѣнію титора, ученикъ въ данное время долженъ приготовить. Если тѣмъ не менѣе ученикъ не готовъ къ началу класса, титоръ долженъ сообщить о томъ учителю, при совокупляя, отчего это происходитъ, отъ лѣности и небрежности ли, или отъ недорозумья. Письменныя упражненія титоръ долженъ просматривать, *дабы удостовѣриться, сдѣланы ли они.* Если они сдѣланы очень дурно, то онъ требуетъ, чтобы ученикъ переписалъ ихъ съизнова. *Но въ подробное исправленіе письменныхъ упражненій титоръ не входитъ, за исключеніемъ того случая, когда этотъ трудъ будетъ прямо возложенъ на учителя и титора пополамъ.* Затѣмъ каждый учитель, по окончаніи класса, долженъ сообщить дежурному титору, кѣмъ изъ учениковъ онъ недоволенъ и за что, за поведеніе ли, или за неприготовленіе заданнаго. Въ первомъ случаѣ дежурный титоръ записываетъ ученика въ журналъ съ прописаніемъ въ нѣсколькихъ словахъ, чѣмъ собственно онъ навлекъ на себя неудовольствіе учителя (записка въ журналъ можетъ быть дѣлаема и самими учителями). Во второмъ случаѣ, то-есть, когда ученикъ дурно зналъ урокъ или дурно сдѣлалъ заданное упражненіе, ученикъ этотъ задерживается въ классѣ по окончаніи дневныхъ уроковъ, пока не исполнитъ заданнаго, впрочемъ не долѣе, какъ на одинъ часъ. Ученикъ, не приготовившій заданнаго въ этотъ срокъ, долженъ окончить исполненіе своей обязанности въ ближайшій полупраздничный день, когда можетъ быть задержанъ на два часа. Недодѣланное въ полупраздники отлагается до праздника, когда ученикъ можетъ быть задержанъ на время отъ обѣдни до 4-хъ часовъ; если же и тогда не приготовитъ заданное, то подвергается уже наказанію, какъ за упрямство. За исполненіемъ сего наблюдаютъ дежурные титоры. Впрочемъ они обязаны отступать отъ этого порядка, если ученикъ чувствуетъ себя дурно, или если не подлежитъ сомнѣнію, что ученикъ не зналъ потому урока, что чувствовалъ себя дурно; равнымъ образомъ титоръ обязанъ оказывать вспоможеніе ново-вступившимъ изъ родительскихъ домовъ и вообще всѣмъ тѣмъ ученикамъ, на которыхъ можно положиться, что они сами исполнятъ свой долгъ въ свободное отъ классовъ и репетицій время. Въ этихъ

трехъ случаяхъ титоръ, оказавшій снисхожденіе, долженъ однако строго надблюдати, чтобъ ученикъ доучилъ урокъ при первой возможности. Для контроля, все подобныя случаи должны быть записываемы въ журналъ заведенія, и тамъ же должна быть дѣлаема отмѣтка, когда урокъ былъ доученъ“.

Для титорскихъ занятій назначены въ двухъ низшихъ классахъ лица особые часы. Они посвящаются:

„*Впервыя*, чтенію русской хрестоматіи, при чемъ должны имѣться въ виду двѣ цѣли: а) приучать къ правильному употребленію русскаго языка и б) приучать къ чтенію серьезныхъ книгъ, практически наставляя въ искусствѣ читать скоро и внимательно. Кромѣ чтенія въ классѣ, можно задавать хорошимъ ученикамъ прочесть извѣстную статью изъ хрестоматіи во время неклассное. Всегда при этомъ слѣдуетъ удостовѣриться въ правильномъ пониманіи прочитаннаго: дѣти иногда не понимаютъ самыхъ, повидимому, обыкновенныхъ отвлеченныхъ словъ, что ихъ затрудняетъ въ приготовленіи уроковъ и подвергаетъ наказаніямъ, между тѣмъ какъ при находчивости воспитателя обнаруживается истинная и легко устранимая причина того, что принималось за дѣтство. При чтеніи подобныя случаи встрѣчаются часто, и весьма важно, чтобы непонятныя слова не оставались безъ объясненія: иначе ученикъ можетъ приобрести дурную привычку понимать только въ половину то, что ему приходится читать.

„*Восторыя*, выравниванію учебниковъ въ главныхъ предметахъ ученія, преимущественно въ древнихъ языкахъ, въ русскомъ языкѣ и въ математикѣ. За приготовленіемъ ежедневныхъ уроковъ, задаваемыхъ когда учитель идетъ впередъ, слѣдять титоры во время репетицій и въ промежутки между уроками. Если ученикъ плохо знаетъ урокъ въ классѣ, то учитель обязанъ записать его, и тогда онъ доучиваетъ урокъ послѣ класса, либо въ полупраздники и праздники, какъ сказано выше. При добросовѣстномъ исполненіи этихъ правилъ, ученики будутъ знать, что никому въ заведеніи не удастся никоимъ способомъ уклониться отъ исполненія своей обязанности. Но эти мѣры не приложимы въ томъ случаѣ, когда учитель не идетъ впередъ, а повторяетъ. Титоръ не имѣетъ возможности выпросить весь такой урокъ въ промежуткахъ между классами, а равно въ случаѣ незванія урока нельзя требовать, чтобъ ученикъ доучилъ недоученное послѣ роспуска. Для пополненія такихъ крупныхъ пробѣловъ должны служить часы, названные въ росписаніи часами *титорскихъ занятій*. Лучшие ученики, не нуждающіеся въ подмогѣ, будутъ заниматься въ эти часы только хрестоматіей, прочіе раздѣляются на группы, сообразно тѣмъ пробѣламъ ихъ познаній, которые слѣдуетъ пополнить, чтобъ они могли идти далѣе наравнѣ съ своими одноклассниками, не задерживая преподаванія. Эти же часы титорскихъ занятій должны быть употребляемы на упражненія, развивающія тѣ способности, коими тотъ или другой ученикъ слабъ. Кто трудно заучиваетъ, но твердо помнитъ, тотъ долженъ больше учить наизусть; кто легко заучиваетъ и легко забываетъ, тотъ долженъ чаще повторять то, что выучилъ наизусть; у кого слаба память мѣстъ, тотъ долженъ рисовать карты и т. п. Искусное употребленіе этихъ часовъ состоитъ въ томъ, чтобы каждому ученику давалось занятіе, соответствующее его индивидуальности“.

Принявъ всё зависящія отъ него средства къ облегченію ученія и къ необходимой своевременной помощи, лицей учредилъ и за самымъ преподаваніемъ зоркій контроль, предоставивъ его періодическимъ конференціямъ, собираемымъ не рѣже, какъ черезъ три мѣсяца. Цѣль сихъ собраній заключается въ соглашеніи насчетъ преподаванія и въ совѣщаніи объ ученикахъ. За нѣсколько дней до періодическихъ конференцій, преподаватели подаютъ отчетъ, въ коемъ сообщается, что и какъ ими пройдено, что и какъ они предполагаютъ пройти въ слѣдующіе три мѣсяца. По окончаніи вызываемыхъ сими свѣдѣніями совѣщаній, директоръ заявляетъ каждому преподавателю, одобряются ли его предположенія относительно дальнѣйшаго преподаванія, или должны быть въ чемъ-либо измѣнены. Вслѣдъ за тѣмъ начинается совѣщаніе объ ученикахъ, о каждомъ отдѣльно, чему даетъ матеріалъ вторая часть представляемаго учителями и тьюторами отчета. Слѣдую принципу строгаго порядка и требуя добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, лицей намѣтилъ тѣ пункты, на которые преподаватель и тьюторъ должны обращать заботливое вниманіе, дабы дать заведенію удовлетворительныя свѣдѣнія о его питомцахъ. Вотъ на что онъ требуетъ обращать вниманіе:

А. „Приготовленіе уроковъ, заданныхъ къ каждому классу: а) изустныхъ, б) письменныхъ (старательность приготовленія, отчетливость, полнота, послѣдовательность въ отвѣтахъ, исполненіе письменныхъ задачъ, правильность русской рѣчи). Къ лучшему или къ худшему замѣчается перемѣна, или перемѣны нѣтъ. Сколько разъ въ продолженіе мѣсяца воспитанникъ не звалъ урока удовлетворительно или не сдѣлалъ удовлетворительно письменной задачи“.

Б. „Внимательность во время урока.

В. „Находчивость въ примѣненіи знаній.

Г. „Твердость въ знаніи пройденнаго (во всемъ ли пройденномъ ученикъ твердъ, или только въ какой-нибудь части и т. д.).

Д. „Наружный видъ письменныхъ упражненій.

Е. „Поведеніе (безокойное сидѣніе, разговоръ, шалости, невѣжливость, разсыпанность, не было ли рѣзкаго перехода отъ рѣзвости къ вялости.

Ж. „Сколько разъ не былъ въ классѣ.

З. „Сколько разъ былъ записанъ преподавателемъ и за что“.

На основаніи сообщаемыхъ по этой инструкціи свѣдѣній устанавливаются приемы, кои слѣдуетъ держаться относительно учениковъ, не удовлетворяющихъ желаніямъ наставниковъ, или почему-либо требующихъ особаго обращенія съ ними. При періодическихъ совѣщаніяхъ всегда присутствуетъ врачъ заведенія, который дѣлаетъ свои замѣчанія о комъ сочтеть нужнымъ или будетъ спрошенъ. Замѣчанія

и рѣшенія конференціи записываются вкратцѣ директоромъ или вѣмъ-либо изъ наставниковъ. Въ заключеніе, лучшіе ученики каждаго класса распределяются на три категоріи: а) отличные по ученію и поведенію, б) отличные по ученію и не заслуживающіе порицанія за поведеніе, в) отличные по поведенію и не заслуживающіе порицанія за ученіе. Всѣ признанные таковыми записываются на золотую доску класса; прочіе же ученики, смотря по общему ихъ ходу, раздѣляются на два разряда. Лучшимъ ученикамъ перваго разряда „можетъ быть объявлена общая похвала, и выражена надежда что они вскорѣ удостоятся записанія ихъ именъ на золотую доску класса“. Ученики, заслуживающіе похвалы за что-нибудь, хоть за успѣхи въ какомъ-либо искусствѣ, записываются въ протоколъ засѣданія, и это имъ объявляется въ присутствіи товарищей. Сюда же записываются и дурные ученики, распределяемые тоже на три слѣдующія категоріи: а) заслуживающіе порицанія за ученіе, б) заслуживающіе порицанія за поведеніе, в) заслуживающіе порицанія за ученіе и поведеніе. Имъ дѣлается въ присутствіи товарищей замѣчаніе или выговоръ; если и это средство оказалось неэффективнымъ, то по вторичному приговору періодической конференціи имена ихъ могутъ быть записаны на черную доску, которая вывѣшивается на опредѣленный срокъ въ секретарской комнатѣ лицея. Въ періодическихъ конференціяхъ принимаютъ участіе преподаватели искусствъ, не исключая и гимнастики.

Изложенная инструкція даетъ періодическимъ конференціямъ ту опредѣлительность и правильность, о которой не мало хлопотали педагоги нашихъ правительственныхъ гимназій. Наставникъ является на совѣщаніе вооруженный дѣйствительными фактами, наблюденіями, а не случайными соображеніями, порождающими лишь одни словопрениія. О чемъ будетъ рѣчь въ засѣданіи, заранѣе опредѣлено. Но важнѣе всего то, что конференціямъ данъ характеръ совѣщаній, основывающихся на точныхъ и опредѣлительныхъ свѣдѣніяхъ, тщательно собираемыхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Педагогическія совѣщанія нашихъ правительственныхъ гимназій не удаются, при ежемѣсячномъ срокѣ, именно отъ недостатка содержанія.

Наконецъ, кромѣ экзаменовъ, производимыхъ съ 8-го по 20-е іюня, начальство лицея контролируетъ преподаваніе періодическими испытаніями, предметъ, день и часъ коихъ указывается въ календарѣ „училищнымъ указателемъ“. Собираясь съ послѣднимъ, наставники и ученики располагаютъ своими занятіями.

Воспитательная задача заведенія лежитъ главнымъ образомъ на

туторахъ. Ознакомившись съ характеромъ, наклонностями и прошедшею жизнью вновь вступившаго ученика, титоръ вмѣстѣ съ врачемъ составляютъ біографію его, которая просматривается директоромъ и вносится въ *матрикулу*, то-есть, въ книгу, куда записываются воспитанники по мѣрѣ ихъ поступленія въ лицей. Для каждаго воспитанника въ матрикулѣ есть особый листъ, куда вносится все касающееся ученика, что будетъ признано примѣчательнымъ. Отмѣтки дѣлаются однимъ изъ членовъ правленія, или по его указанію. Матрикула доступна только для однихъ преподавателей и воспитателей лицея, но не для публики и не для воспитанниковъ. Наставники лицея даже могутъ предлагать что-нибудь (на періодическихъ конференціяхъ) вписать въ матрикулу. Въ нее же заносится вся годовая вѣдомость, составляемая при переводѣ ученика изъ класса въ классъ. Такимъ образомъ заведеніе хочетъ помнить и знать объ ученикѣ все примѣчательное и ничего не выпускаетъ изъ виду при помощи своихъ зоркихъ очей, какъ по справедливости должны быть названы титоры, если они соотвѣтствуютъ идеалу лицейскаго правленія. Правда, лицей не увольняетъ отъ воспитательныхъ обязанностей ни надзирателей, ни преподавателей, но тѣмъ не менѣе всю свою надежду въ этомъ отношеніи возлагаетъ на титоровъ, поручая имъ слѣдить не только за учебнымъ, но и за нравственнымъ и физическимъ развитіемъ вѣранныхъ имъ воспитанниковъ. Титоры несутъ на себѣ двойную обязанность. Вмѣстѣ съ другими преподавателями они представляютъ въ періодическія конференціи отчеты о своихъ питомцахъ, выбравъ все касающееся послѣднихъ изъ преподавательскихъ отчетовъ и дополнивъ, по сношенію съ главными надзирателями пансіоновъ, свѣдѣніями о слѣдующемъ:

„Быстрота приготовленія уроковъ и притомъ по всѣмъ ли предметамъ, или только по нѣкоторымъ. — Твердость въ удержаніи выученнаго по разнымъ предметамъ и частямъ ихъ. — Прилежаніе по разнымъ предметамъ или частямъ ихъ. — Внимательность. — Поведеніе: а) во время приготовленія уроковъ, б) во время рекреаціи, в) во время прогулки. — На сколько ученикъ нуждается: а) въ побужденіи къ исполненію обязанностей, б) въ разъясненіяхъ непонятнаго. — Здоровье ученика; часто ли болѣла голова, шла носомъ кровь, былъ насморкъ, кашель, хриплость (эти свѣдѣнія сообщаются за нѣсколько дней до конференціи врачу заведенія, если предполагается, что они ему неизвѣстны). Если ученикъ былъ въ больницѣ, то сколько времени и по какой болѣзни (послѣднія свѣдѣнія получаютъ отъ врача). — Наружный видъ письменныхъ упражненій. — Въ какомъ порядкѣ ученикъ держитъ свой ящикъ, свои книги, свое платье. — Какія читалъ по своей охотѣ книги. — Сколько разъ не былъ въ классѣ и почему. — Гдѣ проводилъ праздники, часто ли былъ посѣщаемъ родственниками и знакомыми. — Какъ часто подвергался наказанію.

віямъ, какимъ и отъ кого. Къ лучшему ли или къ худшему замѣчается перемѣна, и въ чемъ“.

Кромѣ того, титорамъ вмѣняется въ особую обязанность заносить въ свои отчеты свѣдѣнія о всякой рѣзкой перемѣнѣ въ поведеніи ученика, а самое поведеніе различать относительно товарищей, учителей, прислуги, титоровъ, надзирателей, директора, лицея; различать въ поведеніи излишнюю рѣзвость или вялость, неблаговоспитанность, неоприятность, шаловливость, капризность, задоръ, непослушаніе, лживость, скрытность, наклонность къ уединенію, привычку мѣшкать товарищамъ въ занятіяхъ или нарушать порядокъ въ играхъ, хорошее или дурное вліяніе на товарищей, готовность дѣлиться съ ними и помогать имъ или эгоизмъ. Къ послѣднему періодическому собранію таковая вѣдомость изготавляется титоромъ за весь годъ.

Только примѣрная добросовѣстность въ соединеніи со всецѣлою преданностью своему дѣлу, избранному по призванію, могутъ оправдать ожиданія, кои возлагаетъ лицей на своихъ титоровъ. Обязанность ихъ относительно воспитанія до того священна, что лицей, признавъ ее дѣломъ совѣсти, считаетъ невозможнымъ связывать ихъ въ этомъ отношеніи какими-либо опредѣленными правилами, хотя и не преминулъ сообщить имъ свои воззрѣнія въ слѣдующей инструкціи:

„Обращаться онъ (титоръ) долженъ съ ними (воспитанниками) серьезно, какъ старшій братъ, отнюдь не угождая имъ, но и не держа ихъ безъ нужды вдали отъ себя, на такъ-называсмомъ почтительномъ разстояніи, и не становясь къ нимъ въ отрицательное отношеніе, что бываетъ, когда наставники исключительно заняты выскливаніемъ случаевъ, подающихъ поводъ сдѣлать замѣчаніе или назначить наказаніе. Желательно, чтобы титорская дѣятельность была положительнаго свойства, чтобы она *развивала въ дѣтяхъ чувство чести, благородство, привязанность къ заведенію*. Самый вѣрный путь къ приобрѣтенію довѣрія и любви воспитанниковъ есть непритворное желаніе принести имъ пользу, не щадя своихъ трудовъ. Дѣти любятъ наставниковъ строгихъ, но доброжелательныхъ и справедливыхъ. Неразумное вѣжничанье, слѣпая уступчивость, желаніе угодить и поправиться вызываютъ въ дѣтяхъ скорѣе неуваженіе, тѣмъ любовь къ наставнику и лишаютъ его того авторитета, который нуженъ, чтобы понуждать учениковъ къ исполненію ихъ долга, требующему усилія. Чтобы дѣйствовать соотвѣтственно долгу, одного желанія мало: нужна воля исполнить доброе желаніе. *Воспитаніе должно развивать волю, приучая ученика повиноваться правиламъ и исполнять долгъ, то-есть, владѣть собой соотвѣтственно своему возрасту. Честное, усердное исполненіе своихъ обязанностей титорами лучше всякихъ наставленій вкоренить въ воспитанникахъ расположеніе исполнять свой долгъ добросовѣстно, а привычка исполнять свой долгъ есть лучшее благо, которое ученикъ можетъ вынести изъ школы.* Для достиженія этой важнѣйшей цѣли воспитанія существенно необходимы два условія: а) *примѣръ наставниковъ*, или иначе та общаѧ

атмосфера правды, которая окружаетъ воспитанника въ заведеніи, гдѣ ничего не дѣлается для вида, и гдѣ всякій дѣйствуетъ одинаково честно, видитъ ли его или не видитъ глазъ начальства или публики; б) *строгий надзоръ за точнымъ исполненіемъ требованій заведенія*, вселяющій въ ученикахъ благотворную для школы увѣренность, что за всякимъ проступкомъ необходимо слѣдуетъ взыскаіііе. *Запрещать слѣдуетъ только то, что добрые и разсудительные родители не могутъ позволить своимъ дѣтямъ, а безусловно требовать должно только того, что можетъ быть исполнено и мало способными. Но что запрещено, то не должно ни подъ какимъ видомъ дѣлаться, а что требуется, то должно быть непременно исполнено.* Что касается до наказаній, то внѣ своего дежурства и ретиторскихъ занятій тьюторы должны по возможности избѣгать наказаній, а дѣйствовать болѣе надзоромъ, бесѣдой и сношеніемъ съ родителями и родственниками. Въ случаѣ болѣзни воспитанника, тьюторъ долженъ навѣщать, въ удобное для себя время, своихъ питомцевъ въ больницы, а по возможности и на дому, сообщая имъ о ходѣ учебныхъ занятій ихъ одноклассниковъ“.

Но возвышая значеніе тьюторовъ, лицей заботится и о томъ, чтобы не умалить авторитетъ и другихъ наставниковъ. Начальствующимъ ставится въ обязанность предоставлять преподавателямъ и надзирателямъ лицей, равно содержателямъ пансіоновъ, сколь можно болѣе власти, но внимательно блюсти, чтобы они пользовались ею справедливо, ко благу учениковъ. Господствующій во многихъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ порядокъ, по которому не имѣющіе почти никакой власти учителя и надзиратели принуждены слишкомъ часто обращаться къ начальству, что называется на ученическомъ языкѣ „жаловаться“, лицей признаетъ педагогическою безсмыслицей. Наставнику предоставляется въ случаѣ нужды справляться съ виновнымъ или неисправнымъ своими средствами, при чемъ рекомендуется по возможности разнообразить наказанія и рѣже прибѣгать къ такимъ, которыя дѣйствуютъ на стыдъ, ибо къ нимъ можно привыкнуть; совѣтуется также различать проступки, требующіе немедленнаго наказанія, отъ такихъ, кои допускаютъ наложеніе наказанія чрезъ нѣсколько времени. Наложивши немедленное наказаніе, наставникъ обязанъ прямо сказать ученику, за что онъ наказывается и записать о томъ въ журналъ заведенія. Впрочемъ въ правилахъ лицей принято не спѣшить строгими наказаніями, какъ въ видахъ челоуѣколюбія и слабой дѣтской воли, такъ и для того, чтобы самимъ наказаніямъ придать болѣшую силу. Наставникъ, замѣчая въ ученикѣ какой-либо недостатокъ по ученію или по поведенію, дѣлаетъ сперва ученику замѣчаніе, а третье однородное замѣчаніе (въ случаѣ же важнаго проступка и второе) записывается въ журналъ заведенія. Записанное въ журналъ заведенія вносится директоромъ, если онъ не найдетъ нужнымъ

замѣнить записаніе выговоромъ или наложеніемъ немедленнаго наказанія, въ штрафную книгу. Записанный поступокъ по возможности разбирается и виновному разъясняется степень его виновности. Побуждая такимъ образомъ виновнаго ученика къ сознанію вины, всё наставники лица, а если это пансіонеръ, то и пансіона, относятся къ нему суровѣе, заставляя его чувствовать все неудобство такого положенія, и показывая тѣмъ, что проступкомъ противъ кого-либо одного оскорбляется все заведеніе. Такъ какъ виновный не оправдалъ довѣрія, то на немъ усиливается надзоръ, и его чаще другихъ спрашиваютъ въ классѣ. Если же ученикъ, записанный трижды на одной недѣлѣ, будетъ записанъ въ штрафную книгу и на слѣдующей недѣлѣ, ему дѣлается выговоръ еще строже, а обращеніе съ нимъ становится еще суровѣе, наконецъ имя его можетъ быть выставлено на черной доскѣ въ рекреационной залѣ. Еженедѣльно штрафная книга просматривается однимъ изъ основателей лица, который, въ случаѣ надобности, переноситъ отмѣтку изъ штрафной книги въ лицейскую матрикулу. Отмѣтки штрафной книги прощаются съ окончаніемъ учебнаго года. Отмѣтки же матрикулы имѣютъ силу во все пребываніе воспитанника въ лицей и вліяютъ на получаемый имъ аттестатъ. На золотую доску заведенія можетъ быть записанъ лишь тотъ, кто не былъ записанъ въ штрафную книгу въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Вмѣстѣ съ вышесказанными строгими порядками, убѣждающимъ ученика, что все заведеніе дѣйствуетъ согласно и что никоимъ образомъ нельзя уклониться отъ выполненія предписаннаго долга, воспитанникамъ лица предоставляется полная свобода развивать свои добрыя индивидуальныя качества и слѣдовать своимъ индивидуальнымъ наклонностямъ, на что назначается все свободное отъ ученія время. Обыкновенно у насъ оставляютъ пансіонеровъ въ свободное время безъ всякаго дѣла, позволяя имъ бродить изъ угла въ уголъ, умирать отъ скуки, или придумывать нелѣпыя, безмысленныя игры. И въ семьяхъ, и въ пансіонахъ дитя сперва скучаетъ отъ бездѣйствія, потомъ привыкаетъ къ нему такъ, что иной разъ никакія усилія не могутъ его убѣдить, что заниматься правильно какимъ-либо постороннимъ дѣломъ есть лучший отдыхъ. Оставьте дѣтей самимъ себѣ, и они охотно будутъ вести беспорядочную игру, единственно ради убиванія времени, но покажите имъ правила какой-либо игры, которая требуетъ вниманія, акуратности, успія, и дѣти уже будутъ смотрѣть на таковую игру, какъ на урокъ, какъ на стѣсненіе.

Лицей старается внушить своимъ питомцамъ, что „отдыхъ не есть праздность. Отдыхъ необходимъ человѣку послѣ труда, а праздность — мать всѣхъ пороковъ“. Безсмысленная и беспорядочная игра есть та же праздность, и подаетъ поводъ къ порокамъ и проступкамъ. Стало быть, до тѣхъ поръ, пока воспитанники не будутъ приучены къ правильнымъ играмъ, воспитательная часть заведенія не можетъ считаться правильно устроенною. Не смотря на всѣ трудности, лицей заботится ввести въ училище игры педагогическія, такъ-сказать, дисциплинирующія дѣтей и требующія отъ нихъ не только физическихъ усилій, но ловкости и вниманія.

„Начальство лицея, говоритъ календарь, будетъ особенно отличать и награждать тѣхъ наставниковъ, которые будутъ успѣшно занимать воспитанниковъ играми, и которымъ удастся пристрастить ихъ къ той или другой игрѣ. Главнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи должны быть англійскія школы, гдѣ игры служатъ не менѣе важнымъ средствомъ педагогической выработки учениковъ, чѣмъ самое ученье. Покаместъ, усиленно поощряя правильныя игры, слѣдуетъ покровительствовать всякимъ любимымъ занятіямъ учениковъ, даже если бы эти занятія были сопряжены съ нѣкоторымъ неудобствомъ. Надобно слѣдить за этими занятіями съ участіемъ, ибо дѣти особенно любятъ заниматься тѣмъ, что интересуютъ и старшихъ“.

Если ученики остаются безъ дѣла, содержателямъ пансіоновъ и надзирателямъ совѣтуется давать имъ какое-нибудь порученіе, привести, напримѣръ, въ порядокъ классную комнату, слѣдять взаимный осмотръ обуви и платья, наблюдать за чистотою рукъ, осмотрѣть барометръ и термометры, приготовить принадлежности игръ, стрѣльбы въ цѣль, заняться графленіемъ книгъ и тетрадей и т. п.

Особаго, исключительно для приготовленія уроковъ назначеннаго времени въ лицей не полагается; но принимаются мѣры, чтобы желающимъ учиться отъ 7-и до 8-и часовъ утра, отъ 6-и до 8-и часовъ вечера и отъ 8¹/₂ до 9¹/₂ часовъ вечера предоставлено было все необходимое удобство. Учиться позволяется ходя и сидя, какъ кому удобнѣе; но требуется, чтобы въ комнатѣ, гдѣ учатся, была соблюдаема тишина. При этомъ наблюдается, чтобы дѣти дѣйствительно приготавливались къ урокамъ, а не высиживали только определенное время на мѣстѣ. „Крайне вредна во всѣхъ отношеніяхъ привычка нѣкоторыхъ учениковъ сидѣть надъ книгой, ничего не думая. Эта привычка должна быть преслѣдуема и надзирателями, и въ особенности тьюторами. Пусть лучше ученикъ займется чѣмъ-нибудь постороннимъ, чѣмъ лицемѣрно притворяться, что онъ учится“.

По своему всесторонне обдуманному плану и цѣлесообразности избираемыхъ средствъ, лицей является учебнымъ заведеніемъ, какого

у насъ не бывало. И если основатели имѣли счастье отыскать хорошихъ исполнителей всего ими начертаннаго, то отъ этого заведенія нужно ожидать драгоцѣнныхъ плодовъ, какъ относительно его питомцевъ, такъ и для русскаго педагогическаго дѣла. Но такъ какъ человѣческому дѣлу не дано быть совершеннымъ, то, предполагая въ лицейской возможности и темныхъ сторонъ, позволительно желать, чтобы, — ради общей пользы, которая дорога лицейю столько же, какъ и его собственная, — будущій календарь не преминулъ сообщить, какія трудности и въ чемъ именно заведеніе встрѣтило, и какъ и на сколько оно ихъ устранило. Таковыя свѣдѣнія всего болѣе были бы умѣстны въ слѣдующемъ календарѣ, ибо заведеніе найдетъ уже возможность дать ихъ на основаніи пріобрѣтенаго имъ опыта ¹⁾.

Z.

¹⁾ Свѣдѣнія эти дѣйствительно уже сообщены отчасти въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ «Календарѣ Лицея Цесаревича Николая на 1870/71 учебный годъ». Редакція не замедлитъ познакомить своихъ читателей съ его содержаніемъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ *Ө. Буслевъ*. Москва. 1869.

Несомнѣнные достоинства этого учебника обращаютъ на него особенное вниманіе. Авторъ его давно уже приобрѣлъ себѣ почетную и вполне заслуженную извѣстность въ области отечественной грамматики. Преподаватели давно уже и постоянно пользуются его „Историческою грамматикой русскаго языка“, извлекая изъ нее все, что они находятъ нужнымъ для ихъ классныхъ уроковъ. Извлеченія или сокращенія этого пособія, болѣе или менѣе удачныя, являлись и въ печати, свидѣтельствуя о необходимости изложить матеріалъ большаго ученаго труда въ системѣ и объемѣ, приспособленныхъ къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Этой необходимости удовлетворилъ теперь самъ авторъ. Вышеозначенная книга есть сдѣланное имъ самимъ, упрощенное въ системѣ извлеченіе изъ „Исторической грамматики русскаго языка“. Такимъ образомъ, педагогическая литература получаетъ „Учебникъ“ уже изъ первыхъ рукъ, а не изъ вторыхъ или третьихъ, которыя иногда брались не за свое дѣло.

Въ предисловіи г. Буслевъ указываетъ сдѣланныя имъ примѣненія къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній.

„Все практическое удержано. Древній церковно-славянскій языкъ принятъ на столько, на сколько это нужно для уразумѣнія правилъ русскаго языка и новѣйшаго церковно-славянскаго, усвоеннаго исправленнымъ текстомъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ. Затѣмъ весь историческій и сравнительный матеріалъ опущенъ; только нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ особенностей нарѣчій польскаго и малорусскаго, сближенные съ языкомъ русскимъ и церковно-славянскимъ, приведены въ примѣчаніяхъ, которыя могутъ быть особенно полезны для учащихся въ западномъ краѣ и Малороссіи“.

Уразумѣніе правилъ русскаго языка при помощи древняго церковно-славянскаго и составляетъ вторую, высшую ступень изученія

русского языка въ гимназіяхъ,—изученія *сознательнаго*, основаннаго не на условно придуманныхъ правилахъ, а на законахъ языка ¹⁾). О такомъ именно преподаваніи авторъ разсуждалъ ранѣе въ статьѣ: „О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“ (*Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1867, январь), такъ что учебникъ его есть именно осуществленіе мысли, высказанной имъ въ этой статьѣ. Отсюда же видно, что учебникъ г. Буслаева долженъ служить руководствомъ, начиная съ IV-го класса, не ранѣе.

Далѣе въ предисловіи сказано:

„Въ образцахъ грамматическаго разбора принять для древняго церковно-славянскаго чтенія текстъ Остромировъ, но значительно исправленный; потому что дьяконъ Григорій не строго наблюдалъ единообразіе въ правописаніи древнѣйшаго оригинала и сверхъ того вносилъ въ текстъ ошибки и подовленія, подъ вліяніемъ русскаго говора, что очень важно для преподаванія исторіи русскаго языка въ университетахъ, но недоступно и бесполезно для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Потому и принятый въ учебникѣ древній текстъ Евангелія не именуется Остромировымъ“.

Замѣтимъ здѣсь, что г. Буслаевъ, приготовляя новое изданіе своей христоматіи древне-русскаго и церковно-славянскаго языковъ, также исправляетъ тексты на вышеозначенномъ основаніи. По его мнѣнію, нельзя, чтобъ юношество въ каждой строкѣ древняго памятника разучивалось правописанію, такъ какъ каждая строка имѣетъ особенное начертаніе одного и того же слова. Для обученія необходима система, и потому онъ предлагаетъ русскому юношеству систематически устроенный текстъ древнихъ памятниковъ.

Такъ какъ учебникъ г. Буслаева вполнѣ соответствуетъ своему назначенію, то его вполнѣ можно рекомендовать для употребленія какъ руководство при изученіи русской грамматики въ гимназіяхъ, начиная съ IV-го класса.

Опытъ учебника русскаго синтаксиса. Составилъ *В. Кеменичъ*. Второе исправленное изданіе. С.-Пб. 1868.

Учебникъ этотъ въ шести главахъ содержитъ краткое и ясное изложеніе того, что существенно необходимо знать учащемуся при изученіи синтаксиса. Изложеніе его систематическое, и притомъ оно освобождено отъ лишннихъ объясненій, которыя должны быть дѣломъ учителя въ

¹⁾ Первая ступень преподаванія состоитъ въ изученіи языка на практикѣ, на чтеніи и письмѣ, при руководствѣ грамматическихъ правилъ, приспособленныхъ къ первоначальному обученію.

классъ и которыя весьма нерѣдко и напрасно вводятся въ учебныя руководства, отъ чего книга становится объемистѣе безъ всякой пользы для научнаго содержанія. Въ первыхъ двухъ главахъ учебника разсмотрѣно простое предложеніе и его два вида: нераспространенное и распространенное; глава 3-я указываетъ, какъ выражаются отношенія между лицами и лица говорящаго къ выражаемой имъ мысли; глава 4-я объясняетъ порядокъ словъ въ сложномъ предложеніи; глава пятая говоритъ о составѣ сложныхъ предложений и расположеніи его составныхъ частей, а послѣдняя (шестая) — о соединеніи независимыхъ предложений и ихъ видахъ. Параллельно съ правилами синтаксиса объясняются и правила пунктуации, на нихъ основанныя.

Книга эта можетъ быть рекомендована для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ видѣ учебнаго руководства.

Практическая Славянская грамматика съ примѣрами и упражненіями на правила древне-славянскаго языка, новаго церковнаго и древне-русскаго лѣтописнаго. Составилъ *В. Водовозовъ*. С.-Пб. 1868 г.

Славянская грамматика г. Водовозова дѣлится на двѣ части: первая, подъ именемъ предварительныхъ упражненій, сообщаетъ учащимся особенности славянскаго языка не въ строгой грамматической системѣ, а путемъ чтенія и разбора отрывковъ; вторая, названная „связнымъ курсомъ“, изложена, какъ самое названіе показываетъ, исключительно по синтетическому способу.

Каждое изъ предварительныхъ упражненій первой части заключаетъ въ себѣ три отдѣла: отрывокъ изъ Остромирова Евангелія, подстрочный русскій переводъ онаго и объясненіе. Ученикъ сначала читаетъ нѣсколько разъ данный отрывокъ, потомъ сравниваетъ каждую фразу съ переводомъ, и наконецъ, изъ подробнаго объясненія усвоиваетъ тѣ грамматическія правила, какія представляетъ ему отрывокъ. Самъ авторъ чувствовалъ нѣкоторыя неудобства принятаго имъ въ первой части своей книги аналитическаго метода, который впрочемъ (замѣтимъ кстати), сталъ теперь общеупотребительнымъ при преподаваніи отечественнаго языка и словесности, почему авторъ въ двухъ мѣстахъ дѣлаетъ оговорки: въ предисловіи и въ примѣчаніи къ оглавленію первой части. Въ предисловіи онъ говоритъ слѣдующее:

„Изясняя формы, встрѣчающіяся въ связномъ текстѣ (то-есть, въ отрывкахъ изъ Остромирова Евангелія), конечно, трудно было соблюсти слишкомъ строгую послѣдовательность въ переходѣ отъ одного

гимъ, по всѣмъ грамматическимъ рубрикамъ; по такой послѣдовательности на первый разъ и не нужно: по мѣрѣ того, какъ учащійся пріобрѣтаетъ знанія, онъ постарается приводить ихъ въ должный порядокъ. Во всякомъ случаѣ, въ представленныхъ нами объясненіяхъ соблюдены связь и постепенность по крайней мѣрѣ при упражненіяхъ надъ главнѣйшими формами: такъ сначала объяснены склоненія существительныхъ, потомъ мѣстоименій, прилагательныхъ, числительныхъ, потомъ спряженія глаголовъ, потомъ особыя формы двойственнаго числа, и пр. Поэтому, заботясь о связи, мы приводили еще дополнительные примѣры, гдѣ отрывки не представляли ихъ достаточно“.

Въ примѣчаніи къ оглавленію, г. Водовозовъ и не настаиваетъ на томъ порядкѣ, какого онъ держался въ упражненіяхъ, во всѣхъ подробностяхъ, предоставляя преподавателю право переставлять эти подробности, или опускать ихъ тамъ, гдѣ онѣ покажутся сложными, или же сводить вмѣстѣ то, о чемъ говорится въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ, объ употребленіи буквъ, о союзахъ, о спряженіи глагола *быти*, о нарѣчіяхъ и проч.

Признавая, что раздробленность въ усвоеніи грамматическихъ правилъ имѣетъ свои неудобства, авторъ съ другой стороны находитъ въ ней и слѣдующія выгоды: 1) она всякій разъ вызываетъ необходимость повторять прежде усвоенное, такъ какъ знанія по разнымъ отдѣламъ грамматики связываются вмѣстѣ въ одно и то же упражненіе; 2) учащемуся не наскучаетъ до такой степени однообразіе грамматическихъ рубрикъ, гдѣ, напримѣръ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ долженъ заниматься одними склоненіями или спряженіями, тогда какъ при усвоеніи формъ, посредствомъ чтенія и анализа отрывковъ, онъ всюду видитъ характеръ живой рѣчи; 3) отысканіе формъ и ихъ сличеніе между собою болѣе поддерживаетъ умственную работу, недостатокъ которой и составляетъ главную причину трудности, съ какою учащимся дается славянская грамота.

Такимъ образомъ въ славянской грамматикѣ г. Водовозова собственно два грамматическихъ курса: аналитическій и синтетическій. Каждый изъ нихъ имѣетъ значеніе самостоятельнаго труда. Преподаватели могутъ пользоваться тѣмъ или другимъ по усмотрѣнію; могутъ пользоваться и обоими: первымъ—для сообщенія грамматическихъ правилъ по мѣрѣ того, какъ они представляются въ отрывкахъ; вторымъ—для приведенія правилъ въ систему и для повторенія ихъ уже въ системѣ. Славянская грамматика г. Водовозова, болѣе краткая, чѣмъ славянская грамматика г. Перевлѣсскаго, и изложенная съ болѣею простотой и легкостью, заслуживаетъ быть рекомендованною, какъ учебное руководство, для употребленія въ гимназіяхъ.

Русская грамматика практическая, теоретическая и историческая, составленная сообразно программам преподаванія ея въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно на основаніи исторической грамматики г. профессора Буслаева, для учащихся *Окт. Мильчевскаго*. Москва. 1870.

Г. Мильчевскій въ одной книгѣ помѣстилъ три грамматическихъ курса, которые должны быть проходны по меньшей мѣрѣ въ трехъ классахъ гимназій, а по большей — въ четырехъ. Подобное совмѣщеніе едва-ли можно оправдать тѣмъ разчетомъ, что для учащагося дешевле приобрести одно руководство по какому-нибудь учебному предмету, нежели три: развѣ преподаватель непременно обязанъ слѣдовать въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ тремъ руководствамъ, составленнымъ однимъ и тѣмъ же лицомъ и напечатаннымъ въ одной и той же книгѣ? Можетъ-быть, изъ этихъ трехъ руководствъ онъ найдетъ только одно пригоднымъ, а остальные не подходящими къ его цѣлямъ: чтò же тогда учащимся дѣлать съ двумя послѣдними?

Разсматриваемая грамматика, какъ значитсѣ на заглавномъ листѣ, составлена *сообразно программамъ преподаванія ея въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ*. Но такихъ программъ много; каждый округъ имѣетъ свою; общей для всѣхъ гимназій программы еще не выработано ни по одному учебному предмету; указаны только предѣлы преподаванія, опредѣленъ его объемъ, не болѣе. Авторъ говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду преимущественно программу для испытанія желающихъ поступить въ Московскій университетъ. Но такихъ программъ было нѣсколько: была программа, составленная подъ руководствомъ профессора Буслаева; потомъ ее смѣнила другая, составленная подъ руководствомъ профессора Тихонравова, которая вскорѣ также оказалась несостоятельною. Обращаясь снова къ заглавію, мы видимъ, что г. Мильчевскій слѣдовалъ преимущественно „Исторической грамматикѣ“ г. Буслаева. Но это сочиненіе, какъ руководство для учителей, не одно и то же съ программой. Подобное руководство можно сокращать, упрощать, приравливать къ потребностямъ учащихся, чтò уже и сдѣлано самимъ г. профессоромъ въ „Учебникѣ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою“, учебникѣ напечатанномъ уже теперь вторымъ изданіемъ.

По всему видно, что г. Мильчевскій задался слишкомъ многою и по тому самому невыполнимою задачей: захотѣвъ въ одной книгѣ совмѣстить всѣ три вида грамматики, практическую, теоретическую и историческую, онъ въ то же время хотѣлъ, въ своемъ

трудѣ, слѣдовать и программамъ преподаванія этой науки въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще, и программѣ, составленной для Московскаго округа въ особенности, и наконецъ, исторической грамматикѣ г. Бусласва преимущественно. Угодить всѣмъ этимъ требованіямъ — общимъ, особеннымъ и преимущественнымъ — невозможно.

Не смотря на малый объемъ книги, въ ней есть свѣдѣнія совершенно лишнія для учениковъ гимназій. Такъ, въ исторической грамматикѣ говорится о томъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ русской рѣчи сохранились самыя древніе корни индо-европейскихъ языковъ. Выписываемъ нѣсколько примѣровъ:

„Первое лице (личныхъ мѣстоименій) по славянски *азъ* или *язь*, по санскритски *агамъ*, множественнаго *асма*, изъ *магамъ масма*, гдѣ корень *ма*. Ты отъ санскритскаго *тва*, *ва* — отъ *ювамъ*“

„Корень *к* (въ вопросительныхъ мѣстоименіяхъ) изъ санскритскаго корня *ки* въ вопросительномъ мѣстоименіи *ким*, средняго рода *катъ*“.

„Въ санскритѣ для указанія служило мѣстоименіе *тамъ*. Замѣчательно, что уже въ этомъ языкѣ есть наше это — *этамъ*, которое въ болгарскомъ утратилось. За тѣмъ *ена* — оный и косвенные надежи другихъ указательныхъ мѣстоименій, гдѣ встрѣчается часто корень *с*, напримѣръ, *сіисъ сія*“.

Обращеніе къ санскритскому языку продолжается и въ другихъ мѣстоименіяхъ (стр. 129 — 130), и въ числительныхъ (стр. 133), что совершенно излишне. Авторъ, видимо, увлекся названіемъ третьяго рода грамматики — историческою. Правильнѣе было бы назвать ее „церковно-славянскою“, не допуская въ нее никакихъ сличеній русскихъ грамматическихъ формъ съ санскритскими.

Въ теоретической грамматикѣ есть излишества другаго рода — свѣдѣнія „о возникновеніи и сущности мысли“ (стр. 70 и 71), гдѣ говорится о дѣйствіи мозга и о различіи мозговъ.

Наконецъ еще замѣчаніе: къ концу книги приложены поправки и рѣшеніе задачъ, находящихся въ книгѣ. Это не педагогично. Учащіеся будутъ просто списывать эти рѣшенія, вмѣсто того, чтобы самими заниматься рѣшеніемъ. На основаніи сказаннаго книгу г. Мильчевскаго нельзя рекомендовать для употребленія въ нашихъ гимназіяхъ.

Отечественное слово. Руководство къ первоначальному чтенію и письму. Первый годъ. Сост. Мевесъ. Аренбургъ. 1868.

Прикшошеніе, правописаніе и о буквѣ ъ. Его же. Аренбургъ. 1869.

Литературные гости въ Россіи. Его же. Деритъ. 1867.

Первыя двѣ изъ означенныхъ книгъ имѣютъ близкое между собою соотношеніе. Вторая, какъ видно изъ ея заглавія, заключаетъ въ себѣ

объясненія на первую; цѣль ея — указать правильный выговоръ и правильное письмо; ту же самую задачу имѣеть и „Отечественное слово,“ а именно, познакомить ученика съ законами звуковъ и научить правильно читать и писать по слуху, по крайней мѣрѣ, до извѣстныхъ предѣловъ, какъ сказано въ предисловіи. Другія орфографическія правила, для объясненія которыхъ такого способа недостаточно, будутъ предложены авторомъ въ теоретической грамматикѣ.

Обѣ книги составлены г. Мевесомъ, преподававшимъ русскій языкъ въ одноклассныхъ уѣздныхъ училищахъ: Валкскомъ (въ Лифляндіи) и Туккумскомъ (въ Курляндіи) и имѣющимъ также частное училище. Туккумское училище посѣщается Латышами, Нѣмцами, Русскими и Евреями, а Валкское кромѣ того Эстами. Латышу родной его языкъ отказалъ въ звукахъ *o, m, f, x, ш*, Нѣмцу въ звукахъ: *ы, ж, ч, ш, лъ, ла, ло, ль, ля, лё*, Еврею — въ звукахъ *ж, ч, ш, м*, Эсту въ звукахъ *ф, х, ж, ш, ш, ч*. Даже русскія дѣти приносили съ собою въ училища ломанную русскую рѣчь, исполненную различныхъ варіантовъ. Легко себѣ представить, съ какими трудностями приходилось бороться г. Мевесу въ преподаваніи русскаго языка, богатаго разнообразными звуками и не природнаго учащимся. Онъ долженъ былъ вникать въ отличія этого языка отъ тѣхъ языковъ, на которыхъ съ младенчества выражался разноплеменный составъ его училища, и придумывать способы и приемы для удобнѣйшаго объясненія фонетическихъ и орфографическихъ особенностей русской грамматики. Результаты своей добросовѣстной педагогической практики онъ изложилъ въ указанныхъ двухъ книгахъ. Въ этомъ отношеніи обѣ книги — трудъ очень почтенный, заслуживающій полного одобренія.

Руководство къ первоначальному чтенію и письму, назначенное для занятій „отечественнымъ словомъ“, въ первый годъ начинается съ буквъ, при чемъ отмѣчены согласные звуки, какъ общіе Русскимъ и Нѣмцамъ, такъ и лишніе противъ нѣмецкой азбуки. Затѣмъ вся книга дѣлится на два отдѣла, содержащіе въ себѣ 19 параграфовъ. Первый отдѣлъ (§§ 1—5) наполненъ примѣрами словъ и предложений, въ которыхъ заключаются сначала малыя и прописныя буквы, схожія или несхожія съ печатными, потомъ сочетанія согласныхъ и йотированныя гласныя. Во второмъ отдѣлѣ (§§ 6—19) находится фонетика, представляющая переходы однѣхъ буквъ въ другія, повторенія однѣхъ и тѣхъ же буквъ, ассимиляцію звуковъ и т. п. Чтобы приучить учащагося къ различенію начертанія словъ отъ ихъ произношенія, каж-

дый примѣръ печатается вдвойнѣ: для глаза и для слуха. Всѣ эти примѣры переведены на нѣмецкій языкъ (texte en regard), такъ что текстъ книги двойной: русско-нѣмецкій.

За фонетикой слѣдуютъ разказы, басни и описанія, нѣчто въ родѣ краткой христоматіи, съ словаремъ для перевода статей съ русскаго на нѣмецкій.

Что изложено въ „Отечественномъ словѣ“, то объясняется въ другой книжкѣ: „Произношеніе, правописаніе и о буквѣ ъ.“ Здѣсь, въ 20-и главахъ изложеніе сведено къ общимъ правиламъ, также подкрѣпленнымъ примѣрами.

Показавъ содержаніе двухъ сочиненій г-на Мевеса, мы должны прибавить къ тому нѣсколько примѣчаній:

1) Авторъ видимо придаетъ особенную цѣну правильному выговору, почему и налегаетъ на него въ особенности. Но правильный выговоръ усваивается всего болѣе практикой, разговоромъ. Книжныя правила, какъ бы они тщательно ни были составлены и изложены, никогда не научатъ учащихся владѣть въ совершенствѣ произношеніемъ звуковъ языка неприроднаго. Поэтому въ книгахъ г-на Мевеса встрѣчаются иногда невѣрныя въ этомъ смыслѣ указанія. Такъ, напримѣръ, онъ употребляетъ *ĕ* не только въ словахъ *лѣдъ*, *мѣдъ* и тому подобныхъ, гдѣ этотъ звукъ явственно отличается отъ *e* съ одной стороны и отъ *o* съ другой, но и послѣ буквъ *ж* и *ш*, гдѣ онъ получаетъ другой тонъ (нашѣтъ, разжѣтъ). Лучше въ такихъ случаяхъ (для иностранцевъ) писать *o*.

2) На стр. 140 и далѣе невѣрно обозначено произношеніе глаголовъ, кончающихся на *ся*. Глаголы *веселися*, *одѣваешься*, *подружился*, *правилася*, *поклонися* и другіе никогда не произносятся *одѣваешся*, *подружилса*, *правилае*, *поклонис*, *веселиса*.

3) Попадаются выраженія, отступающія отъ требованій русскаго языка, несогласныя съ его духомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: дитя *отбиваетъ* за нией слова: „мама, папа“; „вмѣсто двухъ, трехъ, четырехъ согласныхъ, дитя *трогаетъ* только одну болѣе ему легкую“; „онъ *держитъ себѣ въ памяти писать* то“; „въ тѣхъ мѣстахъ, *гдѣ слухъ идетъ на-двое*, надо держать себѣ на умѣ“; „въ какихъ частяхъ рта *сидятъ* звуки“; „когда подошло дѣло *вчинанія* грамматики“; *жру* (*ich opfere*)“; „*вбѣчь* (*hereinlaufen*)“; „*мжигати* (*blinzeln*, мигать, моргать)“; „согласные звуки *общіе съ Нѣмцемъ*, лишніе *противъ Нѣмца*“; „*вмятъ* глину (*auftreten*)“; „*жвало* жука (*Kinnbacken*)“; „молодые *дубим* (*Eichen*)“; „*глубь* (*Tiefe*)“; „онъ живетъ *съ дугою* (*von den*

Wiesen)“; „сбавить двѣ трѣшки съ фунта семги (Dreikorekenmünzen)“; „свѣдущій *отборщикъ* (Sortirer)“; „стѣна *отбѣлена* (ist geweisst)“; „сосѣди *отжались*“, и пр. Желательно, чтобъ авторъ при новомъ изданіи своей книги обратилъ вниманіе на указанные и другія подобныя имъ погрѣшности и исправилъ ихъ съ помощію лицъ, вполнѣ знающихъ русскій языкъ.

Въ заключеніе должно сказать, что обѣ книги г-на Мевеса, приуроченныя къ потребностямъ Нѣмцевъ, Латышей и Эстовъ, обучающихся русскому языку, могутъ быть, какъ добросовѣстный трудъ опытнаго педагога, рекомендованы для употребленія въ училищахъ Прибалтійскаго края, воспитанникамъ которыхъ авторъ и посвятилъ „Отечественное Слово“.

Что касается до третьей книги (Литературные гости въ Россіи), то и по содержанію и по обработкѣ ее нельзя признать удобною для употребленія въ школахъ ни какъ руководство, ни какъ пособіе.

Теорія поэзій (для среднихъ учебныхъ заведеній) съ прибавленіемъ терминологическаго словаря словесности. *М. Колосова*. Одесса 1870.

При составленіи этого учебника авторъ имѣлъ въ виду двоякую цѣль: вопервыхъ, дать учащимся руководство въ ихъ послѣдовательныхъ занятіяхъ по теоріи словесности; вовторыхъ, представить догматическое изложеніе главныхъ теоретическихъ вопросовъ той же науки. Двоякою цѣлью обусловила и двойственность изложенія: одни параграфы разчитаны на пониманіе учениковъ среднихъ классовъ (IV-го и V-го); другіе же могутъ быть доступны только ученикамъ старшихъ классовъ (VI-го и VII-го). Такое двойственное изложеніе науки полезно въ томъ отношеніи, что позволяетъ ученикамъ разныхъ классовъ приобрѣтать одну книгу вмѣсто нѣсколькихъ. Но если авторъ разчитывалъ преподаваніе теоріи поэзій на четыре послѣдовательные класса (съ IV-го по VII-й включительно), то ему слѣдовало бы опредѣлить, какіе именно параграфы надобно проходить въ каждомъ изъ этихъ классовъ, и тѣмъ избавить преподавателей отъ разногласія и произвола.

Въ добавленіи къ учебнику г. Колосова, подъ именемъ „Терминологическаго словаря“, представлены опредѣленія, важнѣйшія свойства и требованія главныхъ родовъ и видовъ прозаическихъ сочиненій. Добавленіе сдѣлано въ виду того, что систематическая обработка теоріи прозы не входила въ планъ составителя. Изъ приложеннаго

къ концу книги „Систематическаго распредѣленія матеріала, заключающагося въ добавленіи“, видно, что настоящій учебникъ, кромѣ главнаго своего предмета — *теоріи поэзіи* — содержитъ въ себѣ еще свѣдѣнія изъ трехъ предметовъ: логики, стилистики и теоріи прозы. Здѣсь уже является отсутствіе единства не въ изложеніи и цѣли, а въ самомъ содержаніи. Учебникъ заключаетъ въ себѣ сверхъ одного главнаго предмета еще три прибавочныхъ. Такой сложный составъ можетъ быть признанъ удобнымъ развѣ только въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ ученикъ покупаетъ одно руководство вмѣсто четырехъ. Но къ сожалѣнію, въ подобныхъ случаяхъ экономическая выгода большею частію перевѣшивается другимъ, большимъ ущербомъ — утратою внутренняго достоинства книги. Такъ и въ разсматриваемомъ нами учебникѣ: свѣдѣнія изъ логики, стилистики и теоріи прозы не представляютъ систематическаго изложенія, необходимаго въ курсѣ общеобразовательномъ.

Что касается до значенія свѣдѣній, сообщаемыхъ и „Теоріей поэзіи“, и „Терминологическимъ словаремъ“, то они, за нѣкоторыми исключеніями, заслуживаютъ одобренія. Свѣдѣнія эти удовлетворительны въ научномъ отношеніи по своей правильности, ясности и удобопонятному изложенію. Исключенія же изъ этого относятся къ слѣдующимъ предметамъ:

1) На стр. 6-й сказано, что „спондей невозможенъ въ гоническомъ стихосложеніи, такъ какъ въ двухъ или *трех*сложномъ словѣ не можетъ быть двухъ удареній“. Но спондей — стопа двухсложная: зачѣмъ же понадобилось автору трехсложное слово?

2) На той же стр. названіе силлабическое производится отъ слова *syllab*, которое по начертанію ни латинское, ни французское. Это, конечно, опечатка.

3) Стр. 7: слова, что александрійскимъ стихомъ писались *въ старину* эпическія поэмы, не точны. Вѣдь и Гомерово время есть старина.

4) Изложеніе общихъ основаній поэзіи, какъ части эстетики, даетъ поводъ къ нѣкоторымъ недоумѣніямъ и вопросамъ. Едва-ли этотъ отдѣлъ можетъ быть вполне сознательно усвоенъ и учениками VI-го и VII-го классовъ, для которыхъ, должно думать, авторъ и назначаетъ его.

Первое недоумѣніе возникаетъ при чтеніи § 21-го (стр. 12), говорящаго о механической сторонѣ свободныхъ искусствъ. По мнѣнію автора, эта сторона доступна постиженію и усвоенію cadaго во всѣхъ искусствахъ, кромѣ поэзіи, которая будто бы вовсе не имѣетъ

механической стороны, почему поэтомъ, безъ врожденнаго таланта, сдѣлаться невозможно. Сдѣлаться поэтомъ, конечно, невозможно, а стихотворцемъ можно. Если каждый можетъ болѣе или менѣе бѣгло играть, ознакомившись съ инструментомъ, болѣе или менѣе вѣрно рисовать, ознакомившись съ приемами живописи, съ условіями свѣта, тѣни и перспективы, то каждый болѣе или менѣе свободно можетъ писать стихами и прозой, ознакомившись съ версификаціей и условіями прозаической рѣчи. Чѣмъ суздальская картина лучше иного стихотворенія? Развѣ мало у насъ повѣстей, разказовъ и драмъ, въ которыхъ есть своего рода вымыселъ, а поэзи нѣтъ ни капли?

Въ §§ 26, 27 и 28 (стр. 13—15) опредѣляется прекрасное и указываются его условія. Этими условіями четыре: симметрія и гармонія съ одной стороны, жизненность и разнообразіе съ другой. Слѣдующіе четыре §§ (29—32) говорятъ объ идеалахъ красоты, какъ внѣшней природы, такъ и внутренняго, человѣческаго міра. Такъ какъ идеалы существуютъ въ насъ самихъ, въ нашемъ сознаніи, а сознаніе и каждой личности, и каждого народа мѣняются въ разныя эпохи ихъ жизни, то слѣдовательно, заключаетъ авторъ, идеалы разнообразятся по времени (стр. 17). Такой выводъ уничтожаетъ всякую возможность подвести прекрасное подъ какое-либо постоянное опредѣленіе и установить его условія. По крайней мѣрѣ, два условія: симметрія и гармонія, теряютъ при этомъ всякое значеніе, даже смыслъ. Цивилизованный плѣняется въ музыкѣ стройнымъ сочетаніемъ звуковъ (гармоніей), а свитѣ китайскаго посольства въ былое время понравилось особенно настроеніе оркестромъ инструментовъ; мы восхищаемся правильностью чертъ и симметричнымъ ихъ соотношеніемъ, а негръ любитъ неправильность и въ отдѣльныхъ чертахъ, и въ ихъ сочетаніи. Чтò для однихъ гармонія и правильность, то для другихъ разладъ и безобразіе. Въ чемъ же, послѣ этого, сущность красоты?

Въ § 43-мъ, характеризуя міровыхъ поэтовъ, авторъ говоритъ: „степень, уровень, развитіе народа въ извѣстную эпоху его жизни обуславливаетъ собою болшую или меньшую степень достоинства (конечно, не эстетическаго) поэтическаго произведенія“. Слово *не эстетическое*, стоящее въ скобкахъ, вводитъ новое понятіе о достоинствѣ поэзи въ предшествующемъ не объясненное. Тамъ (§ 33) объяснялось только историческое значеніе поэзи, заключающееся въ томъ, что, изучая ея произведенія, мы знакомимся какъ съ дѣйствительною, такъ и съ идеальной стороной народной жизни. Это — одно только значеніе: гдѣ же другое — общечеловѣческое, которое можно назвать также

психологическимъ, знакомящимъ насъ съ міромъ души, и гдѣ третье — эстетическое, доставляющее намъ духовное удовольствіе, независимо отъ знакомства съ жизнію того или другаго народа?

Раздѣленіе лирической поэзіи на виды не выдерживаетъ единства, которое должно опредѣляться характеромъ дѣявимаго. Характеръ его — выраженіе мыслей и чувствъ поэта. Но пѣсня отличена отъ другихъ видовъ не особенностью мыслей или чувствъ, а чисто-внѣшнимъ признакомъ — назначеніемъ своимъ, то-есть, что она поется. Ода греческая тоже пѣлась, отъ чего и получила свое названіе, однако же она имѣетъ свое особенное содержаніе. Пѣсня также не лишена этого содержанія.

Стр. 36: Пѣсни искусственной литературы, не отличающіяся народностью, называются *романсами*. — Здѣсь новое значеніе слова *романсъ* не отличено отъ первоначальнаго, означавшаго произведеніе не искусственной, а народной литературы. Да и въ наше время не каждая пѣсня есть романсъ. и наоборотъ, не каждый романсъ есть пѣсня.

Стр. 67. Слово *вирши* напрасно почитается русскимъ видоизмѣненіемъ латинскаго *versus*: оно польскаго происхожденія.

Тамъ же. Въ опредѣленіи водевиля пропущено одно изъ существенныхъ его отличій — *пѣніе* стиховъ.

Не смотря однако на всѣ указанные недостатки, трудъ г. Колозова заслуживаетъ одобренія и можетъ быть рекомендованъ, но только какъ учебное пособіе при повтореніи теоріи поэзіи въ VII-мъ классѣ гимназій.

Русская христоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. Буслаевъ. 1870.

Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, напечатанная г. Буслаевымъ въ 1861 году, имѣетъ двойное назначеніе: во-первыхъ, она служитъ руководствомъ къ изученію этихъ языковъ; во-вторыхъ, предлагаетъ образцы для древняго періода исторіи нашей словесности. По своей обширности, особенному распредѣленію матеріала и обилію историко-грамматическихъ примѣчаній, она иногда оказывалась выше потребностей учащихся. При составленіи недавно вышедшей „Русской христоматіи“, профессоръ Буслаевъ привлекъ во вниманіе указанныя педагогическимъ опытомъ излишества и

нѣкоторыя затрудненія, съ которыми было сопряжено пользованіе прежнею его книгой, такъ что новый трудъ его дастъ учащимся въ надлежащемъ видѣ и мѣрѣ то, что можетъ и должно быть ими усвоено при знакомствѣ съ одной стороны съ церковно-славянскимъ и древне-русскимъ языками, а съ другой — съ содержаніемъ важнѣйшихъ памятниковъ древне-русской литературы.

„Историческая христоматія“ слишкомъ на половину пространнѣе „Русской христоматіи“: число статей въ первой 153, которыя занимаютъ 816 страницъ, въ двѣ колонны каждыя, тогда какъ во второй всего 37 статей, умѣщенныхъ на 429 страницахъ, безъ раздѣленія на колонны.

Кромѣ этого различія по объему, обѣ книги представляютъ другія, болѣе важныя различія. Первое изъ нихъ относится къ распредѣленію матеріала: памятники въ русской христоматіи расположены въ хронологическомъ порядкѣ самаго ихъ составленія, а не написанія тѣхъ рукописей, въ которыхъ они до насъ дошли, какъ это сдѣлано въ христоматіи исторической. Такое различіе опредѣлялось преобладаніемъ одной изъ двухъ цѣлей: прежняя книга имѣетъ главною цѣлью языкъ, а потомъ уже историко-литературное значеніе памятниковъ; новая, напротивъ, преимущественно занимается послѣднимъ предметомъ.

Второе различіе заключается въ правописаніи, по поводу котораго г. Буслаевъ выражается слѣдующимъ образомъ въ предисловіи:

„Сосредоточивая главный интересъ учащихся на литературѣ, издатель принялъ на себя обязанность облегчить имъ грамматическія трудности, впрочемъ для нихъ и недоступныя. Съ этою цѣлью разнообразіе древне-русскаго правописанія, важное въ исторіи языка для спеціалистовъ-филологовъ, подведено въ русской христоматіи подъ общій уровень правописанія, систематически выдержаннаго. Сколько несистематическое правописаніе, исцѣренное мѣстными и временными особенностями и описками писцовъ могло вредить въ отношеніи педагогическомъ, своею неясностью и сбивчивостью, отвлекая вниманіе учащихся отъ изученія подробностей и пріучая ихъ такимъ образомъ къ неосмотрительности и поверхностному взгляду, а вмѣстѣ съ тѣмъ сбивая съ толку въ практическомъ обученіи нынѣ принятому правописанію, — столько тексты исправленные должны способствовать ясному и сознательному уразумѣнію каждой грамматической формы, пріучать къ точности и основательности и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплять въ правописаніи и на практикѣ. Съ этою же цѣлью въ примѣчаніяхъ постоянно, гдѣ слѣдуетъ, дѣлаются ссылки на §§ „Учебника русской грамматики, сблизенной съ церковно-славянскою“.

Систематическая выдержанность правописанія, о которой выше было сказано, основана на кратко изложенной (въ § 15-мъ Введенія)

исторіи языка, по которому древне-русская письменность дѣлится на два главнѣйшіе періода: на древнѣйшій, отъ начала письменности на Руси до XIV столѣтія включительно, и позднѣйшій, отъ XV до XVII столѣтія. Въ первомъ періодѣ, первоначальныя и существенныя свойства русскаго языка, во многомъ общія и языку древне-болгарскому, или церковно-славянскому, находятъ себѣ соответственное выраженіе въ правописаніи, опредѣлившимся грамматикой этого послѣдняго языка, хотя и не всегда систематически выдерживаемомъ русскими писцами. Во второмъ же періодѣ древнѣйшее правописаніе, будучи все болѣе и болѣе нарушаемо, мало по малу вытѣсняется, уступая мѣсто позднѣйшему, нынѣ принятому. Такимъ образомъ, за устраненіемъ опісокъ и разнообразія въ начертаніи одного и того же слова различными способами, оказалось возможнымъ систематически подвести письменность 1-го періода подъ общія правила правописанія древнѣйшаго, а письменности 2-го періода дать правописаніе новѣйшее, нынѣ принятое. Впрочемъ, издатель не оставляетъ учащагося въ полномъ невѣдѣніи объ особенностяхъ древняго письма, сглаженныхъ въ текстахъ русской христоматіи: для желающихъ эти особенности отмѣчены во введеніяхъ къ статьямъ и въ примѣчаніяхъ. Сверхъ того, какъ образчики древне-русскаго письма, оставлены безъ исправленія шесть статей, подъ №№ 1, 2, 3, 7, 14 и 26. Наконецъ, издатель имѣлъ въ виду уже извѣстную педагогамъ историческую христоматію 1861 г., въ которой всѣ тексты напечатаны съ совершенною точностію, безъ исправленій.

Другія особенности „Русской христоматіи“ состоятъ въ слѣдующемъ:

Мѣста непонятныя или спорныя въ помѣщенныхъ статьяхъ вовсе исключены, но отмѣчены точками, для того — объясняетъ г. Буслаевъ — чтобъ изучающимъ русскую литературу въ школахъ все было понятно и ясно, въ той же мѣрѣ, какъ имъ становятся понятны объясняемые въ классѣ тексты на иностранныхъ языкахъ. Этому — прибавляетъ составитель — требуютъ столько же педагогическія условія, сколько и самый авторитетъ обученія русской литературѣ, который такъ часто бываетъ подвергаемъ опасности по причинѣ неточности и неосновательности учебныхъ пособій.

Въ выборѣ статей предпочтены памятники историческаго содержанія, какъ потому что историческое, лѣтописное направленіе вообще господствуетъ въ древне-русской литературѣ, такъ и для того, чтобы христоматія литературная сколь возможно ближе и нагляднѣе зна-

комила учащихся съ ихъ отечественною стариною, предлагая историческіе памятники отъ тѣхъ эпохъ и личностей, съ которыми они въ общихъ очеркахъ знакомятся въ классѣ русской исторіи. Съ этою же цѣлю распространены въ примѣчаніяхъ объясненія историческія, приводимыя часто собственными словами историковъ, особенно Карамзина. Равнымъ образомъ и изъ народной поэзіи приведены многія быліны содержанія историческаго.

Каждой статьѣ предшествуетъ краткое введеніе, въ которомъ говорится о составѣ, содержаніи и языкѣ памятника. Подстрочныя примѣчанія къ ней имѣютъ дѣло уже съ подробностями, то-есть, съ объясненіями именъ, предметовъ, оборотовъ и словъ. Все высказанное какъ въ частныхъ введеніяхъ, такъ и въ объясненіяхъ къ текстамъ, подведено подъ общее обзорѣніе во введеніи, которое, въ 24-хъ §§, излагаетъ дѣленіе древне-русскихъ произведеній словесности по родамъ, внѣшней формѣ, по мѣсту и времени ихъ появленія, по слогу и языку, говоритъ о стихосложеніи, о рукописныхъ и печатныхъ книгахъ, о правописаніи, о свойствахъ слога безыскусственнаго, или народнаго.

Въ концѣ книги приложены: словарь словъ, не объясненныхъ въ примѣчаніяхъ, и указатель.

Вообще книга г. Буслаева составлена такъ удовлетворительно и въ научномъ, и въ педагогическомъ отношеніяхъ, что лучшаго пособія при чтеніи древне-русскихъ памятниковъ у насъ до сихъ поръ не имѣется.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И ЛѢСОВОДСТВА ВЪ НОВОЙ АЛЕКСАНДРИИ ЗА 1870 ГОДЪ ¹⁾.

Милостивые государи!

Ровно годъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ происходило торжество открытія нашего института; здѣсь слышались рѣчи, въ которыхъ разъяснялось назначеніе института, говорилось о надеждахъ, на него возлагаемыхъ и т. п. Нынѣ, на рубежѣ второй годовщины существованія института, намъ кажется естественнымъ кинуть взоръ на прожитое время и на настоящемъ скромномъ торжествѣ представить отчетъ объ институтѣ за истекшій годъ.

Подвергая себя общественному суду, институтъ надѣется на нѣкоторое снисхожденіе къ его начинаніямъ, если и не совершенно удачнымъ, то по крайней мѣрѣ проникнутымъ самымъ искреннимъ стремленіемъ къ осуществленію возложенной на него задачи. Чѣмъ же ознаменовались первые дни жизни института? Самымъ первымъ и самымъ естественнымъ движеніемъ института было обращеніе къ попечителю округа съ просьбой „повергнуть, чрезъ его сѣятельство господина министра народнаго просвѣщенія, къ стопамъ Государя Императора вѣрноподданническія чувства глубочайшей благодарности всего личнаго состава института за Всемилостивѣйше дарованныя здѣшнему краю средства къ возвышенію его благосостоянія путемъ науки“, и затѣмъ принести его сѣятельству господину министру на-

¹⁾ Предлагаемый отчетъ, сообщенный редакціи г. директоромъ института И. А. Тютчевымъ, былъ имъ прочитанъ на торжественномъ актѣ института 19-го октября 1870 года. *Ред.*

роднаго просвѣщенія искреннѣйшую благодарность за усиленныя заботы и ходатайство объ учрежденіи этого высшаго учебнаго заведенія. На телеграммы вышеприведеннаго содержанія, отправленныя въ С.-Петербургъ въ день открытія института, воспослѣдоваль чрезъ три дни слѣдующій отвѣтъ господина министра народнаго просвѣщенія, на имя г. попечителя округа: на первую: „я донесъ Государю Императору объ открытіи Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, и повергнулъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества вѣрноподданническія чувства признательности личнаго состава института. На всеподданнѣйшемъ моемъ докладѣ Его Величество позволилъ написать: „очень радъ“; на вторую: „прошу ваше превосходительство благодарить директора и профессоровъ института за вниманіе ко мнѣ“.

Затѣмъ было приступлено къ организаціи института.

Почти весь личный составъ ко дню открытія института былъ сформированъ, главнымъ образомъ, изъ лицъ, занимавшихъ должности въ бывшемъ земледѣльческо-лѣсномъ и политехническомъ институтѣ. Такъ какъ бывшіе преподаватели этого учрежденія не имѣли ученыхъ степеней, требуемыхъ уставомъ новаго института, то во вниманіе къ ихъ прежней дѣятельности исходатайствовано въ 15-й день сентября 1869 года нижеслѣдующее Высочайшее повѣленіе:

1) Назначить нынѣ въ видѣ исключенія, на одинъ только разъ исправляющими должность профессоровъ или доцентовъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи тѣхъ изъ состоящихъ нынѣ на службѣ преподавателей бывшаго политехническаго и земледѣльческаго лѣснаго института, которые по своей благонадежности и педагогическимъ способностямъ будутъ признаны достойными занять соотвѣтственныя каѳедры, хотя бы они и не имѣли требуемой 20-ю статьей устава института ученой степени одного изъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ однако, чтобы лица эти были утверждены въ занимаемыхъ должностяхъ не ранѣе какъ по приобрѣтеніи ими надлежащихъ степеней.

2) Въ отношеніи приобрѣтенія сихъ степеней распространить на преподавателей института дѣйствіе правилъ, установленныхъ для преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета.

Изъ лицъ, постороннихъ бывшему политехническому институту, назначенъ преподаватель Варшавской ветеринарной школы Кратовскій исправляющимъ должность доцента по ветеринаріи. Принимая во вниманіе значительный объемъ естественныхъ наукъ и то спеціальное

значеніе, какое онѣ имѣють для сельско-хозяйственнаго образованія, г. попечитель округа согласился на ходатайство о раздѣленіи преподаванія такъ-называемой естественной исторіи между тремя преподавателями, а именно: исправляющему должность профессора, доктору Краковскаго университета Бердау, поручено преподаваніе ботаники, на кафедре зоологіи назначенъ магистръ университета св. Владимира Карпинскій, съ званіемъ доцента, а на кафедре минералогіи и геогнозіи магистръ того же университета Малевскій съ тѣмъ же званіемъ.

На должность преподавателей языковъ назначены коллежскій секретарь Омеляненко и г. Кубицкій; изъ нихъ первый для преподаванія русскаго языка, а послѣдній — нѣмецкаго.

Такимъ образомъ при самомъ открытіи института оставались вакантными два мѣста: одно профессорское, другое доцентское. Изъ нихъ одно уже замѣщено агрономомъ Рудинскимъ съ званіемъ доцента, а о замѣщеніи другаго сдѣлано сношеніе съ кандидатомъ университета св. Владимира — Омелянскимъ. Рудинскій, сынъ православнаго священника Казанской губерніи, первоначальное образованіе получилъ въ Казанской семинаріи, а специальное — въ Горьгорѣцкомъ земледѣльческомъ институтѣ, гдѣ приобрѣлъ ученую степень агронома, съ награжденіемъ при выпускѣ серебряною медалью. По окончаніи курса онъ былъ опредѣленъ учителемъ въ земледѣльческое училище при Казанской фермѣ. Въ послѣдствіи онъ перешелъ оттуда на службу въ Казанскій университетъ, гдѣ, занимая мѣсто консерватора кабинетовъ технологической лабораторіи, читалъ по порученію университета въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по агрономической химіи и сельскому хозяйству. Въ бытность свою въ Казани онъ напечаталъ изслѣдованія надъ составомъ зола гречихи въ различные періоды произрастанія. Въ глазахъ химика это трудъ весьма почтенный и замѣчательный по тщательности изысканій. Въ нашемъ институтѣ Рудинскому поручено преподаваніе тѣхъ обширныхъ отдѣловъ сельскаго хозяйства, которые извѣстны подъ именами общаго и частнаго полеводства; надѣмся, что его спеціальныя и отличныя познанія по химіи отразятся на преподаваніи вышепоименованныхъ предметовъ, требующихъ по преимуществу предварительныхъ знаній химіи.

Изъ этого обзора личнаго состава не трудно видѣть, что большинство его принадлежитъ бывшимъ дѣятелямъ политехническаго и земледѣльческо-лѣснаго института, въ которомъ преподаваніе происходило на польскомъ языкѣ, у насъ же съ перваго дня преподаваніе началось исключительно по русски. Поэтому-то главная дѣятель-

ность преподавателей по необходимости сосредоточилась на обработкѣ курсовъ на новомъ языкѣ, что требовалось уставомъ; этимъ между прочимъ объясняется, почему въ истекшемъ году не было въ печати ихъ ученихъ трудовъ.

Впрочемъ учитель русскаго языка Омеляненко выпустилъ вторымъ изданіемъ свое „руководство въ изученію русскаго языка практическимъ способомъ“ и хрестоматію.

Только-что зародившаяся жизнь новаго заведенія потребовала на первыхъ же порахъ установленія различныхъ правилъ, введенія домашнихъ порядковъ. Совѣтъ института успѣлъ выработать правила для студентовъ, правила о переводныхъ испытаніяхъ, инструкцію для управляющаго имѣніемъ института, таковую же для завѣдывающаго фермой. Выше указанія правила утверждены начальствомъ и приведены въ дѣйствіе; затѣмъ остается еще кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи, но мы не слѣшимъ и предоставляемъ дальнѣйшему теченію институтской жизни выработать правила, наиболѣе сообразныя съ ея основаніями.

Хотя институтъ нашъ по уставу принадлежитъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, но мы уклонились отъ обычнаго порядка подобныхъ заведеній въ самомъ существенномъ, а именно въ преподаваніи. Наша забота въ дѣлѣ преподаванія устремлена къ тому, чтобы питомцы не были пассивными слушателями профессора, излагающаго съ кафедръ результаты послѣднихъ новѣйшихъ изысканій, но чтобы они усвоили себѣ послѣдовательно основныя положенія науки, чтобы эти положенія вошли, такъ-сказать, въ кровь и плоть ихъ, чтобы они по возможности ознакомились съ самыми методами научныхъ изысканій. Поэтому-то у насъ нѣтъ со стороны учащихся произвола въ посѣщеніи лекцій; лекціи для нихъ обязательны, и они очень хорошо знаютъ, что за ихъ исправнымъ посѣщеніемъ слѣдитъ. Вотъ между прочимъ основаніе, почему многіе изъ преподавателей считаютъ полезнымъ производить у себя на лекціяхъ репетиціи, и къ чести нашихъ студентовъ должно сказать, что они охотно имъ подвергаются, хотя внѣшнихъ принудительныхъ мѣръ, какъ то: классныхъ журналовъ, выставленія отмѣтокъ не существуетъ, да и не замѣчается въ нихъ надобности.

Первый годъ ученія исключительно посвящается изученію приготовительныхъ предметовъ; спеціальныя знанія отнесены ко второму и третьему году. Для лучшаго усвоенія этихъ предметовъ лѣтніе мѣсицы назначены были на практическія занятія; въ истекшемъ году

они были по геодезіи, зоологіи, ботаникѣ и минералогіи, и вмѣли своею задачей усвоеніе учащимся практическихъ приѣмовъ, необходимыхъ для дальнѣйшихъ занятій этими предметами. Вслѣдствіе этого пришлось самый экзамень раздѣлить на двѣ половины; изъ вышеупомянутыхъ предметовъ онъ производился въ началѣ августа, по окончаніи практическихъ занятій, а изъ остальныхъ въ маѣ, до начала практическихъ занятій. Въ настоящемъ году, съ началомъ изученія спеціальныхъ предметовъ, институтъ надѣется организовать и практическія занятія по нимъ въ теченіе года (разумеется, не въ ущербъ теоретическому преподаванію), чтобы доставить студентамъ возможность не только ознакомиться съ разнаго рода хозяйственными приѣмами, но и видѣть полный ходъ хозяйственныхъ операцій. Полагаемъ, что въ заведеніяхъ, подобныхъ нашему, теоретическое образованіе должно идти рука объ руку съ практическимъ, къ этому должны быть направлены всѣ наши усилія, равно какъ и къ тому, чтобы ни одна изъ этихъ сторонъ не брала перевѣса надъ другою. При этомъ мы должны сознаться, что установленіе между ними надлежащей гармоніи задача далеко не легкая.

Переходи за симъ къ учебнымъ пособиямъ института, должно замѣтить, что ни на первоначальное устройство учебновспомогательныхъ учрежденій, ни на приспособленіе зданія института не было ассигновано никакой сумми сверхъ суммъ, отпускаемыхъ по штату; поэтому институтъ до сихъ поръ не имѣетъ нѣкоторыхъ предположенныхъ уставомъ учрежденій, напримѣръ, мастерской, на устройство которой, на основаніи проекта, составленнаго профессоромъ Зелинскимъ, институтъ ходатайствовалъ въ этомъ году объ отпускѣ сумми до 5.000 руб.; до сихъ поръ на это ходатайство не послѣдовало никакого разрѣшенія.

Въ истекшемъ году, всѣ заботы института направлены были на пополненіе бібліотеки сочиненіями какъ отечественной, такъ и иностранной литературы. Г. министръ народнаго просвѣщенія въ этихъ видахъ разрѣшилъ въ 1869 году употребить на бібліотеку всѣ остатки отъ личнаго состава института, простиравшіеся до 1.700 руб. Въ текущемъ 1870 году бібліотека института обогатилась нѣсколькими значительными вкладами; по ходатайству г. директора департамента земледѣлія и сельской промышленности Д. Д. Неелова, г. министръ государственныхъ имуществъ разрѣшилъ выслать въ институтъ безвозмездно всѣ изданія департамента земледѣлія и сельской промышленности; Императорское минералогическое общество, по ходатайству

Н. И. Кокшарова, прислало въ даръ всё свои изданія; общество испытателей природы въ Москвѣ, общество естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ и Императорскій Варшавскій университетъ высылаютъ институту, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ, свои изданія. Въ настоящее время институтъ озабоченъ устройствомъ химической лабораторіи и для этой цѣли вошелъ въ сношеніе съ профессоромъ Гирцелемъ въ Лейпцигѣ, имѣя въ виду пріобрѣтеніе аппарата для снабженія ея газомъ. Благодаря дѣятельному участию въ этомъ дѣлѣ профессора Дудревича, надѣемся, что въ концѣ текущаго года у насъ будетъ газъ и тогда приступлено будетъ къ организаціи въ лабораторіи практическихъ занятій.

Со дня открытія и до сихъ поръ, въ институтѣ не производилось метеорологическихъ наблюденій, а потому по порученію совѣта, не задолго передъ симъ, я вошелъ въ переписку съ Академіей наукъ, прося ее снабдить институтъ снарядами, употребляемыми въ нашихъ русскихъ метеорологическихъ обсерваторіяхъ. Если это ходатайство увѣнчается успѣхомъ, то мы будемъ имѣть снаряды проверенные и дающіе точныя показанія; при этомъ нельзя не выразить сожалѣнія, что недостатокъ матеріальныхъ средствъ не позволяетъ намъ обзавестись самопишущими снарядами. Изъ другихъ учебныхъ пособій въ институтѣ исправляющимъ должность доцента Кратовскимъ положено начало ветеринарной клиникѣ, а доцентомъ зоологіи Карпинскимъ—пчельнику. Опытной фермѣ и опытному полю предстоитъ до нѣкоторой степени реорганизація. Совѣтъ института въ послѣднее время сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ ихъ въ завѣдываніе г. Рудинскаго. Весьма желательно, чтобъ опытное поле послужило мѣстомъ для систематическихъ опытовъ, подобныхъ опытамъ Жоржа, Вилля, или же предпринятымъ по его системѣ княземъ Васильчиковымъ, а также для опытовъ надъ акклиматизаціей разныхъ сортовъ хозяйственныхъ растений. Постройка небольшого домика по плану г. Мартена, на опытномъ полѣ, отстоящемъ отъ института версты на три, смѣемъ надѣяться, доставить для производства опытовъ нѣкоторыя удобства, какихъ прежде не имѣлось.

Картина институтской жизни будетъ не полна, если я не упомяну объ учащихся. При открытіи института, какъ извѣстно, было рѣшено принимать студентовъ только въ первый курсъ, и затѣмъ постепенно открывались послѣдующіе курсы. Желающихъ поступить въ институтъ на первыхъ порахъ явилось 31; изъ нихъ пришлось вскорѣ же послѣ открытія института удалить двоихъ, затѣмъ за неявку уволенъ одинъ.

а по окончаніи первой половины переводныхъ испытаній, по домашнимъ обстоятельствамъ, къ общему сожалѣнію, уволился студентъ Свидинскій, успѣвшій обратить на себя вниманіе, какъ отличными успѣхами, такъ и благородствомъ своего характера. Такимъ образомъ на 1-мъ курсѣ было 27 человѣкъ, изъ коихъ 24 удостоены совѣтомъ перевода въ высшій курсъ, изъ нихъ 13 человѣкъ числятся по отдѣленію сельскаго хозяйства, а 11 по отдѣленію лѣсоводства. Въ августѣ мѣсяцѣ, на основаніи устава, былъ новый пріемъ; принято прошеній о поступленіи въ институтъ 16; всѣ эти лица зачислены въ студенты, за исключеніемъ одного, не представившаго гимназическаго аттестата. Такимъ образомъ число всѣхъ студентовъ достигаетъ въ настоящее время цифры 42-хъ человѣкъ. Число это, къ сожалѣнію, очень ограниченно; трудно рѣшить, что составляетъ причину этого прискорбнаго явленія: предпочтеніе ли университетскаго образованія спеціальному реальному, или же трудность существованія бѣдному студенту въ Новой Александріи, или же то обстоятельство, что уставъ, кромѣ освобожденія отъ военной службы, не предоставляетъ никакихъ правъ окончившимъ курсъ въ нашемъ институтѣ; я не берусь рѣшить этотъ вопросъ, но не стану отрицать, что, можетъ-быть, совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ имѣетъ вліяніе на малое число у насъ студентовъ. Но заявляя о подобномъ явленіи, я обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовать и тотъ пріятный фактъ, что молодые люди, поступившіе въ институтъ, ведутъ себя вполне безукоризненно, что въ теченіе истекшаго года ни разу не приходилось прибѣгать къ дисциплинарнымъ мѣрамъ, даже такимъ легкимъ, какъ внушеніе или выговоръ. Полагаю, что въ этомъ случаѣ не мало институтъ обязанъ избранному г. попечителемъ округа на должность институтскаго инспектора, В. А. Попову, успѣвшему въ какой-нибудь годъ пребыванія въ институтѣ приобрести глубокое уваженіе сослуживцевъ и полное довѣріе со стороны студентовъ. Благодаря его неусыпной дѣятельности, у насъ организована такая инспекція, лучше которой намъ нечего желать.

Отдавая должную дань справедливости поведенію нашихъ студентовъ, нельзя не сознаться, что ихъ положеніе въ Новой Александріи довольно тяжелое. Удобствъ жизни Новая Александрія имъ представляетъ мало, а бѣдному человѣку отыскать средства къ существованію здѣсь почти-что невозможно. Институтъ можетъ освободить отъ взноса платы за ученіе только 10% изъ своихъ студентовъ. Стипендію онъ имѣетъ только одну г. Лѣсневскаго, и ея въ настоящее время

пользуется студентъ Крушевскій. Правда, у насъ есть еще другой стипендіатъ г. Борковскій, но получаемая имъ стипендія г-жи Токарской не принадлежитъ институту: она принадлежитъ исключительно потомству пзвѣстныхъ фамилій, въ томъ числѣ и Борковского, независимо отъ того, гдѣ бы стипендіатъ ни обучался. Имѣя въ виду затруднительное положеніе весьма многихъ студентовъ, служащіе въ институтѣ, съ разрѣшенія г. попечителя, устроили въ мартѣ мѣсяцѣ концертъ съ лотереей. Распорядителями были инспекторъ института и профессоръ Ковальскій, а затѣмъ едва-ли не самое дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало институтскому врачу д-ру Пасютевичу. Концертъ исполненъ былъ любителями музыки, въ томъ числѣ дамами, и институтъ навсегда сохранить признательную память о ихъ участіи къ новому, только-что начавшему жизнь заведенію. Концертъ и лотерея, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, дали сбора 513 рублей 40 копѣекъ; деньги эти частью послужили для взноса платы за ученіе за немущихъ, а частью остаются до сихъ поръ единственнымъ источникомъ, изъ котораго нуждающіеся получаютъ одновременное или же заимобразное пособіе. Ограниченность средствъ института не только не дозволяетъ, но примѣру Петровской академіи или земледѣльческаго института, устроить для студентовъ дешевыя квартиры, но она даже препятствуетъ ходатайствовать объ устройствѣ въ Ново-Александрійской больницѣ св. Карла особаго отдѣленія, гдѣ бы могли помѣщаться больные студенты, требующіе для поправленія здоровья тщательнаго ухода и тѣхъ удобствъ, которыхъ невозможно не только требовать, но и найти въ обыденномъ студентскомъ быту. Нѣтъ сомнѣній, что будь особое отдѣленіе для студентовъ въ здѣшней больницѣ, весьма многіе изъ нихъ предпочли бы лѣченіе въ ней домашнему и чрезъ это избавились бы въ будущемъ отъ послѣдствій лѣченія при неблагоприятной обстановкѣ. Но къ сожалѣнію, удаленіе этого неудобства не зависитъ отъ насъ, равно какъ и то, что студенты наши обременены работой; имъ приходится по 5 часовъ въ день просиживать въ аудиторіяхъ, кромѣ того усердно работать дома и не пользоваться каникулами: таково требованіе устава.

Переходимъ къ хозяйственной части въ различныхъ учрежденіяхъ, состоящихъ при институтѣ, а также въ принадлежащихъ ему имѣніяхъ

Прежде всего коснемся нашихъ садовыхъ учреждений. Въ наслѣдіе еще отъ временъ князя Чарторыйскаго институту достался прекрасный паркъ, пользующійся совершенно заслуженною славой во всей окрестности, и мы, съ своей стороны, всячески заботимся о его под-

держанин, не взирая на то, что подобная забота въ сельско-хозяйственномъ заведеніи можетъ показаться непроизводительною тратой силъ. Что же касается собственно до сада и огорода, то эти обѣ статьи заслуживаютъ большаго попеченія и заботы, чѣмъ сколько о нихъ прилагалось до сихъ поръ. Вслѣдствіе суровой зимы садъ сильно пострадалъ, въ немъ вымерзли персиковыя и абрикосовыя деревья и затѣмъ остались самыя обыкновенныя сорта плодовыхъ деревьевъ. Весь доходъ отъ сада заключается въ арендной платѣ 177 рублей 35 копѣекъ за сборъ плодовъ, — результатъ не блестящій, въ особенности, если принять во вниманіе, что садъ не оказываетъ никакого вліянія на окрестное садоводство распродажей прививковъ, отводковъ различныхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ и т. п.

Что касается до огорода, то хотя тамъ и воздѣлываются разныя сорта зелени, но въ такомъ небольшомъ количествѣ, что ихъ недостаетъ для удовлетворенія нуждъ даже служащихъ, по дѣламъ, утверждаемымъ правленіемъ. Валовой сборъ по этой статьѣ простирался по 1-е октября до 198 руб. 64¹/₂ коп. Поэтому на будущее время желательно, чтобъ огородъ не былъ въ убытокъ институту, и это дѣло возможное, такъ какъ сбытъ и притомъ не малый ему вполне обезпеченъ въ стѣнахъ института.

Въ § 3-мъ устава института сказано, что для сельско-хозяйственной практики учащихся состоятъ при институтѣ опытная ферма, съ принадлежащими институту имѣніемъ и лѣсомъ; но до сихъ поръ лѣса, или точнѣе, лѣсной дачи институтъ не имѣетъ, да и воздерживался отъ ревностныхъ хлопотъ по отводу таковой, изъ боязни, чтобъ и эту статью не обложили разнаго рода повинностями, поглощающими весь доходъ, какъ это имѣетъ мѣсто относительно другихъ институтскихъ имѣній. Прежде чѣмъ коснуться собственно хозяйства, кажется умѣстнымъ разъяснить, какое значеніе должна имѣть состоящая при институтѣ ферма и институтское имѣніе. Едва-ли кто станетъ оспаривать, что образцовое хозяйство института должно отличаться совершенствомъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ техническомъ отношеніяхъ. Но каждому извѣстно, что на практикѣ подобнаго идеальнаго совершенства въ обонхъ отношеніяхъ никогда не удается достигнуть; обыкновенно техническою стороною приходится жертвовать ради экономической. Отъ учрежденія же, подобнаго институту, есть основаніе требовать, чтобъ оныя знакомили своихъ питомцевъ съ наилучшими способами веденія сельско-хозяйственнаго дѣла, такъ какъ оны имѣютъ до нѣкоторой степени на то средства. Пусть опыт-

ная ферма служила бы образцомъ хозяйства, въ которомъ техническая сторона доведена до возможнаго совершенства; въ такомъ случаѣ возможно было бы ограничить наши требованія отъ имѣній возможно большею доходностію, само собою разумѣется, безъ истощенія ихъ и не прилагая особенныхъ заботъ о технической части хозяйства. Чрезъ это у насъ получилось бы дѣйствительно два вида хозяйства, очень поучительные для нашихъ студентовъ, одинъ прекрасный въ техническомъ отношеніи, другой — въ экономическомъ.

Въ настоящее же время опытная ферма заключаетъ до 316-и морговъ, расположенныхъ въ двухъ участкахъ, изъ коихъ одинъ прилегаетъ къ шоссе, идущему изъ Люблина въ Радомъ, а другой находится между Вислой и однимъ изъ ея рукавовъ; само собою разумѣется, что такое разбросанное положеніе участковъ земли сопряжено съ немалыми неудобствами въ хозяйствѣ. Посѣвы на фермѣ производились преимущественно слѣдующихъ хлѣбовъ: 1) вики, ячменя и овса на зеленый кормъ, 2) пшеницы, 3) картофеля, 4) ячменя; другая вѣтвь хозяйства фермы заключается въ скотномъ дворѣ, доставляющемъ доходъ отъ продажи молока и телятъ. Должно сознаться, что до сихъ поръ, то-есть, за послѣдніе три года, доходъ фермы былъ недостаточенъ на покрытіе ея расходовъ, частію вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, разлива Вислы, частію вслѣдствіе плохой почвы, а частію и вслѣдствіе довольно значительныхъ налоговъ, вносимыхъ въ казначейство.

Имѣнія, принадлежащія институту, находятся въ уездномъ городѣ Консковоля и селеніи Пожогъ. Консковольское имѣніе заключаетъ въ себѣ 888 морговъ и 71 квадратныхъ ротовъ, изъ нихъ на долю полей приходится 625 морговъ, изъ коихъ подъ 13-польнымъ сѣвооборотомъ находится 455 морговъ. Урожайность полей за послѣдній хозяйственный періодъ, считая его съ 1-го іюля прошлаго года по 1-е іюля текущаго года, опредѣляется слѣдующими цифрами: ржи самъ 5,73, пшеницы 4,28, овса 5,21. Обработка полей обошлась въ 1.805 рублей 40¹/₂ копѣекъ, считая плату не постояннымъ рабочимъ. Доходъ же отъ продажи хлѣба достигалъ суммы 2.964 руб. 20 коп. Пожогское имѣніе заключаетъ въ себѣ 396 морговъ и 200 ротовъ, изъ нихъ 337 морговъ 60 ротовъ заняты десятипольнымъ сѣвооборотомъ. Урожайность полей выразилась за послѣднее время слѣдующими цифрами: ржи самъ 7,56, пшеницы — 4,62, овса — 6,80. Стоимость обработки полей не постоянными рабочими обошлась въ 891 руб., а выручка отъ продажи произведеній полеводства простиралась до 1.212 руб.

Затѣмъ доходныя статьи институтскаго хозяйства составляли скотный дворъ и овцы.

Скотный дворъ (только въ Консковолѣ) при 33-хъ коровахъ далъ налогового дохода 397 рублей 50 копѣекъ, овцы въ обоихъ фольваркахъ, въ количествѣ 763-хъ штукъ, дали шерсти 2.252 фунта, то есть, около 3-хъ фунтовъ на штуку; весь же доходъ отъ овцеводства простирался до 1.510 руб. 77¹/₂ коп.; сверхъ того, случайныхъ доходовъ поступило 153 руб. 28¹/₂ коп. Итакъ, весь доходъ съ обоихъ имѣній составлялъ 6.237 руб. 76 коп. Расходы же собственно по хозяйству въ обоихъ имѣніяхъ, за исключеніемъ податей и жалованья управляющему, простирались до 5.681 руб. 2³/₄ коп. За вычетомъ расходовъ изъ валовой выручки, остается въ пользу института 556 руб. 73¹/₄ коп., а между тѣмъ институту приходится платить податей и разныхъ налоговъ 2.136 руб. 45 коп., а именно:

Дворскаго поземельнаго налога	797 руб. 27 ¹ / ₂ коп.
Страховыхъ податей	583 " 6 "
На монастыри, костелы и нищихъ	472 " 5 ¹ / ₂ "
„ учлища Холмской дирекціи	168 " 90 "
„ содержаніе гминнаго управленія	115 " 16 "

Отсюда ясно, что институтскія имѣнія не въ состояніи уплачивать налоговъ, съ нихъ взимаемыхъ; на покрытіе этого дефицита до сихъ поръ оставался одинъ источникъ, это арендныя статьи, какъ то: мельница, пивоварня, кирпичный заводъ, доставлявшіе до 3.110 руб. 87¹/₂ коп.; слѣдовательно, весь чистый доходъ отъ имѣнія и оброчныхъ статей будетъ не свыше 1.531 рубля серебромъ. Къ сожалѣнію, этого дохода слишкомъ мало, чтобы въ короткое время произвести значительныя улучшенія въ имѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что хозяйство институтскихъ имѣній требуетъ многого, напримѣръ, хорошихъ машинъ, племенныхъ животныхъ и т. п.; желательно было бы также замѣнить со временемъ здѣшнихъ рабочихъ лошадей славящихся въ Россіи „битюками“.

Ограничивался этими данными относительно состоянія хозяйства въ институтскихъ имѣніяхъ, я не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для веденія хозяйства. Изъ нихъ два въ особенности обращаютъ на себя вниманіе, — это наемъ рабочихъ на полевые работы изъ поленной платы, при чемъ не маловажную роль играетъ водка, а затѣмъ сбытъ произведеній хозяйства не иначе какъ при посредничествѣ Евреевъ. Полагаю, что

оба эти условія одинаково не выгодны, какъ для предпринимателя, такъ и для рабочихъ; а между тѣмъ они до такой степени укоренились, что едва-ли въ скоромъ времени институту удастся отъ нихъ избавиться.

Въ заключеніе позвольте, мм. гг., высказать надежду, что изъ настоящаго отчета публика вынесетъ убѣжденіе, что нашъ институтъ хотя медленно, но постоянно развивается, что онъ не остановится на пути совершенствованія, если не встрѣтятся какія-либо особенныя неблагопріятныя обстоятельства.

Но для дальнѣйшихъ прочныхъ успѣховъ его недостаточно рвенія и усердія гг. преподавателей, недостаточно и благосклоннаго вниманія высшаго начальства; ему необходимо сочувствіе окружающаго общества, довѣріе той среды, интересамъ которой онъ предназначенъ служить.

Смѣемъ заявить, что какъ въ институтскихъ дѣтеляхъ, такъ и у студентовъ нѣтъ недостатка энергій и доброй воли, но и тѣ и другіе страдаютъ подъ гнетомъ индифферентизма общества. Дай Богъ, чтобъ институтъ, хотя на второмъ году своего существованія, встрѣтился съ болѣе благопріятными обстоятельствами; во всякомъ случаѣ, что бы ни предстояло ему въ будущемъ, неизмѣннымъ девизомъ каждаго его дѣтеля останется обязанность дѣлать все, что возможно, для блага и преуспѣянія нашего юнаго учрежденія.

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПОВѢРОЧНЫХЪ ИСПЫТАНІЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

По опредѣленію совѣта С.-Петербургскаго университета, произведены были 24, 25, 27 и 28-го чиселъ августа сего года, согласно § 85 устава университетовъ, повѣрочныя испытанія желающимъ поступить въ число студентовъ университета въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Всѣмъ молодымъ людямъ, изъявившимъ желаніе поступить въ число студентовъ университета, предложены были темы для написанія сочиненій, изъ которыхъ испытательная комиссія, назначенная подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго профессора Благовѣщенскаго, имѣла возможность убѣдиться въ степени знанія испытуемыхъ въ русскомъ языкѣ.

2) Независимо отъ сочиненій, лица, желавшія поступить въ факультетъ историко-филологическій, подвергнуты были испытанію изъ латинскаго языка; лица, поступавшія на физико-математическій факультетъ — изъ математики, и поступавшія на факультеты восточныхъ языковъ и юридическій — изъ русской исторіи.

Изъ представленнаго комиссіей въ совѣтъ университета подробнаго отчета о результатахъ повѣрочныхъ испытаній оказывается слѣдующее.

Число молодыхъ людей, подавшихъ прошеніе о приѣмѣ ихъ въ С.-Петербургскій университетъ, дошло въ нынѣшнемъ году до 410, между тѣмъ какъ годъ тому назадъ оно не превышало 270. Означенное число просителей распредѣлилось по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на юридическій факультетъ заявили желаніе поступить 284, на математическій факультетъ — 77 (въ томъ числѣ на разрядъ естественныхъ наукъ 23), на филологическій факультетъ — 30 и на факультетъ восточныхъ языковъ — 19.

Означенныя лица, какъ оказалось изъ ихъ документовъ, получили предварительное образованіе въ слѣдующихъ учебныхъ заведеніяхъ:

А. Подлежащихъ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія:

I. Въ 7-и С.-Петербургскихъ гимназіяхъ 62

въ томъ числѣ:

въ 1-й С.-Петербургской гимназіи	12
во 2-й " "	11
въ 3-й " "	6
" 4-й " "	15
" 5-й " "	10
" 6-й " "	7
" 7-й " "	1

II. Въ остальныхъ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа 36

въ томъ числѣ:

въ Кронштадтской гимназіи	5
" Новгородской "	9
" Псковской "	5
" Олонецкой "	5
" Вологодской "	11
" Архангельской "	1

III. Въ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами гимназіи. 46

въ томъ числѣ:

въ Виленскомъ раввинскомъ училищѣ	5
" Житомирскомъ " "	4
" домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей Императорскаго челоуѣколюбиваго общества	10
въ училищѣ св. Петра	6
" " св. Анны	6
" реформатскомъ училищѣ	2

Въ учебныхъ заведеніяхъ гг.:

Видемана	2
Келлера	4
Беренса	3
Соколова	2
Мая	2

Всего же въ заведеніяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. 146

IV. Въ гимназіяхъ другихъ учебныхъ округовъ . . . 137

въ томъ числѣ:

въ Костромской гимназіи.	2
„ Вятской „	1
„ Смоленской „	1
„ Ярославской „	1
„ Тверской „	10
„ Орловской „	3
„ Нижегородской „	5
„ Нижегородскомъ Александровскомъ институтѣ	3
„ Тамбовской гимназіи.	3
„ Тульской „	1
„ Самарской „	1
„ Саратовской „	4
„ Екатеринбургской гимназіи.	1
„ Таганрогской „	1
„ Симбирской „	1
„ Уфимской „	1
„ Кіевской „	1
„ Харьковской „	2
„ Черниговской „	1
„ Полтавской „	2
„ Екатеринославской „	9
„ Кубацкой войсковой гимназіи	1
„ Новгородъ-Сѣверской „	2
„ Каменецъ-Подольской „	1
„ Кишиневской гимназіи	1
„ Томской „	5
„ Тобольской „	1
„ Мозырской „	3
„ Могилевской „	7
„ Витебской „	5
„ Гродненской „	7
„ Минской „	6
„ Ковенской „	4
„ Виленской „	6

въ Слуцкой гимназіи	8
„ Полоцкой „	1
„ Ровенской „	2
„ Шавельской гимназіи	7
„ Бѣлостовской „	1
„ Керченской-Александровской гимназіи	3
„ Сѣдлецкой гимназіи	1
„ Холмской „	1
„ Варшавской „	2
„ Курской „	1
„ Либавской „	1
„ Ревельской „	1
„ Эстляндскомъ дворянскомъ институтѣ	1
„ Рижской гимназіи	4

В. Въ учебныхъ заведеніяхъ, не подлежащихъ вѣдомству
министерства народнаго просвѣщенія

30

въ томъ числѣ:

въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи	8
„ С.-Петербургской духовной академіи	2
„ С.-Петербургской римско-католической академіи	1
„ горномъ институтѣ	1
„ институтѣ инженеровъ путей сообщенія	2
„ технологическомъ институтѣ	1
„ коммерческомъ училищѣ	4
„ Гатчинскомъ институтѣ	6
„ Тифлисской гимназіи	3
„ Ставропольской гимназіи	2

В. Въ духовныхъ семинаріяхъ

99

въ томъ числѣ:

въ Костромской семинаріи	12
„ Курской „	8
„ Рязанской „	9
„ Пермской „	1
„ Нижегородской „	1
„ Новгородской „	1
„ С.-Петербургской семинаріи	8
„ Орловской семинаріи	7

въ Литовской семинаріи	4
„ Архангельской семинаріи	1
„ Астраханской „	1
„ Томской семинаріи	1
„ Минской „	4
„ Олонецкой „	1
„ Тверской „	2
„ Тамбовской семинаріи	1
„ Владимірской „	3
„ Смоленской „	2
„ Московской „	2
„ Воронежской „	1
„ Пензенской „	1
„ Волынской „	2
„ Кавказской „	2
„ Полоцкой „	8
„ Псковской „	2
„ Полтавской „	1
„ Курской „	1
„ Кишиневской „	5
„ Ярославской „	2
„ Вологодской „	5

Изъ лицъ, допущенныхъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ, не явился по неизвѣстнымъ причинамъ 17. Затѣмъ изъ 393-хъ лицъ, подвергавшихся этимъ испытаніямъ, болѣе или менѣе удачно выдержали ихъ 375, а 18 человекъ не удовлетворили экзаменнымъ требованіямъ. Кроме того, результаты повѣрочныхъ испытаній даютъ возможность сдѣлать слѣдующіе выводы:

Процентъ выдержавшихъ эти испытанія вообще въ нынѣшнемъ году гораздо значительнѣе прошлагодняго, что впрочемъ объясняется освобожденіемъ огромнаго большинства экзаменовавшихся молодыхъ людей отъ испытанія въ латинскомъ языкѣ. Изъ 64-хъ воспитанниковъ С.-Петербургскихъ гимназій не явились на экзаменъ трое и не выдержали его двое (оба по русской исторіи). Изъ 36-и воспитанниковъ остальныхъ гимназій С.-Петербургскаго учебнаго округа всѣ выдержали экзаменъ удовлетворительно, а изъ 137-и воспитанниковъ другихъ учебныхъ округовъ 5 не удовлетворили экзаменнымъ требованіямъ. Наибольшій процентъ не выдержавшихъ испытаній приходится

на долю духовныхъ семинарій, а именно: 10 человекъ на 99, или, вѣрнѣе, на 94, такъ какъ 5 изъ воспитанниковъ этихъ заведеній вовсе не явились на экзаменъ.

Другія замѣчанія, сдѣланныя членами отдѣльныхъ испытательныхъ комиссій, заключаются въ слѣдующемъ:

А. По отношенію къ русскому языку:

1) Повѣрочныя испытанія въ русскомъ языкѣ оказались въ нынѣшнемъ году вообще удовлетворительными. Молодые люди, не исключая даже уроженцевъ Прибалтійскаго края и царства Польскаго, изложили свои письменные отвѣты правильно и толково.

2) Нѣкоторые изъ представшихъ на повѣрочныя испытанія 12 воспитанниковъ С.-Петербургскихъ училищъ св. Анны и св. Петра оказались менѣе подготовленными изъ русскаго языка, чѣмъ было бы желательно.

3) Изъ 15-и воспитанниковъ Ларинской гимназіи — 5 получили въ русскомъ языкѣ отмѣтку три.

4) Изъ губернскихъ гимназій слабѣе другихъ, въ разсматриваемомъ отношеніи, оказалась Шавельская, если судить по 7-и воспитанникамъ этой гимназіи, явившимся на повѣрочныя испытанія.

5) Провинціальныя гимназіи вообще все еще уступаютъ столичнымъ, хотя разница между ними, повидимому, уже не такъ значительна, какъ въ прежнее время; въ особенности Новгородская гимназія представила въ нынѣшнемъ году отлично подготовленныхъ молодыхъ людей (9 человекъ).

6) Ученики духовныхъ семинарій по умѣнію письменно излагать свои мысли никакъ не уступаютъ воспитанникамъ гимназій; что же касается свѣдѣній литературныхъ, то въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ семинаріяхъ они неудовлетворительны, по все еще сохраняемой ими привычкѣ считать сочиненія нѣкоторыхъ авторовъ, напримѣръ, Гоголя, запретными для воспитанниковъ.

Б. По отношенію къ русской исторіи.

Требованія испытателей по русской исторіи были весьма умѣренныя. Не смотря на то, уровень познаній экзаменовавшихся по этому предмету оказался вообще довольно низкимъ. Гг. преподаватели, какъ кажется, мало обращаютъ вниманія своихъ учениковъ на главнѣйшія событія и слишкомъ вдаются въ легко забываемыя подробности, а также и въ такія, которыя болѣе умѣстны въ университетскомъ курсѣ исторіи. Познанія экзаменовавшихся оказались весьма шаткими и въ хронологіи. Эти общія замѣчанія въ особенности относятся къ ученикамъ духовныхъ семинарій, въ которыхъ преподаваніе исторіи не

только западной Европы, но и отечественной, особенно съ Петра Велдкаго, повидимому, весьма слабо. Экзаменаторы по русской исторіи при этомъ не могли не обратить вниманія на малую подготовку воспитанниковъ С.-Петербургской духовной семинаріи. Изъ воспитанниковъ гимназій въ особенности слабыми оказались кончившіе курсъ въ Тверской гимназійи и ученики Виленскаго раввинскаго училища. Лучше другихъ оказались подготовленными ученики гимназій, принадлежащихъ С.-Петербургскому учебному округу. Наконецъ, нельзя не указать на слабое преподаваніе отечественной исторіи въ Анненской и Петропавловской школахъ.

В. По отношенію къ математикѣ.

При производствѣ повѣрочныхъ испытаній изъ математики экзаменаторы ограничились требованіемъ знанія только главнѣйшихъ частей элементарнаго курса, совершенно необходимаго для того, чтобы желающій поступить въ число студентовъ физико-математическаго факультета могъ съ успѣхомъ слѣдить за университетскими курсами. Всѣ явившіеся на экзаменъ удовлетворили такимъ требованіямъ, хотя многіе изъ нихъ не знаютъ подробностей и менѣе важныхъ частей математическаго курса, заключающихся въ гимназической программѣ. Записавшіеся на естественный разрядъ физико-математическаго факультета вообще оказались по своимъ познаніямъ въ математикѣ гораздо слабѣе тѣхъ, которые заявили желаніе поступить въ студенты математическаго разряда. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на сравнительно слабый уровень познаній въ математикѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій.

Г. По отношенію къ латинскому языку.

Изъ 31 молодыхъ людей, подвергавшихся повѣрочному испытанію въ латинскомъ языкѣ, не удовлетворившихъ требованіямъ этого испытанія оказалось 8, въ томъ числѣ 6 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Послѣдніе и на этотъ разъ оказались въ разсматриваемомъ отношеніи весьма слабыми. Притомъ воспитанники этихъ заведеній вовсе незнакомы съ нѣкоторыми частями латинскаго языкознанія, преимущественно же съ латинскою метрикой. Изъ учениковъ С.-Петербургскихъ гимназій заявилъ желаніе поступить на филологическій факультетъ только одинъ, да и тотъ оказалъ въ латинскомъ языкѣ познанія не совсѣмъ удовлетворительныя. Изъ воспитанниковъ губернскихъ гимназій очень основательно подготовленными въ латинскомъ языкѣ оказались оба ученика Новгородской гимназійи, записавшіеся на историко-филологическій факультетъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

По вопросу о томъ, надлежитъ ли не дозволить студентамъ вступать въ браки. — Объ измѣненіи правилъ для клиническихъ отдѣленій университета св. Владиміра при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ. — Проектъ положенія для повивальнаго института при акушерской клиникѣ Харьковскаго университета. — Открытіе для публички вулканматическаго музея Московскаго университета. — Объ устройствѣ при технической лабораторіи того же университета станцій для повѣрки доброты и силы свѣта газа, доставляемаго для освѣщенія Москвы. — Некрологъ бывшаго заслуженнаго профессора университета св. Владиміра, Нейкирха.

Студенты университетовъ, на основаніи устава оныхъ, обязаны повиноваться университетскому начальству и соблюдать въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядокъ, установленный особыми для учащихся правилами, которыя каждому университету предоставляется составлять и представлять на утвержденіе попечителя учебнаго округа. По распоряженію совѣта одного изъ университетовъ, для пересмотра студентскихъ правилъ составлена была коммиссія, которая возбудила вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли постановить, что студентамъ не можетъ быть дозволяемо вступленіе въ бракъ, и пришла къ заключенію о необходимости такого запрещенія, на основаніи нижеслѣдующихъ мотивовъ: 1) Трудность совмѣщенія обязанностей студента съ обязанностями главы семейства и вообще съ обязанностями семейной жизни. 2) Въ настоящее время, когда такъ дѣятельно принимаются университетами мѣры для привлеченія студентовъ къ самостоятельнымъ научнымъ работамъ, заключаемые студентами супружескіе союзы были бы вопіющимъ противорѣчіемъ этимъ мѣрамъ. 3) Справедливое опасеніе, чтобы студенты бѣднаго состоянія (а ихъ большинство) чрезъ семейную жизнь не дѣлались окончательно бѣдными и не вовле-

кали въ крайнюю бѣдность своихъ семействъ. Отсюда — 4) не менѣе справедливое опасеніе, что трудность, испытываемая университетами и въ настоящее время оказывать пособія всѣмъ неимущимъ студентамъ, съ дозволеніемъ вступать въ бракъ возрастеть до невозможности. А отъ обязанности оказывать матеріальную помощь семейнымъ студентамъ, университетъ, разрѣшающій имъ вступленіе въ бракъ, не можетъ отказываться по той простой, но глубоко-нравственной причинѣ, что разрѣшающій совершеніе извѣстнаго факта долженъ, по возможности, предусмотрѣть послѣдствія его. 5) Нравственная отвѣтственность университета за молодыхъ людей предъ родителями ихъ и обществомъ: и тѣ, и другіе ожидаютъ, что университетъ возвратитъ имъ молодыхъ людей полными всяческихъ силъ для борьбы съ жизнію, для подвиговъ на разныхъ путяхъ жизни, а не людей, неудачами, лишеніями и борьбою съ жизнію семейною подорванныхъ въ лучшіе ихъ годы. 6) Рѣшительная невозможность составить такіа правила для студентовъ, которыя бы одинаково регулировали студентовъ семейныхъ и холостыхъ. 7) По существующимъ узаконеніямъ, ближайше къ жениху вѣдомство должно давать ему дозволеніе на вступленіе въ бракъ; слѣдовательно, для студентскихъ браковъ приходскіе священнослужители должны требовать разрѣшенія отъ университетскихъ начальствъ, но такого права наше законодательство не даетъ университетамъ. По обсужденіи этихъ мотивовъ въ совѣтѣ университета, мнѣнія членовъ его раздѣлились: 11 членовъ подали голоса за недозволеніе студентамъ вступать въ бракъ; 3 члена заявили, что вопроса о брачномъ состояніи студентовъ или безбрачїи ихъ не слѣдовало бы поднимать; 2 члена выразили мнѣніе, что отъ вступающихъ въ бракъ студентовъ слѣдовало бы только требовать матеріальнаго обезпеченія, необходимаго для безбѣднаго поддержанія семейнаго быта, и наконецъ, одинъ членъ замѣтилъ, что женатымъ студентамъ не слѣдовало бы только давать университетскихъ стипендій. Вопросъ этотъ представленъ былъ въ министерство народнаго просвѣщенія, которое признало нужнымъ потребовать мнѣнія по оному совѣтовъ прочихъ университетовъ. Мнѣнія ихъ заключаются въ нижеслѣдующемъ. *Одинъ* изъ университетскихъ совѣтовъ обратилъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) § 85 устава унив., опредѣляющій условія для поступленія въ число студентовъ, не дѣластъ никакихъ ограниченій относительно приѣма въ студенты молодыхъ людей, уже вступившихъ въ бракъ. 2) По существующимъ нынѣ правиламъ, студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета,

при чемъ не допускается никакое дѣйствіе ихъ, носящее на себѣ характеръ корпоративный; вслѣдствіе сего студенты внѣ зданій университета, какъ всѣ вообще жители города, подлежатъ общимъ законамъ и общимъ полицейскимъ установленіямъ, а слѣдовательно и относительно вступленія ихъ въ бракъ нѣтъ основанія дѣлать для нихъ какія-либо исключенія или ограниченія. 3) До настоящаго времени университетское начальство, руководствуясь вышеприведенными постановленіями, не выдавало отъ себя никакихъ разрѣшеній студентамъ на вступленіе въ бракъ, такъ какъ молодые люди въ подобныхъ случаяхъ обращались въ университетъ единственно за документами, которые при вѣнчаніи они должны были представить священнику. Наконецъ, 4) при существованіи какихъ-либо ограниченій относительно вступленія въ бракъ, студенты будутъ имѣть полную возможность обойти подобныя правила, оставляя на время университетъ и затѣмъ тотчасъ по совершеніи брака вновь вступая въ число студентовъ. По этимъ соображеніямъ совѣтъ университета находилъ, что нѣтъ законнаго основанія дѣлать какія-либо ограниченія по вопросу о дозволеніи студентамъ вступать въ бракъ, тѣмъ болѣе, что введеніе подобнаго постановленія потребовало бы измѣненія и дополненія § 85 университетскаго устава, и полагалъ болѣе удобнымъ въ этомъ отношеніи сохранить нынѣ существующій порядокъ, то-есть, не выдавая студентамъ никакихъ дозволеній на вступленіе въ бракъ, предоставить этотъ вопросъ ихъ частной жизни постановленіямъ общихъ законовъ о вступленіи въ бракъ. По мнѣнію совѣта *другаго* изъ университетовъ, нельзя не согласиться, что бракъ студентовъ вообще трудно согласить съ обязанностями ихъ, какъ учащихъ молодыхъ людей; нельзя также не допустить и того, что такой бракъ можетъ быть дѣломъ увлеченія, дѣломъ не вполне обдуманномъ, которое въ послѣдствія можетъ поставить студента въ стѣснительное въ экономическомъ отношеніи положеніе; но едва-ли можно рѣшать вопросъ о бракѣ студентовъ по однимъ этимъ общимъ, болѣе или менѣе отвлеченнымъ соображеніямъ. Съ одной стороны, такой бракъ составляетъ явленіе очень исключительное; съ другой—университетская практика ставитъ на ряду съ вредными послѣдствіями брака для студентовъ и послѣдствія болѣе нежели безвредныя. Въ этомъ университетѣ женатыхъ студентовъ приходится на общее число ихъ 1⁶/₇%. Большинство этихъ женатыхъ студентовъ состоятъ стипендіатами или получаетъ пособіе за успѣшныя занятія науками; слѣдовательно, они принадлежатъ къ студентамъ, серьезно понимающимъ и добросовѣстно выполняющимъ

свои студентскія обязанности. Совѣтъ полагаетъ, что, вѣроятно, статистическія данныя другихъ университетовъ не представляютъ большаго различія въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ на дѣлѣ бракъ студентовъ вовсе не есть такое зло, которое надлежитъ преслѣдовать и запрещать. Кромѣ того, запрещеніе брака для студентовъ необходимо повело бы къ другому запрещенію, именно къ запрещенію вообще женатымъ поступать въ студенты. Принять же правиломъ, что женатый вообще не можетъ быть студентомъ, значило бы, на основаніи только вообще предполагаемаго, возможнаго несогласія семейной жизни съ обязанностями студента, лишать нѣкоторыхъ лицъ права приобрѣтать высшее научное образованіе. По мнѣнію совѣта этого университета, въ одномъ только отношеніи бракъ студентовъ могъ бы вызвать новую мѣру со стороны университетовъ: это — опасность обременительныхъ для нихъ просьбъ женатыхъ студентовъ о пособіи; но совѣтъ полагаетъ, что эту опасность можно отвратить слѣдующею мѣрой. Студентъ, желающій вступить въ бракъ, долженъ заявить объ этомъ университетскому начальству, которое обязано напомнить и внушить ему, что предстоящая перемѣна въ его частной жизни не даетъ ему никакого особаго права на пособіе со стороны университета, что въ этомъ отношеніи онъ безусловно подчиняется общимъ студенческимъ правиламъ. Совѣтъ *третьяго* университета высказалъ слѣдующія возраженія на всѣ по порядку мотивы, представленные комиссіей, возбудившею этотъ вопросъ: 1) Исполнять обязанности главы семейства дѣйствительно трудно; но есть случаи, когда студентъ, какъ совершеннолѣтній, долженъ принять ее на себя, въ особенности, если она вызвана его же собственными предшествовавшими дѣйствіями. 2) Супружескіе союзы не составляютъ „вопиющаго противорѣчія“ съ возможностью самостоятельныхъ научныхъ работъ; это легко доказать на основаніи данныхъ всѣхъ вообще европейскихъ университетовъ. Если бы супружескіе союзы препятствовали самостоятельнымъ научнымъ работамъ, то не являлось бы подобныхъ трудовъ со стороны многихъ женатыхъ преподавателей. 3) Самый неблагоприятный случай былъ бы, что женатый студентъ не можетъ прокормиться и выходить изъ университета; онъ становится, такимъ образомъ, въ рядъ вообще молодыхъ, бѣдныхъ женатыхъ людей, съ тою разницею, что выслушалъ часть университетскаго курса. Даже такой крайній случай не долженъ считаться дѣйствительно неблагоприятнымъ ни для того общества, куда возвращается такой студентъ, ни для него самого. 4) Трудно предположить, чтобы всѣ непу-

щіе студенты вступали въ бракъ; если же придется отказывать въ пособіи кому-либо изъ студентовъ, то это только неизбежное послѣдствіе ограниченности денежныхъ средствъ университета. Что же касается до обязанности предусматривать послѣдствія брака бѣднаго студента, то она непримѣнима на практикѣ: послѣдствіемъ брака будетъ, съ одной стороны, увеличеніе расходовъ, а съ другой—болѣе правильный образъ жизни и лучшее распредѣленіе занятій, и вслѣдствіе сего уменьшеніе расходовъ. Угадать, гдѣ будетъ перевѣсъ, едва-ли возможно. 5) Ожиданія родителей и общества, „что университетъ возвратитъ имъ молодыхъ людей, полныхъ всяческихъ силъ для борьбы съ жизнью“, основаны, вѣроятно, на недоразумѣніи: университетъ есть учрежденіе не воспитательное, а образовательное; онъ предлагаетъ своимъ слушателямъ знаніе, то-есть, науку, какъ теорію и практическое занятіе, но все это въ кругу университетскихъ и факультетскихъ цѣлей; давать же слушателямъ еще особія силы для борьбы съ жизнью университетъ не имѣетъ ни средствъ, ни случаевъ, ни призванія. 6) Дѣйствительно невозможно составить такія правила, которыя бы одинаково регулировали семейныхъ и холостыхъ студентовъ, но точно также невозможно устанавливать это для однихъ холостыхъ студентовъ, потому что и у нихъ условія и обстоятельства жизни очень различны. Университетскія правила, наконецъ, пишутся для регулированія занятій студентовъ, а не для ихъ семейной жизни и степени ихъ достатка. 7) Законъ не предоставляетъ университетамъ права давать студентамъ дозволеніе вступать въ бракъ; но отсюда слѣдуетъ только то, что это не дѣло университета. Затѣмъ совѣтъ не раздѣляетъ также мнѣнія относительно требованія матеріальнаго обезпеченія отъ студентовъ, желающихъ вступить въ бракъ, ибо, вопервыхъ, такое требованіе есть очень тягостное условіе, что доказывается примѣромъ нѣкоторыхъ государствъ западной Европы (Баваріи, Виртемберга); во вторыхъ, нельзя устанавливать правильной нормы для денежныхъ расходовъ семейнаго быта, тѣмъ болѣе, что это зависитъ отъ численности семейства; и третьихъ, извѣстно, что можно представлять и минимое имущественное обезпеченіе посредствомъ займа капитала. Наконецъ, совѣтъ не раздѣляетъ мнѣнія, что женатымъ студентамъ не слѣдуетъ давать университетскія стипендіи: онѣ даются бѣднымъ студентамъ не за ихъ бѣдность, а за ихъ успѣхи въ занятіяхъ; исключая женатыхъ студентовъ при конкуренціи на стипендіи, пришлось бы давать стипендіи, между прочимъ, за безбрачіе, что не соответствуетъ цѣлямъ университетскихъ стипендій. Совѣтъ четвертаго уни-

верситета, кромѣ доводовъ о томъ, что брачное состояніе легально не можетъ быть признано несомвѣстнымъ съ званіемъ студента и что вступленіе студента въ бракъ не обусловливается разрѣшеніемъ онаго со стороны университетскаго начальства, замѣтилъ что ежели есть примѣры жертвъ разныхъ житейскихъ неудобствъ и лишеній вслѣдствіе ранняго вступленія въ бракъ, то гораздо болѣе встрѣчается примѣровъ гибели молодыхъ людей вслѣдствіе безпорядочной холостой жизни и вступленія въ связи, не дозволяемыя ни закономъ, ни церковію. Въ заключеніе совѣтъ полагалъ, что вступленіе въ бракъ молодыхъ людей, получающихъ образованіе въ университетѣ, какъ обстоятельство, не касающееся ихъ отношеній къ университету, не подлежитъ вѣдѣнію университетскаго начальства и что нѣтъ никакого законнаго основанія лишать стипендій женатыхъ студентовъ, если они приобрѣли право на пользованіе оными своими успѣшными занятіями и не имѣется въ виду неодобрительныхъ отзыовъ о ихъ поведеніи со стороны инспекціи и городской полиціи; совѣтъ также не усмотрѣлъ причины, почему женатые студенты не могутъ быть подчиняемы тѣмъ же правиламъ объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ въ университетѣ, которымъ подчиняются всѣ студенты безразлично. Совѣтъ *пятого* университета заявилъ, что въ немъ случаи женитбы студентовъ весьма рѣдки, хотя бракъ вообще имъ не воспрещается на томъ основаніи, что университетское начальство, не имѣя права вмѣшиваться въ семейныя дѣла студентовъ, не въ правѣ препятствовать имъ и въ бракосочетаніи; при чемъ однако, не принимая на себя обязанности въ обеспеченіи матеріальныхъ средствъ женатаго студента и его семейства, ректоръ университета считаетъ своимъ долгомъ, при заявленіи студентомъ желанія вступить въ бракъ, все-таки стараться отклонить его отъ этого намѣренія и выдаетъ надлежащее свидѣтельство о дозволеніи въ такомъ лишь случаѣ, если студентъ и за симъ настаиваетъ на своемъ желаніи. Наконецъ, совѣтъ *шестого* университета далъ отзывъ, что онъ не находитъ съ своей стороны никакого основанія какъ запрещать, такъ и позволять студентамъ вступать въ законный бракъ; брать на себя университету такую отвѣтственность предъ закономъ, по мнѣнію совѣта, не слѣдуетъ ¹⁾.

— Военное министерство сообщило г. министру народнаго про-

¹⁾ Въ настоящее время вопросъ о недозволеніи студентамъ вступать въ бракъ разсмотрѣнъ уже въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія и разрѣшенъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ высказались совѣты *шести* университетовъ.

свѣщенія, что 3-й пунктъ существующихъ съ 22-го сентября 1851 года правилъ для клиническихъ отдѣленій Кіевскаго военнаго госпиталя подлежитъ совершенному измѣненію, а самыя правила эти, изданныя болѣе 18-и лѣтъ тому назадъ, требуютъ пересмотра и согласованія съ новымъ положеніемъ 15-го іюля 1869 года о постоянныхъ военныхъ госпиталяхъ, безъ всякаго однакожь новаго расхода отъ казны. Вслѣдствіе этого и согласно ходатайству военнаго министерства о представленіи проекта клиническихъ правилъ на утвержденіе въ возможной скорости, дабы они могли войти въ приготовленную уже къ изданію XVI книгу новаго свода военныхъ постановленій, г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа предложилъ совѣту университета св. Владимира, по соглашенію съ Кіевскимъ окружнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, составить новыя правила для всѣхъ существующихъ нынѣ клиническихъ отдѣленій Кіевскаго военнаго госпиталя. Объ изложенномъ сообщено было медицинскому факультету, который, приступивъ къ возложенному на него дѣлу, принялъ во вниманіе нижеслѣдующее. Двадцатилѣтній опытъ показалъ, что клиническія отдѣленія Кіевскаго военнаго госпиталя могутъ быть полезны не только для образованія медиковъ, въ смыслѣ пользованія матеріаломъ госпиталя для преподаванія, но и для военнаго вѣдомства, и притомъ почти безъ всякихъ со стороны его затратъ. Относительно выгоды военнаго вѣдомства факультетъ призналъ нужнымъ указать на то, что: 1) воинскіе чины получаютъ возможность пользоваться въ своихъ болѣзняхъ у опытныхъ специалистовъ; 2) студенты, готовящіеся быть военными врачами, имѣютъ возможность уже во время университетскаго курса знакомиться съ болѣзнями воинскихъ чиновъ, съ устройствомъ военныхъ госпиталей, вообще съ потребностями ихъ будущей дѣятельности и съ средствами, необходимыми для удовлетворенія этихъ потребностей; наконецъ, военнымъ медикамъ дана возможность дальнѣйшаго научнаго совершенствованія и ознакомленія на практикѣ съ важнѣйшими научными открытіями и съ примѣненіемъ техническихъ приѣмовъ и методовъ. Далѣе, по заявленію медицинскаго факультета, опытъ показалъ, что полезные результаты клиникъ въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ могутъ быть достигнуты только установленіемъ правильныхъ отношеній дѣятельности профессоровъ къ существующимъ госпитальнымъ порядкамъ. Выходя изъ этой точки зрѣнія, факультетъ полагалъ необходимымъ: 1) чтобы на профессоровъ, независимо отъ преподаванія, возлагались только научно-практическія занятія; 2) чтобы они имѣли полную возможность пользоваться для

своихъ занятій матеріаломъ госпиталя, и 3) чтобы на нихъ не возлагались служебныя госпитальныя занятія, несомвѣстныя съ ихъ занятіями по университету, какъ, напримѣръ, порученіе имъ отдѣленій, кромѣ кліническаго дежурства, занятія въ вакаціонное время, необходимое для отдыха при каждомъ, а преимущественно умственномъ занятіи. Для удовлетворенія же закономъ опредѣленныхъ госпитальныхъ порядковъ, госпитально-служебныя обязанности должны быть возложены на военныхъ врачей, которые состояли бы ординаторами клиническихъ отдѣленій, въ такомъ же отношеніи, какъ и ординаторы всякаго отдѣленія госпиталя. Сообразно таковымъ руководящимъ идеямъ, факультетъ измѣнилъ существующія нынѣ правила клиническихъ отдѣленій Кіевского военного госпиталя и представилъ въ совѣтъ университета проектъ сихъ правилъ. При этомъ факультетъ высказалъ настоятельную необходимость въ постройкѣ обширной городской гражданской больницы, въ срединѣ города, вблизи университета, подтвердивъ эту необходимость весьма основательными мотивами. Совѣтъ университета одобрилъ упомянутый проектъ правилъ; что же касается до ходатайства медицинскаго факультета объ устройствѣ городской больницы, то вопросъ этотъ, по важности и сложности его, совѣтъ опредѣлялъ подвергнуть особому обсужденію, когда будутъ имѣть возможность присутствовать въ совѣтѣ всѣ члены медицинскаго факультета. (*Кіев. Унив. Изв.* № 9).

— Медицинскій факультетъ Харьковскаго университета представилъ въ совѣтъ составленный факультетомъ проектъ положенія для повивальнаго института при акушерской клиникѣ Харьковскаго университета. Проектъ этотъ заключается, между прочимъ, въ нижеслѣдующемъ. Въ число ученицъ повивальнаго института принимаются лица женскаго пола всѣхъ званій и сословій, достигшія возраста отъ 18-и до 30-и лѣтъ и не имѣющія тѣлесныхъ недостатковъ такого рода, вторыя могли бы служить препятствіемъ при исполненіи обязанностей повивальной бабки. Съ ученицъ повивальнаго искусства никакой платы не взимается. Курсъ ученія полагается двухгодичный и состоитъ изъ теоретическаго преподаванія и практическихъ упражненій въ акушерской клиникѣ. Теоретическое преподаваніе, отдѣльное отъ студентовъ, производится сообразно особымъ, утвержденнымъ факультетомъ программамъ. Въ него входятъ слѣдующіе предметы: краткое изложеніе строенія и управленія челоуѣческаго тѣла, общія понятія о гигиенѣ, въ особенности женщинъ и дѣтей, краткое изложеніе распознаванія и лѣченія важнѣйшихъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, и наконецъ, подробное

изложеніе повивальнаго искусства. Практическія занятія учениць въ акушерской клиникѣ состоятъ въ изученіи способа ухода за беременными роженицами, родильницами и больными женщинами, а также новорожденными дѣтьми; кромѣ того, ученицы обучаются оспопрививанію. Ученицы, окончившія двухгодичный курсъ ученія, допускаются къ испытанію на званіе повивальной бабки на основаніи существующихъ правилъ. Совѣтъ университета постановилъ просить ходатайства г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа объ утвержденіи означеннаго проекта положенія. (*Проток. Харьк. Унив. № 5*).

— Совѣтъ Московскаго университета, по представленію историко-филологическаго факультета, постановилъ открыть для публки нумизматическій музей университета, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) по билетамъ (не болѣе 25-и за одинъ разъ), которые будутъ выдаваться въ правленіи; 2) музей будетъ открытъ для публки въ теченіе учебнаго академическаго года разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, отъ 12-и до 2-хъ часовъ; 3) кромѣ постояннаго служителя, во время открытія музея для публки должны быть прикомандированы еще трое служителей, и 4) при посѣщеніи музея публкою, въ немъ всегда долженъ находиться завѣдывающій онымъ. (*Моск. Унив. Изв. № 7*).

— Московскій городской голова князь *Черкасскій*, встрѣтивъ крайнюю необходимость приступить къ серіозной и дѣйствительной ловѣркѣ доброты, силы свѣта и давленія газа, доставляемаго для освѣщенія Москвы газовымъ обществомъ, исходатайствовалъ у начальства Московскаго техническаго училища разрѣшеніе на устройство повѣрочной станціи въ зданіи этого училища; но такъ какъ, кромѣ сказанной станціи, было бы необходимо устроить и другую станцію, болѣе центральную, которая, подобно первой, состояла бы подъ вѣдѣніемъ ученыхъ специалистовъ, князь Черкасскій обратился къ ректору Московскаго университета съ просьбою разрѣшить распорядительной думѣ устройство второй повѣрочной станціи въ одной изъ лабораторій Московскаго университета. Просьба эта была передана на заключеніе доцента по кафедрѣ технологій *Архинова*, который донесъ совѣту, что устройство помянутой повѣрочной станціи при технической лабораторіи не представитъ затрудненія, если назначить для нея отдѣльное помѣщеніе. Что же касается до самыхъ изслѣдованій, необходимыхъ для провѣрки достоинства газа, то не имѣя возможности принять на себя лично контроль, требующій постояннаго наблюденія, г. *Архиновъ* заявилъ, что было бы желательно, чтобы совѣтъ Московскаго университета, по соглашенію съ думой, назна-

чить отдѣльное лицо, которое приняло бы на себя обязанность за-вѣдывать повѣрочною станціею, и которому Московская дума опредѣлила бы за это особое вознагражденіе. Предварительно сообщенія отзываетъ г. Архипова городскому головѣ, совѣтъ университета постановилъ испросить разрѣшеніе г. попечителя Московскаго учебнаго округа на устройство при технической лабораторіи Московскаго университета станціи для повѣрки доброты, силы свѣта и давленія газа, доставляемаго для освѣщенія Москвы тамошнимъ газовымъ обществомъ. (*Моск. Унив. Изв.* № 7).

— 3-го октября скончался въ Кіевѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, бывшій заслуженный ординарный профессор университета св. Владиміра Иванъ Яковлевичъ *Нейкирхъ*. Всеобщее глубокое уваженіе, какимъ пользовался этотъ преподаватель Кіевскаго университета, собрало къ гробу этого честнаго труженика науки древней классической филологіи многочисленное собраніе его товарищей, учениковъ и даже того молодаго поколѣнія студентовъ, которые знали о покойномъ лишь по наслышкѣ, такъ какъ онъ уже болѣе двухъ лѣтъ не принадлежалъ къ университету. Въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* (№ 10) напечатанъ очеркъ жизни и трудовъ этого профессора, составленный доцентомъ *Диниченко*, а также рѣчь его, произнесенная надъ гробомъ Нейкирха въ день погребенія, и еще нѣсколько теплыхъ словъ, сказанныхъ надъ могилою Нейкирха бывшимъ ученикомъ его, преподавателемъ Кіевской военной гимназіи *Цвѣтковскимъ*; сверхъ того надъ могилою покойнаго была произнесена рѣчь студентомъ *Янчевскимъ*, на греческомъ языкѣ. Считаемо долгомъ занести въ нашу лѣтопись извлеченіе изъ некролога Нейкирха.

Сынъ небогатаго часовыхъ дѣлъ мастера, И. Я. Нейкирхъ родился въ 1803 году, въ Тильсенѣ, небольшомъ городѣ Курляндіи. На 9-мъ году жизни онъ лишился отца и по бѣдности не могъ окончить ученья даже въ приходской школѣ, въ которую отданъ былъ матерью, и вынужденъ былъ поступить мальчиномъ въ пивную лавку. Такимъ образомъ очень рано онъ долженъ былъ испытать всю тяжесть трудовой жизни, съ ея невгодами и лишеніями, всю суровость и грубость той среды, въ которую поставленъ былъ судьбою. Но онъ постоянно стремился вырваться въ иную, болѣе сродную ему сферу, и пользуясь малѣйшею свободною минутой отъ своихъ занятій, углублялся въ чтеніе. Наконецъ, положеніе свое онъ почувствовалъ невыносимымъ и обратился къ содержателю частнаго мужскаго пансіона

Карлу Деллену съ просьбою помочь ему вырваться изъ несродной сферы и дать средства учиться и поступить въ гимназію. Делленъ, убѣдившись испытаніемъ въ искренности и серіозности просьбы Нейкирха, принявъ его подъ свое покровительство и вскорѣ помѣстивъ въ 5-й классъ Митавской гимназіи. Уже здѣсь ясно обнаружилась специальная способность его къ языкознанію. Онъ изучилъ въ послѣдствіи основательно, кромѣ греческаго и латинскаго, болѣшую часть новыхъ западно-европейскихъ языковъ: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій и др.; зналъ основательно и русскій языкъ, писалъ по русски грамматически правильно, говорилъ хотя не быстро, но также правильно, рѣдко ошибаясь даже въ удареніяхъ. Тутъ же, на гимназической скамьѣ, сказалось и то постоянство въ трудѣ, та усидчивость, которыя составляли потомъ одно изъ отличительныхъ свойствъ Нейкирха. Хотя онъ окончилъ курсъ въ гимназіи съ блестящимъ успѣхомъ, бывъ награжденъ при выпускѣ золотою медалью, однакожь, по недостатку матеріальныхъ средствъ жизни, могъ поступить въ Дерптскій университетъ лишь чрезъ годъ. По окончаніи университетскаго курса, какъ молодой ученый, обратившій на себя вниманіе профессоровъ рѣдкимъ усердіемъ и основательными знаніями въ греческомъ и латинскомъ языкахъ и вообще въ предметахъ древней классической филологіи, для усовершенствованія въ этихъ наукахъ, былъ отправленъ отъ университета за границу, на три года. Предъ отъѣздомъ за границу онъ напечаталъ въ Дерптѣ сочиненіе: „*De discrimine nini, qui progre dicitur, et planipedis. Doupat, 1829*“. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію и Италію, гдѣ преимущественно занимался изученіемъ памятниковъ древняго искусства, но долѣе всего оставался въ Берлинѣ, занимаясь изученіемъ классическихъ древностей подъ руководствомъ профессора Бека, и почти два года слушалъ въ Лейпцигѣ знаменитаго въ то время филолога Германа, о которомъ до конца жизни сохранилъ самыя свѣтлыя и отрадныя воспоминанія. Сочиненіе: „*De fabula togata Romanorum. Accedunt fabularum togatarum reliquiae*“, напечатанное въ Лейпцигѣ въ 1834 году, доставило Нейкирху степень доктора философіи и почетное вниманіе ученыхъ филологовъ. Сочиненіе это и до сихъ поръ считается весьма замѣчательнымъ въ литературѣ древне-классической филологіи. Греческое ученое общество въ Лейпцигѣ избрало Нейкирха въ свои члены, а Германъ рекомендовалъ его графу Уварову какъ лучшаго своего ученика и отличнаго филолога, вполне достойнаго занять кафедру въ только-что открытомъ въ то время университетѣ св. Владиміра.

Къ этому-то времени относится и другое сочиненіе Нейкирха, напечатанное также въ Лейпцигѣ въ 1834 г.: „In Platonis Politiam quaestionum philologicarum particula I^{ma}“; затѣмъ, вскорѣ по возвращеніи Нейкирха изъ-за границы, напечатана была въ Дерптѣ, въ 1835 году, particula II^a того же сочиненія, и молодой ученый, послѣ публичнаго защищенія своего труда, допущенъ былъ къ чтенію лекцій въ Дерптскомъ университетѣ въ званіи приватъ-доцента. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ греческой словесности въ Кіевскій университетъ и до отъѣзда въ Кіевъ издалъ въ Дерптѣ, въ 1837 г., сочиненіе: „De indicativo et conjunctivo modo in utenda particula *quum* disputationis pars prima“. Во второй половинѣ 1837 г. онъ занялъ каведру въ университетѣ св. Владиміра, и возведенный въ слѣдующемъ году въ званіе ординарнаго профессора, оставался тамъ до половины 1868 г., когда, чувствуя ослабленіе физическихъ силъ, въ особенности по причинѣ усилившейся глухоты, по собственному желанію вышелъ въ отставку, не смотря на просьбы факультета и совѣта продолжать службу. Въ теченіе слишкомъ 30-лѣтняго своего служенія въ Кіевскомъ университетѣ, Нейкирхъ былъ избираемъ три раза проректоромъ и 6 разъ деканомъ; сверхъ того, онъ много разъ исправлялъ должность ректора и однажды въ теченіе почти полутора года. Какъ деканъ, онъ велъ факультетскія дѣла съ удивительною аккуратностью, съ полярнѣйшимъ безпристрастіемъ, не дозволяя себѣ никогда и ни въ чемъ никакихъ предвзятыхъ, личныхъ или другихъ какихъ-либо ненаучныхъ цѣлей и стремленій. Въ собраніяхъ факультета всегда царило при немъ мирное, свободное и объективное обсужденіе дѣлъ, напередъ хорошо изученныхъ деканомъ и въ строгомъ порядкѣ и спокойно докладываемыхъ, со всѣми къ нимъ справками, безъ настаиванія на какомъ-либо напередъ задуманномъ рѣшеніи. Онъ зналъ отлично всѣхъ студентовъ своего факультета, степень ихъ усердія въ занятіяхъ науками, матеріальное положеніе ихъ, и на его слова каждый членъ факультета полагался, какъ на неоспоримую истину. Въ это достопамятное для историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра время, отъ такого ли порядка и состоянія его дѣлъ, по стеченію ли благоприятныхъ для него обстоятельствъ, научные интересы факультета процвѣтали, развивались и получали ходъ способные молодые люди, и факультетъ всегда могъ пополняться самъ собою, имъ самимъ воспитанными и развитыми молодыми людьми (*Страшневичъ, Вернадскій, Шульгинъ, Линиченко, Сидоренко, Цехановецкій* и др.). Какъ профессоръ и ученый спеці-

алисть по отдѣлу древней классической филологіи, Нейкирхъ, кромѣ указанныхъ выше сочиненій, напечаталъ во время служенія своего въ Кіевскомъ университетѣ еще слѣдующія: 1) „О важности изученія древней греческой словесности. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ университета 15-го іюля 1840 г.“; 2) „Dichterkanon. Ein Versuch die vollendetsten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen auszuzeichnen. Kiew. 1853“; 3) „Historiae litterarum graecarum summarium. 1863“. Его преподаваніе, всегда ровное и спокойное, отличалось чрезвычайною простотою и ясностію изложенія и было совершенно приспособлено къ научному уровню его аудиторіи. Кто хотѣлъ основательно научиться греческому языку, тотъ несомнѣнно могъ вполнѣ удовлетворить своему стремленію подъ руководствомъ Нейкирха. Лекціи его, всегда на латинскомъ языкѣ, и притомъ на языкѣ ясномъ, чистомъ, чуждомъ всякой изысканности и риторики, отличались богатствомъ содержанія и научною основательностію. Послѣ обычнаго обращенія къ студентамъ — *Commilitiones humanissimi! repetendum est inde a versu N. usque ad versum N. Quis vestrum repetat?*— и послѣ повторенія однимъ изъ слушателей прошлой лекціи, слѣдовалъ дальнѣйшій переводъ съ постоянными толкованіями того или другаго греческаго писателя, такъ что послѣ перевода и объясненій, предложенныхъ Нейкирхомъ на лекціи, для слушателей его не оставалось ничего въ данномъ мѣстѣ греческаго писателя неяснымъ или сомнительнымъ. Отъ профессора не ускользали ни одна грамматическая форма, ни одна самая мелкая частица. Передавъ точный смыслъ подлинника въ самомъ точномъ переводѣ на чистый латинскій языкъ эпохи Цицерона, онъ, такъ сказать, до костей разбиралъ каждый оборотъ греческаго подлинника, каждое слово, каждую частицу, объяснялъ разныя значенія словъ, различныя его употребленія у разныхъ писателей, разныя формы, показывалъ разныя чтенія даннаго мѣста объясняемаго писателя, разбиралъ и грамматическую форму слова, указывалъ и синтаксическое правило, въ силу котораго оно поставлено въ такомъ, а не другомъ падежѣ, употреблено такъ, а не иначе, предлагалъ историческія, археологическія, міеологическія и другія поясненія, необходимыя для полнаго пониманія даннаго мѣста писателя, и проч. Въ первое время, и довольно долго, онъ читалъ, также на латинскомъ языкѣ, греческія древности, исторію греческой словесности и древнюю археологію. Хотя эти курсы были кратки, сжаты, сухи, были такъ-сказать элементарными курсами; но, при краткости своей, они

отличались совершенною полнотою, въ нихъ не было упущено ничего существенно важнаго, и изложеніе было запечатлѣно тою же простотою и ясностію, какими отличались и толкованія авторовъ, а чтеніе археологіи Нейкирхъ оживлялъ тѣмъ, что показывалъ слушателямъ превосходныя изображенія древней архитектуры и скульптуры. Наконецъ, изложеніе каждой изъ упомянутыхъ наукъ сопровождалось богатымъ указаніемъ пособій къ ея обстоятельнѣйшему и подробному изученію, fontes et auxilia, спискомъ лучшихъ сочиненій по каждой наукѣ на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Кто изъ студентовъ избиралъ древне-классическую филологію своею спеціальностію, тому Нейкирхъ съ полною готовностію доставлялъ всѣ пособія для его спеціальныхъ занятій и въ аудиторіи, и у себя на дому въ живой бесѣдѣ и съ особеннымъ удовольствіемъ всегда готовъ былъ подѣлиться съ нимъ своими обширными и глубокими свѣдѣніями по части древне-классической филологіи. Какъ человѣкъ, онъ прежде всего обращалъ на себя вниманіе cadaго своею удивительно строгою честностію и правдивостію, прямодушіемъ, простотою и истинною гуманностію въ обращеніи. Весьма нерѣдко въ случаяхъ весьма важныхъ онъ спокойно, но настойчиво отстаивалъ правое дѣло, и случалось, что почти одинъ шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ цѣлаго факультетскаго собранія, ни мало не боясь, что этимъ можетъ нажить себѣ враговъ. Такъ напримѣръ, когда устраивалась въ Кіевѣ лютеранская церковная школа, то Нейкирхъ едва-ли не одинъ изъ всей Кіевской нѣмецкой общины смѣло отстаивалъ законность и необходимость преподаванія въ ней на русскомъ языкѣ. Въ частной жизни онъ былъ весьма простъ и неприхотливъ, но имѣлъ извѣстный комфортъ считалъ необходимымъ; умѣлъ жить всегда по своимъ средствамъ, доставляя себѣ, и преимущественно своему семейству, сообразно съ своими средствами, развлеченія и удовольствія. Предисловіе къ „Dichterkanon“, подъ заглавіемъ: „Ein Abend aus einem harmlosen Leben“, представляетъ вѣрную идилическую картину скромной жизни Нейкирха въ Кіевѣ, нарисованную имъ самимъ. Смерть его была также тиха и спокойна, какъ и его жизнь. Не теряя сознанія почти до послѣднихъ минутъ, онъ изрѣдка въ небольшомъ бреду вспоминалъ о своей поѣздкѣ за границу въ юношескіе годы, разказывая самому себѣ, — и что замѣчательно, почти исключительно по русски, — объ Италіи, ея храмахъ, дворцахъ, саркофагахъ царей и т. п. Умирая, онъ завѣщалъ своему сыну передать отъ него послѣдній предсмертный поклонъ отсутствующимъ дѣтямъ,

товарищамъ, друзьямъ и знакомымъ, а надъ могилою вмѣсто памятника посадить простой дубъ. Въ заключеніе приводимъ и слѣдующія строки изъ рѣчи, сказанной надъ могилою Нейкирха бывшимъ ученикомъ его г. Цвѣтковскимъ: „Надъ могилою этого старика отрадно назвать себя его ученикомъ и сказать: такъ честно жить, какъ онъ жилъ, долженъ жить каждый изъ насъ. Его благородная трудовая жизнь пусть служитъ намъ постояннымъ примѣромъ. Прощаясь съ нимъ здѣсь, мы съ истинною любовью и признательностію скажемъ ему отъ души: миръ праху твоему, незабвенный человѣкъ и учитель, и въ то же время прибавимъ, съ надеждой и вѣрою во все доброе,—вѣрою, укрѣпленною воспоминаніемъ о его жизни, прибавимъ наше искреннее желаніе, да будетъ у насъ, въ нашей родинѣ по больше такихъ разумныхъ, правдивыхъ, стойкихъ и всегда себѣ вѣрныхъ людей и труженниковъ, какимъ былъ нашъ покойный профессоръ Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ“.

Г И М Н А З І И.

Посѣщеніе южно-славянскаго пансіона при Николаевской гимназіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. — Извѣстіе изъ протоколовъ засѣданій соединеннаго педагогическаго совѣта Нижегородскаго Александровскаго института и Нижегородской гимназіи.—Объ открытіи параллельнаго отдѣленія при 2-мъ классѣ Оренбургской гимназіи.—Объ открытіи подготовительнаго класса при Царскосельской Николаевской гимназіи. — Въ дополненіе къ извѣстію объ открытіи Гельсингфорской гимназіи.

16-го минувшаго августа, въ 5 часовъ пополудни Его Императорское Высочество Великій князь Константинъ Николаевичъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ южно-славянскій пансіонъ, содержимый въ Николаевѣ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія Минковымъ. Его Высочество, поздоровавшись съ воспитанниками, собранными въ приемномъ залѣ, милостиво изволилъ распрашивать нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ, и совѣтовалъ имъ не забывать своего роднаго языка. Затѣмъ Его Высочество изволилъ осматривать все заведеніе, устройствомъ котораго остался доволенъ, предложилъ нѣсколько вопросовъ содержанию пансіона Минкову какъ о заведеніи, такъ и о немъ лично. Когда Великій князь уходилъ изъ приемаго зала въ другія отдѣленія пансіона, воспитанники пропѣли „многая лѣта“, а когда Его Высочество сѣлъ въ экипажъ, воспитанники провожали его громкими криками „слава“.

— Въ соединенномъ педагогическомъ совѣтѣ Нижегородской гим-

назій и Нижегородскаго Александровскаго института происходили совѣщанія о повтореніяхъ по новымъ языкамъ, по исторіи и по закону Божію, и протоколы засѣданій совѣта съ изложеніемъ хода преній по сему предмету напечатаны въ *Циркуляръ Казанскаго учебнаго округа* (№№ 8, 10 и 11). Познакомимъ читателей нашихъ съ содержаніемъ и результатами сихъ совѣщаній.

Мысли о томъ, слѣдуетъ ли чрезъ извѣстные періоды времени въ теченіе учебнаго года, или по окончаніи его, дѣлать повтореніе изъ иностранныхъ языковъ, оказались различны: одни вовсе не допускаютъ повтореній; другіе, не требуя повтореній лексической стороны, во всемъ остальномъ признаютъ ихъ необходимыми, и третьи, наконецъ, повторяютъ и грамматику, и переводы, и слова. Такое разногласіе побудило предсѣдателя педагогическаго совѣта внести въ оный записку, въ которой разсматривается вопросъ о томъ, какая причина этого разногласія между специалистами, и гдѣ мѣра къ возможному ихъ примиренію? Причина разногласія, по мысли г. предсѣдателя, заключается въ не установившемся еще единствѣ взгляда на задачу и способъ преподаванія иностранныхъ языковъ въ гимназіяхъ, и потому прежде всего нужно согласиться въ томъ, могутъ ли въ принципѣ быть оправдываемы повторенія изъ языковъ, дѣлаемые столь же періодически, какъ и по другимъ предметамъ. Понятное дѣло, что не возможно вести вообще преподаваніе такимъ образомъ, чтобы при каждомъ шагѣ впередъ кругозоръ учащихся обнималъ ежедневно и въ полной совокупности все предшествующее, все прежде изъ него пройденное; другими словами, не возможно на каждомъ новомъ урокѣ имѣть дѣло со всѣмъ прежнимъ и не забывать сего послѣдняго. Преподаваніе исторіи, какъ бы оно ни было послѣдовательно, систематически, съ возможно постояннымъ выводомъ cadaго новаго явленія изъ предыдущаго, какъ слѣдствія изъ причины, никогда не представитъ собою той связности, которая нужна, чтобы каждый новый урокъ давалъ возможность обозрѣвать или относиться ко всему прежде преподаванному: при всей внутренней связи историческихъ явленій, новый урокъ всегда будетъ, такъ-сказать, при-бавленіемъ новыхъ фактовъ, которые чѣмъ болѣе и болѣе нарастаютъ (числомъ) въ представленіи учениковъ, тѣмъ далѣе и далѣе оставляютъ за собою прежде узнавныя; повтореніе сихъ послѣднихъ должно быть и требуется самимъ существомъ предмета. Въ свою очередь, какимъ образомъ, на примѣръ, преподаватель физики, обязанный ознакомить учениковъ съ законами динамики, гидростатики, акустики и т. д.

идя отъ отдѣла къ отдѣлу, не найдетъ нужнымъ на время приостановиться въ ходѣ изложенія предмета впередъ и возобновить въ памяти учениковъ главнѣйшее изъ преждепройденнаго? Это въ порядкѣ дидактики, и требованіе, налагаемое на учителя, опредѣляется и здѣсь существомъ преподаваемаго имъ предмета. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ предметахъ гимназическаго курса, въ которыхъ вновь преподаемое изъ предмета всегда должно быть связуемо съ прежде пройденными частями его, чрезъ особо устанавливаемые для того повторенія. Совсѣмъ въ иномъ положеніи, въ этомъ случаѣ, находятся языки: при нынѣшнемъ преподаваніи ихъ практическимъ путемъ, въ нихъ на каждомъ урокѣ ученики, изучая что-либо новое, встрѣчаются и съ чѣмъ-либо прежде известнымъ, каждый разъ они могутъ имѣть дѣло съ тою или другою формою, съ тѣмъ или другимъ правиломъ грамматическимъ, уже изученными ими на прежнихъ урокахъ: почва, на которой они трудятся и достигаютъ своихъ цѣлей, всегда одна и та же — переводы. Слѣдовательно, въ языкахъ изученіе чего-либо новаго всегда самымъ естественнымъ образомъ связуется съ повтореніемъ прежде пройденнаго; повтореніе столь присуще преподаванію языка, что оно составляетъ неотдѣлимую его часть, неотъемлемую его принадлежность. Значитъ, если повтореніе такъ присуще дѣлу преподаванія языка, если оно само собою сопровождаетъ его каждый урокъ, то понятно, что установленіе въ этомъ преподаваніи еще особыхъ повтореній, періодически производимыхъ, становится дѣломъ совершенно излишнимъ и вообще не допускаемымъ. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ предложенный вопросъ вообще, г. предсѣдатель перешелъ къ разсмотрѣнію частныхъ его, то-есть, не бывають ли иногда необходимы періодическія повторенія грамматики, переводовъ и словъ, и вывелъ такъ же заключеніе отрицательное. Затѣмъ онъ выразилъ мнѣніе, что въ преподаваніи языковъ практическимъ путемъ, для избѣжанія необходимости устанавливать при этомъ такія же повторенія, какія дѣлаются по другимъ предметамъ, полезно держаться слѣдующаго порядка: 1) никогда не давать перевода на домъ, въ особенности на русскій языкъ, безъ предварительнаго прочтенія текста его самимъ учителемъ вмѣстѣ съ учениками; при чемъ дѣлаются указанія на правила и объясненія трудныхъ оборотовъ неносильныхъ для собственнаго разумѣнія учениковъ; мѣра этихъ указаній или объясненій, конечно, зависитъ отъ класса; 2) послѣ того требовать настоятельно, чтобы ученики сами приписывали слова и дальнѣйшій, окончательный переводъ задан-

наго дѣлали на дому сами; 3) перевода въ классѣ и анализируя переводимое, доводить учениковъ (всѣхъ) до точнѣйшаго пониманія и усвоенія всего того, что находится въ текстѣ, какъ по отношенію къ содержанію его, такъ и къ формамъ языка, и 4) на слѣдующій урокъ требовать отдачи полнѣйшаго отчета не только въ сдѣланномъ переводѣ и въ указанныхъ въ немъ грамматическихъ правилахъ, но и въ словахъ,—знанія которыхъ, послѣ столькихъ, всевозможныхъ обращеній съ переводимымъ текстомъ, преподаватель, конечно, уже имѣетъ право требовать отъ учениковъ при закрытой книгѣ. Можно ли ожидать, присовокупилъ г. предсѣдатель, чтобъ оказались необходимыми еще какія-либо повторенія перевода, словъ и грамматическихъ правилъ даннаго текста послѣ того, какъ ученикъ, при разработкѣ этого текста, уже успѣлъ заняться имъ до пяти разъ, а съ словами и правилами въ немъ встрѣтившимися будетъ имѣть случай еще не одинъ разъ встрѣтиться въ гимназической своей практикѣ? По прочтеніи своей записки, г. предсѣдатель обратился къ членамъ совѣта съ предложеніемъ дать отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) оправдываются ли существомъ предмета періодическія повторенія въ иностранныхъ языковъ; 2) если оправдываются, то слѣдуетъ ли повторять грамматику, слова и переводы, и 3) какимъ образомъ вести повтореніе? По 1-му вопросу большинство членовъ дало отвѣтъ отрицательный, а меньшинство признало полезнымъ повтореніе въ низшихъ классахъ, при чемъ г. *Мортыновъ* заявилъ, что онъ ничуть не отступаетъ отъ своего мнѣнія относительно повторенія въ низшихъ классахъ, а одинъ членъ высказался за повтореніе и въ высшихъ классахъ. Затѣмъ г. предсѣдатель обратился къ членамъ, вотировавшимъ за повтореніе, съ предложеніемъ отвѣтить на послѣдніе два вопроса. Большинство ихъ признало полезнымъ повтореніе грамматики и трудныхъ мѣстъ при переводахъ, повтореніе же словъ отвергнуло единогласно. Относительно 3-го вопроса всѣ они признали за лучшее предоставить практическое разрѣшеніе онаго каждому преподавателю въ отдѣльности.

Основаніемъ для преній по вопросу о повтореніи исторіи и географіи послужила записка, прочитанная въ педагогическомъ совѣтѣ Нижегородскаго Александровскаго института преподавателемъ А. *Овсянниковымъ*, въ которой изложенъ употребляемый имъ методъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Повтореніе производится въ небольшихъ отдѣлахъ, и именно въ томъ случаѣ, когда обширность статьи руководства, касающейся одного какого-нибудь вопроса, напримѣръ, Реформациі, Тридцатилѣтней войны, Крестовыхъ походовъ, заставляеть

разбивать ее на нѣсколько уроковъ, а слѣдовательно, для возстановленія цѣльности и общности историческаго представленія о такихъ событіяхъ, необходимо, по мнѣнію преподавателя, повторять всю статью цѣликомъ. Значить, этотъ пріемъ повторенія обусловливается столько же характеромъ историческаго матеріала, сколько и характеромъ изложенія этого матеріала въ принятыхъ руководствахъ. Такой пріемъ примѣняется и въ преподаваніи географіи, а именно, обзорѣ той или другой страны, того или другаго государства, разбивается соотвѣтственно степеніи своей обширности на 3—4 урока. Далѣе при повтореніи употребляется аналогическая форма. Вотъ примѣръ по предмету географіи: Европа, классъ III. Преподаватель прошелъ уже географію Скандинавскаго, Пиренейскаго и Балканскаго полуострововъ и приступилъ къ географическому обзору Аппенинскаго полуострова. Во всѣхъ поименованныхъ государствахъ есть общія явленія: несудоходность рѣкъ, слабое развитіе промышленности и пр. Путемъ аналогіи, путемъ метода катихизаціи, при участіи всего класса, дѣлается общая группировка фактовъ, касающихся гидрографіи и орографіи поименованныхъ государствъ. О томъ, что здѣсь возбуждается самодѣятельность, что такому пріему присуща наглядность, и что такой пріемъ даетъ преподавателю средства повѣрки качества знаній учениками пройденнаго, объ этомъ, замѣчаетъ г. А. Овсянниковъ, излишне говорить. На сколько возможно, какъ по предмету исторіи, такъ и географіи повтореніе должно быть ведено ежеклассно, то-есть, въ параллель съ новымъ надлежитъ повторять что-либо изъ пройденнаго и при этомъ повторяемая часть курса должна выбираться на основаніи слѣдующихъ соображеній: а) Она должна находиться въ относительно близкой органической связи со статьею, проходимую вновь; на примѣръ, царствованіе Французскаго короля Карла IX и печальное событіе въ европейской исторіи подъ именемъ Варооломеевской ночи должны быть соединены, при повтореніи, съ тою частью уже пройденнаго, въ которой излагаются событія, касающіяся личностей Кальвина и Цвингли. Далѣе: проходитъ статья, касающаяся одного изъ важнѣйшихъ въ европейской исторіи событій, именно Тридцатилѣтняя война. Герой этихъ религіозныхъ войнъ Густавъ-Адольфъ идетъ подъ знаменемъ протестантскаго вѣроисповѣданія противъ католическихъ полчищъ. Въ связи съ Тридцатилѣтнею войною должно быть повторено введеніе реформаціи на Скандинавскомъ полуостровѣ. Говоря о покореніи Новгорода Іоанномъ III-мъ, слѣдуетъ повторить статью о Новгородскомъ вѣчевомъ устройствѣ и т. д. б) Выборъ предметовъ для

повтореній долженъ обуславливаться степенью сравнительной или относительной ихъ важности, а также и трудностью, при чемъ должно быть принято во вниманіе и то отношеніе, какое повторяемая часть или отдѣлъ имѣеть къ текущей части курса. в) Послѣ того, какъ курсъ пройденъ систематически и вмѣстѣ съ тѣмъ повторенъ, въ старшихъ классахъ разбирается весь курсъ на билеты, соответственно числу учениковъ. Каждый ученикъ беретъ для повторенія билетъ наименѣе ему извѣстный. Разнообразіе отвѣтовъ на разнообразные билеты, при нѣкоторой внимательности учениковъ, даетъ въ результатъ то, что со слуха другіе ученики волей неволей припоминаютъ по крайней мѣрѣ главнѣйшіе факты пройденнаго курса. Къ сему г. Овсянниковъ присовокупляетъ, что всего болѣе затруднительно вести повтореніе въ VII-мъ классѣ. Обширность курса новой исторіи, при трехъ урокахъ въ недѣлю, при необходимости повторенія курсовъ древней и средней исторіи, принуждаетъ преподавателя этого предмета выбирать для повторенія статьи наиболѣе важныя, или же предоставлять самимъ ученикамъ выбирать для повторенія статьи наиболѣе ими забытыя, наиболѣе кажуціяся имъ трудными. Въ заключеніе г. Овсянниковъ говоритъ, что въ дѣлѣ преподаванія исторіи, особенно при повтореніи этого предмета служатъ прекраснымъ пособіемъ синхронистическія таблицы, хотя, къ сожалѣнію, такія таблицы, столь важныя въ отношеніи наглядности, не вошли еще въ постоянное употребленіе въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ классная карта въ преподаваніи географіи составляетъ необходимое учебное пособіе въ дѣлѣ преподаванія этого предмета, такъ и синхронистическая таблица, составленная со смысломъ, заключающая въ себѣ краткій перечень важнѣйшихъ всемірныхъ событій, подведенныхъ подъ одни и тѣ же годы, составляетъ необходимое классное пособіе. При разсмотрѣніи представленныхъ учениками начерченныхъ ими географическихъ картъ, г. Овсянниковъ обращается къ каждому ученику поодиночкѣ съ вопросами, которыми старается повѣрить и узнать качество знанія пройденнаго учениками и степень самостоятельности ихъ въ составленіи той или другой карты. Первымъ оппонентомъ г. Овсянникова былъ братъ его, инспекторъ Нижегородской гимназіи Н. Овсянниковъ, который, соглашаясь съ изложеннымъ выше приемами повторенія вообще, придаетъ меньше значенія повторенію при преподаваніи исторіи вслѣдствіе иного пониманія самой сущности преподаванія исторіи въ гимназіяхъ. Имѣя въ виду преподаваніе исторіи въ гимназіи не какъ науки, но какъ предмета, посредствомъ котораго совершается развитіе ученика, г. Н. Овсянниковъ находитъ, что такое

воспитательное значеніе этого предмета, его вліяніе на развитіе характера ученика, а не что-нибудь другое, должно быть постановлено на первомъ планѣ.

„Не политическая жизнь народа“, говоритъ онъ, „важна для ученика, а сочувствіе его человѣку въ то или другое время,—сочувствіе его радостямъ и страданіямъ, его счастью и несчастью. Разиѣщеніе историческаго матеріала для учениковъ гимназій должно имѣть главною цѣлью произвести изложеніемъ событія извѣстное впечатлѣніе на душу ученика. Если главная задача преподавателя исторіи не накопленіе въ сознаніи ученика однихъ фактовъ и закрѣпленіе ихъ посредствомъ частаго повторенія, по выборъ историческаго матеріала для развитія ученика, матеріала доступнаго его пониманію и возрасту, если исторія въ гимназій сходитъ со ступени науки и становится простымъ педагогическимъ орудіемъ, то повтореніе ея, какъ ирриготовленіе ученика къ экзамену, или въ другомъ смыслѣ, какъ говорилось здѣсь прежде, потеряетъ прежнее исключительное значеніе. Можно знать кучу историческихъ фактовъ и притомъ въ хронологическомъ порядкѣ, и такое знаніе можетъ остаться безъ всякихъ послѣдствій для развитія ученика, если не будетъ сдѣлано главное. Главное же, сколько я понимаю, это впечатлѣніе отъ событія. Для надлежащаго совершенія такого впечатлѣнія, недостаточно для учителя исторіи однихъ обыденныхъ знаній; нужно, чтобъ онъ владѣлъ соответствующимъ цѣли матеріаломъ, чтобы самъ былъ настроенъ соответственно содержанію своего историческаго разказа. Въ этихъ первыхъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ отъ такого перваго знакомства съ исторіей, заключается вся сущность нашего дѣла; трудно будетъ ихъ часто повторять, да и не нужно будетъ. Повтореніе, если будетъ необходимо, измѣнитъ тогда настоящую форму: нужно будетъ повторять далеко не все, что входитъ въ наши ученые учебники, а только главное, что ведетъ въ предположенной цѣли. Если уже разъ возникло впечатлѣніе въ душѣ ребенка отъ знакомства его съ историческимъ событіемъ, то не бѣда, если ученикъ забудетъ какой-нибудь мелкій фактъ или хронологическое указаніе. При такомъ взглядѣ на вещи, повтореніе съ цѣлью усвоенія учениками всѣхъ фактовъ, падающихъ, напримѣръ, въ учебникѣ Иловайскаго, не можетъ считаться первою и необходимою цѣлью при преподаваніи исторіи. Дѣло здѣсь не въ хронологіи, не въ той или другой безцѣльно усвоенной частности, не въ разсужденіяхъ о причинахъ паденія царствъ и народовъ,—дѣло во впечатлѣніи на душу отъ событія, въ цѣлесообразномъ, педагогическомъ изученіи его. Повтореніе хронологіи необходимо, если представляются пробѣлы, но безцѣльное знаніе фактовъ и мелкихъ хронологическихъ данныхъ никогда не должно составлять серьезной задачи преподаванія исторіи.

За снмъ г. Н. Овсянниковъ отвергалъ пользу употребленія синхроническихъ таблицъ. Въ преніи принимали участіе г. предсѣдатель и преподаватель *Родзевичъ* и преподаватели *Гриховъ*, *Мартыновъ* и *Шапошиковъ*. По мнѣнію послѣдняго, не соглашавшагося съ нѣкоторыми положеніями и приемами гг. Овсянниковыхъ, способъ повторенія исторіи по билетамъ не педагогиченъ: готовится

къ экзамену ученики должны дома, а не въ классѣ, гдѣ должна быть общая и самостоятельная работа учениковъ надъ учебнымъ предметомъ, а не механическое запомянаніе со словъ товарищей историческихъ разказовъ, передаваемыхъ ими въ случайномъ порядкѣ, по билетамъ. Въмѣсто дѣленія курса на билеты, по мнѣнію г. Шапошникова, гораздо полезнѣе раздѣлить его на 4 или 5 большихъ отдѣловъ, и такіе отдѣлы повторять въ теченіе года систематически, съ подробнымъ разьясненіемъ смысла историческихъ событій, связи между ними, съ проведеніемъ параллели между событиями и т. д. Къ сему г. Шапошниковъ присовокупилъ, что преподаватель, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ повторить во время урока тѣ или другіе факты, находящіеся въ ближайшей связи съ проходящимъ вновь отдѣломъ, назначая 4 или 5 разъ въ годъ нѣсколько уроковъ для систематическаго повторенія пройденнаго, заканчивая учебный годъ систематическимъ же повтореніемъ всего существеннаго изъ пройденнаго, не будетъ имѣть надобности особо готовить учениковъ къ экзамену. Послѣ нѣкоторыхъ преній относительно билетовъ, г. Шапошниковъ согласился допустить ихъ при повтореніи исторіи только въ VII-мъ классѣ, въ которомъ, вслѣдствіе небольшого числа уроковъ по исторіи, трудно вести вторичное повтореніе въ системѣ. Относительно синхронистическихъ таблицъ онъ вполне раздѣлялъ мнѣніе г. А. Овсянникова. Затѣмъ г. предсѣдатель прочелъ записку бывшаго преподавателя гимназій *Виноградскаго*, заключающую въ себѣ нѣсколько болѣе подробное изложеніе приѣма, предложеннаго г. А. Овсянниковымъ. Въ заключеніе г. предсѣдатель предложилъ совѣту разрѣшить слѣдующіе два вопроса: 1) слѣдуетъ ли признать полезными приѣмы повтореній, предложенные А. Овсянниковымъ, въ томъ видѣ, какъ они выяснились во время преній, и 2) признать ли полезными синхронистическія таблицы, какъ наглядное пособіе при обученіи исторіи? На оба вопроса большинство членовъ дало отвѣтъ утвердительный, при чемъ почти всѣ члены совѣта высказались за систематическое повтореніе въ томъ видѣ, какъ отстаивалъ его преподаватель Шапошниковъ.

За симъ педагогическій совѣтъ обратился къ обсужденію вопроса о повтореніяхъ по закону Божію и выслушалъ записку по этому предмету законоучителя *Востокова*, который повтореніе пройденнаго по закону Божію считаетъ нужнымъ, съ одной стороны, какъ средство къ прямому усвоенію учениками преподаваемыхъ имъ свѣдѣній, а съ другой — какъ приѣмъ для болѣе полнаго разьясненія и раскрытія

изучаемаго содержанія. Какъ способы преподаванія въ подробностяхъ примѣненія разнообразны и не могутъ быть подведены подъ одинъ извѣстный, строго опредѣленный правила, такъ и повтореніе преподаваннаго бываетъ столь же разнообразно и не можетъ быть строго опредѣлено во всѣхъ отношеніяхъ. Повтореніе г. законоучитель Востоковъ дѣлаетъ тогда, когда признаетъ оное нужнымъ и полезнымъ, когда того требуетъ содержаніе пройденнаго. Болѣе же общіе способы повторенія, обыкновенно состоятъ въ слѣдующемъ: или повтореніе идетъ по небольшимъ статьямъ, по главнымъ отдѣламъ того или другаго изъ проходимыхъ предметовъ, безъ назначенія для этого опредѣленныхъ дней въ недѣлѣ или мѣсяцѣ (по окончаніи каждой статьи или отдѣла, назначается для повторенія пройденнаго одинъ, два, рѣдко три урока, при чемъ принимаются во вниманіе заявленія самихъ учениковъ); или, по мѣрѣ возможности, назначается повтореніе пройденнаго предъ внесеніемъ отмѣтокъ въ срочную вѣдомость объ успѣхахъ учениковъ, и тогда преимущественно испытываются ученики не совсѣмъ или мало успѣвшіе, а хорошіе и постоянно усердные вводятся въ бесѣду, какъ пособники. Такой способъ повтореній, съ одной стороны, имѣетъ ту выгоду, что познанія по большимъ отдѣламъ или періодамъ легче усваиваются и воспринимаются памятью, а съ другой—повтореніе уроковъ по закону Божію легко можетъ не встрѣчаться съ повтореніемъ по другимъ предметамъ гимназическаго курса. Наконецъ, предъ окончаніемъ учебнаго года, происходитъ повтореніе всего курса; при чемъ, конечно, дѣлается краткое обозрѣніе пройденнаго въ теченіе года и показывается взаимная связь отдѣльныхъ частей предмета. Въ VII-мъ классѣ повтореніе обнимаетъ собою въ порядкѣ и въ послѣдовательной связи все пройденное въ предыдущихъ классахъ. При невозможности же выслушать въ одинъ классъ весь назначенный урокъ, законоучитель останавливается на важнѣйшемъ въ той или другой части, въ томъ или другомъ отдѣлѣ повторяемаго предмета, что впрочемъ не мѣшаетъ группировать факты и раскрывать внутреннюю связь отдѣльныхъ частей законоученія, такъ какъ опускаемое вполнѣ извѣстно ученикамъ. — Вслѣдъ за тѣмъ была прочитана записка отсутствовавшаго по болѣзни законоучителя института *Крылова*, слѣдующаго содержанія:

„Двѣ цѣли преслѣдуются мною въ общемъ ходѣ повторенія: во первыхъ, лучшее усвоеніе учениками пройденнаго, и во вторыхъ, болѣе вѣрная оцѣнка ихъ знаній въ отношеніи къ среднему баллу, двухмѣсячному и годичному. Для достиженія первой цѣли, я вмѣстѣ съ каждымъ новымъ урокомъ повторяю урокъ предшествующій; для достиженія же второй, въ концѣ другаго мѣсяца я

отчисляю обыкновенно урока 2 или 3 для повторения пройденного за это время отдѣла. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что программа преподаванія закона Божія, по своей сложности, представляетъ нѣкоторыя особенныя условія для повторения. Въ составъ ея входитъ 6 предметовъ и всѣ эти предметы проходятся въ 6-и классахъ, а въ VII-мъ классѣ только повторяется все пройденное. Но хотя предметы закона Божія и отдѣлены, однако всѣ они въ преподаваніи должны быть направлены къ одной общей цѣли и по своему содержанию близко соприкасаются одинъ къ другому. И потому, для лучшаго усвоения и пониманія учениками всѣхъ этихъ предметовъ, я нахожу нужнымъ, кромѣ вѣдшихъ приемовъ репетицій, которые я указалъ, обращать особенное вниманіе при повтореніяхъ на связь историческихъ событий. Такимъ образомъ при изученіи, напримѣръ, евангельской исторіи, я обращаюсь къ лицамъ и событіямъ ветхаго завѣта, на сколько они служатъ прообразомъ новозавѣтныхъ лицъ и учреждений; при преподаваніи катихизиса, я обращаюсь и къ библейской, и къ евангельской исторіи вмѣстѣ, по степени ихъ соприкосновенія съ предметомъ; при объясненіи обрядовъ богослуженія, обращаюсь къ догматамъ, выражаемымъ ими, а также и къ исторіи и т. под. Наблюдая историческую связь предметовъ, по возможности, во всѣхъ классахъ, я исключительно посвящаю ей уроки въ VII-мъ классѣ, гдѣ, какъ въ классѣ, исключительно репетиціонномъ, на каждый урокъ назначается повтореніе или цѣлаго отдѣла, или по крайней мѣрѣ, половина отдѣла извѣстнаго предмета законоученія, и гдѣ поэтому первые изъ указанныхъ мною приемовъ повторенія не возможны“.

Способы повтореній, изложенные законоучителями въ ихъ запискахъ, вызвали замѣчанія со стороны нѣкоторыхъ членовъ совѣта; такъ г. *Мартыновъ* замѣтилъ, что, какъ видно изъ записокъ гг. законоучителей, законъ Божій относительно повтореній — они приравниваютъ къ другимъ предметамъ гимназическаго курса, которые главнымъ образомъ усваются умомъ, тогда какъ религіозныя истины воспринимаются чувствомъ. Евангельская и библейская исторіи дѣйствуютъ своимъ содержаніемъ на сердце учащагося и вся сила впечатлѣнія исчезнетъ, когда факты и обстоятельства, произведшія это впечатлѣніе, будутъ изучаться и потомъ повторяться обыкновеннымъ школьнымъ порядкомъ, а не восприниматься непосредственно душою. По мнѣнію г. *Мартынова*, изъ всѣхъ отдѣловъ по закону Божію, требуютъ повторенія церковная исторія, катихизисъ и т. п., какъ предметы, изученіе которыхъ основано на памяти, всего менѣе — исторія библейская и евангельская. Съ этимъ мнѣніемъ согласились гг. почетный поочетель *Прутченко* и *Овсянниковы*. Противъ этого законоучитель *Востоковъ* возразилъ слѣдующее: „Для того, чтобы достигнуть цѣли развитія религіознаго чувства въ дѣтяхъ, надобно, чтобы они знали святыя истины вѣры и благочестія; надобно, чтобы этому чувству предшествовало пониманіе сущности самаго законо-

ученія. Самое же знаніе должно быть ясно, точно и твердо, чего нельзя достигнуть безъ повторенія. Поэтому въ своихъ повтореніяхъ я преслѣдую не одну только экзаменаціонную цѣль, но вижу въ этомъ средство закрѣпленія въ умахъ и сердцахъ учениковъ того матеріала, который служитъ для вѣрнаго пониманія предметовъ ихъ вѣры и тѣмъ, безъ сомнѣнія, способствуетъ развитію, питанію и укрѣпленію самой вѣры и христіанской нравственности". Къ этому г. предсѣдатель съ своей стороны присовокушилъ, что дабы впечатлѣніе не было временнымъ, мимолетнымъ, а глубоко вкоренилось въ душу слушателя, необходимо разъяснить и закрѣпить въ его сознаніи тѣ догматы ученія или тѣ факты священной исторіи, которые произвели на него должное впечатлѣніе, а это и достигается систематическимъ изложеніемъ и повтореніемъ. На предложенные затѣмъ предсѣдателемъ вопросы: 1) признавать ли необходимымъ повтореніе закона Божія, какъ предмета гимназическаго курса, и если такъ, то 2) правильно ли ведется обоими законоучителями это повтореніе? — большинство членовъ совѣта отвѣчало на тотъ и другой вопросъ утвердительно.

— Г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, вслѣдствіе представленія директора училищъ Оренбургской губерніи, разрѣшилъ открыть при 2-мъ классѣ Оренбургской гимназіи параллельное отдѣленіе. (*Цирк. Каз. учеб. окр. № 17*).

— Начальство С.-Петербургскаго учебнаго округа, вслѣдствіе представленія директора Царскосельской Николаевской гимназіи, разрѣшило открыть при этомъ заведеніи приготовительный классъ, на основаніяхъ частнаго однокласснаго училища, съ помѣщеніемъ его въ зданіи гимназіи и подчиненіемъ надзору гимназическаго начальства. (*Цирк. С.-Петерб. учеб. окр. № 121*).

— Въ дополненіе къ напечатанному нами въ октябрьской книжкѣ извѣстію объ открытіи гимназіи въ Гельсингфорсѣ, считаемъ излишнимъ сообщить, что настоятельная необходимость учрежденія въ Финляндіи учебнаго заведенія для научнаго образованія юношества на отечественномъ языкѣ ощущалась здѣсь уже давно. По всеподданнѣйшему о томъ ходатайству генераль-губернатора, графу Адлербергу были предоставлены средства на содержаніе гимназіи, непосредственно ему подчиненной. Въстѣ съ тѣмъ, подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора, образовано особое по дѣламъ русскаго училища попечительство, въ завѣдываніе котораго поступила также состоявшая до сего времени на попеченіи Гельсингфорскаго

православнаго прихода начальная народная школа для бѣдныхъ обо-го пола дѣтей, въ которой состоятъ учащихся 87 мальчиковъ и 68 дѣвочекъ. Средства, потребныя на полное обзаведеніе гимназій, въ томъ числѣ и на приобрѣтеніе соответственнаго зданія въ полное распоряженіе попечительства, генераль-губернаторъ, въ виду уже заявленныхъ обѣщаній, предполагаетъ приобрѣсть изъ источниковъ частной благотворительности. (*Прав. Вѣстн.* № 240).

ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА.

Открытіе 4-й женской гимназій въ Москвѣ. — Женскіе курсы тамъ же. — Ломоносовская женская гимназія въ Ригѣ. — Женское училище 1-го разряда въ Петрозаводскѣ. — Женская гимназія почетныхъ гражданъ Поповыхъ въ Омскѣ, Тобольской губерніи. — Тарское, той же губерніи, женское училище 2-го разряда. — Едновѣрческая церковная женская школа въ гор. Златоустѣ, Уфимской губерніи. — Циркуляръ г. инспектора народныхъ училищъ Ярославской губерніи. — Двуклассное и одноклассное женскія училища въ Ярославлѣ. — Владимірская женская земская гимназія. — Женскія училища въ городѣ Кашинѣ, Тверской, и Мещовскѣ, Калужской губерніи. — Заѣданія Тульскаго уѣзднаго земскаго собранія. — Женское училище въ городѣ Богородицкѣ, Тульской губерніи. — Училища при женскихъ монастыряхъ Рязанскомъ, Орловскомъ, Пинскомъ и Вольянскомъ, Минской губерніи, и Нѣжинскомъ, Черниговской. — Шестиклассное женское училище въ Вильнѣ. — Женское рукодѣльно-промышленное заведеніе и научныя курсы при немъ въ Варшавѣ. — Женскіе педагогическіе курсы въ Тифлисѣ. — Пожертвованіе на женскія училища г. Семенова. — Ходатайство о благотворительномъ учрежденіи въ Россіи для воспитанія южно-славянскихъ дѣвицъ.

10-го октября текущаго года послѣдовало въ Москвѣ открытіе 4-й женской гимназій вѣдомства учреждений Императрицы Маріи. Изъ произнесенной при этомъ торжествѣ рѣчи начальника Московскихъ женскихъ гимназій Г. К. Виноградова, видно, что открытіе новой гимназій было результатомъ трудовъ и ходатайства предъ высшимъ начальствомъ попечителя Московскихъ женскихъ гимназій, князя Н. И. Трубецкаго. Въ заботахъ г. попечителя о гимназійхъ, какъ замѣтилъ г. Виноградовъ, выразилась та прекренія любовь къ нимъ, которою онѣ постоянно пользовались во все время его попечительства, и которая не ограничивается существующими заведеніями, но заботится объ устройствѣ новой гимназій въ частяхъ столицы, отдаленныхъ отъ мѣстныхъ центровъ образованія.

При открытіи 4-й женской гимназій былъ прочитанъ краткій историческій очеркъ развитія этихъ разсадниковъ женскаго образованія въ Москвѣ (*Совр. Лит.* № 39), изъ котораго узнаемъ между про-

чимъ, что движеніе въ пользу образованія упомянутыхъ гимназій возникло по случайному обстоятельству. Содержательница частнаго пансіона г-жа Пеничкау, по извѣстнымъ ей разчетамъ, подала просьбу на Высочайшее имя о переименованіи ея пансіона въ казенное училище для дѣвицъ. За неимѣніемъ средствъ, пансіонъ этотъ не могъ образовывать никакого казеннаго училища; но число дѣвицъ, въ немъ обучавшихся, давало возможность образовывать первое зерно для развитія женскихъ гимназій, а требовавшіяся для выполненія программы этихъ заведеній денежные средства, благодаря просвѣщенному содѣйствію Д. и А. П. Шиповыхъ и покойнаго потомственнаго почетнаго гражданина И. Ѳ. Мамонтова, были доставлены при первой о томъ просьбѣ, въ видѣ ежегоднаго пособія въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ существованія гимназій, въ количествѣ 2.500 руб.; съ этою суммой и было приступлено къ образованію гимназій, въ квартирѣ пансіона г-жи Пеничкау. Приглашенные для преподаванія наставники оказали благодушное и дружное содѣйствіе и готовность принести свои труды на общую пользу, согласившись преподавать за скудную плату (менѣе 70 к. за урокъ), едва достаточную для проѣзда въ заведеніе. Такимъ образомъ на эти скромныя средства положено было начало образованію 1-й Московской женской гимназій, открытіе которой послѣдовало 30-го августа 1859 года, при 38-и ученицахъ. Число это начало быстро увеличиваться и къ концу октября того же года возрасло до 171 ученицы. Въ устройствѣ 2-й женской гимназій приняли участіе бывшій Московскій генераль-губернаторъ П. А. Тучковъ и его супруга. Согласно Высочайшей волѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ, выраженной лично г. генераль-губернатору, чтобы представить жителямъ Москвы болѣе возможности образовывать дѣтей своихъ устройствомъ новой гимназій, П. А. Тучковъ вручилъ въ распоряженіе гимназическаго начальства для этой цѣли благотворительный капиталъ Рихтера въ 17.000 руб. Открытіе этой гимназій послѣдовало 30-го марта 1861 года, при 7-и ученицахъ. Такъ какъ, по уставу гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, городскія общества были призваны къ участію въ управленіи гимназіями, съ тою цѣлю, чтобы имъ извѣстны были нужды оныхъ, то Московская городская дума, видя недостаточность суммы, вносимой ученицами за обученіе, на покрытіе нужныхъ на то издержекъ, предначинчила двумъ своимъ гимназіямъ пособіе въ 4.000 руб.; однако возрастающія нужды и потребности ихъ поглощали не только эту сумму, но и благотворительный капиталъ Рихтера, который такимъ образомъ

въ концу марта 1865 года уменьшился до 5.000 руб. Въ 1865 году, 5-го февраля, состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ Московскія женскія гимназіи переданы были въ вѣдомство учреждений Императрицы Маріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали на твердую почву, получивъ для своего преобразованія, согласно уставу гимназій, и на содержаніе въ каждагодное пособие изъ суммъ вѣдомства около 25.000 руб. 5-го сентября того же года открыта 3-я женская гимназія при 16-и училищахъ. Съ этого времени, благодаря твердому положенію гимназій, лучшей ихъ организаціи, опредѣленнымъ правамъ для воспитанницъ, оканчивающихъ въ нихъ курсъ ученія, и заботливому вниманію о преуспѣяніи ихъ князя Н. И. Трубецкаго, которому Высочайше ввѣрено попечительство надъ ними, число ученицъ возрасло въ слѣдующемъ количествѣ: въ началѣ курса, при преобразованіи гимназій въ августѣ 1865 года, безъ пансіона г-жи Пеничкау, который отдѣлился въ особое заведеніе, въ 1-й гимназіи было 185 ученицъ; въ настоящемъ году число это увеличилось до 420 ученицъ; во 2-й гимназіи число дѣтей съ 16-и возрасло болѣе чѣмъ до 250; а всего въ трехъ прежде открытыхъ гимназіяхъ находится болѣе 1.000 человѣкъ. Не смотря на такой, по видимому, избытокъ ученицъ, явилась потребность въ 4-й гимназіи, которая и открыта 10-го октября сего года при 50-и училищахъ, распределенныхъ по тремъ дозволеннымъ въ открытію классамъ.

— Въ *Русской Лѣтописи* (№ 44) находимъ извѣстіе, что возвращенное въ Москвѣ открытіе при 3-й мужской гимназіи женскихъ курсовъ, оставляется почти безъ всякаго вниманія мѣстнымъ обществомъ, которое едва замѣчаетъ существованіе этого учрежденія, твердо продолжавшагося въ теченіе прошлой зимы и теперь снова открывшагося съ прибавленіемъ высшаго класса. Курсы эти начались осенью прошлаго года при 2-й мужской гимназіи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ бывшаго директора ея Ф. Н. Королева. Къ слушанію лекцій допускались, какъ и теперь допускаются, всѣ желающія, безъ стѣсненія поступающихъ числомъ предметовъ, которые каждая слушательница можетъ выбирать по своему усмотрѣнію. Большинство слушательницъ прошлаго года состояли изъ лицъ, или вовсе не имѣвшихъ средствъ для пополненія своего образованія, или заработывавшихъ кое-что преподаваніемъ, уроками, для успѣха которыхъ собственно онѣ и хотѣли еще сами учиться. Остальныя поступали на курсы просто изъ желанія ближе изучить отдѣльные предметы, или чтобы поддержать самыя курсы. При такомъ составѣ необходимо было

прежде всего озаботиться тѣмъ, чтобъ устроить предпріятіе какъ можно экономнѣе, на сколько позволяли ничтожныя средства курсовъ, и назначить самую скромную плату за ихъ слушаніе. Все это было выполнено учредительницами съ рѣдкою заботливостью, благодаря которой и явилась возможность продержаться курсамъ всю прошлую зиму, не смотря на то, что по мѣрѣ увеличенія числа слушательницъ была понижаема и плата за уроки, а болѣе недостаточныя лица и совсѣмъ были освобождены отъ нея. Только благодаря этой бережливости, къ концу учебнаго времени составилъ даже запасный фондъ въ 1.000 руб., который могъ служить нѣкоторымъ обезпеченіемъ для продолженія курсовъ въ слѣдующемъ году. Число женщинъ, слушавшихъ курсы, доходило до 150. Будучи возобновлены въ нынѣшнемъ году, женскіе курсы не имѣютъ матеріальнаго обезпеченія для того, чтобъ окончательно упрочиться, а для этого необходимы: постоянное удобное помѣщеніе, учебныя пособія, бібліотека, кабинеты и проч. По словамъ автора статьи, изъ которой мы извлекаемъ эти краткія свѣдѣнія, помѣщеніе курсовъ въ зданіи гимназій ведетъ къ тому неудобству, что уроки могутъ назначаться только въ вечерніе часы, когда учебныя залы гимназій свободны отъ уроковъ для мальчиковъ. Притомъ преподаваніе каждаго предмета, согласно уставу курсовъ, открывается лишь тогда, когда число желающихъ окажется достаточнымъ для того, чтобы покрыть необходимые расходы. Вслѣдствіе этого, въ ожиданіи полнаго комплекта слушательницъ, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ долго не производится вовсе, отчего даромъ теряется время для подписавшихся, да и самое ученіе не можетъ потомъ идти въ той полнотѣ и правильности, какого оно требуетъ. Въ заключеніе, авторъ выражаетъ желаніе, чтобы городская дума приняла это начинающееся предпріятіе подъ свое непосредственное покровительство: по крайней мѣрѣ, даже небольшое ежегодное съ ея стороны пожертвованіе изъ городскихъ суммъ, а не менѣе того и нравственная поддержка женскихъ курсовъ послужила бы для нихъ важнымъ обезпеченіемъ въ будущемъ. Редакція *Русской Литотиси* съ своей стороны справедливо замѣчаетъ, что для ознакомленія публики съ состояніемъ женскихъ курсовъ было бы существенно необходимо обнародовать подробныя свѣдѣнія, какъ объ устройствѣ этихъ курсовъ, о числѣ слушательницъ и преподаваемыхъ предметовъ, такъ и объ успѣхахъ самаго преподаванія, а также о настоятельныхъ нуждахъ этого учрежденія. Тогда, по мнѣнію редакціи, и общество посмотрѣло бы на нихъ другими глазами и не отказало бы имъ въ сочувствіи.

— Ломоносовская женская гимназія въ *Ритъ* приобретаетъ все болѣе и болѣе довѣріе мѣстнаго общества, что доказывается какъ значительнымъ числомъ учащихся въ ней, такъ и частыми просьбами родителей о приѣмѣ ихъ дочерей. Гимназія еще терпитъ нѣкоторыя неудобства отъ тѣсноты помѣщенія, но къ устраненію этихъ неудобствъ принимаются различныя мѣры. Въ прошедшемъ 18⁶⁹/70 учебномъ году ученицъ въ гимназіи было, какъ видно изъ отчетовъ ея, 148, изъ нихъ 133 православнаго исповѣданія, изъ прочихъ по 3 старообрядческаго и римско-католическаго исповѣданія и 9 лютеранскаго. По сословіямъ воспитанницы распредѣлялись такъ: дѣтей дворянъ, чиновниковъ и почетныхъ гражданъ 55, духовнаго званія 30, городскихъ сословій 63. Изъ нихъ 33 освобождены были отъ платы за ученіе и снабжены бесплатно руководствами изъ заведенной въ гимназіи библиотеки учебниковъ для бѣдныхъ дѣвицъ, состоящей изъ 254 экземпляровъ и 22-хъ названій. Средства гимназіи, въ ассигнуемыхъ изъ государственнаго казначейства суммахъ, а также поступившихъ изъ другихъ источниковъ, съ остатками отъ предыдущаго года, составляли 43.901 руб. 3 коп. Изъ нихъ израсходовано въ теченіе учебнаго года 31.380 руб. 35 коп., и затѣмъ къ 1-му августа 1870 года состояло въ остаткѣ 12.520 руб. 68 коп. Дѣло преподаванія въ гимназіи велось съ полнымъ усердіемъ, знаніемъ дѣла и готовностью облегчить для учащихся труды ученія. Учебники, одобренные министерствомъ народнаго просвѣщенія, служили ученицамъ только для повторенія слышаннаго и объясненнаго въ классѣ. Главная надзирательница обращала особенное вниманіе на преподаваніе русскаго языка, успѣхи въ которомъ, по недавности открытія гимназіи, сравнительно слабы. Библиотека для чтенія, которой основаніе было положено въ первый годъ существованія гимназіи приобрѣтеніемъ 7-и сочиненій въ 9-и томахъ, значительно увеличилась въ истекшемъ году. Выписаны были сочиненія лучшихъ русскихъ авторовъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ въ русскомъ переводѣ, всего на сумму 100 руб. Книги эти давались ученицамъ для прочтенія на домъ или прочитывались въ классѣ, въ отсутствіе кого-либо изъ преподавателей. Появленіе книгъ, хотя въ очень ограниченномъ числѣ, было встрѣчено ученицами гимназіи съ радостью: каждая желала поскорѣе получить книгу для домашняго чтенія, для чего оказалось необходимымъ ввести съ самаго начала очередное пользованіе книгами, чтобъ удовлетворить всѣхъ желающихъ читать ихъ. Гимназія сдѣлала также важное приобрѣтеніе для успѣшнѣйшаго преподаванія минералогіи, а именно приобрѣла 260

экземпляровъ главнѣйшихъ породъ металловъ, камней, земель, веществъ и солей. Минералы постоянно показываемы были ученицамъ во время уроковъ минералогіи, для лучшаго ознакомленія дѣвицъ съ произведеніями ископаемаго царства, при чемъ обращалось вниманіе на кристаллизацію, твердость, цвѣтъ, блескъ и прочіе отличительные признаки показываемыхъ образчиковъ. Приобрѣтены также въ большомъ количествѣ картины. По окончаніи экзаменовъ переведено въ высшіе классы 77 ученицъ. Нѣкоторые ревнители просвѣщенія вносили за 29 недостаточныхъ ученицъ плату. *Рижскій Вѣстникъ* (№ 226), на основаніи данныхъ отчета, дѣлаетъ заключеніе, что Ломоносовская гимназія во всѣхъ отношеніяхъ поставлена безукоризненно хорошо и прочно и имѣетъ всѣ задатки совершенствованія съ каждымъ годомъ, чего каждый Русскій отъ души желаетъ этому юному, но въ высшей степени важному учебному заведенію.

— Въ *Петрозаводскомъ* Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда состояло въ истекшемъ учебномъ 18⁶⁹/70 году 80 ученицъ, изъ коихъ по сословіямъ было дѣтей дворянъ и чиновниковъ 52, духовнаго званія 4, купцовъ 10, мѣщанъ и другихъ сословій 14; по вѣроисповѣданіямъ 77 ученицъ были православныя, остальные 3 принадлежали къ исповѣданіямъ римско-католическому, лютеранскому и иудейскому. Изъ ученицъ 9 были освобождены по бѣдности отъ платы за ученіе, а за 36 вносили плату различныя вѣдомства и частныя лица. 59 ученицъ обучались однимъ обязательнымъ предметамъ, 28 обязательнымъ и необязательнымъ вмѣстѣ и 5 одному французскому языку, сверхъ обязательныхъ предметовъ. Преподаватели, мало вознаграждаемые за свой тяжелый трудъ, вели дѣло преподаванія разумно и усердно. Училище, по ограниченности своихъ средствъ, вмѣсто шести одногодичныхъ классовъ, имѣетъ 3 двухгодичныхъ; ученицы по необходимости переводятся чрезъ два года въ слѣдующіе классы даже не успѣвшія, которыя и задерживаютъ собою преподаваніе. Это затрудненіе, съ преобразованиемъ училища въ семи-классную гимназію, устранится само собою и не болѣе какъ чрезъ два или три года гимназія устроится вполне. Въ истекшемъ учебномъ году перевода ученицъ въ слѣдующіе классы и выпуска изъ училища не было, а потому уроки продолжались до 15-го іюня. Чтобы доставить ученицамъ, окончившимъ курсъ въ предшествующемъ учебномъ году, возможность утвердиться въ знаніи училищнаго курса и серьезно подготовиться къ экзамену на званіе домашней учительницы, былъ открытъ при училищѣ временно особый IV-й классъ. На содер-

жаніе этого класса, съ 15-го сентября 1869 по 15-е мая 1870 года, употреблено 200 руб. Изъ 12-и учениць этого класса, 10 выдержали испытаніе на званіе домашнихъ учительницъ и одной выдано свидѣтельство на званіе частной начальной учительницы. Книгъ въ училищную бібліотеку поступило 2 тома. Къ 1-му августа 1870 года состояло книгъ всего 289 томовъ, картъ географическихъ 25, историческихъ 11, глобусовъ 2, атласовъ 4, минералогическая коллекція изъ 54-хъ нумеровъ, энтомологическая изъ 118-и насѣкомыхъ, гербарій изъ 90 видовъ растений. Учебныхъ руководствъ выдано недостаточнымъ ученицамъ на 3 руб. 81 коп. Суммы училища съ остатками отъ предыдущаго года составляли въ теченіе отчетнаго года 11.316 руб. 46 коп.; изъ нихъ израсходовано 2,284 руб. 40 коп.; въ остаткѣ къ 1-му августа 1870 года 9.032 руб. 6 коп. Въ юнѣ мѣсяцѣ 1869 года, Пудожской купецъ Малокрошечный пожертвовалъ на училище билетами 3.000 руб., проценты съ которыхъ, вмѣстѣ съ прежде пожертвованными 2.000 руб., изъявилъ желаніе употребить на учрежденіе при училищѣ 10-и стипендій для дочерей бѣднѣйшихъ гражданъ городовъ Олонецкой губерніи, на что воспослѣдовало, въ 4-й день октября 1869 года, Высочайшее соизволеніе. Въ настоящее время всѣ 10 стипендій имени г. Малокрошечнаго замѣщены. Отчетъ за 18^{69/70} учебный годъ свидѣтельствуетъ, что Петрозаводское Мариинское женское училище приноситъ несомнѣнную пользу для жителей губернскаго города и цѣлой губерніи: оно даетъ возможность женскому населенію получить порядочное образованіе, а болѣе успѣвшимъ и развитымъ дѣвцамъ подготовляться къ экзаменамъ на званіе домашнихъ учительницъ. Неблагопріятныя обстоятельства, въ которыя поставлено училище, много мѣшаютъ болѣе прочнымъ его успѣхамъ. При 8-лѣтнемъ возрастѣ, который опредѣленъ былъ прежнимъ положеніемъ для принятія учениць въ училище, не было возможности выполнять строго программу, которая рассчитана на болѣе серьезную подготовку, чѣмъ та, съ какою поступаютъ въ училище дѣти. Недостатокъ средствъ вынудилъ вмѣсто шести классовъ устроить три съ двухгодичными курсами, при чемъ по необходимости, рядомъ съ ученицами успѣвшими поднимаются изъ класса въ классъ малоуспѣвшія; оставленіе же слабыхъ воспитанницъ на 4 года въ одномъ и томъ же классѣ равносильно, какъ показалъ опытъ, увольненію ихъ изъ заведенія. Распредѣленіе предметовъ училищнаго курса на обязательные и необязательные, представляетъ также большія неудобства: оно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ замѣтную неравномѣрность въ развитіи уче-

ницъ, потому что въ то время, какъ обучающіеся однимъ обязательнымъ предметамъ занимаются рукодѣлемъ, подруги ихъ имѣютъ уроки по языкамъ, столь способствующіе развитію умственныхъ способностей дѣтей; устроить же для не учащихся языкамъ особые уроки по какому-либо предмету неудобно, да училище не имѣетъ къ тому и средствъ. Попечительный совѣтъ училища возлагаетъ всѣ надежды на ежегодное отъ правительства денежное пособіе, которое дастъ средства преобразовать училище въ семиклассную женскую гимназію.

Въ гор. Омскѣ (Тобольской губерніи) существуетъ съ 1863 года женская гимназія, извѣстная подъ наименованіемъ гимназій почетныхъ гражданъ Поповыхъ и имѣющая въ составѣ своемъ педагогическій курсъ. Изъ отчета о состояніи ея за 1869/70 учебный годъ, помѣщеннаго въ *Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 43), видно, что къ началу этого года въ ней оставалось 139 ученицъ, распредѣлявшихся по сословіямъ такъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 105, духовнаго званія 12, городскихъ сословій 21 и поселенцевъ 1, За исключеніемъ 2-хъ лютеранокъ и 2-хъ римско-католичекъ, всѣ прочія принадлежали къ православному исповѣданію. Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило въ гимназію 34, вышло окончившихъ курсъ (въ 7-и классахъ) 8, не окончившихъ курса 10; затѣмъ къ 15-му августа 1870 г. осталось 155 ученицъ. Гимназія была неоднократно посѣщаемъ г. генералъ-губернаторомъ западной Сибири, который нѣсколько разъ присутствовалъ при урокахъ, экзаменахъ и репетиціяхъ. Фундаментальная бібліотека гимназій, за отчисленіемъ нѣкоторыхъ изданій въ ученическую, къ концу отчетнаго года состояла изъ 91-го названія въ 165-и томахъ; ученическая изъ 152-хъ названій въ 270-и томахъ; въ теченіе года приобрѣтено книгъ въ послѣднюю на 293 руб. 56 коп. Физическій кабинетъ былъ не богатъ: въ немъ находилось всего только 6 инструментовъ и въ теченіе года приобрѣтено новыхъ на 7 руб. Кабинетъ естественныхъ произведеній, по отдѣлу минералогіи, состоитъ изъ 100 экземпляровъ горныхъ породъ Алтайскаго, Нерчинскаго и Уральскаго округовъ, пожертвованныхъ гимназій начальникомъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ, и изъ моделей кристаллизаціи минераловъ; новыя приобретенія въ этотъ кабинетъ не превышали суммы 6 руб. 50 коп. Учебныя пособія ограничиваются 24 названіями на сумму около 105 руб.; и вновь приобрѣтенъ рельефный глобусъ, стоящій 35 руб. При Омской женской гимназій существуетъ пріютъ „Надежда“, основанный въ 1858 году супругою бывшаго генералъ-губернатора западной Сибири, Гасфорга. Воспитанницы этого

пріюта обучаются въ гимназіи съ самаго ея открытія; въ отчетномъ году ихъ было 52. Денежныя средства гимназіи были: а) постоянныя—изъ общественнаго Сибирскаго банка 8.971 руб., и б) временныя, состоящія изъ сбора за ученіе и другихъ источниковъ, въ количествѣ 3.752 руб. 24 коп.; всего же 12.723 руб. 24 коп. Сумма, собираемая съ ученицъ, не имѣетъ отдѣльнаго назначенія, а вмѣстѣ съ прочими доходами употребляется на общіе расходы по содержанію заведенія.

Тарское (той-же губерніи) женское училище 2-го разряда, съ приготовительнымъ при немъ классомъ, имѣло, по показанію отчета за 18⁶⁹/70 учебный годъ (см. *Тобольскія Губ. Вѣд.* № 41), къ началу прошедшаго года 71 ученицу; въ теченіе года выбыло 29 ученицъ, вновь поступило 23, затѣмъ къ нынѣшнему учебному году состоитъ 65 ученицъ; всего обучались 94 ученицы, только одною ученицей менѣе противъ предыдущаго года. По сословіямъ состояло: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 9, духовнаго званія 7, куницъ 10, мѣщанъ 46, крестьянъ 5, солдатъ 16 и поселенцевъ 2. По произведеннымъ въ свое время испытаніямъ, оказались успѣвшими хорошо 8 ученицъ, удовлетворительно 14 и посредственно 5; выпущено съ аттестатами 5, удостоено наградъ 4, переведено въ слѣдующіе классы 20, въ томъ числѣ изъ 2-го въ 3-й классъ 3. Училище содержалось нынѣ на постоянныя суммы, отпускаемая ежегодно въ количествѣ 150 руб. изъ Тарскаго городского хозяйственнаго управленія, и на случайныя, состоящія изъ благотворительныхъ приношеній разныхъ лицъ, сборовъ съ лотерей и другихъ благотворительныхъ предпріятій. Общій приходъ суммъ, съ остаткомъ отъ предыдущаго года, составлялъ въ отчетномъ году билетами 600 р. и наличными 708 р. 36 к.; расходъ: билетами 100 р. и наличными 528 р. 41 к.; остатокъ къ 1-му іюля 1870 года составлялъ 179 руб. 95 коп.

— Въ *Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 41) находимъ свѣдѣнія о еднновѣрческой церковной женской школѣ въ гор. *Златоустѣ*. Въ школѣ этой состояло въ истекшемъ учебномъ году 35 ученицъ. Экзамены, произведенные въ іюлѣ сего года, показали, что наставники: священникъ А. Кыштымовъ, діаконъ К. Поляковъ и дѣвица Анна Козицына занимаются съ дѣтьми усердно и разумно. Въ отвѣтахъ ученицъ не было замѣчено ничего затверженнаго въ долбязку; видно было напротивъ сознательное усвоеніе выученнаго: дѣти разказывали обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ. По окончаніи экзамена, болѣе достойныя ученицы были награждены кни-

гами. Златоустовская единовѣрческая женская школа открыта священникомъ Кыштымовымъ въ 1868 году, содержится на средства общества единовѣрцевъ и помѣщается въ домѣ, купленномъ обществомъ. Предметы преподаванія слѣдующіе: законъ Божій, чтеніе гражданской и церковной печати, чистописаніе, арифметика, счетоводство и рукодѣліе. Въ 1868 году обучались въ ней 18 дѣвочекъ, а въ 1869/70 учебномъ, какъ сказано выше, 35; изъ нихъ 7 дѣвочекъ — дѣти законныхъ раскольниковъ, отданныя для обученія по добровольному желанію родителей, и нѣкоторыя изъ нихъ уже обучаются закону Божію. Библіотека училища весьма скудна, но С.-Петербургскій комитетъ грамотности не оставилъ училища безъ вниманія и прислалъ въ пользу его нѣсколько книгъ учебныхъ и для чтенія. Вообще же состояніе школы представляется во всѣхъ отношеніяхъ довольно удовлетворительнымъ. Довѣріе общества къ заведенію весьма замѣтно увеличивается и многіе охотно отдають туда своихъ дѣтей, даже раскольники.

— Изъ циркуляра г. инспектора народныхъ училищъ *Ярославской губерніи*, напечатаннаго въ мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 40), видно, что народныя училища посѣщаются слишкомъ малымъ числомъ дѣвочекъ, и что большинство народныхъ учителей пренебрегаетъ обученіемъ дѣвочекъ вообще, а иногда и считаетъ его лишнимъ. Вслѣдствіе такого положенія дѣла и очевидныхъ его послѣдствій, г. инспекторъ призналъ нужнымъ обратить на это особенное вниманіе народныхъ учителей, такъ какъ обученіе дѣвочекъ, будущихъ матерей семействъ, служить почти единственнымъ средствомъ для ускоренія правильнаго хода религіозно-нравственнаго и умственнаго образованія народа, почему онъ проситъ, чтобы народныя учителя старались привлекать въ училища и къ ученію съ одинаковымъ рвеніемъ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, и въ тѣхъ училищахъ, гдѣ число ученицъ будетъ достаточно, заботиться о введеніи рукодѣльныхъ классовъ.

Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Ярославскомъ уѣздѣ (см. *Яросл. Губ. Вѣд.* № 44) указываетъ на два женскихъ училища въ гор. *Ярославль*: двухклассное и одноклассное. Въ первомъ изъ нихъ найдена наибольшая успѣшность въ усвоеніи учащимися нужныхъ свѣдѣній, съ отчетливою ясностію и полнотой, по русскому языку и арифметикѣ, у наставницъ Конопацкой, Калипиной и двухъ Трусовыхъ. По свидѣтельству штатнаго смотрителя мѣстныхъ училищъ, въ ученицахъ упомянутаго училища замѣтно развитіе смысле-

ности въ такой степени, какую, къ сожалѣнію, рѣдко можно найти между дѣтми подобныхъ заведеній. По закону Божію успѣхи ученицъ также весьма хорошіе. Вообще училище это находится въ отличномъ состояніи. Всѣ названныя наставницы принадлежатъ къ числу самыхъ способныхъ и обладаютъ умѣньемъ передавать учащимся свои знанія съ особенною ясностію, полнотой и основательностію, вполне овладѣвая вниманіемъ дѣтей, которыхъ онѣ держатъ въ своихъ классахъ въ совершенномъ порядкѣ. Нельзя, къ сожалѣнію, того же сказать о Ярославскомъ женскомъ училищѣ, находящемся за рѣкою Котростью. Хотя оно относительно внѣшности находится въ отличномъ состояніи, но успѣхи ученицъ не вполне удовлетворительны. Наставница не отличается ни знаніемъ дѣла, ни усердіемъ, ни мягкимъ и вѣжливымъ обращеніемъ съ ученицами, такъ что во всѣхъ ея дѣйствіяхъ пробивается желчность и раздражительность, что и было поставлено ей на видъ предсѣдателемъ училищнаго совѣта.

— Въ ноябреской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (Совр. Лѣтоп. стр. 102) мы сообщили краткое извѣстіе объ открытіи въ губернскомъ городѣ *Владимірѣ* земской женской гимназій. Мѣстныя *Губернскія Вѣдомости* (№ 43) передаютъ по сему предмету нѣсколько подробностей, изъ коихъ мы извлекаемъ слѣдующія данныя. На недостатокъ женской гимназій во Владимірѣ указала губернскому земскому собранію 1867 года губернская земская управа, въ докладѣ своемъ, составленномъ членомъ ея Н. Д. Мпкулпнымъ; въ томъ же докладѣ указаны были и средства, которыми земство можетъ располагать для устраненія этого недостатка и для открытія въ губерніи высшаго женскаго учебнаго заведенія: Въ засѣданіи 2-го декабря того же года, земское собраніе, раздѣляя заключеніе по сему предмету губернской управы, постановило: употребить на этотъ предметъ, на первый разъ, сумму около 13.000 руб., предназначавшуюся первоначально на педагогическіе классы, которые учреждены не были, а затѣмъ, для устройства и содержанія женской шестиклассной гимназій, вносить ежегодно въ смѣту по 6.500 руб.; въ то же время, собраніе опредѣлило просить членовъ губернскаго училищнаго совѣта отъ земства снести съ училищными совѣтами тѣхъ губерній, гдѣ существуютъ подобныя заведенія, и соображаясь съ свѣдѣніями, которыя будутъ доставлены отъ этихъ совѣтовъ, а равно и съ средствами Владимірскаго земства, представить свои соображенія въ губернское земское собраніе. Такъ какъ сношенія эти

не дали никакого положительнаго результата, то земское собраніе, по настоятельному заявленію нѣкоторыхъ изъ гг. гласныхъ, въ засѣданіи 15-го декабря 1868 года, большинствомъ 24-хъ голосовъ противъ 1-го, постановило: учредить въ гор. Владимірѣ губернскую земскую женскую гимназію и поручило комиссіи изъ 7-и членовъ составить по этому предмету проектъ, который и былъ представленъ въ засѣданіе чрезвычайнаго земскаго собранія 12-го марта 1869 года. При этомъ высказано было мнѣніе — ходатайствовать объ отнесеніи учреждаемой гимназіи къ училищамъ для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, по уставу Высочайше утвержденному 9-го января 1862 года, съ нѣкоторыми дополненіями къ этому уставу, соотвѣтственно съ характеромъ заведенія, учрежденнаго на счетъ земства. Хозяйственный разчетъ комиссіи для устройства гимназіи заключался въ томъ, что комиссія полагала собираемую уже три года съ земства сумму на дѣло народнаго образованія, составлявшую 19.500 рублей, а за нѣкоторыми необходимыми изъ нея расходами, 13.380 руб., употребить на покупку дома и приспособленіе его къ предназначаемой цѣли, съ прибавкою на этотъ предметъ нѣкоторой суммы изъ другихъ имѣющихся въ распоряженіи земства источниковъ, безъ особаго новаго налога на земство. Въѣстѣ съ тѣмъ доложенъ былъ собранію отзывъ купца 1-й гильдіи Вознесенскаго посада Д. А. Напалкова о согласіи его быть почетнымъ блюстителемъ женской гимназіи съ ежегоднымъ пожертвованіемъ не менѣе 500 р. Такъ какъ вслѣдъ затѣмъ ходатайство земства о принятіи гимназіи въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи было отклонено, то губернская управа составила новый проектъ положенія о Владимірской земской женской шестиклассной гимназіи, согласовавъ его съ общимъ положеніемъ 10-го мая 1860 года о женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Средства учреждаемой гимназіи усилились еще тѣмъ, что Владимірская городская дума увѣдомила управу о состоявшемся приговорѣ гражданъ гор. Владиміра, которыми они предоставили думѣ ходатайствовать о закрытіи существовавшаго въ городѣ женскаго училища 2-го разряда и объ обращеніи отпускаемыхъ на содержаніе его изъ городскихъ доходовъ 1.500 руб. ежегодно на усиленіе средствъ гимназіи. Относительно составленія проекта гимназіи, въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года изъ министерства народнаго просвѣщенія, куда проектъ былъ представленъ, препровождено было къ г. попечителю Московскаго учебнаго округа предложеніе г. министра, въ коемъ его сіятельство, не находя надобности

въ утвержденіи особаго устава для Владимірской женской гимназіи, просилъ г. попечителя сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи во Владимірѣ женскаго училища 1-го разряда, въ шестиклассномъ составѣ, съ особымъ, согласно заявленію мѣстнаго земства, VII-мъ классомъ, и съ допущеніемъ отъ положенія 10-го мая 1860 года изложенныхъ въ проектѣ отступленій по хозяйственной части и по составу попечительнаго совѣта. Въ іюль же мѣсяцъ текущаго года управою получено новое положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденное ^{24-го мая} _{5-го іюня} 1870 года, каковое и принято въ руководство при учрежденіи гимназіи, открытой 22-го октября, на первый разъ въ составѣ 4-хъ классовъ. Въ дополненіе къ этимъ официальнымъ свѣдѣніямъ о ходѣ устройства Владимірской земской женской гимназіи, мы находимъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 22) извѣстіе, что попечительный совѣтъ гимназіи ограничилъ на первый разъ число воспитанницъ цифрою 96, и что кромѣ ежегоднаго пожертвованія г. Панаикова, о которомъ упомянуто выше, поступили въ пользу гимназіи еще слѣдующія пожертвованія: 1) отъ супруги губернскаго гласнаго И. В. Алябьева, Натальи Павловны Алябьевой, предложившей въ распоряженіе совѣта гимназіи на вѣчныя времена 300 руб. банковыми билетами, для взноса ежегодной платы за ученіе одной изъ ученицъ бѣднѣйшаго семейства, по преимуществу Владимірскаго уѣднаго земства, къ какому бы сословію она ни принадлежала, и 2) отъ душеприкащикова умершаго купца Шодчина, въ силу духовнаго завѣщанія, 4.000 руб.

— Во *Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 47) высказана мысль объ учрежденіи во Владимірѣ женскихъ педагогическихъ классовъ. Въ этомъ городѣ существуютъ уже мужскіе педагогическіе курсы и дѣятельность ихъ слушателей становится замѣтною; но, какъ бы не велика была польза, приносимая этими курсами, они, по недостаточному числу слушателей, не могутъ вполне удовлетворить потребностямъ губерніи, заключающей въ себѣ 1.202.000 жителей, изъ числа которыхъ только 77.000 живутъ въ городахъ, тогда какъ остальная масса жителей размѣщена въ 6.445 деревняхъ и селахъ, и число грамотныхъ въ селахъ, не исключая и такихъ, какъ Иваново, составляетъ еще ничтожный процентъ; суевѣріе въ народѣ почти также велико, какъ и прежде; еще предстоитъ много работы для того, чтобы наклонность къ пьянству уменьшилась, жестокость преступленій и количество ихъ ослабились; предстоитъ еще распространить въ народѣ много полезныхъ свѣдѣній, чтобы предупредить

эпидеміи, улучшить приемы земледѣлія и уничтожить рутину въ ремеслахъ и мануфактурѣ,—работы такимъ образомъ бездна, а дѣятелей мало. Устроить женскіе педагогическіе курсы во Владимірской губерніи тѣмъ болѣе важно, что въ мануфактурныхъ губерніяхъ грамотность наиболѣе необходима, и что пьянство, поражающее наблюдателя во всѣхъ промышленныхъ селахъ Владимірской губерніи, можетъ быть до извѣстной степени ослаблено, когда грамотность доставитъ болѣе удовольствій и расширитъ массу знаній, при помощи которыхъ можетъ быть возвышенъ уровень матеріальныхъ средствъ крестьянскаго быта. Отъ женщинъ можно также надѣяться, что онѣ своимъ добрымъ и кроткимъ вліяніемъ ослабятъ ту жестокость отношеній между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми, которая дѣлаетъ не выносимымъ и безъ того тяжелое положеніе женщинъ и дѣтей въ крестьянскомъ быту. Во Владимірѣ устроить женскіе педагогическіе курсы легко: для нихъ можно воспользоваться зданіемъ женской гимназіи, которое по вечерамъ бываетъ свободно; преподаватели найдутся или въ гимназіи, или въ семинаріи, или въ уѣздномъ училищѣ: нельзя сомнѣваться, что и желающихъ учиться на этихъ курсахъ явится не мало; изъ крестьянъ выйдетъ здѣсь едва-ли не болѣе желающихъ поступить на курсы чѣмъ во всякой другой губерніи; средствами, наконецъ, земство владѣетъ въ достаточной степени для такого дѣла. Какъ легко можетъ быть распространена грамотность между крестьянами при помощи женщинъ, доказываетъ извѣстный случай въ Вологодской губерніи, гдѣ одинъ священникъ, имѣвшій приходъ въ 1.000 слишкомъ душъ, выучилъ нѣкоторыхъ женщинъ своего прихода грамотѣ, научивъ ихъ при этомъ преподаванію грамоты по звуковому методу, и черезъ два года послѣ того безграмотное дотолѣ село сдѣлалось все грамотнымъ: матери, жены и сестры оправдали исполнѣ надежды священника.

— Изъ Кашина (*Тверской губерніи*) пишутъ въ *Русскія Вѣдомости* (№ 232), что существующее тамъ женское училище состоитъ изъ трехъ классовъ и приготовительнаго отдѣленія. Оно открыто въ 1859 году, и въ немъ, кромѣ общихъ предметовъ, дѣвочки обучаются рукодѣлію. Къ сожалѣнію, число ученицъ въ этомъ училищѣ съ каждымъ годомъ уменьшается: въ 1862 году въ немъ было 63 ученицы, а въ 1866 году только 38. Содержится училище на городскія средства; расходы на него простираются до 1.000 рублей слишкомъ въ годъ.

— Въ Мещовскѣ (*Калужской губерніи*), какъ сообщаютъ въ ту же газету (№ 238), образованіе юншества вообще идетъ успѣшно:

въ особенности же это слѣдуетъ сказать о женскомъ училищѣ, начальницею котораго состоитъ дама весьма образованная и вполне преданная своему педагогическому дѣлу. Въ этомъ училищѣ дѣвочки, кромѣ обученія грамотѣ и нѣкоторымъ наукамъ, учатся также разнымъ рукодѣльямъ, и успѣхъ ихъ по части вязанья, вышиванья и проч. по отзыву корреспондента, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

— Первое засѣданіе очереднаго *Тулскаго* уѣзднаго земскаго собранія, происходившее 28-го сентября сего года, началось, какъ видно изъ журналовъ этого собранія, протестомъ гласнаго священника Никольскаго, противъ отзыва земской управы, помѣщеннаго въ отчетѣ ея о мѣстной женской школѣ. По словамъ свящ. Никольскаго, управа неправильно донесла собранію, что воспитанницы въ объясненіи молитвъ и фактовъ показываютъ крайнюю неразвитость, такъ какъ еслибъ это дѣйствительно было, то члены управы, бывшіе при экзаменѣ, не ставили бы дѣвочкамъ удовлетворительныхъ балловъ. Члены управы заявили на это, что баллы не могутъ служить точнымъ выраженіемъ степени развитости ученицъ; что имъ ставили удовлетворительные баллы за знаніе того, что ихъ заставляли учить наизусть изъ закона Божія, за умѣнье читать и машинальное знаніе четырехъ правилъ ариметки, а причиною неразвитости ихъ при отвѣтахъ на требуемыя у нихъ объясненія члены управы признавали частое непосѣщеніе ими классовъ, противъ котораго управа и предполагаетъ принять мѣры, предлагаемыя въ докладѣ, но они вовсе не желали обвинять въ этомъ преподавателей. При этомъ члены управы заявили, что, за отсутствіемъ на экзаменѣ членовъ училищнаго совѣта, они не могли не обратить вниманія на успѣхи воспитанницъ и не высказать откровенно собранію своихъ впечатлѣній; хвалить же безусловно все, когда имъ что-либо показалось плохо, они не считаютъ себя въ правѣ. Многіе изъ гг. гласныхъ, выражая сожалѣніе объ отсутствіи на экзаменѣ членовъ училищнаго совѣта, находили, что управу слѣдуетъ всячески благодарить за то, что члены ея, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, не отказались слѣдить и за экзаменами въ школѣ. Тогда законоучитель Никольскій заявилъ, что онъ не желаетъ быть болѣе преподавателемъ въ школѣ, къ каковому заявленію присоединились и начальница княжна Оболенская и помощница ея г-жа Сторожевская, которыя выразили, что не желаютъ препятствовать лучшему въ школѣ преподаванію, если на ихъ мѣста найдутся достойнѣйшія. Собраніе, выслушавъ докладъ управы о женской школѣ и въ виду заявленія наставниковъ школы, нашло, что изъ балловъ, поставленныхъ членами

управы, является возможность заключить, что и въ прошедшемъ учебномъ году воспитанницы оказали нѣкоторые успѣхи, но что эти успѣхи, при томъ усердіи, которое всегда оказывали преподаватели, могли бы быть еще значительнѣе, если бы воспитанницы прилежибѣ посѣщали школу, а потому опредѣляло: объявить отъ имени земства благодарность преподавателямъ и просить ихъ продолжать свои занятія въ школахъ. Нельзя не къ этому присовокупить, что и во 2-мъ засѣданіи собранія, 29-го сентября, былъ также протестъ противъ слишкомъ строгаго отзыва о школахъ, именно: двое гласныхъ нашли такимъ отзывъ г. смотрителя народныхъ училищъ о плохомъ будто бы состояніи школъ Хрущевской и Можайской, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, ученіе идетъ очень недурно, что подтверждено было и въ отчетѣ за прошлый годъ, составленномъ предсѣдателемъ училищнаго совѣта, г. Левашевымъ, осматривавшимъ Хрущевскую школу. Въ этомъ же засѣданіи Тульского уѣзднаго земскаго собранія единогласно утверждены доклады управы объ учительскихъ классахъ и объ учрежденіи школы въ с. Чулковѣ, и смѣта на народное образованіе въ количествѣ 2.400 рубл.

— Изъ отчета о второразрядномъ женскомъ училищѣ гор. *Богородица* за 1869/70 учебный годъ, помѣщенного въ *Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 52), видно, что въ училищѣ этомъ, существующемъ съ 1861 года, обучаются безплатно дѣти купцовъ и мѣщанъ; дѣти же чиновниковъ и лицъ, не принадлежащихъ къ городскому обществу, вносятъ за своихъ дѣтей по 6 руб. въ годъ. Успѣхи во всѣхъ трехъ классахъ училища, изъ коихъ одинъ приготовительный, оказались при годичномъ испытаніи весьма удовлетворительными. Всѣхъ ученицъ въ теченіе отчетнаго года было 116. Въ нравственномъ отношеніи училище, по общему отзыву надзирательницы и преподавателей, заслуживаетъ полной похвалы: ученицы, во все продолженіе ученія, постоянно были скромны, вѣжливы и прилежны. Много заботливости о благосостояніи училища прилагаетъ попечительница его графиня А. А. Бобринская, пожертвовавшая 200 руб. на постройку новаго дома для училища и доставляющая на свой счетъ учебныя пособія и предметы, необходимыя для обученія ученицъ руководящую. На ея же счетъ выдаются бѣднымъ ученицамъ учебныя книги, а лучшимъ изъ нихъ, при переходѣ въ другіе классы и при выпускѣ даются книги въ награды; кромѣ того бѣднѣйшимъ дается обувь и одежда. Въ концѣ учебнаго года переведены въ слѣдующіе классы 59 ученицъ и окончили курсъ 6, всѣ съ наградами.

— Въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1869 годъ (Совр. Лѣт. стр. 70—72) сообщено было извлеченіе изъ устава учрежденнаго при *Рязанскомъ* женскомъ монастырѣ женскаго училища, которое обязано существованіемъ своимъ просвѣщенной и благотворительной заботливости о бѣдныхъ дѣтяхъ Рязанскаго городскаго общества со стороны учредителя мѣстнаго общественнаго банка, Московскаго I-й гильдіи купца С. А. Живаго. *Рязанскія Епархіальныя Вѣдомости* (№ 2 за 1870/71 годъ) сообщаютъ теперь нѣсколько свѣдѣній о нынѣшнемъ состояніи упомянутаго училища. Заведеніе это открыто 22-го октября 1868 года. Настоятельница монастыря, игуменья Евгенія, устроила въ своихъ келіяхъ два класса, снабдивъ ихъ всѣми необходимыми принадлежностями, приобрѣла требуемыя уставомъ учебныя пособія и оказавшихся на лицо 20 дѣвочекъ (полный комплектъ бесплатныхъ ученицъ опредѣленъ въ 30 дѣвиць), изъ которыхъ однѣ проживали въ монастырѣ, другія же были представлены дирекціею банка отъ городскаго общества по жребію, распредѣлила по обимъ классамъ. Такъ какъ большая часть изъ нихъ или дѣти бѣднѣйшихъ родителей или совершенно безпріютныя сироты, и притомъ, по мѣсту жительства своего въ разныхъ мѣстахъ города Рязани, находятся въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ училища, что по малолѣтству ихъ и по недостатку теплой одежды дѣлаетъ посѣщеніе ими училища крайне затруднительнымъ, то въ видахъ облегченія для нихъ средствъ къ образованію, настоятельница въ продолженіи всего учебнаго времени каждодневно содержала обѣденнымъ столомъ болѣе 20-и приходящихъ дѣвочекъ; нѣкоторыя же изъ нихъ получали полное содержаніе на счетъ настоятельницы и помѣщались въ зданіи училища. Преподаваніе научныхъ предметовъ совершалось сообразно съ программой училища, причемъ нѣкоторыя изъ монастырскихъ сестеръ, съ полнымъ усердіемъ, разными способами помогали настоятельницѣ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Произведенныя въ іюль мѣсяцъ настоящаго года испытанія воспитанницъ показали, что ими оказаны вполне удовлетворительныя успѣхи по преподаваемымъ предметамъ. Участіе настоятельницы въ дѣлѣ воспитанія дѣвочекъ обнаруживалось ежедневнымъ посѣщеніемъ ею классовъ, съ цѣлію наблюденія за преподаваніемъ и помощи наставницамъ въ преподаваніи. Менѣе даровитыя изъ воспитанницъ оставлялись ею даже на ночь въ монастырѣ, и въ ея собственныхъ келіяхъ, подъ ея непосредственнымъ руководствомъ, приготовляли свои классныя уроки. Всѣ же безъ исключенія воспитан-

ницы каждодневно предъ началомъ классовъ, до прихода наставника, спрашивались ею. Все это дѣйствовало тѣмъ благотворнѣе, что учебныя руководства по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ и другія ученическія и классныя принадлежности приобрѣтались, а также производилась плата наставникамъ за преподаваніе настоятельницами изъ ея собственныхъ средствъ. Оттого обученіе воспитанницъ въ теченіе истекшаго двухгодичнаго курса шло весьма благополучно. По окончаніи экзаменовъ 13 воспитанницъ получили награды.

— При *Орловскомъ* женскомъ монастырѣ также открыто училище для дѣвицъ, преимущественно духовнаго званія. Оно находится подъ руководствомъ настоятельницы монастыря, игуменіи Амфилохій, воспитаніемъ занимаются способныя къ тому сестры монастыря, получившія образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ. Открытіе училища послѣдовало, по донесенію игуменьи (см. *Орлов. Епар. Вѣд.* № 22), 18-го октября 1870 года, при чемъ въ училище поступило 30 дѣвочекъ; изъ нихъ, не смотря на преимущественное назначеніе училища, дѣвицъ духовнаго званія было только 8; прочія—дѣти чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ.

— Въ *Минской* губерніи послѣдовало въ началѣ текущаго года распоряженіе епархіальнаго начальства объ учрежденіи женскихъ училищъ при женскихъ монастыряхъ Пинскомъ и Вольпянскомъ, при первомъ на 15, при послѣднемъ на 10 ученицъ, съ тѣмъ чтобъ онѣ, при посредствѣ способныхъ монахинь и послушницъ и подъ надзоромъ настоятельницъ, пріучались хорошо читать по славянски и по русски, писать, знать первыя четыре дѣйствія арифметики и рукодѣлья; обученіе воспитанницъ закону Божию и священной исторіи было возложено на духовниковъ означенныхъ монастырей, церковному же ибнію—на псаломщиковъ. Изъ указа консисторія по сему предмету (см. *Мин. Епарх. Вѣд.* № 17) видно, что при обихъ названныхъ монастыряхъ есть фермы, которыя, хотя и въ небольшомъ размѣрѣ, доставляютъ имъ пособіе къ содержанію; что въ томъ и другомъ монастырѣ нѣтъ полнаго комплекта монахинь, а жалованье, отпускаемое по штату, вполнѣ поступаетъ въ пользу монастырей, и что въ Пинскомъ монастырѣ, кромѣ штатнаго содержанія, отпускаемаго отъ казны, поступаютъ еще къ усиленію средствъ содержанія проценты въ количествѣ 400 рубъ съ капитала въ 10.000 руб., завѣщаннаго графинею А. А. Орловою-Чесменскою, и наконецъ получаютъ не малые доходы отъ отдачи въ наемъ квартиръ въ домѣ, отдѣльномъ

отъ монастыря. Такимъ образомъ, средства для содержанія училищъ имѣются достаточныя.

— *Черниговскія Епархіальныя Извѣстія* (№ 7) сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній о женскомъ училищѣ, состоящемъ при *Нѣжинскомъ* женскомъ монастырѣ. Училище это существуетъ съ 1863 года. Первоначальная программа его была очень ограниченна, потому что настоятельница монастыря, игуменья Смарагда, учредившая это училище, не могла допустить мысли о преподаваніи въ училищѣ свѣтскихъ предметовъ, напримѣръ, музыки и новѣйшихъ языковъ. Но съ увеличеніемъ числа ученицъ сама собою выработалась мысль о необходимости восполнить образованіе по возможности для желающихъ, вслѣдствіе чего были приглашены для преподаванія, вмѣсто монахинь, классныя дамы и пепивьерки. Собразуясь съ современными требованіями и слѣдя неуспшно за ходомъ обученія, игуменья Смарагда поставила училище на степень благоустроеннаго заведенія, чѣмъ возбудила общее къ себѣ уваженіе. Преподаваніе предметовъ совершается не только классными дамами, живущими въ училищѣ, но и приглашенными на разные предметы учителями и законоучителями, которые всѣ занимаются предметами своими съ усердіемъ, и по лучшимъ, сравнительно со многими уѣздными училищами, методамъ. Училище состоитъ изъ 3-хъ классовъ съ двухгодичнымъ курсомъ. Игуменья часто посѣщаетъ классы и лично повѣряетъ дѣйствія учащихъ и успѣхи ученицъ. Большая часть воспитанницъ живутъ при училищѣ. Въ 1868/69 учебномъ году всѣхъ ученицъ состояло 59, изъ нихъ духовнаго званія 20, дѣтей дворянъ 26, купцовъ 6, мѣщанъ 5 и казаковъ 2.

— Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* настоящаго года (Совр. Лѣт. стр. 174 — 175 и 267 — 268) сообщено было объ открытіи въ Вильнѣ шестикласснаго женскаго училища съ пансіономъ. Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* (№ 117), по поводу этого событія, помѣщено нѣсколько данныхъ, доказывающихъ важное значеніе упомянутаго заведенія для сѣверо-западнаго края. По великому значенію женщины въ семьѣ и обществѣ, для блага и спокойствія Россіи важно поставить здѣшнюю женщину въ условія, благопріятныя истинному прогрессу, и при посредствѣ правильнаго образованія, устранить вредныя вліянія отъ будущихъ матерей семействъ и наставницъ подростостающаго поколѣнія. Въ ясномъ сознаніи необходимости этого дѣла, правительство, начиная съ 1864 года и доселѣ, продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, увеличивая число женскихъ учебныхъ заведеній и организуя разумный контроль

надъ ними. По официальнымъ свѣдѣніямъ за 1863 годъ, женскихъ учебныхъ заведеній къ 1-му января 1864 года состояло въ краѣ: казенныхъ для первоначальнаго обученія школъ 2 — одна въ Вильнѣ, другая въ Минскѣ; частныхъ пансіоновъ 19, изъ нихъ четырехклассныхъ 12, двухклассныхъ 6 и одноклассный 1. Состояніе этихъ пансіоновъ было неудовлетворительно: содержательницы ихъ и гувернантки-преподавательницы знали плохо русскій языкъ и были совершенно чужды педагогическаго образованія; господствовавшее въ этихъ училищахъ направленіе не соотвѣтствовало видамъ правительства. Большинство содержательницъ и наставницъ въ нихъ, заботясь только о потворствѣ антинаціональнымъ страстямъ нѣкоторыхъ членовъ мѣстнаго общества, совершенно упустили изъ виду свою главную задачу — разумное обученіе и наученіе дѣтей. Слѣдствіемъ этого, по ревизіямъ, оказывалось замѣчательное невѣжество и самихъ воспитательницъ и питомицъ во многихъ вышеупомянутыхъ пансіонахъ. О женскихъ училищахъ для простаго народа почти не могло и быть серіозной рѣчи. Такое положеніе женскаго образованія въ сѣверо-западномъ краѣ привело къ необходимости, съ одной стороны, закрыть мало по малу частные пансіоны, не представлявшіе гарантій своей благоуспѣшности и благонадежности, а съ другой, устроить новыя пансіоны и первоначальныя училища по городамъ, съ начальницами русскаго происхожденія во главѣ и съ назначеніемъ имъ пособій отъ казны. Тогда же, съ организаціей народныхъ училищъ разныхъ наименованій, начали открываться женскія отдѣленія и смѣны по деревнямъ и мѣстечкамъ, и такія же смѣны въ городахъ, при приходскихъ училищахъ. Образованіе женскаго поколѣнія частію сосредоточено было въ рукахъ правительства, частію подчинено строгому и правильно организованному правительственному контролю. Вслѣдствіе принятыхъ такимъ образомъ мѣръ, къ концу 1867 года въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ состояло уже частныхъ женскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, отчасти съ субсидіей отъ казны: на степени гимназій и прогимназій 6, на степени уѣздныхъ училищъ 8 и на степени приходскихъ 16; сверхъ того, на счетъ казны, при уѣздныхъ училищахъ женскихъ смѣнъ 39; наконецъ, въ приходскихъ и народныхъ училищахъ въ томъ же году числилось уже 7.218 учащихся дѣвочекъ. Но заботы правительства о дальнѣйшемъ практическомъ развитіи этого вопроса не ограничились указанными мѣрами. Съ 1868 года стало возникать убѣжденіе въ необходимости расширенія женскаго образованія въ краѣ. Оно основывалось на слѣдующихъ

данныхъ: 1) почти всѣ упомянутыя женскія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія принадлежать къ разряду низшихъ, и потому не могутъ сообщать желающимъ серьезнаго и основательнаго образованія; 2) хотя эти заведенія находятся въ рукахъ благонадежныхъ содержательницъ и наставницъ и контролируются учебнымъ начальствомъ, но не могутъ представить той устойчивости, какая сообщается заведеніямъ, содержимымъ самимъ правительствомъ, къ которымъ и общество питаетъ болѣе довѣрія и которыя совершенно чужды экономическихъ разчетовъ содержательницъ частныхъ заведеній; 3) существующая въ Вильнѣ женская гимназія вѣдомства императрицы Маріи не достаточна для постоянно возрастающаго числа желающихъ дать дочерямъ своимъ общее образованіе и не имѣтъ пансіона, въ которомъ ученицы могли бы найти помѣщеніе и благонадежный надзоръ за собою въ стѣнахъ заведенія. Эти соображенія и были, какъ полагаетъ *Виленскій Вѣстникъ*, причиной учрежденія новаго учебнаго женскаго заведенія.

— Корреспондентъ *Судебнаго Вѣстника* сообщаетъ нѣсколько интересныхъ подробностей о существующемъ въ Варшавѣ женскомъ рукодѣльно-промышленномъ заведеніи г-жи Шмидтъ, о которомъ мы уже говорили въ сентябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1869 года (Совр. Лѣт. стр. 94). Въ настоящее время въ заведеніи этомъ, имѣющемъ мастерскую и, съ 1-го ноября сего года, базаръ для продажи различныхъ вещей женской работы и для принятія заказовъ, съ охотой учатся и работаютъ очень многія женщины; между ученицами есть даже матери семействъ съ своими дочерьми. Общество встрѣтило появленіе этого полезнаго заведенія съ полнымъ сочувствіемъ, и заведеніе теперь едва успѣваетъ изготовлять присылаемые ему заказы. Однако г-жа Шмидтъ не остановилась на этомъ дѣлѣ. Сознавая пользу научнаго образованія женщинъ, посвятившихъ себя тяжкому труду, она въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года исходатайствовала у правительства разрѣшеніе открыть у себя въ заведеніи курсъ реальныхъ наукъ для женщинъ. Весь курсъ дѣлится на три періода. Въ первый періодъ, съ 25-го мая по 1-е сентября (по новому стилю), читались: минералогія, химія неограниченныхъ тѣлъ (съ опытами), физика (также съ опытами), всеобщая и торговая географія. По каждому предмету прочтено было 25 лекцій. Во второмъ періодѣ, съ 1-го сентября по 20-е декабря, будутъ прочтены: зоологія, ботаника, физика (вторая часть), химія органическихъ тѣлъ.

технологія, свѣдѣнія изъ геологіи и физической географіи (по 40 лекцій), гигиена и теорія ремесель. Въ третьемъ періодѣ, со 2-го января 1871 года по 1-е мая: эстетика, теорія и исторія искусствъ (живопись и музыка), свѣдѣнія изъ политической экономіи, педагогика (воспитаніе дѣтей до 10-лѣтняго возраста и первоначальное обученіе ихъ по системѣ Фребеля), законы о торговлѣ, и въ заключеніе, товаровѣдѣніе. Большую часть предметовъ читаютъ профессоры Варшавскаго университета, по вечерамъ, начиная съ 7-и часовъ. Каждая лекція продолжается отъ 1½ до 2-хъ часовъ. Плата за слушаніе лекцій самая умѣренная, а именно: для абонировавшихся вообще женщинъ, а также для учащихся въ заведеніи различнымъ мастерствамъ и для воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ—по 15 к. за каждую лекцію, для всѣхъ же прочихъ слушательницъ по 25 коп. Кромѣ этихъ лекцій, г-жа Шмидтъ открыла у себя съ 1-го іюня, также съ разрѣшенія правительства, лекціи самыхъ необходимыхъ общеобразовательныхъ наукъ, по два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и средамъ. Лекціи продолжаются по часу, два раза въ день. Цѣль этихъ лекцій—подготовлять малообразованныхъ ученицъ заведенія къ слушанію въ послѣдствіи реальныхъ наукъ. Плата—5 коп. за лекцію. Эти лекціи идутъ весьма успѣшно.

— Изъ отчета о дѣятельности существующихъ въ *Тифлисъ* женскихъ педагогическихъ курсовъ, со времени открытія ихъ 1-го февраля 1869 года до 17-го мая этого года, между прочимъ, видно, какъ извѣщаютъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 254), что изъ общаго числа слушательницъ, доходящаго до 106, уроки по физикѣ посѣщали 69, по математикѣ 67, по естественной исторіи 63, по русской грамматикѣ 57, по исторіи 55, по географіи 55, по словесности 42 и по практическимъ упражненіямъ въ русскомъ языкѣ 36. Цѣль этихъ курсовъ заключалась въ томъ, чтобы дать женщинамъ, занимающимся обученіемъ и воспитаніемъ для готовящихся къ педагогическому дѣлу, возможность возобновить и освѣжить въ своей памяти пріобрѣтенныя ими познанія и содѣйствовать дальнѣйшему развитію чрезъ сообщеніе новыхъ свѣдѣній и возбужденіе къ самостоятельному умственному труду. Курсы продолжаютъ свою дѣятельность, и въ текущемъ семестрѣ въ нихъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и практическія приспособленія, при чемъ еще болѣе облегчена слушательницамъ возможность учиться, какъ уменьшеніемъ платы, такъ и раздѣленіемъ ихъ по степени знанія на два класса.

Потомственный почетный гражданинъ А. О. Симоновъ сдѣлалъ значительное пожертвованіе въ пользу женскаго образованія на Кавказѣ и за Кавказомъ. По словамъ мѣстной газеты, онъ пожертвовалъ на этотъ предметъ 25.000 руб., распредѣливъ пожертвованный капиталъ такимъ образомъ: 10.000 руб. на Тифлисскія женскую гимназію и бесплатныя школы, по 5 тысячъ на каждое учрежденіе, а 15.000 руб. ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ и начиная съ 1-го сентября 1871 года, по пяти тысячъ, въ распоряженіе Великой Княгини Ольги Феодоровны, для тѣхъ изъ заведеній края, которыя болѣе нуждаются въ матеріальномъ пособіи.

— Живая нравственная связь, все болѣе и болѣе устанавливающаяся между Русскими и Славянами, привела существующее въ Одессѣ Болгарское настоятельство къ мысли о необходимости образованія особаго благотворительнаго учрежденія въ Россіи для воспитанія южно-славянскихъ дѣвицъ. Ходатайство объ этомъ уже поступило, по словамъ *Правительственнаго Вѣстника*, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Сознавая потребность женскаго образованія въ средѣ Болгарскаго народа, Одесское Болгарское настоятельство еще въ 1867 году ходатайствовало, чрезъ министерство народнаго просвѣщенія, объ отпускѣ ежегодно 1.500 р. на учрежденіе въ мѣстныхъ гимназіяхъ пяти стипендій для Болгарскихъ дѣвицъ, съ цѣлью предоставленія имъ въ послѣдствіи мѣсть наставницъ на ихъ родинѣ, а въ 1869 году представило всеподданнѣйшую просьбу объ открытіи для той же цѣли еще 10 подобныхъ стипендій, которыя и учреждены при Фундуклеевской женской гимназій въ Кіевѣ. Независимо отъ этого, коммерціи совѣтникъ Топковъ ежегодно жертвуетъ изъ своей собственности 50.000 пастровъ для поддержанія семи женскихъ училищъ въ разныхъ мѣстахъ своей родины. Затѣмъ, хотя въ настоящее время почти вездѣ въ Болгаріи учреждаются общественныя женскія училища, но существуетъ настоятельная потребность въ наставницахъ. Въ виду этого было бы, по мнѣнію настоятельства, весьма желательно учрежденіе въ Россіи частнаго дамскаго благотворительно-воспитательнаго комитета для образованія южно-славянскихъ дѣвицъ. Мѣстомъ учрежденія означеннаго комитета настоятельство считаетъ полезнымъ избрать Москву, а чтобы образованіе принесло ожидаемую пользу, находить необходимымъ обратить вниманіе, между прочимъ, на рукодѣлія, церковное пѣніе, и въ особенности на изготовленіе церковныхъ одеждъ и другихъ подобныхъ предметовъ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Дѣйствія земскихъ собраній по предмету народнаго образованія: Тотемскаго, Вологодской губерніи; Орловскаго и Елабужскаго, Вятской губерніи. — Назначеніе суммъ на народное образованіе земскими собраніями Олонецкой губерніи. — Дѣйствія уѣзныхъ земскихъ собраній Повѣнецкаго, Олонецкой губерніи; Новгородскаго и Устюженскаго, Новгородской губерніи. — Положеніе земскихъ школъ въ Ярославской губерніи. — Отзывъ Любимскаго и Угличскаго земскихъ собраній, той же губерніи, о проектѣ земской учительской школы. — Состояніе народнаго образованія въ Кашинскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. — Народное образованіе въ Костромской губерніи. — Постановленія Вязниковскаго земскаго собранія, Владимірской губерніи. — Приходскія училища въ гор. Суздаль. — Общее состояніе народнаго образованія во Владимірской губерніи. — Дѣйствія уѣздныхъ земскихъ собраній Бронницкаго и Подольскаго, Московской губерніи; Чернскаго, Елифанскаго, Ефремовскаго и Богородицкаго, Тульской губерніи. — Дѣйствія земскихъ собраній Тамбовской губерніи. — Постановленіе Ланшевскаго земскаго собранія, Казанской губерніи. — Состояніе народнаго образованія и дѣятельность земскихъ собраній въ Псковской губерніи. — Постановленія уѣздныхъ собраній Новозыбковскаго, Черниговской губерніи; Кишиневскаго и Аккерманскаго, Бессарабской области. — Пожертвованія на народное образованіе въ Кишиневскомъ уѣздѣ.

Продолжаемъ отчетъ о дѣятельности земскихъ собраній по предмету народнаго образованія, начатый въ послѣдней книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

Во время сентябрскихъ засѣданій *Тотемскаго (Вологодской губерніи)* земскаго собранія, между прочимъ, собраніемъ этимъ было постановлено (см. *Правит. Вѣстн.* № 259):

Съ 1871 года содержать на счетъ земства 9 находящихся въ вѣдѣніи государственныхъ крестьянъ сельскихъ училищъ. На каждое училище отпускать: на жалованье учителю 170 руб., законоучителю 40 руб., на учебныя пособія 15 руб., на отопленіе и освѣщеніе 20 р., на наемъ сторожа 15 руб. Кромѣ того, для трехъ изъ этихъ училищъ, не имѣющихъ собственныхъ домовъ, ассигновать на наемъ квартиры по 40 руб. на каждое. Въ каждомъ училищѣ должно быть не менѣе 20 постоянныхъ учениковъ. Такъ какъ два училища въ волостяхъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, согласно циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21-го декабря прошлаго года, должны и на будущее время содержаться на счетъ уравнительнаго подушнаго сбора съ этихъ крестьянъ, а между тѣмъ эти послѣдніе должны участвовать на равнѣ съ прочими обывателями въ земскихъ платежахъ, то въ видахъ уравнинія, открыть въ этихъ волостяхъ, на счетъ земства, образцовое училище, на содержаніе котораго отпускать еже-

годно по 520 рублей, то-есть, сумму, равную нужной на содержаніе двухъ сельскихъ школъ. Если ассигнуемыхъ 520 рублей будетъ не достаточно на содержаніе училища, то предложить обществу по-полнять недостающую сумму особымъ съ нихъ сборомъ. Содержаніе наставницы для дѣвочекъ при Шуйскомъ сельскомъ училищѣ принять на счетъ земства, назначивъ ей жалованья 75 руб. въ годъ. Въ мѣстностяхъ, которыя отдалены отъ сельскихъ училищъ, открыть 12 приходскихъ сельскихъ школъ, для обученія крестьянскихъ дѣтей чтенію и письму. Жалованье учителю каждой школы положить по 60 руб. въ годъ. Школы эти должны быть открыты въ помѣщеніяхъ, устроенныхъ для приходскихъ школъ духовнаго вѣдомства, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ учитель обязанъ уже самъ найти удобное для школы помѣщеніе. Обученіе, по невозможности найти хорошихъ учителей за такое скромное жалованье изъ частныхъ лицъ, предоставить мѣстному духовенству и только въ крайнемъ случаѣ обученіе можетъ быть ввѣрено учителю не изъ приходскаго духовенства. Если учителемъ въ школѣ не можетъ быть самъ священникъ, то учитель долженъ быть подъ его наблюденіемъ. Въ училищѣ должно обучаться не менѣе 10-и учениковъ обоого пола. Жалованье выдавать учителю по 15 руб. за полгода. Остальные 30 руб. выдавать по удостовѣренію члена училищнаго совѣта или отъ земской управы въ томъ, что въ школѣ обучается не менѣе 10-и учениковъ, что обученіе идетъ успѣшно и ежегодно оканчиваютъ курсъ не менѣе 5-и человекъ. Если какая-либо школа будетъ въ неудовлетворительномъ состояніи, или если учениковъ будетъ мало, а приходъ не найдетъ удобнымъ перевести школу въ другую мѣстность, то съ разрѣшенія управы, школа можетъ быть причислена къ другому приходу, гдѣ нѣтъ земской школы. Отпускать ежегодно 200 руб. на выдачу вознагражденій: а) тремъ учителямъ сельскихъ училищъ по 30 руб. каждому; б) тремъ учителямъ земскихъ (приходскихъ) школъ по 20 руб. каждому, и в) лицамъ, занимающимся на дому обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ отъ 5 до 10 руб. каждому. Награды выдавать тѣмъ учителямъ школъ, которые будутъ заслуживать этого, по удостовѣренію членовъ училищнаго совѣта и гласныхъ земскихъ собраній; опредѣленіе о выдачѣ наградъ, какъ школьнымъ, такъ и домашнимъ учителямъ, должно утверждаться земскимъ собраніемъ. На содержаніе въ педагогическихъ курсахъ, открытыхъ при Вологодскомъ уѣздномъ училищѣ, двухъ стипендіатовъ отъ Тотемскаго уѣзда для приготовленія ихъ въ наставники сельскихъ училищъ, отпускать ежегодно по 250 руб. Стипендіаты эти, по окон-

чаніи курса, должны обязательно прослужить по земству по полутора года за каждый годъ содержанія ихъ въ педагогическихъ курсахъ. Ассигновать единовременно 100 руб. на оборотный капиталъ для устройства при уѣздной управѣ склада книгъ, нужныхъ для народныхъ учителей, сельскихъ школъ и для народнаго чтенія. Книги эти должны быть отпускаемы изъ склада по той цѣнѣ, въ какую обошлось приобрѣтеніе ихъ самой управѣ.

Имѣя въ виду повсемѣстныя заявленія о необходимости ремесленныхъ школъ, Тотемское земское собраніе, по обсужденіи этого вопроса, признало нужнымъ образовать въ видѣ опыта, на одинъ годъ, одну ремесленную школу для обученія мастерствамъ столярному, портному и сапожному, такъ-какъ эти мастерства наиболѣе необходимы для сельскаго населенія, нуждающагося въ приготовленіи одежды и обуви и занимающагося постройками. Школу эту предполагено открыть въ гор. Тотъмѣ, какъ центральномъ пунктѣ уѣзда, при уѣздномъ училищѣ, и помѣстить ее въ одномъ изъ принадлежащихъ уѣздному училищу казенныхъ зданій, въ которомъ, по заявленію смотрителя штатныхъ училищъ, можетъ быть отведено помѣщеніе для этой школы. Если же почему-либо помѣщеніе школы въ означенномъ зданіи представится не возможнымъ, то собраніе полагаетъ, что жители города, въ видахъ развитія въ городѣ ремесленныхъ занятій, не откажутся отвести удобное помѣщеніе для школы. Учителямъ, которые будутъ заниматься обученіемъ означенныхъ ремеслъ, положить жалованье по 50 руб. въ годъ. На приобрѣтеніе матеріаловъ ассигновать всѣмъ имъ 50 руб. Доходамъ, какіе будутъ получаться отъ работъ, вести особый счетъ, и представить его будущему очередному земскому собранію. При этомъ собраніе выразило мнѣніе, что такъ какъ въ гор. Тотъмѣ ремесленниками принимаются ученики съ условіемъ, чтобъ они работатали на хозяина въ теченіе нѣсколькихъ зимъ, то и для учащихся въ земской ремесленной школѣ должно быть постановлено условіе: работать въ пользу школы извѣстное время, до приобрѣтенія навыка въ мастерствѣ. Положено также отпускать ежегодно 600 руб. на содержаніе Тотемской женской прогимназіи, которую предполагается преобразовать изъ Тотемскаго женскаго второразряднаго училища, въ добавокъ къ тѣмъ суммамъ, какими располагаетъ это училище въ настоящее время.

Кромѣ того, собраніе обсуждало вопросъ объ открытіи Леденгскаго образцоваго училища. При разрѣшеніи этого вопроса, собраніе имѣло въ виду слѣдующія данныя: по Высочайшему повелѣнію, Леденгскому сельскому обществу уступленъ домъ, съ принадлежащими

къ нему постройкими, подъ помѣщеніе народной школы и квартиры учителя. Кромѣ того, на это училище ежегодно ассигнуется министерствомъ финансовъ по 228 руб. О продолженіи отпуска этой суммы на будущее время управляющимъ акцизными сборами Вологодской губерніи представлено министерству финансовъ. Сверхъ этого, управляющій взялся ходатайствовать о пожертвованіи въ пользу училища двухъ десятинъ казенной земли. Крестьяне Леденгской волости обязались жертвовать ежегодно на содержаніе этого училища по 1⁰/₀ съ рубля зарабатываемой ими на Леденгскомъ солеваренномъ заводѣ суммы. Изъ этихъ однопроцентныхъ отчисленій должна получаться ежегодно сумма отъ 100 до 140 руб. Такъ какъ на приспособленіе подареннаго Леденгскому обществу дома подъ помѣщеніе училища и на первоначальное обзаведеніе послѣдняго требуется 700 рублей единовременнаго расхода, то инспекторъ народныхъ училищъ обратился къ земству съ просьбой объ отпускѣ этой суммы. По обсужденіи обстоятельствъ этого дѣла, земское собраніе постановило: отпускать ежегодно 150 руб. на пособіе этому училищу; отъ ассигнованія же 700 рублей собраніе отказалось въ виду того, что оно назначило уже болѣе 5.000 руб. на народное образованіе. вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе, по инициативѣ инспектора училищъ, поручило управѣ обратиться къ содержателю Леденгскаго завода купцу Первушину съ просьбою пожертвовать требующуюся на устройство училища сумму 700 рублей. На канцелярскіе расходы и письменоводство по училищному совѣту положено отпускать ежегодно 36 рублей. Такимъ образомъ Тотемское земское собраніе назначило на народное образованіе: а) ежегодно — 5.011 руб. и единовременно, на устройство книжнаго склада и учрежденіе ремесленной школы, 300 руб., всего 5.311 руб.

— Въ *Орловскомъ, Вятской* губерніи, уѣздномъ земскомъ собраніи состоялись, между прочимъ, слѣдующія постановленія по дѣлу народнаго образованія (см. *Моск. Вѣд.* № 232): 1) Допустить по всему уѣзду вольное обученіе дѣтей лицами, имѣющими на то право, вознаграждая такихъ лицъ за каждаго мальчика или дѣвочку, обучившихся у нихъ молитвамъ, чтенію, письму и счетоводству, по 5 руб., съ тѣмъ, чтобы дѣти эти, по окончаніи ученія, были подвергаемы экзамену въ училищномъ совѣтѣ. На расходъ этотъ внести въ смѣту 500 руб., предоставивъ управѣ, въ случаѣ недостаточности таковой суммы, произвести расходъ изъ остатковъ. 2) Нанимать квартиры для мальчиковъ, живущихъ вдали отъ школъ, для чего внести въ смѣту на 37 селеній 645 руб.; за квартирами мальчиковъ обя-

зять наставниковъ имѣть надзоръ. 3) Ходатайствовать о приглашеніи и утвержденіи мпровыхъ судей въ званіи попечителей школъ, находящихся въ мѣстѣ ихъ жительства. 4) Учредить въ уѣздѣ должность помощника инспектора народныхъ училищъ, согласно предложенію губернатора, о чемъ ходатайствовать предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. 5) Утвердить смѣту расхода на народное образованіе въ 8.425 руб., обязавъ наставниковъ приготовить по одному изъ своихъ лучшихъ учениковъ для поступленія въ имѣющую открыться въ Вяткѣ учительскую школу. Сверхъ того, собраніемъ принято на земскій сборъ содержаніе Орловской женской прогимнази, и ассигновано на содержаніе ея, согласно смѣтѣ, утвержденной попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, 1.310 руб.

Елабужское, той же губерніи, уѣздное земское собраніе ассигновало въ послѣднюю сессію на народное образованіе, — по свѣдѣніямъ *Правительственнаго Вѣстника* (№ 263), — слѣдующія суммы: на добавку жалованья учителямъ народныхъ школъ 7.500 руб., на содержаніе школъ 2.917 руб., на учебныя пособія 860 руб. и на заведеніе библіотеки также 860 руб., всего 12.137 руб.

— Земство *Олонецкой* губерніи назначило въ 1869 году на народное образованіе (см. *Правительств. Вѣстникъ* № 238) 8.524 руб. 67 коп., въ томъ числѣ на содержаніе 37-и училищъ 6.826 руб. 67 коп. и на пособіе церковно-приходскимъ школамъ 1.700 руб. Кромѣ того, въ Петрозаводскѣ земство предоставило бесплатно принадлежащій ему каменный домъ подъ помѣщеніе Маріинскаго земскаго училища. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, число всѣхъ училищъ и школъ въ Олонецкой губерніи 215; въ нихъ 3.528 мальчиковъ и 734 дѣвочки, всего 4.252 учащихся, что составляетъ, по отношенію къ населенію, 1 учащагося почти на 125 жителей. Нельзя не замѣтить, что цифры эти нѣсколько разнятся отъ тѣхъ, которыя приведены нами въ прошлой книжкѣ (см. *Совр. Лѣт.*, стр. 49), на основаніи показанія *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. Число училищъ мѣстною газетою показано меньшее, а число учащихся большее противъ цифръ, приводимыхъ *Правительственнымъ Вѣстникомъ*.

Въ засѣданіи *Повѣнецкаго* уѣзднаго земскаго собранія, 8-го октября сего года, читано было отношеніе предсѣдателя Повѣнецкаго уѣзднаго училищнаго совѣта объ отпускѣ въ его распоряженіе 500 руб., назначенныхъ земствомъ по смѣтѣ 1868 года на распространеніе грамотности въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. По этому отношенію состоялось слѣдующее постановленіе собранія (см. *Олон. Губ. Вѣд.* № 93)

Принимая во вниманіе, что существующія церковно-приходскія училища содержатся причтами на свой счетъ, на что затрачиваются послѣдними не только трудъ, но не рѣдко и деньги,—ассигнованную по смѣтѣ на 1868 годъ на распространеніе грамотности сумму 500 руб., оставшуюся до сихъ поръ не израсходованною, предоставить въ распоряженіе земской управѣ съ тѣмъ, чтобъ изъ числа этихъ денегъ 350 руб. назначены были въ вознагражденіе наставникамъ церковно-приходскихъ школъ, съ выдачей имъ за каждое выученное дитя до 2 руб., каковыя деньги и выдать по принадлежности въ концѣ учебнаго года прямо изъ управы, по доставленіи училищнымъ совѣтомъ свѣдѣній о числѣ обучаемыхъ дѣтей; затѣмъ изъ остальныхъ денегъ 100 руб. употребить на выписку учебныхъ книгъ, по указанію совѣта, на пополненіе имѣющагося при немъ книжнаго запаса, для снабженія ими, по мѣрѣ надобности, всѣхъ вообще школъ, находящихся въ уѣздѣ, а 50 р. отпустить на канцелярскіе расходы училищному совѣту.

— Изъ доклада, представленнаго *Новгородскому* уѣздному земскому собранію послѣдняго созыва учрежденною имъ для предварительнаго рассмотрѣнія докладовъ управы по дѣлу народнаго образованія комиссіей, между прочимъ, видно (*Правит. Вѣстн.* № 251), что сельскихъ школъ, существующихъ въ уѣздѣ на средства мѣстныхъ крестьянъ, при началѣ года было 134, а къ концу года число ихъ возрасло до 168, и что въ 1870 году на пособіе этимъ школамъ было отпущено изъ суммъ земства 3.000 руб. Найдя необходимымъ отпустить этихъ денегъ для пособія школамъ и на 1871 годъ, уѣздная земская управа признала неудобнымъ равномерное распределеніе этой суммы на всѣ 168 школъ, а предположила поступить въ этомъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ: ограничить на первое время число школъ, которыя должны пользоваться отъ земства пособіемъ, чрезъ что каждая изъ нихъ получитъ пособіе въ размѣрѣ, достаточномъ для улучшенія ея во всѣхъ отношеніяхъ. Число такихъ школъ управа ограничила числомъ волостей въ уѣздѣ такимъ образомъ, чтобы въ каждой волости было по одной или по двѣ школы, и каждой изъ нихъ было назначено постоянное содержаніе по 100 руб., а получающійся затѣмъ остатокъ изъ 3.000 руб. былъ употребляемъ на покупку книгъ и другаго рода классныхъ пособій для всѣхъ прочихъ школъ. Но взглядъ комиссіи на это дѣло разошелся со взглядомъ управы. Комиссія нашла, что выдѣленіе изъ 168-и школъ 41-й не основывалось ни на какихъ особенно уважительныхъ причинахъ. Такъ какъ при такомъ выдѣленіи вліяютъ

болѣе всего мѣстныхъ условія, именно: а) большая или меньшая сгущенность населенія; б) относительное благосостояніе крестьянъ, изъ которыхъ однѣ группы скорѣе могутъ собственными средствами содержать школу, чѣмъ другія; в) настоящее состояніе самыхъ школъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже заручились порядочными учителями, пользуясь притомъ достаточными классными пособиями, а въ другихъ, напротивъ, и учителя получаютъ весьма скудное содержаніе, и въ классныхъ пособияхъ примѣчается крайній недостатокъ; то комиссія предположила избрать преимущественно такія мѣстности для земскихъ школъ, въ которыя могутъ собираться мальчики не изъ одной только деревни, а изъ нѣсколькихъ, то-есть, мѣстности, которыя въ каждомъ окологдѣ могутъ назваться болѣе или менѣе центральными; далѣе такія школы, гдѣ сдѣланы были уже попытки дать школѣ правильное устройство, но чтобы стать имъ на твердую ногу, имъ недостаетъ или помѣщенія, или учителя, которому опредѣлено слишкомъ скудное содержаніе. Такого рода школы, по мнѣнію комиссіи, можно скоро привести въ хорошее состояніе, если имъ дать постоянную поддержку. Есть, наконецъ, и такія школы, которыя принадлежатъ къ одной деревнѣ, но до того уединенной отъ прочихъ, что она уже никакъ не можетъ назваться центральной, но между тѣмъ она безъ посторонняго пособія не можетъ своими средствами прійти когда-либо въ хорошее состояніе. Совокупность всѣхъ этихъ мѣстныхъ условій привела комиссію къ убѣжденію въ необходимости подраздѣлить 41 земскую школу, въ отношеніи количества пособій, на два разряда, именно: одиѣмъ изъ нихъ отпускать ежегодно на поддержку по 100 руб. въ годъ, а другимъ только 50 рублей. По соглашенію комиссіи съ членами управы, росписаніе такихъ школъ подраздѣлено на два разряда: 1-го разряда предполагается имѣть покаместъ 11 школъ, на которыя потребуется ассигновать 1.100 руб., а 2-го разряда—30 школъ, изъ которыхъ на каждую надлежитъ отпускать по 50 руб., что составитъ 1.500 руб.; поэтому вся сумма на постоянныя пособія избраннымъ земскимъ школамъ будетъ простираться до 2.600 руб. Это мнѣніе комиссіи утверждено собраніемъ.

Устюженское, той же губерніи, уѣздное земское собраніе ассигновало на народное образованіе 1.315 руб., которые распределены на 16 училищъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ испрашивается пособіе отъ губернскаго земства изъ особо назначеннаго для того капитала и отъ правительства. Общественный же сборъ назначенъ сельскими обществами только на 9 школъ въ размѣрѣ 531 руб. (*Правит. Вѣсти*. № 250).

— Изъ Ярославской губерніи сообщаютъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 262) отзывъ инспектора народныхъ училищъ г. Шпеера, данный имъ Ярославской губернской земской управѣ на вопросъ ея о положеніи земскихъ школъ. Въ отзывѣ этомъ находятся, между прочимъ, слѣдующія данныя.

Министерство народнаго просвѣщенія отпустило на школы губерніи слѣдующія средства: изъ государственнаго казначейства 5.000 р., въ томъ числѣ 2.000 руб. на учебныя пособія и на поощреніе народныхъ учителей вообще, 1.500 руб. на стипендіи учителямъ изъ семинаристовъ и 1.500 руб. для поддержанія школъ, содержимыхъ въ Ярославской губерніи духовенствомъ, земствомъ, обществами и частными лицами. Независимо отъ этого расхода, со стороны министерства народнаго просвѣщенія, на его же счетъ, открыты двухклассныя образцовыя училища въ уѣздахъ: Ярославскомъ, Угличскомъ и Мышкинскомъ, и одноклассныя — въ Любимскомъ и Романо-Борисоглѣбскомъ. То же самое имѣется въ виду сдѣлать и въ прочихъ уѣздахъ Ярославской губерніи. Затѣмъ, по отзыву г. Шпеера, начальныя народныя училища, содержимыя на счетъ земства и съ участіемъ его на счетъ сельскихъ обществъ, находятся вообще въ удовлетворительномъ положеніи; но къ сожалѣнію, въ настоящее время есть еще много наставниковъ, которые не вполне вѣрно усвоили себѣ главную цѣль народнаго образованія. Въ нѣкоторыхъ школахъ старая система обученія, состоящая въ бессмысленномъ заучиваніи дѣтьми непонятныхъ имъ словъ и рѣчей, продолжаетъ по прежнему господствовать, и наставники не знакомы съ новыми лучшими методами преподаванія. Приготовленіе учителей и учительницъ въ народныхъ школахъ достигается въ нѣкоторой степени тѣмъ, что являющіеся кандидаты и кандидатки прикомандировываются къ Ярославскому двухклассному училищу, гдѣ дѣло идетъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо, и училище можетъ назваться образцовымъ. Въ немъ они знакомятся съ первоначальными приемами обученія, съ распредѣленіемъ классныхъ занятій и школьными порядками. Такимъ образомъ они получаютъ тамъ хотя нѣкоторую педагогическую подготовку къ будущей учительской дѣятельности, и только послѣ нѣсколькихъ пробныхъ уроковъ, на которыхъ инспекторъ народныхъ училищъ указываетъ имъ на практикѣ разные способы преподаванія, молодые люди рекомендуются для замѣщенія учительскихъ вакансій. Затѣмъ, по отзыву г. Шпеера, сельскимъ школамъ недостаетъ удобныхъ помѣщеній и однообразія въ учебникахъ, равно какъ достаточнаго количества учебниковъ на каждую школу.

Устройство библиотекъ, для дальнѣйшаго развитія грамотныхъ людей, составляетъ, по мнѣнію г. Шпеера, настоятельную потребность сельскаго населенія.

Въ *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 46) пишутъ, что *Любимское* земство отнеслось весьма сочувственно къ проекту учительской земской семинаріи, о которомъ мы говорили въ предыдущихъ книжкахъ. Земство замѣтило, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, не слѣдуетъ стѣсняться расходами; только, въ виду постановленія проекта о назначеніи стипендіатамъ учительской семинаріи 80 р. въ годъ на содержаніе, Любимское земство признало необходимымъ, чтобы начальство семинаріи озаботилось прискаченіемъ для стипендіатовъ такого помѣщенія, въ которомъ они могли бы имѣть, подъ ближайшимъ надзоромъ своего начальства, общую квартиру и общій столъ. Не такъ приняло проектъ учительской семинаріи *Угличское* земство. Мѣстная газета сообщаетъ, что земство Угличскаго уѣзда дало отрицательный отвѣтъ на присланный ему по этому предмету запросъ, рѣшивъ, что существенной надобности въ учительской семинаріи не имѣется. Штатный смотритель мѣстнаго уѣзднаго училища и предсѣдатель училищнаго совѣта г. Куликовъ объяснилъ, что, не входя въ разсмотрѣніе достоинствъ и недостатковъ проекта семинаріи, онъ считаетъ необходимымъ ходатайствовать у правительства объ учрежденіи въ Ярославлѣ, по примѣру западныхъ губерній, дирекціи училищъ, съ переименованіемъ настоящаго инспектора въ директора, которому дать помощниковъ — инспекторовъ, съ правами учебной службы, класса должности, мундира и пенсіи. Каждый инспекторъ, по мнѣнію г. штатнаго смотрителя, можетъ свободно завѣдывать двумя, а по нуждѣ и тремя уѣздами, живя въ которомъ-либо изъ уѣздныхъ городовъ. Туда въ свободное отъ ученія время, должны собираться всѣ учителя, на 5 или на 6 недѣль, для практическихъ занятій и педагогическихъ бесѣдъ. Жалованья каждому инспектору г. Куликовъ назначаетъ 1.500 р. изъ земскихъ суммъ тѣхъ уѣздовъ, которые войдутъ въ составъ инспекціи. Земскія управы, продолжаетъ г. Куликовъ, представляютъ на эти должности извѣстныхъ имъ опытныхъ и достойныхъ кандидатовъ, твердо держась правила, что дипломъ не дѣлаетъ педагога. Инспекторъ обязательно долженъ посѣтить каждое училище дважды; о результатахъ обзорѣнія онъ представляетъ училищнымъ совѣтамъ; о замѣченныхъ нуждахъ въ хозяйственномъ отношеніи — земскимъ управамъ; послѣднія, въ случаѣ неисполненія инспекторомъ своихъ обязанностей, ходатайствуютъ объ

увольненіи его отъ должности. При такомъ устройствѣ, заключаетъ г. Куликовъ, и безъ учительской семинаріи дѣло народнаго образованія хорошо двинется впередъ и будетъ достигать благихъ результатовъ. Коммиссія, на которую возложено было разсмотрѣніе предположеній г. Куликова, согласилась съ мнѣніемъ его относительно учительской семинаріи, но относительно собственнаго проекта г. Куликова, одинъ изъ членовъ коммисіи г. Михайловъ замѣтилъ, что коммиссія не можетъ согласиться съ этимъ проектомъ, во первыхъ, потому, что дирекціи существуютъ въ западныхъ губерніяхъ, какъ особая мѣра, имѣющая свои особыя цѣли; во вторыхъ, потому, что у насъ существуетъ уже правительственный надзоръ за училищами. Учреждать же, сверхъ того, еще какихъ-то мундирныхъ надзирателей отъ земства послѣднее не имѣетъ ни средствъ, ни желанія. Очень также легко относится г. Куликовъ и къ самымъ средствамъ земства: за два посѣщенія въ годъ 1.500 руб. — очень много! Учителямъ же весьма не легко будетъ проживать въ городѣ недѣль по шести для бесѣдъ съ инспекторомъ. Уѣздное земское собраніе постановило: мнѣніе коммисіи утвердить.

Въ той же газетѣ, по поводу открытія училища въ с. Путятинѣ, сообщаются слѣдующія довольно любопытныя свѣдѣнія объ отношеніи мѣстнаго сельскаго общества къ дѣлу обученія грамотѣ дѣтей. Первоначально, до устройства въ означенномъ селѣ школы, не было выказано со стороны крестьянъ къ обученію дѣтей грамотѣ никакого расположенія, не смотря на то, что мѣстнымъ начальствомъ неоднократно указывалась крестьянамъ крайняя необходимость въ этомъ. Затѣмъ, когда, благодаря содѣйствію мѣстнаго волостнаго старшины Румянцева, училище было устроено, въ домѣ, купленномъ на капиталъ, образовавшійся изъ *штрафныхъ денегъ за безграмотность*, то оказались довольны и родители и дѣти, бѣгавшія по селу безъ всякаго призора. Въ училище теперь поступило до 28-и дѣтей. *

— Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о дѣятельности *Кашинскаго, Тверской губерніи*, земства по предмету народнаго образованія, помѣщеннымъ въ послѣдней книжкѣ *Жур. Мин. Нар. Просв.* (Совр. Лѣт. стр. 56 — 58), заимствуемъ изъ *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 258) слѣдующія данныя о состояніи грамотности въ этомъ уѣздѣ. По числу народныхъ училищъ и учащихся, Кашинскій уѣздъ занимаетъ первое мѣсто сравнительно съ другими уѣздами Тверской губерніи, и этимъ онъ обязанъ дѣятельности нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ изъ среды мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Однимъ изъ первыхъ дѣятелей на этомъ

поприщѣ былъ Р. И. Турчаниновъ, занимающій нынѣ должность мирового судьи и предсѣдателя училищнаго совѣта. Онъ всѣми силами старался объ увеличеніи числа училищъ и учениковъ въ своемъ участкѣ, вслѣдствіе чего въ подвѣдомственной ему Турчаниновской волости число учениковъ достигло самого большаго числа сравнительно съ другими волостями уѣзда, именно до 200 мальчиковъ. Самое большее училище находится въ с. Кою: въ немъ 105 мальчиковъ; въ Вольской же волости находится всего 1 училище съ 10-ю мальчиками. Въ 5-и волостяхъ вовсе нѣтъ училищъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ священники содержатъ училища на свой счетъ. Всѣ вообще училища содержатся на средства крестьянъ, но въ нѣкоторыхъ волостяхъ учителя получаютъ жалованье изъ общественныхъ денегъ, въ другихъ же отъ родителей учениковъ. Размѣръ вознагражденія учителямъ различенъ, отъ 1 до 3 руб. въ зиму за ученика. Въ Турчаниновской же волости учителя получаютъ жалованья по 6 руб. въ мѣсяць. Между прочимъ въ селѣ Варабузинѣ обучаетъ учениковъ церковный сторожъ, за что пользуется мѣстомъ сторожа, а жалованье — съ 179 душъ по 10 к. съ души — получаетъ мѣстный священникъ (?). Одно изъ лучшихъ училищъ находится въ селѣ Маковницахъ (48 учениковъ), въ которомъ обучаютъ священникъ Іоаннъ Березинъ и воспитанникъ семинаріи Симоновъ; содержится оно на средства г. Ладженскаго (15-го сентября преобразовано въ двуклассное). Такъ какъ училища открываются и закрываются по приговорамъ волостнаго схода, то въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне не изъявили желанія имѣть училищъ. Напримеръ, въ Никольско-Тютчевской волости до марта 1869 года существовало одно училище съ 40 учениками, но съ этого мѣсяца училище закрыто „за недостаткомъ средствъ къ содержанію“; въ Башаровской волости не было училищъ въ 1869 и 1870 годахъ, такъ какъ обществомъ крестьянъ составленъ приговоръ о нежеланіи имѣть училища.

— Въ докладѣ *Костромской* губернской управы губернскому земскому собранію, между прочимъ, помѣщены слѣдующія данныя о положеніи народнаго образованія въ этой губерніи (*Правительств. Вѣстн.* № 251):

Общее населеніе губерніи состоитъ изъ 1.145.074 лицъ обоого пола. Изъ этого числа 1.033.844 человекъ принадлежатъ къ сельскому населенію, въ которомъ считается грамотныхъ 89.011, что составитъ 8,6%, или 86 грамотныхъ на 1.000. Относительно же половъ, число грамотныхъ распредѣляется весьма неравномѣрно, именно: на 474.790 лицъ мужскаго пола грамотныхъ приходится 77.295, а на 559.054

женскаго пола — 11.716. Отношеніе грамотныхъ къ не грамотнымъ, по словамъ управы, будетъ еще меньше если принять въ соображеніе, что въ числѣ грамотныхъ показаны всѣ мало мальски знающіе азбуку и едва разбирающіе гражданскую печать; что изъ остальныхъ, считаемыхъ грамотными, значительное большинство едва можетъ читать славянскую печать, и преимущественно часословъ и псалтырь, и кое-какъ выводить на бумагѣ подобіе буквъ. Развитіе же мысленія и способности излагать мысль и понимать читаемое не входило въ программу этой выучки. Земскія учрежденія, говорить управа, какъ представители мѣстнаго населенія, избранные имъ изъ своей среды для непосредственнаго завѣдыванія дѣлами, относящимися до мѣстныхъ польвъ и нуждъ, не могли не сознать главной и существенной потребности мѣстнаго населенія въ развитіи образовательныхъ средствъ, и потому земскія учрежденія Костромской губерніи съ перваго же года своей дѣятельности, обратили серіозное вниманіе на состояніе народнаго образованія, и нѣкоторые уѣзды ходатайствовали даже о примѣненіи самой рѣшительной мѣры—о введеніи обязательнаго обученія. Попеченіе уѣздныхъ земскихъ собраній въ дѣлѣ народнаго образованія выразилось если не исключительно, то преимущественно въ ассигнованіи денежныхъ суммъ на увеличеніе средствъ на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ. На этотъ предметъ въ большинствѣ уѣздовъ съ перваго же года вносились въ смѣты суммы, соразмѣрныя съ средствами каждаго уѣзда. Суммы эти постепенно съ каждымъ годомъ увеличивались, и на 1869 годъ было уже назначено по всей губерніи 17.406 руб., а на 1871 годъ 22.502 рубля.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ уѣздными управами и училищными совѣтами о числѣ училищъ, школъ и учащихъ въ нихъ за 1869 учебный годъ, оказывается, что начальныхъ народныхъ училищъ и школъ было 253, въ нихъ учащихся: 5.956 мужескаго и 765 женскаго пола. На содержаніе этихъ училищъ и школъ расходуется самими сельскими обществами 12.786 руб., частными лицами—1.715 р., и земствомъ (въ 1869 году) 17.460 руб., а всего—31.907 руб. Сверхъ сего, нѣкоторыя изъ школъ не имѣютъ опредѣленнаго содержанія, а учащіе въ нихъ получаютъ за обученіе дѣтей условную плату отъ 1 руб. 50 кои. до 4 руб. въ годъ. Какую именно сумму составляютъ эти платежи, по неизмѣнью давныхъ, опредѣлить трудно; но принимая въ соображеніе, что способъ этотъ примѣняется въ большинствѣ школъ Галичскаго, Макарьевскаго и частію Юрьевецкаго и Костромскаго уѣздовъ, можно заключить, что расходъ этотъ состав-

ляетъ порядочную сумму, которая, если бы могла быть опредѣлена съ точностію, значительно увеличила бы показанную выше сумму, употребляемую сельскими обществами на содержаніе школъ. Указанное число училищъ и учащихся въ нихъ даетъ слѣдующій выводъ: на 1.033.844 лица сельскаго населенія губерніи имѣется 253 училища и приходскихъ школъ, въ которыхъ 6.721 учащихся. Свѣдѣнія, доставленныя губернской управѣ инспекторомъ народныхъ училищъ, касаются только нѣкоторыхъ осматрѣнныхъ имъ училищъ; но по совершенно справедливому замѣчанію его, училища эти находятся въ разныхъ уѣздахъ, и поэтому, основываясь на аналогіи, можно сказать, что и другія училища отличаются мало чѣмъ отъ видѣнныхъ имъ, такъ что можно сдѣлать выводы близкіе къ истинѣ о положеніи училищъ во всей губерніи. Факты, изложенные въ свѣдѣніяхъ г. инспектора, приводятъ къ тому заключенію, что состояніе существующихъ школъ крайне неудовлетворительно, какъ по надзору за ними, такъ и по организаціи и личному составу учащихся. Въ числѣ причинъ неудовлетворительнаго состоянія сельскихъ училищъ губернская управа признаетъ весьма вліятельными слѣдующія: 1) крайне неудовлетворительный личный составъ учителей; 2) скудость вознагражденія учителей и неакуратность его выдачи; 3) недостатокъ матеріальныхъ средствъ самихъ школъ, по ограниченности суммъ, удѣляемыхъ на школы земствомъ и самими сельскими обществами, происходящей не столько отъ дѣйствительной бѣдности, сколько отъ недостатка сознанія важности школьнаго дѣла; 4) отсутствіе правильной системы въ организаціи школъ, надзора и попеченія за ними и правильного руководства ихъ дѣятельностію; 5) крайній недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и часто бесполезное приобрѣтеніе плохихъ учебниковъ, вслѣдствіе незнакомства съ лучшими книгами для сельскихъ школъ; 6) отсутствіе въ большинствѣ крестьянскаго сословія любви къ школѣ и пониманія значенія школы, проттекающія какъ вслѣдствіе историческихъ условій, такъ и вслѣдствіе того, что крестьяне не имѣли до сихъ поръ случая убѣдиться на опытѣ въ пользѣ школы для ихъ нравственнаго и экономическаго развитія.

Правительственный Вѣстникъ (№ 260) сообщаетъ, что на выполненіе всѣхъ повинностей, отнесенныхъ на денежный земскій сборъ, назначено уѣздными земскими собраніями Костромской губерніи на 1871 годъ 442.028 руб., болѣе противъ прошлагодней смѣты на 5.071 руб. Въ этомъ числѣ ассигнованная на народное образованіе сумма увеличена на 2.666 рублей.

— Пршрое очередное земское собраніе *Вязниковскаго* уѣзда, *Владимірской* губерніи, разрѣшило вопросъ о народномъ образованіи, какъ пишутъ въ *Русскія Вѣдомости* (№ 258), неудовлетворительно. До настоящаго времени въ Вязниковскомъ уѣздѣ всего было 28 училищъ, въ томъ числѣ 2 образцовыхъ двуклассныхъ, и всѣмъ этимъ училищамъ земство оказывало посильное пособіе какъ по отношенію къ учебникамъ и учебнымъ матеріаламъ, такъ и по отношенію къ вознагражденію наставниковъ. Послѣднимъ, смотря по количеству учениковъ и ихъ успѣхамъ, выдавалось ежегодно въ видѣ награды отъ 25 до 100 и иногда до 120 руб., въ добавокъ къ деньгамъ, получавшимся отъ обществъ, что особенно было пріятно тѣмъ наставникамъ, преимущественно священникамъ, которые занимались дѣломъ обученія крестьянскихъ дѣтей безвозмездно. Пршдшее Вязниковское земское собраніе, вмѣсто пособія всѣмъ 28-и училищамъ, постановило оказывать помощь только 6-и, съ тѣмъ чтобы довести ихъ до положенія образцовыхъ училищъ. Въ этихъ видахъ уже предположены центральныя училища, въ которыя могутъ поступать дѣти крестьянъ изъ всѣхъ волостей уѣзда. Такъ какъ сумма, ассигнованная прежде на пособіе дѣлу народнаго образованія, не уменьшена, то 6 изъ 28-и училищъ уѣзда могутъ разчитывать на довольно прочное обезпеченіе; за то остальные могутъ остаться не закрытыми только въ такомъ случаѣ, если волостныя крестьянскіе сходы обяжутся всѣ расходы по училищамъ принять на себя. Такое рѣшеніе земскаго собранія представляется весьма неудобнымъ въ уѣздѣ, имѣющемъ 100 верстъ въ длину и 45 въ ширину: инымъ крестьянамъ прійдется возить своихъ дѣтей въ центральныя школы по крайней мѣрѣ за 20 верстъ, и содержать ихъ въ мѣстѣ ученія.

Въ гор. *Суздаль*, той же губерніи, кромѣ уѣзнаго училища, не пользующагося почему-то расположеніемъ гражданъ, существуютъ еще два приходскія училища, находящіяся, по словамъ корреспондента той же газеты (№ 252), въ весьма незавидномъ положеніи, особенно такъ-называемое Богородице-рождественское. Училище это, не имѣвшее собственнаго помѣщенія, принуждено было часто переходить съ мѣста на мѣсто. Учителя въ немъ мѣнялись также довольно часто; занятія шли слабо и учениковъ оказывалось мало. На такое положеніе училища обратилъ вниманіе членъ училищнаго совѣта П. Н. Бѣловъ. По его просьбѣ, дума согласилась уступить подъ училище нижній этажъ занимаемаго ею самою дома; такимъ образомъ, училище помѣщается въ центрѣ города и имѣетъ всѣ необходимыя удобства.

Вновь приглашенные преподаватели знакомы съ новѣйшими пріемами обученія; поступающихъ въ училище дѣвочекъ обучаютъ рукодѣлью. Самъ г. Бѣловъ бдительно слѣдитъ и за ходомъ преподаванія и за тѣмъ, чтобъ училище ни въ чемъ не нуждалось. Въ настоящее время въ училищѣ обучаются до 100 дѣтей, въ томъ числѣ около 30 дѣвочекъ.

Вообще состояніе народнаго образованія въ Владимірской губерніи оказывается, какъ о томъ сообщаетъ корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* (№ 400), далеко неудовлетворительнымъ. Школъ мало, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ развиты отхожіе промыслы; въ учителяхъ чувствуется недостатокъ, а между тѣмъ потребность учиться сознается крѣпко, и учиться не исключительно грамотѣ, но и такимъ наукамъ, которыя имѣли бы близкое отношеніе къ крестьянскому быту и роду занятій. Впрочемъ, отсутствіе школъ не служитъ свидѣтельствомъ безграмотности. У каждаго деревенскаго дьячка зимою учатся нѣсколько мальчковъ за 2 — 3 рубля; часто обученіемъ занимаются отставные солдаты, бобылки или монастырки, какъ ихъ называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, живущія отдѣльными обществами въ каждомъ большомъ селѣ. Наконецъ, въ настоящее время въ деревняхъ стали появляться порядочные учителя изъ крестьянскихъ дѣтей, по большей части безродныхъ, которые, подобно портнымъ, шерстобитамъ, странствующимъ зимою по деревнямъ, ходятъ изъ дома въ домъ, поочередно устраивая въ нихъ подвижную школу и получая отъ хозяевъ пріютъ и содержаніе и ничтожную плату за обученіе съ родителей своихъ учениковъ. Корреспондентъ свидѣтельствуетъ однако же, что и тамъ, гдѣ есть школы, сердце крестьянъ какъ-то не расположено къ нимъ, наука школьная имъ не понятна и далека отъ ихъ жизни; изъ нея трудно имъ сдѣлать практическое приложеніе, извлечь выгоду, чего прежде всего ожидаетъ отъ науки и каждый человѣкъ, а тѣмъ больше крестьянинъ. Для деревни нужны, прибавляетъ корреспондентъ, такія школы, въ которыхъ предметы преподаванія были бы прежде всего приспособлены къ мѣстнымъ занятіямъ, соответствовали бы его потребностямъ.

— *Бронницкое, Московской губерніи*, уѣздное земское собраніе, по выслушаніи доклада членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта, назначило, согласно съ ходатайствомъ ихъ, въ смѣту 1871 года на предметъ народнаго образованія 2.100 руб. Это назначеніе значительно разнится съ ассигновками, которыя дѣлало Бронницкое земство на

тотъ же предметъ въ предшедшіе годы. По замѣчанію *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 244), въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ оно удѣляло на народное образованіе ежегодно только по 310 руб. Раздѣливъ эту сумму на число училищъ, находящихся въ уѣздѣ, которыхъ болѣе 30-и, не получимъ на каждое даже и 10 руб. Сумма эта не могла, конечно, оказывать какой-либо ощутительной пользы для развитія грамотности въ уѣздѣ, особенно при существованіи мѣры, принятой земствомъ въ 1867 году по предложенію гласнаго Пушкина, по которой положено было не назначать постоянного жалованья земскимъ учителямъ, а выдавать имъ въ неопредѣленномъ размѣрѣ вознагражденіе лишь по окончаніи года, и то въ случаѣ успѣха учащихся, удостовѣреннаго назначенными для того членами отъ земства. Постановленіемъ этимъ учителя ставились въ самое критическое положеніе. Однако же губернское земское собраніе пришло имъ на помощь, отчисливъ въ 1868 году изъ губернскаго земскаго сбора на Бронницкій уѣздъ единовременно 3.099 руб., изъ коихъ 1.784 руб. собственно на поддержаніе училищъ, а остальные 1.315 руб. въ вознагражденіе преподавателямъ, и тѣмъ облегчило ихъ бѣдственное положеніе.

Изъ *Подольскаго* уѣзда, той же губерніи, по поводу открытія народной школы въ с. Сухановѣ, въ *Русскія Вѣдомости* (№ 252) пишутъ, что мѣстные крестьяне приходятъ наконецъ къ сознанію необходимости грамоты и готовы жертвовать свои скудные гроши на дѣло образованія, чего до сихъ поръ не было, и что Подольское земство, со времени поступленія въ члены училищнаго совѣта гласнаго П. А. Васильчикова, стало серьезно относиться къ дѣлу народнаго образованія. Частые разъѣзды и собранія училищнаго совѣта, испытанія мальчиковъ и дѣвочекъ, оказали уже свою долю пользы. Сдѣйствіемъ г. Васильчикова открыто въ настоящемъ году 6 училищъ, изъ которыхъ Вороновское, устроенное и содержимое гг. Толстыми, превосходитъ по своей обстановкѣ всѣ сельскія школы Московской губерніи. На счетъ земства содержатся 2 училища, въ сс. Акулининѣ и Дубровицахъ; остальные получаютъ только пособія отъ 120 до 80 р., смотря по успѣхамъ преподаванія. Въ послѣднее время замѣтно улучшение способовъ преподаванія и увеличеніе числа учениковъ, что находится въ прямой зависимости отъ увеличенія сочувствія къ школамъ со стороны крестьянъ, изъ коихъ богатые принимаютъ на себя званіе попечителей школъ. Два года тому назадъ, земство не такъ относилось къ дѣлу народнаго образованія: школъ было всего 8, да и тѣ, за недостаткомъ средствъ, готовы были закрыться; теперь дѣло

улучшилось, и хотя остается еще многого желать, но по крайней мѣрѣ, дѣло народнаго образованія поставлено на правильную дорогу. Корреспондентъ передаетъ слухъ, что въ Подольскомъ уѣздѣ, именно въ с. Поливановѣ, предполагаютъ устроить учительскую семинарію, проектъ которой утвержденъ еще въ прошломъ году губернскимъ земскимъ собраніемъ.

— Изъ Тульской губерніи въ *Правительственный Вѣстникъ* пишутъ, что Чернское земское собраніе, въ засѣданіи 22-го сентября этого года, выслушавъ, между прочимъ, предложеніе управы объ ассигнованіи 1.200 руб. для устройства трехъ образцовыхъ школъ въ уѣздѣ, отклонило это предложеніе большинствомъ 12-и голосовъ противъ 6-и. Гласные отъ сельскихъ обществъ, заявивъ, что до тѣхъ поръ, пока ученіе не будетъ для дѣтей обязательно, всѣ расходы по этому дѣлу они, гласные, находятъ съ своей стороны не производительными, подали въ засѣданіи 24-го сентября мнѣніе о томъ, что предложеніе управы объ устройствѣ образцовыхъ школъ въ уѣздѣ они находятъ нужнымъ и затѣмъ предложили: поручить управѣ къ будущему очередному собранію разработать вопросъ объ означенныхъ школахъ, при которыхъ должно быть производимо обученіе какому-либо ремеслу. Подробный докладъ по этому дѣлу поручено управѣ представить собранію, которое и открытъ ранѣе обыкновеннаго, затѣмъ, чтобы съ осени будущаго года школы могли быть открыты. Потребную на содержаніе ихъ сумму предложено внести въ смѣту 1872 года. На принятіе этого предложенія послѣдовало согласіе собранія.

Въ засѣданіи *Енифанскаго* земскаго собранія послѣдняго созыва было, между прочимъ, сдѣлано заявленіе о назначеніи 250 руб. для содержанія въ городѣ Енифани тѣхъ изъ бѣднѣйшихъ и хорошо окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ мальчиковъ, которые пожелали бы продолжать ученіе въ Енифанскомъ уѣздномъ училищѣ. Собраніе, имѣя въ виду поощрить способныхъ учениковъ и дать средства бѣднѣйшимъ для дальнѣйшаго ихъ образованія въ Енифанскомъ уѣздномъ училищѣ, единогласно постановило: поручить земской управѣ: а) внести въ смѣту 1871 года 250 руб. на наемъ квартиры съ отопленіемъ и со столомъ, для содержанія учениковъ, число которыхъ не должно превышать, ни въ какомъ случаѣ, десяти, и для покупки учебныхъ пособій и прочихъ принадлежностей; б) съестись съ штатнымъ смотрителемъ Енифанскихъ училищъ объ освобожденіи ихъ отъ платы за право обученія въ уѣздномъ училищѣ. При чемъ

наблюденіе за правильнымъ расходомъ этой суммы и употребленіемъ ея сообразно цѣли назначенія ввѣрить непосредственному попеченію предсѣдателя училищнаго совѣта.

Въ засѣданіи *Ефремовскаго* уѣзднаго земскаго собранія, 22-го сентября текущаго года, предсѣдатель уѣзднаго училищнаго совѣта, князь Лобановъ-Ростовскій, прочиталъ отчетъ объ израсходованіи ассигнованныхъ земствомъ суммъ на народное образованіе въ настоящемъ году, при чемъ просилъ остающіеся отъ ассигнованной суммы 1.225 руб. предоставить въ распоряженіе Ефремовскаго училищнаго совѣта, и въ то же время заявилъ собранію, что совѣтомъ предполагается устроить въ городѣ Ефремовѣ педагогическіе курсы, и что на этотъ предметъ можетъ быть выдано Тульскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ пособіе 600 руб. Затѣмъ князь Лобановъ-Ростовскій просилъ, на будущій 1871 годъ, ассигновать для содержанія училища въ уѣздѣ ту же сумму, какая была ассигнована и на настоящій годъ, то-есть, 3.600 руб. Предложеніе это было принято собраніемъ единогласно. Послѣ того предсѣдателемъ собранія, княземъ Оболенскимъ, и гласнымъ, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и Лермонтовымъ, былъ возбужденъ вопросъ о необходимости ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о введеніи обязательнаго обученія грамотности для всѣхъ крестьянскихъ дѣтей мужскаго пола. При обсужденіи этого вопроса гласный Арсеньевъ заявилъ, что введеніе обязательнаго поголовнаго обученія онъ находитъ непримѣнимымъ и стѣснительнымъ для народа; гласные же отъ крестьянъ: Скитевъ, Деминъ и Кобановъ выразили особенное сочувствіе ко введенію обязательнаго обученія. По обсужденіи этого предложенія, собраніе, большинствомъ 13-и голосовъ противъ 7-и, опредѣлило: ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о введеніи обязательнаго обученія. Въ то же засѣданіе собранія, по ходатайству князя Лобанова-Ростовскаго, рѣшено выдавать достойнѣйшимъ изъ недостаточныхъ учениковъ мѣстнаго уѣзднаго училища пособія, по усмотрѣнію училищнаго совѣта.

Изъ города *Богородицка*, той же губерніи, сообщаютъ въ *Русскія Вѣдомости* (№ 219) неутѣшительныя вѣсти о дѣйствіяхъ мѣстнаго земства въ пользу народнаго образованія. На одномъ изъ прошлыхъ земскихъ собраній, ассигнована была на этотъ предметъ сумма 2.000 р. Она предполагалась въ пособіе учителямъ и на содержаніе какъ вновь открываемыхъ, такъ и существующихъ уже школъ, но употреблялась такимъ образомъ: чтобы заставить сельскаго учителя имѣть у себя учениковъ, за каждаго ученика ему назначался 1 руб.; учитель пред-

ставлялъ списокъ учениковъ и получалъ ассигновку, по которой ему и выдавали изъ управы причитающіяся деньги. Внесеніе въ собраніе проектъ о школахъ стали всѣми силами заботиться о приведеніи школъ въ болѣе и болѣе нормальный видъ, и главнымъ образомъ остановились на учителяхъ, изыскивая возможность помочь имъ въ подготовкѣ ихъ къ учительской дѣятельности. Въ это время Тульское губернское земство объявило, что оно ассигновало 1.200 руб. изъ остатковъ по народному образованію на устройство въ двухъ пунктахъ губерніи лѣтнихъ педагогическихкихъ курсовъ для сельскихъ наставниковъ, съ правомъ получить половину означенныхъ денегъ первымъ уѣздамъ, отъ коихъ поступать заявленія объ открытіи такихъ курсовъ. Гласнымъ Н. В. Любенкову и Н. П. Арсеневу удалось вовлечь въ это дѣло Богородицкое земство, и на полученные 600 руб., съ прибавленіемъ своихъ уѣздныхъ земскихъ 400 руб., открытъ въ городѣ Богородицкѣ лѣтніе педагогическіе классы. Былъ приглашенъ изъ Москвы руководитель. Дѣло пошло весьма удачно; собравшіеся слишкомъ 30 человекъ учителей знакомилсь съ новыми способами обученія, съ общимъ веденіемъ школы, практиковались въ устроенной тутъ же дѣтской школѣ, работали почти безъ усталы и выдержали въ особой комиссіи весьма удовлетворительное испытаніе. Но чѣмъ же все это кончилось? Въ нынѣшнемъ земскомъ собраніи, противники школъ воспользовались отсутствіемъ главнаго начинателя по вопросу объ улучшеніи школъ, Н. В. Любенкова и начали говорить, что для школъ у насъ нѣтъ еще почвы, что народъ не хочетъ образованія, не понимаетъ его и не видитъ въ немъ пользы, что для этого нѣтъ средствъ, и т. д. Къ этому присоединился голосъ штатнаго смотрителя, который въ новыхъ приемахъ обученія видитъ одни лишь „маневры и эволюціи современной дидактической эквилибристики“, звуковой способъ признаетъ нигуда негоднымъ, а учителей, въ качествѣ инспектора за лѣтними учительскими классами, находитъ не заслуживающими того, чтобъ о нихъ заботились. Все это повело къ тому, что вопросъ о школахъ съ педагогическими классами былъ рѣшенъ отрицательно, и теперь сельскіе учителя должны по прежнему оставаться при 10 — 40 рубляхъ въ „учебную зиму“, какъ сказано въ отчетѣ земскому собранію. Между тѣмъ, положеніе сельскихъ школъ въ высшей степени прискорбно. Одинъ учитель, напримѣръ, такъ описываетъ свою школу: „Моя школа помещается въ избахъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ мальчики находятъ въ ученіи; они содержатъ ее по очереди три дня за каждаго мальчика; затѣмъ отсылаютъ къ другому крестьянину. Избы у крестьянъ

тѣсня, особенно зимою, когда здѣсь же находятся овцы съ ягнятами и телята; воздухъ, конечно, отъ скотины хорошимъ быть не можетъ, свѣта очень мало. Столовъ нѣтъ; вмѣсто ихъ мы клали доски на полъ; классную же доску носили съ собою. Учебныхъ принадлежностей, кромѣ мѣла, 3-хъ экземпляровъ священной исторіи, 3-хъ катихизисовъ и 1-й арифметики не было“. Въ другомъ описаніи сказано: „Школа моя помѣщалась въ волостномъ домѣ, въ которомъ была только одна комната съ двумя маленькими окнами на западъ: ни прихожей, ни сѣней не было. Воздухъ всегда былъ тяжелый; зимою бываетъ жарко и душно (изба отопляется по-черному) и такъ сыро, что течетъ со стѣнъ. Столовъ нѣтъ, ихъ обѣщаль сколотить староста; доска классная есть, только бѣлая (не окрашенная), и четыре грифельныя; ихъ дала помѣщица, она же послѣ ученія ихъ и назадъ взяла; 12 разныхъ книгъ, есть бумаги, карандашей и прочаго мало“. И такихъ описаній корреспондентъ имѣетъ подъ руками двадцать!

— Изъ *Калужской губерніи* имѣются слѣдующія свѣдѣнія (см. *Калужск. Губ. Вѣд.* № 46 и 46).

Мосальское уѣздное земское собраніе постановило: согласно заключенію комиссіи, увеличить сумму, отпускаемую на учебныя пособия, на 200 руб.; учредить лѣтніе педагогическіе курсы для обученія народныхъ учителей разумнымъ приемамъ преподаванія, ассигновавъ для сего 900 руб., и назначить членамъ училищнаго совѣта па разъѣзды по 120 р. на каждого. Затѣмъ выдать одному учителю народной школы, согласно его ходатайству, 50 руб. въ одновременное пособіе, и выразить сочувствіе преобразованію сиротскаго дома въ городѣ Калугѣ, по проекту предсѣдателя губернской управы.

Тарусское собраніе опредѣлило: по предмету преобразованія сего же сиротскаго дома ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о предоставленіи ему первоначальнаго характера, то-есть, приюта для призрѣнія сиротъ городскихъ сословій Калужской губерніи; принять къ свѣдѣнію докладъ предсѣдателя училищнаго совѣта о ходѣ народнаго образованія въ уѣздѣ, предоставивъ ему употреблять по своему усмотрѣнію отпускаемыя въ распоряженіе совѣта деньги 1.200 руб. По поводу же предложенія предсѣдателя комитета объ изысканіи средствъ къ поддержанію Калужской женской гимназіи — объ оказаніи ей пособія отъ земства, — гласными собранія было высказано, что они признаютъ этотъ расходъ бесполезнымъ и обременительнымъ для земства.

— Въ *Сборникъ земскихъ извѣстій по Тамбовской губерніи* (вы-

пускъ III) сообщаются слѣдующія данныя объ участіи мѣстнаго земства по предмету народнаго образованія:

По *Козловскому* уѣзду уѣздная управа приглашала для совѣщанія о развитіи дѣла народнаго образованія гг. мировыхъ посредниковъ и членовъ училищнаго совѣта, и вслѣдствіе сего, съ разрѣшенія уѣзднаго собранія, замѣстила на вакансіи двухъ наставниковъ, окончившихъ педагогическій курсъ въ Харьковѣ и рекомендованныхъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, на принятіе которыхъ, на свой счетъ, изъявили желаніе общества сельъ Стежекъ и Пупокъ; затѣмъ собраніе, на случай потребности въ улучшеніяхъ школь, ассигновало въ 1869 году 2.569 руб. 50 коп. По *Лебедянскому* уѣзду, уѣздное собраніе въ 1869 году ассигновало 3.500 руб. на выдачу денежныхъ наградъ усерднѣйшимъ изъ наставниковъ, а также на приглашеніе педагога, для приготовленія въ сельскія школы учителей изъ крестьянскихъ мальчиковъ. По *Усманскому* уѣзду, на предметъ развитія народнаго образованія поступили разныя пожертвованія отъ частныхъ лицъ, болѣе чѣмъ на 7.000 руб.; а уѣзнымъ собраніемъ изъявлено желаніе устроить одну образцовую народную школу и ассигновано вообще въ помощь училищамъ 4.691 руб. По *Борисоглыбскому* уѣзду, собраніе признало заботы о развитіи народнаго образованія обязанностью крестьянскихъ обществъ, но въ помощь училищамъ ассигновано въ сессію 1869 года 1.200 руб. По *Темниковскому* уѣзду, собраніе ассигновало на поддержку сельскихъ школь 2.000 руб.; но признало, что вообще образованіе въ уѣздѣ подвигается очень медленно, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ даже для сельскихъ училищъ. По *Тамбовскому* уѣзду, собраніе назначило въ пособіе на сельскія школы, въ сессію 1860 г., 2.600 руб. По *Моршанскому* уѣзду, собраніе, найдя, что сельскіе учителя въ настоящее время вполнѣ удовлетворяютъ мѣстнымъ потребностямъ, въ 1869 году ассигновало въ пособіе школамъ 6.307 руб. По *Липецкому* уѣзду земствомъ еще не принято никакихъ мѣръ къ развитію народнаго образованія. По *Стасскому* уѣзду также не было еще оказано участія со стороны земства въ дѣлѣ народнаго образованія. По *Курсановскому* уѣзду ассигновано на сей предметъ 2.000 руб., а изъ доклада земскихъ членовъ училищнаго совѣта видно, что училища содержатся грязно, помѣщенія тѣсны, успѣхи учащихся не удовлетворительны. По *Елатомскому* уѣзду, собраніе ходатайствовало объ устройствѣ въ уѣздѣ двухъ-классной школы и съ своей стороны на пособіе наиболѣе бѣднымъ училищамъ назначило 1.100 руб. По *Шацкому* уѣзду, собраніе

пригласило на счетъ земства 2-хъ опытныхъ педагоговъ, съ цѣлю обученія сельскихъ учителей, на что было ассигновано 650 руб., съ проектомъ устройства въ уѣздѣ 2-хъ образцовыхъ школъ, на которыя особо ассигновано въ 1869 году до 1.000 руб. Въ настоящее время, вслѣдствіе пожертвованія Е. Д. Нарышкина на устройство въ городѣ Тамбовѣ учительской семинаріи (объ открытіи которой мы сообщили въ сентябрьской книжкѣ нынѣшняго года), губернская управа, имѣя въ виду, что ея неоднократно былъ возбуждаемъ въ губернскомъ собраніи вопросъ объ этомъ предметѣ, нашла необходимымъ проектировать докладъ будущему губернскому собранію о томъ матеріальномъ и нравственномъ содѣйствіи, какое могло бы земство оказать съ своей стороны этому благодѣтельному учрежденію, и поэтому вошла о семъ въ сношеніе съ уѣздными управами. Къ 1870 году, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ губернской управѣ, народныя школы въ Тамбовской губерніи находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ 11-и уѣздахъ Тамбовской губерніи (за исключеніемъ Борисоглѣбскаго) состояло училищъ 223; изъ нихъ наибольшее число было въ Елатомскомъ уѣздѣ — 57, наименьшее въ Лебедянскомъ и Темниковскомъ — по 4; 11 училищъ закрыто: 7 въ Темниковскомъ и 4 въ Кирсановскомъ уѣздахъ; учащихся мальчиковъ въ 7 уѣздахъ, гдѣ число ихъ обозначено, 5.269; изъ нихъ наибольшее число въ уѣздахъ Козловскомъ — 1.931 и Кирсановскомъ 1.081, наименьшее въ Спасскомъ — 250 и Липецкомъ 199; учащихся дѣвочекъ въ 5-и уѣздахъ — 134. Ассигновано въ 1869 году на школы отъ земства въ 10-и уѣздахъ 25.060 руб. 50 коп., а съ остаткомъ отъ прошедшаго года въ Моршанскомъ уѣздѣ 25.817 руб. 50 коп. Въ уѣздахъ Липецкомъ и Спасскомъ назначенія суммъ на народное образованіе не было.

— Въ *Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ* сообщаютъ, что земство *Лаишевскаго* уѣзда, Казанской губерніи, признало полезнымъ и необходимымъ учредить при сельскихъ школахъ ремесленные классы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, нашла возможнымъ, не прибѣгая къ новымъ налогамъ, изъ экономіи въ расходахъ, увеличить плату учителямъ этихъ школъ съ 60 до 120 руб. въ годъ. На первый разъ, чтобы видѣть какъ пойдетъ дѣло, положено ввести ремесленные классы въ трехъ или четырехъ школахъ.

— Корреспондентъ газеты *Голосъ* (№ 332) представляетъ въ слѣдующемъ видѣ состояніе народнаго образованія въ *Исковской* губерніи. Оно находится не въ блестящемъ состояніи. На 714.000 жителей обоего пола, въ 1869 году, школы посѣщали только 6.278 человекъ;

слѣдовательно, число учащихся относится къ числу жителей губерніи, какъ 1 къ 113 жителямъ. Изъ этого числа только четвертая часть приходится на долю дѣвочекъ. Половина почти учащихся (3.082) приходится на города; крестьяне же въ губерніи составляютъ 88% населенія; слѣдовательно, поселяне составляютъ значительное большинство безграмотныхъ. Эта пропорція учащихся къ населенію сильно измѣняется по уѣздамъ. Въ наиболѣе выгодномъ положеніи находится Псковскій уѣздъ: здѣсь всѣхъ земскихъ школъ было 29; учащихся въ нихъ 1.152, въ томъ числѣ пятая часть дѣвочекъ. Отношенія народа къ школѣ становятся дружелюбнѣе, какъ выразился въ засѣданіи земскаго собранія предсѣдатель управы. Въ прошломъ маѣ, въ присутствіи предсѣдателя губернской управы, князя Ѡ. Шаховскаго, члена Бауера, директора училищъ и другихъ лицъ, произведенъ былъ экзамень кончившему курсъ въ педагогическомъ отдѣленіи Псковскаго училища земскому стипендіату Гавзову. Онъ прочиталъ нѣсколько пробныхъ уроковъ по всѣмъ предметамъ программы народныхъ училищъ съ такимъ пониманіемъ дѣла, такъ живо и свободно, что возбудилъ общее одобреніе присутствовавшей публики; это былъ первый опытъ приготовленія земскаго учителя въ дополнительномъ курсѣ Псковскаго уѣзднаго училища. Стипендіаты земства въ ремесленномъ отдѣленіи, послѣ годичнаго пребыванія въ буварномъ отдѣленіи, оказались вполне приготовленными къ продолженію курса, такъ что руководитель учительскаго съѣзда, г. Гербачъ, образовалъ изъ нихъ второе отдѣленіе для своихъ образцовыхъ уроковъ и пробныхъ лекцій земскихъ учителей. Въ земскихъ школахъ вообще замѣтно стремленіе къ толковому преподаванію и развитію мыслительной способности учениковъ. Но, тѣмъ не менѣе, большинство учителей еще не вполне усвоило новые приемы обученія. При этомъ корреспондентъ замѣчаетъ, что родители учениковъ, особенно въ селахъ, недовѣрчиво относились къ школамъ. Причина этого заключается, по мнѣнію корреспондента, въ организаціи старыхъ школъ, отъ которыхъ народъ не видѣлъ пользы, да и самое обученіе въ нихъ только наводило страхъ на дѣтей и забивало имъ головы. А каковы были эти школы еще два года назадъ, тому можетъ служить слѣдующій примѣръ. Одна сельская школа, два года назадъ, перешла къ новому земскому учителю, а передъ тѣмъ въ ней училъ мѣстный священникъ. Священникъ этотъ, по отзывамъ мѣстныхъ крестьянъ, вмѣсто ученья, употреблялъ дѣтей для черныхъ работъ по своему домашнему хозяйству. Ученіе постоянно сопровождалось суровымъ обращеніемъ съ уче-

никами. Отсюда рождается недоувѣріе къ школамъ. Даже самая легкость, съ которою ведутся нынѣ начальные уроки, ласковое обращеніе земскихъ учителей съ дѣтьми, обученіе по дѣтскимъ книгамъ, кажется крестьянамъ баловствомъ и бездѣльемъ: до того они привыкли къ прежней методѣ. Земскія школы заведены еще такъ недавно, что народъ пока смотритъ на образованіе какъ на натуральную повинность. Положеніе учителей при 150 рубляхъ жалованья крайне стѣснительно. По словамъ доклада управы, въ послѣднемъ земскомъ собраніи, всѣ учителя смотрятъ на свое мѣсто, какъ на средство не умереть съ голоду, при первой возможности бросаютъ свое званіе и переходятъ, куда представится возможность. Въ виду этого, состоялось постановленіе собранія—удвоить жалованье хорошимъ учителямъ земскихъ школъ, и они будутъ получать вмѣсто 150 руб. 300 руб. Сверхъ того, рѣшено устраивать съѣзды учителей для ознакомленія съ новѣйшими методами обученія, на чтѣ ассигнована особая сумма. *Островскій* уѣздъ тратитъ (собственно земство) около 8.000 руб. на элементарныя приходскія школы, которыхъ въ настоящее время болѣе 30, учениковъ въ нихъ болѣе 1.000 человекъ. Въ *Новоржевскомъ* уѣздѣ всего только 3 земскія школы, въ которыхъ обучается 135 дѣтей; въ нынѣшнемъ году, впрочемъ, открывається еще нѣсколько. Въ *Великолукскомъ* уѣздѣ по 1-е января 1870 года, было только 3 сельскія школы, въ которыхъ обучались 34 мальчика и 1 дѣвочка; содержаніе ихъ обходится крестьянамъ въ 160 руб. сер. Земство, съ своей стороны, ежегодно назначаетъ 350 руб. на пособіе школамъ въ распоряженіе училищнаго совѣта, но устройство школъ идетъ вообще весьма слабо, по недостатку средствъ. По смѣтѣ на нынѣшній годъ, въ *Торопецкомъ* уѣздѣ назначено на содержаніе земскаго училища 185 руб.; сверхъ того, земство хлопочетъ объ открытіи въ городѣ прогимназій на счетъ казны. Изъ бывшихъ въ уѣздѣ школъ закрыто три, по недостатку средствъ къ ихъ содержанію. По словамъ отчета *Торопецкой* уѣздной управы, усилѣна въ распространеніи грамотности между сельскимъ населеніемъ вообще не замѣтно. Со стороны *Холмскаго* земства, по словамъ отчета губернской земской управы за 1869 годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, никакихъ мѣръ въ пособіе дѣлу народнаго образованія не принято. *Великолукское* земское собраніе, постоянно принимая всѣ мѣры къ успѣшному ходу дѣла народнаго образованія, не можетъ однако достигнуть желаемыхъ результатовъ, и изъ числа бывшихъ школъ, 8 закрыто за недостаткомъ учащихся.

— *Новозыбковское* уѣздное земское собраніе, *Черниовской* губер-

ніи выразило, по свидѣтельству *Правительственнаго Вѣстника* (№ 262), свою заботливость о народномъ образованіи, кромѣ ежегоднаго внесенія въ сѣту 1.063 руб. 79 коп. на составленіе фонда для народнаго образованія, еще тѣмъ, что поручило управѣ собранный по 1-е января сего года капиталъ на этотъ фондъ, въ количествѣ 3.066 руб. 33 коп., обратить въ процентныя государственныя бумажы, дающія наибольшій процентъ, на который и содержать въ земской учительской семинаріи стипендіатовъ, съ годичнымъ отпускомъ въ 80 руб.; на будущіе же годы, по мѣрѣ увеличенія процентовъ, положено увеличить число стипендіатовъ. Отпускавшіеся прежде на содержаніе Сачковского и Вышковскаго училищъ изъ школьнаго фонда 350 руб. постановлено брать изъ общихъ остатковъ отъ земскихъ сборовъ. Кромѣ того, собраніемъ выдано единовременно 50 руб. землевладѣльцу И. Ѳ. Попатенко, открывшему съ 1867 года въ дер. Иловнѣ, въ собственномъ домѣ, народную шеолу и бесплатно обучавшему въ ней крестьянскихъ дѣтей.

— Въ *Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ* (№№ 84 и 86) сообщается нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности земства *Кишиневскаго* уѣзда по народному образованію. По этимъ свѣдѣніямъ, которыя впрочемъ самъ авторъ статьи называетъ основанными на слухахъ болѣе или менѣе вѣрныхъ, чрезвычайное Кишиневское уѣздное земское собраніе, 6-го іюня сего года, ассигновало 2.000 руб. для учрежденія десяти стипендій въ Кишиневскихъ педагогическихъ курсахъ, въ видахъ приготовленія хорошихъ сельскихъ учителей. Мѣра эта, принята вслѣдствіе сообщенія училищнаго совѣта, объяснившаго управѣ, что главнѣйшимъ затрудненіемъ для успѣха его дѣятельности служитъ недостатокъ въ народныхъ учителяхъ, почему совѣтъ полагалъ необходимымъ приготовленіе учителей для народныхъ школъ уѣзда изъ среды сельскаго населенія, людей, близко знакомыхъ съ молдавскимъ языкомъ и народною жизнью, безъ чего рѣшительно не возможно выучить народъ русскому языку. Для достиженія этого, совѣтъ предложилъ управѣ изыскать средства къ содержанію въ Кишиневскихъ педагогическихъ курсахъ по крайней мѣрѣ десять мальчиковъ изъ поселянскихъ дѣтей, съ условіемъ, чтобъ они обязались прослужить за это въ народныхъ школахъ уѣзда отъ 4-хъ до 6-и лѣтъ. Управа представила это мнѣніе на разрѣшеніе уѣзднаго собранія, и оно отнеслось вполне сочувственно къ мнѣнію уѣзднаго училищнаго совѣта, который, по требованію управы, представалъ списокъ 10-и учениковъ, поступающихъ въ Кишиневскіе педагогическіе курсы или находящихся въ

нихъ, съ обозначеніемъ ихъ происхожденія. Изъ нихъ было четверо мѣщанъ, двое царанъ (изъ Сорокскаго уѣзда), два однодворца и двое доказывающихъ дворянство. Изъ числа представленныхъ ей кандидатовъ управа приняла только одного, на томъ основаніи, что только одно изъ этихъ лицъ происходитъ изъ поселянъ, а остальные происходятъ изъ другихъ сословій. Между тѣмъ училищный совѣтъ объяснилъ управѣ, что онъ разумѣлъ подъ лицами сельскаго населенія не только царанъ, но и однодворцевъ и мѣщанъ, проживающихъ въ селеніяхъ, такъ какъ въ ихъ образѣ жизни нѣтъ ничего существенно отличнаго отъ царанъ; слѣдовательно, и лица, представленныя совѣтомъ, совершенно удовлетворяли требованію управы. Пока еще слишкомъ мало поселянскихъ дѣтей могутъ поступить въ педагогическіе курсы, земству необходимо принять лицъ, указанныхъ совѣтомъ, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ нѣсколько человѣкъ находятся уже въ послѣднемъ курсѣ, слѣдовательно, черезъ годъ они могутъ занять мѣста учителей, представляя земству ту выгоду, что они будутъ пользоваться стипендіей только одинъ годъ. Земское собраніе, на разрѣшеніе котораго вопросъ объ этомъ былъ представленъ, согласилось съ доводами училищнаго совѣта относительно назначенія стипендіатами лицъ тѣхъ сословій, которыя, по образу жизни, ближе всего подходятъ къ поселянамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановило: давать стипендіи только тѣмъ изъ желающихъ, которые, кромѣ сказаннаго условія, принадлежатъ къ числу коренныхъ жителей уѣзда. Такое постановленіе собранія должно, по мнѣнію автора, замедлить развитіе народныхъ школъ въ Бессарабіи. Изъ назначенныхъ земствомъ на стипендіи 2.000 руб., 500 рублей опредѣлены собственно на устройство сѣздозовъ народныхъ учителей.

Мѣстная газета говоритъ о пожертвованіи, предложенномъ И. Э. Манукъ-беємъ на дѣло народнаго образованія. Г. Манукъ-бей изъявилъ готовность жертвовать ежегодно до 500 руб. на содержаніе въ м. Ганчелотахъ двухъ училищъ — одного мужскаго двухкласснаго, а другаго однокласнаго женскаго, въ дополненіе къ суммѣ, ассигнованной сельскимъ обществомъ, и кромѣ того, перестроить домъ, въ которомъ нынѣ помѣщается училище. Та же газета сообщаетъ, что крестьяне 3-го мирового участка Кишиневскаго уѣзда высказали желаніе завести у себя школы, какъ мужскія, такъ и женскія, и еще лѣтомъ составлены мѣрскими сходами приговоры на открытіе 21 школы въ этомъ участкѣ. Общества ассигновали по 336 руб. на школу, а именно: 250 руб. учителю, 50 руб. законоучителю и 36 руб. на учебныя

пособія, обязавшись притомъ построить училищныя зданія, отапливать училища и содержать сторожей. Нынѣ уже приступлено къ постройкѣ школъ, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ производится ученіе въ нанятыхъ домахъ, до постройки общественныхъ. Руководителемъ этого прекраснаго дѣла былъ г. Томулецъ, мировой посредникъ 3-го участка, состоящій, вмѣстѣ съ своею супругой, почетнымъ попечителемъ нѣкоторыхъ школъ. На одну изъ нихъ г. и г-жа Томулецъ жертвуютъ 72 руб. и на пять школъ, мужскихъ и женскихъ, по 24 руб. въ годъ на каждую.

Дѣло народнаго образованія въ *Аккерманскомъ* уѣздѣ, по словамъ одного изъ членовъ училищнаго совѣта (*Бессараб. Обл. Вѣд.* № 93), находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Изъ 107-и училищъ, существующихъ въ уѣздѣ, только $\frac{1}{5}$ часть можетъ удовлетворить требованіямъ народнаго образованія; остальные же $\frac{4}{5}$, при настоящей ихъ организаціи, совершенно лишены характера народныхъ школъ. Въ послѣднемъ чрезвычайномъ уѣздномъ земскомъ собраніи прочитана была, между прочимъ, записка инспектора Бессарабскихъ народныхъ училищъ, въ которой онъ, описавъ жалкое состояніе сельскихъ и приходскихъ училищъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ, проситъ земство изыскать средства на улучшеніе быта народныхъ учителей, получающихъ жалованья отъ 30 до 200 руб. въ годъ. По выслушаніи записки, предсѣдатель собранія, согласно предварительному заключенію по этому дѣлу земской управы, высказалъ, что умственные потребности народа могутъ и должны быть удовлетворяемы безъ участія земствъ, самимъ же народомъ. Такое мнѣніе предсѣдателя всѣ члены собранія единогласно подтвердили.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ СЕЛЬСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1870 ГОДУ.

По особому ходатайству его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, въ текущемъ году назначена была особая сумма для устройства педагогическаго съѣзда всѣхъ сельскихъ учителей Архангельской губерніи. Нынѣ, по окончаніи всѣхъ работъ означеннаго съѣзда, г. Архангельскій губернаторъ, выражая отъ имени всего населенія этой губерніи благодарность г. министру народнаго просвѣщенія, свидѣтельствуетъ объ успѣшномъ ходѣ съѣзда и о благопріятныхъ результатахъ открытыхъ при немъ педагогическихъ курсовъ, для развитія начальнаго образованія въ этомъ краѣ.

Курсы были открыты 11-го іюня и продолжались по 1-е августа; слушателей было до 70-и человекъ, кромѣ большаго числа публики, посѣщавшей курсы изъ любопытства.

Его Императорское Высочество Великій Князь Алексій Александровичъ удостоилъ посѣтить съѣздъ сельскихъ учителей 29-го іюня, внимательно выслушалъ объясненія программы курсовъ, прослушалъ пробную лекцію одного изъ учителей, изъявилъ свое одобреніе дѣлу и пожаловалъ на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для сельскихъ учителей, слушавшихъ педагогическіе курсы, 300 руб.; къ суммѣ этой присоединены 500 рублей, пожалованныхъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ изъ остатковъ суммъ, бывшихъ въ распоряженіи Высочайше утвержденной комиссіи о народномъ продовольствіи. По распоряженію директора училищъ, на эти деньги пріобрѣтены нѣкоторыя учебныя пособія и розданы учителямъ, слушавшимъ педагогическіе курсы; кромѣ того Великій Князь Алексій Александровичъ пожаловалъ 200 руб. въ распоряженіе директора училищъ, на пособія самымъ бѣднымъ учащимся, и 50 руб., на покупку золотой и серебряной медали двумъ воспитанницамъ Маріинскаго женскаго училища, удостоеннымъ этихъ наградъ.

По свидѣтельству г. губернатора, учительскіе съѣзды имѣютъ благодѣтельное вліяніе на общее благосостояніе всей губерніи, такъ какъ дѣятельность и качества учителей отражаются на всемъ учащемся населеніи; но въ Архангельской губерніи, благодаря исключительнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, значеніе съѣздовъ особенно важно. Незначительное населеніе Архангельской губерніи разбросано на громадныхъ пространствахъ; ревизія сельскихъ школъ, затрудняемая большими переѣздами, не даетъ возможности постоянно и неуспынно слѣдить за дѣятельностью учителей, за педагогическими ихъ приемами и веденіемъ школъ. При всей добросовѣстности и усердіи директора и смотрителя училищъ, они не могутъ посвятить на ревизію каждаго училища болѣе 3-хъ дней, а этого времени положительно недостаточно для подробнаго ознакомленія съ учителями и для водворенія рациональныхъ способовъ преподаванія въ школахъ; къ этому слѣдуетъ присовокупить, что громадные пространства лишаютъ возможности производить внезапныя ревизіи и потому ко времени пріѣзда ревизоровъ въ школахъ обыкновенно все готовится для вида, а все дурное скрывается.

Съѣздъ всѣхъ сельскихъ учителей въ первый разъ далъ губернскому учебному начальству возможность подробно познакомиться съ лицами, которымъ ввѣрено народное образованіе и направленіе будущаго поколѣнія. Кромѣ того, учителямъ преподаны были лучшіе методы преподаванія грамотности, указаны лучшіе учебники и способы цѣлесообразнаго пользованія ими, объяснены практическіе приемы для правильнаго веденія школы, а пробныя лекціи указали средства и формы практическаго примѣненія теоретическихъ началъ дидактики; свѣдѣнія эти и устройство общей рациональной системы преподаванія по всѣмъ школамъ губерніи ревизующія лица до сихъ поръ не имѣли возможности передать учителямъ во время своихъ объѣздовъ. Независимо отъ обогащенія учителей научными и практическими свѣдѣніями, съѣздъ имѣлъ сильное вліяніе на общее развитіе и ознакомленіе учителей между собою. На съѣздѣ сельскіе учителя въ первый разъ услышали о томъ важномъ значеніи, которое занятія ихъ имѣютъ для народной жизни, въ первый разъ почувствовали вниманіе къ нимъ общества и убѣдились, что не смотря на скромную обстановку ихъ жизни, они принадлежатъ къ числу полезнѣйшихъ членовъ общества, и при добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, имѣютъ право требовать общаго къ себѣ уваженія. Сознаніе это видимо ободрило сельскихъ учителей, что отразилось даже въ ихъ

наружности, болѣе опрятной одеждѣ и безукоризненномъ поведеніи въ теченіе лѣтнихъ курсовъ, и можно вполне надѣяться, что отразится въ улучшеніи школьнаго дѣла въ наступившій учебный годъ.

По отзыву начальника губерніи, устройство курсовъ и правильное ихъ веденіе составляетъ заслугу директора училищъ г. Пилацкаго и въ особенности смотрителя училищъ г. Пругавина, который, не смотря на потерю жены и собственную болѣзнь, съ самоотверженіемъ отдалъ всего себя этому дѣлу. Представляя къ награжденію этихъ достойныхъ тружениковъ, начальникъ губерніи въ то же время ходатайствуетъ объ ассигнованіи прежней суммы — 2.542 руб., на открытіе педагогическаго съѣзда сельскихъ учителей и въ будущемъ 1871-мъ году, въ виду той пользы, какую несомнѣнно приносятъ подобные съѣзды усовершенію учебнаго дѣла. Начальникъ губерніи обращаетъ особенное вниманіе на то, что Архангельская губернія, по суровости климатическихъ условій и бѣдности населенія, не имѣя возможности выработать достаточныя средства для своего пропитанія, служить тягостію для государства въ то время, когда мореплаваніе и морскіе промыслы должны бы вполне обезпечивать благосостояніе населенія. Всякая денежная и временная помощь не достигнетъ цѣли, пока населеніе не получитъ надлежащаго образованія; неудовлетворительность экономическаго положенія и непроизводительность затратъ на пособія для этого края отъ правительства происходятъ отъ народнаго невѣжества. Почти половина населенія губерніи держится раскола, что также происходитъ отъ недостатка хорошихъ народныхъ школъ, и наконецъ народная нравственность находится въ упадкѣ: пьянство и безобразіе въ семейной жизни встрѣчаются повсюду, а эти губительные пороки могутъ уничтожиться только чрезъ посредство хорошо устроенныхъ и достаточныхъ по количеству народныхъ школъ.

Всѣ поморскіе жители получаютъ средства для своего существованія единственно отъ моря, и потому необходимо съ самаго малолѣтства развивать въ населеніи полезныя морскія свѣдѣнія. Поэтому г. начальникъ Архангельской губерніи, обзрѣвавшій лѣтомъ подробно весь край, находитъ крайне необходимымъ ввести элементъ морскаго дѣла въ поморскія народныя школы, такъ чтобъ и во время преподаванія, и въ разговорахъ учителя съ дѣтьми внѣ классовъ, и даже посредствомъ игръ знакомить дѣтей съ морскимъ промысломъ. Лучшимъ средствомъ для этого, по мнѣнію г. губернатора, можетъ служить предоставленіе мѣстъ сельскихъ учителей въ поморскихъ народныхъ школахъ воспитанникамъ Архангельскихъ швейперскихъ учи-

лицъ. Воспитанники эти по своему воспитанію вполне отвѣчаютъ требованіямъ отъ сельскихъ учителей; нынѣ лѣтомъ они заняты плаваніемъ на поморскихъ судахъ, за самое ничтожное вознагражденіе; зимою же совершенно свободны и могутъ заниматься въ школахъ. Распоряженіе это, если оно будетъ осуществлено, кромѣ пользы школамъ, будетъ полезно и всему поморскому населенію, содѣйствуя въ то же время и улучшенію быта воспитанниковъ шкиперскихъ училищъ. Воспитанники эти въ настоящее время, по недостатку средствъ, бѣдствуютъ, и незавидная ихъ участь отнимаетъ охоту поступать въ шкиперскія училища, что порождаетъ недостатокъ хорошихъ русскихъ шенперовъ и штурмановъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ СЕЛЬСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКАГО УѢЗДА III-ГО УЧАСТКА ВЪ 1869 ГОДУ¹⁾.

Настоящій съѣздъ сельскихъ учителей, третій со времени открытія Александровскаго училищнаго совѣта, открытъ былъ 28-го декабря 1869 года, въ деревнѣ „Нескучное“, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. На съѣздѣ присутствовало 25 сельскихъ учителей, два попечителя школъ и четыре постороннихъ лица, заинтересованныхъ школьнымъ дѣломъ; всего съѣхалось для совѣщанія 31 членъ не смотря на крайне неблагоприятную погоду и едва доступную для проѣзда дорогу. Программа занятій была сообщена учредителемъ циркулярно всѣмъ учителямъ участка за два мѣсяца до съѣзда, для того чтобъ они могли подготовиться къ обсужденію вопросовъ, внесенныхъ въ программу, и обдумать, не предстоитъ ли надобности въ возбужденіи какого-либо новаго вопроса, не указаннаго въ циркулярѣ. Въ 11^{1/2} часовъ утра съѣздъ приступилъ, подъ предсѣдательствомъ учредителя бесѣдъ, къ обсужденію вопросовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Успѣшно ли идетъ обученіе младшаго класса посредствомъ учениковъ старшаго класса, по каждому учебному предмету особо?* Въ текущемъ учебномъ году многія школы, существующія со времени открытія совѣта, изъ двуклассныхъ превращены третьимъ поступленіемъ въ училище неграмотныхъ дѣтей въ трехклассныя, въ которыхъ немислимо преподаваніе *одного* учителя безъ помощи учениковъ, обучающихся третью зиму. Особенный интересъ представлялъ вопросъ: на сколько старшимъ ученикамъ удастся справиться съ *звуковымъ* обученіемъ грамотѣ своихъ младшихъ товарищей? Въ началѣ преній по этому вопросу казалось, будто нѣкоторые изъ учителей желали до-

¹⁾ Изъ отчета о школахъ Александровскаго уѣзда III-го участка барона Н. А. Корва за 1868/70 учебный годъ.

казать неудобство обученія младшихъ учениковъ грамотѣ посредствомъ учениковъ старшаго класса, при чемъ указывали на то обстоятельство, что этими помощниками учителя нерѣдко допускаются погрѣшности, требующія исправленія со стороны учителя. Преніями однако выяснено, что учителя, какъ-бы ратовавшіе противъ учениковъ-помощниковъ, желали лишь выразить, что дѣятельность послѣднихъ при обученіи менѣе плодотворна дѣятельности самого учителя и требуетъ *непрерывнаго* контроля съ его стороны. Факты, приведенные всѣми учителями безъ изыятія, доказываютъ однако, что въ трехклассной школѣ пзъ 50 и болѣе учениковъ, порученныхъ *одному* учителю, обученіе грамотѣ по звуковой методѣ, то-есть, обученіе процессу чтенія и письма, при затратѣ самимъ учителемъ около часа времени ежедневно на младшій классъ, который на остальное время поручается ученикамъ старшаго класса по очереди, продолжается не долѣе двухъ мѣсяцевъ, а въ большинствѣ случаевъ только 6 недѣль. Едва-ли возможно ожидать лучшихъ результатовъ отъ преподаванія учениковъ-помощниковъ, хотя необходимо принять къ свѣдѣнію выясненное учительскою бесѣдой положеніе, что эти результаты достижимы только въ томъ случаѣ, если, при поступленіи неграмотныхъ дѣтей (20—30), *самъ* учитель, ознакомивъ ихъ предварительно со школьными порядками и освоивъ ихъ съ предстоящими занятіями посредствомъ предварительныхъ бесѣдъ, первые три дня займется въ младшемъ классѣ около трехъ или четырехъ часовъ въ день, развивая въ ученикахъ понятіе о *звукѣ* и сочетаніи звуковъ. Что же касается остальныхъ предметовъ учебной программы, то преподаваніе ихъ посредствомъ учениковъ-помощниковъ не возбуждало и преній на сѣздѣ, такъ какъ учителя единогласно заявляли о томъ, что весьма удобно поручать ученикамъ старшаго класса не только диктовку въ младшемъ классѣ, но и *повтореніе* упражненій по „Родному Слову“ *Ушинскаго* (распредѣленіе предметовъ по разрядамъ), даже упражненія въ умственномъ численіи по *Церингеру*, *Грубе* и *Томасу*, на тѣ числа, которыя ужъ изучены учениками во время уроковъ самаго учителя.

2) *Устаиваютъ ли ученики въ сознательности славянскаго чтенія, и какъ ея достигаютъ?* При обсужденіи этого вопроса оказалось, что нѣкоторые изъ учителей затруднились тѣмъ, что училищнымъ совѣтомъ не было разъяснено, въ какомъ смыслѣ понимать *сознательность* славянскаго чтенія? Совершенно освоившись съ тѣмъ, что *сознательность русскаго* чтенія, достигаемая въ школахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи совѣта, достигается въ такой мѣрѣ, что дѣти читають,

понимая читаемое, *всякую* дѣтскую книгу на русскомъ языкѣ, нѣкоторые учителя полагали, что такой же сознательности требуетъ совѣтъ и при изученіи славянской книги. Эту цѣль учителя считали не достижимою, такъ какъ большинство книгъ славянской печати превосходить дѣтское пониманіе, и самый славянскій языкъ на столько затрудняетъ учениковъ, что не возможно достигнуть того, чтобъ ученикъ читалъ сознательно *всякую* славянскую книгу. Послѣ того, какъ пренія выяснили, что совѣтъ ожидаетъ лишь сознательнаго чтенія славянскаго текста чегырехъ Евангелистовъ, оказалась надобность еще болѣе ограничить матеріалъ для сознательнаго славянскаго чтенія, такъ какъ трудно было не согласиться съ доводами нѣкоторыхъ членовъ учительскаго съѣзда, указывавшими на то, что нѣкоторые стихи святаго евангелія, представляя отвлеченное содержаніе, могутъ быть недоступны не только ученикамъ, но и самимъ преподавателямъ. Пренія привели къ тому результату, что учитель долженъ избирать для чтенія въ классѣ тѣ главы евангелія, которыя преимущественно посвящены изложенію событій земной жизни Спасителя, для того чтобы чтеніемъ *такого* славянскаго текста достигнуть *сознательнаго* славянскаго чтенія. Нѣкоторые изъ учителей такъ и поступали въ текущую зиму и достигли того, что дѣти, прочитавъ отрывокъ по славянски, передаютъ вкратцѣ содержаніе его, своими словами, на русскомъ языкѣ. Что касается самыхъ приемовъ обученія, которыми достигаются такіе результаты, то они состоятъ, по мнѣнію учительскаго съѣзда, въ томъ, что славянскому чтенію предпосылается чтеніе тѣхъ же стиховъ Евангелія на русскомъ языкѣ, и что за всякимъ урокомъ славянскаго чтенія ученики записываютъ въ тетради и заучиваютъ по два, по три славянскихъ слова, съ русскимъ переводомъ изъ наиболѣе употребительныхъ и наименѣе понятныхъ словъ церковно-славянскаго языка.

3) *Какіе результаты достигаются при обученіи нумерации по слуху?* Этотъ способъ обученія нумерации введенъ съ разрѣшенія совѣта во всѣхъ училищахъ III-го училищнаго участка, съ начала текущаго учебнаго года. Способъ этотъ основанъ на томъ же законѣ, какъ и обученіе письму по звуковой методѣ: ученикъ пишетъ то, что *слышитъ*, а то, чего не слышитъ, замѣняетъ нулемъ. На учительскомъ съѣздѣ обнаружилось, что *никто* изъ учителей не встрѣтилъ ни малѣйшаго затрудненія при обученіи дѣтей по означенному способу, и что во всѣхъ школахъ *безъ изъятія* нумерация, переставъ быть достоиніемъ только немногихъ учениковъ, одаренныхъ особенно

блестящею памятью, сдѣлалась достояніемъ цѣлыхъ классовъ школы: въ текущую зиму, какъ заявили всѣ учителя, не только старшіе классы, но и вторые классы пишутъ большія числа или совершенно безошибочно, или рѣдко ошибаясь, при чемъ самъ ученикъ, написавшій число, исправляетъ погрѣшность, допущенную имъ по невниманію.

4) *На сколько списываніе съ книги вліяетъ на правописаніе?* Въ текущую зиму школами III-го участка впервые примѣнено было упражненіе, рекомендованное училищнымъ совѣтомъ, — переписываніе изъ печатной книги, для того чтобы *по навыку* достигнуть сколько-нибудь грамотнаго письма. Пренія по этому вопросу доказали, что нѣкоторые изъ учителей, занявшись этимъ упражненіемъ только малое время и не замѣчая того, чтобы правописаніе учениковъ улучшилось отъ „списыванія съ книги“, заключили по этимъ результатамъ о безуспѣшности этого приема обученія. Другіе, также не выждавъ еще указаннаго опыта, высказывались противъ этого класснаго упражненія на томъ основаніи, что машинальность списыванія при обученіи правописанію не можетъ дать результатовъ, которые достижимы только въ томъ случаѣ, если дѣти знакомятся сознательно съ законами языка. Преніями выяснено, что прежде всего слѣдуетъ достигнуть въ школѣ того, чтобы ученики привыкли списывать на столько *внимательно*, чтобы въ переписанномъ не встрѣчалось ошибокъ, и что только по достиженіи этого „списываніе съ книги“ *начинетъ* получать силу средства къ обученію правописанія; затѣмъ „списываніе съ книги“ не можетъ сдѣлать письма учениковъ совершенно грамотнымъ, и представляетъ лишь такой способъ обученія, который, будучи пригоденъ въ школѣ, при недостаткѣ времени у сельскаго учителя и въ виду того, что большинство *не подготовленныхъ* учителей не обладаетъ умѣньемъ писать безошибочно, можетъ повліять и на выработку грамотнаго письма учениковъ.

5) *Какое вліяніе имѣютъ ученическія награды на учениковъ и родителей ихъ?* Объ части этого вопроса обсуждались каждая особю. Изъ 31 члена съѣзда только 6 высказывали мнѣніе, что награды (похвальные листы и Евангеліе), поощряя лѣтъхъ учениковъ, которые ихъ удостоены, и возбуждая соревнованіе въ остальныхъ, имѣютъ благотворное вліяніе на дѣло. Остальные 25 членовъ учительскаго съѣзда высказались противъ ученическихъ наградъ; одни не приписывали имъ никакого вліянія на дѣтей, и потому считали безцѣльными; другіе указывали на то, что награды, возбуждая зависть въ не удостоен-

ныхъ и заносчивость въ награжденныхъ ученикахъ, даже охлажденіе къ дѣлу въ послѣднихъ и озлобленіе въ товарищахъ награжденныхъ дѣтей, приносятъ существенный вредъ дѣтямъ, а потому и не могутъ быть терпимы. Эти различныя заявленія, вытекающія изъ наблюденій въ различныхъ школахъ, подкрѣплялись фактическими данными. При этомъ немногіе учителя указали на то, что при назначеніи ученическихъ наградъ членами совѣта были допущены ошибки, неразлучныя со всякаго рода искутаніями учениковъ, при которыхъ случайности имѣютъ немалое значеніе; къ тому же, говорили другіе, наградой въ большинствѣ случаевъ поощряются не трудолюбивыя, но способныя дѣти, которыхъ не стоитъ награждать за то, что они щедро одарены природой. Что касается вліянія ученическихъ наградъ на родителей ихъ, какъ средства пріохотить неграмотныхъ крестьянъ пускать дѣтей въ школу, то хотя нѣкоторые изъ учителей и отрицали это значеніе ученическихъ наградъ, но большинство видимо склонялось въ пользу того мнѣнія, что награжденіе дѣтей связываетъ родителей ихъ со школой. Въ такомъ смыслѣ высказался и гласный-крестьянинъ, участвовавшій въ съѣздѣ, который, не стѣняясь тѣмъ, что ему за 45 лѣтъ, обучается грамотѣ въ школѣ своего села, рядомъ съ своимъ десятилѣтнимъ сыномъ. Но и этотъ голосъ не поколебалъ мнѣнія большинства, которое, по мѣрѣ развитія вопроса прешіями, пришло къ заключенію, что дурное вліяніе наградъ во всякомъ случаѣ превозмогаетъ ту пользу, которую онѣ могутъ принести, располагая неграмотныхъ крестьянъ къ школѣ. Большинствомъ 21-го голоса противъ 10-и съѣздъ выразилъ мнѣніе о необходимости представить училищному совѣту о томъ, что польза дѣла требуетъ отъ мѣны ученическихъ наградъ.

6) *Свидѣтельства объ окончаніи курса для учениковъ сельскихъ школъ.* Однимъ изъ учителей сдѣлано было съѣзду предложеніе представить училищному совѣту о томъ, что было бы весьма полезно выдавать *всѣмъ* ученикамъ, оканчивающимъ курсъ въ народныхъ училищахъ, свидѣтельства, что они обучены такимъ-то предметамъ, не упоминая объ успѣхахъ учениковъ въ свидѣтельствахъ, но и не давая ихъ такимъ ученикамъ, которые не достигли сознательнаго чтенія, письма и счета. Подобныя свидѣтельства, по мнѣнію докладчика, могли бы пригодиться ученикамъ въ жизни, и могли бы поощрить родителей не брать дѣтей изъ школы до окончанія ими трехлѣтняго курса ученія. Предложеніе это встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ съѣзда.

7) *Денежныя награды учителямъ.* Однимъ изъ учителей, по докладу котораго самый вопросъ обсуждался съѣздомъ, заявлено, что нерѣдко положеніе учителей, получившихъ награду въ 50 или 100 руб. сереб., крайне тягостно, такъ какъ отличіе имъ предоставленное возбуждаетъ зависть въ средѣ товарищей, которые, по недостатку средствъ и затруднительности сообщеній, лишены возможности лично ознакомиться съ тою школой, учитель которой удостоенъ награды. Поэтому, не лучше ли отмѣнить учительскія награды? На это возражали, что чувство зависти, возбуждаемое въ ребенкѣ ученическими наградами, портитъ нравственность послѣдняго; совершенно иное дѣло тотъ взрослый человекъ, который такъ мало нравственно развитъ, что не знаетъ цѣны своему и чужому труду. Возражавшіе докладчику поставили на видъ кромѣ того, что учителя въ большинствѣ случаевъ получаютъ жалованье въ такомъ размѣрѣ, что едва стаетъ его на пропитаніе; поэтому вполне справедливо земскою доплатой къ жалованью, то-есть учительскими наградами, улучшать средства жизни наиболѣе трудолюбивыхъ учителей. Само собою понятно, что если бы право представленія учителей къ наградамъ перешло въ руки людей, готовыхъ злоупотреблять своимъ правомъ, или неспособныхъ къ педагогической оцѣнкѣ школы по совокупности обстоятельствъ, среди которыхъ происходило обученіе, то учительскія награды утратили бы всякій смыслъ. Нѣкоторою гарантіей честнаго представленія учителя къ наградѣ служить то, что всѣ испытанія производится членами совѣта, по возможности, въ присутствіи лицъ образованныхъ, которыя становятся такимъ образомъ компетентными свидѣтелями дѣйствій лица, ревизующаго школу; надежною гарантіей противъ ошибокъ и злоупотребленій можетъ служить только осторожный выборъ членовъ совѣта земствомъ, которое, безъ сомнѣнія, сумѣетъ, при выборахъ, проникнуться важностію ввѣряемаго имъ совѣту дѣла воспитанія подростостающаго поколѣнія. Большинствомъ 25-и голосовъ противъ 6-и учительскій съѣздъ высказался въ пользу сохраненія учительскихъ наградъ.

8) *Справедливо ли въ отчетахъ объ училищахъ, которые печатаются, называть учителей по фамиліяхъ, а не одними начальными буквами?* Вопросъ этотъ также заявленъ однимъ изъ учителей, который ходатайство свое о томъ, чтобы имена учителей не печатались, основывалъ главнымъ образомъ на томъ, что оглашеніе неудачъ учителя можетъ помѣшать его заработкамъ въ будущемъ, можетъ даже лишить его куса хлѣба; такое бѣдствіе обратится на того, который

никогда не готовился быть учителемъ, и потому не можетъ отвѣчать за результаты дѣятельности, которую избралъ по нуждѣ, а не по призванію. На это возражали, что польза гласности на всѣхъ поприщахъ признана несомнѣнною, и что не представляется основанія для исключенія однихъ учителей изъ числа дѣятелей, подлежащихъ общественному контролю. Въ мировые судьи избираются люди безъ подготовки къ дѣлу—не юристы; а тѣмъ не менѣе съ той минуты, какъ извѣстное не подготовленное къ дѣлу лицо сѣло на судейское кресло, всякое дѣйствіе его можетъ быть оглашаемо въ печати каждымъ изъ присутствовавшихъ при разборѣ дѣла, или узнавшихъ о немъ изъ достовернаго источника. Что сказали бы тому, который, „не по призванію, а по нуждѣ“, занявшись музыкою, сталъ бы давать концерты, и освистанный слушателями и обезславленный въ печати, сталъ бы доказывать несправедливость приговора указаніемъ на то, что онъ не готовился серьезно къ тому дѣлу, за которое взялся? Въ примѣненіи къ нашему уѣзду, право совѣта печатать фамиліи учителей въ отчетахъ является тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, что *не подготовленнымъ* учителямъ даны всѣ средства узнать дѣло, которому они учатся, обучая дѣтей: отчеты объ училищахъ замѣняютъ дидактическія руководства; осенью является въ школу членъ совѣта не для испытанія дѣтей, но для совѣтовъ учителю; зимній учительскій съѣздъ вновь даетъ возможность учителю провѣрить свои дѣйствія и найти разрѣшеніе своихъ недоумѣній; только послѣ всего этого наступаетъ весеннее повѣрочное испытаніе, которое печатается въ отчетахъ. Въ виду того, что учителю вручается участь всего грядущаго поколѣнія, не только не представляется возможности, принимая въ расчетъ его будущіе заработки, щадить его самолюбіе сокрытіемъ имени его въ отчетѣ, но является необходимость, пользуясь гласностію, какъ гарантією добросовѣстности учителя, ставить интересы общества выше личныхъ выгодъ слуги его. Къ тому же оглашеніе именъ учителей необходимо и какъ средство контроля надъ дѣйствіями лицъ, ревизующихъ школы: если учитель названъ по имени, то онъ конечно не потерпитъ клеветы въ печати и обратится къ той же печати, для того чтобъ оправдать себя и обвинить клеветника, обнаружить пристрастіе или незнаніе дѣла. Большинствомъ 25-и голосовъ противъ 6-и учительскій съѣздъ заключилъ: „Польза дѣла требуетъ того, чтобъ и на будущее время имена учителей печатались въ отчетахъ объ училищахъ“.

9) *Ноты для тѣни объдни въ нотѣ „F—dur“.* Учитель пѣнія, онъ же и учитель начальной школы, представилъ съѣзду ноты для

пѣнія обѣдни, положенной имъ въ тонѣ „F—dur“, такъ какъ онъ находилъ, что въ этомъ тонѣ гораздо легче обучить дѣтей церковному пѣнію, и легче составить хоръ, потому что для тона „C—dur“, въ которомъ обыкновенно поется обѣдни, нужны лучшіе голоса, чѣмъ для того тона, въ которомъ положена обѣдня докладчикомъ. Съѣздъ не считая себя компетентнымъ въ этомъ специальномъ вопросѣ и желая въ то же время помочь училищному совѣту оцѣнить трудъ учителя, назначилъ для обсуждения его изъ своей среды комиссію, составивъ ее изъ регента одного изъ лучшихъ нашихъ хоровъ, учителя музыки, управляющаго другимъ весьма хорошимъ хоромъ пѣвчихъ, и попечителя школы, знакомаго съ теоріей и практикой музыки и пѣнія. Комиссія, избранная изъ среды учительскаго съѣзда, доложила, что по ея мнѣнію, трудъ учителя, ею разсмотрѣнный, не достигаетъ цѣли, такъ какъ облегчить или затруднить обученіе дѣтей пѣнію можно только избраніемъ лучшаго или худшаго метода обученія, а отнюдь не переложеніемъ мелодій изъ одного тона въ другой. Съѣздъ, выслушавъ это мнѣніе, заключилъ представить трудъ своего собрата въ училищный совѣтъ при заключеніи комиссіи, прося совѣтъ обратить вниманіе на то, на сколько достойно уваженія почтенное стремленіе автора, завѣдующаго школой изъ 90 учениковъ и хоромъ пѣвчихъ, послужить общей пользѣ.

Всѣ вопросы, начиная съ 6-го, не были указаны въ программѣ съѣзда, предварительно разосланной учителямъ и вообще лицамъ приглашеннымъ на съѣздъ, а заявлены самими учителями, по прибытіи ихъ для совѣщаній. Многіе изъ учителей, по просьбѣ руководителя, привезли съ собою образцы письма цѣлыхъ классовъ вѣренихъ имъ школъ и образцы плановъ, снятыхъ учениками съ натуры. Эти ученическія работы разсматривались учителями. Кромѣ того, здѣсь же собраны были свѣдѣнія о томъ, сколько въ каждой школѣ экземпляровъ книгъ, которыя по ветхости требуютъ замѣны ихъ новыми.

Говоря вообще, педагогическая бесѣда этого года доказала, ростъ и развитіе нашего дѣла: пренія на этомъ съѣздѣ, третьемъ со времени нашей дѣятельности, были гораздо оживленнѣе, чѣмъ на двухъ предыдущихъ учительскихъ бесѣдахъ; заявленія и возраженія учителей доказывали, что они говорятъ, основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ, и что многіе изъ нихъ близко сжились съ своимъ дѣломъ. Засѣданіе продолжалось до 7-го часа вечера, съ краткимъ перерывомъ для обѣда, за которымъ произнесены задравные тосты за учителей, предсѣдателя совѣта, преуслѣяніе школъ и за тѣхъ

крестьянъ, которые сочувствуютъ школамъ. Вечеръ проведенъ учителями въ домѣ руководителя среди бесѣдъ и хоровыхъ пѣсенъ; нѣсколько разъ хоръ учителей стройно пропѣлъ и русскій народный гимнъ, который поется у насъ во многихъ школахъ. Всѣ разстались, повидимому, подъ самымъ отраднымъ впечатлѣніемъ этого единственнаго дня въ году, въ который сельскій учитель, встрѣчаясь съ своими товарищами, не чувствуетъ того одиночества, на которое онъ осужденъ въ остальное время года. Дай Богъ, чтобы съ каждымъ годомъ крѣпла связь между нашими сельскими учителями, и чтобы учительскіе съѣзды, никогда не покидая практической почвы, избѣгали фразерства и содѣйствуя къ разработкѣ возможно лучшихъ способовъ обученія и воспитанія, сплотили нашихъ учителей въ нравственно-сильную корпорацію, которая строгимъ отношеніемъ къ дѣлу и строгимъ, справедливымъ судомъ надъ товарищемъ доказала бы, что она дышитъ чистыми стремленіями и дорожитъ честью корпораціи.

Баронъ **Н. Корфъ.**

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА БАРОНА Н. А. КОРФА О ШКОЛАХЪ III-го УЧАСТКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО УѢЗДА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ЗА 18⁶⁹/70 ГОДЪ ¹⁾.

Въ текущемъ году обширность учебнаго участка, состоявшаго въ завѣдываніи барона Корфа, значительно увеличилась, такъ какъ къ нему присоединенъ былъ II-й участокъ, состоявшій прежде въ завѣдываніи г. Гнѣдина. Такимъ образомъ въ составъ III-го учебнаго участка входило 43 училища; изъ нихъ 3 частныхъ (еврейскихъ) и 40 общественныхъ, расположенныхъ въ 40 селахъ, раскинутыхъ на значительныхъ пространствахъ, такъ что для обзора ихъ требовалось за каждый разъ проѣхать около 800 верстъ, что при дурномъ состояніи сельскихъ дорогъ въ осеннее и весеннее время, — когда именно училища подвергаются обзору, — представляло множество затрудненій и неудобствъ. Держась своего правила — спрашивать при посѣщеніи училища *всѣхъ* учениковъ и *по всѣмъ* предметамъ, баронъ Корфъ въ двукратное посѣщеніе школъ испыталъ 1.697 учениковъ въ 102-хъ классахъ 43-хъ училищъ по всѣмъ предметамъ обученія.

Въ виду почти неодолимыхъ трудностей такой работы, соединенной даже съ ущербомъ для здоровья, г. Корфъ ходатайствуетъ объ уменьшеніи своего участка и вообще признаетъ нормальнымъ числомъ школъ для каждаго участка 45 классовъ, или 15 трехклассныхъ школъ, находя что только это число можно успѣшно руководить *одному* наблюдателю.

Въ истекшемъ году въ III-мъ участкѣ вновь открыто 5 школъ;

¹⁾ Настоящій отчетъ Н. А. Корфа (Екатеринославъ. 1870 г. стр. 137, съ приложеніями) представляетъ, какъ и прежніе его отчеты, много интересныхъ данныхъ и потому редакція считаетъ приятнымъ долгомъ познакомить своихъ читателей въ извлеченіи съ этимъ новымъ трудомъ почтеннаго автора, съ его согласія. *Ред.*

не закрылось ни одной, но тремъ пришлось выдержать сильныя испытанія; одна школа (Санжаровская) осталась безъ учителя, такъ какъ за 65 р. такого не находилось, и она кое-какъ продержалась, благодаря участію мѣстнаго священника; другая школа потеряла учителя, взятаго въ солдаты, вслѣдствіе чего ученіе было поручено дьячку, за отказомъ священника; въ третьей школѣ обученіе потеряло вслѣдствіе смерти учителя.

Общее число учащихся въ истекшемъ году возрасло съ 1.513-и до 1.877-и, то-есть, возрасло на 23%. Въ истекшемъ году школы стали преобразовываться во многихъ мѣстахъ изъ двуклассныхъ въ трехклассныя: это усиливало работы учителей и осложняло надзоръ за школами, а отчасти и вліяло на уменьшеніе процента учениковъ новопоступившихъ сравнительно съ прежними годами.

Отношеніе числа учащихся къ ревизскому населенію, колебавшееся въ прошломъ году между 1% и 20%, колеблется теперь между 2% въ пяти селахъ, и 26% въ Александровѣ (Гнѣдина тожь). Въ минувшемъ году, изъ 21-го случая въ 16-и число учащихся равнялось или превосходило 5% ревизскаго населенія; въ истекающемъ году такое отношеніе наступило для 23-хъ случаевъ изъ 40. Для всего участка число учащихся составляетъ 5% ревизскаго населенія мужскаго пола; въ семи селахъ число учащихся равняется или значительно превосходитъ 10% ревизскаго населенія.

Переходя отъ статистическихъ данныхъ къ педагогической сторонѣ дѣла, г. Корфъ указываетъ на средства, какими онъ пользовался для того, чтобы вліять на преподаваніе. Для этого ему служили его посѣщенія училищъ.

„Главная задача осенней поѣздки“, пишетъ авторъ, „состояла въ томъ, чтобы въ самой школѣ давать образцовые уроки по тѣмъ предметамъ, которые предстояло учителю проходить въ первый разъ, и въ томъ, чтобы опредѣлить, что именно по каждому учебному предмету предстояло проходить, въ 18⁶⁹/70 учебномъ году, въ каждомъ классѣ каждой школы“. Къ заслугѣ учителей авторъ относитъ то усердіе и заботы, съ какими они старались о томъ, чтобы открыть ученіе по возможности раньше (въ первой половинѣ октября ученіе уже началось вездѣ).

„Осеннимъ обзоромъ училищъ“, говоритъ авторъ, „пользовался я и для того, чтобы провѣрить, не терпятъ ли школа, сообразно числу учащихся, недостатка въ учебныхъ пособіяхъ, и въ необходимыхъ случаяхъ немедленно сносился со складомъ совѣта въ г. Алексан-

дровскѣ, который, къ сожалѣнію, не обладалъ запасомъ книгъ, вполне достаточнымъ, чего нельзя не принять во вниманіе, дѣлая заказъ книгъ на будущее время.

„Къ числу средствъ, посредствомъ которыхъ я старался вліять на ходъ обученія, относится въ истекающемъ году, какъ и въ оба предыдущіе годы, учительскій съѣздъ, который состоялся въ домѣ моемъ, въ деревнѣ Нескучной, 28-го декабря 1869 года, не смотря на невылазную грязь, прекратившую почти всѣ пути сообщеній“¹⁾. Признавая вполне важность учительскихъ съѣздовъ, и желая ихъ сдѣлать болѣе продолжительными и постоянными, авторъ предлагаетъ совѣту установить ежегодные съѣзды учителей (на 8-е сентября) въ селеніи Гүлийполе, при чемъ, разумѣется, необходимо обезпечить переѣздъ и содержаніе учителей во время съѣзда. Наконецъ, къ числу средствъ, содѣйствовавшихъ возвышенію учебнаго дѣла въ III-мъ участкѣ, должно отнести и перениску, которую велъ г. Корфъ со многими изъ учителей, и которая была посвящена разъясненію различныхъ педагогическихъ и дидактическихъ вопросовъ, при чемъ нѣкоторые изъ учителей пользовались и бібліотекою г. Корфа.

Весенніе экзамены представили не мало затрудненій. „При всемъ желаніи приступить къ экзаменамъ возможно позже, говоритъ авторъ, въ виду краткости учебнаго года, я былъ вынужденъ, размѣрами предстоявшаго мнѣ труда, начать испытанія въ школахъ съ 7-го февраля 1870 года, вслѣдствіе чего во многихъ школахъ видѣлъ я результаты обученія 3½ мѣсяцевъ и даже меньше, если исключить праздники, время мятежей и недѣли двѣ столь жестокихъ морозовъ, что дѣти были лишены возможности посѣщать училища, или прибывъ въ школу, заставляли ее на столько холодною, что оставалось только бѣжать изъ нея, или быть вынесеннымъ изъ нея замертво отъ страшнаго угара. Приступая къ весеннимъ повѣрочнымъ испытаніямъ, я уведомлялъ циркулярно учителей известнаго района о тѣхъ дняхъ, въ которые предположены экзамены въ известной мѣстности: это дѣлалъ я по желанію многихъ учителей, находившихъ полезнымъ — съ тѣмъ нельзя не согласиться — присутствовать при экзаменахъ въ сосѣднихъ школахъ. Не могу сказать, чтобъ эти циркуляры вполне исполнили это назначеніе свое, такъ какъ бѣдность и отсутствіе даровыхъ средствъ передвиженія помѣшали большинству учителей быть

¹⁾ Отчетъ объ этомъ съѣздѣ напечатанъ въ настоящей книгѣ *Журн. Мин. Нар. Просв. особо.*

въ ближайшихъ школахъ во время испытанія. Съ другой стороны, это предувѣдомленіе, необходимое для извѣщенія родителей учениковъ, повело въ нѣкоторыхъ, хотя немногихъ, мѣстностяхъ къ ошибочнымъ приемамъ учителей. Миѣ достоверно извѣстно, напримѣръ, о томъ, что Гайчульскій учитель *Буркинъ*, получивъ циркуляръ мой за три дня до экзамена, пригласилъ учениковъ сложиться по нѣскольکو копѣекъ на покупку свѣчъ, занимался въ эти три дня не только цѣлый день, но и долго по вечерамъ, для того чтобъ улучшить свою школу къ экзамену. Подобныя понятія объ испытаніи учениковъ вносятся учителями въ народную школу изъ тѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ обучались сами учителя, сроднившіеся съ тѣмъ, что время экзаменовъ должно быть временемъ истязанія дѣтей усиленными занятіями. Но какой ошибочный взглядъ на дѣло! Неужели возможно за три дня научить ученика сознательности или выразительности чтенія, или счету, или вообще развить его въ такое короткое время, или образовать въ три дня красивый почеркъ, или улучшить правописаніе? Если только учитель, отрекшись отъ своего прошлаго, постарается отвѣчать на эти вопросы, то онъ не затруднится прійти къ заключенію, что въ народной школѣ усиленныя занятія предъ повѣрочнымъ испытаніемъ являются совершенно безцѣльнымъ истязаніемъ дѣтей. Въ народной школѣ весь учебный курсъ долженъ *непрестанно* повторяться, и всякую секунду народная школа должна быть готова къ экзамену, по которому опытный наблюдатель всегда распознаетъ прочно усвоенныя свѣдѣнія и отличить ихъ отъ наскоро нахватаемыхъ знаній, которымъ не дать никакого значенія, которыя даже поставитъ въ вину учителю. Достоверно извѣстенъ миѣ только одинъ вышеприведенный случай дрессировки учениковъ предъ экзаменомъ; но, по слухамъ, такое пагубное для дѣла усердіе учителей проявлялось и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ. Принимая во вниманіе, что совѣтъ имѣетъ дѣло въ большинствѣ случаевъ съ *не подготовленными* преподавателями, я считалъ бы крайне необходимымъ разъяснить всѣмъ учителямъ уѣзда, что дни, предшествующіе экзамену въ школѣ, отнюдь не должны быть посвящаемы усиленнымъ занятіямъ, и что если, напротивъ, учитель чѣмъ-нибудь можетъ содѣйствовать желательному исходу испытанія, кромѣ неусыпаго труда въ теченіе цѣлой зимы, то развѣ тѣмъ, чтобы дать дѣтямъ погулять день или два предъ экзаменомъ, для того чтобъ они предстали наблюдателю съ новымъ запасомъ силъ, бодрости и дѣтской непринужденности и веселости.

„Начавъ весеннее посѣщеніе училищъ 7-го февраля, я экзаменовалъ ежедневно по осьми и болѣе часовъ, по 15-е марта, дозволивъ себѣ, за все это время, только два дня отдыха: такимъ образомъ получилъ я возможность, впрочемъ съ значительнымъ ущербомъ для здоровья, проэкзаменовать означенное выше количество учениковъ.

„Къ числу средствъ вліять на успѣхи обученія относилось также посѣщеніе не подготовленными учителями Времьевской школы, которую я, какъ попечитель, посѣждалъ очень часто въ теченіе учебнаго времени. Въ истекающемъ учебномъ году Времьевская школа исполняла прежнее назначеніе, хотя и въ меньшей мѣрѣ, такъ какъ въ участіѣ существуетъ теперь нѣсколько школъ, посѣщеніе которыхъ въ равной мѣрѣ можетъ пособить лицу, въ первый разъ берущемуся за преподаваніе; поэтому, вмѣсто того, чтобъ удерживать учителей, выдержавшихъ испытаніе, въ Времьевкѣ, я нерѣдко приглашалъ ихъ провести дня два или три въ ближайшей къ нимъ мѣсту назначенія хорошей школѣ; и это оказывалось удобнѣе, чѣмъ посѣщеніе Времьевской школы на 2 — 3 часа.

Въ заключеніе своего доклада, г. Корфъ ходатайствуетъ о наградахъ лучшимъ учителямъ своего участка и предоставляетъ въ даръ школамъ Александровскаго уѣзда 100 экземпляровъ своей книги „Русская начальная школа“.

Самое описаніе школъ баронъ Корфъ дѣлаетъ по группамъ: лучшихъ (13) и худшихъ (6) школы, затѣмъ школы въ нѣмецкихъ колоніяхъ и школы еврейскихъ обществъ. Заимствуемъ интереснѣйшія изъ этихъ описаній.

Басанская школа. „Учитель *Татаренковъ*, при отсутствіи школьнаго попечителя въ этомъ селѣ, самъ хлопоталъ о возникновеніи этой школы, существующей нынѣ лишь первый годъ. 17-го сентября собралъ онъ 20 учениковъ въ общественномъ амбарѣ, для того чтобы не терять времени, такъ какъ та ветхая церковная сторожка, которая должна была служить школьнымъ помѣщеніемъ зимой, еще не была приведена въ порядокъ. 8-го октября я уже засталъ этого труженика, поступившаго на должность учителя за 120 руб. сер. въ годъ, въ церковной сторожкѣ, темной и сырой и на столько загроможденной безобразною печью, что съ величайшимъ трудомъ учителю удалось размѣстить въ ней нѣсколько не струганныхъ досокъ, замѣнявшихъ школьныя скамьи и столы. По ходатайству моему, сельское общество избрало попечителемъ школы мѣстнаго крестьянина, благодаря которому матеріальная обстановка школы

нѣсколько исправилась. Прибывъ для экзамена 8-го февраля, я засталъ столько родителей въ школѣ, что раза четыре долженъ былъ просить ихъ и учениковъ выйти на улицу, для того чтобы получить какую-нибудь возможность, очистивъ воздухъ въ низенькой сторожкѣ, дышать въ ней. Послѣ экзамена родители, выражая мнѣ признательность за успѣхи дѣтей, выразили желаніе постронть училищный домъ и просили меня выдать имъ планъ, что и было мною исполнено. Въ чемъ же состояли успѣхи дѣтей? Этою одноклассною школою *буквально* исполнена учебная программа совѣта для перваго года обученія: испытаны мною 23 ученика, которые, поступивъ неграмотными осенью, 8-го февраля всѣ безъ изъятія читали *сознательно* въ любой легонькой, неизвѣстной имъ, дѣтской книгѣ; только 1 изъ 23-хъ не изложилъ письменно своими словами того евангельскаго разказа, который мною былъ переданъ классу; но и этотъ ученикъ, какъ и всѣ остальные, писалъ, безъ *звуковыхъ* ошибокъ, перомъ подъ диктовку; только 3 изъ пишущихъ учениковъ еще не связывали буквъ. По славянски вся школа читала также, какъ и по русски, и всѣ ученики отлично отвѣчали на первые 10 уроковъ умственныхъ упражненій 1-й части „Родного Слова“. Мало того: учитель, по просьбѣ мѣстнаго благочиннаго, обремененнаго служебными занятіями, самъ объяснялъ дѣтямъ, подъ его руководствомъ, значеніе „крестнаго знаменія“ и молитвы: „Царю небесный“, „Отче нашъ“ и „Достойно есть“. Не говоря уже о томъ, что всѣ ученики безошибочно произносили текстъ молитвъ, они произносили эти молитвы совершенно *сознательно*, на сколько того можно требовать отъ *дѣтей*. Къ несчастію, вскорѣ послѣ экзамена г. *Татаренкова*, уже болѣе года страдавшій грудью, умеръ. Одинъ изъ окрестныхъ жителей, почетный мировой судья Бердянскаго округа, говорилъ мнѣ, что вся школа плакала навзрыдъ, провожая тѣло усопшаго на кладбище: я понимаю эти слезы, потому что видѣлъ учениковъ *Татаренкова* непринужденными, веселыми въ школѣ, обращавшимися съ полнымъ довѣріемъ къ любимому учителю. Отрадно при этомъ то, что духовенство оказало всенародно почетъ честному и крайне бѣдному труженику: въ похоронной процессіи, бромъ мѣстнаго священника, приняли участіе священнослужители двухъ сосѣднихъ селъ.

Принимая во вниманіе трудъ *Татаренкова*, г. Корфъ, за смертію его, ходатайствовалъ выдать награду его матери, почти лишившейся средствъ къ жизни со смертію сына.

Майорская школа трехклассная увеличилась съ 21-го до 52-хъ учениковъ. „Ученики этой школы подраздѣляются на три класса: первая часть слд., отд. 4.

вый классъ состоитъ изъ малютокъ, поступившихъ неграмотными осенью 1869 года. Только 5 малютокъ изъ перваго класса читали 17-го февраля механически; всѣ остальные 39 учениковъ читали вполне сознательно любую книгу, доступную развитію и среднему возрасту каждаго класса; при этомъ III-й классъ (7 уч.) читалъ очень бѣгло и выразительно, а II-й классъ еще не достигъ той плавности чтенія, которой возможно бы ожидать по времени обученія; второй классъ читаетъ по славянски механически, но старшій классъ читаетъ славянской текстъ евангелія столь же сознательно, какъ и русскій. Такой результатъ тѣмъ отраднѣе, что священникъ, за преклонностію лѣтъ, отказался отъ преподаванія закона Божія. Всѣ классы, исключая немногихъ малютокъ младшаго класса, обучены учителемъ безошибочному произношенію текста употребительнѣйшихъ молитвъ, при чемъ старшій классъ знаетъ и „Символь Вѣры“, что не легко достается дѣтямъ. Изъ 44-хъ учениковъ школы, бывшихъ на экзаменѣ, не исключая, слѣдовательно, и повичковъ, кромѣ пяти малютокъ младшаго класса, въ моемъ присутствіи, во время экзамена, толково изложили письменно содержаніе разсказовъ, переданныхъ мною каждому классу особо, для того чтобъ избрать сюжетъ по силамъ каждаго изъ нихъ. Что касается почерка учениковъ, то оба старшіе класса пишутъ, по одной линіи, четко и чисто. Во II-мъ и I-мъ классахъ весьма удовлетворительно пройдены умственные упражненія, соединенныя съ нагляднымъ обученіемъ, по 1-й части „Родного Слова“, изъ которой объяснены младшему классу первые 15 уроковъ. Соотношеніе мѣръ времени, длины и тяжести отлично усвоено вторымъ классомъ. Въ старшемъ классѣ всѣми безъ изыятія вполне усвоено понятіе о масштабѣ, что доказали мнѣ ученики тѣмъ, что въ моемъ присутствіи начертили, каждый *по своему* масштабу, планъ постройки, согласно тѣмъ размѣрамъ, которые были мною указаны; во второмъ классѣ 3 ученика изъ 9-и еще не вполне усвоили понятіе о масштабѣ. — Пиша числа до милліона, изъ 16-и учениковъ обоихъ старшихъ классовъ, ошиблись 2; остальные писали безошибочно, при чемъ старшимъ классомъ вполне усвоено и раздробленіе чиселъ по разрядамъ единицъ: напримѣръ, въ 5,050.300 — всего 5.050 тысячъ, 50 сотенъ тысячъ — 50.503 сотни. Старшій классъ чрезвычайно бойко опредѣляетъ сходство и различіе предметовъ и рѣшаетъ задачи, не исключая дробей, умственно до числа 100, при чемъ ученики безошибочно опредѣляютъ тѣ ариѳметическія дѣйствія, которыя потребовались бы, если бы задачу, умственно рѣшенную, рѣшить на доскѣ;

въ умственномъ счисленіи дробей впрочемъ эти ученики еще не вполне тверды. Письменно старшій классъ отлично рѣшаетъ любую задачу, съ цѣлыми числами, на сложение и вычитаніе. Ученики каждаго класса равносильны и веселы, притомъ воспитаны въ идеѣ порядка“.

Ольгинское училище также увеличилось значительно, съ 40 до 91-го уч., раздѣляющихся на 3 класса. Эта школа и по успѣхамъ, и по характеру своему очень близка къ предыдущей.

Гуляйпольская школа имѣла учителя, окончившаго курсъ въ Смоленскихъ педагогическихъ курсахъ, получавшаго вознагражденія 400 руб. въ годъ, изъ которыхъ 300 руб. уплачивало сельское общество, а 100 руб.—мѣстный попечитель школы, Е. И. *Шабельскій*, не щадящій труда и матеріальныхъ затратъ на пользу своей школы. Не смотря на недостаточную подготовку дѣтей, поступившихъ въ школу, на обученіе учителемъ церковнаго хора, что поглощало не мало времени и труда, и на незнакомство учителя съ разговорною малорусскою рѣчью учениковъ, что въ первую учебную зиму не могло не затруднять учителя при обученіи, школа оказалась весьма успѣшною. Это было тѣмъ важнѣе, что школа эта прежде не пользовалась хорошею репутациею, ученики были запущены. Въ октябрѣ въ школу поступило 28 учениковъ, а въ мартѣ она имѣла уже 63 человѣка. Успѣхамъ занятій много препятствовала разновременность поступления учениковъ. Благодаря умѣньи и энергіи учителя *Архангельскаго*, школа постепенно улучшалась въ теченіе зимы, не смотря на то, что въ нее разновременно прибывали дѣти, столь же плохо подготовленные, какъ и первоначально поступившія.

„5-го марта было произведено повѣрочное испытаніе всѣхъ учениковъ этой школы въ присутствіи г. инспектора народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи, И. В. *Середы*; кромѣ его присутствовали при испытаніи: попечитель школы Е. И. *Шабельскій*, учитель еврейскаго училища *Дрекслеръ*, гласный отъ крестьянъ *Малкинъ*, волостной старшина, нѣкоторые изъ родителей и мѣстныхъ жителей, сочувствующихъ дѣлу. Къ 5-му марта ученики Гуляйпольской школы подраздѣлялись на три класса: въ III—11 уч., во II—25 уч., въ I—26 уч. Младшій классъ образовался изъ поступавшихъ неграмотными въ теченіе всего учебнаго года, почему этотъ классъ временно подраздѣлялся на двѣ группы: а) 12 учениковъ, начавшихъ учиться грамотѣ 26-го января 1870 года, которые къ марту отлично читали механически и писали печатнымъ шрифтомъ, подъ диктовку; б) 14 учениковъ, которые отличались отъ предыдущихъ тѣмъ, что они уже пи-

сали письменною азбукой и писали цифры до десятковъ. Обѣ группы обучены грамотѣ ученикомъ III-го класса, подъ руководствомъ учителя. Во II и III-мъ классахъ всѣ ученики безъ изъятія читаютъ сознательно; большинство учениковъ II-го класса читаетъ довольно бѣгло и выразительно, а въ III-мъ классѣ достигнуто чтеніе, весьма близкое къ тому, чего только можно требовать отъ начальной школы. Славянское чтеніе значительно отстало отъ русскаго въ обоихъ классахъ. Оба класса, во время испытанія, написали удовлетворительнымъ почеркомъ: III-й классъ сочиненіе на тему, мною предложенную, а II-й классъ содержаніе, мною переданнаго, легкаго евангельскаго разказа. Въ писаніи чиселъ до миллионовъ, изъ числа 36-и учениковъ старшихъ классовъ, ошибся только одинъ ученикъ II-го класса; при этомъ старшій классъ вполне усвоилъ и раздробленіе чиселъ на разряды единицъ. Въ умственномъ счисленіи II-й классъ отличается отъ III-го, отличнo вычисляющаго самыя сложныя задачи съ дробями, только тѣмъ, что II-му классу доступны задачи на меньшія числа, и что ему по силамъ для умственнаго счисленія только легкія задачи съ дробями; III-й классъ вполне сознательно рѣшаетъ письменно самыя разнообразныя задачи на сложеніе и вычитаніе. Вторымъ классомъ пройдены умственныя упражненія всей 1-й части „Роднаго Слова“, а третьимъ—опредѣленіе сходства и различія предметовъ; но вторымъ классомъ при этомъ не вполне усвоено соотношеніе мѣръ длины, тяжести и времени; а третій классъ дѣлаетъ сравненія не бойко. По „Дѣтскому міру“ Ушинскаго пройдено учениками старшаго класса описаніе животныхъ до четверорукихъ и на столько толково, что они вполне сознательно, своими словами, связно передаютъ все, узнанное ими о внѣшнемъ видѣ, нищѣ, образѣ жизни и назначеніи каждаго животнаго. II-й классъ еще не чертитъ плановъ, а III-й чертитъ еще слабовато, сравнительно съ другими школами; три ученика старшаго класса еще не вполне усвоили масштабъ. Оба старшіе классы обучены учителемъ правильному произношенію употребительнѣйшихъ молитвъ. Изъ уроковъ законоучителя ученики обоихъ классовъ вынесли полное пониманіе произносимыхъ молитвъ; II-й классъ связно и толково передаетъ Рождество и Крещеніе Господне; III-й классъ знакомъ со многими эпизодами новаго завѣта, получилъ понятіе о таинствахъ и значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ богослуженія. Вся школа стройно поетъ молитву. Испытаніе учениковъ по пѣнію показало также значительныя успѣхи учениковъ. Учитель руководитъ хоромъ, который заработалъ въ теченіе года своимъ трудомъ 201 рубъ“.

За успѣхи школы и хора г. Корфъ ходатайствовалъ о награжденіи учителя 75 рублями.

Темрюкская трехклассная школа, при которой также есть хоръ, во многихъ отношеніяхъ сходна съ предыдущею. Испытаніе показало успѣхи учениковъ, а чрезмѣрная переполненность классовъ, хотя вредная для успѣха занятій, свидѣтельствуетъ объ общемъ къ ней сочувствіи. Учителю этой школы г. Корфъ также ходатайствовалъ о награждѣ въ количествѣ 100 рублей.

„Въ *Александровской (Гиньдина) школѣ* преподаетъ учительница Л. В. *Рудинская*, которая за одинъ учебный годъ сумѣла развить всѣ хорошіе задатки школы, принятой ею отъ учителя *Роона*, укрѣпить сильныя стороны школы и исправить слабыя: такъ, напримѣръ, дѣти II-го класса этой школы, крайне слабыя въ прошломъ году, въ настоящее время развились и отлично успѣли, хотя только на будущей годъ перейдутъ въ III-й классъ. Прежде я всегда сѣтовалъ на сонливость Александровскихъ учениковъ; теперь дѣти проснулись и смотрять такъ привѣтливо и ясно на міръ Божій, что душа радуется. Вотъ тѣ стороны, на которыхъ особенно отчетливо отразились труды учительницы, не говоря о томъ, что первый классъ состоитъ изъ дѣтей, которыхъ никто не обучалъ кромѣ ея, и что третій классъ сдѣлалъ, за истекшую зиму, отличные успѣхи. Тщетно стали бы мы искать въ этой школѣ изъ 37-и учениковъ, что составляетъ 26% ревизскаго населенія деревни, хоть одного ученика, который не читалъ бы *сознательно* по русски: такихъ дѣтей нѣтъ въ этой школѣ, не смотря на то, что учительница только 9-го октября 1869 года поступила на должность, не смотря на то, что первый классъ состоитъ изъ неграмотныхъ новичковъ, и что экзаменъ произведенъ 8-го марта 1870 года. Въ этой школѣ не найдется и такого ученика, который не былъ бы въ силахъ изложить толково свою мысль на бумагѣ. Говорить ли о томъ, что старшіе ученики читаютъ вполнѣ бѣгло и выразительно въ книгѣ, имъ доступной, которую видятъ въ первый разъ? Это разумѣется само собою. Но вотъ на что стоитъ обратить особенное вниманіе — на сознательность *славянскаго* чтенія въ старшемъ третьемъ классѣ. Ученикъ, прочитавъ по славянски стихъ евангелія въ нѣсколько строкъ, мною указанный, по приглашенію моему закрываетъ книгу, и своими словами, по русски, чрезвычайно точно передаетъ содержаніе прочитаннаго. Такой замѣчательный успѣхъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что мѣстный священникъ только послѣ посвѣщенія мною школы весной приступилъ къ преподаванію закона

Божія, и поэтому не могъ пособить дѣтямъ въ пониманіи славянскаго текста св. евангелія. Вся школа хорошо обучена учительницею молитвамъ, при чемъ оба старшіе класса правильно произносятъ и спмволъ вѣры. Я диктовалъ числа до милліоновъ десяти ученикамъ II-го класса и ни одинъ не ошибся; 4 ученика того же класса пишутъ столь же безошибочно до 1.000; старшій классъ чрезвычайно бойко пишетъ числа на сотни милліоновъ, и на столько твердъ въ раздробленіи чиселъ на разряды единицъ, что, въ писаніи десятковъ тысячь ни одинъ изъ учениковъ не ошибся. Изъ умственного счисленія старшимъ классомъ пройдено до 80, при чемъ рѣшались самыя сложныя задачи на дроби и цѣлыя числа, съ опредѣленіемъ ариметическихъ дѣйствій. Во второмъ классѣ ученики вычисляютъ умственно до 10, хорошо опредѣляя дѣйствія, но еще не вполне усвоивъ дроби. Изъ ариметическихъ дѣйствій для письменнаго счисленія третьимъ классомъ вполне сознательно пройдены четыре дѣйствія, а во второмъ классѣ, во время экзамена, были еще не вполне твердо изучены два дѣйствія; сложныя задачи на одно сложеніе рѣшались и во второмъ классѣ весьма удовлетворительно. Старшій классъ удовлетворительно чертитъ планы; но 2 изъ 7-и ошибочно рѣшили задачу для черченія, заданную мною во время экзамена. Умственное упражненіе по „Родному Слову“ проходило во всѣхъ трехъ классахъ; пройдены: въ I-мъ классѣ 14 уроковъ; во II-мъ—вся I-я часть; въ III-мъ—опредѣленіе сходства и различія такихъ предметовъ, которыхъ до экзамена еще не сравнивали въ классѣ. Этотъ предметъ пройденъ отлично; въ особенности пріятно было слушать „сравненія“ третьяго класса, изъ которыхъ видно было, что учительницею въ совершенствѣ преподавъ курсъ міровѣдѣнія. Подъ этимъ именемъ, согласно программѣ совѣта, учительницею объяснены въ классѣ: а) отдѣлъ 2-й „Дѣтскаго міра“ Ушинскаго—три царства природы и б) „Свѣтъ Божій“ (физика, физическая географія, химія). Много труда затрачено учительницею на этотъ предметъ, но велики и результаты: учениками старшаго класса вполне сознательно и прочно усвоены свѣдѣнія о наиболѣе замѣчательныхъ животныхъ, растеніяхъ и минералахъ, и осмыслены главнѣйшія явленія природы, изъ которыхъ слагается наша обиденная жизнь. Шаровидность земли, восхождение солнца, тяжесть тѣлъ, день и ночь, температура, теплоѣрѣ, тепло, гніеніе, испареніе, воздухъ, вода и проч., о всѣхъ этихъ предметахъ ученики старшаго класса давали самыя обстоятельныя отвѣты. При испытаніи присутствовали: попечитель школы г. *Гиндинъ* съ се-

мействомъ, учительница Комаровская и учитель Кобылинскій, сельское начальство и нѣкоторые изъ родителей и постороннихъ. Всѣ не только изумлялись успѣхамъ учениковъ, но и тому, какъ дѣти привязались къ учительницѣ, какъ они воспитались за зиму. Справедливость обязываетъ замѣтить, что старшій классъ Александровской школы учится не вторую зиму, а третью. Но эти обстоятельства, которыя не могли остаться безъ вліянія на успѣхи дѣтей, не могутъ умалить заслугъ учительницы Л. В. Рудинской, такъ какъ она только съ осени 1869 года начала свою дѣятельность въ народной школѣ, и за одну зиму успѣла выработать себѣ на столько, что вышеописанные результаты стали возможными. Успѣхи Александровской школы тѣмъ отраднѣе, что съ прошлаго года эта школа преобразована въ земское училище, вслѣдствіе чего учительница, получая только 60 руб. отъ мѣстнаго общества, 190 руб. получаетъ изъ суммъ совѣта, и послѣднимъ назначается и увольняется.

Учительницу Рудинскую г. Корфъ полагалъ вполне заслуживающею 100 руб. награды.

Покровское училище, въ которомъ также преподавала учительница, не уступаетъ по успѣхамъ Александровской школѣ, хотя первая поставлена въ менѣе благоприятныя условія и имѣетъ болѣе чѣмъ вдвое (76) противъ Александровской школы учениковъ. По отзыву г. Корфа, учительница этой школы Ю. О. *Комаровская* вполне заслуживаетъ награды 1-го разряда (100 руб.), и авторъ отчета выражаетъ особенное удовольствіе, что первые опыты женскаго учительскаго труда рекомендуютъ его съ наилучшей стороны, вызываютъ всеобщее довѣріе и обѣщаютъ ему добрую будущность.

„*Большо-Михайловская* школа обращаетъ на себя вниманіе совершеннымъ перерожденіемъ духа и характера учениковъ, а равно и успѣхомъ въ занятіяхъ, благодаря измѣнившемуся обращенію учителя съ учениками. Въ прошломъ году“, пишетъ авторъ, „видѣлъ я сонныхъ, вялыхъ, почти запуганныхъ дѣтей, и какъ ни увѣряли меня въ томъ, что это зависитъ отъ смущенія во время экзамена, но я, на основаніи опыта, утверждалъ, что эта язва, тормозящая дѣло, можетъ и должна быть излѣчена ласкою и веселостію учителя. Въ этомъ году я уже видѣлъ *выздоровѣвшихъ* учениковъ: весело, ясно, бойко смотрѣли на меня и на всѣхъ постороннихъ посѣтителей, которыхъ было много, дѣтскіе глазки. Дѣло пошло на ладъ, подумалъ я, вступая въ школу, и я не ошибся. Бывало, ученикъ г-на *Чернорука*, вмѣсто того, чтобы, съ дѣтскою непринужденностію, своими словами, пере-

давать прочитанное въ книгѣ, старался, разказывая прочитанное, *ловить слова книги* — брать памятью. Бывало, на вопросъ по арифметикѣ отвѣчаетъ ничтожное меньшинство класса, а большинство безучастно устремляетъ глаза въ потолокъ, будто думаетъ, а въ сущности спитъ. Какъ все это измѣнилось, и какъ эта перемѣна отрадна для тѣхъ, кто дорожить дѣломъ! Въ настоящее время изъ 55-и учениковъ г. Чернорука, бывшихъ при испытаніи, только одинъ не разказалъ читаннаго при мнѣ въ незнакомой книгѣ. И какъ они передаютъ содержаніе читаннаго! Бойко, весело, непринужденно, связно, толково, но избѣгая выражений, прочитанныхъ въ книгѣ. Имѣя въ виду нѣкоторую отсталость школы на второмъ году обученія, я нѣсколько сократилъ учебную программу на третій учебный годъ, исключивъ „міровѣдѣніе“. Дѣло отъ этого, какъ и слѣдовало ожидать, не проиграло, а выиграло: старшій классъ изъ 19-и учениковъ до такой степени равносплеенъ по познаніямъ, что остается лишь радоваться и пользоваться опытомъ учителя Чернорука, для того чтобы рѣшить, что достижимо въ народной школѣ и на сколько. Всѣ ученики старшаго класса, быстро рѣшая умственно разнообразныя задачи на цѣлыхъ числа и дроби, письменнo рѣшаютъ сложныя задачи на всѣ четыре дѣйствія. Вторымъ классомъ дроби еще не усвоены, а письменное счисленіе только что начато; но умственно этотъ классъ вполне сознательно рѣшаетъ задачи на цѣлыхъ числа до 20-и, опредѣляя тѣ арифметическія дѣйствія, которыя потребовалось бы выполнить, если бы сдѣлать эти задачи на доскѣ. Изъ 39-и учениковъ обоихъ старшихъ классовъ только 2 ученика II-го класса ошиблись, когда я диктовалъ имъ числа до милліоновъ, съ раздробленіемъ чиселъ на разряды единицъ. Оба класса прекраснымъ почеркомъ, по одной линіи, написали — III-й классъ сочиненіе на давнюю тему, а II-й изложеніе моего разказа. Старшій классъ вполне сознательно читаетъ *славянскій* текстъ Евангелія. Говоритъ ли послѣ этого о томъ, что по русски онъ читаетъ бѣгло и выразительно? Наглядное обученіе и умственныя упражненія по „Родному слову“ отлично пройдены не только въ двухъ старшихъ классахъ, но и въ I-мъ классѣ, состоящемъ изъ 5-и второгоднихъ учениковъ и 11-и новичковъ; и эти малютки, поступившія неграмотными въ половинѣ ноября, сознательно прошли упражненія десяти уроковъ „Родного слова“, читаютъ сознательно по русски и механически по славянски, и толково излагаютъ свою мысль на бумагѣ: все это благодаря звуковому обученію, привившемуся повсемѣстно. Успѣхами по закону Божию Больше-Михайловская школа на столько рѣзко отличается отъ всѣхъ школъ

вѣреннаго мнѣ участка, что рядомъ съ нею возможно лишь поставить Андреевскую школу. Трудно передать словами то наслажденіе, которое испытывали г. инспекторъ народныхъ училищъ, попечитель школы А. И. *Жебуневъ* и многочисленные родители, присутствовавшіе при испытаніи — не говоря о мнѣ самомъ — слушая истинно дѣтскіе, толковые, связанные разказы учениковъ обоихъ старшихъ классовъ изъ новозавѣтной исторіи: каждый эпизодъ земной жизни Спасителя не только понять, но прочувствовать и положить неизгладимый слѣдъ на душѣ дитяти, воспринявшей ученіе Христа со всею теплотой и чистотою дѣтской души. О. Порфирій *Данковъ*, безвозмездно всю учебную зиму, по четыре часа въ недѣлю, посѣщавшій школу, заслуживаетъ полнѣйшей признательности, и я покорнѣйше просилъ бы совѣтъ, въ случаѣ неудачи представленія о присужденія ему отличія, сану присвоеннаго, почтить его благодарственнымъ письмомъ отъ совѣта, какъ истиннаго пастыря церкви, воспитателя народа. Такой же признательности совѣта заслуживаютъ о. *Шульгинъ* (Покровской школы), о. *Бялоусовъ* (Андреевской школы), и о. *Бушниковъ* (Времьевской школы). Вся Больше-Михайловская школа прекрасно обучена учителямъ правильному произношенію молитвъ; вся школа чрезвычайно стройно поетъ молитвы, подъ руководствомъ учителя Чернорука, голосомъ своимъ украшающаго церковный хоръ, порученный особому регенту, учителю музыки и пѣнія, г. *Гетману*, подъ руководствомъ котораго хоръ исполняетъ не только множество духовныхъ концертовъ, но и разнообразныя свѣтскія пѣсни“. Относя г. Чернорука къ числу самыхъ способныхъ и добросовѣстныхъ учителей, которому завидуетъ не одинъ учитель, такъ какъ онъ имѣетъ дѣло съ такимъ попечителемъ, каковъ А. И. Жебуневъ, авторъ просить совѣтъ удостоить учителя Чернорука перворазрядной награды въ 100 рублей.

„Андреевская школа является двухклассною и даже *превосходшею* программой, опредѣленную совѣтомъ для II-го класса. Не смотря на то, что первый классъ этой школы, также какъ и въ остальныхъ училищахъ, состоялъ изъ новичковъ, только за эту зиму обучившихся грамотѣ, этотъ классъ, по успѣхамъ и по количеству пройденнаго, исполнилъ всю программу 2-го года, за исключеніемъ лишь ариѳметики, что несомнѣнно достигнуто учителямъ въ промежутокъ времени отъ экзамена до наступленія лѣтнихъ работъ. Не смотря на то, что въ составъ старшаго класса входятъ только 2 ученика, третій годъ обучающіеся, а остальные обучаются лишь вторую зиму, этотъ II-й классъ близокъ по успѣхамъ къ третьему классу Больше-Михайловской школы. Вотъ

чего могутъ достигать дарованія и усердіе учителя! Правда, что въ этой школѣ всего два, а не три класса, и только 35 учениковъ. Какъ бы то ни было, результаты замѣчательны: школа дѣлалась годомъ впередъ, и при этомъ дѣти здоровы, бодры и веселы. Въ нихъ не только не притуплена любознательность, — что неминуемо бы случилось, если бы учитель старался напичкать ихъ знаніями, не воспринимаемыми организмомъ, — но въ высшей степени возбуждена. Успѣвая на равнѣ съ лучшими школами по всѣмъ предметамъ обученія, по черченію плановъ съ натуры Андреевская школа относится къ числу самыхъ лучшихъ, а по веселости дѣтей, соединенной съ замѣчательнымъ порядкомъ въ школѣ, это училище не имѣетъ себѣ равнаго во всемъ участкѣ“. Успѣхи школы дѣлаютъ учителя, по отзыву автора, вполне достойнымъ награды 1-го разряда.

Наконецъ, къ числу школъ, заслужившихъ особенное поощреніе и награды относится *Времьевская школа*, попечителемъ которой состоитъ Н. А. Корфъ. Учитель этой школы г. Лобовъ, изъ крестьянъ, работалъ съ замѣчательною, по отзыву отчета, добросовѣстностью и успѣхомъ, какъ показали экзамены, на которыхъ присутствовало 6 учителей III-го участка, попечитель школы и мировой посредникъ, родители учениковъ и образованныя лица, интересующіяся дѣломъ образованія народнаго. Въ школѣ 3 класса, всѣхъ учащихся 64. Программа выполнена этою школою вполне толково и добросовѣстно, при чемъ всѣ ученики чертятъ съ натуры по масштабу планы двора, улицы, деревни и проч., а старшій классъ вполне усвоилъ не только географію своего уѣзда, но и общія начальныя понятія о всѣхъ частяхъ свѣта, притомъ ученики чертятъ карту Европы и Россіи. Вся школа обучена учителемъ по слуху пѣнію нѣсколькихъ молитвъ, дѣтскихъ пѣсенъ и русскаго національнаго гимна.

Школы въ *Благодатномъ* (57 уч.), *Милайловкѣ* (64 уч.), *Александровкѣ* (47 уч.) по успѣшности обученія также принадлежатъ къ лучшимъ школамъ III-го участка.

Переходя затѣмъ къ описанію *худшихъ* школъ, авторъ насчитываетъ ихъ до 6-и: въ Семеновѣ, Бельмановкѣ, Бѣлоцерковкѣ, Гайчулѣ, Павловкѣ и Марьянскомѣ. Въ этихъ школахъ почти по всѣмъ предметамъ успѣхи учениковъ слабы, и авторъ съ грустью говоритъ о вліяніи такихъ школъ на общество.

Русскія школы въ нѣмецкихъ колоніяхъ въ истекшемъ году потерпѣли уронъ: школа въ Грунау закрылась совсѣмъ, а школа въ Гроссъ-Вердерѣ едва существуетъ. Обученіе въ первой школѣ (учи-

тель Нейендапкѣ) шло довольно успѣшно и школа закрыта не по винѣ учителя; успѣхи второй школы слабѣе.

Въ 3-хъ *русскихъ школахъ еврейскихъ обществъ* всего 33 ученика. Что касается успѣха этихъ школъ, то онѣ оставляютъ желать многого и вообще не представляютъ ничего, что могло бы съ пользой и интересомъ быть передано во всеобщее свѣдѣніе.

Общій обзоръ отчета состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ разсматриваются обстоятельства, вліявшія на успѣхи обученія, во второмъ — ходъ самаго обученія.

I. Обстоятельства, вліявшія на успѣхи обученія.

1. *Помѣщеніе школъ и накопленіе учащихся.* Помѣщеніе школъ, которыя и въ прошломъ году находились въ вѣдѣніи Н. А. Корфа, по отзыву его, вообще весьма удовлетворительно. „Для 2-хъ школъ выстроены новыя зданія, для двухъ—увеличено помѣщеніе; по помѣщеніи для учителя почти нигдѣ не было. И только въ настоящее время въ 7-и селахъ строятся училища съ помѣщеніями для учителя и строятся два училища, по плану „Русской школы“. Что касается накопленія учащихся въ школахъ, то изъ 16-и школъ III-го училищнаго участка пришлось бы исключать учениковъ, еслибъ оставить ихъ въ школѣ столько, чтобы на каждого ученика, не включая печи, столовъ и проч., приходилось по 2 квадратныхъ аршина пространства. Переполненіе нѣкоторыхъ школъ дошло до крайнихъ предѣловъ: такъ въ Ольгинскомъ приходится на каждого ученика только по 1¹/₂ квадратныхъ аршина, а въ Темрюкской школѣ и того меньше. Какъ ни отраднo то, что пополненіе школъ свидѣтельствуетъ о стремленіи къ школѣ, но нельзя не пожалѣть того учителя, который долженъ достигать результатовъ при подобной обстановкѣ“.

2. *Учебныя пособія.* Предъ наступленіемъ учебнаго года совѣтомъ разосланы книги, требовавшіяся для 3-го учебнаго года. Всѣ училища III-го участка достаточно снабжены книгами, но многія изъ нихъ пришли уже отъ времени въ такое состояніе, что съ будущаго года не будутъ болѣе годны къ употребленію, и требуютъ замѣны новыми. Такъ какъ дѣло обученія видимо разрастается, то необходимо лицо, которое специально слѣдило бы за училищнымъ имуществомъ: въ школахъ III-го училищнаго участка 5.259 книгъ; только въ трехъ изъ 40 общественныхъ училищъ менѣе 100 книгъ; въ трехъ училищахъ число книгъ доходитъ до 200 и даже превышаетъ это количество; въ 13-и школахъ изъ 40 болѣе 150 книгъ въ каждой, не

считая букварей, высланныхъ для подарка дѣтямъ, по окончаніи ими звуковой методы.

3. *Библіотеки для чтенія учащихъ и учащихся.* „Число библіотекъ, устрояемыхъ на средства совѣта, не возрастало въ истекающемъ учебномъ году; но въ Маіорскомъ возникла новая библіотечка, приобретенная мною, по просьбѣ г. попечителя школы, на 100 руб., пожертвованные въ прошломъ году А. А. *Козляиновой*. Библіотека при Времьевской школѣ наполнилась прекрасными книгами, присланными графиней П. С. *Уваровой* изъ Можайскаго уѣзда, по сочувствію ей къ дѣятельности совѣта. Благодатовскій учитель А. А. *Дьяковъ* пожертвовалъ около 100 руб. сер. своего жалованья, прося меня устроить на эту сумму библіотеку при школѣ, учителемъ которой онъ состоялъ. Такое пожертвованіе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что оно исходитъ отъ человѣка, для котораго сотня рублей не можетъ не имѣть значительной цѣнности. Учительскія библіотеки существуютъ въ настоящее время при школахъ: въ Гуляйполѣ, Времьевкѣ, Маіорскомъ, Михайловкѣ и Александровкѣ (Гнѣдина). Практика показала, что библіотека оказываетъ значительную услугу тому учителю и тѣмъ ученикамъ, при школѣ которыхъ она состоитъ, и что каждою изъ библіотекъ чрезвычайно мало пользуются сосѣдніе учителя, не имѣя часто средствъ сообщенія съ отдаленнымъ селомъ, а иногда, быть можетъ, не имѣя и такого стремленія къ чтенію, чтобы ради его преодолевать различныя препятствія. Въ текущемъ году, совѣтомъ высланы въ *каждую* школу по нѣскольку книгъ для чтенія учителямъ, въ томъ числѣ: „Популярный курсъ земледѣлія“ Соковнина, „Бесѣды о природѣ“ Зобова и „Разсказы про старое время на Руси“ Петрушевскаго“. Авторъ находитъ полезнымъ вообще высылку книгъ для учителей, даже при существованіи библіотекъ, и предлагаетъ совѣту въ этомъ году выслать въ школы по одному экземпляру: „Почему и Потому“ Уле, „Бесѣды о землѣ и небѣ“ Иванова и „Первыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ“ Санпина. Снабдивъ всѣ школы уѣзда этими книгами, совѣтъ не издержитъ и 150 руб. сер., за какую цѣну развѣ можно организовать только въ двухъ пунктахъ довольно скудная библіотека, которая къ тому же количествомъ и разнообразіемъ книгъ могли бы озадачить не подготовленнаго учителя, вмѣсто того, чтобы склонить его приняться за чтеніе.

4. „*Учители и учительницы* всегда будутъ составлять одно изъ самыхъ основныхъ и существенныхъ условій учебнаго дѣла. И пока не явятся у насъ спеціальныя учительскія учрежденія, до тѣхъ поръ

школы наши будутъ страдать отъ недостатка способныхъ учителей. А какъ тяжело отзывается на успѣхахъ дѣтей переѣзна учителя! При бѣдственной обстановкѣ настоящаго времени совѣту остается утѣшать себя уже тѣмъ, что въ истекающемъ учебномъ году въ III-мъ участкѣ не было ни одного случая удаленія учителя за дурную нравственность или какіе-либо проступки по должности.

„Говоря вообще, исключая лишь учителей худшихъ школъ, описанныхъ мною въ первой главѣ отчета, я долженъ выразить самую теплую признательность учителямъ вѣреннаго мнѣ участка за то, что они умѣли вызвать уваженіе къ себѣ своею нравственностію и своимъ трудомъ, и за то довѣріе, съ которымъ они спѣшили пользоваться всѣми мнѣи педагогическими указаніями. Немало въ настоящее время такихъ учителей въ III-мъ училищномъ участкѣ, которые практически отлично изучили дѣло. Дай Богъ, чтобъ было между ними побольше и такихъ, которые, полюбивъ свое дѣло, перестали бы смотрѣть на учительскую профессію, какъ на *временное* средство добывать кусокъ хлѣба, пока не представится иного способа, который дастъ нѣсколько рублей больше! Понятно впрочемъ, что такое отношеніе учителей къ занимаемой ими должности достижимо только при возможно лучшемъ вознагражденіи ихъ за учительскій трудъ.

„По вопросу объ обезпеченіи учителя кое-что сдѣлано и въ истекающемъ учебномъ году, благодаря помощи земства и содѣйствію совѣта. Такъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ которыхъ сельскія общества не словомъ, а дѣломъ доказали свое сочувствіе къ школѣ, и учителя получаютъ доплату къ своему жалованью изъ различныхъ источниковъ: а) Времьевскому учителю общество платитъ, какъ и прежде, 100 руб. жалованья, но добавило по одной мѣрѣ пшеницы отъ ученика, что составитъ около 70 руб. въ годъ; училищный совѣтъ, получивъ отъ меня *навсегда* право изданія моего „Руководства къ обученію грамотѣ“ въ пользу школъ уѣзда, въ свою очередь обязался ежегодно доплачивать Времьевскому учителю, по 50 руб., а 50 руб. предоставлять въ мое распоряженіе на вознагражденіе Времьевскаго законоучителя. Итакъ, учитель Времьевскій, вмѣсто прежнихъ 100 руб. жалованья, получаетъ 220 руб. б) Гуляйпольскому учителю мѣстный попечитель школы доплачиваетъ къ 300 руб., ассигнованнымъ обществомъ, 100 руб. в) Орестопольскому учителю совѣтъ доплачиваетъ 90 руб. къ 80, ассигнованнымъ обществомъ. г) Благодатовскому учителю и Александровской учительницѣ совѣтъ доплачиваетъ — пер-

вону 110 руб. къ 140 руб. а второй 190 руб. къ 60 руб., такъ какъ училища эти преобразованы въ земскія, въ которыхъ полагается учителю жалованья 250 руб. въ годъ. д) Андреевскому учителю доплачиваютъ поначитель и жертвователъ 100 руб. къ 105 руб., ассигнованнымъ обществомъ. Что касается ассигновокъ сельскихъ обществъ, то изъ 38-и общественныхъ училищъ русскихъ селъ послѣдователь случай уменьшенія учителю жалованья только въ Орестополѣ, гдѣ крестьяне и при такомъ уменьшенномъ расходѣ издерживаютъ на школу по 56 коп. отъ ревизской души! Изъ остальныхъ 37-и училищъ въ 12-и сельскія общества увеличили жалованье учителямъ. Присоединя къ этимъ послѣднимъ случаямъ и вышперечисленные, гдѣ доплата учителю производится независимо отъ средствъ мѣстнаго общества, мы найдемъ, что изъ 37-и случаевъ въ 18-и жалованье учителю увеличено въ истекающемъ году. Въ обѣихъ русскихъ колоніальныхъ школахъ послѣдовало значительное уменьшеніе содержанія учителямъ. Среднее жалованье учителя въ *русскомъ* селѣ около 207 руб. Если принять во вниманіе, что кромѣ денегъ учителя, въ большинствѣ случаевъ, получаютъ квартиру, топливо, провизію и при этомъ заняты лишь половиною года, то должно согласиться, что въ III-мъ училищномъ участкѣ достигнуто возможно лучшее обезпеченіе учителя, сообразно силамъ и средствамъ сельскихъ обществъ и земства. Вообще жалованье учителя въ истекшемъ году возрасло на 40% сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда мы начинали свою дѣятельность.

„Наименьшая норма, встрѣчающаяся въ вѣдомости, 65 руб. оклада учителю, составляетъ единственное исключеніе въ участкѣ, мнѣ ввѣренномъ, требующее поясненія. Такое жалованье получаетъ г. *Ливенецъ* въ Захарьевкѣ. Этому молодому крестьянину, окончившему курсъ въ Темрюкской народной школѣ той же волости, всего 16 лѣтъ, и допущенъ онъ къ преподаванію еще безъ учительскаго свидѣтельства, по настояніямъ сельскаго общества, которое не могло издержать такихъ денегъ, чтобы пригласить болѣе подготовленнаго учителя. На будущій годъ общество обѣщало мнѣ увеличить жалованье г. Ливенцу, такъ какъ въ этомъ году г. Ливенецъ толково обучилъ чтенію и письму по той же звуковой методѣ, которая ему самому дала грамотность, 26 учениковъ за три мѣсяца, такъ что ученики правильно читаютъ молитвы и толково усвоили себѣ первые 10 уроковъ ураженій по „Родному Слову“.

„Переходя къ личному составу учительской корпораціи по сословіямъ, приходится повторить не разъ сказанное: священникъ на

столько занять исполненіемъ требъ, что не имѣеть возможности быть неотлучно въ школѣ, то-есть, быть учителемъ; а семинаристы, готовящійся во священники, въ большинствѣ случаевъ ищутъ болѣе выгоднаго мѣста, избѣгая учительской профессіи. Такъ и въ истекшемъ году, изъ 40 случаевъ, только въ одномъ, въ селеніи Пологахъ, обучалъ священникъ, да и тотъ просилъ на будущее время освободить его отъ этой обязанности, оставивъ за нимъ лишь преподаваніе закона Божія.

„Что касается, наконецъ, учительницъ, то въ истекающемъ учебномъ году сдѣланъ второй опытъ преподаванія дѣвицею въ мужской школѣ, и столь же удачный, какъ и первый. Въ истекающемъ году преподавали учительницы въ Александровской и Покровской школахъ“.

5. *Степень исправности поступленій учениковъ и посещеній ими школы.* „Лучшимъ доказательствомъ расположенія учениковъ къ школѣ можетъ служить тотъ фактъ, что Новотронцкіе ученики, по смерти учителя *Бернадскаго*, сами посѣщали школу въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ и нѣкоторое время обучались у двухъ старшихъ товарищей своихъ, братьевъ *Буркалей*, бывшихъ въ Новотронцкой школѣ еще до поступленія въ нее учителемъ г. Бернадскаго, и это не единичный фактъ. Большинство учениковъ на столько привязываются къ учителю и училищу, что бѣгутъ въ школу изъ дому, гдѣ нерѣдко пытаются удержать ихъ бѣдность и невѣжество родителей. Наблюденія убѣдили меня въ томъ, что чѣмъ лучше школа, тѣмъ менѣе въ ней неисправныхъ учениковъ, и что, во всякомъ случаѣ, послѣдніе составляютъ незначительное меньшинство по отношенію къ всѣмъ учащимся III-го участка. Совершенно иной вопросъ: исправно ли возвращаются въ школу ученики, учившіеся одинъ или два года, но не окончившіе еще трехлѣтняго курса? Въ этомъ отношеніи цифры еще менѣе утѣшительны, чѣмъ въ прошломъ году. Изъ сравнительной вѣдомости объ училищахъ видно, что въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ были училища въ 1868—1869 и въ 1869—1870 годахъ, было учениковъ въ 1868—1869 году 1.513. Въ эти школы поступило въ истекающемъ учебномъ году неграмотныхъ 595 учениковъ. Слѣдовательно, если бы всѣ прошлогодніе ученики возвратились, то все число учащихся въ истекающемъ году должно бы равняться 2.108; между тѣмъ ихъ всего въ этихъ школахъ 1.669, изъ чего слѣдуетъ, что 439 учениковъ, не окончивъ курса, не возвратились въ школу. Въ прошломъ году бросили школу 22%, а въ текущемъ 28% общаго числа учившихся учениковъ. Если рядомъ съ этими выводами за два года, доказывающими,

что ежегодно 25% первоначально поступившихъ учениковъ бросаютъ школу, не доканчивая обученія, поставить фактъ, что во Времьевской школѣ послѣ *трехъ* лѣтъ обученія, оканчиваетъ курсъ половина числа учениковъ, въ нее поступившихъ три года тому назадъ, то едва-ли будетъ ошибочно теперь же прийти къ тому заключенію, что въ большинствѣ случаевъ полная учебная программа совѣта будетъ примѣняться только къ половинѣ числа учениковъ, ежегодно поступающихъ въ школы. По этому разчету у насъ въ уѣздѣ будутъ ежегодно оканчивать курсъ около 600 учениковъ, если только не возрастетъ значительно число школъ въ уѣздѣ или если въ школахъ существующихъ не перестроятъ помѣщеній, для того чтобы стало возможнымъ увеличеніе числа учащихся.

„Что касается одновременности поступленія учениковъ въ школу, то бывають еще примѣры крайне безпорядочнаго поступленія дѣтей, но такія явленія рѣдки. Это доказывается лучше всего тѣмъ, что всѣ училища правильно подраздѣляются на классы, что было бы совершенно немыслимо, если бы приводили дѣтей въ школу, какъ бывало, чуть не всякую недѣлю въ теченіе всей учебной зимы. Если не ошибаюсь, то мы двинулись назадъ, а не впередъ въ томъ отношеніи, что въ текущемъ году весной, съ наступленіемъ посѣвныхъ работъ, осталось гораздо меньше учениковъ въ школѣ, чѣмъ въ прошломъ году, и въ особенности въ первый годъ дѣятельности совѣта. Не имѣя точныхъ данныхъ по этому вопросу, я не рѣшаюсь высказаться положительно; но скажу, что имѣю нѣкоторыя основанія для слѣдующаго предположенія: большинство родителей еще не на столько взяли въ толкъ то, что происходитъ въ школѣ, для того чтобы только въ случаѣ *крайней* необходимости лишить мальчика возможности посѣщать школу весной; число учениковъ въ школѣ весной, слѣдовательно, зависитъ преимущественно отъ настойчивости, съ которою учитель добивается того, чтобы у него не разбирали учениковъ родители. Въ первый учебный годъ, пока школы были одноклассными, и въ настоящее время у учителей, преподающихъ въ одноклассныхъ школахъ, ставало энергіи на то, чтобы продлить по возможности больше учебный годъ; но съ подраздѣленіемъ школъ на три класса учителю на столько прибавилось дѣла, что не всякій учитель опечалится, быть можетъ, тѣмъ, что съ наступленіемъ посѣва настанетъ конецъ его истязаніямъ, и не очень станетъ хлопотать о томъ, чтобы продлить эти свои истязанія. Повторяю, что высказанное составляетъ лишь предположеніе, быть можетъ, вѣрное для многихъ случаевъ и

отнюдь непримѣнимое ко всѣмъ учителямъ и учительницамъ. Кромѣ того, возможно предположить еще, что при ежегодномъ возрастаніи числа учащихся ежегодно увеличивается число учениковъ изъ семействъ *бѣдныхъ*, которыя еще менѣе, чѣмъ родители, въ первый годъ дѣятельности совѣта пускавшіе дѣтей въ школу, имѣютъ возможность обойтись безъ участія дѣтей въ посѣвныхъ работахъ“.

6) *Подраздѣленіе учащихся на классы и размѣщеніе учениковъ каждаго класса.* Почти во всѣхъ училищахъ III-го участка, существующихъ третій годъ, возникъ третій классъ, потому что почти вездѣ поступали неграмотные, образовавшіе первый классъ, а учившіеся два года входили въ составъ второго класса. Въ участкѣ 5 одноклассныхъ школъ, при чемъ нельзя не замѣтить того, что къ нимъ относятся всѣ, вновь возникшія школы, изъ которыхъ ни одна не допустила образованія *двухъ* классовъ, въ теченіе *одного* учебнаго года. Изъ 40 общественныхъ школъ, не считая трехъ еврейскихъ частныхъ училищъ, двухклассныхъ училищъ 13 и 22 трехклассныя школы. Слѣдовательно, большинство училищъ въ истекшемъ учебномъ году подраздѣляется на *три* класса. Спѣшу добавить къ этому, что училища подраздѣляются на классы вполне *правильно*; и что только тамъ извѣстное число учениковъ образуетъ по успѣхамъ особый *третій* разрядъ или классъ, гдѣ дѣйствительно это было неизбѣжно по времени обученія учениковъ и по свойству поступленія ихъ въ школу. Почти во всѣхъ училищахъ входятъ въ составъ *третьяго* класса ученики, третій годъ обучающіеся. Такихъ учениковъ присутствовало при испытаніи весной текущаго года 320 учениковъ. Во второмъ классѣ 629 учениковъ спрошены мною на экзаменѣ; а въ первомъ, младшемъ классѣ, были на лицо при испытаніи и спрошены 742 ученика. Слѣдовательно, изъ всего числа 1.697 учениковъ, которыхъ я засталъ и переспросилъ въ школахъ, 19% или приблизительно $\frac{1}{5}$ часть относится къ третьему классу, то-есть, къ оканчивающимъ курсъ, чтѣ и составитъ, какъ я ужъ о томъ упомянулъ, говоря о посѣщеніи школъ учениками, приблизительно половину ежегодно вновь поступающихъ учениковъ. При этомъ важно то, что успѣхи дѣтей не пострадали отъ присоединенія къ двумъ классамъ въ школѣ третьяго, такъ какъ учебная программа совѣта оказалась осуществимою и для *трехклассной* школы. Описаніе школъ, представленное выше, доказываетъ, что многія трехклассныя школы относятся къ самымъ лучшимъ въ уѣздѣ, и даже безотносительно могутъ быть названы *вполнѣ* удовлетворительными. Итакъ, нами достигнутъ не ничтожный результатъ, чѣмъ оказана, быть *мо-*
часть СПИ, отд. 4.

жетъ, не маловажная услуга Россіи: доказана осуществимость трехклассной школы, возможность за три года снабдить ученика прочными свѣдѣніями, при не подготовленныхъ учителяхъ. Подраздѣленіе училища на классы принадлежитъ въ числу условій, наиболѣе вліяющихъ на успѣхи обученія, и потому оно должно обратить на себя особенное вниманіе учителей.

„Если не ошибаюсь, впрочемъ, то это вполнѣ усвоено большинствомъ учителей. Точно также вполнѣ понято ими, судя по результатамъ этого года, что ученики каждаго класса должны быть *равно-сильны* по познаніямъ. Равносильность учениковъ составляетъ общее, почти повсемѣстное явленіе во вѣренномъ мнѣ участіи, и исключенія на столько рѣдки, что можно на нихъ не останавливаться, такъ какъ тѣ преподаватели, которые сознаютъ, что ими эти исключенія допущены, на будущее время несомнѣнно устыдятся того, что ими не достигалось то, что достигается вездѣ и всѣми. Точно также соблюденіе того, крайне существеннаго правила, чтобы слабѣйшіе ученики сидѣли на передней скамьѣ, ближайшей къ учителю, считается азбукою въ средѣ моихъ сотрудниковъ: въ истекающемъ учебномъ году не случилось мнѣ встрѣтить ни одного случая, чтобы ученики были неправильно размѣщены.

„Учитель, обучая въ трехклассной школѣ, не можетъ обойтись безъ помощника, что я предвидѣлъ еще въ прошломъ году, почему и старался убѣдить тогда же учителей въ томъ, что лучшихъ помощниковъ они найдутъ въ средѣ своихъ же учениковъ. При этомъ не могу не обратить вниманія учителей на то, что доброе дѣло носить въ самомъ себѣ награду: не странно ли, что такая мысль приходитъ въ голову по поводу помощниковъ-учителей, то-есть, старшихъ учениковъ, преподающихъ въ младшихъ классахъ? Дѣло просто: почти вездѣ учитель былъ вынужденъ поручать младшій классъ старшему ученику. Чѣмъ лучше шло обученіе въ предыдущіе годы, чѣмъ лучше была подготовка учениковъ старшаго класса, чѣмъ равносильнѣе были ученики старшаго класса, тѣмъ лучшаго помощника пріобрѣталъ учитель, тѣмъ болѣе этотъ помощникъ облегчалъ трудъ учителя, тѣмъ большее число старшихъ учениковъ годилось въ помощники. Правда, что отнюдь не виноватъ тотъ учитель, который отъ своего предшественника наследуетъ плохой старшій классъ; но и въ такихъ классахъ находилось всегда нѣсколько учениковъ, которые въ истекающемъ году преподавали въ младшемъ классѣ, не нанося ущерба собственному обученію, благодаря примѣненію учителемъ трех-

классныхъ росписаній учебныхъ занятій, приложенныхъ мною къ прошлогоднему отчету. Какъ въ началѣ дѣла трудно было убѣдить учителей въ необходимости строго придерживаться недѣльнаго росписанія ежедневныхъ учебныхъ занятій, самымъ учителемъ составленнаго, такъ теперь трудно встрѣтить во вѣренномъ мнѣ участкѣ такого учителя, который дѣйствовалъ бы на вѣтеръ, безъ росписанія“.

7) *Школьная дисциплина.* „Если бы меня спросили: понято ли большинствомъ учителей вѣреннаго мнѣ участка, что страхъ и скука въ школѣ составляютъ такія орудія воспитанія и обученія, которыя осуждены, какъ не соответствующія достоинству человѣка и достоинству дѣла, — то я затруднился бы отвѣчать. Если бы меня спросили: не случается ли иному учителю взять ученика за вихорь или побить его, то я не сталъ бы ручаться за то, что этого никогда не бываетъ. Но вотъ за что я позволяю себѣ ручаться, на основаніи множества наблюденій: большинство учителей, зная, что весною предстоитъ всестороннее, внимательное разслѣдованіе успѣховъ учениковъ, крайне заинтересованы тѣмъ, чтобы дѣти возможно лучше усѣвали, и совершенно убѣдились въ томъ, что запуганныя и забытыя дѣти, равно какъ и дѣти, не приученныя къ порядку въ классѣ, очень дурно усѣвая, осрамятъ учителя своего незнаніемъ и тупою ушлостью во время экзамена. Такими соображеніями большинства учителей объясняю я себѣ то, что только въ нѣкоторыхъ изъ шести худшихъ школъ участка я видѣлъ дѣтей не довольно свободными, а во всѣхъ остальныхъ школахъ водворилась такая школьная дисциплина, какой лучше нельзя желать: порядокъ въ школѣ, бодрость и веселость дѣтей сдѣлалась на столько общимъ достояніемъ всѣхъ школъ участка, что нетрудно приблизительно опредѣлить педагогическій уровень школы, стоя на порогѣ ея. Не ручаясь за то, чтобы никто и нигдѣ, ни одного разу не уронилъ дѣла дурнымъ обращеніемъ съ ученикомъ, я рѣшаюсь утверждать, что и такой учитель, который не любитъ дѣтей, боится запугать ихъ, для того чтобы они же не уронили его своими плохими успѣхами, и потому, на сколько у него стаеетъ силъ, воздерживается отъ рукопашной расправы, ласкаетъ дѣтей, для того чтобы приохотить ихъ къ дѣлу; не мало у насъ впрочемъ и такихъ учителей, которые водворяютъ надлежащую школьную дисциплину по самымъ чистымъ побужденіямъ. Много могъ бы я привести примѣровъ въ доказательство непринужденности школьниковъ вѣреннаго мнѣ участка и привязанности ихъ къ школѣ, но долженъ по неволѣ ограничиться нѣсколькими указаніями. Приѣзжаю я, напри-

мѣръ, въ Андреевскую школу послѣ того, какъ, видѣвшись съ учителемъ наканунѣ, сообща съ нимъ рѣшилъ, что мнѣ послѣ экзамена придется почевать въ самой школѣ, за невозможностію имѣть удобный ночлегъ въ этомъ селѣ. Объ этомъ предположеніи учителю случилось сообщить ученикамъ, отъ которыхъ послѣдовалъ вопросъ: на чемъ же тутъ лягутъ спать? Учитель объяснилъ дѣтямъ, что у меня есть складная кровать. О разговорѣ учителя съ учениками я ничего не зналъ; а потому, каково было мое удивленіе, когда я, едва успѣвъ войти въ комнату, услышалъ дѣльмъ классомъ обращенный ко мнѣ вопросъ: „Какъ ваша кровать складывается? покажите намъ свою складную кровать!“ Такъ отнеслись ко мнѣ дѣти, видѣвшія меня одинъ разъ въ жизни за пять мѣсяцевъ до этого свиданія, — такія дѣти, которыя около пяти часовъ времени, пока длился экзаменъ, провели въ величайшемъ порядкѣ, но не унывая и раздражаясь дѣтскимъ, звонкимъ смѣхомъ, при всякомъ къ тому толковомъ поводѣ. Въ Басанской школѣ крестьянинъ разказываетъ мнѣ, что сынъ его плачетъ, да пристаесть къ нему, чтобъ онъ купилъ у батюшки книжку; съ улыбкою говорилъ мнѣ объ этомъ отецъ, который не сознавалъ того, какъ дороги намъ такія слезы ребенка; это не тѣ слезы, которыя, бывало, лились изъ дѣтскихъ глазъ, когда дѣтей гнали въ школу изъ дому. Въ Александровкѣ (Гнѣдина) былъ случай, по видимому самый ничтожный, но отлично обрисовывающій отношеніе дѣтей къ школѣ: я, вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими, отправившись въ комнату, занятую младшимъ классомъ, приступилъ къ испытанію; во время занятій вошелъ въ комнату малютокъ лѣтъ осьми, опоздавшій въ школу. Этотъ мальчикъ застаесть въ классѣ много постороннихъ лицъ, но это его ничуть не смущаесть; привѣтливо улыбается онъ намъ, какъ друзьямъ своимъ, низенько кланяется и поспѣшно садится на мѣсто. Описывать въ этомъ случаѣ словами нечего; но тотъ, кто видѣлъ улыбку этого дитяти, никогда ея не забудесть. Приведу еще одинъ примѣръ, доказывающій, чего можетъ достигать учитель своимъ нравственнымъ вліяніемъ: Михайловскому учителю *Шульцу* представилась не отложная надобность, въ учебное время, на одну недѣлю отлучиться въ Бахмутъ; оставляя учениковъ, онъ просилъ ихъ ежедневно собираться въ школу. И что же? Всю недѣлю *всѣ* ученики, безъ учителя, исправно посѣщали школу, занимаясь тѣмъ, что было указано учителемъ и обучаясь у старшихъ учениковъ, получившихъ надлежащія наставленія отъ учителя. На основаніи вышеприведенныхъ примѣровъ и близкаго знакомства со всѣми школами

участка, я позволяю себѣ выразить надежду на то, что въ школахъ нашего участка *навсегда* водворилась надлежащая школьная дисциплина, которая, воспитывая дѣтей въ идеѣ порядка, привязываетъ ихъ къ школѣ и учителю. Если не ошибаюсь, то крестьяне, къ несчастію, сроднившіеся съ палкой и вѣрящіе въ нее доселѣ, стали оказывать большую терпимость къ тому, что въ школѣ ласкаютъ дѣтей, что въ школѣ даже пѣсенки поютъ, убѣдившись хоть въ томъ, что такое обращеніе учителя еще не доказываетъ того, что онъ „не старается надъ дѣтьми“ и не вредитъ, по крайней мѣрѣ, дѣлу“.

II. Обученіе.

1) *Преподаваніе закона Божія.* „По этому учебному предмету достигнута въ истекающемъ учебномъ году весьма значительныя успѣхи, сравнительно съ прошлымъ годомъ, хотя еще весьма слабые, если судить о нихъ безотносительно, или по сравненію съ учебными предметами, порученными не священнику-законоучителю, но учителю школы. Въ прошломъ году законоучители, въ первый разъ взявшись за дѣло: а) иногда допускали зубристку и б) почти повсемѣстно не согласовали объема преподаванія съ учебными часами, которыми могли располагать. Въ истекшемъ году законоучители старались избѣжать этихъ недостатковъ, и господствующими чертами ихъ преподаванія являлось *повсемѣстно* стремленіе дѣйствовать на чувство и разумъ ребенка, а не на память его, знакомить учениковъ съ главнѣйшими событіями новаго завѣта (сокращая курсъ сообразно учебному времени), чтобы сдѣлать дѣтей сознательными членами церкви, поселить въ нихъ разумное понятіе о чествуемыхъ праздникахъ. Стремленіе это не вездѣ увѣнчалось равнымъ успѣхомъ; но первый шагъ къ осуществленію его сдѣланъ *всѣми* законоучителями участка, а первый-то шагъ и былъ труденъ, потому что онъ былъ возможенъ только послѣ полного отреченія отъ семинарскихъ способовъ обученія и открытаго союза съ учебною программой. только въ прошломъ году одобренною святѣйшимъ синодомъ для начальныхъ училищъ, и съ буквальною точностію, какъ-бы предугаданною совѣтомъ годомъ раньше и тогда же утвержденною мѣстнымъ епископомъ. Рядомъ съ этою стороною преподаванія законоучителей, подающую надежду въ будущемъ, мною подмѣченъ въ истекающемъ учебномъ году и недостатокъ, болѣе или менѣе общій всѣмъ законоучителямъ; я хочу сказать о томъ, что большинству законоучителей еще не удалось, при обученіи дѣтей, снизойти до дѣтской простой разговорной рѣчи; они

какъ-бы считаютъ совмѣстимымъ съ достоинствомъ религіознаго обученія только *высокій слогъ*, книжный языкъ, а не рѣчь крестьянина, забывая о томъ, что первыми проповѣдниками христіанства были не ученые, а рыбаки. Только такимъ свойствомъ преподаванія могу объяснить себѣ то, что нерѣдко въ отвѣтахъ дѣтей по закону Божію, вопліѣ сознательныхъ, встрѣчаются книжныя выраженія, крестьянскимъ мальчикамъ вовсе несвойственныя, хотя бы и понятныя ими, благодаря успіямъ законоучителя. Этотъ недостатокъ обученія бросается въ глаза, въ особенности при объясненіи дѣтьми молитвъ.

„Говоря вообще, объясненіе молитвъ законоучителями въ истекающемъ году шло гораздо менѣе удовлетворительно, чѣмъ преподаваніе новаго завѣта. Это происходитъ, очевидно, отъ того, что законоучители часто довольствуются при объясненіи славянскаго текста молитвъ переводомъ его на русскій книжный языкъ, не всегда доступный ребенку, а крестьянскому мальчику въ особенности. Такъ, напримѣръ, въ Конско-Раздорской школѣ, въ которой самъ законоучитель предложилъ ученику вопросъ о томъ, „что такое ангелъ“, ученикъ отвѣчалъ: „вѣстникъ“; законоучитель удовольствовался этимъ отвѣтомъ, но когда я потребовалъ отъ ученика, чтобъ онъ объяснилъ мнѣ, что такое „вѣстникъ“ переводомъ этого слова на простонародную рѣчь, ученикъ сталъ въ тупикъ, чего нельзя было и не ожидать. Въ Крестовской школѣ, въ которой законоучитель трудился чрезвычайно добросовѣстно, и во многихъ отношеніяхъ, съ большимъ успѣхомъ, на замѣчаніе мое, что не по дѣтской головѣ толкованіе символа вѣры, предложилъ мнѣ потребовать отъ ученика объясненія слова „символь“, какъ доказательство того, что ученикамъ разъяснено каждое слово. На вопросъ мой, ученикъ дѣйствительно отвѣчалъ бойко: „знакъ“. Но когда я, указывая на ту же стоявшаго старшину, сказалъ ученику: „есть ли у старшины символъ того, что онъ начальникъ въ селѣ“, — ученикъ сталъ въ тупикъ, не понялъ меня, то-есть, не понималъ того русскаго слова, которымъ ему объяснили славянское слово. Судя по усердію, съ которымъ дѣйствовали законоучители въ истекшемъ учебномъ году, я убѣжденъ въ томъ, что они поспѣшатъ исправить допущенныя погрѣшности. Другой недостатокъ въ преподаваніи закона Божія это неравносильность познаній всего класса.

„Равносильность учениковъ по познаніямъ была достигнута только не многими лучшими законоучителями; у большинства законоучителей замѣчается явленіе, напоминающее собою школы стараго закала: нѣсколько учениковъ въ классѣ успѣваютъ отлично, а большинство уче-

никовъ вовсе не успѣваютъ. Кромѣ этой черты, дѣятельность законоучителей блѣднѣетъ предъ дѣятельностію учителей еще по количеству пройденнаго учениками. Насъ не поняли бы законоучители, если бы они предположили, что мы даемъ совѣтъ спѣшить при обученіи, гнаться за количествомъ пройденнаго, а не за тѣмъ, чтобы не многое было прочно усвоено. Отнюдь нѣтъ; но возможно, нисколько ни нарушая прочности знаній, пройти гораздо больше, чѣмъ преподано большинствомъ законоучителей, изъ которыхъ только четверо исчерпали учебную программу совѣта, а именно: священники *Данковъ, Шульгинъ, Бьлоусовъ* и *Бушняковъ*. Эти дѣятели доказали осуществимость программы, ознакомивъ своихъ учениковъ за одну зиму со всею новозавѣтною исторіей, между тѣмъ какъ большинство законоучителей слишкомъ и слишкомъ сдвинули рамки преподаванія, благодаря рѣдкому посѣщенію школъ. Я считалъ бы необходимымъ просить благочинныхъ объяснить священникамъ, что законоучитель, взявшійся за преподаваніе закона Божія, долженъ быть не менѣе 24-хъ разъ за зиму въ школѣ, посѣщая ее еженедѣльно по два раза, какъ установлено программю совѣта. Къ сожалѣнію моему, я вынужденъ обратиться вниманіе совѣта и на священнослужителей, которые, въ отвѣтъ на просьбы мѣстныхъ попечителей школъ, совершенно отказались отъ преподаванія закона Божія, не представляя къ тому никакихъ основаній. Въ виду указа консисторіи, обязаннаго священниковъ преподавать законъ Божій, я покоряѣйше прошу совѣтъ представить преосвященному о томъ, что есть священники, не исполняющіе этого указа. Въмѣстѣ съ тѣмъ считалъ бы и необходимымъ представить на усмотрѣніе преосвященнаго столкновеніе, происшедшее между священникомъ Краснокутскимъ и Благовѣщенскою школою, которую священникъ въ церкви всенародно лишилъ просфоры, раздаваемой по обычаю послѣ литургии, забывъ о томъ, какъ Спаситель собственнымъ примѣромъ заповѣдалъ относиться къ дѣтямъ. Въ Семеновкѣ, Алексѣевкѣ и Маіорскомъ священники отказались отъ преподаванія закона Божія по преклонности лѣтъ; а потому я полагалъ бы необходимымъ просить у преосвященнаго разрѣшенія совѣту допустить къ преподаванію закона Божія въ этихъ селахъ учителей, подъ наблюденіемъ совѣта“.

2) *Обученіе грамотъ по звуковой методѣ.* „Съ тѣхъ поръ, какъ примѣняется „Руководство къ обученію грамотѣ“, прошло три года, и за это время новое дѣло успѣло пустить корни: въ истекающемъ учебномъ году во всѣхъ школахъ не иначе обучали, какъ по звуковой методѣ и съ такимъ успѣхомъ, что не случалось неудачи даже

при весьма значительномъ числѣ учениковъ, одновременно приступавшихъ къ обученію (какъ 50 учениковъ въ Ольгинскомъ, 56 учениковъ въ Александринскомъ и 45 учениковъ въ Гусаревъ), вслѣдствіе чего во всемъ участкѣ нѣтъ ни *одного* ученика, который бы не умѣлъ читать и писать. Но настоящій годъ привнесъ намъ опытное рѣшеніе другой весьма трудной задачи: можетъ ли ученикъ старшаго класса обучать грамотѣ новичковъ, подъ руководствомъ учителя, посвящающаго въ трехклассной школѣ лишь самое ничтожное число часовъ первому, младшему классу? Съ наступленіемъ осени 1869 года учителя трехклассныхъ школъ приступили къ рѣшенію этой задачи, при чемъ испытали не мало тяжелыхъ минутъ; долгое время казалось многимъ изъ нихъ, вопреки моимъ увѣреніямъ, что дѣло не поидетъ—до такой степени много встрѣчалось въ преподаваніи старшихъ учениковъ ошибокъ, которыя приходилось исправлять учителю. Между тѣмъ наступилъ съѣздъ учителей 28-го декабря 1869 года, на которомъ всѣ учителя заявляли, что въ концѣ концовъ неграмотные обучены въ трехклассныхъ школахъ старшими учениками въ такой же ничтожный срокъ, какъ въ первые годы, когда обучали дѣтей сами учителя; въ истекающемъ учебномъ году обучены изъ неграмотныхъ чтенію и письму, во всемъ участкѣ, 776 учениковъ; присоединяя къ нимъ число неграмотныхъ, обученныхъ подъ руководствомъ моихъ за первые два года, окажется, что всего обучено, за три года въ вѣдѣніи моемъ, чтенію и письму 2.360 учениковъ. Какъ ни отрадно, что быстрота усвоенія процесса чтенія и письма не поколеблена ни числомъ учениковъ, ни обученіемъ посредствомъ учениковъ старшаго класса,—но нельзя успокоиться на этихъ результатахъ, пока мы не разслѣдуемъ того, какъ повліяли всѣ эти обстоятельства на *сознательность* чтенія, такъ какъ обученіе нерѣдко достигаетъ лишь *механическаго* чтенія и письма.

3) *Русское чтеніе.* „Желая точнѣе опредѣлить результаты обученія русскому чтенію, я обратилъ вниманіе на самую существенную сторону его — на *сознательность* чтенія, и для этой цѣли поступалъ слѣдующимъ образомъ: въ каждой школѣ давалъ я читать *каждому* ученику нѣсколько строкъ изъ книги, имъ никогда не виданной, но доступной его возрасту и познаніямъ по содержанию и языку. Ученики перваго класса читали на экзаменѣ одну строку и не болѣе двухъ; ученики втораго и третьяго класса читали и гораздо больше, если позволяло время; по прочтеніи, каждый ученикъ долженъ былъ разказать мнѣ своими словами, избѣгая выраженій книги, то, что имъ

прочитано. Въ „дневникѣ“ я тотчасъ же отмѣчалъ число разказанныхъ, и такимъ образомъ произошли въ „вѣдомости объ успѣхахъ“ ¹⁾ рубрики объ ученикахъ, сознательно и машинально читающихъ; къ сознательно читающимъ я отнесъ только тѣхъ учениковъ, которые разказали читанное. Вычисленія, добытыя этимъ путемъ, даютъ самыя утѣшительныя результаты, относительно сознательности чтенія.

а) „Степень сознательности чтенія учениковъ 1-го младшаго класса. Этотъ классъ состоитъ изъ новичковъ, обучающихся *первую* зиму, а потому весьма трудно достигнуть сознательности чтенія въ этомъ классѣ, въ особенности же въ виду того, что въ трехклассныхъ школахъ учениковъ этого класса обучаетъ преимущественно старшій товарищъ, а не учитель. Въ составъ этого класса входятъ и такіе ученики, которые, поступивъ въ школу за мѣсяць и того меньше до экзамена, еще никакъ не *могли* освоиться съ сознательностію чтенія, потому что ко времени испытанія еще и не знали всѣхъ буквъ алфавита; вообще возможно ожидать нѣкоторой сознательности чтенія, при грустной обстановкѣ сельской школы, только отъ такихъ дѣтей, которыя, поступивъ въ школу неграмотными, пробыли въ ней не меньше трехъ мѣсяцевъ, употребивъ полтора мѣсяца на усвоеніе процесса чтенія и письма и столько же на усвоеніе навыка читать *сознательно* любую книгу. Учениковъ, обучавшихся менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, для которыхъ *механическое* чтеніе могло еще быть нормальнымъ, въ истекающемъ учебномъ году было 310. Исключивъ это число изъ всего числа учениковъ 1-го класса, мы получимъ въ 40 школахъ 432 ученика 1-го класса, обучающихся до экзамена, изъ неграмотныхъ, отъ 3-хъ до 5-и мѣсяцевъ; изъ нихъ разказали читанное, то-есть, читали сознательно 258 учениковъ, что составляетъ почти 60%. Сравнительно съ прошлымъ годомъ, замѣтно значительное улучшеніе (см. отчетъ мой за 18^{69/70} годъ), такъ какъ въ то время наблюденія мои касались лишь 21 школы, а не 40, только 325 учениковъ, а не 432, почти исключительно двухклассныхъ школъ, а не трехклассныхъ,— и не смотря на это, въ прошломъ году число сознательно читающихъ составляло не 60%, но лишь 47% всего числа учениковъ 1-го класса. Но успѣхи дѣла стануть еще болѣе очевидными, если для опредѣленія результатовъ истекающаго учебнаго года исключимъ, по вѣдо-

¹⁾ Къ «отчету» приложена и упоминаемая «вѣдомость», которая по составу рубрикъ и по своему значенію относительно учебной статистики должна обратить на себя особенное вниманіе нашихъ наблюдателей за начальными школами, какъ во всѣхъ отношеніяхъ полезное нововведеніе. *Ред.*

мости объ успѣхахъ, изъ разчета четыре изъ худшихъ школъ участка, въ которыхъ ни одинъ изъ сеголѣтнихъ учениковъ не читаетъ сознательно. Въ этихъ четырехъ классахъ 66 учениковъ I-го класса, которые могли бы читать сознательно, но читаютъ механически (за исключеніемъ пяти учениковъ въ Павловкѣ); исключивъ этихъ 66 учениковъ и 5 сознательно читающихъ изъ разчета, мы получимъ для 36-и школъ участка слѣдующія цифры: могли бы, по времени обученія, читать сознательно 366 учениковъ I-го класса, изъ нихъ читаютъ сознательно 253 ученика, то-есть, 69%, а не 47%, какъ въ прошломъ году. Такихъ результатовъ нельзя не признать отрадными, и нельзя не надѣяться на то, что тѣ изъ учителей, успѣхи учениковъ которыхъ ниже этого уровня, поспѣшатъ на будущее время исправить погрѣшности, ими допущенныя. Легко можетъ быть, что не одному не подготовленному учителю помѣшала въ достиженіи цѣли неуявленность въ томъ, на сколько цѣль достижима; вышеприведенные выводы придадутъ бодрости такимъ учителямъ, а энергія въ обученіи, вѣра въ успѣхъ — первое условіе для успѣха. Что же касается до лучшихъ школъ (7), то результатомъ обученія за текущей годъ въ нихъ является почти 89% (изъ 167-и 148) сознательно читающихъ учениковъ. Надъ такими успѣхами стоитъ призадуматься большинству учителей: для того, чтобы добиться ихъ каждому учителю въ своей школѣ.

б) „Степень сознательности чтенія учениковъ II-го класса. Цифры этой рубрики должны отвѣчать на вопросъ, много ли учениковъ, *вторую* зиму обучающихся, читаютъ *сознательно*: должны бы читать сознательно всѣ такіе ученики, а потому цифры этой рубрики заслуживаютъ особеннаго вниманія. При изслѣдованіи этихъ числовыхъ данныхъ слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что въ нѣкоторыхъ школахъ въ составъ *второго* класса входятъ ученики сеголѣтніе, *первую* зиму обучающіеся; исключая этихъ 63 ученика, читавшихъ еще механически, изъ общаго числа учениковъ II-го класса (629), получаемъ 566 учениковъ, въ числѣ которыхъ хотя и остаются еще сеголѣтніе ученики, но только *лучшіе* изъ нихъ, разказывающіе читанное. Итакъ, на 566 учениковъ *второго* класса читаютъ сознательно 485 учениковъ, то-есть, 86%. Вычисленія эти касаются 40 училищъ; по результатамъ худшихъ школъ, отдѣльно взятые, представляются вполне безотрадными: въ Семеновкѣ, Бельманкѣ, Гайчулѣ (не считая сеголѣтнихъ) и Павловкѣ было всего 66 учениковъ II-го класса и изъ нихъ читали сознательно только 36, то-есть, примѣрно 55%. Если исключить эти четыре школы изъ разчета, то цифры для остальныхъ

36-и школъ участка пзмѣнятся слѣдующимъ образомъ: въ участкѣ было во II-мъ классѣ, не считая сеголѣтнихъ, 500 учениковъ, изъ нихъ разказали читанное 449 учениковъ, или 89%. Итакъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, при нормальныхъ обстоятельствахъ, читаютъ сознательно 89% учениковъ II-го класса, которые обучаются вторую зиму, или хотя и первую, но принадлежатъ къ лучшимъ ученикамъ; изъ 100 такихъ учениковъ однако 11 читаютъ *механически*“.

Авторъ находитъ такіе результаты не удометворительными, принимая во вниманіе, что учителя были ознакомлены съ дѣломъ практически и имѣли подъ руками отличное пособіе въ „Начальной школѣ“.

в) Степень сознательности чтенія учениковъ III-го класса. „Само собою понятно, что если ученики достигаютъ толковаго чтенія въ первые два года обученія, то не можетъ заходить и рѣчи о машинальномъ чтеніи для такихъ учениковъ, которые обучаются *третью* зиму. Тѣмъ не менѣе я испытываю въ чтеніи и этихъ учениковъ собственно потому, что каждому возрасту и каждой степени развитія предлагаются особыя задачи, и легко могло бы случиться то, что ученикъ III-го класса, прочитавъ сознательно такое число строкъ, которое предлагается второкласснику, не прочелъ бы сознательно именно того, что по силамъ ученику, *третью*, а не вторую, зиму обучающемуся. Такой ученикъ доказалъ бы этимъ самымъ, что онъ за третій учебный годъ не сдѣлалъ успѣховъ въ пониманіи книжнаго языка и навыкѣ вдумываться въ читаемое. Вотъ съ какой точки зрѣнія числовыя данныя, касающіяся сознательности чтенія III-го класса, представляютъ интересъ. Эти цифры обрисовываютъ намъ весьма отрадную картину, даже если не вдаваться въ подробный анализъ ихъ: итоги „вѣдомости объ успѣхахъ“ говорятъ, что на 326 учениковъ III-го класса въ 23-хъ школахъ, подраздѣленныхъ на три класса, только 10 учениковъ на экзаменѣ не разказали читаннаго, то-есть, читаютъ сознательно 93%. Но этотъ общій выводъ получаетъ еще большее значеніе, если принять во вниманіе то: 1) что въ числѣ не разказавшихъ 4 ученика одной изъ худшихъ школъ уѣзда—Бельманской, и 2) что затѣмъ такихъ учениковъ нашлось въ трехъ школахъ по одному, и только въ Михайловкѣ 3 ученика. Числовыя данныя о сознательности чтенія III-го класса даютъ право сказать, что въ этомъ классѣ всѣ читаютъ сознательно: это выработано практикой, какъ общее правило, не допускающее исключеній.

г) „Общій выводъ по вопросу о сознательности чтенія учениковъ

всѣхъ трехъ классовъ. Въ I-мъ классѣ было учениковъ, которые могли читать сознательно; 432, во II-мъ классѣ было второгоднихъ (я опять исключаю сеголѣтнихъ 63 учениковъ) 566 учениковъ; въ III-мъ классѣ 326 учениковъ. Изъ этихъ 1.324 учениковъ разказали на экзаменѣ читанное, то-есть, читають сознательно 1.059 учениковъ въ 40 училищахъ, то-есть, почти 80%.

„Во всемъ участкѣ въ истекшемъ году было 16 такихъ училищъ, въ которыхъ по времени обученія могли бы читать сознательно 645 учениковъ, изъ нихъ дѣйствительно читали сознательно на экзаменѣ 611 учениковъ, то-есть, 95%, не смотря на то, что первые классы этихъ училищъ состояли изъ новичковъ, поступившихъ неграмотными осенью 1869 года, и что почти всѣ названныя училища подраздѣлялись на 3 класса, то-есть, существовали при такой обстановкѣ, при которой учитель можетъ посвящать лишь очень мало времени обученію каждаго класса. Предсказалъ ли бы кто-нибудь возможность подобныхъ результатовъ три года тому назадъ, когда я называлъ *лучшею школою въ уездѣ* школу священника Біантовскаго, въ которой изъ 24-хъ учениковъ 7 читали сознательно краткія предложенія, и въ которой изъ 24-хъ учениковъ 4 умѣли писать, а кромѣ чтенія и письма ничего болѣе не преподавалось? Я увѣренъ въ томъ, что усилія учениковъ послужатъ лучшимъ поощреніемъ для гг. учителей, которые не захотятъ вновь поставить въ грязь тотъ возъ, который имъ же удалось вытащить изъ грязи, что стоило не малыхъ усилій.

„Исчерпавъ вопросъ о сознательности русскаго чтенія, я желалъ бы высказаться столь же опредѣленно о бѣглости и выразительности чтенія; но эти свойства чтенія не поддаются числовымъ опредѣленіямъ, а потому я долженъ ограничиться только нѣсколькими замѣчаніями. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ ученики перваго класса читають медленно, ученики второго класса — довольно бѣгло, понижая и повышая голосъ на знакахъ препинанія; ученики третьяго класса во многихъ, но не во всѣхъ школахъ читають бѣгло и выразительно. Говоря вообще, желательно, чтобъ учителя обратили большее вниманіе на выразительность чтенія, какъ на средство, которое школа даетъ въ руки своимъ питомцамъ, для того чтобъ отвлечь неграмотную массу отъ шинка.

4. *Славянское чтеніе.* „Достигать толковаго славянскаго чтенія впервые вмѣнено въ обязанность учителямъ, при чемъ были указаны и надлежащіе способы обученія, съ наступленіемъ 1868 — 1869 учеб-

наго года. Но первый годъ не увѣнчался успѣхомъ, многіе учителя отнесли къ этому педагогическому требованію, какъ къ несбыточному и не исполнимому, по сопряженнымъ съ исполненіемъ его трудностямъ; въ истекшемъ же году во многихъ школахъ участка достигнуты блестящіе результаты, свидѣтелемъ которыхъ былъ отчасти, кромѣ меня и всѣхъ присутствовавшихъ, г. инспекторъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи. Правда, что въ истекшемъ учебномъ году я слушалъ учениковъ, сознательно читавшихъ Евангеліе, то-есть, по русски разказывавшихъ то, что ими было прочтато по славянски только въ старшихъ классахъ осьми школъ; но важно для дѣла то, что первый шагъ сдѣланъ, что доказана учителямъ осуществимость этого требованія, и что отнынѣ исполненіе его не можетъ не признавать для себя нравственно обязательнымъ каждый учитель, себя уважающій. И какая великая задача — освоить ребенка съ ученіемъ Спасителя, помочь ему понимать Слова Божіе при чтеніи его въ церкви! Что касается собственно умѣнья читать по славянски, то-есть, самого процесса чтенія, то почти во всѣхъ школахъ участка бѣглость славянскаго чтенія вполне соотвѣтствуетъ степени бѣглости русскаго чтенія. Только въ Пологахъ замѣтилъ я, что ученики читаютъ по славянски бойчѣе, чѣмъ по русски: законоучитель объяснилъ мнѣ это тѣмъ, что родители заставляютъ дѣтей читать дома преимущественно по славянски. Бойкое славянское чтеніе пріобрѣтаетъ такую репутацію для школы въ глазахъ народа, что Ольгинскій учитель, число учениковъ котораго возрасло въ истекающемъ учебномъ году съ 40 до 91-го, объясняетъ себѣ такое необычайное стремленіе къ школѣ преимущественно тѣмъ, что осенью 1869 года вошло въ обычай въ селѣ, чтобы крестьяне приглашали школьничковъ читать Псалтырь по усопшымъ. Но и тутъ школа натолкнулась на неожиданное препятствіе: чтеніе псалтыри по усопшымъ — источникъ дохода для дьячка, который поэтому выразилъ свое неудовольствіе священнику на то, что онъ дозволилъ школьникамъ, читающимъ Псалтырь безвозмездно, отбивать у него хлѣбъ. Ольгинскій священникъ, не имѣя офиціальнаго права разрѣшать ученикамъ чтеніе Псалтыря, приостановилъ этотъ дѣтскій трудъ, прося меня исходатайствовать разъясненіе этого вопроса высшимъ начальствомъ. Зная, какъ совѣтъ дорожитъ всякою связью между школой и народомъ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что совѣтъ сдѣлаетъ представленіе его преосвященству о дозволеніи ученикамъ нашихъ школъ читать псалтырь по усопшымъ.

5. *Обученіе письму.* „Такъ какъ всѣ 1.877 учениковъ III-го участка

обучены чтенію и письму одновременно, то я и не могъ встрѣтить въ истекающемъ учебномъ году ни одного ученика, который не умѣлъ бы писать. Но цѣль обученія письму, такъ же какъ и обученія чтенію, состоитъ въ достиженіи *сознательности* письма, то-есть, въ томъ, чтобы пріучить ученика сколько-нибудь толково излагать свою мысль на бумагѣ. Цѣль эта достигалась удовлетворительно въ истекающемъ учебномъ году почти во всѣхъ школахъ; только въ немногихъ изъ худшихъ школъ участка ученики младшаго класса не были въ состояніи изложить письменно своими словами моего разказа, переданнаго имъ во время экзамена. Я могу объяснить себѣ такое пагубное для дѣла отступленіе отъ указаній и программы совѣта только тѣмъ, что учителя, еще не довольно освоившіеся съ дѣломъ, были на столько заняты въ старшихъ классахъ, что пренебрегли младшимъ классомъ. Странное впрочемъ заблужденіе: будто бы этому младшему классу, для котораго учитель былъ не матерью, а мачихой, не предстоить сдѣлаться старшимъ классомъ, и будто на послѣдующемъ обученіи не отзовутся упущенія перваго учебнаго года! Второй классъ повсемѣстно упражняли въ связномъ изложеніи мыслей на бумагѣ, хотя справедливо отнести учениковъ, безтолково совершившихъ письменную работу, къ разряду учениковъ, пишущихъ только подъ диктовку. Такъ какъ слово всегда соотвѣтствуетъ мысли, а чѣмъ скуднѣе мысль, тѣмъ бѣднѣе и рѣчь, то весьма понятно, что число толково пишущихъ въ большинствѣ случаевъ равняется числу толково читающихъ, то-есть, мыслящихъ. Наконецъ, ученики III-го класса, въ лучшихъ школахъ участка, не только могутъ со смысломъ написать разказанное имъ, но и написать ученическое сочиненіе на тему. Задавая подобныя сочиненія, я не предпосылалъ имъ никакой бесѣды, тщательно избѣгая такихъ темъ, которыя уже встрѣчались въ классѣ, чтобы провѣрить развитіе и степень самостоятельности старшихъ учениковъ. Успѣхи учениковъ достаточны, что касается почерка и изложенія мыслей; но правописаніе почти вездѣ въ такомъ состояніи, что нашихъ учениковъ можно назвать волюгѣ безграмотными. Совѣтъ, зная непродолжительность учебнаго года и краткость учебнаго періода въ жизни крестьянина, не удивится такимъ результатамъ, въ виду того, что очень многіе изъ нашихъ учителей сами крайне неправильно пишутъ. Но и здѣсь есть доброе начало. Благодаря диктовкѣ предложеній, составленныхъ мною для старшихъ классовъ (см. „Русскую начальную школу“), въ нѣкоторыхъ школахъ достигли уже нѣкоторой правильности въ слитности и раздѣльности предлоговъ; остается

желать, чтобы учителя для усвоения дѣтьми постановки знаковъ преринапія, воспользовались приѣмомъ обученія, указаннымъ въ названной книгѣ моей; въ настоящее время знаки преринапія въ ученическихъ тетрадахъ часто не только не облегчаютъ чтенія и пониманія написаннаго, но часто затрудняютъ то и другое". Авторъ рекомендуетъ совѣту ввести въ школу недавно вышедшую 2-ю часть „Роднаго Слова“ г. Ушинскаго.

„Что касается почерка учениковъ, то только въ худшихъ школахъ, какъ исключенія, не обращено на этотъ предметъ надлежащаго вниманія; въ большинствѣ школъ почеркъ учениковъ выигралъ отъ того, что всѣ школы уѣзда были снабжены карандашами, стальными перьями, ручками для нихъ и писчею бумагой. Недостатокъ въ этихъ учебныхъ принадлежностяхъ на столько затруднилъ бы учителей, что я покорнѣйше прошу и на будущее время разослать въ школы все нужное.

„Экзаменъ истекшаго года показалъ, что 1.052 ученика толково изложили свою мысль на бумагѣ, а 645 учениковъ, въ числѣ коихъ 310 обучавшихся мѣсяе трехъ мѣсяцевъ, писали подь диктовку. Всего же пишущихъ учениковъ 1.697, то-есть, столько же, сколько вообще присутствовало учениковъ при весеннихъ повѣрочныхъ испытаніяхъ.

6. *Обученіе счету.* „Было бы крайне необходимо, чтобы всякая школа обучала *всѣхъ* своихъ учениковъ сознательному рѣшенію ариметическихъ задачъ, могущихъ часто встрѣчаться въ жизни. Но далеко мы еще отъ этого идеала, хотя нельзя не признать и того, что въ истекающемъ учебномъ году обученіе счету сдѣлало значительный шагъ впередъ во вѣренномъ мнѣ училищномъ участкѣ. Въ чемъ же сказываются эти успѣхи? Еще въ прошломъ году очень рѣдко можно было встрѣтить въ школѣ ариметическій классъ, равносильный по успѣхамъ; обученіе ариметикѣ касалось обыкновенно меньшинства учениковъ извѣстнаго класса, которые иногда и успѣвали, а для большинства дѣтей того же класса преподаваніе оставалось безъ всякихъ результатовъ. Совершенно иначе дѣло стоитъ теперь, когда легко удостовѣриться, далась ли учителю ариметика, или нѣтъ; въ первомъ случаѣ онъ представляетъ экзаменатору классъ, всѣ ученики котораго равно успѣли, а во второмъ случаѣ — классъ, всѣ ученики котораго своими отвѣтами доказываютъ, что ими дѣло не усвоено. Замѣтны успѣхи еще и въ иномъ отношеніи: въ прежнее время нумерация, эта наименьшая степень ариметическихъ знаній, безъ которой не можетъ обойтись крестьянинъ, преподавалась только въ немногихъ школахъ, и тамъ, гдѣ она преподавалась, успѣвало только

меньшинство учениковъ. Въ истекающемъ учебномъ году въ первый разъ примѣненъ мой методъ обученія нумераціи по слуху, изложенный въ книгѣ моей „Русская начальная школа“, методъ, который мнѣ удалось водворить въ школахъ тѣмъ, что осенью я самъ въ каждой школѣ, въ присутствіи учителя, давалъ образцовый урокъ.

„Вотъ въ какомъ видѣ представляются числовыя данныя, для успѣховъ учениковъ всего участка по нумераціи: обучались въ истекающемъ учебномъ году нумераціи всего 722 ученика, изъ числа которыхъ пишутъ числа вполне безошибочно 580, то-есть, $\frac{2}{3}$ всего числа, или 80%. Если же разслѣдовать результаты обученія по каждому классу особо, исключая притомъ изъ разчета ничтожное число школъ, въ которыхъ преподаваніе этого предмета шло хуже, чѣмъ въ остальныхъ, то окажется, что во II-мъ классѣ пишутъ вполне безошибочно числа 90%, а въ III-мъ классѣ — 94%.

„Въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ преподавалась нумерація, преподавалось и умственное счисленіе: задачи на дѣляя числа, именованныя и простыя рѣшаются почти повсемѣстно вполне удовлетворительно; но понятіе о дробяхъ, при умственномъ счисленіи, усвоено дѣтми только въ не многихъ лучшихъ школахъ; есть въ числѣ этихъ школъ такія, въ которыхъ пониманіе дробей и умственныя вычисленія на дроби доведены до возможной степени совершенства; но большинству учителей участка это дѣло не удалось, потому что учителя не довольно часто прибѣгаютъ къ наглядности для объясненія дѣтяи частей дѣлаго.

„При умственномъ счисленіи, согласно программѣ совѣта, ученики, еще вовсе незнакомые съ письменными ариѳметическими дѣйствіями, опредѣляютъ, рѣшивъ задачу въ головѣ, какихъ бы дѣйствій она потребовала, если рѣшать ее письменно. Такимъ образомъ дѣти причаются на числахъ малой величины, вполне доступныхъ кругозору ребенка, соображать задачу, собственно же механизмъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій дается такъ легко, что на него почти не затрачивается времени. Опредѣленіе дѣйствій, при умственномъ счисленіи, идетъ еще весьма различно въ школахъ ввѣреннаго мнѣ участка; а чѣмъ лучше идетъ это упражненіе въ классѣ, тѣмъ лучше рѣшается классомъ и задача на доскѣ“.

Имѣя въ виду основательность обученія, Н. А. Корфъ, при личномъ наблюденіи за успѣхами своихъ школъ, не вездѣ предлагалъ одинаковыя требованія отъ учителей, и гдѣ было нужно, уменьшалъ объемъ обязательной программы.

„Преподаваніе умственнаго счисленія и нумераціи было допущено въ 30-и школахъ, а преподаваніе письменнаго счисленія только въ 21; такъ какъ очень многіе изъ учителей еще не были знакомы съ тѣмъ, какую степень знанія я считаю *пониманіемъ* ариѳметическихъ дѣйствій, то я опасался того, что если слабо подготовленныхъ дѣтей не подготовленные учителя станутъ обучать всѣмъ четыремъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ, то не будетъ толку. Вотъ почему я допустилъ преподаваніе четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій только въ 6-и такихъ школахъ, на прочную подготовку учениковъ и учителей которыхъ я могъ въ полнѣ разчитывать. Результаты обученія, если не ошибаюсь, оправдали мою осторожность: въ названныхъ шести школахъ четыре дѣйствія пройдены отлично въ полномъ смыслѣ слова; въ значительномъ большинствѣ тѣхъ школъ, въ которыхъ преподавали лишь два дѣйствія, эти дѣйствія пройдены такъ толково, такъ сознательно, что на будущее время ариѳметика не устраситъ ни учителей этихъ школъ, ни учениковъ, многіе изъ которыхъ будутъ въ силахъ, даже безъ помощи учителя, пройти умноженіе и дѣленіе — на столько умственное счисленіе, нумерація, сложеніе и вычитаніе ими прочно усвоены. Отзываясь такимъ образомъ объ успѣхахъ учениковъ, я разумѣю большинство школъ; исключенія, конечно, были. Весной этого года я испытывалъ въ 16-и школахъ 356 учениковъ, которые бойко рѣшали самыя разнообразныя задачи на любыя числа, то-есть, такія задачи, которыя возможно было рѣшить письменно посредствомъ ариѳметическихъ дѣйствій, пройденныхъ учениками. Особенно отрадное впечатлѣніе производило на меня при этомъ то, что въ этихъ школахъ достигли возможнаго равенства въ успѣхахъ всѣ ученики, обучавшіеся ариѳметикѣ, а не такъ, какъ бывало — только немногіе избранныки судьбы. Успѣхи по счисленію, если принять во вниманіе силы учащихся и непродолжительность учебнаго времени, представляютъ значительный шагъ впередъ, сравнительно съ прежнимъ. Если однако ближе всмотрѣться въ дѣло, то нами сдѣлая пока только одинъ шагъ — *первый* шагъ: нумераціи обучали 722 учениковъ, а собственно ариѳметикѣ только 448 учениковъ. Правда, что и послѣдняя цифра на столько значительна, что едва-ли до сихъ поръ встрѣчалась подобная въ какомъ бы то ни было уѣздѣ; но почему же не примѣнена программа, почему не обучались ариѳметикѣ по крайней мѣрѣ хоть тѣ ученики, которыхъ обучали писать числа? Потому что до тѣхъ поръ, пока Россія не обезпечитъ себя подготовленными учителями, успѣхи учениковъ будутъ зависѣть отъ случая: въ этомъ году фельдшеръ, на-

завшій себя учителемъ, ровно ничему, положимъ, не обучилъ дѣтей; это отзовется на второмъ и на третьемъ году обученія тѣхъ же дѣтей. Въ этомъ году землемѣръ-чиновникъ, оказавшись способнымъ учителемъ, неожиданно для себя самого, отлично обучилъ школу; на слѣдующій годъ этотъ учитель бросаетъ школьное дѣло, мѣняя его на болѣе выгодное, и отлично обученные ученики, переходя въ руки садовника, котораго нужда заставила именоваться учителемъ, забываютъ пройденное. Вотъ въ какомъ положеніи наша народная школа, и вотъ чѣмъ объясняется то, что учебная программа совѣта можетъ быть лишь путеводною нитью для преподающихъ и наблюдающихъ за преподаваніемъ, а отнюдь не можетъ примѣняться буквально къ каждому классу каждой школы.

„Результаты истекающаго учебнаго года тѣмъ не менѣе въ высшей степени отрадны, потому что доказана возможность толковаго обученія письменному счисленію многочисленнаго класса при томъ условіи, чтобъ успѣвали *все* ученики: доказано, кромѣ того, что обученіе нумераціи не можетъ быть отнынѣ камнемъ преткновенія, и что отъ *большинства* учителей, отъ наименѣе подготовленныхъ изъ нихъ возможно ожидать результатовъ; доказано наконецъ, что умственное счисленіе отлично развиваетъ ученика, хотя бы оно преподавалось и крайне слабо подготовленнымъ учителемъ, если только онъ придерживается указаній совѣта и высланныхъ ему учебныхъ пособій.

7) *Упражненія по „Родному Слову“* (наглядное обученіе). „Трехлѣтняя практика доказываетъ, что преподаваніе этого предмета по руководствамъ, высланнымъ совѣтомъ, благодаря сдѣланнымъ разъясненіямъ, доступно наименѣе подготовленному учителю, уроки котораго будутъ отличаться отъ преподаванія толковаго учителя тѣмъ, что послѣдній воспользуется всякимъ случаемъ для бесѣды, развивающей ученика; но утѣшительно въ этомъ случаѣ то, что самые приемы обученія представляютъ такую гимнастику для мозга ученика, что даже независимо отъ способностей учителя къ бесѣдѣ, они развиваютъ ученика, заставляя его думать, и учатъ его говорить, заставляя его говорить не заученное, а понятое. Въ истекшемъ учебномъ году я только въ 6-и худшихъ школахъ ввѣреннаго мнѣ участка встрѣчалъ случаи того, что „упражненія по Родному Слову“ (распредѣленіе предметовъ по разрядамъ) не достигали цѣли, что можетъ быть объяснено только *нежеланіемъ* учителей воспользоваться указаніями совѣта. „Упражненія по Родному Слову“ преподавались въ истекающемъ учебномъ году во *всѣхъ* школахъ ввѣреннаго мнѣ участка, и въ 30-и изъ 40 вполне достигали цѣли; сравнительно съ прежнимъ замѣтенъ

тотъ успѣхъ, что большинство учителей, понявъ какъ трудно достается не подготовленнымъ ученикамъ понятіе о частяхъ (части тѣла, зданія, экипажа, сутокъ, мѣсяца, сажени и проч.), обратили на вторую половину 1-й части „Родного Слова“ должное вниманіе. Если во многихъ школахъ дѣти еще съ трудомъ запоминаютъ мѣры длины, тяжести и времени, то я объясняю себѣ это только недостаточною *наглядностію* обученія: *покажите* дѣтямъ мѣры; пусть дѣти мѣряютъ и вѣсятъ, и вы увидите, что дается легко то, что прежде давалось трудно. Что можетъ быть досаднѣе того, напримѣръ, что ученикъ, опредѣливъ, что „високъ“ составляетъ часть головы, не умѣетъ указать свои виски; а подобные случаи еще встрѣчались въ нѣкоторыхъ школахъ. вѣреннаго мнѣ участка, и я надѣюсь, что эти случаи, представлявшіе краснѣтъ учителей, научать ихъ тому, что наглядное обученіе потому такъ и называется, что даетъ дѣтямъ возможность посредствомъ *зрѣнія*, а не со словъ учителя, познавать различные предметы.

8) *Черченіе плановъ*. „Этотъ предметъ обученія, пройденный съ большимъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ школахъ, еще не успѣлъ расположить въ себѣ большинство учителей, и потому обучались черченію плановъ въ истекающемъ учебномъ году только 325 учениковъ въ 20-и школахъ; въ числѣ ихъ только двѣ такихъ, въ которыхъ чертили планы оба старшіе класса; во всѣхъ остальныхъ школахъ въ этомъ упражняли только одинъ старшій классъ. Немало такихъ школъ въ участкѣ, въ которыхъ новые преподаватели наслѣдовали учениковъ на столько мало подготовленныхъ, что они не могли преподавать черченія плановъ во второмъ классѣ; но немало и такихъ, гдѣ обученію дѣтей чертить планы помѣшали, если не ошибаюсь: а) сомнѣніе учителей въ пользѣ отъ этого для крестьянскаго мальчика и б) преувеличенныя понятія нѣкоторыхъ учителей о трудностяхъ этого предмета: я выражаю эти предположенія на основаніи того, что слышала отъ учителя. Въ истекшемъ году изъ 20-и 18 школъ успѣли однако и въ этомъ предметѣ“.

Авторъ отчета препроводилъ при немъ совѣту карту своего уѣзда, предлагая ее отлитографировать для школъ Александровскаго уѣзда.

Но можетъ случиться, говоритъ авторъ, что иному учителю покажется черченіе карты недостигаемою премудростію; пусть такой учитель заглянетъ только въ 1-ю часть „Родного Слова“, и онъ увидитъ тамъ образцы, для рисованія по клѣточкамъ, чѣмъ занимаютъ 6-лѣтнихъ дѣтей. Стоитъ только учителю, взявъ листъ писчей бумаги, на

которомъ ученику предстонть чертить карту уѣзда, разграфить этотъ листъ на клѣточки такой же величины, какъ разграфлена карта, данная для образца ученику, и черченіе пойдетъ очень легко, такъ какъ глазъ ученика, срисовывая карту, будетъ имѣть дѣло не съ *цѣлою* картою, а съ каждою отдѣльною клѣточкой и вѣрно изобразить въ каждой клѣточкѣ своего листа то, чѣмъ наполнена соотвѣтствующая клѣточка образца. По мѣрѣ того, какъ станетъ отъ упражненія улучшаться глазомѣръ учениковъ, учитель будетъ графить листъ, принимая двѣ, три, четыре клѣточки образца за одну клѣтку на листѣ ученика, за болѣе крупныя клѣтки. При этомъ учитель не долженъ забывать того, что такое упражненіе — не само себѣ цѣль, а только *средство* заучить главнѣйшія села, рѣки, границы уѣзда; если ученикъ не умѣетъ по картѣ уѣзда измѣрить разстоянія отъ села до села, не умѣетъ по картѣ уѣзда проѣхать на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, не скажетъ, по какой улицѣ *своего* села онъ проѣдетъ на южную, восточную границу уѣзда, или въ такое-то село, то такого ученика напрасно промучилъ учитель надъ черченіемъ карты. Это упражненіе, во всякомъ случаѣ, доступно только ученикамъ, третью зиму обучающимся, предполагая, что во вторую зиму ими вполне усвоено понятіе о масштабѣ.

9) *Міровѣдѣніе*. „Полный курсъ „міровѣдѣнія“ по книгѣ для чтенія (2-й отдѣлъ 1-й части „Дѣтскаго міра“ Ушинскаго) и „Свѣтъ Божій“ (изданіе Черкесова) пройдены въ истекающемъ году старшимъ классомъ только въ трехъ школахъ: Александровской (Гнѣдича), Покровской и Времьевской (всего 35 учениковъ); въ Благодатовской и Гуляйпольской школахъ (всего 32 ученика) пройдено изъ „Дѣтскаго міра“ до четверорукихъ. Этотъ учебный предметъ, на сколько я замѣтилъ, очень занимаетъ учителей и учениковъ: отличные успѣхи истекающаго года ручаются за то, что на будущее время возможно взяться за преподаваніе его во всѣхъ школахъ, въ которыхъ степень подготовки дѣтей дозволитъ преподаваніе четырехъ дѣйствій ариѳметики. Приемы обученія міровѣдѣнію подробно изложены въ книгѣ „Русская начальная школа“.

10) *Обученіе пѣнію*. „Почти во всѣхъ школахъ безъ изыятія всѣ ученики обучены пѣнію употребительнѣйшихъ молитвъ по слуху; въ Цареконстантиновкѣ и Михайловкѣ, равно какъ и въ тѣхъ школахъ, при которыхъ существуютъ церковныя хоры, поющіе по нотамъ ученики поютъ весьма стройно, и вездѣ на столько удовлетворительно, что пѣніе достигаетъ своей цѣли — дѣйствовать на чувство ребенка

и производить впечатлѣвіе на взрослыхъ крестьянъ. Церковныя хоры, поющіе простыя и концертныя духовныя мелодіи, существуютъ въ Александровѣ (Гнѣдина), Покровскомъ, Большой-Михайловѣ, Гуляй-полѣ, Бѣлоцерковкѣ и Темрюкѣ. Бѣлоцерковскій хоръ, по исполненію, гораздо слабѣе остальныхъ и приближается къ Федоровскому хору, обученному учителемъ простому пѣнію во время богослуженія. Остальные пять хоровъ изъ семи поютъ и свѣтскія пѣсни. Всѣ хоры участка поютъ русскій національный гимнъ.

11) *Воскресныя школы.* Въ истекшемъ году закрылись обѣ школы для взрослыхъ, существовавшія во Времьевѣ и Благодатномъ. Впрочемъ, г. Корфъ не выражаетъ объ этомъ сожалѣнія, но высказываетъ необходимость другихъ школъ, „въ которыя зимою сходились бы по воскресеньямъ молодые люди, окончившіе курсъ въ нашихъ начальныхъ школахъ: такихъ учениковъ, а не неграмотныхъ крестьянъ, могутъ сильно подвинуть впередъ двадцать воскресныхъ уроковъ учителя, если послѣдній сумѣетъ удержать связь между школой и ученикомъ, и не дастъ послѣднему погрязнуть въ той тинѣ невѣжества которая его окружаетъ“.

Авторъ ходатайствуетъ предъ совѣтомъ о содѣйствіи къ устройству такихъ воскресныхъ школъ, и признаетъ справедливымъ ассигновать тѣмъ изъ начальныхъ учителей, у которыхъ станетъ энергіи на то, чтобы по воскресеньямъ собирать на два часа учениковъ, окончившихъ курсъ въ ежедневной школѣ, или, по крайней мѣрѣ, обладающихъ познаніями 2-го года обученія, известную плату за всякое воскресенье и каждого ученика. Только тотъ учитель имѣлъ бы право на полученіе вознагражденія за воскресныя занятія, котораго воскресная школа, состоя исключительно изъ молодыхъ людей, уже переставшихъ посѣщать начальную школу, была бы обрѣвизована участковымъ членомъ совѣта, при чемъ учитель обязанъ былъ бы увѣдомить послѣдняго до приступа къ воскреснымъ занятіямъ, для того чтобы членъ совѣта былъ поставленъ въ возможность посѣщать воскресныя школы въ теченіе учебнаго года. Учениковъ воскресныхъ школъ слѣдовало бы заносить въ училищный журналъ, избравъ для этого особую страницу, которой стало бы на всю зиму: по этимъ отмѣткамъ, провѣреннымъ мѣстнымъ попечителемъ школы и участковымъ членомъ при внезапныхъ посѣщеніяхъ, можно бы свести итогъ числу всѣхъ учебныхъ дней за зиму (10 учениковъ, 4 дня посѣщавшихъ воскресную школу, дадутъ 40 учебныхъ дней), и сообразно числу дней обученія вознаграждать учителя. „Если до сихъ поръ“, говоритъ авторъ, „нѣтъ возмож-

ности строить прочно безъ фундамента, то-есть, безъ серьезной подготовки учителя къ дѣлу, то неужели нужно выжидать указаній опыта на то, что стѣны безъ крыши, то-есть, начальное обученіе безъ воскреснаго, не устоятъ противъ непогоды"? Авторъ признаетъ такіа школы единственнымъ средствомъ связать школу съ жизнью и поддержать связь учителя съ учениками.

Въ заключеніе „отчета“ авторъ говоритъ о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ въ пользу школъ ввѣреннаго ему участка, и затѣмъ характеризуетъ интересными фактами „отношеніе сельскаго населенія къ школѣ“, вездѣ настаивая на томъ, что только *дѣло*, искренно и честно выполняемое и дающее успѣшные результаты, можетъ пріохотить народъ къ школѣ и сдѣлать ее ему любезною, только на этомъ прочномъ основаніи можетъ развиваться и имѣть успѣхъ наша русская начальная школа.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1871 ГОДУ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ЗАРЯ

(ГОДЪ ТРЕТІЙ).

„Заря“ будетъ выходить въ 1871 году по примѣру прежнихъ годовъ, ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 листовъ и болѣе, подъ тою же редакціей и по той же программѣ, какъ и прежде.

Въ „Зарѣ“ будутъ участвовать: *Д. В. Аверкіевъ, П. Н. Алмизовъ, Н. Д. Алшарумовъ, В. Г. Авѣенко, П. Я. Аристовъ, А. Н. Антроповъ, К. П. Бестужевъ-Рюминъ, Н. Боевъ, Е. А. Вьловъ, И. Д. Бяляевъ, А. С. Будиловичъ, А. П. Барсуковъ, И. Я. Вауликъ, А. Д. Градовскій, В. В. Григорьевъ (оріенталистъ), А. Θ. Гильфердингъ, Н. Я. Данилевскій, Θ. М. Достоевскій, Г. П. Данилевскій (Скавронскій), В. И. Кельсиевъ, В. П. Ключниковъ, В. В. Крестовскій, П. Кохановская, Н. Косица, В. И. Ламанскій, К. Н. Леонтьевъ, О. Н. Ливчакъ, А. Н. Майковъ, Л. Н. Майковъ, П. М. Майковъ, О. Θ. Миллеръ, П. И. Мельниковъ, П. И. Огородниковъ, А. Θ. Писемскій, Я. П. Полонскій, А. Н. Поповъ, М. П. Погодинъ, А. И. Руновскій, Н. Н. Страховъ, М. И. Семевскій, гр. Л. П. Толстой, Θ. И. Тютчевъ, И. П. Хрушовъ, Н. А. Чаевъ, М. П. Чистяковъ, А. А. Фетъ, П. К. Щебальскій и другіе.*

По примѣру прошлаго года въ „Зарѣ“ будутъ помѣщаться „Матеріалы по русской исторіи“.

Подписная цѣна на годъ.

Въ С.-Петербургѣ	безъ доставки	15 руб.
„	„ съ доставкою	15 „ 50 коп.
„	„ съ пересылкою	16 „ 50 „

Подписка принимается:

Для иногородных: исключительно въ редакціи журнала „Заря“ (Саперный переулокъ, домъ № 19 Мельникова, кв. № 3).

Въ Петербургѣ: въ редакціи (Саперный переулокъ, домъ № 19 Мельникова, кв. № 3). Въ магазинахъ А. Ѳ. Базунова, Я. А. Исакова и у всѣхъ книгопродавцевъ. **Въ Москвѣ:** у книгопродавца И. Г. Соловьева (Страстной бульваръ, д. Алексѣева).

Въ почтовыхъ конторахъ подписка не принимается.

За исправную и своевременную доставку книгъ редакція отвѣчаетъ лишь подписавшимся въ самой редакціи.

Разсрочка допускается: для гг. служащихъ, за поручительствомъ ихъ казначеевъ, а для прочихъ подписчиковъ, по соглашенію съ редакціей.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **В. Каширевъ.**

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1871 ГОДУ

ЖУРНАЛА

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ПЕРЕШЕДШАГО СЪ 1 ЯНВАРЯ 1870 ГОДА ПОДЪ РЕДАКЦИЮ

Софьи Сергѣевны Хаширевой.

(годъ восьмой).

Журналь этотъ удостоенъ Высокаго Покровительства ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Мянпстерства Народнаго Просвѣщенія — для гимназій и уѣздныхъ училищъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцелярїи Учебнымъ Комитетомъ — для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, и Духовно-Учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ.

Годовое изданіе журнала „Семейные Вечера“ будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. 2) Біографія замѣчательныхъ людей. 3) Очерки народныхъ обычаевъ и преданій разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборъ замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы половина изданія, 12 книгъ, украшенныхъ картинками, составила

вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей, или для младшаго возраста, а другая половина изданія — для юношества, или для старшаго возраста.

Въ книжкахъ „Семейныхъ вечеровъ“ какъ для дѣтей, такъ и для юношества или семейнаго чтенія, прилагаются изящно исполненные рисунки лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ; кромѣ того, въ отдѣлѣ для дѣтей будутъ отъ времени до времени помѣщаться раскрашенные картинки. Редакція, въ виду сочувствія публики къ ея изданіямъ, употребитъ всѣ старанія для всевозможнаго улучшенія книжекъ „Семейныхъ вечеровъ“.

Въ журналѣ будутъ принимать постоянное участіе: *М. О. Ростовская, А. Пчельникова, С. А. Чистякова, С. М. Макарова, Т. Толычева, А. Н. Майковъ, В. П. Клюшниковъ, М. Б. Чистяковъ, Е. А. Бьловъ, В. И. Даль, П. М. Цейдлеръ, И. П. Хрущовъ, Н. Д. Ахшарумовъ* и др.

Въ иллюстрированіи журнала будутъ участвовать: *К. А. Трутовскій, К. Е. Маковский, А. О. Адамовъ, А. Н. Шуринъ*, академики: *Баронъ Клодтъ, Шарлеманъ* и др. Гравировать рисунки на деревѣ будетъ *М. В. Стариковъ*.

Подписная цѣна:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.
Полный журналъ (24 книжк.)	10 руб.	11 руб.
Отдѣлъ для младшаго возраста (12 книжекъ)	5 „	5 „ 50 коп.
„ „ старшаго „ (12 книжекъ)	5 „	5 „ 50 „

Для **всѣхъ учебныхъ заведеній**, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для **сельскихъ школъ**, подписавшихся не менѣе какъ на 50 экземпляровъ полныхъ, уступается 2 руб.

Разрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ, за поручительствомъ гг. казначеевъ, а для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, за ручательствомъ ихъ начальства.

Разрочка допускается по третямъ слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отдѣловъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.
За первую треть впередъ:	2 руб.	2 руб.
„ вторую „ „	2 „	2 „
„ третью „ „	1 „	1 „ 50 коп.

На полный журналъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.
За первую треть впередъ	4 руб.	4 руб.
„ вторую „ „	4 „	4 „
„ третью „ „	2 „	3 „

Подписка принимается:

Для иногородныхъ: исключительно въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, Саперный переулокъ, д. Мельникова.

Для жителей С.-Петербурга: въ редакціи журнала „Семейные Вечера“ (Саперный переулокъ, д. Мельникова); въ магазинахъ: А. Ѳ. Базунова, Я. А. Исакова и у всѣхъ книгопродавцевъ. Въ Москвѣ: въ магазинѣ И. Г. Соловьева (Страстной бульваръ, д. Алексѣева).

Желающіе подписаться съ разсрочкой обращаются въ редакцію.

Въ почтовыхъ конторахъ подписка не принимается.

Редакторъ-издательница С. Кашпирева.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. <i>2-го октября 1870 года.</i> Объ учрежденіи общества попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ.	3
2. <i>12-го октября.</i> О новыхъ штатахъ Виленской астрономической обсерваторіи.	—
3. <i>15-го октября.</i> О знагѣ на фуражкахъ для воспитанниковъ Царскосельской Николаевской гимназій	4
4. <i>19-го октября.</i> О подчиненіи низшихъ училищъ Якутской области инспектору Якутской прогимназій и о предоставленіи квартирныхъ денегъ инспектору и воспитателю означенной прогимназій	—
5. <i>26-го октября.</i> О преобразованіи Старобѣльскаго уѣзднаго училища въ прогимназію.	6
6. <i>9-го ноября.</i> Объ учрежденіи стипендіи Бонцевича.	7
7. <i>9-го ноября.</i> Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 1-й гимназій	19
8. <i>9-го ноября.</i> Объ учрежденіи стипендій при С.-Петербургской Введенской прогимназій.	20

Высочайшій приказъ.

9-го ноября 1870 года (№ 17).	—
---------------------------------------	---

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

	СТРАН.
30-го октября 1870 года	8

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 17-го октября 1870 года. Уставъ общества попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ.	9
2. 7-го ноября. Правила о назначеніи стипендіи коллежскаго совѣтника Матавкина	14
3. 12-го ноября. Положеніе о стипендіяхъ Бонцевича.	—

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

31-го октября 1870 года (№ 16)	16
21-го ноября (№ 17)	21

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Объ изданіи академика Микѣшина: „Изображенія святыхъ, признаваемыхъ православною церковью, съ тропарями и кондаками симъ святымъ и съ краткимъ изложеніемъ ихъ житій“, составленнымъ Т. И. Филиповымъ	17
О журналѣ: „Дѣтское чтеніе“, издаваемомъ штабсъ-капитаномъ Острогорскимъ	23
О книгѣ: „Отечественная исторія“ С. Рождественскаго	—
О книгѣ: „Исторія Еврейскаго народа въ библейскій періодъ, съ приложеніемъ географіи и карты Палестины. Составилъ Бернардь Сегаль	24

ОФИЦІАЛЬНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Копія съ циркулярнаго предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ гг. начальникамъ губерній	—
О раздѣленіи 1-го класса Сумской прогимназіи.	25

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки А. Н. Веселовскаго.	1
Новѣйшія направленія въ европейскомъ искусствѣ. А. В. П.	15
Извѣстія о дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ и учреждений	72 и 254

Замѣчаніе о нашихъ былинахъ. <i>М. П. Погодина</i>	155
Комическая опера Екатерины II: „Горе-Богатырь“. <i>А. Г. Брикнера</i>	172
Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 г. <i>А. Н. Попова</i>	187
Реликвиі Иосафата Кунцевича. Лѣкаря <i>И. Сикорскаго</i>	243

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Западнорусскія археографическія изданія послѣдняго времени. <i>М. О. Кояловича</i>	100 и 265
Англійская индуктивная логика. (Logic by Alexander Bain. <i>М. И. Владиславлева</i>	110
Prooemium, quo scholas suas, de Historia Litterarum in Caesarea Litterarum Universitate Charcoviensi habendas, aperuit. <i>L. Döllen. И. Цытмава</i>	289

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Гимназіи и приготовительная школа въ Германіи. <i>Г. Гулевича</i>	153 и 229
Филологическая семинарія и занятія латинскою эпиграфикою профессора Ричля. <i>И. В. Помяловскаго</i>	31
Инструкція для начальныхъ училищъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи	61
О такъ-называемыхъ историческихъ семинаріяхъ при университетехъ Германіи. <i>А. Г. Брикнера</i>	147
Лицей Цесаревича Николая. <i>З.</i>	181

Наши учебная литература.

Учебникъ географіи Россійской имперіи. Составилъ П. Бѣлоха. <i>Н. Н. Пьянкова</i>	71
Учебникъ русской грамматики, сближенный съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. <i>Ө. Буслаева</i>	206
Опытъ учебника русскаго синтаксиса. <i>В. Кеневича</i>	207
Практическая славянская грамматика съ примѣрами и упражненіями на правила древне-славянскаго языка, ново-церковнаго и древне-русскаго лѣтописнаго. <i>В. Водовозова</i>	208
Русская грамматика практическая, теоретическая и историческая, составленная на основаніи исторической грамматики г. профессора Буслаева <i>Өкт. Мильчевскимъ</i>	210

Отечественное слово. Руководство къ первоначальному чтенію и письму. Составилъ Мевесъ	211
Прозношеніе, правописаніе и о буквѣ Ѣ. Мевеса	—
Литературные гости въ Россіи	—
Теорія поэзіи (для среднихъ учебныхъ заведеній) съ прибавленіемъ терминологическаго словаря словесности. М. Колосова	214
Русская хрестоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Ѡ. Буслаева	217

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О переводѣ христіанскихъ книгъ на татарскій языкъ въ Казанской крещено-татарской школѣ. <i>Н. И. Ильминскаго</i>	105
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) гимназій, в) женскихъ училищъ и г) низшихъ училищъ	16 и 122
Иностранная учебная хроника. (Химическія лабораторіи въ Берлинѣ и Лейпцигѣ). <i>П. П. Алексеева</i>	88
Италія	100
Объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній	—
Краткій отчетъ о дѣятельности института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи за 1870 годъ	103
О результатахъ повѣрочныхъ испытаній въ С.-Петербургскомъ университетѣ	115
† Педагогическій съѣздъ сельскихъ учителей Архангельской губерніи въ 1870 году	197
‡ Педагогическій съѣздъ сельскихъ учителей Александровскаго уѣзда III-го участка въ 1869 году. <i>Н. А. Корфа</i>	201
• Извлеченіе изъ отчета барона Н. А. Корфа о школахъ III-го участка Александровскаго уѣзда Екатеринбургской губерніи, за 18 ⁶⁹ / ₇₀ годъ	210
Указатель вновь вышедшихъ книгъ на русскомъ языкѣ	I

Редакторъ **А. Георгиевскій.**

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Сост. *Θ. Буслаевъ*. Москва. 1869.— Опытъ учебника русскаго синтаксита. Сост. *В. Кеневичъ*. 2-е исправл. изданіе. С.-Пб. 1868.— Практическая Славянская грамматика съ примѣрами и упражненіями на правила древне-славянскаго языка, новаго церковнаго и древне-русскаго лѣтописнаго. Сост. *В. Водовозовъ*. С.-Пб. 1868.— Русская грамматика практическая, теоретическая и историческая, составленная сообразно программамъ преподаванія ея въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно на основаніи исторической грамматики г. профессора Буслаева, для учащихся, *Окт. Мильчевскимъ*. Москва. 1870.— Отечественное слово. Руководство къ первоначальному чтенію и письму. Первый годъ. Сост. *Мессель*. Аренбургъ. 1868.— Произношеніе, правописаніе и о буквѣ ѣ. Его же. Аренбургъ. 1869.— Литературные гости въ Россіи. Его же. Дерптъ. 1867.— Теорія поэзіи (для среднихъ учебныхъ заведеній) съ прибавленіемъ терминологическаго словаря словесности. *М. Колосова*. Одесса. 1870.— Русская христоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Сост. *Θ. Буслаевъ*. 1870.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. Краткій отчетъ о дѣятельности института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи за 1870 годъ.
2. О результатахъ повѣрочныхъ испытаній въ С.-Петербургскомъ университетѣ.
2. Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) гимназій, в) женскихъ училищъ и г) низшихъ училищъ.
4. Педагогическій съѣздъ сельскихъ учителей Архангельской губерніи въ 1870 году.
5. Педагогическій съѣздъ сельскихъ учителей Александровскаго уѣзда III-го участка въ 1869 году. Барона Н. А. Корфа.
6. Извлеченіе изъ отчета барона Н. А. Корфа о школахъ III-го участка Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи за 18^{60/70} годъ.

Редакторъ **А. Георгиевскій**.

(Вышла 22-го декабря).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогійи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (по Итальянской улицѣ, домъ Алонкина, № 22) ежедневно до 11 часовъ утра, а по четвергамъ сверхъ того отъ 3 до 5 часовъ по полудни. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ, начиная съ 1870 года, двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ концѣ каждаго мѣсяца.